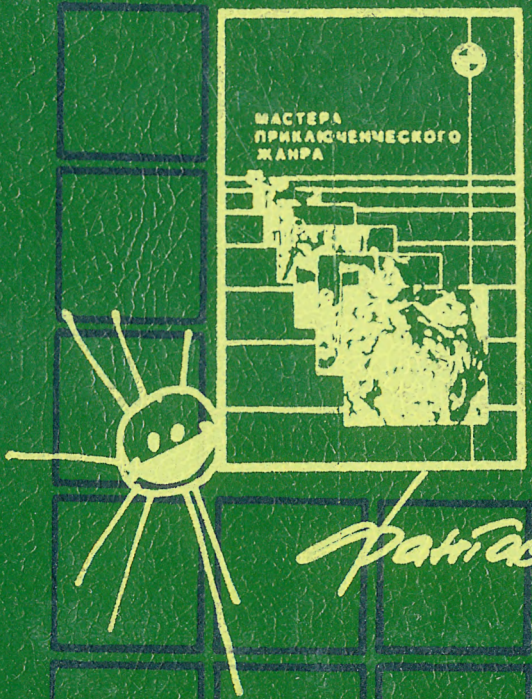
Э. Р. БЕРРОУЗ

2

Фантастика

МАСТЕРА
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
ЖАНРА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

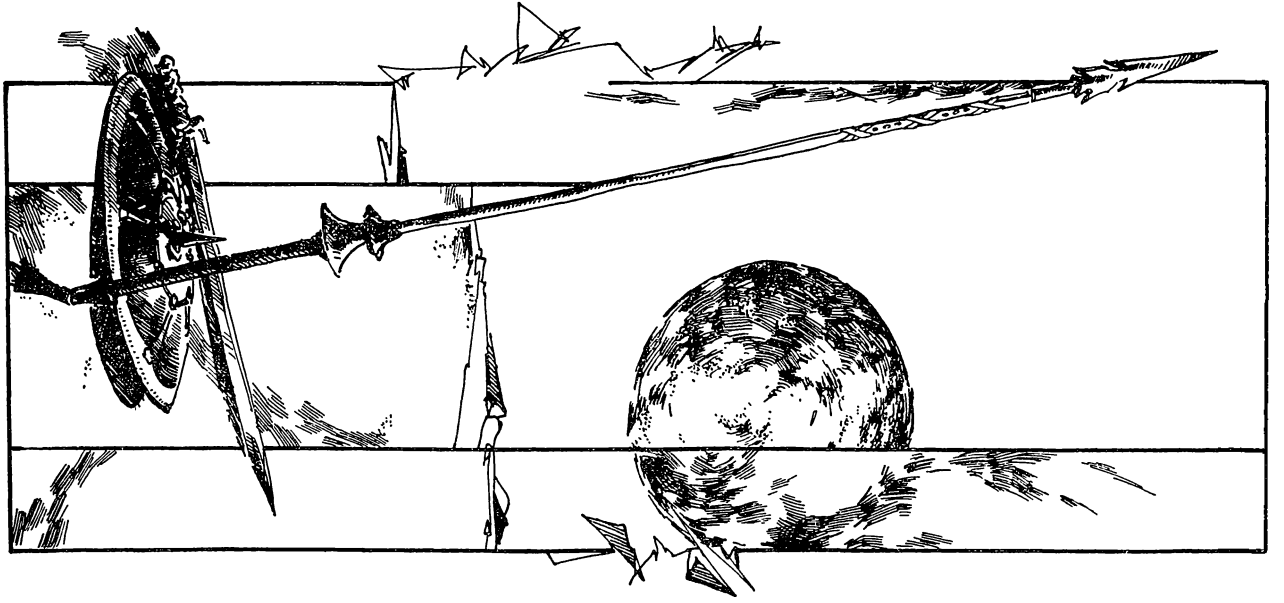
'92

ФМБ

«ПИРАЛ»

ИКА

«ТАЙМ-АУТ»

СЕРИЯ: «МАСТЕРА ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО ЖАНРА»
Э.Р БЕРРОУЗ
РОМАНЫ
МАРСИАНСКИЕ ИСТОРИИ
ФАНТАСТИКА

ББК 84.7 США
Б

© Издательско-коммерческое агенство
"ТАЙМ-АУТ", корпорация "НЕВА-СИТИ",
ФМБ "ПИРАЛ", 1992.

ISBN 5-85990-030-9

© Художественное оформление, С. До, 1992.

ТУВИЯ, ДЕВА МАРСА

I. ОСКОРБЛЕНИЕ

На массивной скамье из полированного эрепта, под пышными цветами гигантской пималии сидела женщина. Красивой формы, обутая в сандалию нога ее нетерпеливо постукивала по усыпанной драгоценными камнями тропинке, которая вилась между величественными деревьями сорапуса через алые газоны королевских садов Туван Дина, джеддака Птарса, в то время как темноволосый краснокожий воин, склонившись над ней, шептал ей пылкие слова признаний.

- О, Тувия Птарсы! - воскликнул он. - Ты остаешься холодной даже к пылким порывам моей любви! Не тверже, чем твое сердце, не холоднее даже твердый холодный эрепт этой трижды счастливой скамьи, на которой сидишь ты, божественная и неувядаемая. Скажи мне, о, Тувия Птарсы, что я могу еще надеяться, хотя ты не любишь меня сейчас, настанет день, моя принцесса, я...

Девушка вскочила со скамьи с восклицанием удивления и негодования. Гладкая головка надменно поднялась над гладкими красными плечами. Ее глаза гневно смотрели в глаза мужчины.

- Ты забываешься и пренебрегаешь обычаями Барсума, Астак, - сказала она. - Я не давала тебе никакого повода обращаться так к дочери Туван Дина, и ты не завоевал такого права.

Мужчина внезапно наклонился вперед и схватил ее за руку.

- Ты будешь моей принцессой! - воскликнул он. - Ты будешь! Никто и ничто не помешает осуществить желание моего сердца. Скажи мне, что есть другой, и я вырву его подлое сердце и брошу его диким калотам на дно высохшего моря!

От прикосновения мужской руки девушка побледнела, так как женщины королевского двора на Марсе считаются почти неприкосновенными.

Поступок Астока, принца Дузара, был осквернением этого обычая. В глазах Тувии из Птарса не было ужаса - только страх за последствия этого поступка.

- Оставь меня! - голос ее был спокойно-безразличным. Мужчина невнятно пробормотал что-то и резко привлек ее к себе.

- Оставь меня! - повторила она резко. - Иначе я позову стражу, а принц из Дузара знает, что это означает для него.

Он быстро обнял ее за плечи правой рукой с намерением поцеловать. Вскрикнув, она ударила его прямо в лицо массивными браслетами, обвивающими ее свободную руку.

- Калот! - воскликнула она. - Стража! Спешите на защиту принцессы Птарса!

В ответ на ее призыв дюжина воинов кинулась, обгоняя друг друга, через алый газон, сверкая на солнце обнаженными мечами. Металл их снаряжения бряцал по кожаным доспехам, и зрелище насилия над принцессой исторгало у них крики мести и возмущения.

Но не пробежали они еще и половину пути через королевский сад, где Асток из Дузара все еще держал в своих объятиях сопротивляющуюся девушку, как другая фигура выпрыгнула из плотной листвы кустов, наполовину скрывавших золотой фонтан. Это был высокий стройный юноша с черными волосами и проницательными серыми глазами, широкий в плечах и узкий в бедрах, сильный воин. Его кожа имела лишь легкий медный оттенок, отличающий красных людей Марса от других рас, заселяющих умирающую планету - он был похож на них, и все же существовала еле уловимая разница, и это было нечто большее, чем светлый цвет кожи и серые глаза.

Была разница в его движениях. Он двигался большими прыжками, и скорость движения воинов была ничтожна в сравнении со скоростью этого человека.

Асток все еще сжимал Тувию за талию, когда молодой человек предстал перед ним. Пришелец не терял времени зря, он произнес лишь одно слово: "Калот!", - и его сжатый кулак опустился на подбородок противника, подняв его высоко в воздух и отбросив в самый центр цветущего куста пималии у скамейки из эрепта.

Защитник обернулся к девушке.

- Каор, Тувия из Птарса! - воскликнул он. - Кажется, судьба вовремя принесла меня сюда.

- Каор, Карторис из Гелиума, - ответила девушка на приветствие молодого человека, - что же еще можно ожидать от сына такого отца?

Он поклонился в знак признательности за похвалу, адресованную его отцу, Джону Картеру, военачальнику Марса. В этот момент к ним приблизилась запыхавшаяся стража, а принц из Дузара, у которого изо рта шла кровь, выполз из кустов пималии. Меч его валялся в стороне.

Асток бросился бы в смертный бой с сыном Деи Торис, но присутствие воинов удержало его, хотя было вполне очевидно, что ничто бы так не устроило и Карториса из Гелиума.

- Скажи только слово, Тувия из Птарса, - просил он, - и ничто не доставит мне большего удовольствия, чем наказание этого юноши, как он этого заслуживает.

- Этого не должно случиться, Карторис, - ответила Тувия. - Даже хотя он и потерял право на мое уважение, он все же гость джеддака, моего отца, и только ему одному он может ответить за непростительный поступок, который совершил.

- Пусть будет так, как ты скажешь, Тувия, - ответил гелиумец. - Но после этого Асток должен будет объясниться и с Карторисом, принцем Гелиума, так как он нанес публичное оскорбление дочери друга моего отца. - Когда он произносил эти слова, в глазах его горел огонь, который объяснял причину его заступничества за славную дочь Барсума.

Лицо девушки потемнело под шелковистой и прозрачной кожей, и глаза Астока, принца Дузара, блеснули злобой, когда он понял все, что осталось недосказанным между этими двумя людьми в королевских садах джеддака.

- Ты мне заплатишь за это, - резко произнес он, обращаясь к Карторису в ответ на его вызов.

Стража все еще окружала Астока.

Молодой человек, стоявший во главе караула, был в затруднительном положении. Арестованный был сыном могущественного джеддака, он был почетным гостем Туван Дина - почетным гостем, которому оказывались все королевские почести. Арестовать его - означало ничто иное, как начало войны; и все же он совершил такое преступление, что в глазах воинов Птарса заслуживал смерти.

Молодой офицер колебался. Он посмотрел на свою принцессу. Она тоже пыталась оценить все, что зависело от настоящего момента. Многие годы Дузар и Птарс жили в мире. Их большие торговые корабли совершали рейсы между крупными городами этих наций. Даже сейчас высоко над золотым куполом дворца джеддака девушка могла видеть огромное тело воздушного корабля, совершившего свой величественный путь по воздуху Барсума от Дузара к Птарсу.

Одно только ее слово могло втянуть эти две могущественные нации в кровавое столкновение, которое лишит эти нации многих храбрых сердец и неисчислимых богатств, оставив бессильными перед набегами их завистливых и менее могущественных соседей, и в конце концов они станут добычей свирепых зеленых орд, пришедших со дна высохших морей.

Не страх повлиял на ее решение, так как страх неведом детям Марса. Это было скорее чувство ответственности, которое дочь джеддака несла за благополучие своего народа.

- Я звала тебя, Кавдор, обратилась она к лейтенанту охраны, чтобы ты защитил свою принцессу и сохранил мир, который не должен быть нарушен в королевских садах джеддака. Это все. Ты будешь сопровождать меня во дворец, принц Карторис последует за нами.

Не взглянув на Астока и взяв предложенную Карторисом руку, она медленно направилась к массивному мраморному зданию, в котором размещался правитель Птарса и его блестящий двор. По обе стороны маршировала колонна стражи. Таким образом, Тувия из Птарса нашла выход из затруднительного положения, избегая необходимости заключить гостя своего отца под стражу, и в то же время разделяя двух принцев, готовых вцепиться друг другу в горло, оставь она их вдвоем.

У пималии стоял Асток, его темные глаза под сдвинутыми бровями сузились от ненависти, когда он наблюдал за удаляющимися фигурами женщины, вызывавшей в нем неистовую страсть, и мужчины, который, как он понял теперь, и был преградой между его любовью и ее удовлетворением.

Когда они исчезли в здании, Асток пожал плечами и, бормоча проклятия, направился через сад к другому крылу здания, где он размещался со своей свитой.

В этот вечер Асток попрощался с Туван Дином, и, хотя никто не обмолвился о случившемся в саду, нетрудно было понять по холодной маске учтивости на лице джеддака, что только обычаи королевского гостеприимства удерживают его от выражения презрения, которое он испытывал к принцу Дузара.

Ни Карторис, ни Тувия не присутствовали на церемонии прощания. Натянуто и формально исполнялись все требования придворного этикета, и когда последний член свиты принца Дузара перебрался через поручни боевого корабля, принесшего их во владения Птарса, и мощная машина разрушения медленно поднялась с посадочной площадки, чувство облегчения прозвучало в голосе Туван Дина, когда он повернулся к одному из офицеров со словами объяснения поступка этого чужестранца, который не выходил у всех из головы уже несколько часов. Но был ли он чужестранцем?

- Сообщите принцу Совану наше желание вернуть флот, отправившийся в Каол этим утром для путешествия на запад от Птарса.

Когда военный корабль, на борту которого Асток возвращался во дворец своего отца, повернул на запад,Тувия из Птарса, сидящая на той же скамейке, где принц Дузара оскорбил ее, наблюдала за мерцающими огнями удаляющегося корабля. Около нее в блистающем свете ближайшей луны сидел Карторис. Его глаза были устремлены не на корпус еле видимого вдали корабля, а на профиль поднятого вверх лица девушки.

- Тувия, - произнес он.

Девушка перевела свой взгляд на него. Он протянул свою руку в надежде завладеть ее рукой, но она легко отстранила его.

- Тувия из Птарса! Я люблю тебя! - воскликнул молодой воин. - Скажи мне, что мои слова тебя не оскорбляют.

Она печально покачала головой.

- Любовь Карториса из Гелиума, - сказала она просто, - может быть только честью для любой из женщин, но ты не должен говорить этого, мой друг, ты не должен награждать меня тем, за что я не могу отплатить.

Молодой человек медленно поднялся. Его глаза широко раскрылись от удивления. Принцу Гелиума никогда не приходило в голову, что Тувия из Птарса может любить другого.

- Но в Кадабре и позже, здесь во дворце твоего отца, что ты сделала, Тувия, чтобы дать мне понять, что ты не можешь ответить на мою любовь? - воскликнул он.

- А что я сделала, Карторис из Гелиума, - произнесла она в ответ, - что я сделала, что заставила тебя поверить в мою любовь?

Он замер на мгновение в раздумии, затем тряхнул головой.

- Ничего, Тувия, это правда, и все же я мог поклясться, что ты любишь меня. По крайней мере, ты хорошо знала, что моя любовь к тебе близка к преклонению.

- Но как я могла догадаться об этом, Карторис? - спросила она простодушно. - Ты мне когда-нибудь говорил об этом? С твоих уст слетали ли хоть раз признания в любви?

- Но ты должна была знать об этом! - воскликнул он. - В сердечных делах я так глуп, как и мой отец: я не знаю, как обращаться с женщиной; и все драгоценные камни, разбросанные по дорожкам королевского сада, деревья, цветы, газоны - все видело любовь, наполнявшую мое сердце с той минуты, когда я впервые увидел твое прекрасное лицо и совершенные формы, и как ты могла остаться слепой к моей любви?

- А разве в Гелиуме девушки ухаживают за молодыми людьми? - спросила Тувия.

- Ты смеешься надо мной? - воскликнул Карторис. - Скажи, что ты смеешься надо мной, и что ты все же любишь меня, Тувия!

- Я не могу сказать тебе этого, Карторис, так как я обещана другому.

Она говорила ровным голосом, но кто может поручиться, что в нем не прозвучала безграничная печаль? Кто может сказать это?

- Обещана другому? - с трудом произнес Карторис. Его лицо стало почти белым, но затем он поднял голову, как и подобает тому, в чьих жилах течет кровь повелителя мира.

- Карторис из Гелиума желает тебе счастья с человеком, которого ты избрала, - сказал он. - С ... и он замолчал в ожидании, когда она произнесет имя.

- Кулан Тит, джеддак Каола, - ответила она.

- Друг моего отца и самый могущественный союзник Птарса.

Молодой человек посмотрел на нее внимательно, прежде чем заговорить опять.

- Ты любишь его? - спросил он.

- Я обещала ему, - просто ответила она. Молодой человек больше ни на чем не настаивал.

- Он один из самых знатных людей Барсума и могущественный воин, - задумчиво произнес Карторис. - Друг моего отца и мой - если бы это был кто другой? - пробормотал он почти свирепо.

Что думала девушка, было скрыто от Карториса, и только легкая тень печали за Карториса или за себя, а может, и за обоих вместе не исчезала с ее лица.

Карторис из Гелиума не спрашивал, хотя он и заметил это выражение. Он поднес к губам покрытый бриллиантами край великолепной одежды девушки.

- Счастье и слава Кулан Титу и бесценному бриллианту, который был дарован ему судьбой, - сказал он, и хотя голос его был хриплым, в нем звучала искренность. - Я сказал что люблю тебя, Тувия, до того как узнал, что ты обещана другому. Я не могу повторить тебе это, но, к счастью, ты знаешь это, так что в нем нет оскорбления ни для тебя, ни для Туван Дина, ни для меня. Моя любовь такова, что может распространиться и на Кулан Тита, если ты любишь его, - в последних словах его прозвучал вопрос.

- Я обещала ему, - ответила она.

Карторис медленно повернулся. Одну руку он положил на сердце, другую на эфес своей длинной шпаги.

- Они принадлежат тебе всегда, - сказал он.

Через мгновение он уже вошел во дворец и скрылся из виду.

Если бы Карторис обернулся, он увидел бы ее стоящей на коленях у скамьи из эрепта. Лицо свое она спрятала в ладонях. Плакала ли она - некому было проверить это.

Карторис из Гелиума в этот же день вошел в зал друга своего отца без предупреждения. Он прилетел один на маленьком быстроходном аппарате, уверенный в том, что найдет обычное гостеприимство, как его всегда встречали в Птарсе. Но поскольку не соблюдались формальности при прибытии, не соблюдались они и при входе во дворец.

Туван Дину он объяснил, что испытывает новое свое изобретение, которым был оборудован его летательный аппарат - хитроумное улучшение обычного марсианского воздушного компаса, который, будучи направлен на определенное место назначения, будет вести корабль точно по указанному курсу, при этом необходимо только держать нос корабля всегда в направлении, которое указывает стрелка компаса, для того, чтобы достичь любой заданной точки на Барсуме в кратчайший срок и по кратчайшему маршруту.

Изобретение Карториса состояло из дополнительного прибора, направляющего судно по компасу, и, по прибытию в точку, на которую был направлен компас, останавливающего и снижающего судно также автоматически на землю.

- Ты без труда оценишь преимущества этого изобретения. - сказал он Туван Дину, который сопровождал его на посадочную площадку на крыше дворца с целью посмотреть работу компаса и попрощаться с молодым другом.

Дюжина офицеров с несколькими слугами личной охраны собрались около джеддака и его гостя - нетерпеливые слушатели разговора; один из слуг был настолько нетерпелив, что его господин дважды делал ему выговор за то, что тот пытался прикоснуться к сложному механизму чудесного компаса, контролирующего направление.

- Например, - продолжал Карторис, - мне предстоит путешествие на всю ночь, как сегодня. Я устанавливаю указатель на правом циферблате, который контролирует восточное полушарие Барсума, таким образом, чтобы это соответствовало точной долготе и широте нужной точки. Затем я завожу двигатель, заворачиваюсь в шелка и меха и, с зажженными огнями лечу по направлению к Гелиуму, уверенный, что в назначенный час я совершу мягкую посадку на площадке своего собственного дворца, независимо от того, буду ли я в это время спать или нет.

- При условии, что ты не столкнешься с таким же ночным путешественником, - вставил Туван Дин.

Карторис улыбнулся.

- Это не представляет никакой опасности, - ответил он. - Посмотри сюда, - и он указал на прибор по правую сторону от "компаса направления" - это мой "указатель преград", - так я его назвал. Прибор, который вы видите, поднимает и опускает корабль, он снабжен приводом к приборам и рычагам управления.

- Прибор очень прост, это ничто иное, как генератор, работающий на радии и распространяющий радиоактивность во всех направлениях на расстояние в сотни ярдов от летящего судна. Если же эта окружающая судно оболочка из волн прерывается в каком-либо направлении, чувствительный датчик немедленно улавливает нарушение, передавая в то же время сигналы магнитному прибору, который, в свою очередь, приводит в действие механизм управления, отклоняющий корабль от преграды до тех пор, пока радиоактивная сфера корабля не уходит от соприкосновения с преградой, затем корабль ложится на свой курс. В том случае, если нарушение произойдет сзади, например, при подходе быстро движущегося корабля, механизм приводит в действие прибор скорости и одновременно аппарат управления, и судно набирает скорость и при этом снижается или поднимается в зависимости от того выше или ниже проходит курс движущегося за ним летательного аппарата.

В особо трудных случаях, когда встречается не одна, а много преград, или же если необходимо отклонить корабль от прямого направления больше, чем на 45 градусов в любом направлении, или же корабль достиг места назначения и находится в сотне ярдов от земли, механизм останавливает корабль и, в то же время дает громкий сигнал тревоги, который непременно разбудит пилота. Ты видишь, я предусмотрел все возможные случайности.

- Все, за исключением одной вещи, - сказал слуга.

Знатные люди Барсума удивленно посмотрели на него, и один из них довольно резко схватил парня за плечо с намерением вернуть его на свое место. Карторис поднял руку.

- Подождите, - сказал он. - Давайте послушаем, что скажет этот человек, ни одно из существующих творений смертных не совершенно. Возможно, он заметил недостаток, который можно устранить сейчас же. Подойдите сюда, друг мой, и скажите, какие еще непредвиденные обстоятельства я не учел?

В то время, как он говорил, он внимательно рассматривал слугу. Он увидел симпатичного человека крепкого телосложения, как и все красные люди Барсума, но губы юноши были тонкими и выдавали жестокость, через щеку от правого виска до уголка рта проходил едва заметный белый шрам от удара саблей.

- Подойди сюда и говори! - приказал принц Гелиума.

Человек стоял в нерешительности. Было очевидно, что он сожалел о своей смелости, сделавшей его центром всеобщего внимания. Но, наконец, не видя другого выхода, он заговорил.

- Прибор может быть испорчен врагами, - произнес он.

Карторис достал маленький ключик из кожаной сумки.

- Посмотри на это, - сказал он и протянул его человеку. - Если ты понимаешь что-нибудь в замках, то поймешь, что механизм, открываемый этим ключом, не доступен даже самому хитрому мастеру. Он охраняет жизненно важные части аппарата от постороннего вмешательства. Без него врагу надо наполовину разрушить прибор, чтобы достичь его сердца, но тогда его работа будет заметна даже случайному наблюдателю.

Слуга взял ключ, внимательно посмотрел на него, а когда возвращал его, то уронил на мраморные плиты. В его поисках он наступил на блестящий ключ. На мгновение он перенес весь свой вес на ту ногу, что закрывала ключ, затем отступил с возгласом радости, наклонившись, поднял его и вернул Карторису. Затем он отступил назад за знатных барсумцев, и был вскоре забыт.

Через некоторое время Карторис попрощался с Туван Дином и его свитой, и мерцающие огни его корабля поднялись в пустоту звездной марсианской ночи.

II. РАБСТВО

Когда правитель Птарса, сопровождаемый своими придворными, спустился с посадочной площадки, находившейся на крыше дворца, слуги разошлись по своим комнатам, расположенным за комнатами придворных; но один из них замешкался. Наклонившись, он быстрым движением снял с правой ноги сандалий и украдкой опустил его в сумку.

Когда группа придворных спустилась в нижние коридоры, и джеддак подал знак всем разойтись, никто не заметил, что среди слуг не было того парня, который вызвал к себе такой интерес перед отъездом принца Гелиума.

Никто не подумал поинтересоваться, к чьей свите он принадлежит, так как у марсианских знатных людей много слуг, приходящих и уходящих по прихоти хозяина, поэтому новое лицо мало у кого вызвало интерес, и уж тот факт, что человек попал в стены дворца, является доказательством его преданности джеддаку и не подлежит сомнению. На Барсуме подвергается суровому экзамену каждый, кто желает служить придворным.

Это хорошее правило, и исключение делается только из-за этикета по отношению к придворным какой-нибудь особы из дружественной иностранной державы.

Поздним утром следующего дня слуга большого роста в одеянии придворного дома великого Птарса прошел в город через дворцовые ворота. Он шагал довольно быстро сначала по одной широкой улице, затем по другой до тех пор, пока не миновал района, населенного знатью и не достиг района, в котором располагались магазины. Здесь он разыскал претенциозное здание, поднимавшееся как шпиль к небесам: стены его были украшены тонкой резьбой и сложной мозаикой.

Это был Дворец Мира, в котором размещались представители иностранных держав, или же их посольства; министры же обитали в великолепных дворцах в районе, занимаемом знатью.

Человек отыскал посольство Дузара. Как только он вошел, служащий вопросительно приподнялся и, глядя на пришедшего, потребовал какие-нибудь документы. Посетитель снял простой металлический браслет, находившийся выше локтя, и, указывая на надпись на его внутренней стороне, прошептал несколько слов служащему.

Глаза последнего удивленно расширились, и его отношение к пришельцу мгновенно изменилось. Указав незнакомцу место для отдыха, он поспешил во внутренние комнаты с браслетом в руках. Минутой позже он появился вновь и проводил чужестранца к министру.

Долгое время они совещались наедине, и когда, наконец, незнакомец высокого роста появился из внутренних апартаментов, на лице его появилась улыбка зловещего удовлетворения. Из Дворца Мира он поспешил прямо во дворец министра Дузара.

Этой ночью два быстроходных корабля покинули площадку этого дворца. Один из них полным ходом направился в Гелиум, другой...

Тувия из Птарса бродила по садам своего отца: это была ее обычная, хорошо известная привычка перед тем, как пойти спать. Она была закутана в шелка и меха, так как после быстрого захода солнца воздух на Марсе становился холодным.

Мысли девушки были поглощены предстоящей свадьбой, после которой она сделается императрицей Каола, и молодым принцем Гелиума, недавно сложившим свое сердце к ее ногам, и было трудно сказать - раскаянием или жалостью омрачалось ее лицо, когда она смотрела на юг, где она видела огни скрывшегося прошлой ночью корабля.

Трудно было предположить и о чувствах, охвативших ее, когда она различила огни корабля, как будто приводимого в движение силой ее воображения.

Она видела, как корабль сделал круг низко над дворцом, и поняла, что он снижается, готовясь к посадке.

Немного времени спустя мощные лучи его прожектора внезапно вспыхнули на носу. Они осветили посадочную площадку, на короткое время обнаруживая фигуры охранников, превращая драгоценные камни их великолепной одежды в светящиеся огненные точки. Затем ярко горящий глаз пронесся по блестящим куполам и изящным минаретам, скользнул вниз по двору и паркам и остановился на скамье из эрепта, и девушке, стоящей около нее, с лицом, поднятым вверх, к кораблю.

На короткий миг прожектор остановился на Тувии из Птарса, затем он погас так же внезапно, как и загорелся. Корабль пролетел над ней, чтобы опять появиться над рощей величественных деревьев, растущих в дворцовом саду.

Девушка некоторое время стояла все в той же позе, только голова ее была склонена, и ее глаза были опущены вниз в раздумье.

Кто, как не Карторис, мог это быть? Она старалась вызвать в себе гнев к тому, что он вернулся и следил за ней, но для нее оказалось трудным рассердиться на принца из Гелиума.

Что за сумасшедшая причуда заставила его нарушить этикет наций?

И из-за менее серьезных причин между великими державами разгорались войны.

Принцесса была возмущена и разгневана, но что касается девушки?...

А охрана, что же она? Очевидно, стражники были настолько удивлены беспрецедентными действиями пришельцев, что даже не окликнули их; но то что действия эти не пройдут безнаказанно, было понятно по шуму моторов на посадочной площадке и быстрому подъему в воздух длинной патрульной лодки.

Тувия видела, как она устремилась на восток. Но не только Тувия, за кораблем следили много пар глаз.

В густой тени деревьев скила на пустынной аллее под широко раскинувшейся листвой висел в нескольких футах над землей корабль. С его палубы острые глаза наблюдали за шарившим прожектором патрульной лодки. Ни один огонек не светился на скрывавшемся в тени воздушном нарушителе. На борту его царила гробовая тишина. Его экипаж, состоящий из полдюжины красных воинов, следил за огнями патрульной лодки, уменьшавшимися вдали.

- Да поможет нам ум наших предков, - произнес один из команды низким голосом.

- Ни один план не был задуман лучше, - ответил другой. - Они сделали все точно так, как предсказал принц.

Тот, который говорил, повернулся к человеку, сидевшему на корточках перед пультом управления.

- Пора! - прошептал он. За этим не последовало другого приказа. Каждый человек, находящийся на борту, был явно хорошо подготовлен к исполнению всех мелочей ночной работы. Бесшумно зловещий корпус корабля продвигался среди мрачных молчаливых деревьев.

Тувия из Птарса, устремив взгляд на восток, увидела резко очерченное пятно на темном фоне деревьев, в то время, как корабль перелетал через стену сада. Она видела нечеткий силуэт, несколько наклоненный вниз к красным газонам сада.

Она знала, что люди эти прибыли с нечестными намерениями, и все же не закричала громко, чтобы поднять тревогу среди расположенных близ стражников, не попыталась и скрыться в более безопасное место. Почему же?

Я представляю, как она пожимает своими красивыми плечами и произносит в ответ, как произнесла бы старая женщина традиционный ответ: "Потому что..."

Едва корабль коснулся земли, как четыре человека спрыгнули с его палубы. Они побежали в направлении девушки.

И даже это не заставило ее поднять тревогу, она стояла, как загипнотизированная. Или же она ждала желанного гостя?

Она не пошевельнулась, пока не подошли к ней совсем близко. Затем ближняя луна поднялась из-за окружающей листвы, коснулась их лиц, освещая своими серебряными лучами.

Тувия из Птарса увидела незнакомого человека в форме Дузара. Теперь она испугалась, но, увы, слишком поздно!

Не успела Тувия и вскрикнуть, как грубые и сильные руки схватили ее. Тяжелый шелковый шарф обвил ее голову. Ее подняли и перенесли на палубу.

В южном направлении к Гелиуму пронеслось еще одно судно. В его кабине высокий стройный человек склонился над мягкой подошвой перевернутого сандалия. Тонкими инструментами он измерил слабый отпечаток маленького предмета, на подошве перед ним вырисовывался ключ, и теперь он видел результаты своих измерений. Улыбка заиграла на его лице, когда он закончил свою работу и повернулся к человеку, ожидавшему на противоположной стороне стола.

- Этот человек-гений, - заметил он. - Только гений мог придумать такой замок, рассчитанный на автоматическое защелкивание. Вот, возьми набросок ключа, Ларон, и употреби все свое умение и мастерство, чтобы выполнить его из металла.

Воин-ремесленник поклонился.

Человек не может создать того, чего нельзя разрушить,-сказал он и покинул кабину, унося чертеж ключа.

С приходом рассвета над величественными башнями, обозначающими два города-близнеца Гелиума - алая башня одного и желтая башня его соседа - с севера показался корабль, медленно приближавшийся к Гелиуму.

На борту корабля были опознавательные знаки менее знатного и далеко расположенного города Гелиума. Медленное приближение корабля и уверенность, с которой он продвигался в направлении к городу, не вызывали подозрений у сонной стражи. Время их дежурства истекло, и они думали о приходе своей смены.

Мир царил над Гелиумом. У Гелиума не было врагов. Нечего и некого бояться. Не спеша ближний воздушный корабль патруля вяло направился к чужеземцу. На расстоянии хорошей слышимости офицер приветствовал вновь появившийся корабль. Бодрое "Кaор!" и внушающее доверие объяснение о том, что владелец прибыл из отдаленной части Гелиума для того, чтобы развлечься в веселом городе Гелиуме, удовлетворило стражу. Лодка воздушного патруля удалилась и легла на свой прежний курс. Незнакомец приблизился к общественной посадочной площадке. приземлился и приготовился отправиться на отдых.

В этот момент воин-ремесленник вошел в кабину.

- Все сделано, Рас Кор. - сказал он, протягивая маленький металлический ключ высокому знатному господину, поднявшемуся из шелков и мехов.

- Отлично! - воскликнул последний. - Ты, должно быть, работал над ним всю ночь, Ларон? - воин кивнул головой.

- А сейчас принеси мне металл Гелиума, который ты обработал несколько дней тому назад,- приказал Рас Кор.

Выполнив поручение, воин помог своему хозяину заменить красивый блестящий металл на его одежде на более простой орнамент рядового воина Гелиума, и, разумеется,различия и цвета этого судна. Рас Кор позавтракал. Затем он появился на воздушной пристани, вошел в лифт и быстро опустился на расположенную внизу улицу, где его скоро поглотила утренняя толпа рабочих, спешащих выполнять свои ежедневные обязанности.

В толпе его одежда была не более приметна, чем брюки на Бродвее. Все люди Марса-воины, за исключением тех, кто физически не в состоянии носить оружие. Торговец и его служащие звенят доспехами, занимаясь своей работой. Школьник, входящий в самостоятельную жизнь. вырываясь из белоснежной оболочки, окружавшей его в течение многих лет, почти зрелым человеком, знает мало о жизни, но, не имея меча на боку, он чувствует такое же неудобство, выезжая за пределы города невооруженным, какое чувствует любой мальчишка на земле, выйдя на улицу без штанов.

Путь Рас Кора лежал в Большой Гелиум, который находился в 75 милях от Малого Гелиума. Рас Кор приземлился в Малом Гелиуме, так как воздушный патруль здесь менее подозрителен и бдителен, чем патруль над столицей, где находится дворец самого джеддака.

В то время, как он двигался в толпе по глубокому ущелью, похожему на парк-главной артерии города-жизнь просыпающегося марсианского города открывалась перед ним. Дома, высоко поднятые на тонкие металлические колонны на ночь, мягко опускались на землю. Среди цветов на алых газонах, окружавших здания, играли дети, миловидные дамы смеялись и болтали со своими соседками, отбирая великолепные бутоны для своих ваз.

Приятное барсумское приветствие "Каор!" то и дело доносилось до ушей Рас Кора, когда друзья и соседи, просыпаясь, принимались за дела нового дня. Район, в который он стремился, состоял из жилых домов - здесь был жилой массив, в котором селились наиболее преуспевающие купцы. Везде бросались в глаза признаки благосостояния и даже роскоши. На крышах появлялись рабы с великолепными шелками и богатыми мехами, раскладывая их на солнце для проветривания. Украшенные драгоценностями женщины сидели, развалясь на резных балконах

перед своими спальнями. Позже они отправятся на крыши, когда рабы устроят им там ложа и установят шелковые балдахины, чтобы защитить женщин от солнца.

Звуки вдохновляющей музыки доносились из открытых окон: так жители Марса решили проблему болезненного перехода от состояния сна к пробуждению, что представляло такую трудность для женщин.

Над ними мчались легкие пассажирские суда, каждое своим курсом между многочисленными площадками внутренних пассажирских линий.

Посадочные площадки, расположенные выше, предназначены для больших международных пассажирских лайнеров. Грузовые суда имеют свои посадочные площадки, находящиеся на более низком уровне в паре сотен футов от земли; ни один из кораблей не осмелится опуститься или подняться с одного уровня на другой, за исключением определенных районов, где горизонтальное движение запрещено.

Вдоль коротко подстриженных газонов, покрывающих главную улицу, корабли бесконечным потоком двигались в обоих направлениях. Они большей частью неслись над поверхностью земли, легко поднимались ввысь в моменты обгона или на перекрестках, где суда, движущиеся в южном и северном направлениях, придерживаются правой стороны, а восточные и западные должны подниматься над ними.

Из частных ангаров, расположенных на многих крышах, корабли устремлялись к движущемуся потоку. Веселые слова прощания и последние предостережения смешивались с почти бесшумной работой моторов и приглушенными звуками города.

Однако, несмотря на нескончаемое движение бесчисленного множества кораблей, летящих в разные стороны, неоспоримым достоинством Гелиума являлась необыкновенная для такого большого города тишина.

Марсиане ненавидят резкий и неожиданный шум. Единственный громкий шум, который они могут перенести - это шум войны. Лязг оружия,столкновение двух могущественных и бесстрашных смельчаков в воздухе. Для них нет приятнее музыки боя.

На перекрестке двух широких проспектов Рас Кор спустился на одну из огромных воздушных станций города. Здесь он оплатил в маленьком окошке стоимость своей поездки парой овальных тусклых монет Гелиума.

Следом за привратником он подошел к медленно передвигающейся ленте, на которой располагались предметы, похожие, на взгляд землянина, на конусообразные снаряды какого-то гигантского орудия. Медленной процессией двигались они цепочкой по желобу. Полдюжины служащих помогали пассажирам войти в них или направляли эти своеобразные вагончики в нужном направлении.

Рас Кор приблизился к одному из них, который был свободен. На носу вагона находился циферблат и указатель. Пассажир установил указатель на определенную станцию в большом Гелиуме, поднял сводчатую крышку, вошел и лег на обитое чем-то мягким дно. Служащий закрыл крышку, которая захлопнулась с легким щелчком, и вагончик медленно продолжил свое движение.

Немного времени спустя вагон автоматически переходит на другую линию для того, чтобы через короткое время войти в систему подземных коридоров-труб.

В тот момент, когда весь он оказался в темном отверстии, он внезапно поднялся вверх и рванулся вперед со скоростью ружейной пули. Затем что-то засвистело, последовала легкая, хотя и неожиданная остановка-и вагончик появился у другой платформы, и другой служащий поднял люк. И Рас Кор вышел на станции, находящейся под большим Гелиумом в 75 милях от точки, в которой он лег в этот вагон.

Здесь он поднялся лифтом на уровень улицы и быстро вошел в ожидающее наземное судно. Он не сказал ни одного слова рабу, сидящему на месте водителя. Было очевидно, что его ждали, и что этот человек получил инструкции до его появления.

Едва Рас Кор занял свое место, как судно быстро устремилось в движущейся веренице других судов, избегая широкие и переполненные улицы и выбирая пустынные. Вскоре оживленный район остался позади, и они вошли в район маленьких магазинов, где корабль остановился перед входом в один из магазинов, на дверях которого висел знак торговца иностранными шелками.

Рас Кор вошел в комнату с низким потолком, человек в дальнем углу жестом указал ему на внутренние апартаменты, ничем больше не показывая, что знает Рас Кора, пока сам не вошел за вновь прибывшим и не закрыл дверь.

Затем он повернулся к гостю, почтительно его приветствуя:

- Знатнейший...- начал он, но Рас Кор жестом заставил его замолчать.

- Никаких формальностей,- сказал он. - Мы должны забыть, что я другой, и помнить что я твой раб. Все должно быть выполнено так же тщательно, как было задумано-мы не можем терять времени. нам следует уже находиться на пути к рынку рабов. Ты готов?

Купец кивнул головой и, повернувшись к большому сундуку, достал из него скромную одежду раба. Рас Кор немедленно одел ее. Затем оба вышли из магазина через заднюю дверь, пересекли аллею и оказались на проспекте, где и вошли в мобиль, ожидающий их.

Пятью минутами позже купец вел своего раба на общественный рынок, где огромная толпа людей заполнила обширную открытую площадку, в центре которой стоял помост для рабов.

Толпа стояла в этот день огромная, так как Карторис, принц Гелиума, должен был выступить, как основной покупатель.

Один за другим поднимались рабовладельцы на трибуну у возвышения для рабов, на котором стояла их собственность. Коротко и ясно каждый из них рассказывал о достоинствах тех рабов, которых он предлагал для продажи.

Когда все было закончено, управляющий принца вызвал на возвышение тех, кто ему понравился, и предложил цену.

Последовал короткий разговор о цене. Среди вновь вошедших на площадку был и Рас Кор. Его хозяин-купец согласился на первую же предложенную ему цену и, таким образом, знатное лицо Дузара стало членом дома Карториса.

III. ПРЕДАТЕЛЬСТВО

На следующий день после того, как Рас Кор оказался во дворце принца Гелиума, в городах-близнецах царило молчание, достигшее наивысшей точки во дворце Карториса. Пришла весть о похищении Тувии из Птарса из дворца ее отца, и как будто принц Гелиума подозревается в том, что он знает об этом событии и о том, где находится принцесса.

В зале для советов Джона Картера, полководца Марса, находились: Тардос Морс, джеддак Гелиума; Мор Каяк, его сын и джед малого Гелиума; Карторис и десять самых великих и знатных людей страны.

- Между Птарсом и Гелиумом не должно быть войны, сын мой, - сказал Джон Картер. - Твою непричастность к делу, в котором тебя обвиняют, основываясь на слухах, мы хорошо знаем, но Туван Дин тоже должен это знать.

- Есть один человек, способный убедить его - это ты сам. Ты должен сейчас же спешить в Птарс и своим присутствием доказать Туван Дину, что подозрения безосновательны. Да поможет тебе авторитет военачальника Барсума и джеддака Гелиума получить в помощь все силы союзных государств, чтобы помочь Туван Дину найти свою дочь и наказать ее похитителей, кто бы они ни были. Иди! Я знаю, что тебя не надо заставлять спешить. Карторис покинул зал заседаний и поспешил к себе во дворец.

Здесь слуги были заняты приготовлением к отъезду их хозяина. Некоторые копались у быстроходного корабля, который должен был доставить принца Гелиума в Птарс.

Наконец, все было готово. Два вооруженных раба остались на страже. Заходящее солнце висело низко над головой, скоро все погрузится в темноту.

Один из стражников, громадный человек, правую щеку которого пересекал от виска ко рту тонкий шрам, приблизился к своему товарищу. Подойдя достаточно близко, он заговорил:

- Что за странный корабль? - спросил он.

Второй быстро повернулся, чтобы посмотреть в небо. Едва он повернулся спиной к великану, как короткий меч того погрузился под левую лопатку, прямо в сердце доверчивого воина.

Солдат без звука упал замертво. Убийца быстро оттащил труп в черную тень ангара. Затем он вернулся к кораблю.

Достав из кармана хитро сделанный ключ, он сдвинул крышку с правого циферблата компаса-контролера направления. Некоторое время он изучал конструкцию механизма. Затем он вернул циферблат на свое место, установил указатель и сдвинул его еще раз, чтобы заметить происшедшие изменения в расположении его частей. Улыбка пробежала по его губам.

Режущим инструментом он перерезал провод, протянувшийся к циферблату от наружного указателя - теперь последний можно было ставить на любое направление, но это не оказывало на механизм никакого действия, иными словами, циферблат для южного полушария был теперь бесполезен.

Далее он обратил внимание на восточный циферблат и установил его на определенную точку. Затем он сдвинул крышку и этого циферблата и острым инструментом перерезал металлический стержень, идущий с внутренней стороны указателя.

Быстро, как только было возможно, он установил на место крышку второго циферблата и занял свое место в карауле. На внешней стороне циферблата не было ничего заметно, но в действительности движение указателей не приводило в движение механизм, расположенный под ним, и прибор оставался неподвижен, установленный на место назначения, выбранное рабом.

Вскоре пришел Карторис, сопровождаемый группой придворных. Он бросил мимолетный взгляд на раба, стоящего в карауле. Тонкие жесткие губы и шрам, пересекавший щеку от виска ко рту, всколыхнули неприятные воспоминания в душе Карториса. Он удивился, где Саран Тал мог найти такого человека для охраны, но моментально забыл об этом, и уже в следующее мгновение принц Гелиума болтал и смеялся со своими провожатыми, хотя в душе его мучили опасения о тех случайностях, которые могут встретиться Тувии из Птарса, и о которых он ничего не мог знать и, тем более, предвидеть их.

Первой, естественно, к нему пришла мысль о том, что прекрасную деву Марса похитил Асток из Дузара, но почти одновременно с вестью о похищении принцессы до них дошла весть о больших празднествах в Дузаре, устроенных в честь возвращения сына джеддака ко двору своего отца.

"Это не мог быть Асток,- думал Карторис,- так как в ночь похищения Тувии Асток был в Дузаре, и все же это очень подозрительно".

Он взошел на корабль, обмениваясь случайными репликами с провожающими, открыл ключом механизм компаса и установил указатель на столицу Птарса.

Со словами прощания он нажал кнопку, контролирующую поступление отталкивающих лучей, и корабль легко поднялся в воздух, заработал мотор в ответ на его прикосновение ко второй кнопке, зашумели пропеллеры, и корабль Карториса, принца Гелиума, устремился в величественную марсианскую ночь под движущимися лунами и миллионами звезд.

Не успел корабль набрать скорость, как Карторис, завернувшись в шелка и меха, вытянулся во весь рост на палубе судна.

Но сон не шел к нему. Мысли его взбунтовались, отгоняя сон. Он воскрешал в памяти слова Тувии из Птарса, слова, наполовину уверившие его в ее любви, так как, когда он спросил, любит ли она Кулан Тита, Тувия лишь ответила, что обещана ему. Этот уклончивый ответ давал ему надежду, но какую - он сам еще не знал.

Теперь он понял, что ответ ее можно истолковать по-разному. Это, конечно, могло означать, что Тувия не любит Кулан Тита, а можно было предположить, что она любит другого.

Но кто мог гарантировать, что тем, другим, был Карторис из Гелиума?

Чем больше он думал об этом, тем более убеждался, что ни ее слова, ни ее поступок не давали ему уверенности в ее любви. Она любит другого! Ее не похитили - она бежала по своей воле вместе с любимым.

С такими "приятными" мыслями, наполняющими его то отчаянием, то жаждой мести, Карторис, наконец, погрузился в сон после полного умственного истощения и нервного потрясения.

Внезапный рассвет застал Карториса все еще спящим. Его судно бесшумно проносилось над бесплодной коричнево-желтой равниной - старому, как мир, дну давно уже мертвого марсианского моря.

Вдалеке поднимались невысокие холмы. Когда судно приближалось к холмам, с его палубы можно было увидеть большой мол, простиравшийся туда, где когда-то был могучий океан, и огораживающий обмелевшую гавань забытого города, который все еще тянется от пустынных набережных внушительной громадой чудесных архитектурных сооружений давно умершего прошлого.

Бесчисленные мрачные проемы окон, бессмысленные и одинокие, уставились невидящим взором из мраморных стен, и весь этот печальный город имел вид рассыпанных могильных холмов мертвых, отбеленных солнцем человеческих черепов - окна имели вид пустых глазниц, а порталы были похожи на оскаленные в усмешке пасти чудовищных животных.

Все ближе и ближе забытый город. Скорость корабля уменьшалась. Это был не Птарс!

Над центральной площадью судно затормозило и стало медленно опускаться на поверхность Марса. В сотне ярдов от поверхности оно остановилось, паря в сухом воздухе пустыни, и в это же мгновение сигнал тревоги прозвучал над ухом спящего.

Карторис вскочил на ноги. Под собой ожидал увидеть оживленную столицу Птарса. Около него должен был находиться воздушный патруль.

Он оглянулся вокруг в недоумении. Под ним действительно лежал большой город, но это был не Птарс. Не было видно взволнованной толпы на ее широких проспектах. Ни один живой

звук не нарушал мертвой тишины его пустынных крыш. Ни великолепные шелка, ни бесценные меха не придавали жизни холодному мрамору и блестящему эрепту.

Ни одной патрульной лодки не было поблизости, никто его не приветствовал. Молчаливый и безлюдный лежал перед ним большой город, таким же молчаливым и пустынным был и окружающий его воздух. Что же случилось?

Карторис проверил циферблат своего компаса. Циферблат был установлен на Птарс. Неужели его изобретение могло его так подвести? В это он ни за что не мог поверить!

Он быстро открыл крышку, откинув ее на петлях. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, в чем дело - стальной провод, соединяющий указатель на циферблате с механизмом под ним, был перерезан.

Кто мог сделать это и зачем?

Карторис не отважился сделать даже малейшего предположения. Теперь перед ним стояла задача: определить, в какой части планеты он находится, и затем возобновить прерванное путешествие.

Если целью какого-то врага было задержать его, то он преуспел в этом, думал Карторис, открывая крышку второго циферблата, так как первый указатель, как выяснилось, вообще не был установлен.

Под вторым циферблатом, как и под первым, он нашел перерезанный провод, но механизм управления вначале был установлен на точку в западном направлении.

Он грубо прикинул свое местонахождение: приблизительно, к юго-западу от Гелиума. Он находился на значительном расстоянии от городов-близнецов, когда женский крик заставил его вздрогнуть.

Перегнувшись через борт корабля, он увидел красную женщину, которую тащил через площадь громадный зеленый воин - один из тех свирепых и жестоких обитателей мертвого морского дна в пустынных городах умирающего Марса.

Карторис не медлил ни минуты. Дотронувшись до пульта управления, он послал свой корабль, как камень, к земле.

Зеленый человек спешил со своей ношей к огромному тоту, пасшемуся на ярко-красной великолепной площади, покрытой чахлой растительностью. В это же время дюжина красных воинов выскочила из входа, расположенного поблизости дворца, преследуя похитителя с обнаженными мечами и криками гнева.

Женщина подняла лицо вверх к падающему кораблю, и на короткий миг Карторис увидел лицо Тувии из Птарса.

IV. ПЛЕННИЦА ЗЕЛЕНОГО ЧЕЛОВЕКА

Когда дневной свет упал на палубу маленького корабля, куда принцессу Птарса перенесли из сада ее отца, Тувия увидела, что за ночь во внешнем облике ее похитителей произошли изменения.

Их доспехи не блестели, как блестят доспехи Дузара: вместо них воины были облачены в доспехи со знаками различия принца Гелиума.

Девушка вновь почувствовала надежду, но она не могла и подумать, что Карторис мог причинить ей неприятности.

Она заговорила с воином, сидящим на корточках перед пультом управления.

- Прошлой ночью на вас была форма воинов Дузара, - призналась она. - Сейчас- воинов Гелиума. Что это значит?

Человек посмотрел на нее с усмешкой.

- Принц Гелиума не глуп, - сказал он с усмешкой.

В этот момент из крошечной кабины появился офицер. Он сделал замечание воину за то, что тот разговаривает с пленницей, сам же он не ответил ни на один ее вопрос.

Никто не причинил ей вреда во время путешествия и, когда они, наконец, достигли места назначения, девушка по-прежнему не знала, кто ее похитители, и какая у них цель.

Но вот корабль медленно опустился на главную площадь одного из безмолвных памятников марсианского забытого прошлого- пустынного города, окруженного печальными, с редкой растительностью, бывшими морскими пространствами, по которым когда-то катились могучие волны, по поверхности которых двигались морские торговые суда людей, ушедших навсегда.

Для Тувии из Птарса такие места не были незнакомы. Во время ее путешествия в поисках реки Исс, когда она намеревалась совершить то, что многие века называлось последним, долгим паломничеством марсиан в долину Дор, где лежит мертвое озеро Корус, она сталкивалась несколько раз с этими печальными воспоминаниями величия и славы старого Барсума.

И опять, во время ее полета от соборов Холи Терис с Тарс Таркасом, джеддаком Тарка, она видела их таинственных обитателей- больших белых обезьян.

Она знала и то, что многие из покинутых городов используются кочевыми племенами зеленых людей, но что среди них не было города, которого не избегал бы красный человек, так как

все они без исключения находились среди обширных безводных пространств, неподходящих для продолжительного существования представителей преобладающей расы марсиан.

Зачем же им привозить ее в такое место? На этот вопрос был один ответ: такова природа их занятий, им нужно было уединение, которое и давал мертвый город. Девушка вздрогнула при мысли о своем положении.

Уже два дня люди, захватившие ее в плен, держали Тувию в огромном дворце, который, даже будучи разрушенным, отражал великолепие прошедших веков.

Перед рассветом на третий день она была разбужена голосами двух ее похитителей.

- Он должен быть здесь к рассвету, - говорил один, - держи ее в готовности на площади - иначе он никогда не приземлится. В тот момент, когда он поймет, что находится в чужой стране, он сразу же повернет назад - я думаю, что план принца слаб в этом месте.

- Не было другого выхода, - ответил другой.

- Это удивительное дело- оба будут здесь и, если даже нам не удастся заманить его на землю, мы и так многого достигнем.

В эту минуту говорящий поймал на себе взгляд Тувии, на короткий миг освещенный быстро движущимся лучом от ближней луны.

Поспешно он сделал знак своему собеседнику, прекратил разговор и, подойдя к девушке, жестом приказал ей встать. Затем он вывел ее в ночь к центру большой площади.

- Стой здесь, - приказал он, - до тех пор, пока мы не придем за тобой. Мы будем наблюдать и, если ты попытаешься бежать, тебе придется худо- хуже, чем если бы ты умерла. Таков приказ принца.

Затем он повернулся и направился обратно к дворцу, оставив ее одну посреди невидимых ужасов, в месте, посещаемом белыми обезьянами, так как эти места, по поверию марсиан, посещались обезьянами. Некоторые все еще держатся за старое суеверие, которое гласит, что духи Хола Терис- людей, умерших более тысячи лет назад- переходят в тела больших белых обезьян.

В положении Тувии была опасность нападения одного из этих свирепых человекоподобных животных. Она больше не верила в переселение таинственной души, как учили жрецы до того, как она была спасена из их лап Джоном Картером; но она

хорошо знала страшную судьбу, которая ожидала ее, заметь ее хоть одно из этих ужасных животных во время ее ночного пребывания на площади.

Но что это?

Конечно же, она не могла ошибиться! Кто-то тихонько зашевелился в тени одного из домов-монолитов, выстроившихся в ряд на проспекте в том месте напротив нее, где дом окнами выходил на площадь.

Тар Ван, джед в ордах Торкуза, медленно ехал к руинам древнего Аантора по мертвому морскому дну, покрытому бледной желто-коричневой растительностью.

Он долго скакал этой ночью, так как возвращался после разрушительного набега на инкубатор соседнего племени зеленых людей, которые были постоянно в состоянии войны с ордами Торкуза.

Его гигантский тот был еще не измучен, и все же было бы хорошо, - думал Тар Ван, - дать ему попастись на бледно-желтом мху, растущем здесь возле стен пустынного города, где почва богаче, чем на морском дне, и растения часто хорошо разрастаются под солнечными лучами безоблачного марсианского дня.

В крошечных корешках этого кажущегося сухим растения достаточно влаги для того, чтобы утолить потребность в воде громадных тел могучих тотов, которые могут существовать в течение месяца без воды и многие дни даже без того количества влаги, которое содержится в бледно-коричневом мху.

В то время, как Тар Ван бесшумно ехал по широкому проспекту, ведущему от набережных Аантора к большой центральной площади, его и тота можно было принять за привидение из мира снов, так нелепо выглядели человек и животное, так бесшумно шагал большой тот, ступая ногами без копыт по покрытому мхом тротуару древней мостовой.

Человек был замечательным представителем своей расы. Полных пятнадцать футов был его рост с головы до ног. Его лосняцаяся зеленая шкура блестела при свете луны. Луна освещала его доспехи, искрилась в драгоценных камнях тяжелого снаряжения, оттягивающего четыре его мускулистые руки, а загнутые вверх клыки торчали из нижней челюсти и мерцали бледно и угрожающе.

На боку его тота висело длинное ружье, действующее при помощи радия, и большое, обитое металлом копье, а на его боку, дополняя его амуницию, свисала длинная сабля, короткая сабля и другая мелкая амуниция.

Его выпуклые глаза и антенноподобные уши постоянно поворачивались в различных направлениях, так как Тар Ван был все еще в стране врагов, к тому же все время сохранялась угроза нападения больших белых обезьян, которые, как обыкновенно говорил Джон Картер, являются единственными созданиями, могущими даже вызвать в душе этих свирепых обитателей мертвых морей некоторую видимость страха.

Приблизившись к площади, он вдруг сдержал тота. Его тонкие цилиндрические уши были неподвижно направлены вперед. Он услышал необычный звук. Голоса! И там, откуда доносились голоса, за пределами видимости, тоже были враги Тар Вана. На большом Барсуме для свирепых обитателей Торкуза все были врагами.

Тар Ван спешился. Держась в тени больших зданий, выстроенных вдоль улицы Аантора, он приблизился к площади. Прямо позади него, как собака на поводке, шел серо-голубой тот, на его белый живот падала тень от туловища, его ярко-желтые ноги погружались в пышный мох.

В центре площади Тар Ван увидел фигуру красивой женщины. С ней разговаривал красный воин. Но вот человек повернулся и направился ко дворцу на противоположной стороне площади.

Тар Ван наблюдал, пока человек не скрылся. Вот пленница, которую стоит захватить! Редко попадала женщина среди бесчисленных врагов на землю зеленого человека. Тар Ван облизал свои тонкие губы.

Тувия из Птарса наблюдала за тенью на монолите в начале проспекта на противоположной стороне. Она надеялась, что это только плод ее воображения.

Но нет! Теперь ясно и четко Тувия видела, тень движется. Она вышла из-за укрытия колонны из эрепта.

Внезапно появившееся солнце осветило Тар Вана. Девушка вздрогнула: перед ней был огромный зеленый воин!

Он быстро прыгнул к ней. Девушка закричала и попыталась спастись бегством, но едва она повернулась в направлении дворца, как гигантская рука схватила ее руку. Тувия была в смятении, ее дотащили до огромного тота, медленно бредущего к площади, поросшей бледно-зеленым мхом.

В это мгновение она подняла лицо вверх, привлеченная шумом мотора, и увидела быстро приближающийся корабль, голова и плечи человека были в тени, и она не могла рассмотреть его черт.

Теперь позади нее раздавались крики ее красных похитителей. Они с бешеной скоростью неслись за человеком, укравшим у них то, что они уже окончательно присвоили и считали своим.

Как только Тар Ван достиг своего тота, он выхватил из чехла длинное ружье, заряженное радием и, обернувшись, выстрелил три раза в приближавшихся красных людей.

И таково умение этих марсианских дикарей стрелять, что три красных воина свалились замертво, когда три заряда разорвались у них во внутренностях. Остальные остановились, они не решались вести ответный огонь из боязни ранить девушку.

Затем Тар Ван забрался на спину своего тота, все еще держа Тувию в своих руках, и с диким криком торжества исчез в темном каньоне проспекта между мрачных дворцов забытого Аантора.

Корабль Карториса еще не спустился на землю, как он уже спрыгнул с его палубы, устремившись за быстроногим тотом, длинные ноги несли его по широкой улице со скоростью экспресса, но люди из Дузара, оставшиеся в живых, не допускали и мысли о том, чтобы упустить такого ценного пленника.

Они потеряли девушку. Трудно будет все это объяснить Астоку, но если они захватят принца Гелиума, они смогут ожидать снисходительности от своего хозяина.

Поэтому трое оставшихся в живых набросились на Карториса со своими длинными саблями, крича ему "Сдавайся", но с таким же успехом они могли кричать луне прекратить ее сумасшедший полет по барсумскому небу, так как Карторис из Гелиума был настоящим сыном военачальника Марса и его жены, несравненной Деи Торис.

Длинный меч Карториса был уже у него в руках, когда он спрыгнул с палубы корабля, и поэтому в тот момент, когда он почувствовал угрозу нападения со стороны трех красных воинов, он повернулся лицом к ним, встречая их бешеную атаку так, как это мог бы сделать сам Джон Картер.

Так быстр был его меч, так могучи и проворны его полуземные мускулы, что один из противников упал, окрашивая кровью бледно-коричневый мох, не успев сделать ни одного выпада в сторону Карториса.

Двое оставшихся в живых жителя Дузара одновременно бросились на принца из Гелиума. Три меча зазвенели и засверкали в солнечном свете, так что большие белые обезьяны, разбуженные ото сна, подползли к узким окнам мертвого города посмотреть на кровавую сцену.

Трижды касался Карториса меч противника, и красная кровь текла по лицу, ослепляя его и орошая широкую грудь. Свободной рукой он вытирал ее с глаз и с боевой улыбкой, светящейся на губах, бросался на своих врагов с новой яростью.

Одним прикосновением своего тяжелого меча он отрубил голову одному из них, затем другой, избегая неминуемой смерти, повернулся и побежал во дворец.

Карторис не сделал ни шага для преследования. У него была более важная работа, чем вполне заслуженное наказание этих чужестранцев, одевших форму его собственного дома, так как он видел, что эти люди были искусно одеты в форму, отличавшую его личный персонал.

Быстро повернувшись к своему кораблю, он вскоре уже поднимался с площади в погоне за Тар Ваном. Красный воин, которого он обратил в бегство, повернулся у входа во дворец и, угадав намерение Карториса, схватил ружье из тех, что он и его товарищи оставили у стены, кинувшись с обнаженными мечами, чтобы помешать похищению пленницы.

Только некоторые из красных людей являются хорошими стрелками, их основным оружием является меч, и поэтому, когда воин Дузара прицелился в поднимающийся корабль и нажал на кнопку на стволе ружья, скорее случай, чем умение стрелять помогли ему частично добиться успеха, Пуля слегка задела борт корабля, но темная обшивка надорвалась достаточно, чтобы пропустить дневной свет в носовую часть корабля.

Последовал резкий взрыв. Карторис почувствовал, как корабль покачнулся под ним и остановился. Некоторое время корабль двигался по инерции по направлению к городу.

Красный воин на площади выстрелил еще несколько раз, но неудачно. Затем величественная башня закрыла от него движущуюся жертву.

На некотором расстоянии впереди себя Карторис мог видеть зеленого воина, уносящего Тувию из Птарса прочь на своем могучем тоте. Он направлялся на северо-запад от Аантора, где лежала горная страна, малоизвестная красным людям.

Принц Гелиума все свое внимание обратил на обследование повреждений корабля. Доскональная проверка обнаружила, что один из баков, поддерживающий корабль в воздухе, получил пробоину, но сам мотор поврежден не был.

Осколок от пули повредил рычаги управления, и их можно было починить только в мастерской, но после некоторых попыток кое-что удалось исправить, и Карторис привел в движение корабль, хотя и на малой скорости, которая не могла сравняться

с быстрым аллюром тота, чьи восемь сильных ног несли его по бледно-коричневой растительности мертвого моря с ужасающей скоростью.

Принц Гелиума нервничал и мучился из-за медлительности своего преследования, и все же он был доволен, что ущерб, нанесенный кораблю, был не так уж и велик, теперь он, по крайней мере, мог двигаться быстрее, чем пешком.

Но даже в этой малой радости ему было отказано, так как через некоторое время корабль начал опускаться вниз и крениться на левый борт. Повреждение поддерживающих баков было, очевидно, более серьезным, чем он вначале предполагал.

Напряжение этого долгого дня вымотало его. Корабль опускался все ниже и ниже. Крен левого борта становился все более и более угрожающим, пока, наконец, перед самым наступлением ночи Карторис не пристегнул свою одежду к тяжелому кольцу на палубе, чтобы удержаться от стремительного падения на землю.

Его движение вперед сводилось теперь к медленному дрейфу по ветру, дующему с юго-востока, но когда он прекратился с заходом солнца, Карторис мягко опустил корабль на ковер из мха.

Далеко впереди неясно вырисовывались горы, к которым и двигался зеленый воин, когда Карторис видел его в последний раз, и с упрямой решительностью сын Джона Картера, наделенный неукротимой силой воли его всемогущего предка, продолжал преследование пешком.

Всю эту ночь он продвигался вперед, пока с приходом нового дня не вошел в низкие предгорья, охранявшие подступы к горам Торказа.

Шершавые гранитные стены возвышались перед ним. Нигде не мог он разглядеть прохода через внушительный скалистый барьер, и все же зеленый воин пронес его любимую девушку в этот негостеприимный мир камня.

На мягком мху морского дна не было никаких следов. Мох был настолько упругим, что, сминаясь под мягкими ногами тотов, распрямлялся после их удаления, не оставляя следов.

Но здесь, в горах, где дорога была усыпана мелкими камешками, где черная плодородная земля и дикие цветы частично скрадывали угрюмую монотонность пустынных пространств низменностей, Карторис надеялся найти хоть какие-нибудь следы, которые указывали бы нужное направление.

И все же, как он ни искал, тайна следов, казалось, так и останется неразрешенной.

Еще один день клонился к вечеру, когда Карторис рассмотрел рыжевато-коричневую лоснящуюся шкуру, двигающуюся среди валунов в нескольких сотнях ярдов слева.

Карторис быстро припал к большой скале и наблюдал за зверем, проходившим перед ним. Это был громадный бенс, один из тех свирепых львов Барсума, которые чаще всего бродят в одиночестве по пустынным холмам умирающей планеты.

Нос этого животного был приближен к земле. Было очевидно, что он преследовал кого-то по запаху.

Пока Карторис наблюдал за ним, некоторая надежда вселилась в его душу. Здесь, возможно, и лежит разгадка тайны, которую он старался и не мог никак разгадать. Это животное плотоядное, голодным оно всегда быстро находило человеческий запах, возможно, оно и сейчас идет по следу тех двоих, которых ищет Карторис.

Осторожно крался молодой человек по следу людоеда. Животное двигалось вдоль основания выступающей скалы, нюхая невидимый след и время от времени издавая низкий рев вышедшего на охоту бенса.

Карторис следовал за хищником уже в течение нескольких минут, когда тот вдруг исчез так неожиданно и таинственно, как будто растворился в воздухе.

Человек вскочил на ноги. Никому не удастся обмануть его так, как обманул его зеленый воин. Он отважно устремился к месту, где в последний раз видел крадущееся животное.

Перед ним неясно вырисовывалась отвесная скала, на поверхности которой не было ни одной щели, в которую огромный бенс мог бы протолкнуть свое тело. Это был небольшой плоский валун, не больше, чем палуба корабля вместимостью в десять человек, и не превышающий в высоту его двойного роста.

Может быть, бенс скрывается за ним? Животное могло учуять его по запаху и лежать в засаде в ожидании такой легкой добычи.

Осторожно, с обнаженным большим мечом, Карторис подкрался за угол скалы. Там не было бенса, но открывшаяся перед ним картина поразила его бесконечно больше, чем присутствие двадцати бенсов.

Перед ним зиял вход в темную пещеру, ведущую вниз, в глубину земли. Через нее, должно быть, и исчез бенс. Было ли это его логово?

В его темной и мрачной внутренности мог прятаться не один, а много таких, наводящих страх созданий.

Карторис не знал этого и не раздумывал об этом, он знал лишь, что в эту мрачную пещеру бенс последовал по следу зеленого человека и его пленницы, и за ним последует и Карторис, готовый отдать свою жизнь, служа женщине, которую он нежно и страстно любил.

Он не колебался ни минуты, но и не бросился неосмотрительно вперед, а с мечом наготове, осторожными шагами прощупывая пещеру, так как она была темной, двинулся в путь. По мере продвижения вперед тьма становилась все более непроницаемой.

V. РАСА СВЕТЛОКОЖИХ

Вниз вел странный туннель с гладким широким полом. Карторис был теперь убежден, что то, что он в начале принял за пещеру, было стволом шахты.

До него доносились случайные низкие звуки рева бенса, идущего впереди, а через некоторое время сзади послышались такие же жуткие звуки. Другой бенс вошел в коридор по его следу!

Его положение было очень "приятным". Глаза Карториса не могли рассмотреть даже руку перед лицом, в то время, он знал это, бенсы могли видеть достаточно хорошо, несмотря на абсолютное отсутствие света.

До него не доносились никакие другие звуки, кроме гнетущих, холодящих кровь стонов животных впереди и сзади него.

Туннель шел прямо не сворачивая от того места, где он вошел под скалой, дальше всех расположенной от гор, в сторону могучего барьера, так долго его задерживавшего.

Сейчас он шел почти прямо и несколько под уклон, но вскоре Карторис отметил постепенный подъем.

Зверь позади догонял его, тесня к зверю, что шел впереди. Через некоторое время Карторису придется сразиться с одним из них или даже с обоими. Он еще крепче сжал свое оружие. Теперь он уже мог слышать дыхание зверя, преследующего его. Недолго он сможет еще оттягивать схватку.

Карторис давно уже понял, что туннель ведет под скалами на противоположную сторону барьера, и он надеялся, что достигнет лунного света до того, как ему придется схватиться с одним из этих монстров.

Когда принц входил в туннель, солнце садилось, а путь его был достаточно длинным, чтобы убедиться, что снаружи уже царит темнота и наступила ночь.

Он посмотрел назад. Сияя в темноте, шагах в десяти ослепительно сверкали два горящих огненных глаза. Когда свирепые глаза увидели его, зверь испустил устрашающий рев и бросился атаковать.

Столкнувшись лицом к лицу с взбешенной громадой атакующей свирепости, остаться непоколебимым и не дрогнуть перед отвратительными клыками, которые, он знал, были кровожадно обнажены и хорошо отточены, хотя он и не видел их, требовало стальных нервов, какими и были нервы Карториса из Гелиума.

Перед ним были глаза зверя, на которые он и направил острие своего меча, уверенно, как делал когда-то его отец, нацелив его на один из сверкающих кругов. Сам он при этом слегка отклонился в сторону.

С отвратительным криком боли и гнева бенс пронесся, царапая когтями, мимо него. Затем он развернулся для новой атаки, но на сей раз Карторис увидел только одну сверкающую точку, с дикой ненавистью направленную на него.

Опять острие встретило свою сверкающую цель. Опять наводящий ужас рев раненого животного наполнил туннель и эхом отозвался в отдаленных каменных закоулках, потрясая своей мучительной пронзительностью, и замер в отдалении.

Но теперь, когда зверь повернулся для новой атаки, у человека не было ориентира для направления следующего удара. Он слышал скрежет когтей по каменному полу. Он знал, что животное готовится совершить новое нападение, но не видел ничего. И хотя он не мог видеть своего противника, тот теперь тоже не видел его.

Прыгнув в самый центр туннеля, он держал свой меч наготове, как он думал, как раз на уровне груди зверя. Это все, что он мог сделать, надеясь, что случай пошлет острие меча в жестокое сердце зверя.

Все кончилось так быстро, что Карторис едва мог поверить себе, когда могучее тело с бешеной скоростью пронеслось мимо него. Или он не стал в центре туннеля, или же слепой бенс ошибся в своих расчетах.

Так или иначе, огромное животное пролетело в футе от него, как будто оно преследовало жертву, ускользавшую от него.

Карторис проследовал в том же направлении. Скоро его сердце радостно забилось при виде лунного света, освещавшего выход из длинного, темного коридора-пещеры.

Перед ним лежала голубая долина, со всех сторон окруженная гигантскими скалами. Поверхность ее была усеяна бесчисленными деревьями странного вида с точки зрения марсианина. Земля была одета великолепной алой растительностью, усыпанной множеством чудесных диких цветов разнообразной окраски.

Под ярким сиянием двух лун сцена представлялась сказочно прекрасной, слегка окрашенной таинственностью странного очарования.

Только мгновение любовался Карторис неестественной красотой, раскинувшейся перед ним, неестественной с точки зрения марсианина, привыкшего к бедности своей природы. Почти сразу же взгляд его привлек большой бенс, стоящий над тушей недавно убитого тота.

Огромное животное с рыжевато-коричневой гривой, поднимавшейся дыбом на отвратительной голове, следило за другим бенсом, метавшимся туда и сюда с пронзительными криками боли и наводящими ужас ревом ненависти и гнева.

Карторис догадался, что второй зверь и был тем, которого он ослепил во время схватки в туннеле, но мертвый тот интересовал его сейчас больше, чем эти дикие, плотоядные хищники.

На спине огромной марсианской лошади все еще была сбруя, и Карторис теперь не сомневался, что это было то самое животное, на котором зеленый воин увез его Тувию из Аантора.

Но где же был всадник и его пленница?

Принц Гелиума вздрогнул при мысли о возможной их судьбе.

Человеческое мясо - это еда, которую больше всего любит свирепый барсумский лев, чье большое тело и гигантские мускулы требуют огромного количество мяса для поддержания сил.

Два человеческих тела только бы возбудили аппетит зверя. А Карторису казалось, что зверь убил и съел зеленого человека и красную девушку, и стал пожирать тело убитого им тота только после того, как проглотил более приятную часть своего обеда.

Когда ослепший бенс в своих бесцельных и свирепых метаниях проскочил мимо своего противника, легкий ветерок донес до него запах свежепролитой крови. Его движения уже не были бесцельными. С вытянутым хвостом и пеной у рта он бросился вперед, так как почувствовал запах туши тота, и могучий убийца тота, опирающийся передними лапами на лоснящийся серый бок туши, был готов в свирепом бою защищать свою добычу.

Когда нападающий бенс был в двадцати шагах от мертвого тота, убийца дал выход своему отвратительному реву и мощным прыжком бросился на противника.

От этой схватки даже воинственный житель Барсума пришел в трепет. Звери рвали друг друга на куски, сопровождая схватку ужасным и оглушительным ревом. Неумолимая жестокость истекающих кровью животных зачаровала Карториса, а когда схватка кончилась, и оба чудовища с головами и плечами разорванными в клочья лежали все еще вцепившись друг другу в тело мертвыми челюстями, Карторис оторвался от этой жуткой картины только усилием воли. Он поспешил к мертвому тоту в поисках следов девушки, которая, как он боялся, разделила судьбу тота, но он ничего не нашел в подтверждение своих страхов.

С чувством некоторого облегчения юноша начал исследовать окружающую местность, но едва он сделал несколько шагов, как его взгляд привлекла драгоценная безделушка, лежащая на земле.

Когда он поднял ее, то с первого взгляда понял, что это женское украшение для волос со знаками отличия королевского дома Птарса. Но что это- дурное предзнаменование: все еще не просохшая кровь бурым пятном лежала на фамильной драгоценности.

Картины, представшие перед его воображением из-за этой последней находки, не давали ему дышать, сжимая его сердце тревогой.

Невозможно было себе представить, что это лучезарное существо могло встретить такой отвратительный конец. Было невероятно, что прекрасная, как мечта, Тувия, перестала существовать. Такое не могло уложиться в голове. В глазах принца она была бессмертна.

На свою украшенную драгоценностями одежду, к ремню, пересекавшему юношескую грудь, где билось его преданное сердце, Карторис, принц Гелиума, прикрепил блестящую безделушку, которую носила Тувия из Птарса, и, одев ее, сделал для себя священной.

Затем он продолжил свой путь к центру долины. Гигантские деревья закрывали от него большую часть горизонта, Время от времени он видел поднимавшиеся холмы, окружающие долину со всех сторон, и хотя они ярко вырисовывались под светом двух лун, он знал, что они находятся далеко, и что долина довольно велика по своим размерам.

Еще полночи он продолжал поиски, пока, наконец, его не заставили остановиться отдаленные пронзительные крики тотов.

Направляясь на этот шум привычно рассерженных животных, молодой человек пробирался вперед среди деревьев, пока не достиг безлесой равнины, в центре которой возвышались блестящие купола и яркие башни большого города.

Вокруг города обнесенного стеной Карторис увидел огромный лагерь зеленых воинов, населявших морское дно, а когда он присмотрелся внимательно к городу, то понял, что это не заброшенная столица далекого прошлого.

Но что это за город? Его знания подсказывали ему, что в этой малоисследованной части Барсума главенствовало жестокое племя зеленых людей Торказа, и ни одному красному человеку не удавалось проникнуть в сердце их владений и вернуться в мир цивилизации.

Эти жители Торказа усовершенствовали свои огромные ружья, с помощью которых их сверхъестественная меткость позволяла им отражать все усилия расположенных поблизости красных племен, пытавшихся исследовать их страну при помощи воздушных кораблей.

Карторис был уверен, что находится в пределах Торказа, но он никогда не предполагал, что здесь существует такой красивый и укрепленный город, не упоминалось это и в хрониках прошлых лет, так как считалось, что жители Торказа обитают, как и другие зеленые люди Марса, в пустынных городах, рассыпанных по умирающей части планеты; ни одна зеленая орда не построила ни одного сооружения, кроме низких инкубаторов, где вырастает их молодое поколение под воздействием солнечного тепла.

Лагерь зеленых воинов лежал в пятистах ярдах от стен окруженного города. Между ним и городом находилось подобие бруствера или другие защитные сооружения от ружейного и пушечного огня, и все же при свете поднимающегося солнца Карторис отчетливо мог видеть множество фигур, двигающихся по верху высокой стены и по крышам.

Он был уверен, что фигуры горожан похожи на красных людей, хотя они и были на слишком большом расстоянии от него, чтобы он мог точно сказать, что это именно красные люди.

Почти немедленно после восхода солнца зеленые воины открыли огонь по маленьким фигурам на стене. К удивлению Карториса, огонь был безответным, но скоро последний из жителей

города нашел укрытие от необыкновенной меткости зеленых воинов, и ни одного признака жизни не осталось на стенах и на крышах города.

Карторис, находясь под прикрытием деревьев, окружавших долину, начал продвигаться в тылу осаждавших, надеясь на чудо, что где-нибудь увидит Тувию из Птарса, так как он до сих пор не мог поверить в ее смерть. То, что его до сих пор не обнаружили, было исключительным везением, так как воины на тотах постоянно ездили туда и сюда из лагеря в лес и обратно, но длинный день близился к закату, а он все еще продолжал бесполезные, казалось, поиски, пока перед самым заходом солнца не подошел к огромным воротам в западной стене города.

Здесь, казалось, были сконцентрированы основные силы атакующей орды. Здесь была воздвигнута большая платформа, на которой Карторис увидел сидящего на корточках огромного зеленого воина, окруженного ему подобными.

Это был пользующийся дурной славой Гортан Гур, джеддак Торказа, жестокий старый воин-людоед юго-западного полушария, так как только для джеддака строятся платформы во временных лагерях или на марше зелеными ордами, населяющими Барсум.

Пока Карторис наблюдал за происходящим, он увидел зеленого воина, пробирающегося к трибуне. Рядом с собой он тащил пленника, и когда окружающие воины расступились, давая дорогу этим людям, Карторис бросил внимательный взгляд на пленника.

Его сердце запрыгало от радости. Тувия из Птарса жива!

С трудом юноша сдержал желание броситься вперед на помощь принцессе, но трезвая оценка обстоятельств остановила его, так как перед лицом такого количества превосходящих сил, он знал, что будет немедленно убит и лишится всякой возможности прийти Тувии на помощь.

Он видел, как ее подтащили к подножию платформы. Он видел, как Гортан Гур обратился к ней. Юноша не мог слышать ни слов этого человека, ни ответа, но она, должно быть, рассердила зеленое чудовище, так как Карторис увидел, как он прыгнул к девушке, жестоко ударив ее в лицо одетой в железную рукавицу рукой.

Тогда сын Джона Картера, джеддака джеддаков, военного предводителя Барсума, пришел в бешенство. Кроваво-красный туман, через который его отец смотрел на врагов, поплыл перед его глазами.

Полуземные мускулы принца с невероятной для марсианина силой понесли его огромными прыжками к зеленому джеддаку, ударившему женщину, которую он любил. Карторис уже пробежал половину пути от леса к зеленым воинам, когда возникло новое событие, привлекшее внимание всех зеленых воинов и сделавшее незаметным приближение Карториса.

На высокой башне в осажденном городе появился человек. Из его поднятого вверх рта вырывались страшные крики, жуткие крики, разносившиеся на громадные расстояния, пронзительно звучащие и наводящие ужас, они неслись через городские стены, через головы осаждающих, через лес к самым границам долины.

Один раз, второй, третий донесся приводящий в ужас крик до ушей зеленых воинов, а затем, далеко-далеко, из-за большого леса донесся ясный и резкий ответный клич.

Это было начало. Отовсюду стали доноситься подобные же крики, пока, казалось, земля не задрожала от их раскатов.

Зеленые воины нервно оглядывались по сторонам. Они не знали страха, как земные люди, но перед лицом неведомого, их обычная самоуверенность покидала их.

А потом внезапно распахнулись большие ворота в городской стене напротив платформы Гортан Гура, и перед Карторисом предстала картина, какую ему никогда не доводилось видеть. И хотя он бросил один мимолетный взгляд на стрелков, вышедших из ворот и закрывающихся длинными щитами, он заметил их темно-рыжие волосы и понял, что существа у их ног были свирепые львы Барсума.

Затем он ворвался в середину изумленных обитателей Торказа. С обнаженным длинным мечом он оказался в гуще врагов около Тувии из Птарса, чьи удивленные глаза заметили его первыми; казалось, что она смотрит на самого Джона Картера, так похоже вел бой его сын.

Сходство было и в воинственной знаменитой улыбке. А правая рука! Ее искусство и скорость удара!

Вокруг царил шум и смятение. Зеленые воины вскакивали на спины своих норовистых и визжащих тотов. Калоты издавали свирепые гортанные звуки, стремясь вцепиться в горло приближающихся врагов.

Тар Ван и другие, находящиеся на одной стороне платформы, первыми заметили Карториса, с ними-то и пришлось сражаться юноше за красную девушку, пока другие спешили встретить войско, выступающее из осажденного города.

Карторис стремился защитить Тувию и добраться до отвратительного Гортан Гура, чтобы отомстить ему за удар, нанесенный девушке.

Ему удалось достичь платформы по телам двух воинов, которые присоединились к Тар Вану и его свите, чтобы отразить наступление смелого красного человека как раз в тот момент, когда Гортан Гур намеревался прыгнуть на спину своего тота.

Внимание зеленых воинов было приковано главным образом к стрелкам, продвигающимся к ним со стороны города, и к свирепым бенсам, шагающим рядом с ними - жестоким животным войны, куда более жестоким и страшным, чем их собственные калоты.

Когда Карторис забрался на платформу, держа Тувию рядом с собой, он повернулся к отступающему джеддаку с яростным вызовом и ударил мечом.

Когда острие меча Карториса укололо его зеленую кожу, Гортан Гур повернулся к своему противнику с рычанием, но в это время два его вождя напомнили ему, что надо спешить, так как войско белокожих жителей города было намерено вести более серьезные действия, чем ожидала орда Торказа.

Вместо того, чтобы остаться и сразиться с красным человеком, Гортан Гур обещал ему сразиться после того, как он победит наглых жителей окруженного стеной города, и, вскочив верхом на своего тота, поскакал галопом навстречу быстро наступающим стрелкам.

Остальные воины быстро последовали за своим джеддаком, оставив Тувию и Карториса одних на платформе.

Между ними и городом бушевало жестокое сражение. Белокожие воины, вооруженные только длинными луками и еще чем-то, похожим на военный топор с короткой ручкой, были почти беспомощны вблизи перед свирепыми зелеными воинами, восседающими на своих тотах, но на расстоянии их острые стрелы наносили такой же урон, как и заряженные радием пули зеленых людей.

И если белокожие воины были остановлены грозными зелеными воинами, то об их свирепых спутниках, диких бенсах, нельзя было этого сказать. Противники сходились, и сотни этих ужасных существ бросались в гущу войск Торказа, стаскивали воинов с тотов на землю и сеяли ужас там, где появлялись.

Численность городских жителей тоже давала им преимущество, так что казалось, что на место одного павшего воина становилось десять других - таким постоянным, непрерывным потоком лились они из больших ворот города.

Свирепость бенсов и бесчисленное количество стрелков привело к тому, что войска Торказа отступили, и через некоторое время платформа, на которой стояли Карторис и Тувия, оказалась в центре сражавшихся. Казалось чудом, что их обоих не задела ни пуля, ни стрела. Когда, наконец, волна сражения окончательно откатилась от них, они оказались одни между умирающими и мертвыми, и среди рычащих бенсов, менее обученных, чем их собратья, бродивших среди трупов в поисках вкусного мяса.

Для Карториса самым неожиданным и удивительным в битве оказалось ужасающее количество потерь, нанесенных стрелками их относительно простым оружием. Нигде не было видно ни одного раненого зеленого воина, лишь трупы мертвецов толстым слоем покрывали поле битвы. Смерть, казалось, несло малейшее прикосновение стрелы лучников, и было очевидно, что ни одна стрела не пролетела мимо цели. Объяснение могло быть одно: метательные снаряды были с отравленными остриями.

Через некоторое время звуки битвы затихли в дальнем лесу. Наступила тишина, нарушаемая лишь рычанием поглощавших свою добычу бенсов. Карторис повернулся к Тувии из Птарса. До сих пор ни один из них не произнес ни слова.

- Где мы находимся, Тувия? - спросил он.

Девушка вопросительно посмотрела на него. Казалось, что его присутствие является достаточным доказательством его вины в похищении девушки. Как иначе он мог узнать место назначения корабля, на котором она прилетела?

- Кому это знать, как не принцу Гелиума? - спросила она вместо ответа. - Разве он прибыл сюда не по собственному желанию?

- От Аантора я пошел добровольно по следам зеленого человека, укравшего тебя, Тувия. Но с того времени, как я покинул Гелиум, и до тех пор, пока я не проснулся над Аантором, я думал, что направляюсь в Птарс. Намекали, что я знаю о твоем похищении, - объяснил он просто, - и я поспешил к джеддаку, твоему отцу, чтобы убедить его в несправедливости обвинения и помочь ему в твоем возвращении. До того, как я покинул Гелиум, кто-то испортил мой компас, поэтому-то я и оказался в Аанторе, вместо Птарса. Вот и все - ты ведь веришь мне?

- Но воины, похитившие меня из сада! - воскликнула она. - Когда они прилетели в Аантор, на них был металл принца Гелиума. Когда же они похищали меня, на них была форма воинов Дузара. Этому есть только одно объяснение. Тот, кто решился на такое грубое нарушение закона, пожелал переложить ответ-

ственность на другого, если его обнаружат при похищении, но благополучно выбравшись из Птарса, он почувствовал себя в безопасности в форме своего государства.

- Ты веришь, что я сделал такое, Тувия? - спросил Карторис.

- О, Карторис, - печально ответила она, - мне бы не хотелось в это верить, но когда все указывают на тебя!.. Нет, даже тогда я не поверю.

- Я не делал этого, Тувия, - сказал он. - Но разреши мне до конца быть откровенным с тобой. Как я ни люблю твоего отца, как я ни уважаю Кулан Тита, с которым ты обручена, - зная последствия, которые вызвал бы такой мой поступок, вовлекая в войну три величайшие нации Барсума, и все же, несмотря на это, я ни минуты не колебался бы так поступить, Тувия из Птарса, намекни ты мне хоть раз, что это тебя не рассердит. Но ты ничего подобного не делала, и вот я здесь на службе у тебя и у человека, которому ты обещана, спасаю тебя для него, если это будет в человеческих силах. - горько заключил он.

Тувия из Птарса внимательно всматривалась некоторое время в его лицо, как будто впервые увидела его. Ее грудь поднималась и опускалась, как будто от сдерживаемых эмоций. Она сделала к нему шаг. Ее губы были полуоткрыты, как будто она хотела говорить быстро и возбужденно. Но она подавила свои чувства.

- Дальнейшие действия принца Гелиума, - произнесла она холодно, - должны доказать его непричастность к происшедшим событиям.

Карториса задел тон девушки, так как в ее словах было сомнение в его честности. Он еще надеялся, что она хоть как-то намекнет, что любовь его ей приятна. Конечно, она должна была выразить какую-то, хоть самую маленькую благодарность за все его поступки, но благодарностью ему был лишь холодный скептицизм.

Принц Гелиума пожал своими широкими плечами. Девушка заметила это и легкую улыбку, тронувшую его губы, и настала ее очередь обижаться.

Конечно же, она не хотела его обидеть. Он должен был знать, что после того, что он ей сказал, она не может ничего сделать, чтобы подбодрить его. Но ему не надо было настолько явно проявлять свое безразличие. Люди Гелиума славятся своей галантностью, но не грубостью. Возможно, сказалась земная кровь, текущая в его жилах.

Откуда ей было знать, что это пожатие плечами было попыткой Карториса физическим усилием прогнать печаль и уныние из своего сердца, а его улыбка была воинственной улыбкой его отца, и внешним проявлением его решимости потопить свою большую любовь и спасти Тувию из Птарса для другого, потому что он верил в ее любовь к другому. Он вернулся к первоначальному вопросу:

- Где мы находимся? - спросил он. - Я не знаю.

- Не знаю этого и я, - ответила девушка. - Те, кто похитил меня из Птарса, говорили между собой об Аанторе, вот я и подумала, что тот древний город, в котором они меня оставили, и есть те знаменитые развалины. Но где мы находимся сейчас, я не имею ни малейшего представления.

- Когда вернутся стрелки, мы, без сомнения, узнаем все, что нас интересует, - сказал Карторис. - Будем надеяться, что они отнесутся к нам дружелюбно. Какой расы они могут быть? Только в самых древних наших легендах и в фресковой живописи мертвых городов пустынь изображалась раса рыжеволосых белокожих людей. Может быть, мы натолкнулись на продолжающий существовать город прошлого, который на всем Барсуме считается похороненным в веках?

Тувия смотрела на лес, в котором исчезли зеленые воины и преследовавшие их стрелки. С далекого расстояния доносились устрашающие крики бойцов и случайные выстрелы.

- Странно, что они не возвращаются, - заметила девушка.

- Можно было ожидать увидеть медленно движущихся раненых и переносимых в город, - ответил Карторис и нахмурил брови. - А что же с ранеными вокруг города... их уже внесли в город?

Оба они повернулись к полю между ними и городом, где битва была самой жестокой.

Там были бенсы, все еще рычащие на своем страшном пиру. Карторис удивленно посмотрел на Тувию. Затем он указал на поле.

- Где они? - прошептал он. - Что стало с их ранеными и мертвыми?

VI. ДЖЕДДАК ЛОТАРА

Девушка недоверчиво огляделась.

- Они лежали грудами, - пробормотала она, - минуту назад их было много тысяч.

- А сейчас, - продолжал Карторис, - остались только бенсы и тела зеленых людей.

- Они, должно быть, выслали кого-то вперед и унесли мертвых стрелков, пока мы разговаривали, - решила девушка.

- Это невозможно! - воскликнул в ответ Карторис. - Тысячи стрелков лежали на поле минуту назад. Потребовалось бы много часов, чтобы перенести их. Это что-то сверхъестественное.

- Я надеялась, - сказала Тувия, - что мы сможем найти убежище у этих светлокожих людей. Несмотря на их доблесть на поле боя, они не произвели на меня впечатление свирепых и воинственных людей. Я хотела уже было искать вход в город, но сейчас я едва ли уверена, что имею желание рисковать среди людей, чьи мертвецы исчезают в воздухе.

- Давай попытаемся, - ответил Карторис. - Нам не будет хуже в стенах этого города, нежели за их пределами. Здесь мы можем стать жертвами бенсов или не менее свирепых жителей Торказа. Там мы, по крайней мере, найдем существа, созданные по нашему подобию. Что у меня вызывает сомнение, - добавил он, - это опасность пройти мимо этих бенсов. Одного меча едва ли хватит, если даже только два бенса вздумают напасть одновременно.

- На этот счет не беспокойся, - ответила девушка, улыбаясь. - Бенсы не причинят нам никакого вреда.

Говоря это, она спустилась с платформы, с Карторисом вместе ступила на поле брани в направлении окруженного стеной таинственного города. Они прошли небольшое расстояние, когда бенс, оторвавшись от кровавого пира, заметил их. С злым ревом бросился он в их направлении, а при звуке его голоса десяток других последовали его примеру.

Карторис обнажил свой длинный меч. Девушка бросила быстрый взгляд на его лицо. Она увидела улыбку на его губах, и это было как вино для больных нервов, так как даже на воинственном Барсуме, где все люди храбры, женщина на опасность не реагирует быстро и хладнокровно.

- Ты можешь вложить свой меч в ножны, - сказала она. - Я же сказала тебе, что бенсы не причинят нам вреда. Посмотри! - и, говоря это, быстро подошла к ближайшему животному.

Карторис готов был броситься, чтобы защитить ее, но она знаком остановила его. И он услышал, как она обращается к животным низким монотонным голосом, похожим на мурлыканье.

В тот же миг большие головы зверей поднялись, и злые глаза были прикованы к фигуре девушки. Затем, крадучись, они начали двигаться по направлению к ней. Она остановилась и ожидала их.

Один, стоящий ближе всех, колебался, но Тувия заговорила с ним повелительным голосом, как хозяин разговаривает с непокорной собакой.

Большое плотоядное животное наклонило голову и с поджатым хвостом подкралось к ногам девушки, после него подошли другие, пока ее совсем не окружили свирепые людоеды.

Повернувшись, она повела их к тому месту, где стоял Карторис. Они заворчали немного, когда приблизились к нему, но после нескольких слов команды, притихли.

- Как ты это делаешь? - воскликнул Карторис.

- Твой отец однажды задавал мне этот же вопрос в галереях Золотых Скал, в горах страны Оц под храмами жрецов. Я не могла ему ответить, не могу ответить и тебе. Я не знаю, откуда идет моя власть над ними, но с того дня, как Сатор Трог бросил меня в яму к бенсам, и большие животные ласкались ко мне, вместо того, чтобы разорвать меня на куски, с тех пор я всегда имею над ними полную власть. Они идут на мой зов и исполняют мои приказания, так же как преданный Вула исполняет приказания своего могущественного хозяина.

С этими словами девушка разогнала свирепую стаю. Рыча, они вернулись к прерванному пиру, а Карторис и Тувия тем временем прошли среди них к окруженному стеной городу.

По мере их продвижения юноша с удивлением смотрел на мертвые тела зеленых людей, которые еще не были съедены и искалечены бенсами. Он обратил на них внимание девушки. Из больших тел не торчали стрелы. Ни на одном из них не было следов смертельных ран, ни малейшей царапины или ссадины.

До того, как исчезли мертвые стрелки, трупы воинов Торказа были сплошь покрыты смертоносными стрелами их врагов. Куда исчезли эти славные вестники смерти? Какая невидимая рука выдернула их из этих тел?

Карторис едва мог подавить дрожь от мрачных предчувствий, когда он взглянул на молчаливый город перед собой. Никаких признаков жизни не было видно на его стенах и крышах. Все было тихо - нависшая угрожающая тишина. И все же он был уверен, что за ними следят чьи-то глаза из-за пустынных стен. Он посмотрел на Тувию. Она шла впереди с широко раскрытыми глазами, устремленными на ворота города. Он посмотрел в направлении ее взгляда, но ничего не увидел.

Его взгляд, казалось, пробудил девушку ото сна. Она подняла на него глаза, быстрая, смелая улыбка коснулась ее губ, а затем, хотя поступок ее был непроизвольным, она приблизилась к нему и вложила свою руку в его.

Он догадался, что что-то в ней, не подчиняющееся ее сознательному контролю, потребовало его защиты. Он обнял ее одной рукой, и так они пересекли поле. Она не отходила от него. Вряд ли она понимала, где находится ее рука, так она была поглощена тайной странного города перед ними.

Они остановились перед воротами. Это было мощное сооружение. По их конструкции Карторис мог сделать смутные предположения о их немыслимой древности. Они были круглые и закрывали круглое отверстие, а житель Гелиума знал из семинара по изучению старинной архитектуры Барсума, что они откатываются в одну сторону, как огромное колесо, в отверстие в стене.

Даже такие старые города, как древний Аантор, были еще не построены в то время, когда жили расы, строившие эти ворота.

Пока он стоял, размышляя о подлинности этого забытого города, сверху к ним обратился голос. Они взглянули наверх. Там, перегнувшись через край высокой стены, находился человек.

Его волосы были рыжие, кожа светлая, светлее даже, чем у Джона Картера, жителя Виргинии. У него был высокий лоб, большие и умные глаза.

Язык, на котором он говорил, был понятен обоим, находящимся внизу, и все же была заметна разница между этим языком и языком, на котором разговаривают жители Барсума.

- Кто вы? - спросил он. - И что вы делаете здесь, перед воротами Лотара?

- Мы - друзья, - ответил Карторис. - Это принцесса Тувия из Птарса, захваченная в плен ордами Торказа. Я - Карторис из Гелиума, принц дома Тардос Морса, джеддака Гелиума, и сын Джона Картера, военного предводителя Марса и его жены Деи Торис.

- Птарс? - переспросил мужчина. - Гелиум? - он покачал головой. - Я никогда не слышал об этих местах, никогда не слышал, чтобы Барсум населяла раса такого странного цвета. Где могут лежать эти города, о которых вы говорите? С самой высокой башни мы никогда не видели другого города, кроме Лотара.

Карторис показал на северо-восток.

- В этом направлении лежат Гелиум и Птарс, - сказал он. - Гелиум в восьми тысячах хаадов* от Лотара, а Птарс лежит в девяти тысячах хаадов северо-восточнее Гелиума.

Человек покачал головой.

- Я не знаю, что лежит за холмами Лотара, - ответил он. - Ничего не может быть там, кроме отвратительных зеленых орд Торказа. Они завоевали весь Барсум, за исключением этой единственной долины и города Лотара. Здесь мы оказываем им открытое неповиновение в течение бесчисленных веков, хотя они периодически возобновляли свои попытки разбить нас. Откуда вы пришли, я не могу знать, если только вы не рабы, которых воины Торказа захватили в прежние времена, когда они весь внешний мир обратили в свою зависимость, но мы слышали, что они уничтожили все расы, за исключением своей собственной.

Карторис попытался объяснить, что жители Торказа управляли крохотной частью Барсума, и то только потому, что в их владениях ничто не привлекает красную расу, но житель Лотара никак не мог представить себе, что существует что-то и за равниной Лотара, кроме безбрежности пустыни, населенной свирепыми зелеными ордами Торказа.

После некоторых переговоров он согласился впустить их в город, и минутой позже ворота, похожие на колеса, откатились в нишу, и Тувия с Карторисом вошли в город Лотар.

Все окружающее их свидетельствовало о сказочном богатстве. Фасады зданий, выходящие на проспект, были богато инкрустированы, а окна и двери окаймлялись полосами из драгоценных камней около фута шириной, дощечками из кусков золота, на которых барельефы изображали страницы истории этого забытого города.

Человек, с которым они разговаривали через стену, встретил их на проспекте. Вокруг него находилась сотня или около того людей той же расы. Все они были одеты в развевающиеся мантии, и все были безбороды.

---

* На Барсуме основной линейной мерой является эд. Это эквивалент земного фута, составляющий около 11,964 земных дюймов. В прошлом я имел обыкновение переводить меры времени, расстояния и т.д. Барсума в их земные эквиваленты, так как они в этом случае легче понимаются земными читателями. Для тех, кто обладает большой пытливостью ума, возможно, интересно будет знать марсианскую таблицу линейных мер, которую я здесь привожу: 10200 фадор - 1 эд. 10200 эдов - 1 хаад. 10100 хаадов - 1 карад. 10360 карадов - 1 Сегкамф.

На экваторе Марса хаад, или миля Барсума, содержит около 2339 земных футов, карад - это один градус. 300 фадор - около 1117 земных дюйма.

Их отношение к пришельцам было скорее похоже на наполнявшую стражу подозрительность, чем враждебность. Они проводили пришельцев взглядами, но не сказали им ни слова.

Карторис не мог не заметить того, что хотя город некоторое время тому назад был окружен ордой жаждущих крови зеленых демонов, ни один из жителей не был вооружен, не было видно воинов.

Ему интересно было знать, отправились ли все вооруженные люди вперед, чтобы одним усилием наголову разбить врага, оставив город незащищенным. Он спросил об этом у провожатого. Человек улыбнулся.

- Ни одно существо, кроме десятка или около этого наших священных бойцов, не вышли за пределы Лотара сегодня, - ответил он.

- Но солдаты-стрелки! - воскликнул Карторис. - Мы видели, как тысячи их появились из этих ворот, подавляя орды Торказа и обращая в бегство с помощью смертоносных стрел и свирепых бенсов.

Мужчина все еще улыбался с миной всезнающего человека.

- Посмотри! - воскликнул он и указал вниз на широкий проспект перед ними.

Карторис и Тувия посмотрели в указанном направлении, и там они увидели двигавшуюся в их направлении огромную армию стрелков.

- А! - воскликнула Тувия. - Они вернулись через другие ворота или быть может, это войска, которые оставались для защиты города.

Мужчина опять улыбнулся своей необычной улыбкой.

- В Лотаре нет солдат, - сказал он. - Посмотри!

Оба, Карторис и Тувия, повернулись к нему, пока он говорил, а теперь они повернулись обратно к надвигающимся на них полкам, глаза их расширились от удивления, так как широкая улица перед ними была пустынна, как могила.

- А те, что маршировали сегодня за ордами, - прошептал Карторис, - они тоже были нереальными?

Человек кивнул головой.

- Но их стрелы убивали зеленых воинов, - настаивала Тувия.

- Давайте пойдем к Тарно, - ответил житель Лотара. - Он вам объяснит это лучше, чем я. Я и так сказал вам слишком много.

- Кто такой Тарно? - спросил Карторис.

- Джеддак Лотара, - ответил проводник, ведя их вверх по проспекту, на котором минуту назад видели марширующих призрачных солдат.

Полчаса они шли вдоль красивых улиц между величественными зданиями, прекраснее которых они никогда не видели. Они встретили несколько человек. Карторис не мог не заметить малонаселенности этого могущественного города.

Наконец, они подошли к королевскому дворцу. Карторис увидел его издали и, гадая о появлении этой чудесной громадины, удивился, что даже здесь так мало признаков жизни и деятельности.

Ни одного стражника не было видно ни перед большими воротами, ни в садах, расположенных рядом, где в городах красных людей пульсирует жизнь.

- Здесь, - сказал провожатый. - Это дворец Тарно.

Пока он говорил, Карторис еще раз оглядел чудесное здание. С удивленным восклицанием он протер глаза и посмотрел еще раз. Нет! Он не мог ошибиться. Перед массивными воротами стояло десять человек часовых, а по обе стороны широкого проспекта, ведущего к главному зданию, рядами выстроились стрелки. Сады были полны офицерами и солдатами, быстро двигающимися туда и сюда.

Что это были за люди, способные вызвать воображением целую армию из воздуха. Он посмотрел на Тувию. Она тоже, очевидно, заметила изменения. Слегка вздрогнув, она прижалась к нему покрепче.

- Что ты думаешь об этом? - прошептала она. - Это очень странно.

- Я не могу этого объяснить, - ответил Карторис. - Так можно сойти с ума.

Он быстро повернулся к представителю Лотара. Мужчина широко улыбнулся.

- Мне показалось, что вы только что сказали, что в Лотаре нет солдат, - сказал принц Гелиума, жестом указывая на стражников. - А это что такое?

- Спроси Тарно, - ответил тот. - Мы скоро предстанем перед ним.

Скоро они вошли в величественный зал, в одном конце которого, откинувшись на богатом ложе, стоявшем на возвышении, сидел человек.

Когда трое приблизились, мужчина устремил на них сонные глаза. В двадцати шагах от возвышения их проводник остановился и, прошептав Тувии и Карторису последовать его примеру, кинулся на пол. Затем он начал ползти к подножию трона, раскачивая головой направо и налево и, извиваясь всем телом, как это делает собака, приближающаяся к своему хозяину.

Тувия быстро взглянула на Карториса. Он стоял прямо с высоко поднятой головой и руками, скрещенными на груди. Надменная улыбка играла на его губах.

Человек на троне пристально рассматривал его, и Карторис из Гелиума смотрел ему прямо в глаза.

- Кто это такие, Иав? - спросил человек на троне у того, кто полз на животе на полу.

- О, Тарно, славнейший из джеддаков, - ответил Иав. - Это чужестранцы, пришедшие с ордами Торказа к нашим воротам. Они говорят, что были пленниками зеленых людей. Они рассказывают странные истории о городах далеко от Лотара.

- Встань, Иав, - приказал Тарно, - и спроси у этих двоих, почему они не показывают свое уважение к Тарно?

Иав встал и оглянулся на чужестранцев. При виде того, что они стоят, лицо его стало мертвенно-бледным. Он подскочил к ним.

- Существа! - закричал он. - Опуститесь на колени перед последним из джеддаков Барсума!

VII. ПРИЗРАЧНЫЕ СТРЕЛКИ

Когда Иав подскочил к нему, Карторис положил руку на рукоять своего длинного меча. Житель Лотара остановился. В большом помещении не было никого, за исключением четырех человек у возвышения, и все же, когда Иав отступил под угрозой Карториса, последний оказался окруженным десятком стражников.

Откуда они могли взяться? Оба, Карторис и Тувия, были удивлены.

Юноша выхватил свой меч из ножен, и в тот же миг стрелки вытащили свои тонкие стрелы.

Тарно приподнялся на одном локте. Впервые он увидел всю фигуру Тувии, до сих пор скрытую Карторисом.

- Достаточно! - воскликнул джеддак, предостерегающе поднимая руку, но как раз в этот момент меч Карториса нанес предостерегающий удар ближайшему своему противнику.

Когда острый край меча достиг своей цели, и острие меча коснулось пола, Карторис с широко раскрытыми глазами отступил в ужасе, проведя тыльной стороной левой кисти по лицу.

Сталь его меча рассекла воздух - его враг исчез, в комнате не было больше стрелков.

- Это точно, что они странники, - сказал Тарно Иаву. - Давай сначала убедимся, что они намеренно оскорбили нас, прежде чем примем меры к наказанию.

Затем он повернулся к Карторису, но взгляд его беспрестанно обращался к совершенным формам фигуры Тувии, красоту которой скорее подчеркивало, чем скрывало одеяние принцессы Барсума.

- Кто вы такие? - спросил он, - что вы не знаете этикета при дворе последнего из джеддаков.

- Я - Карторис, принц Гелиума, - ответил юноша. - А это Тувия, принцесса Птарса. При дворах наших отцов люди не падают ниц перед правителем. Со времен первых черных пиратов мы никогда таким образом не приближались к трону ни одного правителя Барсума. А теперь подумай: станет ли дочь могущественного джеддака и сын другого, не менее могущественного, так унижать себя!

Тарно долго смотрел на Карториса и, наконец, заговорил:

- На Барсуме нет другого джеддака, кроме Тарно, - сказал он. - Нет и другой расы, кроме расы Лотара: орды Торказа не могут быть удостоены такого звания. Жители Лотара имеют белый цвет кожи, ваша же кожа красная. На Барсуме не осталось женщин. А твоя спутница - женщина. - Он приподнялся со своего ложа, наклоняясь далеко вперед и указывая пальцем на Карториса. - Ты лжец! - пронзительно закричал он. - Вы оба лжете, и вы осмелились предстать перед Тарно, последним и могущественнейшим из джеддаков Барсума, и доказывать ему вашу реальность. Кто-то заплатит за это, Иав, и, если я не ошибаюсь, именно ты осмелился так дерзко обращаться с добрым своим джеддаком. Уберите мужчину, оставьте женщину, позже, Иав, ты ответишь за свою смелость. Останется лишь несколько из нас, но Комал должен быть накормлен. Иди!

Карторис увидел, как Иав задрожал, когда упал ниц перед своим правителем еще раз и затем, поднявшись, повернулся к принцу Гелиума.

- Пошли! - сказал он.

- И оставить принцессу Птарса здесь одну? - воскликнул Карторис.

Иав прошмыгнул рядом с ним и прошептал:

- Следуй за мной, он не сделает ей вреда, он может только убить ее, а это он может сделать, будешь ли ты здесь или нет. Тебе лучше сейчас уйти, поверь мне.

Карторис не понял, но что-то в настойчивости тона, с которым говорил человек, обнадеживало его, и он повернулся прочь, бросив предварительно ободряющий взгляд на Тувию, которым попытался заставить ее понять, что в ее же интересах, чтобы он оставил ее.

Вместо ответа она повернулась к нему спиной, но прежде успела кинуть на него взгляд, полный такого презрения, что его бросило к краску.

Он заколебался, но Иав схватил его за запястье.

- Пойдем! - прошептал он. - Или вокруг тебя опять окажутся стрелки, и тогда уже не будет спасения. Неужели ты не видишь, насколько бесполезна твоя сталь в борьбе с воздухом.

Карторис неохотно последовал за ним. Когда оба покинули зал, он повернулся к своему спутнику.

- Если я не могу убить воздух, - спросил он, - то как я могу бояться, что воздух может убить меня?

- Ты видел, как воины Торказа падали перед стрелками? - спросил его спутник.

Карторис кивнул.

- Так же и ты упадешь перед ними без единого шанса защитить себя или отомстить.

Пока они разговаривали, Иав привел Карториса в маленькую башню дворца. Здесь были ложа, и Иав попросил юношу сесть.

Несколько минут он рассматривал пленника, так понимал свое положение Карторис.

- Я наполовину убежден, что ты реальный человек, - сказал он наконец.

Карторис засмеялся.

- Конечно, я реальный, - ответил он. - Что же заставило тебя сомневаться в этом? Разве ты не видишь меня и не можешь потрогать?

- Так же я могу видеть и трогать стрелков, - ответил Иав, - и все мы знаем, что они нереальны.

Лицо Карториса выразило озадаченность при каждой новой ссылке на таинственных стрелков, исчезающих воинов Лотара.

- А кто же они тогда? - спросил он.

- Ты действительно не знаешь? - спросил Иав. Карторис отрицательно покачал головой.

- Я почти готов поверить, что ты сказал нам правду, и что ты действительно с другой части Барсума, или из другого мира. Но скажи мне, в твоей стране разве нет стрелков, чтобы приводить в ужас сердца зеленых воинов, которых они убивают вместе со свирепыми бенсами?

- У нас есть солдаты, - ответил Карторис. - Мы, люди красной расы, но у нас нет стрелков, которые бы защищали нас, как у вас. Мы сами защищаем себя.

- Вы выходите, и вас убивают ваши враги? - воскликнул Иав недоверчиво.

- Конечно, - ответил Карторис. - А как делают жители Лотара?

- Ты видел, - сказал Иав. - Мы посылаем наших бессмертных солдат-бессмертных потому, что они не живые, существующие только в воображении врагов. Наши гениальные головы защищают нас, посылая легионы воображаемых воинов, и они материализуются перед глазами врагов. Враги видят, как те достают свои луки, они видят тонкие стрелы, с безошибочной точностью летящие в их сердца. И они умирают, убиваемые властью предположения.

- А убитые стрелки? - воскликнул Карторис. - Ты называешь их бессмертными, и все же я видел груды их мертвых тел на поле битвы. Как это могло случиться?

- Это для того, чтобы придать реальность, - ответил Иав. - Мы изображаем многих наших защитников мертвыми, чтобы воины Торказа не могли догадаться, что им противостоят не существа из плоти и крови. Эта мысль была им однажды внушена: это теория многих из нас - никогда они не падут жертвой предполагаемых смертоносных стрел, если они догадаются о правде.

- А бенсы? - спросил Карторис. - Они тоже были созданы силой воображения?

- Некоторые из них были реальные, - ответил Иав. - Те, что сопровождали стрелков в погоне за врагами, были нереальными. Как и стрелки, они ни разу не возвращались, отслужив свою службу, они исчезнут вместе со стрелками, когда отступление врага будет очевидно. Те, что остались на поле - реальны. Этих мы отпускаем, так как они питаются падалью, и уничтожают тела мертвых воинов Торказа. Это необходимо для тех из нас, кто действительно существует. Я один из них - я реален. Тарно-нереален. Такие, как он, поддерживают мысль, что не существует такой вещи, как материя и вещество, что все вокруг - это разум. Они говорят, что никто из нас не существует иначе, как в воображении его товарищей, в их неуловимой и невидимой способности мышления. Согласно теории Тарно, необходимо, чтобы все мы вместе представляли, что у наших стен нет мертвых воинов Торказа, и не будет необходимости и во всепожирающих бенсах.

- Ты не разделяешь веру Тарно? - спросил Карторис.

- Только частично, - ответил Иав. - Я знаю, что существует несколько действительно нереальных существ. Тарно - один из них, я убежден в этом. Он не существует иначе, как в представлении людей. Конечно, это утверждение всех нас, действительно существующих, что все нереальные являются плодом воображения. Нереальные заявляют, что в пище нет никакой необходимости, и они не едят, а те, кто имеет хотя бы элементарный разум, должны понять, что пища является необходимой для действительно существующих созданий.

- Да, - согласился Карторис, - так как я сегодня не ел, я с готовностью соглашусь с тобой.

- О, прости меня! - воскликнул Иав. - Пожалуйста, садись и удовлетвори свой голод, - и движением руки он указал на обильно накрытый стол, которого за минуту до того, как он произнес эти слова о пищи, здесь не было. В этом Карторис был убежден, так как он уже несколько раз тщательно осмотрел комнату.

- Хорошо, что ты не попал в руки нереального человека, - проговорил Иав. - Тогда бы ты действительно проголодался.

- Но, - воскликнул Карторис, - это же не реальная еда, ее не было здесь минуту назад, а реальная пища не реализуется из воздуха.

Иав казался обиженным.

- В Лотаре нет настоящей пищи и воды, - сказал он, - и не было уже много веков. С начала нашего существования мы живем на таких продуктах, так же можешь жить и ты.

- Но я думал, что ты реален! - воскликнул Карторис.

- Действительно! - закричал Иав, - что может быть более реальным, чем этот щедрый пир? В этом-то мы и отличаемся от нереальных. Они утверждают, что нет необходимости представлять себе пищу, но мы обнаружили, что для поддержания жизни мы должны три раза в день сесть за обильную трапезу. Пища, которую мы едим, должна претерпеть определенные химические изменения в процессе пищеварения и усвоения, результатом, конечно, будет восстановление израсходованных тканей. Теперь мы знаем, что разум - это все, хотя мы можем различить способы его проявления. Тарно заявляет, что вещество не существует, все создается нематериальным разумом. Мы, реалисты, однако, знаем лучше. Мы знаем, что разум имеет свойство поддерживать вещество (материю), даже если он не способен создавать вещество - последнее все еще является неразрешенным вопросом. Итак, мы знаем, что для того, чтобы непосредственно поддерживать наши тела, мы должны заставить наши организмы правильно функционировать. Мы достигаем этого, материализуя наши

мысли о еде и отведывая пищу, таким образом созданную. Мы жуем, глотаем, мы перевариваем. Все наши органы функционируют точно также, как если бы они питались материальной пищей. А каков результат? Каков должен быть результат? Химические изменения происходят в том и другом случае, и мы живем и преуспеваем.

Карторис посмотрел на пищу перед ним. Она казалась достаточно реальной. Он поднес кусочек к губам. Он действительно ощутил вещество. И запах. Даже вкус его был обманут.

Иав наблюдал, улыбаясь, как он ел.

- Разве этого не достаточно, чтобы утолить голод? - спросил он.

- Я должен признаться, что да, - ответил Карторис. - Но скажи мне, как живет Тарно и другие нереальные существа, утверждающие, что без еды можно обойтись?

Иав почесал голову.

- Этот вопрос мы и сами часто обсуждаем, - ответил он. - Это самое сильное доказательство, которое мы имеем о нереальности призрачных людей, но кому знать это, как не Комалу?

- А кто такой Комал? - спросил Карторис. - Я слышал, как твой джеддак говорил о нем.

Иав низко склонился над ухом юноши, осмотревшись по сторонам, прежде чем начать говорить.

- Комал - это дух, - прошептал он. - Даже нереальные признают, что разум сам должен иметь вещество для того, чтобы преобразовать вещество в воображаемое. Так как, если бы действительно не было вещества, невозможно было бы предполагать: чего никогда не было, того нельзя себе и представить. Ты понимаешь меня?

- Я нащупываю мысль, - сухо ответил Карторис.

- Таким образом, дух должен быть веществом, - продолжал Иав. - Комал - всеобщий дух. Он поддерживается веществом. Он ест. Он ест только реальные вещи. Если говорить до конца, он ест реальных людей. Это работа Тарно.

- Он говорит, что поскольку мы поддерживаем идеи, что мы реальны, мы должны быть последовательны и признать, что мы одни являемся нужной пищей для Комала. Иногда, как сегодня, мы находим для него другую пищу. Он очень любит жителей Торказа.

- А Комал - человек? - спросил Карторис.

- Это все, что я тебе сказал, - ответил Иав. - Я не знаю, как объяснить словами, чтобы ты понял, что это НАЧАЛО И КОНЕЦ. Вся жизнь исходит от Комала, так как вещество, питающая

мозг способность исходят от Комала. Если Комал перестанет есть, вся жизнь на Барсуме остановится. Он не может умереть, но может перестать есть, то есть перестанет превращать вещество в воображаемое.

- И он питается мужчинами и женщинами твоей страны? - воскликнул Карторис.

- Женщинами? - переспросил Иав. - В Лотаре нет женщин. Последняя из женщин Лотара умерла много веков назад в том жестоком и ужасном путешествии по грязным долинам, окаймляющим полувысохшие моря, когда зеленые орды прогнали нас через всю землю в это наше последнее убежище - нашу неприступную крепость Лотар. Только двадцать тысяч мужчин из бесчисленных миллионов людей нашей расы достигли Лотара живыми. Среди нас не было женщин и детей. Все они погибли в пути. Со временем многие умерли, и раса вымирала, когда нам открылась Великая Правда, что ум - это ВСЕ. Многие умерли, прежде чем мы усовершенствовали нашу власть над разумом, но, наконец, мы бросили вызов смерти, когда поняли, что смерть - это состояние разума. Затем пришло время создания разумных людей, или просто материализация воображаемого. Мы впервые применили это, когда воины Торказа заметили наше отступление, и к счастью для нас, им потребовались века поисков, прежде чем они нашли единственный крошечный вход в долину Лотара. В этот день мы бросили на них наших первых стрелков. В наши намерения входило только напугать их огромным количеством стрелков, которых мы могли выставить на городских стенах. Лотар ощетинился луками и стрелами нашего нереального воинства. Но воины Торказа не испугались. Они ниже животных - они не знают страха. Они бросились на наши стены и, стоя плечом к плечу, образовали из людей лестницу и захватили стену. Ни одна стрела не была выпущена нашими стрелками - мы только заставляли их бегать вдоль стены, выкрикивая насмешки и угрозы врагу.Вскоре я придумал испытать одну вещь. Я сконцентрировал весь свой могучий разум на стрелках, созданных моим собственным воображением - каждый из нас производит и руководит таким количеством стрелков, какое способны создать его ум и воображение. Для первого раза я заставил их приложить стрелы к лукам. Я заставил их целиться в сердца зеленых людей. Я делал это так, чтобы это видели зеленые люди, затем я сделал так, чтобы они увидели летящие стрелы, и я заставил их думать, что наконечники проникли в их сердца. Это было то, что надо. Сотнями посыпались они с наших стен, и когда мои товарищи увидели, что я сделал, они быстро после-

делали моему примеру, так что скоро орды Торказа отступили в пределы, недоступные для наших стрел. Мы могли убивать их с самого дальнего расстояния, но одно правило ведения войны соблюдали мы с самого начала - правило реализма. Мы не делали ничего, или, точнее, не заставляли ничего делать наших стрелков вне поля зрения наших врагов, что было бы им непонятно. Иначе наша правда была бы разгадана, и это было бы концом для нас. Но когда воины Торказа отступили на расстояние полета стрелы, они повернули против нас свои страшные ружья, и, ведя по нам непрерывный огонь сделали наше пребывание на стенах города нестерпимым. Тогда я и додумался до возможности бросить наших стрелков через ворота на врага. Сегодня ты видел, как хорошо это получилось. Уже в течение многих веков зеленые воины время от времени совершают на нас набеги, но с одинаковым успехом.

- И все это благодаря твоему уму, Иав? - спросил Карторис. - Я думаю, что ты должен быть в самом высшем свете своих людей.

- Я главный помощник Тарно, - гордо сказал Иав.

- Но почему же ты таким странным образом приближаешься к его трону?

- Тарно требует этого. Он очень завидует мне и ожидает малейшего повода, чтобы отдать меня Комалу. Он боится, что я однажды захвачу у него власть.

Карторис внезапно вскочил из-за стола.

- Иав, - воскликнул он. - Я зверь! Я ем досыта, а принцесса Птарса, возможно, находится без пищи. Давай вернемся и найдем возможность доставить ей пищу.

Иав покачал головой.

- Тарно не допустит этого, - сказал он. - Он, без сомнения, попытается сделать ее нереальной.

- Но я должен идти к ней, - настаивал Карторис. - Ты сказал, что в Лотаре нет женщин. Тогда она, должно быть, находится среди мужчин, а если это так, я собираюсь быть рядом с ней, где я смогу, при необходимости, защитить ее.

- Тарно сделает это сам, - настаивал Иав. - Он отослал тебя, и ты не можешь вернуться, пока он этого не захочет.

- Тогда я пойду, не дожидаясь его приглашения.

- Не забывай о стрелках, - предостерег его Иав.

- Нет не забываю, - ответил Карторис, но не сказал Иаву, что он помнит еще кое-что, о чем тот умолчал, и это давало ему надежду.

Карторис поднялся, чтобы идти. Иав встал перед ним, преграждая путь.

- Ты успел понравиться мне, красный человек, - сказал он. - Но не забывай, что Тарно все еще мой джеддак, а он приказал, чтобы ты оставался здесь.

Карторис собирался ответить, когда до них донесся слабый женский крик о помощи.

Одним движением руки принц Гелиума отбросил жителя Лотара в сторону и с обнаженным мечом выскочил в коридор.

VIII. ЗАЛ СМЕРТИ

Когда Тувия из Птарса увидела, что Карторис уходит, оставляя ее одну с Тарно, ее охватил ужас. Дух таинственности наполнял величественный зал. Его обстановка говорила о богатстве и культуре и наводила на мысль, что им часто пользовались как местом для королевских торжеств, и в такие дни он был заполнен до отказа.

А сейчас ни в прихожей, ни в коридоре не было и признака других существ, кроме ее самой и полулежащего джеддака Тарно, наблюдающего за ней из-под прикрытых век со своего великолепного ложа.

Некоторое время после ухода Иава и Карториса, человек внимательно ее разглядывал. Затем он заговорил:

- Подойди ближе, - сказал он, а когда она подошла, продолжал:

- Чье ты создание? Кто осмелился материализовать свое представление о женщине? Это противно обычаям и королевским указам Лотара. Скажи мне, женщина, чей мозг создал тебя? Иава? Нет, не отрицай этого. Я знаю, что это не мог быть никто иной, как завистливый реалист. Он стремится соблазнить меня. Он надеется увидеть, как я паду перед обаянием твоих чар, и тогда он, твой хозяин, будет распоряжаться моей судьбой - моим концом. Я все это представляю. Я все это представляю!

Краска негодования и гнева прилила к лицу Тувии. Ее подбородок был поднят, прекрасно очерченные губы ее надменно изогнулись.

- Я не знаю, что вы болтаете, - закричала она. - Я Тувия, принцесса Птарса. Я не плод чьего-то воображения. Никогда до сегодняшнего дня я не видела вашего нелепого города, о кото-

ром величайшие нации Барсума никогда и не слышали. Мои чары предназначены не для тебя, или таких как ты. Они не продаются и не обмениваются, хотя ценой им был настоящий трон. А что касается того, чтобы употребить их для победы над твоей поверхностной властью... - Она закончила предложение пожатием своих великолепных плеч и презрительным смехом.

Когда она закончила, Тарно сидел на краю своего ложа с ногами, опущенными на пол. Он наклонился вперед с широко открытыми от возбуждения глазами: казалось, он не замечал ее оскорбительных слов и манер. В ее словах, очевидно, было что-то возбуждающее и неотразимое.

Он медленно поднялся на ноги.

- Клянусь клыками Комала! - пробормотал он. - Но ты реальная! Живая женщина! Не мечта! Не глупый и тщетный вымысел разума!

Он шагнул к ней с протянутыми руками.

- Подойди, - прошептал он. - Подойди, женщина. Многие века мечтал я, что когда-нибудь ты придешь. А теперь, когда ты здесь, я едва могу поверить своим глазам. Даже сейчас, зная, что ты реальная, я все же страшусь, что ты обман.

Тувия отпрянула. Она думала, что он сошел с ума. Рука ее потянулась к украшенной бриллиантами рукоятке кинжала. Мужчина заметил этот жест и остановился. Хитрое выражение появилось в его глазах. Затем они стали мечтательными и пронзительными, как бы сверля девушку.

Тувия почувствовала в себе внезапную перемену. О причинах ее она не догадывалась, но каким-то образом человек, стоящий напротив, начал вызывать в ее сердце новое отношение.

Он больше не казался ей страшным и таинственным врагом, а стал старым и доверительным другом. Ее рука соскользнула с рукоятки кинжала. Тарно подошел ближе. Он произносил мягкие дружеские слова, а она отвечала ему голосом, который казался ей чужим.

Теперь он был рядом с ней. Его рука лежала на ее плече. Его глаза были устремлены на нее. Она смотрела ему в лицо. Его взгляд, казалось, проникал в скрытые источники ее души.

Губы девушки приоткрылись в благоговейном трепете и удивлении при странном освобождении внутренней силы, которое обнажило ее сознание. Она знала Тарно всегда. Он был для нее ближе, чем друг. Она подвинулась к нему. Внезапно она поняла правду. Она любила джеддака Лотара, она любила Тарно. Она всегда любила его.

Мужчина, увидев успех своих действий, не смог удержать слабой улыбки удовлетворения. То ли промелькнуло что-то в выражении его лица, то ли от Карториса, принца из Гелиума, находящегося в дальнем зале дворца, дошли до нее более властные внушения - кто может это знать? Но вдруг что-то рассеяло странное, таинственное влияние на нее этого человека.

Как будто маска была сорвана с ее глаз.

Тувия внезапно увидела Тарно прежними глазами и, привыкшая к странному проявлению высокоразвитого ума, который является обычным для Барсума, сразу догадалась, что она в смертельной опасности.

Она быстро отступила, освободившись от его объятий, но мимолетное прикосновение к ней пробудило в Тарно давно уснувшие страсти.

С приглушенным криком он бросился на нее, обхватил ее своими руками и страстно ища своими губами ее губы.

- Женщина! - закричал он. - Прекрасная женщина! Тарно сделает тебя королевой Лотара. Слушай меня. Прислушайся к любви последнего джеддака Барсума!

Тувия пыталась освободиться от его объятий.

- Остановись, человек! - крикнула она. - Остановись! Я не люблю тебя. Остановись, или я позову на помощь!

Тарно засмеялся ей в лицо.

- Позовешь на помощь? - передразнил он ее. - А кто в залах Лотара может ответить на твой призыв? Кто осмелится войти к Тарно без приказания?

- Есть один человек, - ответила она, - который войдет и, войдя, отважится сразить тебя на твоем троне, если он узнает, что ты оскорбил Тувию из Птарса.

- Это Иав? - спросил Тарно.

- Не Иав и ни один из жителей Лотара, - ответила она, - а настоящий человек, настоящий воин - Карторис из Гелиума!

Опять мужчина засмеялся над ней.

- Ты забываешь о стрелках, - напомнил он. - Что может сделать твой красный воин против моих бесстрашных легионов.

Он снова грубо притянул ее к себе и потащил к своему ложу.

- Если ты не хочешь быть моей королевой, - сказал он, - ты будешь моей рабыней.

- Нет, - закричала девушка.

Произнеся это слово, она сделала быстрое движение правой рукой. Тарно, освободив ее, скорчившись, повернулся. Обе руки его были прижаты к боку. В тот же миг комната наполнилась стрелками, а джеддак Лотара без чувств упал на мраморный пол.

В тот момент, когда он потерял сознание, стрелки были готовы выпустить свои стрелы в сердце Тувии. Непроизвольно она издала крик о помощи, хотя знала, что даже Карторис из Гелиума не сможет спасти ее.

Тогда она закрыла глаза в ожидании конца. Ни одна стрела не пронзила ее тело. Она подняла веки, чтобы посмотреть, что остановило руки ее палачей.

В комнате не было никого, кроме нее самой и лежащего у ее ног в том же положении джеддака Лотара. Маленькая лужица темно-красной крови растекалась на белом мраморе поля рядом с ним. Тарно был без сознания.

Тувия была озадачена. Куда исчезли стрелки? Почему они не выпустили в нее свои стрелы? Что все это могло значить?

Минуту тому назад комната была наполнена вооруженными людьми, призванными явно для защиты своего джеддака, со всеми доказательствами ее поступка; они исчезли так же таинственно, как и появились, оставляя ее одну с телом своего правителя, в чей бок она вонзила длинное острое лезвие своего кинжала. Девушка в страхе огляделась, сначала ища следы возвращения стрелков, а затем в поисках средств к побегу.

В стене за возвышением находились две маленькие двери, скрытые тяжелыми драпировками. Тувия быстро побежала к одной из них, когда услышала позади бряцанье воинского металла.

О, если бы у нее было еще одно мгновение, она достигла бы этих прикрывающих дверь гобеленов и нашла бы способ убежать, но теперь было слишком поздно - она была обнаружена!

С чувством, близким к агонии, она обернулась, чтобы встретить свою судьбу, и увидела быстро бегущего к ней Карториса с обнаженным длинным мечом, блестевшим в его руке.

А она сомневалась в намерениях принца Гелиума! Она считала его участником похищения. С тех пор, как судьба свела их вместе, она едва удостаивала его поверхностными ответами на его замечания, пока странные и ужасные происшествия в Лотаре не вывели ее из заблуждения. Она знала, что Карторис из Гелиума будет бороться за нее, но сомневалась, хочет ли он спасти ее для себя, или для другого.

Он знал, что она была обещана Кулан Титу, джеддаку Каола, но если он способствовал ее похищению, мотивы его поступка не могли быть подсказаны верностью друга или заботой о ее чести.

И все же, когда она увидела его бегущим по мраморному полу через зал аудиенций Тарно из Лотара с глазами, полными беспокойства за ее безопасность, его стройную фигуру, олицет-

воряющую все самое прекрасное для воина с Марса, она не могла поверить, что малейший след предательства таился под этой прекрасной внешностью.

"Никогда в жизни, - думала она, - ни один мужчина не был так нужен ей". Она с трудом сдержала себя, чтобы не броситься ему навстречу.

Она знала, что он любит ее, но она помнила, что обещана Кулан Титу. Она не могла даже показать всю глубину своей признательности принцу Гелиума, боясь, что он неправильно поймет ее.

Карторис теперь был рядом с ней. Его быстрый взгляд пробежал по комнате, заметив и неподвижную фигуру джеддака, распростертую на полу, и девушку, спешившую к открытому выходу.

Он причинил тебе зло, Тувия? - спросил он. Она подняла темно-красное лезвие, чтобы он мог видеть его.

- Нет, - сказала она, - он не причинил мне зла.

Зловещая улыбка осветила лицо Карториса.

- Позор вашим предкам! - пробормотал он. - А теперь давай посмотрим, удастся ли нам скрыться из этого проклятого города прежде, чем их жители обнаружат, что их джеддак больше не существует.

С твердой уверенностью, которая так подходила к тому, в чьих жилах текла кровь Джона Картера из Виргинии и Дея Торис из Гелиума, он взял Тувию за руку, и, повернувшись, через весь зал устремился широкими шагами к большой двери, через которую Иав ввел их к джеддаку в этот день.

Они почти достигли порога, когда какая-то фигура влетела в зал через другой вход: это был Иав.

Он тоже окинул взглядом всю сцену. Карторис повернулся к нему с готовым к бою мечом в руке и своим телом закрывая стройную фигуру девушки.

- Подходи, Иав из Лотара! - воскликнул он. - Давай сразу же решим наш спор, так как только один из нас может покинуть этот зал живым с Тувией из Птарса. - Затем, увидев, что тот безоружен, он воскликнул: - вызывай своих стрелков, или следуй за нами, как пленник, пока мы безопасно не покинем твой призрачный город.

- Ты убил Тарно? - воскликнул Иав, не обращая внимания на вызов Карториса. - Ты убил Тарно! Я вижу кровь на полу, настоящую кровь - это настоящая смерть. Тарно был таким же реальным, как и я! И все же он был нереален. Он не мог материализоваться. Разве могут они быть правы? Да, но мы тоже

не правы! И все эти века мы ссорились, убеждая, что не прав другой... Однако, он мертв! Я этому рад. Теперь Иав займет свое место. Теперь Иав станет джеддаком Лотара!

Когда он кончил, Тарно открыл глаза и быстро сел.

- Предатель! Убийца! - закричал он. - Кадар! Кадар! - так жители Барсума вызывают стражу.

Иав смертельно побледнел. Он упал на живот и пополз к Тарно.

- О, мой джеддак, мой джеддак! - захныкал он. - Иав не причастен к случившемуся. Иав твой преданный слуга. Иав только сейчас вошел в зал и нашел тебя на полу и этих двух чужестранцев, собирающихся бежать. Я не знаю, как все произошло. Поверь мне, славнейший из джеддаков!

- Прекрати, мошенник! - закричал Тарно. - Я слышал твои слова: "Однако он мертв. Я рад этому. Теперь Иав займет свое место! Теперь Иав станет джеддаком Лотара!". Наконец-то, предатель, я разоблачил тебя. Ты своими словами сам вынес себе приговор, как и поступки этих красных людей определили их судьбу, если только... - он остановился, - ... если женщина не ...

Но он не успел продолжить. Карторис догадался, что тот хотел сказать, и до того, как слова были произнесены, он прыгнул и ударил Тарно ладонью по лицу.

Тарно вскипел от злости и унижения.

- А посмей ты еще раз обидеть принцессу Птарса, - предупредил юноша, - я не посмотрю, что у тебя нет меча. Я не смогу остановить свою зудящую руку с мечом.

Тарно отпрыгнул назад к маленьким дверцам, находящимся за его спиной. Он попытался заговорить, но мускулы его лица так отвратительно работали, что он в течение нескольких минут не мог произнести ни слова. Наконец, ему удалось произнести вразумительное:

- Умри! - закричал он. - Умри! - и повернулся к выходу за спиной.

Иав прыгнул вперед, вопя в ужасе:

- Сжалься, Тарно! Сжалься, Тарно! Вспомни долгие века, когда я верно служил тебе. Вспомни все, что я сделал для Лотара! Не приговаривай меня к ужасной смерти! Спаси меня! Спаси меня!

Но Тарно только рассмеялся и продолжал поворачиваться к драпировкам, скрывающим маленькую дверцу. Иав повернулся к Карторису.

- Останови его! - закричал он. - Останови его! Если ты любишь жизнь, не давай ему уйти из этой комнаты, - и, произнеся эти слова, он бросился в погоню за своим джеддаком.

Карторис последовал его примеру, но "последний из джеддаков" был очень быстр. К тому времени, как они достигли гобеленов, за которыми тот исчез, они обнаружили, что тяжелая каменная дверь преграждает дальнейший путь.

Иав бросился на пол в припадке ужаса.

- Подойди сюда, человек, - закричал Карторис. - Мы еще не мертвы. Давай попытаемся покинуть город. Мы еще живы, а пока мы живы, мы можем попытаться сами определить свою судьбу. Что за польза в том, что ты безвольно опустился на пол? Успокойся, будь мужчиной!

Иав лишь покачал головой.

- Ты разве не слышал, что он позвал стражу? - простонал он. О, если бы нам удалось перехватить его. Тогда бы у нас была надежда, но он слишком быстро скрылся.

- Хорошо, хорошо, - нетерпеливо воскликнул Карторис. - Ну и что из того, что он позвал стражу. У нас будет достаточно времени побеспокоиться обо всем после их прихода, пока я не знаю, что они составили себе труд подчиниться вызову их джеддака.

Иав печально покачал головой.

- Ты не понимаешь, - сказал он. - Караул уже приходил и ушел. Они сделали свое дело, и мы погибли. Посмотри на все выходы.

Карторис посмотрел на двери, расположенные в стенах большого зала. Каждая дверь была плотно закрыта огромной каменной дверью.

- Ну и что? - спросил Карторис.

- Мы должны умереть, - бессильно прошептал Иав. Больше он не произнес ничего, сел на край ложа джеддака и стал ждать.

Карторис придвинулся к Тувии и стал с обнаженным мечом так, чтобы можно было видеть весь зал, и чтобы враг не мог приблизиться незамеченным.

Им казалось, что много часов ничто не нарушало тишины их могилы. Никакого знака не подавали их палачи с того времени, как их замуровали. Им ничего не было известно о времени и характере их смерти. Неопределенность их положения была ужасна. Даже Карторис из Гелиума чувствовал огромное напряжение нервов. Если бы он знал, как и откуда придет смерть, он

смог бы встретить ее безбоязненно, но так долго страдать от ужасного напряжения и неопределенности, не зная планов убийц, было мучительно.

Тувия из Питарса приблизилась к нему. Она чувствовала себя безопаснее, когда ее рука лежала на его руке, а юноше соприкосновение с ней давало силы. Он с улыбкой повернулся к ней.

- Кажется, что они пытаются испугать нас до смерти, - сказал он, смеясь. - Да покроет меня позор, но я должен признаться, что они близки к достижению своей цели в отношении меня.

Она собиралась ответить, когда полный ужаса крик сорвался с губ жителя Лотара.

- Наступает конец! - закричал он. - Наступает конец! Пол! Пол! О, Комал, будь милосерден!

Тувии и Карторису не нужно было смотреть на пол, чтобы заметить его странное движение. Мраморные плиты медленно опускались во всех направлениях к центру. Вначале их постепенное движение было едва заметно, но вскоре угол стал так велик, что можно было стоять, лишь опустившись на одно колено.

Иав все еще кричал и хватался за королевское ложе, которое уже начинало скользить к центру комнаты, где Тувия и Карторис заметили маленькое отверстие, которое росло в диаметре по мере того, как пол принимал форму воронки. Становилось все труднее удерживаться на головокружительном наклоне гладкого и полированного мрамора. Карторис пытался поддерживать Тувию, но сам начал скользить в увеличивающееся отверстие в центре воронки.

Чтобы лучше держаться за гладкий камень, он сбросил свои сандалии из шкуры зитидара и укрепился на вызывающей тошноту высоте, протянув руку для поддержки девушки.

Она в ужасе схватила его руками за шею. Ее щека была рядом. Смерть, невидимая и неизвестная, казалось, находится близко, и из-за неизвестности была еще более ужасной.

- Мужайся, моя принцесса! - прошептал он.

Она посмотрела ему в глаза и увидела улыбку на его губах и смело смотрящие глаза, не тронутые страхом.

Затем пол стал наклоняться еще быстрее. Они опять начали скользить в отверстие. В ушах зазвенели полные ужаса и отчаяния крики Иава, и все трое вскоре оказались на королевском ложе Тарно, которое застряло в начале мраморного коридора.

На мгновение они вздохнули спокойно, но тотчас же заметили, что вход увеличивается, и ложе скользнуло вниз. Иав опять закричал. Их охватило неприятное чувство, когда все опустилось под ними, и они падали в темноту навстречу неизвестной гибели.

IX. БИТВА НА РАВНИНЕ

Расстояние от пола зала до дна этой трубы не могло быть большим, так как все три жертвы гнева Тарно приземлились невредимыми. Карторис, все еще прижимая Тувию к груди, приземлился, как кошка, на ноги, чтобы ослабить удар для девушки. Едва его ноги коснулись грубых каменных плит этого нового подземного зала, как меч его был уже готов к немедленному употреблению. Но, хотя комната была освещена, вокруг не было и признака врага.

Карторис посмотрел на Иава. Тот был бледен, как смерть, от страха.

- Какова же будет наша судьба? - спросил юноша. - Скажи мне, человек. Стряхни с себя страх и скажи мне, чтобы я мог приготовиться продать свою жизнь и жизнь принцессы Птарса как можно дороже.

- Комал! - прошептал Иав. - Нас сожрет Комал.

- Ваше божество? - спросил Карторис.

Житель Лотара кивнул головой. Затем он указал на низкий проход в углу зала.

- Оттуда он придет к нам. Выбрось свой слабый меч, глупец. Это только больше разозлит его и усилит наши страдания.

Карторис улыбнулся, еще крепче сжав свой длинный меч.

Иав издал вдруг ужасающий вопль и в то же время указал на дверь.

- Он пришел, - захныкал он.

Карторис и Тувия посмотрели в направлении, указываемом Иавом, ожидая увидеть ужасное и наводящее страх существо в человеческом обличии, но, к их удивлению, они увидели широкую голову и закрытые гривой огромные плечи гигантского бенса, самого большого из виденных ими.

Медленно, с чувством собственного достоинства, могучий зверь продвигался по комнате. Иав упал на пол и извивался всем телом в такой же рабской манере, как он делал это перед Тарно. Он заговорил со свирепым зверем, как заговорил бы с живым человеком, моля о пощаде.

Карторис встал между Тувией и бенсом, готовый отразить нападение того.

Тувия повернулась к Иаву.

- Это и есть Комал, ваш бог? - спросила она. Иав утвердительно кивнул. Девушка улыбнулась, и, проскочив мимо Карториса, быстро шагнула к рычащему плотоядному животному.

Низким твердым голосом заговорила она с ним, как говорила с бенсами в Золотых Скалах и у стен Лотара.

Зверь перестал рычать. С опущенной головой и кошачьим мяуканьем он подполз к ногам девушки. Тувия повернулась к Карторису.

- Это всего-навсего бенс, - сказала она. - Нам незачем бояться его.

Карторис улыбнулся.

- Я и не боялся его, - ответил он. - Я тоже верил, что это будет бенс, а у меня есть мой длинный меч.

Иав сел и уставился на происходящее. Стройная девушка заплетала рыжевато-коричневую гриву огромному существу, которое он принял за божество, а Комал терся своей мордой о ее бок.

- Это и есть ваш бог? - засмеялась Тувия.

Иав выглядел озадаченным. Он не знал, осмелится ли он смотреть на Комала, поскольку так сильна власть религиозных предрассудков, что даже если мы и знаем, что почитали обман, все же мы колеблемся признать законность наших вновь приобретенных убеждений.

- Да, - сказал он. - Это Комал. В течение веков врагов Тарно бросали в эту яму, чтобы наполнить его утробу, так как Комала нужно было кормить.

- А есть ли выход из этого зала на улицы города? - спросил Карторис.

Иав вздрогнул.

- Я не знаю, - ответил он. - Мне никогда не приходилось бывать здесь раньше, никогда не было у меня такого желания.

- Успокойся, - проговорила Тувия. - Давай исследуем все. Должен быть выход.

Все трое приблизились к двери, через которую вошел Комал. За ней находилось логовище с низким сводом и с маленькой дверцей в дальнем углу.

Она, к их радости, открылась при поднятии обычной щеколды, выпуская их на обычную круглую арену, окруженную рядами мест.

- Вот место, где Комала кормят при публике, - объяснил Иав. - Если бы Тарно осмелился, наша судьба решилась бы здесь, но он очень боялся лезвия острого меча красного человека, поэтому опустил нас в яму. Я не знал, что эти два зала так близко связаны. Теперь мы легко можем достичь улиц и ворот города. Только стрелки могут препятствовать нашему освобождению, но, зная их секрет, я сомневаюсь, что в их власти повредить нам.

Другая дверь вела к ступенькам, поднимавшимся от арены наверх через скамейки к выходу в конце зала. За ней находился прямой широкий коридор, ведущий прямо через двери в сады.

Никто не появился, чтобы спросить их, когда они проходили здесь. Могучий Комал шагал рядом с девушкой.

- Где же люди из дворца, свита джеддака? - спросил Карторис. Даже на улицах города, по которым мы прошли, я не видел признаков живых существ, а все кругом свидетельствует о большом населении.

Иав вздохнул.

- Бедный Лотар, - сказал он. - Это действительно город призраков.

Нас осталось едва тысяча, а раньше насчитывалось миллионы. Наш великий город населен созданиями нашего собственного воображения. Для наших нужд нам нет необходимости материализовывать этих людей, созданных нашим разумом, и все они для нас очевидны.

- Даже сейчас я вижу огромные толпы, наводняющие проспект, спешащие туда и сюда по своим делам. Я вижу женщин и детей, смеющихся на балконах - это нам запрещено материализовывать, но я все же вижу их, они здесь... Почему же нет, - задумчиво произнес он. - Теперь мне нечего бояться Тарно - он сделал самое худшее и потерпел неудачу. Остановитесь, друзья, - произнес он. - Не хотите ли посмотреть на Лотар во всем его величии?

Карторис и Тувия согласно кивнули головами, больше из вежливости, а не потому, что уловили значение сказанного им.

Иав проницательно посмотрел на них короткое мгновение, затем сделал жест рукой, воскликнув: - Смотрите!

Картина, представшая перед ними, вызывала трепет. Там, где до сих пор не было ничего, кроме пустынных мостовых и алых газонов, зияющих оконных проемов и дверей, теперь толпилось бесчисленное количество счастливых смеющихся людей.

- Это прошлое, - сказал Иав низким голосом - Они не видят нас - они живут жизнью старого мертвого прошлого древнего Лотара, мертвого и погибшего Лотара античности, который стоял на берегу Трокуса, самого могучего из пяти океанов.

- А посмотрите на этих прекрасных стройных мужчин, шагающих вдоль по широкому проспекту. Посмотрите на молодых девушек и женщин, улыбающихся им. Посмотрите, как мужчины приветствуют их с любовью и уважением. Это мореплаватели, сошедшие с кораблей, причаливших в порту на краю города.

- Это смелые люди. Но слава Лотара поблекла. Посмотрите на их оружие! Только они носили оружие, потому что они пересекали пять морей, чтобы достичь таинственных мест, где их подстерегала опасность. С их уходом исчез и воинственный дух жителей Лотара, превратив их с течением веков в расу мягкотелых трусов!

- Мы ненавидели войну и не готовились к ней, не готовили нашу молодежь. Это и привело к нашей гибели, так как, когда высохли моря, и зеленые орды напали на нас, нам ничего не оставалось, кроме спасения бегством. Но мы помнили морских стрелков дней нашей славы - наши воспоминания о них мы и обратили против наших врагов.

Когда Иав кончил говорить, картина исчезла, и трое продолжали путь к далеким воротам по пустынным проспектам.

Дважды им попадались жители Лотара из плоти и крови. При виде их и огромного бенса, в котором они узнавали Комала люди поворачивались и убегали.

- Они донесут Тарно о нашем побеге, - закричал Иав. - И скоро он пошлет стрелков за нами. Давайте надеяться, что наша теория правильна, и их стрелы бессильны против разума, осведомленного об их нереальности. Иначе мы обречены! Красный человек, объясни женщине правду, которую я поведал тебе, чтобы она встретила стрелы сильным обратным внушением невосприимчивости, то есть внушила себе, что она неприкосновенна для этих стрел.

Карторис сделал, о чем просил его Иав, но они подошли к большим воротам без признаков погони. Здесь Иав привел в движение механизм, открывающий похожие на колесо огромные ворота, и минутой позже трое сопровождаемые бенсом вышли на равнину перед городом.

Не успели они пройти и ста ярдов, как до них донеслись крики множества мужчин. Повернувшись, они увидели группу стрелков, выходящих на равнину из ворот, через которые они только что прошли.

На стене над воротами находилась еще одна группа жителей Лотара, среди которых Иав узнал Тарно. Джеддак стоял и смотрел на них, явно сконцентрировав на них все силы своего тренированного ума. Было очевидно, что он делал сверхчеловеческие усилия, чтобы умертвить своих врагов.

Иав побледнел и начал дрожать. В решающий момент он потерял мужество. Огромный бенс повернулся к движущимся на них стрелкам и зарычал. Карторис стоял между Тувией и врагами, лицом к ним в ожидании их наступления.

Внезапно Карториса осенило:

- Брось своих стрелков против стрелков Тарно! - закричал он Иаву. Давайте посмотрим на нематериализованную битву между двумя умами.

Иав ухватился за это предложение, и в следующую минуту все трое стояли позади плотных рядов огромных стрелков, бросавших насмешки и угрозы надвигающимся группам, выступившим из окруженного стеной города.

Иав словно преобразился в тот момент, когда его батальоны предстали перед Тарно. Можно было поклясться, что любой человек поверил бы в то, что эти существа, созданные гипнотической силой, сделаны из плоти и крови.

С хриплыми воинственными криками они атаковали стрелков Тарно. Острые стрелы полетели густо и быстро. Стрелки и земля были красные от крови.

Карторис и Тувия с трудом мирились с реальностью происходящего. Они видели, как сотня за сотней воинов маршировали стройными рядами для поддержки бесчисленных воинов, которых Тарно посылал вперед, чтобы усмирить их.

Они видели, что войско Иава соответственно увеличивалось, пока все вокруг них не превратилось в сражающееся и ругающееся море воинов. Мертвые грудами лежали в поле.

Иав и Тарно, казалось, забыли обо всем, кроме сражающихся стрелков, которые то наступали, заполняя широкое поле между лесом и городом, то отступали.

Лес темным пятном вырисовывался за Тувией и Карторисом. Карторис бросил взгляд на Иава.

- Пошли! - прошептал он девушке. - Оставим их вести свой беспощадный бой - никто из них не способен нанести вред другому. Пока они заняты боем, мы посвятим свои силы поискам прохода на расположенную за скалами равнину.

Пока он говорил, Иав отвлекся на мгновение от боя и уловил его слова. Он видел, как девушка двинулась за воином из Гелиума. Хитрое выражение мелькнуло в глазах Иава.

Девушка, удаляющаяся сейчас от него, глубоко запала в его сердце с тех пор, как он впервые увидел ее. Он не подозревал этого до настоящей минуты, когда она, казалось, могла навеки исчезнуть для него.

На мгновение он сконцентрировал свою волю на юноше и девушке.

Карторис увидел, как Тувия шагнула вперед с вытянутыми руками. Он удивился ее внезапному смягчению по отношению к нему, и с радостным сердцем они соединили руки и повернулись от забытого Лотара к лесу и направили свой путь к отдаленным горам.

Когда житель Лотара повернулся к ним, Тувия была удивлена, услышав новый план Карториса.

- Оставайся здесь с Иавом, - услышала она его слова, - пока я буду искать проход в скалах.

Она отступила, удивленная и разочарованная, так как знала, что нет причины, препятствовавшей ей сопровождать Карториса. Конечно же, с ним она была в большей безопасности, чем с Иавом.

Иав наблюдал за ними и улыбался своей хитрой улыбкой.

Когда Карторис исчез в лесу, Тувия безразлично уселась на красную траву, наблюдая кажущееся бесконечным сражение стрелков.

Длинный день клонился к закату, а воображаемые легионы атаковали и отступали. Солнце уже почти зашло, когда Тарно начал отводить свои войска обратно к городу.

Его намерение прекратить военные действия на время ночи встретило полное понимание Иава, так что он заставил свои войска построиться в сотни и уйти к краю леса, где они скоро занялись приготовлением вечерней еды и расстилали свои шелка и меха на ночь.

Тувии едва удавалось сдерживать улыбку, когда она видела, как тщательно соблюдают воины все мельчайшие детали поведения, созданные воображением Иава. Так правдиво, как будто они были из настоящей плоти и крови.

Были выставлены караулы между лагерем и городом. Офицеры расхаживали по лагерю, отдавая команды и следя за их правильным исполнением.

Тувия повернулась к Иаву.

- Для чего все это? - спросила она. - Зачем вы с такой точностью соблюдаете правила, определенные воинским уставом, когда и Тарно, и вы знаете, что войска являются лишь плодом вашего воображения? Почему не разрешить им просто разойтись, пока вам не потребуются их услуги?

- Ты не понимаешь, - ответил Иав. - Пока они существуют, они реальны. Я призываю их к существованию и руковожу их действиями. Но если я распущу их, они будут такими же подлинными, как ты и я. Их офицеры командуют ими под моим руководством. Я их генерал - и это все. И психологический эффект на врага гораздо больше, чем если бы я обращался с ними, как с нематериальными существами. Затем, - продолжал Иав, - всегда существует надежда, в которую мы мало верим, что однажды эти плоды нашей материализации станут реальными - что они останутся, хоть некоторые из них, и, таким образом, мы откроем способ восстановления нашей умирающей расы. Находятся такие, которые заявляют что закончили процесс. Предполагается, что среди нереальных людей есть малое количество, которое является постоянной материализацией. Говорят даже, что такие как Тарно и являются ими, но такого быть не может, потому что он существовал до того, как мы обнаружили все возможности такого предположения. Есть среди нас и такие, которые утверждают, что ни один из нас не реален. Что мы не могли бы просуществовать все эти века без материальной еды и воды, если бы мы были материальными. Хотя я и реален, а склоняюсь к этой теории. Кажется верным и разумным основываться на вере, что наши древние праотцы развили так чудесно свои умственные способности, что самые сильные умы жили и после смерти своих тел - и мы бессмертные умы индивидуумов, которые давно умерли. С другой стороны, насколько я знаю, у меня есть все признаки материального существа. Я ем, сплю, - он сделал паузу, бросая многозначительный взгляд на девушку. - Я люблю!

Тувия не могла ошибиться в очевидности значения его слов и выражения его лица. Она отвернулась с еле заметной дрожью отвращения, которое не ускользнуло от Иава.

Он приблизился к ней и схватил ее за руку.

- А почему не Иав? - воскликнул он. - Кто более почетен, чем второй из древнейшей расы в мире? Твой житель Гелиума? Он ушел. Он предоставил тебя твоей судьбе, чтобы спасти себя. Иди ко мне, будь моей!

Тувия из Птарса поднялась во весь рост, ее поднятые плечи повернулись к мужчине, ее подбородок был высоко вздернут, презрительно скривились губы.

Ты лжешь! - тихо произнесла она. - Житель Гелиума меньше знает о неверности, чем о страхе, а в страхе он так же несведущ, как младенец.

- Тогда где он? - усмехнулся Иав. - Я говорю тебе, что он сбежал из долины. Он предоставил тебя себе самой. Но Иав докажет, что судьба твоя чудесна. Завтра мы войдем в Лотар во главе моей победоносной армии, и я стану джеддаком, а ты - моей супругой. Иди сюда! - и он попытался прижать ее к своей груди.

Девушка пыталась освободиться, ударяя мужчину своими металлическими браслетами. И все же он притянул ее к себе, как вдруг оба были внезапно испуганы ужасающим рычанием, донесшимся из темного леса недалеко от них.

X. КАР КОМАК - СТРЕЛОК

Когда Карторис пробирался по лесу к дальним горам, все еще крепко сжимая руку Тувии в своей руке, его немного удивляло продолжительное молчание девушки. Ему было столь приятно ощущать прикосновение ее прохладной руки, что он боялся разорвать чары вновь найденного ее расположения своим разговором.

Далее они шли через темный лес до тех пор, пока на них не стали спускаться тени быстро надвигающейся марсианской ночи. Тогда Карторис решил заговорить с девушкой.

Они вместе должны подумать о будущем. Это была его идея - пройти прямо через скалы, если им удастся найти проход, и он был уверен, что он находится рядом с ним, но юноша хотел узнать мнение Тувии.

Когда его взгляд упал на девушку, Карториса поразила ее странная эфирная внешность. Она, казалось, внезапно растаяла в темной реальности ночи. Он продолжал смотреть на нее, и она медленно сникала под его взглядом.

На мгновение он был ошеломлен, и внезапно вся правда предстала перед ним. Иав заставил его поверить в то, что Тувия сопровождает его в лесу, а в действительности он удержал девушку при себе.

Карториса охватил ужас. Он проклинал себя за глупость, и все же он знал, что дьявольская власть жителя Лотара, которой тот воспользовался, чтобы ввести юношу в заблуждение, могла обмануть каждого.

Как только он понял правду, он повернул в направлении Лотара, но теперь он двигался быстро. Земные мускулы, которые он унаследовал от отца, быстро несли его по мягкому ковру опавших листьев и буйно разросшейся травы.

Серебристый свет луны затопил всю долину перед обнесенным стеной городом Лотаром, когда Карторис, выйдя из леса, остановился у больших ворот, через которые беглецы покинули город в этот день.

Сначала он не увидел никаких признаков людей. Равнина была пустынна. Толпа стрелков не располагалась больше под свисающей зеленью гигантских деревьев. Кровавые груды истерзанных мертвецов не портили красоты алых газонов. Кругом стояла тишина. Царил мир.

Житель Гелиума, остановившись на мгновение на опушке леса, зашагал через долину к городу, пока не увидел бесформенную груду у своих ног на траве.

Это было тело человека, лежавшего ничком. Карторис повернул тело на спину. Это был Иав, но истерзанный и искалеченный до неузнаваемости.

Принц низко склонился над телом, чтобы проверить, хранит ли оно признаки жизни, в этот момент веки Иава приподнялись, тоскливые и страдающие глаза взглянули на него.

- Принцесса Птарса! - воскликнул Карторис - Где она? Ответь мне, человек, или я закончу работу, которую до меня так хорошо начали.

- Комал, - пробормотал Иав. - Он прыгнул на меня... и разорвал бы на куски, если бы не девушка. Потом они оба ушли в лес - девушка и большой бенс... Пальцы ее обвивали его рыжевато-коричневую гриву и ласкали ее.

- Какой дорогой они пошли? - спросил Карторис.

- Здесь, - слабо ответил Иав, - к проходу в скалах.

Принц Гелиума больше ничего не хотел услышать и, вскочив на ноги, зашагал обратно в лес.

На рассвете он достиг начала темного туннеля, который приведет его в другой мир, подальше от этой долины призрачных воспоминаний и страшных гипнотических влияний и угроз.

На протяжении всего темного и страшного коридора он не столкнулся ни с каким препятствием и вышел, наконец, на дневной свет у подножия горы и на небольшом расстоянии от южной окраины владений Торказа, не более, чем в ста пятидесяти хаадов, самое большое.

От границ Торказа до города Аантора расстояние равнялось приблизительно двустам хаадам, и поэтому жителю Гелиума предстояло путешествие в сто пятьдесят земных миль, отделявших его от Аантора.

Самое лучшее, что он осмелился предложить, это то, что Тувия будет двигаться в направлении Аантора. Там лежала ближайшая вода, там можно было ожидать поисковую группу из владений ее отца, так как Карторис знал Туван Дина достаточно хорошо, чтобы предположить, что тот осмотрит каждый камень, пока не узнает правду о похищении своей дочери и не узнает все, что необходимо знать о ее местонахождении.

Он понимал, что обман, бросивший подозрение на него, отсрочит раскрытие правды, но едва ли он мог догадаться, до каких угрожающих размеров разрослись последствия злодейства Астока из Дузара.

Когда он появился из темной пасти коридора, он посмотрел в направлении Аантора. Но он не мог видеть, как боевой флот Птарса медленно летел к городам-близнецам, в то время, как из отдаленного Каола двигалась другая могучая армада, чтобы присоединиться к силам союзника.

Он не знал, что перед лицом случайных улик против него даже люди его страны начали подозревать его в похищении принцессы. Он не знал о тех подлостях, которые совершили жители Дузара, чтобы подорвать дружбу и союз между тремя великими державами Восточного полушария - Гелиумом, Птарсом и Каолом.

Не знал он, что агенты Дузара проникли на службу на ответственные посты в иностранных учреждениях трех великих наций, и как с помощью этих людей заменялись или подменивались послания одного джеддака другому, пока терпение и гордость этих трех правителей, когда-то друзей, не смогли терпеть унижения и оскорбления, содержащиеся в этих поддельных бумагах - ничего этого он не знал.

Не знал он и того, что до последнего момента Джон Картер, военный предводитель Барсума, отказывался разрешить джеддаку Гелиума объявить войну против Птарса и Каола из-за его полной веры в честность сына и в то, что со временем всему будет дано удовлетворительное объяснение.

А сейчас два великих флота двигались на Гелиум, в то время, как шпионы Дузара при дворе Тардос Морса следили за тем, чтобы города-близнецы оставались в неведении о грозившей им опасности.

Война была объявлена Туван Дином, но посыльный, отправленный с официальной бумагой, был шпионом Дузара, проследившим за тем, чтобы ни одного слова предупреждения не достигло двух городов о приближении флота противника.

В течение нескольких дней между Гелиумом и его двумя наиболее могущественными соседями были прерваны дипломатические отношения, и с отъездом министров наступил полный разрыв беспроволочной связи между спорящими, что было обычным для Барсума.

Но Карторис ничего не знал об этом. В настоящий момент его интересовало лишь местонахождение Тувии из Птарса. Ее след рядом со следами огромного бенса был хорошо виден в туннеле, и можно было заметить, что они направлялись к югу, к подножию гор.

Когда он быстро последовал по их следам вниз к мертвому морскому дну, где, как он был уверен, он должен был потерять след в упругой ярко-оранжевой растительности, он был удивлен, увидев обнаженного человека, приближающегося к нему с северо-востока.

Когда мужчина подошел поближе, Карторис подождал немного. Он видел, что человек не был вооружен, и что он был жителем Лотара, так как кожа его была белой, а волосы огненно-рыжими.

Он приблизился к Карторису без малейшего признака страха, а поравнявшись с ним, воскликнул бодрое: "Каор!" - приветствие марсиан.

- Кто ты? - спросил Карторис.

- Я - Кар Комак - командир стрелков, - ответил тот. - Со мной случилось странное. Много веков Тарно призывал меня к жизни, когда ему были нужны услуги созданной им вооруженной армии. Из всех стрелков Кар Комак чаще всего становился материальным. Длительное время Тарно концентрировал свой разум на том, чтобы материализовать меня навсегда. У него была навязчивая идея, что когда-нибудь это свершится, и будущее Лотара будет обеспечено. Он заявлял, что это осуществимо, так как все не материально, а существует в сознании людей, и он верил, упорствуя в своем желании, он в конце концов сделает из меня постоянное внушение в умах всех созданий. Вчера он преуспел, но в какое время! Это осталось ему неизвестно, как и мне, когда я со своим войском пронзительно кричащих стрелков преследовал бегущих воинов Торказа по ярко-оранжевым долинам. Когда стало темно, и пришло время раствориться в воздухе, я внезапно обнаружил, что один стою на краю обширной долины, которая

лежит вон там, у подножья низких холмов. Мои друзья ушли в небытие, откуда они и появились, а я остался - обнаженный и без оружия. Сначала я не мог понять, но, наконец, сообразил, что произошло. Продолжительные внушения Тарно, наконец, увенчались успехом, и Кар Комак стал реальным в мире людей, но мое одеяние и оружие исчезло вместе с моими товарищами, оставившими меня во враждебной стране далеко от Лотара.

- Ты хочешь вернуться в Лотар? - спросил Карторис.

- Нет, - быстро ответил Кар Комак. - я не люблю Тарно. Будучи созданием его ума, я знаю его слишком хорошо. Он жестокий и деспотичный хозяин, которому я не хочу служить. Теперь, когда ему удалось окончательно материализовать меня, он будет невыносим, и он будет продолжать создавать, пока не заполнит Лотар своими созданиями. Мне интересно, получилось ли у него так же хорошо с ДЕВОЙ Лотара?

- Я думал, там нет женщин, - ответил Карторис.

- В скрытых помещениях во дворце Тарно джеддак поддерживает воображаемую девушку в надежде, что она однажды станет реальной, - ответил Кар Комак. - я видел ее там. Она прекрасна. Но ради нее же, я надеюсь, что Тарно не удастся преуспеть в этом деле, как это удалось ему со мной.

Итак, красный человек, я рассказал тебе о себе. А что ты скажешь о себе?

- Я принц Гелиума, - сказал он, и рассказал стрелку о себе и о приключении, приведшим его в эту далекую страну.

- Хорошо! - воскликнул тот, когда юноша закончил. - Кар Комак будет сопровождать тебя. Мы вместе найдем принцессу Птарса, и вместе с тобой Кар Комак вернется в мир людей - в тот мир, который он знал давно, в минувшем прошлом, когда корабли могущественного Лотара бороздили свирепый Торкус, и ревущий прибой ударялся о преграду из этих высохших пустынных холмов.

- Что ты имеешь в виду? - спросил Карторис. - Разве ты когда-нибудь действительно жил?

- Безусловно, - ответил Кар Комак. - В своей прежней жизни я командовал флотом Лотара - могучим флотом, плававшим по пяти соленым морям. Когда люди населяли Барсум, имя Кар Комака было известно и уважаемо. В те далекие дни на земле царил мир - только мореплаватели были воинами, но теперь слава о былом исчезла, и до того, как я встретил тебя, я и не думал, что на Барсуме живет хоть один человек, который любит и борется, как делали это древние мореплаватели моего времени. Да, мне будет приятно еще раз взглянуть на людей, настоящих лю-

дей! Никогда я не питал особого уважения к сухопутным жителям моего времени. Они оставались в своих обнесенных стенами городах, теряя время на игры - полностью завися от моряков при необходимости защищаться. А жалкие оставшиеся создания, Тарно и Иав из Лотара, даже хуже, чем их древние предки.

Карторис какое-то время колебался принять предложение чужестранца примкнуть к нему. Всегда можно ожидать, что он окажется духом какого-нибудь гипнотического вероломства, которым Тарно или Иав пытаются повлиять на юношу, и все же так искренна была манера и слова стрелка, настолько воинственным он показался Карторису, что он даже в глубине души не сомневался в нем.

В конце концов он разрешил обнаженному воину сопровождать себя, и они вместе отправились по следам Тувии и Комала.

Следы вели вниз к ярко-оранжевому морскому дну. Там они исчезли, но Карторис знал, что это случится. В том месте, где они спустились на высохшее морское дно, направление их было в сторону Аантора, и поэтому наши следопыты отправились к Аантору.

Это было длинное и скучное путешествие, грозившее многими опасностями. Стрелок не мог идти таким шагом, как Карторис, мускулы которого несли его с большой скоростью по поверхности маленькой планеты. Сила притяжения на Марсе гораздо меньше задерживала движение, чем на Земле. Пятьдесят миль в день - среднее расстояние для жителя Барсума, но сын Джона Картера мог легко пройти сто и более миль, если бы не боялся оставить своего нового друга.

Всю дорогу они находились в постоянной опасности быть обнаруженными кочующими ордами воинов Торказа, и были особенно близки к опасности, когда подошли к границам Торказа.

Но им сопутствовала удача. Хотя они и видели два подразделения свирепых зеленых людей, сами они замечены не были.

И вот на утро третьего дня наши путешественники увидели сверкающие купола Аантора.

Во время путешествия Карторис внимательно всматривался вперед в поисках Тувии и большого бенса, но не заметил ничего, что могло бы дать ему надежду.

В это утро далеко впереди на полпути между ними и Аантором юноша увидел крошечные фигурки, движущиеся к городу. Некоторое время мужчины внимательно наблюдали. Затем Карторис бросился вперед с огромной скоростью, а Кар Комак последовал за ним так быстро, как только мог.

Карторис закричал, чтобы привлечь внимание девушки, и скоро был вознагражден. Она повернулась и смотрела на него. Сбоку от нее стоял бенс с поднятыми ушами, наблюдая за приближением людей.

Тувия еще не могла на таком расстоянии узнать Карториса, хотя и была убеждена в том, что это он, и без страха стояла в ожидании.

Скоро он увидел, что Тувия показывает на северо-запад. Не замедляя шага, он посмотрел в этом направлении. Меньше чем в полумиле от него двигалось десять свирепых зеленых воинов на своих тотах, бесшумно приближаясь по толстому растительному ковру.

Справа от них находился Кар Комак, обнаженный и безоружный, все еще храбро бежавший к Карторису, и выкрикивающий слова предупреждения, хотя он тоже только что обнаружил безмолвную угрожающую группу, которая так быстро двигалась вперед с обнаженными длинными мечами и взятыми наперевес копьями.

Карторис закричал воину, предупреждая его, что он бесполезно пожертвует жизнью, преградив безоружным дорогу жестоким и безжалостным дикарям.

Но Кар Комак не колебался. С криками одобрения своему новому другу он поспешил вперед к принцу Гелиума. Сердце красного человека сильно забилось в ответ на проявление такого мужества и самопожертвования. Он пожалел, что не додумался дать Кар Комаку один из своих мечей, но теперь было слишком поздно пытаться это сделать, так как если бы он ждал стрелка или вернулся бы к нему, воины Торказа настигли бы Тувию из Птарса, прежде чем ему удалось бы отдать оружие.

Даже при создавшемся положении вещей было неизвестно, кто первый будет около девушки. Он опять повернулся к ней, и теперь увидел новую силу, спешащую к ним со стороны Аантора: два средних размеров корабля - и он даже на расстоянии различил эмблему Дузара на их бортах.

Теперь для Тувии из Птарса действительно оставалось мало надежды. С одной стороны на нее нападали свирепые воины Торказа, не менее неумолимые воины в форме людей Астока, принца Дузара, неслись к ней с другой стороны, в то время как бегущий красный воин и безоружный стрелок едва ли могли защитить ее. Положение девушки было безнадежным, и ее дело было проиграно еще до того, как за нее началась борьба.

Когда Тувия смотрела на приближающегося к ней Карториса, она опять испытала необъяснимое чувство, смесь благодарности и страха, которые она не могла объяснить. ее ум старался убедить сердце в том, что принц Гелиума способствовал ее похищению из дома отца. Но она лишь знала, что всегда рада видеть его рядом, и что с ним все казалось возможным, даже такая невозможная вещь, как избавление из настоящего затруднительного положения.

И вот он тяжело дыша остановился перед ней. Смелая улыбка одобрения осветила его лицо.

- Мужайся, моя принцесса! - прошептал он. В памяти девушки всплыл случай, когда он употреблял эти слова в тронной комнате Тарно из Лотара, когда они начали соскальзывать по мраморному полу навстречу неизвестности.

Тогда она не бранила его за такое фамильярное обращение, не сделала она этого и теперь, хотя она была обещана другому. Она сама себе удивлялась, краснея от такого унижения, так как на Барсуме считается позором для женщины слушать эти два слова, если их произносит не муж или нареченный.

Карторис заметил этот румянец обиды и пожалел о своих словах. До приближения зеленых воинов оставалось мгновение.

- Прости меня, - сказал юноша низким голосом. - Пусть моя большая любовь будет прощением, - и с этими словами он повернулся, чтобы лицом к лицу встретить зеленых воинов.

Его атаковал воин с копьем в руке, но Карторис отскочил в сторону и, когда большой тот и его седок проскочили мимо него, вонзил свой длинный меч в горло врага и могучим ударом рассек зеленое тело надвое.

В то же самое время Кар Комак прыгал, голыми руками цепляясь за ногу другого огромного всадника, а остаток этой орды помчался к ближайшим кустам, чтобы спешиться и лучше орудовать своими любимыми длинными мечами.

Корабли Дузара коснулись мягкого ковра ярко-оранжевого морского дна, извергнув из своих недр полсотни воинов, и в этот же водоворот режущих и рубящих мечей прыгнул Комал, огромный бенс.

XI. ЗЕЛЕНЫЕ ЛЮДИ И БЕЛЫЕ ОБЕЗЬЯНЫ

Меч воина Торказа нанес быстрый удар в лоб Карториса. Перед ним промелькнуло видение мягких женских рук, обвившихся вокруг его шеи, и теплые губы прикоснулись к его губам, прежде чем он потерял сознание.

Как долго он лежал в бессознательном состоянии, он не знал, но когда он открыл глаза, то не увидел ничего, кроме мертвых тел зеленых воинов и воинов Дузара, а так же тела огромного бенса, лежащего рядом.

Тувии не было, не было среди мертвых и тела Комала.

Слабый от потери крови, Карторис медленно двинулся в Аантору и достиг его предместий в темноте.

Больше всего ему хотелось пить, и поэтому он пошел по широкому проспекту к центральной площади, где, он знал, в полуразрушенном здании напротив большого дворца древнего джеддака можно было найти бесценный напиток.

Приведенный в уныние странной последовательностью событий, которые, казалось, были предопределены для того, чтобы расстроить все его попытки служить принцессе Птарса, он совсем не обращал внимания на то, что его окружало; двигался по пустынному городу, не замечая притаившихся в черной тени таинственных зданий белых обезьян.

Но если Карториса не интересовало то, что его окружало, этого нельзя было сказать о других глазах, наблюдавших за тем, как он вышел на площадь, и следивших за его медленными шагами к мраморному зданию, в котором находился крошечный, наполовину пересохший ручей, чьих вод можно было достичь, лишь вырыв глубокую яму в красном песке, засыпавшем его.

Когда юноша вошел в маленькое здание, дюжина неловких фигур появилась у дверного проема дворца. Все они быстро и бесшумно пересекли площадь в его направлении.

Полчаса Карторис находился в здании, докапываясь до воды, и добыл несколько так ему необходимых глотков - плод своего труда. Затем он поднялся и покинул здание. Едва он ступил на порог, как двенадцать воинов Торказа набросились на него.

Не имея времени на то, чтобы обнажить свой меч, он быстро извлек свой длинный и острый кинжал и, прежде чем он упал, больше, чем одно зеленое сердце перестало биться, соприкоснувшись с его острым кинжалом.

Но они взяли верх и выхватили у него оружие, но только девять из двенадцати воинов вернулись со своим трофеем.

Они грубо притащили пленника во дворцовую тюрьму, где в полной темноте приковали его ржавыми цепями к прочной каменной стене.

- Завтра с тобой будет говорить Тар Ван, - сказали ему. - Сейчас он спит. Велико же будет его удовлетворение, когда он узнает, кто бродит у нас, и велика будет радость Гортан Гура, когда Тар Ван притащит к нему сумасшедшего глупца, осмелившегося коснуться своим мечом великого джеддака.

Затем, когда все удалились, из таинственной темноты до его ушей донесся звук босых ног осторожно ступавших по камню. Этот звук приближался к тому месту, где он лежал безоружный и беззащитный.

Прошло несколько минут, показавшихся часами, в течение которых могильная тишина сменялась повторяющимся шарканьем босых ног, осторожно крадущихся к нему.

Наконец он услышал внезапный бросок необутых ног через зияющую темноту и звук драки на некотором расстоянии от него, тяжелое дыхание и проклятия, которые бормотал человек, сражающийся против численно превосходящего противника. Затем послышался звон цепей и шум бьющейся о камень разорванной цепи.

Опять наступила тишина. Но только на мгновение. Вот он еще раз услышал мягкие шаги, приближающиеся к нему. Ему показалось, что он рассмотрел злые глаза, устрашающе блестевшие на него из темноты. Он слышал тяжелое дыхание мощных легких. Затем опять последовал шум многих ног, двигающихся к нему, и что-то навалилось на него.

Руки, оканчивающиеся пальцами, как у человека, сомкнулись на его горле, руках и ногах. Волосатые тела напряглись и боролись с его гладким телом, в зловещей темноте он сражался с ужасными врагами из тюрьмы древнего Аантора.

Карторис из Гелиума походил на мускулистого громадного бога, и все же в объятиях этих невидимых созданий адской ночи он был беспомощен, как слабая женщина.

Но он продолжал борьбу, раздавая бесполезные удары большим волосатым животным,которых он не видел, чувствуя толстые, короткие шеи под своими пальцами, слюну, текущую по щекам, и горячее вонючее дыхание из их ноздрей.

Клыки, мощные клыки, он знал, были рядом, и он не мог догадаться, почему они не впиваются в его тело?

Наконец, он почувствовал волнение своих врагов, бегающих вокруг тяжелой цепи, которой он был прикован, и вскоре до него донесся тот же звук, который он слышал раньше, незадолго до того, как на него напали; его цепь разорвалась, и оторванный конец ее стукнул по каменной стене.

Теперь его подхватили с обеих сторон и быстро потащили по темным коридорам навстречу неведомой судьбе.

Сначала он думал, что враги его могли быть из племени Торказа, но их волосатые тела поколебали его предположение. Теперь ему, наконец, стало ясно, кто они, хотя он и не мог понять, почему они не убили его и не сожрали сразу же на месте.

После получасового или более долгого движения по подземным коридорам, которые являются отличительной чертой всех городов Барсума, как современных, так и древних, пленившие его существа внезапно выскочили во двор, освещенный луной, далеко от центральной площади.

Карторис сразу же увидел, что он был во власти больших белых обезьян Барсума. Единственное, что до сих пор вызывало сомнение относительно нападающих, был волосяной покров на их груди, так как белые обезьяны, за исключением копны волос, дыбом поднимающихся на их головах, совершенно голые.

Теперь он видел причину своего заблуждения: грудь каждой обезьяны пересекали ленты из волосяной шкуры бенса, в подражание одеянию зеленых воинов, которые так часто разбивали свой лагерь в этом пустынном городе.

Карторис читал о существовании племени обезьян, медленно движущихся к более высоким ступеням развития. В руки таких он и попал, но каковы были их намерения?

Когда он разглядел двор, то увидел пятьдесят страшных животных, сидящих на корточках, а на некотором расстоянии находилось другое живое существо, тщательно охраняемое.

Когда его глаза встретились с глазами его товарища по несчастью, улыбка осветила лицо последнего, и с его губ сорвалось приветствие:

- Каор, красный стрелок!

Это был Кар Комак, стрелок.

- Каор! - воскликнул Карторис в ответ. - Как ты оказался здесь и что случилось с принцессой?

- Красные люди, подобные тебе, приземлились на своих мощных кораблях. Они плыли по воздуху так, как большие корабли моих дней плавали по пяти морям, - ответил Кар Комак. - Они сражались с зелеными людьми Торказа. Они убили Комала,

бога Лотара. Я думал, что они твои друзья, и я обрадовался, когда в конце битвы те из них, кто выжил, отнесли девушку на один из кораблей и улетели в безопасность высоко в воздух.

- Потом меня схватили зеленые люди и привели в большой пустой город, где приковали к стене в темной тюрьме. Потом пришли эти и потащили меня. А что было с тобой, красный человек?

Карторис рассказал все, что произошло с ним, и пока оба разговаривали, большие обезьяны, сидя на корточках, внимательно наблюдали за ними.

- А что нам делать теперь? - спросил стрелок.

- Положение наше выглядит безнадежным, - ответил Карторис. - Эти существа рождаются людоедами. Почему они нас не убили до сих пор и не сожрали, я не могу понять. Вон там! - прошептал он. - Видишь? Приближается конец.

Кар Комак посмотрел в направлении, указываемом Карторисом, и увидел огромную обезьяну с крепкой дубинкой, направляющуюся к ним.

- Так они больше всего любят убивать свои жертвы, - сказал Карторис.

- Мы должны умереть без борьбы? - спросил Кар Комак.

- Только не я, - ответил Карторис, - хотя я знаю, как бесполезно сражаться с этими могучими чудовищами! Мне бы сейчас мой длинный меч!

- А мне бы лук! - добавил Кар Комак, - и сотню стрелков.

При этих словах Карторис подпрыгнул на месте, но был грубо посажен на место стражей.

- Кар Комак! - закричал он. - Почему ты не можешь сделать то, что делали Тарно и Иав? У них не было других стрелков кроме тех, которых они сами создали. Ты должен знать секрет их власти. Вызови свою сотню, Кар Комак!

Тот взглянул на Карториса широко раскрытыми от удивления глазами, когда смысл этого предложения достиг его сознания.

- А почему бы и нет?! - пробормотал он.

Свирепая обезьяна, несущая большую дубину, приближалась к Карторису. Пальцы юноши сжимались, пока он наблюдал за своим палачом. Кар Комак направил свой пронзительный взор на обезьян. Об усилии его ума можно было судить по поту, выступившему над его нахмуренными бровями.

Существо, которое должно было убить Карториса, было уже на расстоянии руки от своей жертвы, когда Карторис услышал хриплый крик с противоположной стороны двора. Вместе с си-

дящими обезьянами и демоном с дубинкой он повернулся в направлении, откуда доносились звуки и увидел группу сильных стрелков, выбегающих из дверей расположенного рядом здания.

С криком ярости обезьяны вскочили на ноги, чтобы встретить атаку. На полпути их встретил град стрел, при этом дикие обезьяны рухнули на землю. Другие обезьяны сближались со своими противниками. Все их внимание было поглощено атакующими - даже стража, оставив пленников, присоединилась к битве.

- Пошли, - прошептал Кар Комак, - Теперь мы можем бежать, пока их внимание приковано к моим стрелкам.

- И оставить этих храбрых воинов без руководителя? - воскликнул Карторис, чья честная натура восставала при малейшем намеке на нечестность.

Кар Комак засмеялся.

- Ты забываешь, - сказал он, - что они состоят из воздуха, это плоды моего воображения, и исчезнут без малейшей царапины, когда у нас не будет в них необходимости. Хвала твоему прародителю, красный человек. Мне бы никогда не пришло в голову, что я могу владеть той же силой, которая вернула меня к существованию.

- Ты прав, - сказал Карторис. - И все же мне не хочется их покидать, хотя нам ничего не остается делать. - При этом оба они повернули в сторону, противоположную двору и, продвигаясь по коридорам, вышли к одному из широких проспектов.

Они осторожно пробирались в тени зданий к большой центральной площади, на которой находились дома, занимаемые зелеными воинами в то время, когда они посещали опустевший город. Когда они подошли к краю площади, Карторис остановился.

- Подожди здесь, - прошептал он. - Я постараюсь добыть тотов, так как на ногах мы никогда не вырвемся из лап этих зеленых дьяволов.

Для того, чтобы добраться до двора, в котором находились тоты, Карторису надо было пройти через здания, окружающие площадь. Какие из них были заняты, а какие нет, он не мог догадаться, поэтому он был вынужден сделать какую-то попытку пробраться через эти дома, минуя те, в которых он мог слышать пронзительные крики и ссоры их обитателей.

Случай привел его через темный вход в большой зал, где лежали десять или больше зеленых воинов, закутанных в свои скользкие шелка и меха. Едва Карторис миновал короткую при-

хожую, которая связывала вход с большой комнатой, как он почувствовал присутствие чего-то или кого-то в прихожей, через которую он только что прошел.

Он слышал, как зевнул человек, и потом позади себя увидел фигуру часового, поднимавшегося с места, где он спал, и готового возобновить свою службу.

Карторис понял, что он прошел, должно быть, в футе от воина, и случайно разбудил его. Отступление теперь было невозможно. А пересечь незамеченным комнату, полную спящих воинов, казалось выше всякой возможности.

Карторис пожал плечами и выбрал меньшее из зол. Осторожно он вошел в комнату. На стене справа висело несколько мечей, ружей и копий - запасное оружие, которое воины оставляли здесь, чтобы оно всегда было под руками, если сигнал тревоги разбудит их. Рядом с каждым воином лежало его оружие - оно никогда не находилось далеко от его владельца с детства и до самой смерти.

При виде этих мечей у молодого человека зачесались руки. Он быстро подошел к ним, выбрав два коротких меча - один для Кар Комака, а другой для себя, а также и кое-какую одежду для обнаженного человека.

Затем он пошел прямо через центр зала среди спящих воинов Торказа.

Ни один из них не пошевельнулся, пока Карторис не совершил более половины своего короткого, но опасного пути. И тут прямо на его пути беспокойно повернулся в своих шелках и мехах один воин.

Карторис приостановился над ним, держа один из коротких мечей в готовности на случай, если воин проснется. Молодому человеку показалось вечностью то время, пока зеленый человек продолжал ворочаться на своем ложе, а затем тот, как будто приведенный в действие пружиной, вскочил на ноги и оказался лицом к лицу с красным человеком.

Карторис тотчас же ударил, но с уст воина успело сорваться свирепое проклятие. В мгновение ока в комнате поднялась суматоха. Воины вскочили на ноги, хватая свое оружие и с криками обращаясь друг к другу за объяснениями такого беспокойства.

Карторису все происходящее в комнате было прекрасно видно в тусклом свете, проникающем снаружи, так как дальняя луна стояла прямо в зените, но для глаз только что проснувшегося человека предметы не приняли еще знакомых форм - они смутно видели фигуры воинов, движущихся по залу.

Один из них споткнулся о тело убитого воина. Мужчина наклонился, и рука его коснулась расколотого черепа. Вокруг себя он увидел гигантские фигуры других зеленых людей и сделал единственный вывод, к которому мог прийти.

- Турды! - закричал он. - Турды выступают против нас! Поднимайтесь, воины Торказа! Вонзите свои мечи по самую рукоятку в сердца страшным врагам Торказа!

Тотчас зеленые воины стали нападать друг на друга с обнаженными мечами. Проснулась их давняя страсть к сражениям.

Сражаться, убивать, умирать от холодной стали в сердце. Для них это было состоянием высшего блаженства.

Карторис быстро догадался об их ошибке и воспользовался ею. Он знал, что в пылу боя они будут сражаться долго, пока не обнаружат свою ошибку. И пока их внимание не привлекла настоящая причина ссоры, он, не теряя времени, пробрался к двери в противоположной стене, которая вела во внутренний двор, где бились между собой свирепые тоты.

Здесь ему предстояла нелегкая задача. Схватить и оседлать одно из обычно злых и непокорных животных было не детской игрой и в обычных условиях, но теперь, когда так нужно было соблюдать тишину, менее оптимистичному и находчивому человеку, чем был сын великого полководца, это показалось бы безнадежным.

От своего отца он узнал много о повадках могучих тотов, так же как и от Тарс Таркаса, когда Карторис навещал этого великого зеленого джеддака и его войско в Тарке. Поэтому, теперь он старался вспомнить все, чему он научился от других и что знал из своего собственного опыта, так как он сам ездил и управлял ими много раз.

Крик тотов Торказа казался более пронзительным, а нрав - более норовистым, чем у их родственников в Тарке и Вархуне, и некоторое время казалось, что ему не избежать свирепой атаки со стороны двух старых самцов, которые толкались и визжали около него, но ему, наконец, удалось приблизиться на достаточное расстояние к тоту, чтобы схватить его. Почувствовав руку на своей шкуре, животное успокоилось, и в ответ на команду красного человека стало на колени.

В этот же миг Карторис был у него на спине, направляя его к большим воротам, ведущим со двора через большое здание к проспекту.

Другой самец, все еще издавая пронзительные крики, последовал за своим товарищем. На обоих тотах не было уздечек, так как эти страшные животные управляются внушением - если они вообще управляемы.

Даже в руках громадных зеленых людей поводья казались бы совершенно бесполезными против бешеной свирепости и неслыханной силы тотов, ими руководит страшная власть телепатии, так хорошо знакомая жителям Марса, таким способом руководящими более примитивными обитателями своей планеты.

Карторис с трудом довел двух животных до ворот, где, спрыгнув, поднял щеколду. Затем тот, на котором он приехал, прислонился своим могучим плечом к дощатым створкам, сделанным из скала, толкнул их, и в следующую минуту человек и два животных тихо пробрались к краю площади, где прятался Кар Комак.

И вот тут Карторису пришлось столкнуться с новой трудностью- надо было заставить подчиниться второго тота. Так как Кар Комак никогда раньше не ездил ни на одном животном, работа эта казалась безнадежной. Но, наконец, стрелку удалось забраться на скользкое тело тота, и опять дикое животное, мягко ступая по поросшей мхом улице, направилось к открытому морскому дну рядом с городом.

Всю эту ночь, следующий день и еще одну ночь они ехали на северо-восток. Не было заметно никаких признаков погони, и на рассвете второго дня Карторис увидел вдалеке вьющуюся ленту больших деревьев, которые отмечали один их длинных водных путей Барсума.

Они немедленно оставили своих тотов и приблизились к обрабатываемому району пешком.

Карторис, кроме того, снял с себя металлические украшения и все прочие вещи, которые помогли бы распознать в нем жителя Гелиума, так как он не знал, какой нации принадлежит водный путь, а на Марсе всегда лучше каждого человека и каждую нацию принимать за потенциальных врагов, пока не убедишься в обратном.

Была середина дня, когда двое, наконец, вышли на одну из дорог, пересекающих обработанные районы на определенном расстоянии, соединяя безводные пространства по обе стороны с большой белой дорогой, проходящей через них от одного конца до другого обширных возделанных земель.

Высокая стена, окружавшая поля, служила и защитой от внезапного набега зеленых орд, и для того, чтобы оградить домашних животных и людей на фермах от свирепых бенсов и других плотоядных зверей.

Карторис остановился перед первыми воротами, к которым они подошли, и начал колотить в них, чтобы их впустили. Молодой человек, открывший им ворота, гостеприимно приветствовал их, хотя и посмотрел с удивлением на белую кожу и рыжие волосы воина-стрелка.

Выслушав короткий и неполный рассказ об их побеге из Торказа, он пригласил их войти к себе в дом и приказал слугам приготовить для них еду.

Пока они ожидали в приятной, с низким потолком, гостиной фермерского дома, когда им приготовят еду, Карторис вовлек хозяйку в разговор с целью установить ее национальность и узнать таким образом, под чьим покровительством находится водный путь, к которому привели их обстоятельства.

- Мой муж - Хал Вас, - ответила хозяйка, - он сын Вас Кора из Дузара, знатного человека свиты Астока, принца Дузара. В настоящее время является дваром дороги, проходящей в этом районе.

Карторис был очень рад, что не открыл себя, так как, хотя он и не знал, что за это время произошло в Гелиуме, и что Асток был единственным виновником всех его несчастий, он хорошо знал, что жители Дузара не питают к нему особой любви, и что ему не приходится надеяться на помощь во владениях Дузара.

- А кто ты такой? - спросил пришедший Хал Вас. - Судя по внешности, ты военный человек, но я не вижу знаков различия на твоем снаряжении. Может быть, ты пантан?

В настоящее время пантаны бродят по Барсуму, и это привычная картина для планеты, где большинство людей любит сражаться. Они предлагают свои услуги, где идет война, а случайные короткие промежутки, когда не происходят военные действия между красными нациями, они проводят, присоединяясь к бесчисленным экспедициям, которые постоянно снаряжаются против зеленых людей для защиты водных путей, пересекающих самые дикие части планеты.

Когда их служба кончалась, они снимали воинские знаки принадлежности нации, которой они служили, пока не находили нового хозяина. В промежутках они не носили знаков различия, о их профессии красноречиво свидетельствовали их изношенная в боях одежда и тусклое оружие.

Предположение было удачным, и Карторис ухватился за возможность, позволяющую дать о себе удовлетворительное объяснение. В нем, однако был один недостаток. Во время войны пантаны, оказавшись во владениях пребывающей в состоянии войны нации, были вынуждены надевать признаки различия этой нации и сражаться вместе с ее воинами.

Насколько знал Карторис, Дузар не был в состоянии войны с другими нациями, но никогда нельзя точно представить, когда одно красное племя бросится на своего соседа, хотя великий и могучий союз во главе с его отцом, Джоном Картером, смог поддерживать продолжительное время мир на большой территории Барсума.

Приятная улыбка осветила лицо Хал Васа, когда Карторис рассказал о роде их занятий.

- Это хорошо, - воскликнул молодой человек, - что вы пришли сюда, так как здесь скоро найдете себе службу. Мой отец Вас Кор, прибыл сюда, чтобы собрать силы для новой войны с Гелиумом.

XII. СПАСТИ ДУЗАР

Тувия из Птарса, сражаясь против охваченного страстью Иава, бросила быстрый взгляд через плечо на лес, откуда доносилось свирепое рычание. Иав тоже оглянулся.

То, что они увидели, наполнило сердце каждого мрачным предчувствием. Это был Комал, бенс-бог, бегущий к ним с раскрытой пастью.

Кого он выберет своей жертвой? Может быть, обоих? Им не пришлось долго ждать, и, хотя Иав пытался держать девушку между собой и ужасными клыками, огромный зверь схватил его.

Иав, крича, попытался броситься к Лотару, потянув Тувию в пасть людоеду. Но его сопротивление продолжалось недолго. В одну секунду бенс оказался на нем, разрывая его горло и грудь с демонической яростью.

Девушка была около них через мгновение, но ей с трудом удалось оторвать свирепое животное от его жертвы. Все еще рыча и бросая голодные взгляды на Иава, бенс, наконец, позволил увести себя в лес.

Со своими огромными защитником Тувия отправилась вперед искать проход в скалах, чтобы попытаться совершить, казалось, невозможное, достичь далекого Птарса, пройдя более семнадцати тысяч хаадов по жестокому Барсуму.

Она не могла поверить, что Карторис умышленно покинул ее, и поэтому она продолжала искать его, но когда она прошла слишком далеко на север в поисках туннеля, она разминулась с юношей, когда он возвратился за ней в Лотар.

Тувия из Птарса не могла точно определить то место, которое занимал принц Гелиума в ее сердце. Она не могла признаться даже себе собой, что любит его, и все же она разрешила ему обращаться к себе с таким выражением нежности и обожания, к которым девушка оставалась глухой, когда их произносили все, кроме ее мужа или жениха - "моя принцесса".

Кулан Тит, джеддак Каола, с которым она была обручена, снискал ее восхищение и уважение, но не более. Подчинилась же она желанию отца из-за обиды на то, что красный принц Гелиума не воспользовался своим преимуществом во время посещения дворца ее отца, чтобы просить ее руки, чего она ожидала с того далекого дня, когда оба сидели вместе на скамье в великолепном саду джеддака, украшавшем внутренний двор Салензия Олла в Кадабре.

Любила ли она Кулан Тита? Она храбро хотела поверить, что любила, но все это время в наступающей темноте ее глаза пытались отыскать фигуру стройного молодого воина с черными волосами и серыми глазами. И у Кулан Тита были черные волосы, но глаза его были карие.

Почти совсем стемнело, когда она нашла вход в туннель. Девушка безопасно дошла до холмов, и здесь, при ярком свете двух лун Марса, она остановилась, чтобы обдумать свои дальнейшие действия.

Остаться ли ей здесь в надежде, что Карторис придет сюда в поисках ее? Или продолжать свой путь на северо-восток, в сторону Птарса? Куда, прежде всего, пошел бы Карторис, покинув долину Лотара?

Ее пересохшее горло и сухой язык подсказали ей ответ - к Аантору, к воде. Она тоже пойдет к Аантору, где найдет, возможно, большее, чем воду, в которой она, все-таки, нуждается.

Рядом с Комалом она почти не испытывала страха, так как знала, что животное защитит ее от свирепых нападений. Даже большие белые обезьяны в ужасе убегают от могучего бенса.

Она боялась только людей, но их помощью и другими возможностями ей придется пользоваться, прежде чем она сможет добраться до дома своего отца.

Когда, наконец, Карторис нашел ее, только для того, чтобы быть пораженным длинным мечом зеленого человека, Тувия молилась, чтобы такая же судьба постигла и ее.

Вид красных воинов, прыгавших со своих кораблей, на минуту наполнил ее вновь проснувшейся надеждой на то, что Карторис из Гелиума мог быть только оглушен, и что они его освободят, но когда она увидела на их одежде металлические знаки Дузара, тогда она хотела бежать не только от воинов Торказа, но и от дузарцев, но вскоре она потеряла всякую надежду.

Комал тоже был мертв и лежал рядом с принцем Гелиума. Теперь она действительно была одна. Некому было защитить ее.

Воины Дузара потащили Тувию на палубу ближнего корабля. Вокруг них зеленые воины пытались вырвать девушку их рук красных.

Наконец те, кто не погиб во время схватки, взобрались на палубы двух кораблей. Моторы заработали, пропеллеры зажужжали. Легкие корабли быстро поднялись в небо.

Тувия из Птарса огляделась. Рядом с ней стоял человек, улыбаясь ей в лицо. У нее перехватило дыхание, когда она узнала его и посмотрела ему прямо в глаза. С легким стоном ужаса она поняла все, закрыла лицо руками и соскользнула на гладкую палубу из дорогого скила. Это был Асток, принц Дузара, склонившийся над ней.

У Астока были быстрые корабли и большая необходимость добраться как можно скорее до дома отца, так как военный флот Гелиума, Каола и Птарса рассеялся над всем Барсумом. Ему не поздоровится, если кто-нибудь обнаружит Тувию из Птарса пленницей на его корабле.

Аантор лежит на пятидесятом градусе южной широты и в сорока градусах от Хорца, пустынного места, сосредоточения древней культуры и учености Барсума, в то время как Дузар лежит в пятнадцати градусах севернее экватора и в двадцати градусах восточнее Хорца.

Хотя расстояние и большое, корабли покрыли его без остановок. Задолго до того как они достигли места своего назначения, Тувия из Птарса узнала несколько вещей, которые окончательно рассеяли ее сомнения, мучившие ее уже много дней. Едва они поднялись над Аантором, как она узнала одного члена экипажа, которого она видела на корабле похитителей во

время ее похищения из садов ее отца в Птарсе. Присутствие Астока на корабле было ответом на вопрос. Ее похитили агенты принца Дузара - Карторис из Гелиума не был причастен к этому событию.

Асток и не отрицал обвинения, высказанного девушкой. Он только улыбался и молил о любви.

- Я скорее стану подругой белой обезьяны! - воскликнула она, когда он стал настаивать на своей просьбе.

Асток угрюмо зарычал на нее.

- Ты выйдешь замуж за меня, Тувия из Птарса, или клянусь твоими предками, ты станешь подругой белой обезьяны!

Девушка не ответила, ему не удалось больше вовлечь ее в разговор, и оставшееся время она молчала.

В действительности, Астока приводили в трепет размеры вооруженного конфликта, вызванного его похищением принцессы Птарса, неспокойно ему было и от сознания той ответственности, какую влекло обладание такой пленницей.

Его единственной мыслью было доставить Тувию из Птарса в Дузар и передать ответственность за нее отцу. В это время он будет стараться делать все возможное, чтобы не обидеть девушку, в противном случае, если их всех схватят, он должен будет ответить и за грубое обращение с девушкой одному из великих джеддаков, для которых она была так дорога.

И вот, наконец, они прибыли в Дузар, где Асток спрятал свою пленницу в секретной комнате, высоко в восточной башне своего собственного дворца. Он заставил своих людей поклясться хранить молчание, чтобы девушку не обнаружили, пока он не увидит своего отца Вутуса, джеддака Дузара, так как до сих пор он не осмелился никому рассказать о том, что привез ее с собой с юга.

Но когда он предстал в большом зале для приемов перед мужчиной с жестокими губами, который был его отцом, он почувствовал, что мужество медленно покидает его, и он не решился заговорить о том, что девушка спрятана в его дворце. Ему пришло в голову узнать отношение отца к этому событию, и принц придумал историю о захвате человека, который заявил, что знает о местонахождении Тувии из Птарса.

- Если ты прикажешь, господин, - сказал он - я поеду, захвачу ее и доставлю в Дузар.

Вутус нахмурился и покачал головой.

- Ты уже достаточно сделал для того, чтобы Птарс, Каол и Гелиум - все трое выступили бы против Дузара, узнай они о той роли, которую ты сыграл в похищении принцессы Птарса. То,

что тебе удалось свалить вину на принца Гелиума, было удачей и искусным стратегическим планом, но если бы девушка узнала правду и когда-нибудь вернулась во дворец отца, Дузару пришлось бы рассчитываться за это, а иметь ее здесь пленницей, значило бы признать вину, от последствий которой нас ничто не могло бы спасти. Это стоило бы мне трона, а лишиться его я не хочу.

- Если бы она была здесь, - продолжал размышлять старший, снова и снова повторяя одну и ту же фразу, - Если бы только она была здесь, Асток! - свирепо воскликнул он. - О, если бы только она была здесь и никто не знал бы об этом! Ты не догадываешься? Вина Дузара могла бы быть навеки похоронена с ее телом, - заключил он низким, злым шепотом.

Асток, принц Дузара, вздрогнул.

Да, он был не слабонервным и злым, но слова отца заставили его похолодеть от ужаса.

Жестоки к своим врагам люди Марса, но слово "враг" применяется только к мужчинам. Предательские убийства свирепствуют в больших городах Барсума, и все же убить женщину считается таким невероятным преступлением, что даже самые жестокие из наемных убийц будут отскакивать от тебя в ужасе, предложи им такое дело.

Вутус явно не замечал откровенного ужаса сына на его предложение. Он продолжал:

- Ты сказал, что знаешь, где спрятана девушка с тех пор, как ее похитили у твоих людей в Аанторе. Если ее возьмут, любая из трех держав, после ее рассказа, объединится в союз против нас. Выход только один, Асток! - закричал старик. - Ты должен вернуться, туда, где она прячется, и привезти ее сюда тайно. И не возвращайся в Дузар без нее под страхом смертной казни.

Асток, принц Дузара, хорошо знал королевский нрав своего отца. Он знал, что в сердце тирана не было ни малейшего признака любви ни к одному созданию.

Мать Астока была рабыней. Вутус никогда не любил ее. В молодости он пытался найти невесту при дворах своих могущественных соседей, но женщины не замечали его.

После того, как дюжина девушек, равных ему по знатности, заявили, что предпочли бы самоубийство браку с ним, он бросил это дело.

А потом получилось так, что он сошелся с одной из своих рабынь, чтобы иметь сына, который будет избран новым джеддаком после его смерти.

Асток немедленно удалился из зала своего отца. С белым лицом и трясущимися конечностями он отправился в свой дом. Когда он проходил по двору, взгляд его устремился на большую восточную башню, вырисовывающуюся высоко на фоне лазурного неба.

При взгляде на нее, капли пота выступили на лбу принца. О, боги! Ничья другая рука, а только его совершит этот ужасный поступок.

Своими собственными руками он должен будет прервать жизнь этого совершенного существа, перерезав ее горло или вонзив холодное лезвие в красное сердце.

Ее сердце! Сердце, которое он так надеялся наполнить любовью к нему.

Он вспомнил высокомерное презрение, с которым были приняты его объяснения в любви. Он похолодел, потом его бросило в жар при воспоминании об этом. Чувство удовлетворения от близкой расплаты вытеснило раскаяние и стыд, вытеснило чувства прекрасные, которые на короткое время заявили о себе; то хорошее, что он унаследовал от матери-рабыни, подчинилось голосу плохой крови, перешедшей ему от отца-короля. Это и заставило его совершить подлость.

Холодная улыбка сменила ужас, которым только что были полны его глаза. Асток направился к башне. Он увидит ее перед тем, как отправиться в путешествие, чтобы скрыть от отца тот факт, что девушка уже находится в Дузаре.

Тихо прошел принц секретным проходом, поднялся по винтовой лестнице в помещение, где была заточена принцесса Птарса.

Когда Асток вошел в комнату, он увидел, что Тувия взобралась на подоконник восточного окна и смотрела через крыши Дузара в сторону далекого Птарса. Он ненавидел Птарс. Мысль о нем наполняло его страхом. А почему не покончить с ней теперь, и со всем этим...

При звуке его шагов девушка быстро повернулась к нему. О, как прекрасна она была! Его внезапное решение исчезло при виде ее чудесной красоты. Он подождет, пока не вернется из своего краткого путешествия - возможно, появится и другой выход.

Другая рука нанесет удар. Это лицо, эти глаза! Он никогда не сделает этого! В этом он был уверен. Он всегда упивался своей жестокостью, но боги! - он был не настолько жесток. Нет, надо найти другого, кому он мог бы довериться.

Он все еще смотрел на нее, а она стояла перед ним, смело и твердо встречая его взгляд. Он чувствовал, как поднимается горячая страсть его любви.

Почему не спросить ее еще раз. Если она согласится, все еще уладится. Если даже они не убедят отца его, они смогут полететь в Птарс, перекладывая всю вину за мошенничество и интригу, которая втянула четыре великих народа в войну, на плечи Вутуса. И кто будет сомневаться в справедливости обвинения?

- Тувия, - сказал он. - Я пришел еще раз, в последний раз, чтобы сложить свое сердце к твоим ногам. Из-за тебя сражаются Птарс и Каол с Гелиумом. Соединись со мной, Тувия, и все, может быть, уладится.

Девушка покачала головой.

- Подожди! - приказал он, прежде чем она что-либо произнесла. - Узнай же правду, прежде чем произнести слова, которые могут решить не только твою судьбу, но и судьбу тысяч воинов, которые сражаются за тебя. Откажешься ты выйти за меня по доброй воле, и Дузар будет опустошен, если правда станет известна Птарсу, Каолу и Гелиуму. Они сотрут с лица Барсума наши города, не оставив и камня на камне. Они разгонят наших людей по Барсуму от мерзлого севера до мерзлого юга, охотясь за ними и убивая их, пока эта великая нация не останется ненавистным воспоминанием в умах людей. Но пока они будут истреблять жителей Дузара, погибнут бесчисленные тысячи их собственных воинов - и все из-за упрямства одной женщины, которая не хочет выйти замуж за принца, любящего ее. Если ты откажешься, Тувия, останется один выход - никто не должен будет знать о твоей судьбе. Только наипреданнейшие из верных слуг, кроме меня и моего отца, знают, что тебя похитили из садов Туван Дина по приказу Астока, принца Дузара, и то, что сейчас ты пленница в моем доме! Откажись, Тувия из Птарса, и ты умрешь во спасение Дузара - другого выхода нет. Так приказал Вутус, джеддак Дузара. Я все сказал.

На некоторое время воцарилось молчание. Взгляд девушки остановился на лице Астока. Затем она заговорила, и, хотя она была немногословна, в бесстрастном тоне ее было выражено бесконечное холодное презрение.

- Лучше все то, чем ты угрожал, чем ты, - сказала она.

Затем она повернулась к нему спиной и отошла опять к восточному окну, устремив печальный взгляд на далекий невидимый Птарс - чудесное воспоминание прекрасного прошлого.

Асток повернулся и покинул комнату, вернувшись вскоре с едой и питьем.

- Вот, - сказал он, - эта пища до моего возвращения. Следующий, кто войдет в это помещение, будет твой убийца. Доверься своим праотцам, Тувия из Птарса. Через несколько дней ты будешь с ними.

Затем он ушел.

Полчаса спустя он спрашивал офицера флота Дузара:

- Куда девался Вас Кор? Его нет во дворце!

- Он улетел на юг, к большому водному пути, опоясывающему Торказ, - ответил тот. - Его сын, Хал Вас, двар местной дороги. Туда и поехал Вас Кор, чтобы набрать солдат среди местных фермеров.

- Хорошо, - сказал Асток, и еще через полчаса он поднялся над Дузаром на своих быстроходных кораблях.

XIII. ТУРДЖУН - СОЛДАТ ФОРТУНЫ

На лице Карториса из Гелиума отразились те чувства, которые так волновали его, когда он услышал от Хал Васа о том, что Гелиум был в состоянии войны с Дузаром, и что судьба привела его на службу к своим врагам.

То, что он мог использовать эту возможность для пользы Гелиума, едва ли перевешивало досаду, которую он чувствовал от того, что не выступил в открытую во главе своих верных войск.

Избежать службы в Дузаре было не просто, а если не удастся? А если они усомнятся в его преданности (в преданности завербованного пантана всегда можно сомневаться), у него не будет возможности ускользнуть из-под их бдительных глаз до окончания войны, которая может начаться через несколько дней, и закончиться после долгих и изнурительных лет кровопролития.

Он восстановил в памяти описанные в истории войны, во время которых активные военные действия продолжались без перемирия по пятьдесят-семьдесят лет, и даже теперь на Барсуме существовали народы, с которыми Гелиум на протяжении всей своей истории никогда не был в состоянии мира.

Такая перспектива была неутешительной. Карторис не мог догадаться, что через несколько часов он будет благодарить судьбу за то, что она привела его на службу Дузару.

- О! - воскликнул Хал Вас. - Вот и мой отец, Каор, Вас Кор. Вот человек, которого бы ты рад был видеть среди своих солдат - отважный воин... - Он заколебался.

- Турджун, - представился Карторис, произнеся первое имя, пришедшее ему в голову.

Пока он говорил, глаза его были обращены к высокому воину, вошедшему в комнату. Где он видел раньше эту гигантскую фигуру, это молчаливое спокойствие и синевато-багровый шрам от рта до виска?

"Вас Кор", - повторил мысленно про себя Карторис. - "Вас Кор"! Где же он видел этого человека?

Затем знатный человек заговорил, и все моментально всплыло в памяти Карториса - слуга на посадочной площадке Птарса в то время, когда он объяснял сложность своего нового компаса Туван Дину, единственный слуга, охранявший его ангар в ту ночь, когда он отправился в свое злополучное путешествие в Птарс - путешествие, которое так таинственно занесло его в Аантор.

- Вас Кор, - повторил он вслух, - да падет благословление на твоих предков за эту встречу, - но житель Дузара не догадался о том значении, которое скрывалось за банальной фразой, произнесенной жителем Барсума при представлении его знатному лицу.

- Да падет благословление и на твоих предков, Турджун, - ответил Вас Кор.

Теперь пришла очередь Кар Комака быть представленным Вас Кору, и когда Карторис прошел через эту маленькую церемонию, ему в голову пришло единственное объяснение, которым он мог оправдать белую кожу и рыжие волосы стрелка, так как он боялся, и то им не поверят, и подозрение падет на обоих в самом начале.

- Кар Комак, - объяснил он, - как вы видите, жрец. Он бродит далеко от своих скованных льдом южных башен в поисках приключений. Я наткнулся на него в тюрьме Аантора, но хотя я знаю его короткое время, могу поручиться за его храбрость и преданность.

С тех пор, как Джон Картер разрушил основу их фальшивой религии, большинство жрецов с радостью приняли новый порядок вещей, поэтому теперь было не столь необычным видеть их в перемешку с множеством красных воинов в любом из великих городов внешнего мира, и поэтому Вас Кор не почувствовал и не выразил большого удивления.

На протяжении всей беседы Карторис наблюдал, не узнает ли его Вас Кор в воинственном пантане, но бессонные ночи, долгие дни походов и сражений, раны и потеря крови - всего этого было достаточно, чтобы стереть последние остатки тождества с прежним Карторисом, и потом Вас Кор видел молодого человека всего два раза в жизни. Неудивительно, что он не узнал принца.

Вечером Вас Кор объявил, что завтра они выступают на север, в сторону Дузара, набирая по пути продвижения солдат.

На большом поле позади дома находился большой корабль красивой формы, быстроходный и вмещающий много людей, хорошо вооруженный. Здесь и спал Карторис с Кар Комаком и другими воинами под охраной регулярных солдат Дузара, составляющих экипаж корабля.

К полуночи Вас Кор возвратился на судно из дома своего сына и отправился в свою каюту. Карторис и один из воинов Дузара были в карауле.

С трудом Карторис подавил холодную улыбку, когда этот знатный придворный человек проходил в футе от него - в футе от острого тонкого кинжала, висевшего на поясе принца.

Как просто было бы! Как легко было бы отомстить за трусливую и подлую шутку, которую с ним сыграли - отомстить за Гелиум, Птарс и Тувию.

Но рука его даже не коснулась рукоятки кинжала, так как прежде Вас Кор должен был сослужить ему службу - Карторис должен узнать, где спрятана Тувия из Птарса, если только действительно жители Дузара тайно похитили ее во время битвы перед Аантором.

В Дузаре находится и подстрекатель всей этой грязной интриги (и тоже заслуживает наказания), а кто лучше, чем Вас Кор мог привести принца Гелиума к Астоку из Дузара?

Слабо в ночи до Карториса донесся отдаленный шум моторов. Он стал пристально всматриваться в небо.

Да, далеко на севере, нечетко вырисовываясь в темной пустоте неба, сквозь ночь Барсума пролетело что-то, похожее на корабль без огней.

Карторис не знал, враждебный или дружественный это корабль, и не подал сигнала, что он видел его, а повернулся в другую сторону, оставляя происходящее на жителя Дузара, так же наблюдавшего за небом.

Вскоре воин обнаружил приближающийся корабль и дал сигнал тревоги, который оторвал караул и офицера от скользких шелков и мехов на палубе , где они располагались.

Крейсер стоял без огней и, поскольку его мотор не работал, его не могли увидеть с приближающегося корабля, оказавшегося вблизи маленькой лодкой.

Скоро стало очевидно, что незнакомец намеревается совершить посадку, так как лодка медленно кружила над ними, с каждым витком спускаясь все ниже и ниже.

- Это "Турна"! - прошептал один из воинов Дузара. - Я узнал бы его в полной темноте среди десяти тысяч других кораблей.

- Ты прав! - воскликнул Вас Кор, который поднялся на палубу. И он приветствовал:

- Каор, "Турна"!

- Каор! - донеслось после короткого молчания. И потом: - Что это за корабль?

- Крейсер "Каликус", Вас Кора из Дузара.

- Хорошо! - донеслось сверху. - Можно здесь безопасно приземлиться?

- Да, держитесь правее. Подождите, мы зажжем свои огни, - и минутой позже маленький корабль устроился рядом с "Каликусом", огни которого были немедленно погашены.

Было видно, как несколько фигур спустились с этого корабля и направились к "Каликусу". Все еще подозрительно стояли воины Дузара, готовые принять пришельцев как друзей, или как врагов, в зависимости от того, что покажет более близкий осмотр.

Карторис стоял у поручней, готовый принять сторону прибывших, окажись они жителями Гелиума, выполнявшими храбрый стратегический маневр около этого одинокого корабля Дузара. Он сам совершал такие вылазки и знал, что возможна всякая случайность.

Но лицо первого мужчины, перебравшегося через борт, вывело его из заблуждения и неприятно поразило - это было лицо Астока, принца Дузара.

Едва замечая всех присутствующих на палубе "Каликуса", Асток прошел вперед, чтобы приветствовать Вас Кора, затем принял приветствие всей остальной знати. Воины и офицеры вернулись к своим шелкам и мехам, и палуба опять опустела, на ней остались воин Дузара и Турджун, находящиеся в карауле.

Карторис тихо ходил туда-сюда. Дузарец прислонился к перилам, ожидая часа смены, который принесет облегчение, и его сморил сон. Он не видел, как его товарищ приблизился к освещенным окнам каюты Вас Кора. Он не заметил, как тот наклонился и прижался ухом к крошечной отдушине.

- Почему белые обезьяны не захватили нас всех? - уныло воскликнул Асток. - Мы попали в такой переплет, в каком никогда еще не бывали. Вутус думает, что мы прячем ее далеко от Дузара. Он приказал мне ее привезти.

Он остановился. Никогда еще от него не слышали такого, что он пытался сейчас произнести. Это навсегда должно было бы остаться тайной Вутуса и Астока, так как от этого зависит безопасность трона. С таким знанием любой человек может вырвать у джеддака Дузара все, что пожелает.

Но Асток боялся и ждал от пожилого человека предложения какого-нибудь выхода. Он продолжал:

- Я должен убить ее! - прошептал он, испуганно оглядываясь. Вутус хочет видеть тело, чтобы убедиться, что его приказ выполнен, и он предполагает, что я сейчас еду в то место, где мы ее спрятали, чтобы тайно доставить в Дузар. Никто не должен знать, что она находится в Дузаре. Мне нет необходимости говорить тебе, чем это будет для Дузара, если Птарс, Гелиум или Каол узнают правду.

Челюсти у подслушивающего сомкнулись с громким щелчком. Наконец-то он понял, о ком идет речь. Теперь он знал. И они собирались убить ее! Его мускулистые пальцы сжались так, что ногти впились в ладонь.

- И ты хочешь, чтобы я поехал с тобой, когда ты повезешь ее в Дузар? - спросил Вас Кор. - Где она?

Асток низко наклонился и зашептал в ухо другому. Подобие улыбки пробежало по жестким чертам Вас Кора. Он почувствовал власть, которая была у него в руках. Наконец-то он станет джедом.

- А как я могу помочь тебе, принц мой? - спросил мужчина вкрадчиво.

- Я не могу убить ее, - сказал Асток. - О, боги! Я не могу сделать этого! Когда она смотрит на меня, сердце мое леденеет.

Глаза Вас Кора сузились.

- И ты хочешь... - Он замолчал, ожидая ответа, хотя и так все было ясно.

- Ты не любишь ее, -ответил Асток. - И ты недостаточно знатен.

- Но я люблю жизнь, хотя я не так благороден, как ты, - закончил мужчина многозначительно.

- Ты должен быть более знатным - знатным первого ранга! - закончил Асток.

- Я стану джедом? - спросил Вас Кор прямо.

Асток колебался.

- Должен умереть какой-нибудь джед для того, чтобы его место занял другой, - взмолился Асток.

- Джеды и раньше умирали, - отрезал Вас Кор. - Без сомнения, тебе не трудно будет найти джеда, которого ты не любишь, Асток, - ведь много таких, которые не любят тебя!

Вас Кор начал злоупотреблять своей властью над молодым принцем. Асток быстро заметил и оценил резкую перемену, происшедшую с его лейтенантом. Хитрый план возник в его слабом и злом уме.

- Как ты скажешь, Вас Кор! - воскликнул он. - Ты будешь джедом, когда все кончится, - и про себя: - Тогда мне не трудно будет найти джеда, который мне не понравится.

- Когда ты вернешься в Дузар? - спросил придворный.

- Сразу же, - ответил Асток. - Давай сейчас же отправимся в путь, нас здесь ничто не держит.

- Я собирался пуститься в дорогу завтра, собирая солдат по пути, начальники дорог должны были отобрать для меня их, пока мы будем возвращаться в Дузар.

- Пусть солдаты подождут, - ответил Асток. - А еще лучше - возвращайся в Дузар на моем корабле, "Каликус" пусть следует своей дорогой и собирает солдат.

- Да, это лучше всего, - неохотно согласился Вас Кор. - Поехали, я готов, - и он поднялся, чтобы сопровождать Астока на его корабль.

Слушатель у отдушины медленно встал на ноги, как старик. Лицо его было искажено, и бледность проступила сквозь легкий медный оттенок его кожи. Она должна умереть! И он бессилен отвратить трагедию. Он даже не знал, где она заключена.

Двое поднимались из каюты на палубу. Турджун - пантан подкрался к трапу, сжимая своими крепкими пальцами рукоятку кинжала. Удастся ли ему убить обоих, прежде чем его схватят? Он улыбнулся. При таком состоянии психики он справился бы и с сотней врагов.

Они уже поравнялись с ним, Асток говорил:

- Захвати пару своих солдат, Вас Кор. У нас не хватает людей, так быстро мы отправились в путь.

Пальцы Карториса отпустили рукоятку кинжала. Его быстрый ум уловил здесь возможность помочь Тувии из Птарса. Его могли выбрать для сопровождения убийц, и если он узнает, где находится пленница, он с таким же успехом убьет Вас Кора и Астока позднее. Убить же их до того, как он узнает, где спрятана

Тувия, значило бы просто обречь ее на смерть от другой руки, так как рано или поздно Вутус узнает о ее местонахождении, а Вутус, джеддак Дузара, не мог позволить ей жить.

Турджун пошел навстречу Вас Кору, чтобы не остаться незамеченным. Придворный поднял спящего на палубе воина, а поблизости все время находился странный пантан, которого он взял на службу в этот день.

Вас Кор повернулся к своему лейтенанту, отдавая распоряжения об отправлении "Каликуса" в Дузар и о сборе солдат, затем он сделал знак двум воинам, стоявшим рядом с лейтенантом.

- Вы двое будете сопровождать нас, - сказал он, - и будете находиться в распоряжении двара "Турны".

На палубе "Каликуса" было темно, и Вас Кор не рассмотрел хорошо лица тех, кого он выбрал, но это было неважно, это были простые солдаты, в обязанности которых входила помощь в выполнении обычных работ на корабле и в сражении, если в этом явится необходимость.

Одним из двоих был Кар Комак, стрелок. Другим оказался не Карторис.

Принцы Гелиума отвернулся от огорчения. Он выхватил свой кинжал из ножен, но Асток уже покинул палубу "Каликуса", а он знал, что прежде, чем ему удастся догнать принца и убить Вас Кора, его самого убьют воины Дузара, которых так много на палубе. Если же один из двоих останется жить, Тувии грозит такая же опасность, как если бы оба были живы. Покончить надо было с обоими!

Когда Вас Кор спускался на землю, Карторис смело последовал за ним, и никто не сделал попытки остановить его, думая, что он является членом этой группы.

За ним шел Кар Комак и воин Дузара, который был откомандирован для несения службы на корабле принца. Карторис пошел рядом с последним. Потом они вошли в густую тень, у борта корабля. Было очень темно и пришлось пробираться по трапу наощупь.

Кар Комак шел впереди воина из Дузара. Тот уже подходил к ступеням лестницы и собирался ступить на первую, когда железные пальцы обхватили его горло и стальное лезвие вонзилось ему в самое сердце.

Турджун-пантан был последним из поднявшихся на корабль. Он втащил за собой веревочную лестницу.

Через минуту Кар Комак повернулся, чтобы заговорить с воином, шедшим за ним. Глаза его расширились от удивления, когда он увидел лицо молодого человека, которого он встретил впервые у скал, охранявших вход в таинственный Лотар. Как же он оказался на месте воина?

Быстрый знак Карториса, и Кар Комак повернулся, чтобы найти двара и доложить ему о своем прибытии. За ним следовал пантан.

Карторис благословил случай, который заставил Вас Кора выбрать вторым стрелка; если бы на его месте был воин Дузара, пришлось бы отвечать на вопросы, касающиеся исчезнувшего воина, так тихо опустившегося на поле рядом с резиденцией Хал Васа, двара южной дороги, а Карторис не мог ответить иначе, как только применив свой меч, который один только мог убедить весь экипаж.

Путешествие в Дузар показалось бесконечным для нетерпеливого Карториса, хотя в действительности оно быстро закончилось. До того, как они достигли места назначения, они встретились и переговорили с другим кораблем Дузара. От его экипажа они узнали, что юго-восточнее Дузара скоро состоится великая битва.

Объединенный флот Дузара, Птарса и Каола был остановлен в своем движении к Гелиуму его могучим флотом - самым большим и грозным на Барсуме не только по числу людей и вооружения, но и благодаря мужеству и выучке офицеров и воинов, и количеству боевых животных на его кораблях.

Флотом Гелиума командовал Тардос Морс, джеддак Гелиума и Джон Картер, военачальник Марса. Флотом с другой стороны командовали три джеддака: Кулан Тит из Каола, Туван Дин Из Птарса и Вутус из Дузара. До битвы оставались считанные дни...

С севера через горы надвигалась другая сила - новый флот Талу, джеддака Окара, откликнувшегося на призыв военоначальника Марса.

На палубах мрачных военных кораблях стояли чернобородые желтокожие мужчины, устремив нетерпеливые взоры на юг. Они выглядели величественно в своих великолепных мантиях из шкур орлука и апта. Жестокие грозные воины из городов с теплыми домами морозного севера.

А с далекого юга с моря Омин и Золотых Скал, с башен жрецов и из садов Иссы, тысячи других кораблей направлялись на север на клич великого человека, которого они все научились уважать и, уважая, любить. Черный Ксодар, джеддак перворож-

денных, чей флот уступал только флоту Гелиума, возглавлял эту могучую армаду. Его сердце сильно билось при мысли об участии в предстоящих событиях, когда ему придется бросить свои жестокие экипажи и свои мощные суда против равного ему военачальника.

Но удастся ли союзникам достичь театра военных действий вовремя, чтобы помочь Гелиуму? И нужна ли будет помощь Гелиуму?

Карторис и другие члены экипажа слышали только сплетни. Никто ничего не знал о флотах, идущих одновременно с юга и севера, спешивших для поддержания кораблей Гелиума, и все в Дузаре были убеждены, что ничто не может спасти древний Гелиум от исчезновения навсегда с поверхности Барсума.

Карторис, хоть и был преданным сыном Гелиума, тоже чувствовал, что даже его любимый флот не способен с успехом сражаться с объединенными силами трех великих держав.

И вот корабль коснулся посадочной площадки над дворцом Астока. Принц и Вас Кор быстро вышли и сели в лифт, который доставил их к нижним этажам дворца. Рядом находился другой лифт, которым пользовались рядовые воины. Карторис коснулся руки Кар Комака.

- Пошли, - прошептал он. - Ты мой единственный друг среди всех этих врагов. Ты будешь рядом со мной?

- До самой смерти, - ответил тот.

Оба подошли к лифту. Им управлял раб.

- Где ваши пропуска? - спросил он.

- Карторис порылся в сумке на поясе, как будто в поисках пропусков, в то же время входя внутрь. Кар Комак последовал за ним и закрыл дверь. Раб не начинал спуска. Дорога была каждая секунда. Они должны добраться до нижних этажей как можно скорее, следом за Астоком и Вас Кором, чтобы знать, куда те пошли.

Карторис внезапно повернулся к рабу и отбросил его к противоположной стене.

- Свяжи его и заткни ему рот, Кар Комак, - закричал он.

Затем он схватился за ручки управления, и кабина понеслась вниз. Стрелок и раб боролись.

Карторис не мог оставить управления, чтобы помочь своему товарищу, так как если они достигнут нижнего этажа на такой скорости, все кончится моментальной смертью.

Внизу под собой он увидел потолок кабины в параллельной шахте и уравнял скорость со скоростью той кабины. Раб начал кричать.

- Заставь его замолчать! - приказал Карторис. Минутой позже тело раба опустилось на дно кабины.

- Он замолчал... - сказал Кар Комак.

Карторис внезапно остановил кабину на одном из этажей дворца. Открыв дверь, он схватил безжизненное тело раба и выбросил его из кабины. Затем он захлопнул дверь, и лифт продолжал спуск.

Вскоре он опять догнал параллельный лифт, в котором спускались Асток и Вас Кор. Через минуту он остановился. А когда остановился лифт Карториса, то он успел заметить, как два человека исчезли в одном из коридоров.

XIV. САМОПОЖЕРТВОВАНИЕ КУЛАН ТИТА

Утро второго дня заточения в восточной башне дворца Астока, принца Дузара, застало Тувию из Птарса в безразличном ожидании прихода убийцы.

Она перебрала все возможности побега, осматривая опять и опять пол и стены, дверь и окна.

Девушка не могла даже поцарапать массивные плиты из эрзита, крепкое стекло в окнах не разбилось бы даже под ударами тяжелой кувалды в руках сильного мужчины. Дверь и замок были неуязвимы. Бежать было невозможно. И они отобрали у нее оружие, она, таким образом, не могла даже приблизить час своей смерти, лишив их таким образом удовольствия быть свидетелями ее последнего часа.

Когда они придут? Совершит все Асток своими собственными руками? Она сомневалась, что у него хватит на это мужества. В душе он был трусом - она знала это с тех пор, как впервые услышала его хвастовство, когда была в гостях у его отца, и он пытался поразить ее своей доблестью.

Она не могла не сравнить его с другим. А с кем могла обрученная невеста сравнивать своего неудачливого поклонника? С ее нареченным? Вы думаете, Тувия из Птарса сравнивала достоинства Астока из Дузара и Кулан Тита, джеддака Каола?

Она была на пороге смерти, она думала о том, что ей было приятно, но мечты ее были далеки от Кулан Тита. Мысли ее были заняты высоким и стройным жителем Гелиума, закрывшим собой все остальные образы.

Она мечтала увидеть его честное лицо, спокойные, исполненные достоинства движения, его улыбку, освещавшую его лицо, когда он беседовал с друзьями, и улыбку, трогавшую его губы, когда он сражался с врагами - воинственную улыбку, унаследованную от отца.

И Тувия из Птарса, настоящая дочь Барсума, чувствовала, как учащается ее дыхание, а сердце бьется при воспоминании об этой улыбке - улыбке, которую ей не суждено больше увидеть. Со сдержанными рыданиями девушка опустилась на шелка и меха, которые были в беспорядке разбросаны у восточного окна, спрятав лицо в ладони.

В коридоре, у комнаты, где она томилась, жарко спорили два человека.

- Я еще раз повторяю тебе, Асток, - говорил один, - что я не сделаю этого, если ты не будешь находиться рядом в комнате.

В тоне говорившего было мало уважения, которое обычно оказывается особе королевского рода. Второй, заметив это, покраснел.

- Не заходи слишком далеко в надежде на мою дружбу, Вас Кор, - произнес он. - Моему терпению наступит конец.

- Здесь нет речи о достоинстве королевских особ, - ответил Вас Кор. - Ты попросил меня быть убийцей вместо тебя в нарушение строгого приказа джеддака. У тебя не такое положение, Асток, чтобы диктовать мне, и ты должен согласиться с моей просьбой присутствовать при убийстве, разделяя таким образом со мной вину.

- Почему я все это должен выносить?

Принц сердито посмотрел на Вас Кора, подошел к закрытой двери, отпер ее и, когда она повернулась на петлях, вошел в комнату вместе с Вас Кором.

На противоположном конце зала девушка, услышав, как они вошли, поднялась на ноги и повернулась к ним лицом. Мягкое, с теплым оттенком лицо ее слегка побледнело, но глаза смотрели храбро и холодно, а надменный наклон ее твердого маленького подбородка красноречиво говорил о ее презрении и ненависти.

- Ты все еще предпочитаешь смерть? - спросил Асток.

- Тебе - да? - холодно ответила девушка.

Принц Дузара повернулся к Вас Кору и кивнул. Придворный достал свой короткий меч и направился через комнату к Тувии.

- На колени! - приказал он.

- Я предпочитаю умереть стоя, - ответила она.

- Как хочешь, - сказал Вас Кор. Большим пальцем правой руки он проверил острие своего оружия, - Именем Вутуса, джеддака Дузара! - закричал он и бросился к девушке.

- Именем Карториса, принца Гелиума! - донеслось от двери.

Вас Кор оглянулся и увидел пантана, которого он взял на службу в доме своего сына, бегущего к нему. Юноша проскочил мимо Астока со словами:

- После всего этого, ты - калот!

Вас Кор повернулся, чтобы встретить атакующего противника.

- Что означает эта измена? - закричал он.

Асток с обнаженным мечом бросился на помощь Вас Кору. Меч пантана скрестился с мечом придворного, и при первом столкновении Вас Кор понял, что имеет дело с опытным мастером.

Прежде чем он догадался о намерении чужестранца, он обнаружил его между собой и Тувией из Птарса отчаянно защищающегося от двух мечей Дузара. Он не сражался, как человек, припертый к стене. Он наступал и, хотя он все время держал свой сверкающий меч между девушкой и ее врагами, все же ему удалось заставить их побегать по комнате, отражая его атаки. Девушке он приказал быть рядом с собой.

До тех пор, пока не стало уже поздно, ни Вас Кор, ни Асток не подозревали, что замышляет пантан, но наконец, когда юноша оказался спиной к двери, оба поняли - они оказались загнанными в свою собственную тюрьму и теперь самозванец, если пожелает, сможет убить их, так как Тувия из Птарса заперла дверь по указанию пантана, взяв ключ на противоположной стене, где Асток оставил его, когда они вошли.

Асток, как это всегда было с ним, увидел, что враг тут же не сдался перед его мечами, уступил главенство в сражении Вас Кору, и теперь, когда он внимательно присмотрелся к пантану, глаза его становились все шире и шире, так как он медленно узнавал знакомые черты принца Гелиума.

Последний наступал на Вас Кора. У придворного кровоточило около дюжины ран. А Асток видел, что тот не сможет долго противостоять ловкому искусству владения мечом Карториса.

- Мужайся, Вас Кор, - шепнул он ему на ухо. - У меня есть план. Задержи его еще на минуту, и все будет хорошо, - но конец предложения: "с Астоком, принцем Дузара" - он не произнес вслух.

Вас Кор, не помышлявший о предательстве, кивнул головой и на минуту ему удалось задержать Карториса. Потом Картерис и Тувия увидели, как принц Дузара быстро побежал к противоположной стене зала, дотронулся до чего-то в стене, что привело к ее движению, и исчез под черным сводом.

Все это было проделано с такой быстротой, что у них не было возможности остановить принца. Карторис, боясь, что и Вас Кор ускользнет от него, как Асток, или Асток немедленно возвратится с подкреплением в злобе бросился на своего врага, и через мгновение обезглавленное тело придворного Дузара покатилось по полу из эрзита.

- Пошли, - воскликнул Карторис, - нам нельзя терять ни минуты. Асток скоро вернется сюда с достаточным количеством воинов, чтобы осилить меня.

Но у Астока в голове не было подобного, так как такой поступок означал бы распространение того факта дворцовыми сплетнями, что принцесса Птарса была пленницей в восточной башне. Весть об этом быстро бы дошла до его отца, и никакие оправдания не смогли бы объяснить те факты, которые выяснились бы при расследовании.

Вместо этого Асток с бешеной скоростью бежал по длинному коридору, чтобы добраться до двери в комнату, прежде чем Тувия и Карторис покинут помещение. Он видел, как девушка повернула ключ и положила его в свою сумку на поясе, и он знал, что острие кинжала, повернутое в замке с противоположной стороны, закроет их в секретном зале до конца мира, пока восемь мертвых миров не окружат холодное мертвое солнце.

Быстро, как мог, Асток вбежал в главный коридор, ведущий к залу. Достигнет ли он двери во время? А что, если Карторис уже вышел и будет преследовать его по коридору? Асток почувствовал, как холодок пробежал по его спине. У него не было желания предстать перед этим искусным мечом.

Он был почти у двери. Она находилась за поворотом коридора. Они еще не вышли из помещения. Очевидно, Вас Кор все еще удерживал принца Гелиума.

Асток едва подавил усмешку при воспоминании о том, как он хитро обманул Вас Кора и тем самым избавился от него. Потом он повернул за угол и лицом к лицу столкнулся с огненно-рыжим белокожим гигантом.

Воин не ждал его появления, но он не удивился, а вместо этого кинулся на принца со своим длинным мечом, и Астоку пришлось уклониться от дюжины умелых ударов, прежде чем ему удалось выйти из боя и устремиться обратно по коридору.

Минутой позже Карторис и Тувия вышли в коридор из секретного зала.

- Ну что, Кар Комак? - спросил принц Гелиума.

- Это счастье, что ты оставил меня здесь, красный человек, - Я сейчас только перехватил одного, который очень хотел добраться до этой двери - это тот, кого называют Асток, принц Дузара.

Карторис улыбнулся.

- Где он сейчас? - спросил он.

- Ему удалось избежать моего меча и удрать по этому коридору, - ответил Кар Комак.

- Мы не должны терять времени, - воскликнул Карторис. - Он пошлет против нас караул!

Все трое поспешили по извилистым коридорам, по которым Карторис и Кар Комак шли по следам принца Дузара, оставленным сандалиями на серой пыли, покрывающей пол этих редко используемых коридоров.

Они вышли в зал при входе в лифты, где их ожидало препятствие. Здесь собралось много стражников, и офицер, увидев, что они чужестранцы, спросил, как они попали во дворец Астока.

Еще раз Карторису и Кар Комаку пришлось прибегнуть к своему оружию и, прежде чем они смогли проложить путь к одному из лифтов, шум боя, должно быть, разнесся по всему дворцу, так как они слышали крики, и, когда поднимались через множество этажей к посадочной площадке, видели большое количество вооруженных людей, бегающих туда и сюда в поисках причины суматохи.

На посадочной площадке стоял корабль принца Дузара под охраной трех стражников. Опять принц Гелиума и стрелок из Лотара сражались плечом к плечу, но бой скоро был окончен, потому что принц один мог бы справиться с тремя воинами Дузара.

Едва корабль поднялся, сто или более вооруженных мужчин появились на посадочной площадке. Возглавлял их Асток. Когда он увидел людей, за которыми гнался, на корабле, в то время как он считал их полностью в своей власти, он затанцевал от ярости и огорчения, бросая им вдогонку отвратительные оскорбления.

С носом, поднятым на максимальный угол подъема корабль, подобный метеору, летел в небо. Быстрые патрульные лодки устремились за ними, так как сцена на посадочной площадке Дворца Астока не осталась незамеченной.

Много раз снаряды задевали борта корабля и, поскольку Карторис не мог оставить руля управления, Тувия поворачивала дула огнестрельных орудий на врага, прижимаясь к наклонной и скользкой палубе.

Это был знатный бой. Один против десяти, так как и другие корабли Дузара присоединились к преследованию, но Аток, принц Дузара, постарался, когда строил свой корабль. Никакой другой корабль во флоте его отца не обладал такой скоростью, ни один другой корабль не был так вооружен, так хорошо бронирован.

Один за другим преследователи отставали, и когда последний из них пропал из поля зрения Карториса, он положил корабль в горизонтальный полет и поставил ручку на последний уровень. И корабль двигался по разреженному воздуху умирающего Марса на восток, к Птарсу.

В тринадцати с половиной тысячах хаадов находился Птарс - трудное тридцатичасовое путешествие для самого быстрого из кораблей! А между Дузаром и Птарсом сейчас находится половина флота Дузара, так как именно в этом направлении, по предположению, должна была состояться великая битва, которая теперь могла быть в самом разгаре.

Если бы Карторис мог точно знать, где находились флоты великих стран, он поспешил бы туда без промедления, так как в возвращении Тувии к ее отцу и была основная надежда на мир.

Половину пути они проделали, не встретив ни одного военного судна, а потом Кар Комак обратил внимание на далекий корабль, стоявший на ярко-оранжевом мху мертвого морского дна, над которым они сейчас пролетали.

Вокруг корабля толпилось много людей. С помощью мощного бинокля принц Гелиума разглядел в нападающих зеленых воинов, атаковавших экипаж поврежденного воздушного судна. На таком большом расстоянии национальность его установить было невозможно.

Не было необходимости менять курс, чтобы пролететь прямо над ареной битвы, но Карторис снизил свой корабль на несколько сот футов, чтобы поближе рассмотреть происходящее.

Если это был корабль дружественной державы, он мог остановиться и направить свои орудия на врага, хотя с тем бесценным грузом, который находился у него на корабле, он не считал возможным делать посадку, чтобы оказать поддержку в два меча. Он не мог подвергнуть новой опасности Тувию из Птарса.

Когда они приблизились к разбитому кораблю, стало очевидно, что буквально несколько минут осталось до того, как зеленая орда заполнит бронированный бастион и утолит свою дикую жажду мести против защищающихся.

- Опускаться бесполезно, - сказал Карторис Тувии. - Корабль может принадлежать Дузару - на нем нет опознавательных знаков. Все, что мы можем сделать - это открыть огонь по зеленой орде, - и, говоря это, он подошел к одному из орудий и наклонил его дуло по направлению зеленых воинов у бортов корабля.

При первом выстреле те, кто находился на корабле внизу, увидели его впервые. Тувия из Птарса затаила дыхание, когда взглянула на Карториса.

Эмблема принадлежала Кулан Титу, джеддаку Каола, с которым она была обручена.

Как легко было бы принцу Гелиума пролететь мимо, предоставив своего соперника судьбе, которую невозможно было предотвратить. Ни один человек не мог бы обвинить его ни в трусости, ни в предательстве, так как Кулан Тит выступал против Гелиума, а на его корабле, кроме того, не было достаточного количества мечей, чтобы хоть временно приостановить исход, который был уже предрешен.

- Что будет делать Карторис, принц Гелиума?

Едва легкий бриз начал развевать поднятую эмблему, как его корабль пошел на снижение.

- Ты можешь управлять кораблем? - спросил Карторис Тувию.

Девушка кивнула.

- Я собираюсь поднять на борт всех оставшихся в живых, - продолжал он. - Мне и Кар Комаку надо будет находиться у орудий, пока люди Каола будут закреплять такелаж. Держи нос судна опущенным при ружейном огне. Лобовая броня менее чувствительна к нему, и в то же время будут защищены пропеллеры.

Он поспешил в каюту, когда Тувия приняла на себя управление. Через минуту боковой такелаж опустился с киля корабля и из десяти точек по обеим бортам - толстые, с узлами, кожаные ленты. В то же время с носовой части корабля раздался сигнал:

- Приготовьтесь перебраться к нам на борт!

Крик поднялся на палубе военного корабля Каола. Карторис, который к этому времени вернулся из каюты, печально улыбнулся. Он собирался вырвать из пасти смерти человека, стоящего между ним и женщиной, которую он любил.

- Займись орудием по левому борту, Кар Комак, - обратился он к стрелку, а сам подошел к орудию у правого борта.

Они почувствовали удар от взрыва снаряда зеленого воина по прочной броне корабля.

Это было почти безнадежное предприятие. В любой момент могла быть пробита броня и баки с лучами отталкивания. Люди на корабле Каола сражались, обретя надежду. У борта стоял Кулан Тит, храбрец, сражавшийся среди смелых воинов против зеленых людей.

Тувия снизила корабль. Воины Каола строились по команде офицеров, готовясь к переброске, и вдруг жуткий огонь из орудий зеленых воинов обрушил взрыв на борт отчаянного корабля.

Как раненая птица, он внезапно устремился вниз. Тувия приподняла носовую часть и замедлила скорость, чтобы предотвратить ужасную трагедию, но ей лишь удалось ослабить удар при падении на грунт, и корабль упал на землю рядом с кораблем Каола.

Когда зеленые воины увидели лишь двух воинов и женщину на корабле, свирепый крик триумфа поднялся в их рядах, в то время, как ответный крик вызова сорвался с губ воинов Каола.

Зеленые воины обратили свое внимание на то, что новых противников можно легко победить, и с палубы этого корабля можно держать под обстрелом палубу корабля Каола.

Когда они начали атаковать, Кулан Тит издал крик предупреждения, стоя на мостике своего корабля и оценив доблесть поступка, поставившего маленький корабль в такое затруднительное положение.

- Кто это? - закричал он. - Кто принес свою жизнь на службу Кулан Тита? Никогда еще никто не совершал такого благородного самопожертвования на всем Барсуме!

Зеленые воины карабкались на борт маленького корабля, когда Карторис, принц Гелиума, издал боевой клич в ответ на вопрос джеддака Каола. Никто на маленьком корабле не имел возможности заметить его действие на воинов Каола, так как их внимание было приковано к тому, что происходило на их собственной палубе.

Кар Комак стоял у орудия, из которого вел огонь, и, застыв с широко раскрытыми глазами, уставился на страшных атакующих зеленых воинов. Карторис увидел его в таком положении и почувствовал острую жалость, что после всего пережитого вместе, этот человек, показавший себя как доблестный воин, в час необходимости стал таким же бесхарактерным, как Иав и Тарно.

- Кар Комак - человек! Возьми себя в руки! Вспомни дни славы мореходов Лотара! - воскликнул он. - В бой, человек! Сражайся, как никто другой до тебя не сражался! Все, что нам остается - это умереть, сражаясь.Кар Комак повернулся к принцу Гелиума со зловещей улыбкой на губах.

- Зачем нам сражаться? - спросил он. - Да еще против таких ужасных существ! Есть другой способ- лучше, чем твой. Посмотри! - и он указал на трап, ведущий на корабль.

Толпа зеленых воинов достигла палубы, когда Карторис посмотрел в том направлении, куда указывал Кар Комак из Лотара. Картина, представшая перед его взором, наполнила его сердце радостью и облегчением. Тувия из Птарса могла быть спасена. Он увидел бесконечный поток гигантских и ужасно мрачных стрелков двара, храбро сражавшихся мужчин, готовых немедленно вступить в бой.

Зеленые воины приостановились от удивления, но только на минуту. Затем они бросились вперед навстречу своим врагам.

Поток стрелков остановил их движение.Через минуту на палубе лежали лишь мертвые зеленые воины, а стрелки Комака прыгали с борта судна в погоню за зелеными воинами.

Воин за воином выскакивали из недр корабля, чтобы обрушиться на несчастных зеленых воинов. Кулан Тит и остальные воины из Каола стояли с широко раскрытыми глазами, безмолвно от удивления, когда увидели толпу этих страшных свирепых воинов, появляющихся с трапа маленького корабля, на котором не могло расположиться более пятидесяти человек.

Наконец, зеленые воины не могли больше противостоять бешеной атаке превосходящих сил. Сначала медленно они начали отступать по ярко-оранжевой равнине. Стрелки преследовали их. Кар Комак, стоящий на палубе, дрожал от волнения.

Что есть силы он издавал яростный военный клич забытых дней. Он вдохновлял своих сражающихся воинов, и когда они стали все дальше и дальше уходить от корабля, он больше не мог оставаться вне битвы.

Соскочив с борта корабля на землю, он присоединился к последним стрелкам в погоне за бегущей зеленой ордой.

За низким мысом, который когда-то был островом, исчезли на западе зеленые люди. Их вплотную преследовала армия стрелков прошедших дней, и среди них Карторис и Тувия видели могучую фигуру Кар Комака, высоко размахивающего коротким мечом воина Торказа, которым он был вооружен.

Когда последний из них исчез за мысом, Карторис обратился к Тувии:

- Они дали мне хороший урок, эти исчезнувшие стрелки Лотара, - сказал он. - Когда они закончили свое дело, они исчезли, чтобы не мешать хозяину своим присутствием. Кулан Тит и его воины могут защитить тебя. Мои поступки являются доказательством моей честности. До свидания, - и он встал на колени и поднес край ее одежды к своим губам.

Девушка положила руку на густые черные волосы склоненной перед ней головы. Она мягко спросила:

- Куда ты поедешь, Карторис?

- С Кар Комаком, стрелком, - ответил он. - В сражениях я забудусь.

Девушка закрыла лицо руками, как бы стараясь закрыть от своего взгляда сильный соблазн.

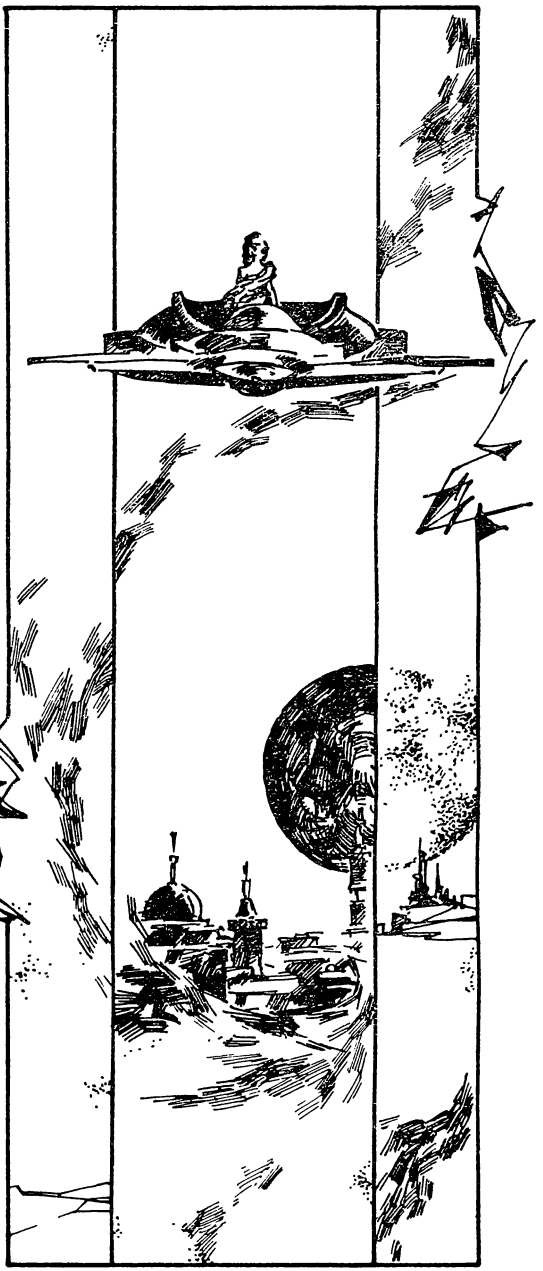
- Да простят меня мои предки! - воскликнула она, - если я скажу то, что не должна говорить, но я не могу видеть, как ты жертвуешь всем ради меня, Карторис, принц Гелиума! Останься, мой вождь! Останься - я люблю тебя!

Шум позади заставил их обернуться и в двух шагах от того места, где они стояли, они увидели Кулан Тита, джеддака Каола.

Некоторое время все молчали, затем Кулан Тит откашлялся. - Я не мог не слышать всего, - сказал он. - Я не настолько глуп, чтобы оставаться слепым к любви, которая существует между вами. Не осталось незамеченной мной и та высокая честь, которая заставила тебя, Карторис из Гелиума, рисковать своей жизнью ради спасения моей, хотя ты и знал, что этот поступок лишит тебя возможности оставить ее для себя. Не могу я не оценить и того достоинства, которое заставило тебя молчать в ответ на слова любви. Тувия, так как я знаю, что я услышал первое твое объяснение своих чувств этому человеку, я не осуждаю тебя. Скорее я осудил бы тебя, если бы ты вступила в брак со мною без любви. Я возвращаю тебе свободу, Тувия из Птарса, - воскликнул он. - И отдай ее тому, к кому приковано твое сердце, и тогда золотые ожерелья обнимут твою шею, и ты увидишь, что Кулан Тит первый поднимет свой меч в знак новой дружбы с новой принцессой Гелиума и ее супругом.

МАРСИАНСКИЕ ШАХМАТЫ

Вступление

ДЖОН КАРТЕР ПОЯВЛЯЕТСЯ НА ЗЕМЛЕ

Ши, как обычно обыграл меня в шахматы, и я, тоже как обычно, думал о том сомнительном удовлетворении, которое я получил бы, ознакомив его с теорией, согласно которой в шахматы хорошо играют или дети до двенадцати лет, или старики старше семидесяти двух, или, наконец, умственно отсталые. Эта теория наглядно объясняла мои постоянные проигрыши. Ши отправился спать, и я хотел последовать его примеру, так как весь предыдущий день мы провели в седле. Вместо этого я сидел перед шахматным столиком в библиотеке, лениво пуская струю дыма на обесчещенную голову моего побежденного короля.

Занимаясь этим полезным делом, я услышал, как отворилась дверь нашей гостиной, и кто-то вошел. Я подумал, что вернулся Ши, чтобы поговорить о завтрашней работе, но, подняв голову к дверному проему, соединявшему две комнаты, я увидел в нем фигуру бронзовокожего гиганта, полуодетое тело которого украшали доспехи, инкрустированные драгоценными камнями, с одной стороны, свисал богато украшенный короткий меч, с другой - пистолет странной конструкции. Черные волосы, глаза серо-стального цвета, улыбка, благородные черты лица - я узнал его сразу и вскочил на ноги с протянутыми руками.

- Джон Картер! - воскликнул я. - Вы?

- А кто же еще, сын мой, - ответил он и пожал мне руку одной рукой, а другую кладя мне на плечо.

- Но что вы делаете здесь? - спросил я. - Много лет назад вы посещали Землю, но без марсианских украшений. Боже, как я рад вас видеть, я помню, как вы подбрасывали меня на коленях, когда я был ребенком, кажется это было так недавно. Как же вы объясните свое появление, Джон Картер, Верховный Командующий Марса, как попытаетесь разъяснить?

- Зачем объяснять необъяснимое? - ответил он.

- Как я уже рассказывал тебе, я очень стар. Я не знаю своего возраста. Я не помню своего детства, но выгляжу так же, как и тогда, когда ты меня впервые увидел. Тебе было тогда пять лет.

Ты состарился, хотя и не так сильно, как многие в твоем возрасте, вероятно это объясняется тем, что в наших жилах одна и та же кровь. Но я нисколько не состарился. Я обсуждал это с моим другом, известным марсианским ученым, но его теории так и остаются теориями. Однако я доволен - я люблю жизнь и энергию юности.

По поводу твоего естественного вопроса о моем появлении на Земле в этом странном с земной точки зрения, наряде. Нужно поблагодарить Кара Комака, лучника из Лотара. Это он подал мне мысль, благодаря которой я достиг успеха в своих экспериментах. Как ты знаешь, я давно уже владел силой, перемещающей предметы в пустоте. Но до сих пор я мог перемещать только одушевленную материю. Сегодня ты впервые видишь меня таким, каким знают меня марсиане: доспехи с девизом "Гелиум", и эмблемы моего звания. Этот пистолет подарен мне Тарсом Таркасом, джеддаком Тарка.

Моя единственная цель - увидеть тебя и испытать свою новую способность к перемещению неодушевленных предметов. Земля не для меня. Вся моя жизнь сосредоточена в моей жене, моих детях, моих обязанностях, все это там. Я проведу с тобой этот вечер, а затем вернусь в мир, который я люблю больше, чем жизнь.

Говоря так, он опустился на стул с противоположного угла шахматного столика.

- Вы сказали "дети", - произнес я. - У вас есть еще дети, кроме Карториса?

- Дочь, - ответил он, - немного моложе Карториса, и, за исключением одной, это самая прекрасная девушка из девушек, когда-либо дышавших разреженной атмосферой. Только Дея Торис, ее мать, прекраснее, чем Тара, принцесса Гелиума.

Некоторое время он машинально перебирал шахматные фигурки.

- У нас на Марсе есть игра, похожая на шахматы, - сказал он, - очень похожая. Мы называем ее Джетан. В нее играют на доске, подобной шахматной, но на ней сто квадратиков, и мы используем по двадцать фигур с каждой стороны. Я всегда играя в Джетан, вспоминаю Тару, принцессу Гелиума, и то, что случилось с нею. Хочешь послушать ее историю?

Я сказал, что хочу, и он рассказал мне ее...

Я постараюсь пересказать ее близко к словам Главнокомандующего Марсом, как я запомнил их, только от третьего лица. Если встретятся несообразности и ошибки, отнесите их за счет моей слабой памяти.

I. ТАРА В ТАНТРУМЕ

Тара из Гелиума встала с груды шелков и мягких меховых шкур, на которых она лежала, томно потянулась и пошла в центр комнаты, где над большим столом с низкого потолка свешивался бронзовый диск. Ее осанка свидетельствовала о здоровье и физическом совершенстве - гармония и точная координация движений достигалась ею совершенно без усилий. Вокруг ее тела был обернут тонкий газовый шарф, свисавший с плеча. Черные волосы собраны в высокую прическу. Деревянным молоточком она ударила в бронзовый диск, в ответ на вызов появилась девушка - рабыня. Она вошла улыбаясь, и встретила ответную улыбку хозяйки.

- Гости отца уже собрались? - спросила она.

- Да, Тара из Гелиума, они пришли, - ответила рабыня. - Я видела Кантоса Кана, Главнокомандующего флотом, Сорока Птарха и Джора Кантоса, сына Кантоса Кана, - упомянув имя Джора Кантоса, она послала хозяйке шаловливую улыбку, - и...о, там были и другие, пришло много гостей.

- Приготовь ванну, Утна, - сказала ее хозяйка. - А почему, Утна, - добавила она, - ты так посмотрела и улыбнулась, когда назвала имя Джора Кантоса?

Девушка-рабыня весело рассмеялась.

- Всем ясно, что он обожает вас, - ответила она.

- Для меня это не ясно, - сказала Тара. - Он друг моего брата Карториса и поэтому бывает здесь часто, а не для того, чтобы видеть меня. Дружба с Карторисом приводит его во дворец моего отца.

- Но Карторис охотится на Севере с Талу, джеддаком Окара, - возразила Утна.

- Ванну, Утна! - воскликнула Тара из Гелиума. - Твой язык доведет тебя до несчастья.

- Ванна готова, Тара Гелиумская, - ответила девушка, но глаза ее продолжали смеяться, так как она знала, что в глубине души хозяйка не способна сердиться на нее. Утна открыла перед дочерью Главнокомандующего Марса дверь, ведущую в соседнюю комнату, где помещалась ванна - сверкающий бассейн с благоухающей водой в мраморном резервуаре. Золотые столбы поддерживали золотую цепь, ограждавшую бассейн со всех сторон и спускавшуюся в воду по обе стороны мраморных ступенек. Стеклянный купол пропускал солнечный свет, освещавший по-

мещение и отражавшийся на белых стенах. Широкой полосой вдоль стены шло выложенное золотом традиционное изображение купальщиц и рыбаков.

Тара из Гелиума сняла шарф и передала его рабыне. Она попробовала температуру воды изящной ножкой, не изуродованной тесной обувью и высокими каблуками, и стала медленно спускаться по ступенькам. Убедившись, что температура нормальная, она стала медленно плавать взад и вперед вдоль бассейна. Она с легкостью плыла по поверхности, иногда погружаясь под воду, мускулы равномерно работали под ее глянцевой кожей - бессловесная песня здоровья, счастья, грации. Вскоре она вышла из воды и перешла в руки рабыни, которая растерла тело хозяйки благоухающим полужидким веществом, находившимся в золотой шкатулке, пока сверкающая кожа не покрылась густой пеной. Затем быстрое погружение в воду, вытирание мягким сухим полотенцем - и купание окончено.

В жизни принцессы типична была простая элегантность ее ванны без свиты бесполезных рабов, без пышности, без лишних церемоний. В следующие полчаса ее волосы были высушены и убраны в высокую прическу, драгоценные украшения, инкрустированные золотом и алмазами, докончили ее туалет и она готова была смешаться с гостями, приглашенными на праздник во дворец Главнокомандующего.

Когда она покинула свои апартаменты и направилась к садам, где располагались гости, в двух шагах за нею следовали воины с эмблемами дома принцев Гелиума на доспехах - жестокое напоминание о том, что кровавая вражда на Барсуме никогда не прекращается и это до некоторой степени служит противовесом большой продолжительности, которая составляет не менее тысячи лет.

Когда они приблизились ко входу в сад, из другой части огромного дворца появилась еще одна женщина в сопровождении такой же охраны. Тара Гелиумская повернулась и встретила ее радостной улыбкой и пожеланием счастья, а сопровождавшие ее воины, встав на колени, преклонили головы в знак добровольного преклонения перед теми, кто принадлежит к роду Гелиума. Так всегда, руководствуясь только велением сердца, поступали воины Гелиума, встречая Дею Торис, чья бессмертная красота не раз вовлекала их в кровопролитные войны с другими нациями Барсума. Дея Торис выглядела как богиня, и любовь народа Гелиума к ней была так велика, что превратилась в культ, как если бы она действительно была богиней.

Мать и дочь обменялись вежливыми барсумскими "каор" - приветствием и поцелуем. Затем они вместе вошли в сад, где собрались гости.

Рослый воин выхватил свой короткий меч и ударил им в бронзовый щит, над смехом и разговорами гостей пронесся гулкий удар.

- Принцесса Дея Торис! - воскликнул воин. - Принцесса Тара Гелиум! Так всегда объявляли о появлении членов королевской семьи. Гости встали, две женщины склонили свои головы, стража остановилась с двух сторон у входа, знатные дворяне цепочкой потянулись выражать свое почтение. Смех и разговоры прекратились. Дея Торис и ее дочь двигались просто и естественно среди гостей, приветствуя их и не делая различий, кто бы ни был перед ними: могущественный джеддак или просто воин, чьим единственным богатством была храбрость и гордость. На Марсе человека ценят больше за его личные достоинства, чем за заслуги и богатства предков.

Пристальный взгляд Тары Гелиум скользил по рядам гостей, пока не остановился на одном из них. Была ли легкая тень неудовольствия, скользнувшая по ее лицу, результатом того, что она увидела, или просто сверкающие лучи полуденного солнца мешали ей? Кто может сказать? Она выросла в убеждении, что однажды станет женой Джора Кантоса, сына лучшего друга ее отца. Горячим желанием Кантоса Кана и Главнокомандующего Марса было, чтобы этот брак осуществился, и Тара Гелиум воспринимала это как свершившийся и бесспорный факт. Джор Кантос казалось разделял ее мнение. Они иногда говорили об этом, как о чем-то само собой разумеющемся, как и его продвижение по служебной лестнице во флоте, где он начал службу, или как о предстоящем празднике двора ее деда, Тардоса Морса, джеддака Гелиума. Они никогда не говорили о любви, и в редкие минуты раздумий это удивляло Тару Гелиум: она знала, что люди, собирающиеся жениться, много говорят о любви, и была по-женски любопытна. Она всегда была рада встрече с Джором Кантосом и знала, что и он радуется им. Им нравилось быть вместе, так как у них были сходные взгляды: им нравились одни и те же люди и одни и те же книги. А их танцы радовали не только их самих, но и всех окружающих. Она никогда не думала выйти замуж за кого-нибудь другого.

Так что, видимо, яркое солнце заставило ее слегка нахмуриться и свести брови, когда она увидела Джора Кантоса, оживленно беседующего с Оливией Мартис, дочерью джеда Гастора. Обязанностью Джора Кантоса было отдать дань уважения Дее

Торис и Таре Гелиум, но он не сделал этого, и дочь главнокомандующего вновь нахмурилась. Она пристально посмотрела на Оливию Мартис, и хотя они часто виделись раньше, теперь Тара Гелиум смотрела на нее по новому и впервые заметила, что девушка из Гастора выделяется своей красотой даже среди прекрасных женщин Гелиума. Она попыталась проанализировать свои чувства, но сделать это было трудно. Оливия Мартис была ее подругой - она всегда так радовалась ей и сейчас не испытала к ней ненависти. А гневалась ли она на Джора Кантоса? Нет, в конце концов она решила, что не сердится на него. Просто она очень удивилась - удивилась тому, что Джор Кантос может быть заинтересован кем-то другим больше, чем ею. Она уже собралась пересечь сад и присоединиться к ним, когда услышала за собой голос отца:

- Тара Гелиум! - воскликнул он, она повернулась и увидела отца с чужим воином, на чьих доспехах были девизы, ей неизвестные. Даже среди роскошных украшений Гелиумцев и гостей из разных стран, украшения незнакомца выделялись варварской пышностью. Кожа его доспехов была покрыта платиновыми узорами, усеяна множеством бриллиантов, так же как ножны меча и богато украшенная кобура, в которой находился длинный марсианский пистолет. Воин шел по залитому солнцем саду рядом с Великим Главнокомандующим и сверкающие отражения бесчисленных драгоценных камней окружали его ореолом света, придавая его гордой фигуре внешность божества.

- Тара Гелиум, я привел к тебе Гохана, джеда Гатола, - сказал Джон Картер после обычного марсианского приветствия.

- Каор, Гохан, джед Гатола, - промолвила Тара Гелиум.

- Мой меч у твоих ног, Тара Гелиум, - ответил молодой вождь.

Главнокомандующий оставил их, и они сели на скамье под раскидистой кроной какого-то дерева.

- Далекий Гатол, - размышляла девушка. - В моем представлении он связан с чудесами, романтикой и полузабытыми знаниями древних. Я не могу думать о Гатоле, как о чем-то современном, может быть потому, что до сих пор я не видела ни одного гатолианца.

- А может быть, виновато огромное расстояние между Гатолом и Гелиумом и сравнительная незначительность моего маленького свободного города, который легко разместится в одном уголке могучего Гелиума? - добавил Гохан. - Но то, что мы теряем в силе, мы компенсируем гордостью, - продолжал он смеясь. - Мы считаем свой город древнейшим на Барсуме. Он

один из немногих, сохранивших свою свободу, и это несмотря на свои богатейшие и известные издревле бриллиантовые разработки, которые, несмотря на длительную разработку, сейчас практически так же богаты, как и раньше.

- Расскажи мне о Гатоле, - попросила девушка. - Мне будет очень интересно. - Возможно, что красивое лицо молодого джеда прибавляло романтический ореол далекому Гатолу.

Гохан, казалось, был доволен обществом своей прекрасной собеседницы. Его глаза не отрывались от утонченных черт ее лица, с которого они переходили только на шею, украшенную драгоценными бусами, на голое плечо или симметрию совершенных рук, сверкающих пышными браслетами.

- Из древней истории ты, несомненно же, знаешь, что Гатол был построен на острове в Троксеусе. Когда океан отступил, то Гатол спустился по склонам гор, вершинами которых и были острова в океане. И сейчас Гатол покрывает гору от вершины до подножия. Недра этой горы изрешечены галереями шахт. Город окружен большим соленым болотом, которое защищает нас от вторжения извне, а неровная топография нашей земли покрытой скалами и расщелинами мешает неприятелю использовать воздушные корабли.

- А что же делают ваши храбрые воины? - спросила девушка, Гохан улыбнулся.

- Мы говорим о храбрости только с врагами, - сказал он. - И скорее языком стали, чем обычным человеческим языком.

- Но где же могли научиться искусству войны люди, которых природа так защитила от нападения? - спросила Тара Гелиум, которой понравился ответ молодого джеда на ее предыдущий вопрос, но которая сохраняла смутные предположения о возможной изнеженности ее собеседника, вызванные, вероятно, пышностью его доспехов и украшений - доспехи напоминали скорее выставку драгоценностей, чем суровое оружие.

- Природные барьеры защищавшие нас от бесчисленных нападений, тем не менее не сделали нас неженками, - объяснил он, - ибо так велики богатства Гатола, что находится много желающих рискнуть и попытаться ограбить непобедимый городок, поэтому мы постоянно заняты отражением нападений. Моя страна протянулась от Полодоны (экватор) на север на десять карадов и затем на десять карадов на запад до Горца. Она занимает миллионы квадратных хаадов, и ее большая часть покрыта пастбищами, где пасутся наши стада.

Окруженные постоянными врагами, наши пастухи должны быть воинами, иначе у нас не было бы стад, а ты можешь быть уверена в том, что наши стада достойны защиты, кроме того, мы постоянно нуждаемся в рабочих для шахт. Гатолианцы - народ воинов и не приспособлены к работе в шахтах. Закон, однако, обязывает каждого гатолианца один час в день отработать для города. Практически это их единственная обязанность. Они, однако, предпочитают предоставлять замену для исполнения их работы, и так как наши люди не хотят работать в шахтах, нам нужны рабы. А тебе не нужно объяснять, что без войны рабов не достать. Мы продаем этих рабов на общественных рынках, доход делится пополам. Часть правительству, другая - воину, добывшему врага - раба. Покупатели расплачиваются работой, которую выполняют рабы. За год хороший раб выполняет за своего хозяина норму работ на шесть лет, и если рабов достаточно, то в этом случае им разрешают вернуться на родину.

- Вы боретесь за платину и бриллианты? - спросила Тара с лукавой улыбкой, разглядывая его пышные украшения.

Гохан рассмеялся.

- Мы тщеславный народ, - согласился он добродушно, - и, возможно, слишком большое значение придаем украшениям. Мы соперничаем друг с другом в пышности личного снаряжения, и наше вооружение превосходит в этом смысле все, что я видел на Барсуме. Мы гордимся своей физической красотой. Особенно красотой наших женщин. Осмелюсь ли я сказать, Тара Гелиум, что буду счастлив, когда ты посетишь Гатол, и мой народ сможет оценить твою красоту?

- Женщины Гелиума привыкли не доверять языку льстецов, - сказала девушка, но Гохан, джед Гатола, заметил, что она улыбнулась, говоря это.

Покрывая смех и говор гостей, прозрачно прозвучал гонг.

- Танец Барсума! - воскликнул молодой воин. - Я приглашаю тебя, Тара Гелиума!

Девушка взглянула в сторону скамьи, где видела Джора Кантоса. Его не было видно. Она наклонила свою голову в знак принятия приглашения. Между гостями сновали рабы, раздавая маленькие музыкальные инструменты с одной струной. На каждом инструменте условными знаками была обозначена высота его тона. Инструменты были сделаны из дерева, а струны - из кишок, каждый инструмент был изогнут таким образом, что не мешал своему владельцу танцевать. Инструменты ремнями крепились к левой руке танцующих.

Гости встали и медленно двинулись по алому пространству в один из углов сада, где должен был происходить танец. В это время к Таре Гелиум торопливо подошел Джор Кантос.

- Я приглашаю, - сказал он приблизившись к девушке, но она жестом остановила его.

- Слишком поздно, Джор Кантос, - насмешливо воскликнула она. - Ни один увалень не может надеяться пригласить Тару Гелиум, но, поторопись, смотри, ты можешь упустить и Оливию Мартис: она вряд ли долго будет ожидать приглашения на танец.

- Я уже упустил ее, - с сожалением согласился Джор Кантос.

- Ты хочешь сказать, что пригласил Тару Гелиум только потому, что опоздал пригласить Оливию Мартис? - воскликнула девушка, все еще разыгрывая недовольство.

- О Тара Гелиум, ты все же отлично знаешь, - настаивал молодой человек. - Я вполне естественно думал, что ты ожидаешь моего приглашения. Ведь уже очень давно ты танцуешь танец Барсума только со мной.

- И ты сидел и дожидался, пока кто-нибудь не пригласит меня? - спросила она. - Нет, Джор Кантос, Тара Гелиум не для увальней, - она улыбнулась и в сопровождении Гохана, джеда Гатола, направилась к танцующим.

Танец Барсума - наиболее торжественный из танцев Марса - относится ко всем другим марсианским маршам, как большой торжественный марш - к земным, только он более сложен и прекрасен. Прежде чем марсианская молодежь обоих полов допускается к выполнению общественных функций, она должна усовершенствоваться в танцах - танце Барсума, национальном танце и танце своего города. Для этих танцев, трех танцев, танцующие создают музыку, которая никогда не повторяется, эти танцы унаследованы от незапамятных времен. Все барсумские танцы прекрасны, но танец Барсума был удивительный эпос движений и гармонии: в нем нет гротескных поз, нет вульгарных или неприличных движений. Это отражение величайших идеалов мира, вдохновленных грацией, красотой и целомудрием его женщин и силой, достоинством и верностью его мужчин.

Сегодня Джон Картер, Главнокомандующий Марса, со своей женой Деей Торис, начал танец, и была только одна пара, которая соперничала с ними в восхищенном внимании гостей, - это сверкающий джед Гатола со своей прекрасной партнершей. В постоянно сменяющихся фигурах танца юноша почти не выпускал руку девушки, он обнимал ее тело, роскошно украшенное, но почти не одетое, и девушка, хотя до этого она танцевала тысячу раз, как бы впервые почувствовала мужскую руку на

своем обнаженном теле. Это так взволновало ее, что она взглянула на партнера с неудовольствием, как будто в этом была его вина. Их глаза встретились, и в его взгляде она увидела то, что никогда не видела во взгляде Джора Кантоса. Это было в самом конце танца, музыка прекратилась, и они молча стояли, молча глядя в глаза друг другу. Первым заговорил Гохан из Гатола:

- Тара Гелиум, я люблю тебя! - сказал он.

Девушка свысока взглянула на него.

- Джед Гатола забывается! - надменно сказала она.

- Джед Гатола может забыть все, но не тебя, Тара Гелиум, - ответил он и сжал ее руку, которую продолжал держать в последней фигуре танца. - Я люблю тебя, Тара Гелиум, - повторил он. - Почему ты говоришь не так, как говорят твои глаза?

- Что это значит? - воскликнула она. - И разве мужчины Гатола так невоспитанны?

- Они воспитанны и они не глупы, - спокойно ответил он. - Они знают, когда любят женщину - и когда она любит его.

Тара Гелиум в гневе топнула ногой.

- Я ухожу. - сказала она, - чтобы не заставлять моего отца позорить гостя.

Она повернулась и пошла прочь.

- Подожди! - окликнул ее Гохан. - Еще одно слово!

- Извинение? - спросила она.

- Пророчество, - ответил он.

- Не желаю слушать, - ответила Тара Гелиум и ушла. Она была странно возбуждена и вскоре вернулась в свои аппартаменты во дворце. Здесь она долго стояла у раскрытого окна, глядя на простирающийся далеко на север Великий Барсум.

Внезапно ее охватил гнев.

- Я ненавижу его!! - громко воскликнула она.

- Кого? - спросила Утна.

Тара Гелиум топнула ногой.

- Этого сверкающего грубияна, джеда Гатола, - ответила она.

Утна подняла тонкие брови.

В ответ на топание маленькой ножки из угла вышел большой зверь и остановился перед Тарой Гелиума, глядя ей в лицо. Она протянула руку к отвратительной морде.

- Дорогая старая Вула, - сказала она, - не может быть любви глубже, чем твоя. Почему мужчины не следуют твоему примеру?

II. ВО ВЛАСТИ БУРИ

Тара Гелиум не вернулась к гостям своего отца. Она осталась в апартаментах, ожидая прихода Джора Кантоса. Она знала, что он непременно явится звать ее обратно в сад. Тогда она высокомерно откажет. Но Джор Кантос не являлся.

Вначале Тара Гелиум сердилась, затем возмутилась, но все время она была удивлена... Она ничего не понимала. Иногда, вспоминая о джеде Гатола, она топала ногой, так как очень сердилась на него. Самонадеянный мужлан! Он оскорбил ее, сказав, что прочел любовь в ее взгляде. Никогда еще не была она так оскорблена и унижена. Никогда она так ненавидела мужчину!

Неожиданно она повернулась к Утне.

- Мой костюм для полетов! - приказала она ей.

- Но гости! - воскликнула рабыня. - Ваш отец, Главнокомандующий, ожидает вашего возвращения.

- Ему придется разочароваться, - ответила Тара Гелиум.

Рабыня колебалась.

- Он не одобряет ваших полетов в одиночку, - напомнила она своей хозяйке.

Юная принцесса вскочила на ноги, схватила несчастную рабыню за плечи и начала трясти.

- Ты становишься невыносимой, Утна, - кричала она. - Скоро ничего не останется другого, как отправить тебя на рынок рабов и продать. Тогда, возможно, ты найдешь хозяина, который больше понравится тебе.

Слезы выступили на глазах рабыни.

- Это награда за мою любовь к вам, принцесса, - кротко сказала она.

Тара Гелиум постепенно смягчилась. Она обняла рабыню и поцеловала ее.

- У меня характер тота, Утна, - сказала она. - Прости меня! - Я люблю тебя, и нет ничего такого, чтобы я не сделала для тебя. Я не хочу обижать тебя. Я много раз предлагала тебе свободу и предлагаю сейчас.

- Мне не нужна свобода в разлуке с вами, Тара Гелиум, - ответила Утна. - Я счастлива с вами и думаю, что умру без вас.

Девушка поцеловала ее.

- Так вы не полетите одна? - спросила рабыня.

Тара Гелиум рассмеялась и ущипнула свою наперсницу.

- Ты настойчивая маленькая язва, - воскликнула она. - Конечно, я полечу, разве Тара Гелиум не делает всегда то, что ей нравится?

Утна укоризненно покачала головой.

- Конечно, она делает, - согласилась она с девушкой. - Главнокомандующий Марса подобен железу и не поддается никаким влияниям. Но в руках Деи Торис и Тары Гелиум он напоминает глину.

- Тогда беги и побыстрее приготовь мой наряд для полетов - будь хорошей рабыней, - приказала ей хозяйка.

Высоко над коричнево-желтым дном бывших морей Марса, вдали от двойного города Гелиум, быстро летел самолет Тары Гелиум. Восхищаясь высотой, легкостью и послушностью маленького воздушного корабля, девушка направила его на северо-восток. Она не задумывалась, почему именно выбрала это направление. Возможно, потому, что в этом направлении находились наименее известные области Марса, а следовательно, романтика, чудеса, приключения. В этом направлении также лежал и далекий Гатол, над этим обстоятельством она не задумывалась.

Временами, правда, она вспоминала джеда из этого отдаленного королевства, но чувства, которые она при этом испытывала, не были приятными. Она чувствовала краску стыда на щеках и гнев в сердце. Она очень сердилась на джеда Гатола, и хотя она не думала, что когда-нибудь увидит его вновь, она знала, что этот гнев навсегда сохранится в ее памяти. Чаще ее мысли обращались к другому человеку - Джору Кантосу. Думая о нем, она в тоже время думала и об Оливии Мартис из Гастора. Тара Гелиум решила, что она ревнует к прекрасной Оливии, и это заставило ее еще больше рассердиться. Она сердилась на Джора Кантоса и на себя, но совсем не сердилась на Оливию Мартис, которую она любила и которой на самом деле не ревновала. Беспокоилась она главным образом потому, что перестала понимать происходящее, Джор Кантос не прибегал подобно покорному рабу, когда она ожидала его, и в этом, конечно, заключалась суть ее беспокойства. Гохан, джед Гатола, был свидетелем ее унижения... Он видел, что она осталась в одиночестве в начале праздника, и решил спасти ее, как он несомненно думал, от печальной участи дамы, подпиравшей стену во время танцев. Возвращаясь к этой мысли, Тара Гелиум чувствовала, как все ее тело пылает от стыда, затем ей становилось холодно от бешенства и гнева. После этого она повернула свой самолет так резко, что чуть не вылетела из самолета: ее удержали привязные ре-

мни. Она вернулась домой перед самой темнотой. Гости покидали дворец. Некоторые из них спускались по ступеням Дворца. Часом позже она присоединилась к своим родителям за ужином.

- Ты покинула нас, Тара Гелиум, - сказал Джон Картер. - Гости Джона Картера не ожидали такого.

- Они пришли не ради меня,- ответила на это Тара Гелиум.- Я не звала их.

- Тем не менее, они и твои гости,- возразил отец.

Девушка встала, подошла к отцу и обняла его за шею.

- Мой милый, старый виргинец,- воскликнула она, ероша ежик его черных волос.

- В Виргинии тебя положили бы к отцу на колени и выпороли,- сказал отец, улыбаясь.

Она поцеловала его.

- Ты не любишь меня больше,- заявила она.- Никто не любит меня,- но выражение ее лица не соответствовало этим словам... Она не успела состроить печальную гримасу и не смогла сдержать смеха.

- Боюсь, что слишком многие любят тебя,- сказал отец.- Еще один появился....

- На самом деле?- воскликнула она.- Кто же он?

- Гохан из Гатола просил твоей руки.

Девушка села очень прямо и наклонила голову.

- Я не собираюсь выходить замуж за ходячую бриллиантовую шахту,- сказала она.- Я не выйду за него.

- Я объяснил ему это,- сказал отец,- добавил, что ты помолвлена с другим. Он держался очень вежливо, но в то же время ясно дал понять, что привык получать все, чего он хочет, а получить тебя он хочет очень сильно.

Я думаю, что это означает еще одну войну. Красота твоей матери стоила Гелиуму многолетней войны, Тара Гелиум, если бы я был молод, я бы перевернул весь Барсум, чтобы добыть тебя, как это я сделал с твоей божественной матерью,- и он послал над столом, уставленным золотым сервизом, улыбку прекраснейшей женщине Марса.

- Наша маленькая девочка не должна беспокоиться о подобных вещах,- сказала Дея Торис.- Помни, Джон Картер, что ты имеешь дело не с земным ребенком, продолжительность жизни которого занимает половину срока, за который дочь Барсума достигнет лишь зрелости.

- Но разве дочери Барсума иногда не выходят замуж моложе двадцати лет?- настаивал он.

- Да, они остаются желанными в глазах мужчин и после того, как десятки поколений людей Земли превращаются в прах- поэтому не следует спешить с замужеством. Мы не вянем и не блекнем так быстро, как женщины твоей планеты, если можно верить твоим рассказам. Когда настанет время, Тара Гелиум выйдет замуж за Джора Кантоса, а до тех пор не будем говорить об этом.

- Да,- сказала девушка,- эта тема надоела мне. И я не хочу выходить за Джора Кантоса. Я вообще не хочу замуж.

Отец и мать посмотрели на нее с улыбкой обожания.

- Когда Гохан из Гатола вернется домой, он может попытаться похитить тебя,- сказал Главнокомандующий.

- Он уехал?- спросила девушка.

- Его самолет отправился в Гатол этим утром,- ответил Джон Картер.

- Значит, я видела его в последний раз,- заметила Тара Гелиум со вздохом облегчения.

- А он думает иначе,- промолвил Джон Картер.

Девушка пожала плечами, и разговор перешел на другие темы. Пришло письмо от Тувии из Птарса, которая гостила при дворе своего отца, в то время как Карторис, ее супруг, охотился в Окаре. Получено известие, что Тарки из Бархуна вновь воюют или вернее, что они заняты своим делом, ибо состояние войны было для них обычным. В памяти людей не было мира между этими двумя дикими племенами, разве что кратковременные перемирия. Два новых линкора спущены на воду в Гасторе. Небольшая группа священников попыталась восстановить древнюю и дискредитированную религию Иссы, которую они считали все еще живущей и дающей им указания. Донеслись слухи о войне в Дусаре. Некий ученый объявил об открытии разумной жизни на дальнем спутнике. Сумасшедший пытался разрушить атмосферный завод. Семь человек были убиты в Большом Гелиуме за последние десять подов (а один под равен одному земному дню)

После ужина Дея Торис и Главнокомандующий играли в джетан, барсумскую разновидность шахмат. Игра проходит на доске, состоящей из ста чередующихся черных и оранжевых квадратов. Один игрок располагает двадцатью черными фигурами, другой двадцатью оранжевыми. Подробное описание этой игры может заинтересовать тех земных читателей, которые играют в шахматы, и утомит тех, кто не знаком с этой замечательной игрой. Поэтому описание игры, ее правила находятся в конце книги. Здесь же - только наиболее важные положения.

Фигуры занимают два передних ряда доски со стороны каждого играющего. Слева направо на ближнем к игроку ряду располагаются следующие фигуры: воин, падвар, двар, летчик, вождь, принцесса, летчик, двар, падвар, воин. Следующая линия занята пехотинцами, за исключением двух крайних фигур, которые называются тотами и представляют собой всадников.

Пехотинцы, которые изображаются как воины с одним пером, могут двигаться на одну клетку в любом направлении, только не назад. Тоты, всадники с тремя перьями - двигаются прямо и по диагонали и могут перепрыгивать через фигуры противника. Воины, пехотинцы с двумя перьями, двигаются по диагонали на две клетки. Падвар, лейтенант с двумя перьями, движется в любом направлении на две клетки. Двар, капитан с тремя перьями, перемещается на три клетки в любом направлении. Летчики, изображаемые пропеллером с тремя лопастями, могут двигаться на три клетки в любом направлении, и перепрыгивать через фигуры противника. Вождь, украшенный короной с десятью бриллиантами, движется в любом направлении, А принцесса в короне с одним бриллиантом - движется так же, как и вождь, и может перепрыгивать через фигуры.

Игра считается оконченной, когда игрок ставит свою фигуру в клетку, где стоит принцесса или вождь противника. Она заканчивается вничью, если на доске остается по три равные фигуры. Это лишь общее описание игры и недостаточно подробное.

Именно в эту игру играли Дея Торис и Джон Картер, когда Тара Гелиум пожелала им доброй ночи и направилась в свои апартаменты.

Проходя мимо них по комнате, она сказала:

- До утра, мои любимые,- и ни она, ни ее родители не думали, что, возможно, видятся в последний раз.

Утро было серым, пасмурным. Зловещие тучи беспокойно поднимались и опускались. Их клочья уносились к северо-западу. Из своего окна Тара Гелиум разглядывала эту необычную сцену. Плотные облака редко затягивали барсумское небо. В это время дня она по обычаю совершала верховую прогулку на маленьком тоте, заменяющем марсианам лошадей, но зрелище движущихся облаков соблазнило ее на новые приключения. Утна все еще спала, и девушка не стала беспокоить ее. Наоборот, она оделась тихо и выскользнула в ангар, помещавшийся на крыше дворца, рядом с ее апартаментами, где находился и ее собственный маленький самолет. Она никогда не летала в облаках. Именно такое приключение она уже давно мечтала испытать. Ветер был сильным, и ей с трудом удалось вывести самолет из ангара, но, наконец,

она поднялась над двойным городом Гелиумом. Сильный ветер подхватил самолет и начал трясти его, а девушка громко смеялась, охваченная нервным возбуждением. Она вела свой самолет как опытный летчик, хотя вряд ли какому-нибудь летчику приходилось иметь дело с таким ураганом. Она быстро поднялась к облакам, миновала длинные стремительные ленты и мгновением позже была охвачена густым и влажным туманом. Здесь был новый мир, мир хаоса, незнакомого людям. Но это был холодный, сырой, одинокий мир, и она почувствовала это, когда улеглось первоначальное возбуждение. Неожиданно она почувствовала себя очень одинокой и маленькой. Ей стало холодно. Но она торопливо продолжала подниматься, пока неожиданно ее самолет не пробил верхнюю границу облаков и она оказалась в сверкающем солнечном сиянии, превратившем поверхность мрачного мира, покинутого ею, в блестящее серебро. Здесь было по-прежнему холодно, но не сыро, и под влиянием бриллиантовых лучей солнца настроение девушки поднялось одновременно со стрелой ее альтмера. Глядя на облака, находящиеся теперь далеко внизу, девушка испытывала такое чувство, будто была подвешена между небом и землей. Но жужжание пропеллера, стремительный вой ветра и стрелка спидометра показывали, что ее скорость была огромной. Тогда она решила повернуть назад. Первую попытку она сделала над облаками, но попытка оказалась безуспешной. К ее удивлению, она обнаружила, что не может даже отвернуть от ударов ветра, который тряс и подбрасывал хрупкий кораблик. Тогда она быстро опустилась в темную и мрачную зону между несущимися облаками и за теневой поверхностью Марса. Здесь она вновь попыталась повернуть нос своего самолета к Гелиуму, но буря подхватила маленький самолет и беспощадно погнала его вперед, подбрасывая, как будто это была пробка в водопаде. Никогда раньше не была она так близко к смерти, тем не менее, она не испугалась. Хладнокровие спасло ее, хладнокровие и крепость привязных ремней, удерживающих ее. Подчиняясь урагану, она оставалась живой, но куда он унесет ее? Она представляла себе беспокойство отца и матери, когда они не увидят ее за завтраком. Они обнаружат отсутствие ее самолета и подумают, что она лежит где-нибудь разбитая в этом урагане. Сотни храбрецов отправятся на ее поиски, рискуя своими жизнями. Их жизни будут отданы в жертву ее спасения. Она знала это, так как еще никогда подобная буря не бушевала над Барсумом.

Она должна достигнуть Гелиума раньше, чем ее безумная страсть к приключениям будет стоить хотя бы одной храброй жизни. Она поняла, что наибольшая безопасность и вероятность успеха - над облаками, и снова поднялась сквозь холодный и влажный туман. Ее скорость снова стала ужасающей: ветер, казалось, еще более усилился. Она попыталась постепенно снизить скорость самолета, но хотя она сумела дать задний ход мотору, ветер продолжал гнать ее с прежней силой вперед. Тара Гелиум вышла из себя. Разве до сих пор мир не склонялся перед малейшими ее желаниями? Кто осмеливается перечить ей? Она покажет, что дочь Главнокомандующего нельзя принудить к чему-нибудь. Она докажет, что даже силы природы покоряются Таре Гелиум!

Со свирепой улыбкой она вновь включила мотор и повернула руль налево, а ветер тряс маленький самолет, швырял его и гнал с огромной скоростью. Мотор заглох. Буря ударила с новой силой, руль вырвался из рук и девушка оказалась беспомощной, она превратилась в ничтожную пылинку, которой играют грозные силы, которым она бросила вызов. Первым чувством Тары Гелиум было удивление - ей не удалось настоять на своем. Затем она почувствовала беспокойство: не за свою жизнь, но из-за тревоги своих родителей и опасностей, которые неизбежно ждут тех, кто отправится на ее розыски. Она упрекала себя за безумную эгоистичность, с которой она подвергала опасности других. Она понимала, что и ее ожидает большая опасность, но она не испугалась. Она была настоящей дочерью Деи Торис и Джона Картера. Она знала, что самолет может удерживать ее в воздухе долго, но у нее не было пищи и воды, и ее отнесло в наименее изученные области Барсума. Может лучше приземлиться немедленно и подождать прихода спасателей, чем продолжать стремительно уноситься от Гелиума. Но когда она спустилась ниже, обнаружила яростный ветер, делающий попытку приземления смертельно опасной, она вновь поднялась на высоту. Пролетая на расстоянии нескольких сотен футов над поверхностью, она смогла оценить смертельную силу бури в сравнении с относительно спокойным ветром над облаками. Отсюда, с небольшой высоты, она видела, какие разрушения принесла буря. Воздух был полон пыли и обломков деревьев, когда ураган нес ее над орошаемыми полями, она видела, как огромные деревья и стены домов взлетают на воздух, разбрасываются по опустошенной земле. Все увиденное еще раз привело ее к мысли, что Тара Гелиум - маленькая и беспомощная девочка. Это было сильным ударом по ее самолюбию. К вечеру ураган не утих, не было никаких при-

знаков уменьшения скорости ветра. Она могла ориентироваться по показаниям счетчика пройденного пути. Эти показания показались неправдоподобными, однако, она знала, что они верны: за двенадцать часов ветер унес ее на семь тысяч хаадов. Перед самой темнотой она пролетела над одним из покинутых городов древнего Марса. Это был Торквас, но она не знала этого. Если бы она знала это, то потеряла бы всякую надежду на спасение, ибо для народа Гелиума Торквас кажется таким же далеким, как острова южного моря для нас. А буря, не ослабевая, несла ее дальше.

Всю ночь она стремилась вперед во влажной темноте облаков, иногда поднимаясь выше, в пустоту, залитую светом двух спутников Барсума. Она замерзла, хотела есть и чувствовала себя очень несчастной, но ее стойкий дух отказывался признавать положение безнадежным. Ее разговоры с собой вслух напоминали спартанское упрямство ее отца, который перед лицом неизбежного уничтожения заявлял: "Я все еще жив!".

Ранний посетитель явился сегодня утром во дворец Главнокомандующего. Это был Гохан, джед Гатола. Он появился, вскоре после того, как было обнаружено отсутствие Тары Гелиум, и поэтому к нему долго никто не выходил, пока наконец он не встретился в коридоре с Джоном Картером, торопившимся организовать отправку отрядов на поиски дочери.

Гохан прочел беспокойство на лице Главнокомандующего.

- Прости мою назойливость, Джон Картер,- сказал он.- Я пришел просить разрешения остаться на один день, так как было бы безумием пытаться вылететь в такую бурю.

- Ты останешься желанным гостем, Гохан, пока не захочешь оставить нас, - ответил Главнокомандующий, - но ты простишь некоторое невнимание к тебе, пока моя дочь не вернется к нам.

- Твоя дочь! Вернется!! Что это такое?- воскликнул гатолинец. - Я не понимаю.

- Она исчезла вместе с своим самолетом. Это все, что мы знаем, можно предположить, что она решила полетать перед завтраком и попала в когти урагана. Ты простишь меня, Гохан, если я оставлю тебя сейчас - я тороплюсь организовать поиски.

Но Гохан, джед Гатола, уже торопился к выходу. Выйдя, он сел на поджидавшего его тота и в сопровождении двух воинов с гербами Гатола направился по улицам Гелиума к дворцу, который был предоставлен в его распоряжение.

III. БЕЗГОЛОВЫЕ ЛЮДИ

Над крышей дворца, где разместился джед Гатола со своей свитой, был привязан к высоким причальным мачтам крейсер ВАНАТОР. Стонущие снасти говорили о сумасшедшей ярости бури, а обеспокоенные лица членов команды, чья очередь была дежурить на палубе, подтверждали серьезность обстановки. Только крепкие привязные ремни спасали этих людей от падения под ударами ветра, а люди, находившиеся на крыше, вынуждены были цепляться за перила и столбы, чтобы не быть унесенными очередными порывами урагана. На носу крейсера был нарисован герб Гатола, но ни одного флага или вымпела не было на мачтах. Их сорвал ураган, и по лицам людей было ясно, что они опасаются как бы буря не сорвала и сам корабль. Они не верили, что какие-либо снасти могут долго противиться этой титанической силе. У каждого из двенадцати тросов, удерживающих корабль, стоял сильный воин с обнаженным коротким мечом, Если хоть один из тросов поддастся силе бури и лопнет, одиннадцать остальных тут же будут перерублены: будучи привязан частично, корабль осужден на гибель, в то время как отдавшись буре, он сохранял какие-то шансы на спасение.

- Клянусь кровью Иссы, они выдержат! - прокричал один воин другому.

- А если не выдержат, то духи наших предков вознаградят добрых матросов ВАНАТОРА,- ответил другой воин с крыши дворца,- ибо немного времени пройдет с того момента, когда порвутся канаты, до того, когда экипаж оденет одежды смерти. Однако, я верю, Танус, что они выдержат. Скажи спасибо, что мы не вылетели до начала бури: сейчас у нас есть шансы спастись.

- Да,- ответил Танус,- я не хотел бы сейчас лететь даже на крепчайшем корабле, когда-нибудь бороздившем небо Барсума!

В это время на крыше появился Гохан. С ним была остальная часть отряда и двенадцать воинов Гелиума. Молодой воин обратился к своим спутникам:

- Я немедленно вылетаю на ВАНАТОРЕ, - сказал он,- на поиски Тары Гелиум, которая, как полагают, улетела задолго до начала бури в одноместном самолете. Нет надобности объяснять вам, как слабы шансы ВАНАТОРА выдержать удары бури, поэтому я не могу приказать вам идти со мной на смерть. Пусть те, кто хочет, остаются. Им не грозит бесчестье.

- Остальные последуют за мной, - и он ухватился за веревочную лестницу, извивающуюся под порывами ветра. Первым, кто последовал за ним, был Танус, а когда последний поднялся на палубу крейсера, на крыше дворца осталось только двенадцать воинов Гелиума с обнаженными мечами, занявших посты у причальных мачт, где до этого стояли воины Гатола.

Ни один гатолианин не остался за бортом ВАНАТОРА.

- Другого я не ожидал, - сказал Гохан.

Командир ВАНАТОРА покачал головой, он любил свой нарядный корабль, гордость маленького флота Гатола. О его судьбе он думал, не о своей. Мысленно он уже видел свой корабль лежащим разбитым на красно-коричневом дне марсианского моря или разграбленным ордой свирепых дикарей.

Он посмотрел на Гохана.

- Вы готовы, Сан Тотис? - спросил джед.

- Все готово.

- Руби концы!

Договорились, что воины на крыше будут действовать по сигналу третьего выстрела. Требовались величайшая осторожность, согласованность... двенадцать мечей должны действовать одновременно с одинаковой силой, и каждый воин должен полностью пересечь стренги прочного троса, если бы свободные концы тросов запутались, корабль был бы немедленно разбит.

Бум!- Звуки сигнального выстрела донеслись в вое ветра до воинов на крыше. Бум! Двенадцать мечей сверкнули в сильных руках воинов. Бум! Двенадцать лезвий разрубили тросы в одно и то же время.

ВАНАТОР с ревущим пропеллером прыгнул вперед в бурю. Ураган, как бронированным кулаком, ударил его в корму и поставил большой корабль на нос, затем принялся подбрасывать и вертеть крейсер, как детскую игрушку. Двенадцать воинов с крыши дворца молча смотрели на это, не будучи в состоянии ничем помочь и гордясь мужеством тех, кто шел на смерть. И многие другие видели эту картину с тысяч высоких крыш, где готовились поисковые группы. Однако, эти приготовления были приостановлены, так как бессмысленно было посылать храбрецов в бушующий водоворот стихии! Их храбрость ничем не могла помочь в этих безнадежных поисках.

Но ВАНАТОР не упал на землю, во всяком случае, в пределах видимости, хотя пока наблюдатели могли следить за ним, не было ни одного мгновения, когда корабль шел бы ровно. Иногда он ложился то на один бок, то на другой, временами чуть не переворачивался вверх килем, или поднимался высоко-высоко,

или вставал на нос или корму, повинуясь капризам могучей силы, несшей его вперед. Наблюдатели видели, как его уносило вдаль вместе с клочьями облаков. Никогда еще на людской памяти не бушевала над Барсумом такой силы буря.

Вскоре отлет ВАНАТОРА был забыт. Паника в городе нарастала. Возникли пожары. Главнокомандующий приказал людям, готовившимся выступить на поиски Тары Гелиум, направить их энергию на спасение города, так как и он был свидетелем отлета ВАНАТОРА и понимал всю опасность его положения. Кроме того, нужно было спасать людей в городе.

На второй день после полудня буря стала стихать, и не задолго до захода солнца маленький самолет, в котором Тара Гелиум провела много часов между жизнью и смерью, медленно летел, повинуясь дыханию слабого ветерка, над равниной, покрытой холмами - остатками высоких гор, некогда покрывавших континенты Марса. Девушка была истощена бессонницей, голодом и жаждой, а также нервным возбуждением, которое поддерживало ее силы в ужасных испытаниях. Вблизи за вершиной холма она заметила что-то, напоминавшее круглую и покрытую куполом крепость. Она быстро опустилась, чтобы скрыться за вершиной холма от взора возможных жителей, обнаруженной ею постройки. Крепость означала для нее жилище людей, и, следовательно, возможность раздобыть воду, а может, и пищу. Даже если она не была населена, подходить к ней нужно было с большой осторожностью, ибо только врагов можно было встретить так далеко от родного Гелиума. Тара Гелиум сознавала, что находится весьма далеко от родного Гелиума, двойного города империи ее деда, но если бы она знала, сколько тысяч хаадов в действительности отделяет ее от дома, она была бы ошеломлена безнадежностью своего положения. Воздушные емкости ее самолета были целы и удерживали машину в воздухе, держась вблизи поверхности; девушка направила машину к вершине холма, отделявшего ее от постройки, которую она приняла за построенную людьми крепость. Здесь она опустилась на поверхность возле группы деревьев и подтащила самолет к одному из них, где машина была укрыта от наблюдателей. Все это она проделала быстро и отправилась на разведку; как и большинство женщин ее сословия, она была вооружена только тонким клинком, и поэтому в сложившихся обстоятельствах лучшим ее оружием должна была быть ловкость, с которой она пряталась от возможных врагов. С большими предосторожностями она мед-

ленно поднялась на вершину холма, используя все естественные укрытия, прислушиваясь ко всем звукам и бросая быстрые взгляды по сторонам и назад, чтобы обнаружить возможных преследователей.

Наконец она остановилась на вершине: отсюда укрываясь за низкими кустами, она могла рассмотреть то, что лежало внизу. Под ней простиралась красивая долина, покрытая небольшими холмами. Долину усеивали многочисленные крепости, крытые круглыми куполами: вокруг каждой крепости шла высокая каменная стена, огораживающая несколько акров земли. Все свидетельствовало о высоком развитии цивилизации. С противоположной стороны холма прямо под ней находилась одна такая крепость и при ней огороженное пространство. Она прежде всего привлекла внимание девушки. Во всех отношениях она казалась одинаковой с остальными строениями, покрывавшими долину.

Высокая оштукатуренная стена окружала эту крепость, построенную из того же материала: на серой поверхности стены и крепости яркими красками был нарисован незнакомый герб. Крепость была примерно сорок софадов в диаметре, что приблизительно соответствовало сорока земным футам. И шестьдесят софадов от основания до вершины купола. Землянину они скорее всего напоминали бы силосные башни, в которых фермеры заготавливают корм для скота. Однако, более внимательное наблюдение обнаруживающее и узкие амбразуры вместе со странной конструкцией куполов, опровергало бы такое заключение. Тара Гелиум заметила, что купола покрыты бесчисленными стеклянными пирамидами; отражая лучи заходящего солнца, они сверкали так ярко, что внезапно напомнили ей пышные украшения Гохана из Гатола.

Вспомнив о нем, девушка гневно тряхнула головой и осторожно продвинулась вперед, чтобы внимательнее осмотреть ближайшую крепость.

Когда Тара Гелиум всмотрелась в огороженное пространство, окружавшее ближайшую крепость, брови ее поднялись, а глаза расширились от невероятного и ужасного зрелища. Она увидела несколько десятков людских тел, нагих и безголовых. Затаив дыхание, она смотрела, не в силах поверить в увиденное: эти невероятные создания двигались и жили. Она видела, как они на четвереньках переползали друг через друга, ощупывая все своими пальцами. Некоторые из них находились у кормушек, а другие разыскивали эти кормушки. Те, что были у кормушек, доставали что-то оттуда и отправляли в отверстие, бывшее у них

на месте шеи. Они были недалеко от нее, и она могла их хорошо рассмотреть: среди них были мужчины и женщины. Все они были очень пропорционально сложены, и кожа их тел была подобна ее коже, но несколько более светло-красной. Вначале ей показалось, что она видит бойню, что эти тела только обезглавлены и движутся под действием мускульной реакции. Затем она поняла, что это их нормальное состояние. Ужасное зрелище зачаровало девушку, она не могла отвести от него глаз. Было ясно по ощупывающим движениям, что они лишены глаз, а вялые движения указывали на примитивную нервную организацию и соответственно на небольшой мозг. Девушка поражалась, как они могут существовать, ибо даже при наличии и помощи величайшего напряжения воображения, ей не удалось представить себе как эти существа возделывают плодородные поля. Однако, было ясно, что почва в этой долине возделывается, и что эти существа имеют пищу.

Но кто обрабатывал почву? Кто содержал и кормил этих несчастных и с какой целью? Все оставалось для нее загадкой.

Вид пищи вновь возбудил в ней чувство гложущего голода и жажды, которая иссушила ей горло. Внизу, в ограде, были и пища и вода, но смеет ли она войти туда, даже если ей удастся найти вход? Она сомневалась в этом: одна только мысль о прикосновении этих ужасных созданий бросала ее в дрожь.

Она вновь принялась разглядывать долину, пока не заметила вдали ручеек, прокладывающий свой путь в центре возделанной замли - необычное зрелище для Барсума. О, если бы еще была вода! Тогда у нее появлялась надежда на спасение: поля давали бы ей пищу, которую она сможет собирать по ночам, днем она будет скрываться среди холмов и однажды, да, она уверена в этом, однажды появятся ищущие ее воины, ибо Джон Картер, Главнокомандующий Марса, никогда не откажется от поисков дочери, пока каждый квадратный хаад планеты не будет осмотрен снова и снова. Она знала своего отца и знала воинов Гелиума: если она будет избегать опасностей, они в конце концов обязательно придут.

Она подождет до темноты, когда можно будет спуститься в долину, а тем временем поищет себе убежище, где она сможет находиться в относительной безопасности от хищников.

Возможно, в этом районе и нет крупных хищников, но в чужой стране никогда нельзя быть уверенным. Она уже собиралась отползти от выступа скалы, когда ее внимание было вновь привлечено к огороженному пространству внизу. Две фигуры появились из крепости. Их прекрасные тела казались совершен-

но одинаковыми с телами безголовых существ, среди которых они двигались, но эти двое не были безголовыми. На их плечах находились головы, казавшиеся человеческими, однако внимательно приглядевшись, девушка поняла, что они не человеческие. Они были слишком далеко от нее, чтобы она могла разглядеть подробности в убывающем свете умиравшего дня, но она поняла, что головы этих существ были слишком велики, непропорционально велики, по сравнению с их телами и сплющены. Эти двое были одеты во что-то, напоминавшее доспехи, к которым было привешено обычное оружие барсумских воинов - длинный и короткий мечи. Вокруг их коротких шей шли массивные кожаные ошейники, спускавшиеся на плечи и прижатые к нижней части головы. Черты их лиц были едва различимы, но производили впечатление чего-то искаженного, гротескного.

Эти двое держали длинную веревку, к которой на расстоянии примерно двух софадов друг от друга были прикреплены какие-то предметы, в которых девушка узнала наручники. Она видела, как эти воины двигались среди несчастных созданий в огороженном месте и к левому запястью каждого из них прикрепляли наручники. Когда все таким образом были прикреплены к веревке, один из воинов потянул свободный конец веревки, заставляя безголовых двигаться к крепости, а другой шел за ними с длинным кнутом, которым хлестал их по голому телу.

Медленно и вяло создания поднялись на ноги, и подтягиваемые спереди и подгоняемая сзади, кошмарная группа скрылась в крепости. Тара Гелиум не могла прийти в себя от изумления. Что это были за создания?

Внезапно наступила ночь. Барсумский день кончился, период сумерек между днем и ночью короток и обрывается также, как гаснет электрическая лампочка, а Тара Гелиум еще не нашла убежища. Возможно, здесь не было зверей, которых нужно бояться, или скорее, избегать - Таре Гелиум не нравилось слово "бояться". Она была бы рада, если бы здесь было бы какое-то помещение, хотя бы размером с кабину ее самолета, но никакого помещения не было. Корпус самолета был занят воздушными баками. О, у нее есть выход! Как глупо, что она не подумала об этом раньше. Она может причалить самолет к вершине дерева, под которым сейчас находится, и пусть он поднимается на длину веревки. Поднявшись в него по веревочной лестнице, она будет в безопасности от всех рыщущих в поисках добычи зверей. Утром она спустится на землю и вновь спрячет самолет.

Когда Тара Гелиум начала спускаться по холму в долину, ее скрывала от случайного взгляда из амбразуры крепости темнота ночи. Хлорус, дальняя луна, еще только поднималась над горизонтом, начиная свое неторопливое путешествие по небу. Восемь ходов спустя (примерно девятнадцать с половиной часов) он сядет, а за это время Турия, его живая супруга, обойдет планету дважды и сделает более половины третьего круга. Она только что села. Пройдет не менее трех с половиной часов, прежде чем она поднимется с противоположной стороны горизонта и понесется быстро и низко над ликом спящей планеты. За это время Тара Гелиум надеялась найти пищу и воду и добраться до своего самолета.

Она двигалась в темноте, обходя крепости как можно дальше. Иногда она спотыкалась, так как в длинных тенях, отбрасываемых восходящим Хлорусом, предметы казались причудливо искаженными, а света луны было недостаточно, чтобы помочь ей ориентироваться. Но она не хотела, чтобы было больше света. Она решила достичь ручья в темноте, пользуясь простым приемом: идти по долине, пока она не окажется в воде. Разыскивая ручей, она заметила,что в долине много фруктовых деревьев, а поле покрыто техническими культурами, так что пищу она отыскала до того, как наткнулась на ручей. Если бы луна светила ярче, она, конечно, помогла бы ей избежать падений, но в то же время могла осветить ее для наблюдателей из крепости, а этого нельзя было допустить. Следует ли ей дождаться, пока еще более не стемнеет, когда с неба исчезнет Хлорус, а Турия еще не взойдет? Однако, она больше не могла выносить голода и жажды и решила рискнуть набрать пищи и напиться.

Благополучно миновав ближайшую крепость, она двинулась вперед так быстро, как позволяла осторожность, прокладывая путь в тени деревьев росших с неравными интервалами между ними, и в то же время осматривая эти деревья в поисках фруктовых. В этих поисках она достигла немедленного успеха, ибо каждое третье дерево, у которого она останавливалась, было усеяно спелыми плодами. Никогда, подумала Тара Гелиум, не приходилось мне пробовать такой вкусной еды, хотя то, что она съела, было довольно-таки безвкусным плодом, его обычно варили и приправляли различными специями.

Это дерево не требовало тщательного ухода и поэтому встречалось в изобилии. Плоды этого дерева составляют, благодаря своей дешевизне и распространенности, основную пищу

марсианской армии и флота и называют "собкрикает", что можно вольно перевести как "картофель войны", или "воюющий картофель".

Девушка была достаточно благоразумна, чтобы есть умеренно, но она наполнила карманы фруктами и затем продолжала свой путь.

Миновав еще две крепости, она, наконец, достигла ручья и здесь опять проявила благоразумие, выпив немного воды и сделав это осторожно, предварительно прополоскав рот и умывшись. И хотя ночь была холодной, как обычно на Марсе, впечатление свежести полностью компенсировало неприятности низкой температуры. Вновь надев сандалии, она поискала поблизости нет ли посадок овощей или съедобных клубней, и нашла два-три сорта, которые можно было есть сырыми. Немного поев, она и их набрала в карманы не потому, что стремилась разнообразить свою еду, а потому что они были вкуснее. Несколько раз она возвращалась к ручью, но пила понемногу. Она все время была настороже в ожидании малейшего сигнала опасности; но ничего тревожного не видела и не слышала. Наконец, наступило время возвращения к самолету, если она не хотела попасть в свет низко летящей Турии. Она боялась оставить воду, так как знала, что испытает сильную жажду, прежде чем снова сможет вернуться к ручью. Если бы у нее был хотя бы небольшой сосуд, она продержалась бы до следующего рейса к ручью в следующую ночь. Но у нее ничего не было, и пришлось ей ограничиться собранными ею фруктами и клубнями.

Последний раз глотнув воды, она направилась к холму. Вдруг она почувствовала неясное опасение. Что это было? Она могла поклясться, что видела какое-то движение в тени под деревом не очень далеко. Долгие мгновения она не двигалась, затаив дыхание. Ее глаза оставались прикованными к густым теням под деревом, уши прислушивались к каждому шороху ночи. Низкий рев раздался со стороны холма, на котором был спрятан ее самолет... Она узнала его - роковой голос охотящегося бенса. Огромный хищник находился прямо на ее пути. А по близости скрывалось другое существо, чье движение она заметила. Кем оно было? Ее больше всего угнетала неизвестность. Если бы она знала, какое именно животное скрывалось здесь, половина опасности миновала бы. Она быстро обдумывала положение в поисках выхода.

Вновь со стороны холма донеслось рычание, но на этот раз ближе. Немедленно донеслось ответное рычание из долины - за нею, затем отдаленное уже справа от нее и дважды слева. Она

взглядом отыскала ближайшее дерево. Медленно, не отрывая своего взгляда от тени под деревом, где она заметила движение, девушка двинулась к свисавшим ветвям, которые могли представить для нее убежище в случае необходимости. При первом ее движении низкий рев донесся с того места, за которым она следила, и она услышала шум от движения большого тела. Одновременно животное прыгнуло в свет луны, хвост был выпрямлен, маленькие уши прижаты к голове, пасть полная острых и сильных зубов, раскрыта в поисках добычи, десять ног несли его быстрыми прыжками, а из горла хищника раздавался грозный рев, парализующий жертву.

Это был бенс - огромный гривастый лев Барсума. Тара Гелиум увидела его приближение и бросилась к ближайшему дереву, но бенс понял ее намерение, удвоив свою скорость. Его рев разбудил эхо на холмах и в долине. На самом деле это были ответные крики других бенсов, и девушка поняла, что судьба забросила ее в страну, где водится множество этих свирепых тварей.

Скорость чудовищного бенса была невероятной, и счастье девушки было в том, что она не выходила на открытые места. Иначе ее шансы на спасение были бы ничтожны: она едва успела вскарабкаться на ветки, как преследователь мощным ударом лапы сорвал листву с нижних ветвей дерева. Только соединение удачи и проворства спасло ее. Толстая ветвь обломилась под тяжестью хищника, но он был так близок, что успел оцарапать ее своими когтями, прежде чем она взобралась на верхние ветви.

Сбитый с толку бенс выразил свой гнев и разочарование в серии ужасных криков, заставлявших дрожать землю. В ответ раздалось рычание, рев и крики других бенсов, шедших со всех направлений. Другие чудовища спешили сюда в надежде разделить с ним добычу. Первый зверь повернулся к остальным, окружившим дерево, а девушка, съежившаяся на развилке, смотрела вниз на длинных рыжих чудовищ, круживших вокруг дерева, на котором она сидела. Теперь она удивлялась, как ей удалось пройти ночью через долину и не столкнуться ни с одним зверем. Задумалась она и над тем, как ей вернуться к самолету. Она знала, что больше не осмелится двигаться ночью, и опасалась, что днем столкнется с еще большими трудностями. Она видела теперь, что добывать пищу и воду будет гораздо труднее, чем она надеялась: ночью путь ей преграждают свирепые бенсы, а днем то же самое будут делать жители странных крепостей. Оставалось единственное решение как-нибудь добраться до самолета и отдаться на волю ветра, который может перенести ее в

другие земли. Но как вернуться к самолету? Бенсы, казалось, не оставляли надежды схватить ее, и даже если они скроются из вида сейчас, рискнет ли она слезть с дерева? Она сомневалась в этом.

Положение ее казалось безнадежным. Оно и на самом деле было безнадежным.

IV. В ПЛЕНУ

Когда Турия, быстрый ночной гонщик, взошла вновь, сцена изменилась. Как по волшебству появились новые виды на фоне природы. Впечатление было такое, будто зритель перенесся с одной планеты на другую. Это было древнее и всегда новое чувство и чудо марсианских ночей, удивительное даже для марсиан - две луны, сверкающие в небе и догоняющие одна другую. Изменяющиеся и перекрещивающиеся тени изменили вид холмов. Далекий Хлорус постоянный, чудесный: малоподвижный, лил свой свет на планету внизу. Турия, большой и сверкающий шар, неслась по своду черно-синего неба так низко, что, казалось, слегка касается вершин холмов - великолепный спектакль, очаровавший девушку, как он очаровывал ее всегда.

О, Турия, безумная богиня неба! - пробормотала Тара Гелиум. - Холмы проходили перед тобой чередой со склоненными вершинами, деревья окружают тебя почтительными кругами, травы склоняют свои сплетенные арки - все в легком, волшебном и бесшумном движении, когда проходит Турия.

Девушка вздохнула и вновь посмотрела на суровую действительность внизу. В отвратительных бенсах не было волшебства. Тот, который первым погнался за ней, голодно глядел на нее. Большинство остальных ушли прочь в поисках другой добычи, но несколько остались, надеясь погрузить свои зубы в мягкое тело жертвы.

Ночь продолжалась. Вновь Турия взошла на небе к своему господину, торопясь навстречу с Солнцем в другом небе. Но одинокий бенс продолжал терпеливо ждать под деревом, на котором скорчилась Тара Гелиум. Остальные ушли, но их рев, рычание и вой доносились до нее издали и с близкого расстояния. Какую добычу находят они в этой маленькой земле? Здесь должно быть что-то, встречающееся часто, поэтому так много здесь бенсов. Девушка задумалась, а что бы это могло быть?

Как долго тянется ночь? Оцепеневшая, замерзшая и истощенная Тара Гелиум прижималась к дереву в растущем отчаянии: она боялась задрожать и упасть. Надежда почти исчезла из ее маленького храброго сердца.

Сколько времени она еще выдержит? Она задала себе этот вопрос и затем, бодро тряхнув головой, пожала плечами.

- Я все еще жива! - сказала она громко.

Бенс взглянул вверх и зарычал.

Вновь зашла Турия, а вслед за нею и Солнце - пламенный любовник, преследующий свою возлюбленную. А Хлорус, этот холодный муж, продолжал свой путь так же безмятежно, как и до того, как в его дом вторгся этот горячий Лотарио. И теперь Солнце и обе луны двигались по небу вместе, возвещая марсианский рассвет.

Тара Гелиум взглянула на прекрасную долину, во все стороны расстилавшуюся под ней. Она была богатой и красивой, но при одном только взгляде на нее девушка вздрагивала от отвращения, так как вспомнила о безголовых созданиях, которых скрывали эти крепости и стены. Эти существа днем, а бенсы ночью! Было ли удивительно, что она вздрагивала?

С восходом Солнца огромный барсумский лев встал на лапы. Он посмотрел голодными глазами на девушку над ним. издал глухое разочарованное рычание и затрусил к холмам. Девушка следила за ним и заметила, что он огибал крепости как можно дальше и при этом, проходя мимо, не отрывал от них глаз. Очевидно, жители крепостей заставили свирепого хищника уважать себя. Вскоре бенс исчез в узком дефиле между холмами и нигде не было видно других зверей. Девушка задумалась: стоит ли рискнуть и попытаться сейчас достичь холмов и своего самолета. Она опасалась, что ее застигнут пришедшие на поля работники. Она боялась, что вновь придется увидеть отвратительные безголовые тела, и в то же время ей было любопытно, могут ли они работать на полях. Она взглянула в направлении ближайшей крепости. Там по-прежнему никто не проявлял признаков жизни. Долина оставалась пустынной. Девушка заставила себя спуститься на землю. Ее мускулы сводило судорогой, и каждое движение причиняло ей боль. Сделав небольшую остановку, чтобы напиться, и почувствовав себя освеженной, она без дальнейших отлагательств направилась к холмам. Единственный путь к спасению заключался в том, чтобы пройти расстояние до холмов как можно быстрее.

Деревья больше не представлялись ей убежищем и она не старалась идти рядом с ними. Холмы казались очень далекими. Девушка даже не думала, что ночью прошла такое расстояние. На самом деле это было не так уж далеко. Когда предстоял трехчасовой путь при дневном свете, расстояние, действительно, казалось возросло.

Вторая крепость лежала прямо на ее пути.

Обход не уменьшал шансов быть обнаруженной, а увеличивал опасный путь, поэтому она пошла прямо к холмам, где был ее самолет, рядом с крепостью. Проходя первую ограду, она услышала какой-то шум внутри, но ворота были закрыты. Она с облегчением перевела дыхание, миновав огороженное место. Вскоре она подошла к другому огороженному месту, стену которого она должна была обогнуть, так как она лежала на ее пути. Приблизившись, она различила не только шум, но и голоса. На языке, известному всему Барсуму, кто-то отдавал распоряжения: столько-то будет собирать фрукты, столько-то орошать поля, столько-то возделывать их и т.д., как обычно фермер отдает приказания своим работникам.

Тара Гелиум как раз достигла ворот во внешней стене. Без предупреждения они стали открываться. Девушка поняла, что еще мгновение - и она будет обнаружена. В тот же момент она повернулась и побежала вдоль стены и изгиб скрыл ее. Она остановилась на противоположной стороне ограды. Здесь, тяжело дыша и вся дрожа от усилий и нервного возбуждения, она спряталась среди высокой травы, произраставшей у подножия стены. Так она лежала, не осмеливаясь даже поднять голову и оглядеться. Никогда раньше не испытывала Тара Гелиум парализующего воздействия страха.

Она была зла на себя. Как, она дочь Джона Картера, Главнокомандующего Барсума, испытывает страх! Даже тот факт, что нет ни одного свидетеля, не уменьшал ее стыда и гнева, а худшее заключалось в том, что теперь она знала: в подобных обстоятельствах она опять стала бы малодушной. Это не был страх смерти - она знала это. Нет, одна мысль о том, что здесь эти безголовые тела, что она может увидеть их, а они могут дотронуться до нее, положить на нее свои ладони - одна эта мысль заставляла ее содрогаться.

Немного успокоившись, она решительно приказала себе поднять голову и оглядеться. К своему ужасу она обнаружила во всех направлениях людей, работающих на полях или готовившихся к работе. Маленькие отряды проходили по полям тут и там. Несколько человек работали в тридцати адсах (примерно

сто ярдов) от нее. В ближайшей к ней группе было примерно десять человек, мужчин и женщин, с прекрасными телами и причудливо гротескными чертами лица. Их одежда была такой скромной, что практически они были нагие. У каждого был кожаный пояс, к которому крепились короткий меч и сумка. Кожа была старой и потертой, что свидетельствовало о долгой и трудной службе, и совершенно лишенной украшений и рисунков, кроме единственного герба над левым плечом. Головы, напротив, были в изобилии украшены драгоценными металлами и каменьями, так что видны были лишь глаза, нос и рот. Они были совершенно нечеловеческими, в то же время как чудовищный гротеск, напоминали человеческие. Глаза были широко расставлены и сильно выдавались вперед. Нос представлял собой две тонкие вертикальные щели над круглым отверстием - ртом. Головы были отвратительны настолько, что девушка поразилась - какую противоположность они являли гармоничным и прекрасным их телам.

Тара Гелиум была так поражена этим зрелищем, что с трудом отвела взгляд от этих странных созданий. Внезапно, к своему огромному ужасу, она заметила, что одно из них прекратило работу и смотрит прямо на нее. Она не осмеливалась пошевелиться, думая, что оно не видит ее или только подозревает, что кто-то скрывается в высокой траве. Если она развеет это подозрение, оставаясь неподвижной, то, может быть, существо подумает, что ошиблось, и вернется к своей работе. Но, увы, она заблуждалась. Она увидела, что человек показывает на нее другим, и тут же четверо или пятеро из них направились к ней.

Скрываться дальше было бесполезно. Ее единственная надежда в бегстве. Если же она ускользнет от них и добежит до самолета раньше, она может спастись. К спасению вел только один путь - бегство, немедленное и быстрое. Вскочив на ноги, она побежала вдоль стены, чтобы перебраться на противоположную сторону крепости.

Существа при ее появлении издали какие-то странные свистящие звуки. Бросив взгляд через плечо, она увидела, что они преследуют ее.

Послышались крики: требовали чтобы она остановилась. Она не обращала на них внимания. Не обогнув и половины стены, она поняла, что ее шансы на спасение очень невелики: преследователи немного уступали ей в скорости. Надежда на спасение еще возросла, когда она увидела вдали холмы, но тут же она бросила взгляд на поля между ней и холмами: там были сотни таких же созданий, что и ее преследователи. Все они прекратили

работу, встревоженные криками и командами. Приказы и распоряжения зазвучали повсюду, в результате перед нею вырос широкий полукруг этих существ. Она повернула направо, надеясь избежать их, но и там с полей бежало множество работников. То же самое было и слева. Но Тара Гелиум не признавала своего поражения. Без промедления она побежала прямо в центр преградившей ей дорогу цепочки, и, подбегая, выхватила свой длинный острый кинжал. Как и ее доблестный отец, она предпочитала погибнуть в борьбе. В тонкой цепи, преградившей ей дорогу, были щели, к самой широкой из них и направилась она. Существа с обеих сторон этой цепи разгадали ее намерения и устремились друг к другу, чтобы закрыть щель. Это увеличило промежутки в других местах, и когда казалось, что девушка останется в их руках, она резко повернулась, пробежала вправо несколько ярдов и вновь устремилась к холмам. Теперь лишь единственный воин, находившийся в середине широкого промежутка, преграждал ей путь к свободе. а остальные бежали к ней изо всех сил. Если она сумеет миновать этого воина, не задержавшись, она спасена - в этом она была уверена. Единственная ее надежда заключалась в этом. Воин, казалось, понимал это, ибо двигался, хотя и быстро, но осторожно.

Вначале Тара Гелиум надеялась увернуться от него, так как думала, что она не только быстрее, но и проворнее этих созданий, но вскоре поняла, что потеряла слишком много времени, пытаясь избежать его рук, так как еще несколько воинов уже были рядом с нею, делая ее спасение почти невозможным. Тогда она решила броситься прямо на своего противника. Он понял ее намерения и стоял, наклонившись вперед, с широко расставленными руками, поджидая ее, в одной руке у него был меч, но прозвучал голос, решительно скомандовавший:

- Взять живой! Не пораньте ее!

Воин немедленно вложил меч в ножны, а в следующее мгновение Тара Гелиум была рядом с ним. Она прыгнула вперед, и, когда воин попытался ухватить ее обеими руками, глубоко вонзила острый кинжал в обнаженную грудь. Сила толчка бросила их обоих на землю, и когда Тара Гелиум вновь поднялась на ноги, к своему ужасу она увидела, что отвратительная голова скатилась с тела и убегала прочь на шести коротких паучьих ногах. Тело содрогнулось в агонии и замерло. Все это заняло несколько мгновений, но и их оказалось достаточно для того, чтобы два других преследователя оказались рядом с девушкой, а вскоре она была окружена со всех сторон. Ее лезвие еще раз вонзилось в чью-то грудь, и еще раз одна голова отбежала прочь. Затем

преследователи одолели ее, и вскоре она была окружена сотней этих существ, причем все они стремились ее потрогать. Вначале она подумала, что они хотят разорвать ее на части в отместку за смерть двух своих товарищей, но неожиданно она заметила, что они руководствуются скорее любопытством, чем более зловещими мотивами.

- Идем, - сказал один из тех двоих, что первым схватил ее. Говоря это, он попытался увести ее к ближайшей крепости.

- Она пойдет со мной к крепости Моака.

- Никогда! - настаивал первый. - Она принадлежит Лууду. Я отведу ее к Лууду, а противящийся ощутит остроту моего меча в голове! - последнее слово он выкрикнул особенно громко.

- Пошли, достаточно споров, - сказал на это один из окружавших, казалось, обладавший властью над другими. - Она поймана на полях Лууда - она пойдет к Лууду.

- Ее обнаружили на полях Моака, в нескольких шагах от крепости Моака, - продолжал спорить тот, кто пытался доказать, что она принадлежит Моаку.

- Ты слышал, что сказал Волах? - воскликнул его собеседник. - Будет так, как он сказал!

- Нет, до тех пор, пока у меня в руках меч, - ответил первый. - Лучше я разрублю ее пополам и отнесу свою половину к Моаку, а оставшаяся часть пусть достанется Лууду, - и он положил руку на рукоять меча угрожающим жестом. Но прежде чем он успел вытащить меч, воин Лууда вытащил свой и с силой ударил своего противника по голове. Немедленно большая круглая голова лопнула, как лопается большой надувной воздушный шарик, и сероватое полужидкое вещество брызнуло из нее. Маленькие глазки, по-видимому, лишенные век, продолжали таращиться, сфинктерная мышца открывала и закрывала рот, затем голова свалилась с тела на землю. Тело мгновение стояло неподвижно, затем медленно вяло и бесцельно двинулось прочь, пока остальные не схватили его за руки.

Одна из двух голов, отбежавших в сторону, теперь приблизилась.

- Этот рикор принадлежит Моаку, - сказала она. - Я из крепости Моака. Я забираю его, - и без дальнейших рассуждений начала карабкаться вверх по безголовому телу, используя свои шесть коротких паучьих ножек и две крепкие клешни, которые росли перед лапами и напоминали клешни земных раков, только росли они с одной стороны. Тело в это время стояло с абсолютным равнодушием, руки его безвольно свисали по сторонам. Голова вскарабкалась на плечи и уселась в кожаный воротник,

который скрыл ее клешни и лапы. Тело немедленно проявило признаки разумного оживления. Оно подняло руки и принялось поправлять воротник, затем взяло голову в ладони и устроило ее более удобно.

Теперь, когда оно двигалось, его движения казались больше не бесцельными, напротив, шаги были твердыми и направленными к определенной цели.

Девушка следила за этими превращениями с растущим удивлением.

Вслед за тем, поскольку никто из людей Моака не претендовал больше на нее, ее повели к ближайшей крепости. Несколько человек сопровождало ее, один из них нес в руках свободную голову: та голова, которую он нес в руках, разговаривала с головой, что сидела у него на плечах. Тара Гелиум содрогнулась... Это было ужасно! Все, что она видела в этих отвратительных существах, было ужасно! И теперь она пленница, полностью в их власти! О, тень ее первого предка! Чем она заслужила такую судьбу?

У стены, окружавшей крепость, они подождали, пока один из них не открыл ворота, затем прошли через ворота в огороженное пространство, которое к ужасу девушки, было заполнено безголовыми телами.

Создание, несшее голову, положило свою ношу на землю. Голова немедленно побежала к ближайшему безголовому телу. Несколько таких тел тупо бродили взад и вперед, но лишь одно неподвижно. Это было женское тело. Голова взобралась на него, доползла до плеч и уселась между ними. Тело сразу встало. Другой сопровождающий подал доспехи и кожаный воротник, снятые с тела, которое прежде увенчивала эта голова. Новое тело унаследовало эту одежду, его руки принялись улаживать доспехи и воротник. Создание было вновь таким же, как и перед тем, как Тара Гелиум вонзила свой кинжал ему в грудь. Было только одно различие: до этого оно было мужчиной, а теперь стало женщиной. Казалось однако, что для головы это безразлично. В самом деле, Тара Гелиум заметила во время бегства и борьбы, что половые различия не имели особого значения для ее преследователей, они все были одинаково одеты и вооружены мечами, она видела, что как мужчины, так и женщины обнажали оружие в момент ссоры.

У девушки, однако, было мало времени для дальнейших размышлений и наблюдений, так как отвратительное создание, командовавшее остальными, приказало им вернуться на поле, а само повело девушку в крепость. Войдя в крепость, они оказа-

лись в помещении в десять бутов шириной и двадцать длиной. В одном углу его была лестница, ведущая на верхний этаж, в другом - такая же лестница, ведущая вниз. Комната, находящаяся на одном уровне с землей, была ярко освещена; свет проходил через окна и шел из внутреннего двора в центре крепости. Стены этого внутреннего двора выложены гладкими белыми изразцами, от этого все внутреннее помещение наполнено ослепительным светом. Это объяснило девушке назначение стеклянных призм, которыми покрыта внешняя поверхность крепостей. Лестницы сами по себе вызывали у нее размышление, так как повсеместно в барсумской архитектуре для сообщения между разными этажами используются наклонные плоскости, и только в таких отдаленных районах, по-видимому, сохранились лестницы, как наследие древних веков.

Сопровождающий повел Тару Гелиум вниз по лестнице. Вниз и вниз, через комнаты, освещенные тем же способом. Им все время встречались другие существа, идущие в разных направлениях. Многие из них останавливались, осматривали девушку и расспрашивали ее проводника.

- Я ничего не знаю. Она найдена в полях - там я и схватил ее, причем, она убила двух рикоров, а я - воина Моака, теперь я веду ее к Лууду, которому она принадлежит. Дело Лууда решать - что делать с ней, - так обычно он отвечал любопытным.

Наконец, они достигли комнаты, из которой прочь от крепости шел длинный и круглый туннель. Они вступили в него. Туннель был около семи футов в диаметре, на дне его была дорога. На протяжении ста футов от крепости он был выложен теми же изразцами и хорошо освещен отраженным светом со двора. Дальше он был выложен камнями разной формы и вида, аккуратно вырубленными - прекрасная мозаика без рисунка. От туннеля отходили ответвления, с ними пересекались другие туннели и встречались отверстия не более фута в диаметре, эти отверстия всегда находились на уровне пола. Над каждым таким маленьким отверстием были нарисованы различные гербы, тогда как на стенах больших туннелей на всех пересечениях заметны были какие-то иероглифы. Девушка не могла прочесть их, хотя и предположила, что это названия туннелей или указатели пути. Она пыталась распознать их, однако, эти значки не были ей знакомы, и это показалось ей странным, так как хотя письменность у многочисленных народностей Барсума различна, в ней встречается много общих знаков и слов.

Вначале она пыталась разговаривать со своим конвоиром, но он не был склонен беседовать с ней, и она прекратила свои попытки. Но она заметила, что он не оскорблял ее и вообще не был с нею грубым. То обстоятельство, что она своим кинжалом уничтожила два тела, казалось не вызывало вражды или жажды мести у этих голов, увенчивающих тела - даже у той, чье тело она убила. Она не пыталась понять это, так как не могла разобраться в странных отношениях между головами и телами. До сих пор их обращение с нею не давало ей повода для опасений. Возможно, что ей в конце концов повезло, и эти странные существа не только не причинят ей вреда, но и помогут добраться до Гелиума. Она не могла забыть, что они отвратительны, но так как они не причиняют ей вреда, она преодолеет свое отвращение. Возрожденная надежда вернула ей бодрость, и она весело повернулась к своему таинственному спутнику. Она даже начала без слов напевать веселую песенку, популярную в Гелиуме. Спутник удивленно взглянул на нее.

- Что за шум ты издаешь? - спросил он.

- Напеваю, - ответила она.

- Напеваешь? - повторил он.- Я не знаю, что это такое, но продолжай: мне это нравится.

Она запела, на этот раз со словами, а сопровождающий внимательно слушал. Лицо его не выражало того, что скрывалось в голове. Оно было также лишено выражения, как морда паука.

Когда она закончила, он вновь повернулся к ней.

- В чем разница? - сказал он. - Это мне нравится больше, чем прежде. Как ты это делаешь?

- Я пою, - ответила она. - Разве ты не знаешь, что это такое "Петь"?

- Нет, - сказал он. - Расскажи, как это делается.

- Это трудно объяснить, так как любое объяснение предполагает хотя бы представление о мелодии и музыке, а по твоим вопросам я вижу, что ты об этом ничего не знаешь.

- Да ,- ответил он. - Я не знаю того, о чем ты говоришь. Но все же расскажи, как ты это делаешь.

- Это всего лишь мелодические манипуляции моего голоса, - объяснила она. - Слушай! - и она вновь запела.

- Я не понимаю, - настаивал он, - но мне это нравится. Можешь ли ты научить меня делать так?

- Не знаю, но была рада попробовать.

- Посмотрим, что сделает с тобой Лууд, сказал он. - Если он не возьмет тебя, то возьму я, и ты будешь учить меня производить такие звуки.

По его просьбе она опять запела, и они продолжали свой путь по туннелю, который был теперь освещен редкими шарами, знакомыми Таре Гелиум. Такие шары, наполненные радием, использовались во всем Барсуме и так давно, что их происхождение терялось в веках. Они состояли из сферической чаши из толстого стекла, наполненного веществом, которое Джон Картер называл радием, шар цементировался в металлической плите, которая крепилась к стенам и потолку в соответствии с композицией помещения и давала свет неопределенно долго.

Отправившись дальше, они встретили множество обитателей подземных помещений, и девушка заметила, что их доспехи были украшены богаче, чем у работающих на полях. Головы и тела, однако, у них были подобны. Ни один не причинил ей вреда, и она испытывала чувство облегчения, близкое к счастью, когда конвоир внезапно свернул в отверстие в правой стороне туннеля и она оказалась в большой, хорошо освещенной комнате.

V. СОВЕРШЕННЫЙ МОЗГ

Песенка, звучавшая на ее устах, когда она вошла, умерла, убитая ужасным зрелищем, представшим ее глазам. В центре комнаты на полу лежало безголовое тело, частично разложившееся, на нем и возле него ползало с полдюжины голов на своих коротких паучьих ножках, своими клешнями они отрывали от женского тела куски мяса и отправляли их в свои отвратительные рты. Они ели человеческое мясо, ели его сырым!

Тара Гелиум в ужасе отвернулась и закрыла глаза руками.

- Идем! - сказал ее сопровождающий. - Что случилось?

- Они едят мясо женщины, - прошептала она с ужасом.

- А почему бы и нет? - удивился он. - Неужели ты думаешь, что мы используем рикоров только для работы? Нет. Когда они хорошо откормлены, они очень вкусны.

- Это отвратительно! - воскликнула она.

Он спокойно посмотрел на нее, но его лишенное выражения лицо не выразило ничего: ни удивления, ни гнева, ни сожаления. Затем он повел ее вдоль комнаты мимо ужасных созданий, от которых девушка отводила глаза. На полу вдоль стены лежало с полдюжины безголовых тел в доспехах. Тара Гелиум решила, что эти тела временно лишились голов и ждут, когда вновь

придет пора нести службу. В стенах комнаты было много маленьких отверстий, подобных тем, что она заметила в туннеле, их назначение было непонятно ей.

Они прошли через коридор и оказались в другой комнате, большей чем первая, и ярче освещенной. Здесь было несколько созданий с соединенными головами и туловищами, и довольно много безголовых тел лежало на полу вдоль стен. Здесь конвоир ее остановил и сказал, обращаясь к находившимся в комнате.

- Я ищу Лууда. Я привел Лууду создание, которое я захватил в полях наверху.

Остальные принялись осматривать Тару Гелиум. Один из них свистнул, и тогда девушка поняла., для чего предназначены отверстия в стенах: вслед за свистом, из них, как огромные пауки, вывалилось несколько десятков отвратительных голов. Каждая отыскивала лежащее тело и забиралась им на плечи. Тела немедленно поднимались и проявляли признаки разумной деятельности под руководством головы. Они вставали и поправляли руками воротники и наводили порядок в одежде, затем подходили к тому месту, где стояла Тара Гелиум.

Она заметила, что их доспехи и воротники украшены гораздо богаче, чем у всех тех, кого она встречала раньше, и сделала вывод, что здесь собрались создания, обладающие властью над другими. Она не ошиблась. Поведение ее конвоира подтвердило это предположение. Он обращался к ним, как обращаются к вышестоящим.

Некоторые из них потрогали мякоть ее тела, ущипнув ее большим и указательным пальцем, и девушка была оскорблена этим. Она оттолкнула их руки.

- Не трогайте меня! - воскликнула она гневно - разве она не была принцессой Гелиума? Выражение их ужасных лиц не изменилось. Она не могла сказать, испытывают ли они гнев или смеются, внушили ли ее действия уважение к ней или презрение.

И только один из них заговорил:

- Она не слишком упитана, - сказал он.

Глаза девушки широко раскрылись от ужаса. Она повернулась к своему конвоиру.

- Это отвратительное создание съест меня? - воскликнула она.

- Будет так, как скажет Лууд, - ответил он, затем наклонился к ее уху. - Шум, который ты назвала песней, очень понравился мне, - прошептал он, - и я отплачу тебе советом: не противоречь этим калданам. Они очень влиятельные. Сам Лууд прислушива-

ется к их мнению. Не называй их отвратительными. Они прекрасны. Взгляни на их дивные украшения, золото, драгоценные камни.

- Спасибо, - ответила она. - Ты назвал их калданами. Что это значит?

- Мы все калданы, - объяснил он.

- И ты тоже? - спросила она, указав пальцем на его грудь.

- Нет, не это, - объяснил он, дотрагиваясь до своего тела, - это рикор. Но это, - он дотронулся до головы, - это калдан. Это мозг, разум, власть, управляющая всем остальным. Рикор - он опять указал на тело, - ничто. Он значит не больше, чем украшения на доспехах, он значит меньше. Рикор несет нас. Действительно, мы испытываем определенные трудности, передвигаясь без него. Но он имеет меньшую ценность, чем доспехи или драгоценные камни, ибо его легче воспроизвести. - И он опять обернулся к остальным калданам. - Сообщили ли Лууду, что я здесь, - спросил он.

- Сент уже пошел к Лууду. Он сказал ему об этом, - ответили ему.

- Где ты нашел этого рикора со странным калданом, который не может отделиться?

Ее конвоир вновь рассказал историю ее пленения. Он излагал факты так, как они происходили, без приукрашивания, его голос был так же лишен выражения, как и лицо, а рассказ воспринимался слушателями также бесстрастно, как и излагался. Создания казались полностью лишенными эмоций, возможно, способностью выражать их. Невозможно было понять, какое впечатление произвел на них рассказ, слышали ли они его. Их маленькие глазки все так же, не мигая, смотрели без выражения, мускулы рта периодически открывали и закрывали его. Более близкое знакомство с ними не уменьшило ужаса девушки. Чем больше она смотрела на них, тем более отвратительными они казались. Ее тело все время содрогалось от отвращения, пока она глядела на калданов, но когда она глядела на прекрасные тела, выбросив из своего сознания головы, впечатление было несколько освежающим, хотя безголовые тела, лежащие на полу, были также отвратительны, как и головы, но самое отвратительное и непонятное было в том, как головы бегали на своих паучьих лапках. Тара Гелиум была уверена, что если одна из них подползет и коснется ее, она потеряет сознание от ужаса. Одна только мысль об этом кошмарном прикосновении вызывала у нее тошноту.

- Лууд хочет видеть тебя и твою добычу. Идем! - сказал он и повернулся к двери в противоположной стене от той, через которую вошла Тара Гелиум. - Как тебя зовут? - его вопрос был обращен к конвоиру.

- Я - Чек, третий десятник полей Лууда, - ответил тот.

- А ее?

- Не знаю.

- Неважно. Идем!

Тара Гелиум высоко подняла свои аристократические брови. Неважно! Она принцесса Гелиума, единственная дочь Главнокомандующего Барсума!

- Подожди! - сказала она. - Это очень важно. Если ведешь меня к своему джеду, объяви, что я принцесса Гелиум! Дочь Джона Картера, Главнокомандующего на Барсуме!

- Придержи язык! - скомандовал Сент. И говори только тогда, когда тебя спрашивают. Идем за мной!

Гнев чуть не задушил Тару Гелиум.

- Идем! - повторил Чек, схватив ее за руку, и Тара Гелиум пошла. Сейчас она была лишь пленницей. Ее ранг и титулы ничего не значили для этих бесчеловечных чудовищ. Они провели ее через короткий темный коридор в комнату, стены которой были выложены белым изразцовым материалом, отчего комната была ярко освещена. У основания стены было много небольших круглых отверстий, несколько больших, чем у туннеля. Большинство из них были замурованы. Прямо против входа было одно отверстие, отделанное золотом, над ним так же драгоценным металлом был выложен какой-то герб.

Сент и Чек остановились посреди комнаты и девушка была между ними. Все трое молча стояли перед отверстием в противоположной стене. На полу у отверстия лежало безголовое мужское тело богатырских пропорций, с обеих сторон отверстия стояли тяжело вооруженные воины с обнаженными мечами. Трое приведших ждали примерно пять минут, пока кто-нибудь появится из отверстия. И наконец оттуда появился калдан огромного размера. Он был в половину больше тех, кого уже встречала Тара Гелиум, и гораздо отвратительнее. Кожа остальных была синевато-серого цвета, а у этого калдана она была синей. Глаза его и рот были окружены лентой белого и алого цвета. Из каждой ноздри выходили две ленты, белая и алая, и окутывали всю голову.

Никто не говорил и не двигался. Существо взобралось на лежащее тело и укрепилось у него на шее. Тело встало и приблизилось к девушке. Лууд взглянул на нее и заговорил с ее спутником.

- Ты третий десятник полей Лууда? - спросил он.

- Да, Лууд. Меня зовут Чек.

- Расскажи, что ты знаешь о ней, - и он кивнул на Тару Гелиум.

Чек повторил свой рассказ, затем Лууд обратился к девушке.

- Что ты делала в границах Бантума?

- Сильный ураган подхватил мой самолет, унеся в неизвестные земли. Ночью я спустилась в долину за пищей и водой. Появились бенсы и заставили меня искать на дереве спасения. А затем твои люди схватили меня, когда я пыталась уйти из долины. Я не причинила им вреда. Все, что я прошу, это разрешения свободно уйти.

- Пришедший в Бантум никогда не уходит из него, - ответил Лууд.

- Но мой народ не воюет с твоим. Я принцесса Гелиума, мой прадед джеддак, мой дед джед, мой отец Главнокомандующий Барсума. У тебя нет прав удерживать меня, я требую освобождения.

- Пришедший в Бантум никогда не уходит из него, - повторило существо без выражения. - Я ничего не знаю о тех жителях Барсума, о которых ты говоришь. Есть лишь одна высшая раса - раса бантумиан. И вся природа призвана служить им. И ты выполнишь свое предназначение, но не теперь - пока ты еще слишком худа. Мы откормим ее, Сент. Мне надоел мой рикор. Может у этого будет более приятный вкус. Странно, что какое-то существо могло пробраться в долину: ведь в ней так много бенсов...

Тебя, Чек, я награжу. Я повышаю тебя в звании и перевожу с полей под землю.

Отныне ты будешь находиться в подземельях, где место каждого истинного бантумиана. Больше тебе не нужно будет выносить свет ненавистного солнца или смотреть на безобразное небо и на другие омерзительные создания на поверхности. Ты должен будешь присматривать за пойманным тобой рикором, следить,чтобы он вволю ел и спал, и больше ничего. Ты понял меня, Чек: ничего больше!

- Я понял, Лууд! - ответил он.

- Уведите ее! - скомандовало существо.

Чек повернулся и повел Тару Гелиум из помещения. Девушка была потрясена ужасной судьбой, ожидавшей ее - судьбой, от которой, казалось, не было спасения. Было совершенно ясно, что эти создания лишены вежливости и рыцарских чувств, к которым она привыкла.

Спасение из этих лабиринтов представлялось ей совершенно невозможным.

За пределами приемной комнаты их догнал Сент и о чем-то долго говорил с Чеком, затем конвоир повел ее через запутанную сеть подземных коридоров, пока они не оказались в небольшом помещении.

- Пока мы останемся здесь, до тех пор, пока Лууд не пошлет за тобой. Если он найдет, что ты недостаточно упитана, он использует тебя для других целей. - Счастьем девушки было то, что она не поняла, о чем он говорит.

- Спой мне, - вдруг сказал Чек.

Таре Гелиум совсем не хотелось петь, но она, тем не менее, пела: она не хотела упускать ни малейшей возможности для спасения, а если она установит хорошие отношения со своим конвоиром, шансы на ее спасение возрастут. Во время этого тяжелого испытания, совершенно обессилившего девушку, Чек стоял с устремленными на нее глазами.

- Чудесно, - сказал он, когда она кончила, - я не сказал об этом Лууду: ты заметила, что я не сказал об этом Лууду? Если бы он узнал, он бы оставил тебя при себе и заставил бы петь, когда ему захочется, а у меня не было бы возможности слушать тебя.

- Как ты можешь знать, что ему понравилось бы мое пение? - спросила она.

- Оно бы ему понравилось, - ответил ей Чек. - Если оно нравится мне, значит, понравится и ему, мы же совершенно одинаковы.

- Людям моего народа нравятся разные вещи, - сказала девушка.

- Удивительно, - заметил Чек. - Всем калданам нравится и не нравится одно и тоже. Если я нахожу что-то новое, что нравится мне, я уверен, что и остальным калданам оно понравится. Вот почему я уверен в том, что Лууду понравилось бы твое пение. Мы все совершенно одинаковы.

- Но ты не похож на Лууда, - сказала девушка.

- Лууд - король, он больше и богаче украшен. Но в остальных отношениях он не отличается от нас. Разве что Лууд произвел яйцо, из которого я вылупился?

- Что? - удивилась девушка. - Я не поняла тебя.

- Да, - объяснил Чек, - все мы происходим из яйца Лууда, также как рой Моака происходит от яиц Моака.

- О,- воскликнула Тара Гелиум, - понимаю. Ты хочешь сказать, что у Лууда много жен, и что вы все - его потомство?

- Вовсе нет, - ответил Чек. - У Лууда нет жен. - Он сам откладывает яйца. Ты не поняла?

Тара Гелиум согласилась с ним.

- Попытаюсь объяснить, - сказал Чек, - если ты потом обещаешь спеть для меня.

- Обещаю.

Мы не подобны рикорам, начал он. - Рикоры существа низшие, подобно тебе, бенсам и всем остальным. У нас нет пола, за исключением короля, который двупол. И он производит множество яиц, из которых вылупляемся мы, рабочие и воины. В каждой тысяче яиц есть одно, которое содержит зародыш другого короля: из него вылупляется король. Ты заметила замурованные отверстия в приемной зале Лууда? В каждом из них находится король. Если один из них выберется оттуда, он будет бороться с Луудом и постарается убить его. Если ему это удастся, станет новым королем. Но звать его будут тоже Лууд, и все пойдет по-прежнему, разве мы не одинаковы? Лууд живет уже очень долго и произвел множество королей, но только несколько из них живы и наследуют ему, когда он умрет. Остальных он убивает.

- А почему он держит больше, чем одного короля? - спросила девушка.

- Бывают несчастные случаи, - ответил Чек, - когда погибают все короли в рое. Тогда мы идем в соседний рой и берем у них короля.

- Значит, все вы - дети Лууда? - спросила она.

- Некоторые из нас произошли из яиц предшествующего короля, которого тоже звали Луудом. Но этот Лууд живет уже давно, и в живых мало уже осталось потомков его предшественника.

- Долго ли вы живете? - спросила Тара.

- Очень долго.

- А рикоры?

- Нет, рикор живет не более десяти лет, - сказал он, - пока остается сильным и полезным. Когда они не могут больше служить нам по возрасту или болезни, мы оставляем их на полях и ночью их съедают бенсы.

- Как ужасно! - воскликнула девушка.

- Ужасно!? - повторил он. - Не вижу в этом ничего ужасного. Рикоры - всего лишь безмозглое мясо. Они не видят, не слышат, не чувствуют. Они могут двигаться только с нами. Если мы не принесем им пищу, они умрут с голоду. Они наделены мыслью меньше, чем наши доспехи. Все, что могут делать они для себя, это взять пищу из кормушки и положить в рот. Но с нами - вот посмотри, - и он гордо указал на прекрасную фигуру, которую увенчивал., полную жизни, энергии, чувств.

- Как вы это делаете? - спросила Тара Гелиум. - Я не понимаю.

- Я покажу тебе, - сказал он и лег на пол. Затем отделился от тела, которое осталось лежать, подобно неодушевленному предмету. На своих паучьих лапках он подошел к девушке. - Смотри: видишь это? - и он показал ей пучок щупалец в задней части головы. - Рядом со ртом рикора есть отверстие, в которое выходит позвоночник. Через это отверстие я прикасаюсь щупальцами к спинному мозгу рикора. И немедленно начинаю контролировать каждую мышцу тела рикора, оно становится моим телом, я владею им, как ты владеешь своим. Я чувствую то, что чувствовал бы рикор, если бы у него была голова и мозг. Если он ранен, я страдаю вместе с ним, пока я связан с ним. Но если рикор ранен или заболел, мы оставляем его и берем другого.Точно так же мы ощущаем и физическое удовольствие. Когда твое тело станет изнуренным, ты сравнительно бесполезен. Если телу больно, и ты болен. Если оно убито, ты умираешь. Ты раб глупой массы мяса, костей и крови. В твоем теле не больше удивительного, чем в теле бенса. Только твой мозг делает тебя выше бенса, но твой мозг непрерывно связан с телом. У нас совсем не так. У нас мозг - это все. Девяносто процентов нашего веса составляет мозг. У нас лишь простейшие жизненные органы, мы не нуждаемся в совершенных и сложных системах мышц нервов, мяса и костей. У нас нет легких, так как не нужен воздух. Далеко внизу, где нет дороги рикорам, раскинулась сеть наших ходов, где происходит истинная жизнь калданов. Там дышащие воздухом рикоры погибли бы, как погибла бы и ты. Там мы запасаем огромное количество пищи в герметически замурованных помещениях. Мы делаем это для будущего. Глубоко под землей есть вода, которая сохранится и тогда, когда она на поверхности исчезнет на много веков. Мы готовимся ко времени, которое обязательно придет - время, когда исчезнут последние остатки атмосферы Барсума, когда исчезнет вода и пища. Мы для этого и готовимся, ибо не должно исчезнуть с лица планеты ее удивительнейшее из созданий - совершенный мозг.

- Но какой цели вы будете служить, когда придет это время? - спросила девушка.

- Ты не понимаешь, - ответил он, - для твоего разума это слишком трудно, но я постараюсь объяснить. Барсум, его луны, солнце, звезды - все создано с единой целью. С начала времени природа энергично работала над осуществлением этой цели. Сначала появилась жизнь, но она была лишена мозга - разума. Постепенно возникли зачатки нервной системы, она развивалась, эволюция продолжалась. Мозг становился больше и сильнее. В нас ты видишь высшее достижение природы. Среди нас есть такие, которые верят, что мы разовьемся в сверхрасу, в супермозг. Исчезнут лапы, клешни и прочие жизненные органы. Будущие калданы будут представлять собой сплошной мозг, глухой, немой и слепой, который будет лежать замурованный в подземном склепе, где почти ничто не помешает его вечным мыслям.

- Вы думаете, он будет только лежать и думать? - воскликнула Тара Гелиум.

- Только это! - воскликнул он. Может ли быть что-нибудь чудеснее?

- Да, - ответила девушка, и я могу представить себе множество более чудесных занятий.

VI. В ОБЪЯТИЯХ УЖАСА

Рассказ конвоира дал Таре Гелиум пищу для размышлений. Она считала, что каждое существо создано с какой-то целью, и пыталась угадать истинное место калданов во всеобщей схеме жизни. Она знала, что у них должно быть свое место в этой схеме, но каким оно было, она не могла понять. Они напоминали ей небольшую группу жителей Гелиума, которые в погоне за знаниями отрекались от жизненных радостей. Они свысока относились к тем, кого считали не такими интеллектуальными. Себя они считали высшей расой. Она улыбнулась, вспомнив замечание отца о том, что если бы кто-нибудь из них сжег свой эгоизм, дым окуривал бы Гелиум целую неделю. Ее отец любил нормальных людей: те, что знали слишком мало, и те, что знали слишком много, одинаково не нравились ему. В этом отношении Тара Гелиум была подобна отцу.

Помимо угрожавшей ей опасности в этой чужой стране было немало интересовавшего ее. Рикоры вызывали у нее жалость и обширное поле предположений. Как и от кого они эволюционировали? Она спросила об этом Чека.

- Спой мне снова. И я расскажу тебе, - сказал он. - Если Лууд отдаст тебя мне, ты никогда не умрешь. Я буду держать тебя при себе, а ты будешь петь.

Девушка удивилась воздействию своего голоса на это существо. Где-то в этом огромном мозгу находился участок, задетый ее пением. Это было единственное связующее звено между нею и его мозгом, когда он был отделен от рикора. Когда он руководил рикором, у него могли появиться и другие человеческие чувства. Но девушка боялась думать об этом. Спев, она ждала, когда заговорит Чек. Он долго молчал, глядя на нее своими невероятными глазами.

- Я думаю, - вдруг сказал он, - что приятно принадлежать к твоей расе. Вы все поете?

- Почти все, - ответила она, - но у нас есть множество других интересных и приносящих радость занятий. Мы танцуем, играем, работаем, любим, а иногда и воюем, так как мы - раса воинов.

- Любовь! - сказал калдан. - Кажется я понимаю, что ты имеешь в виду. К счастью мы лишены чувств - в отдельном состоянии. Но когда мы соединены с рикором,о, это большая разница: слушая твое пение и глядя на твое прекрасное тело, я понимаю, что такое любовь! Я мог бы полюбить тебя!

Девушка отшатнулась от него.

- Ты обещал мне рассказать о происхождении рикоров, - напомнила она.

- Много веков назад, - начал он, - наши тела были больше, а головы меньше. Наши ноги были очень слабыми, и мы не могли передвигаться долго и далеко. Здесь было глупое существо, передвигавшееся на четырех лапах. Оно жило в земляных норах, куда приносило свою пищу. Мы стали рыть свои ходы в его норе и брать пищу, которую оно приносило. Однако ее не хватало на всех, поэтому калданы вынуждены были выходить и добывать пищу. Это было тяжелой работой для наших слабых ног. Тогда мы стали ездить верхом на спинах этих примитивных рикоров. Прошло, несомненно, много веков, пока, наконец, калданы нашли способ руководить рикорами и полностью подчинили их себе, так что мозг калдана руководил всеми движениями рикора, мозг которых со временем совсем исчез. Исчезли его уши и глаза, так как они были ему не нужны: калдан видел и слышал за него. Подобным же образом рикор стал передвигаться на

задних конечностях, так как калдану нужно было дальше видеть. Когда исчез мозг рикора, вместе с ним исчезла и голова. Рот был единственной частью головы, которая использовалась, поэтому он сохранился. Иногда в руки наших предков попадали представители красной расы. Предки видели красоту и удобство тела этих пришельцев, и в этом направлении развивались рикоры. Благодаря разумному руководству работ в этом направлении, появился и современный рикор. Он - продукт сверхмощного мозга калданов, он - тело нашего мозга, с его помощью мы делаем все необходимое, как вы делаете все, благодаря своим рукам и ногам. Но у нас важное преимущество: мы можем выбирать себе тела и менять их. Разве ты не хотела бы быть калданом?

Тара Гелиум не знала, как долго находилась она в подземном помещении. Казалось, что прошло очень много времени. Она ела, спала и следила за бесконечными потоками созданий, проходивших мимо входа в ее тюрьму. В одном направлении они шли с грузом - пища, пища, пища! В другом - возвращались с пустыми руками, видя их, она знала, что наверху день. Когда они не проходили мимо, она знала, что наступила ночь, и бенсы поедают рикоров, оставленных на полях накануне днем. Она начала худеть и бледнеть. Ей не нравилась их пища, но даже если бы ей давали очень вкусную пищу, она не стала бы есть много, боясь потолстеть. Идея полноты имела здесь новый смысл - ужасный смысл.

Чек заметил, что она худеет, слабеет и бледнеет. Он поговорил с ней об этом, и она объяснила ему, что ей не нравится вот здесь под землей, что ей нужен воздух и солнечный свет, или она и дальше будет слабеть и в конце концов умрет. Очевидно, он передал ее слова Лууду, так как вскоре объявили ей, что король распорядился перевести ее в крепость. Она надеялась, что это следствие ее беседы с Чеком. Даже просто вновь увидеть солнце было счастьем, к тому же у нее вновь появится надежда на бегство, о чем она не осмеливалась думать раньше, так как знала, что без посторонней помощи ей не выбраться из запутанных подземных лабиринтов на поверхность.

Теперь же у нее появилась слабая надежда. В конце концов, она теперь видит холмы, а раз так, то разве не может появиться возможность достичь их? Если бы у нее было десять минут - всего десять коротких минут! Самолет все еще там. Она знала где его искать. Всего десять минут, и она свободна, свободна и далека от этого ужасного места. Но дни проходили и она никогда не оставалась одна даже на пять минут. Она непрерывно обду-

мывала план спасения. Если бы не бенсы, ей удалось бы бежать ночью. Чек ночью всегда отделялся от тела и находился в каком-то полукоматозном состоянии. Нельзя было сказать, что он спит, это вообще не походило на сон, так как его безвекие глаза не закрывались и оставались неизменными. Ночь он неподвижно лежал в углу. Тара Гелиум тысячи раз разыгрывала сцену спасения. Она подбежит к рикору и выхватит меч, висящий на его доспехах. Она сделает это, прежде чем Чек поймет, что происходит, и раньше, чем он поднимет тревогу, она опустит лезвие меча на эту отвратительную голову. Всего за несколько мгновений она достигнет ограды. Рикоры не остановят ее: у них нет мозга, чтобы сообразить, что она убегает. Она много раз следила из своего окна за тем, как открывают и закрывают ворота, выходящие в поле, и знает теперь, как действует замок. Она откроет его, выбежит и понесется к холмам. Холмы так близки, что ее не смогут догнать. Так просто! Было бы просто если бы не бенсы. Бенсы ночью, а работники на полях - днем!

Заключенная в крепости, лишенная движений, девушка не делала того, что ожидали ее похитители. Чек спросил ее, почему она не полнеет: ведь сейчас она выглядит хуже, чем в тот момент, когда ее захватили. Эти вопросы были повторением вопросов Лууда, и это позволило Таре Гелиум выработать новый план спасения.

- Я привыкла гулять на свежем воздухе при свете солнца, - сказала она Чеку. - Я не могу быть такой, как прежде, так как заперта в этой комнате, дышу затхлым воздухом и не двигаюсь. Разреши мне выходить ежедневно на поля и гулять там на солнце. Тогда, я уверена, вскоре буду толстой и красивой.

- Ты попытаешься убежать, - сказал он.

- Но как я могу попытаться, если ты всегда со мной? - спросила она. - И даже если я попробую бежать, куда я пойду? Я даже не знаю в каком направлении Гелиум. Наверное, он очень далеко. В первую же ночь меня растерзают бенсы, разве не так?

- Ты права,- сказал Чек. - Я спрошу об этом Лууда.

На следующий день он сказал, что Лууд разрешил ей выйти на поля. Он подождет еще несколько дней и проследит за ее успехами.

- Если ты не станешь толще, он использует тебя для других целей, - сказал Чек, - а не как пищу.

Тара Гелиум содрогнулась.

В этот день и во все последующие она выходила из крепости и через ворота проходила на поля. Она постоянно искала возможности для спасения, но Чек всегда был рядом с ней. Но не

столько его присутствие удерживало ее от бегства, сколько многочисленные работники, всегда находившиеся между нею и холмами, где находился ее самолет. Она легко бы избавилась от Чека, но было слишком много других. Наконец однажды, выходя на поля, Чек сказал ей, что это она делает в последний раз.

- Вечером ты пойдешь к Лууду, - сказал он. - Мне очень жаль, что я больше не услышу твоего пения.

- Вечером! - она с трудом перевела дыхание, голос ее дрожал от ужаса.

Она быстро взглянула на холмы. Они были так близко! Однако, между нею и ими были неизбежные работники - не менее двух десятков.

- Пойдем туда, - сказала она, указывая в их сторону. - Я хочу посмотреть, что они делают.

- Слишком далеко, - ответил Чек. - Я ненавижу солнце. Здесь, под тенью дерева, гораздо приятней.

- Хорошо, -согласилась она, - оставайся здесь, а я пойду туда. Это займет не более минуты.

- Нет, - ответил он. - Я пойду с тобой, хочешь убежать, но тебе это не удастся.

- Я не могу убежать.

- Я знаю, - согласился он, - но ты можешь попытаться. Я не советую тебе делать этого. Может, лучше вернуться в крепость? Если ты убежишь, мне придется туго.

Тара Гелиум видела, что теряет последний шанс. Других больше не будет. Она искала хоть какой-нибудь предлог, чтобы оказаться поближе к холмам.

- Я прошу немного, - сказала она. - Вечером ты попросишь, чтобы я спела. Это будет в последний раз. Если ты не позволишь мне подойти и посмотреть, что делают эти калданы, никогда не буду петь для тебя.

Чек колебался.

- Я буду все время держать тебя за руку, - сказал он.

- Пожалуйста, если хочешь, - согласилась она - Пойдем!

Они двинулись к рабочим и к холмам. Небольшой отряд калданов выкапывал клубни из земли.

Она заметила, что все они заняты своей работой, их отвратительные глаза были устремлены вниз. Она подвела Чека совсем близко к ним, говоря, что хочет внимательнее рассмотреть их работу. Все время он цепко держал ее за руку.

- Очень интересно, - сказала она со вздохом, затем вдруг: - Смотри, Чек! - и быстро указала назад, на крепость.

Калдан, державший ее, отвернулся и посмотрел в том направлении: в тот же момент с ловкостью бенса она ударила его кулаком, вложив в этот удар всю свою силу - ударила прямо в затылок его мягкой головы, как раз над воротником. Удар оказался удачным. Он выбросил калдана из его гнезда на плечах рикора и отбросил на землю. Немедленно рука, сжимавшая ее запястье, разжалась, не контролируемая больше мозгом Чека. Рикор неуверенно отошел на несколько шагов, опустился на колени и лег затем навзничь. Но Тара Гелиум не дожидалась этого. Как только пальцы разжались на ее руке, она бросилась бежать к холмам. Одновременно с губ Чека сорвался предупредительный свист: потревоженные рабочие распрямились, один из них оказался как раз на пути Тары Гелиум. Она удачно увернулась от его распростертых рук и вновь побежала к холмам, к свободе. Вдруг она споткнулась об инструмент, напоминавший мотыгу, лежавший наполовину припорошенным землей. Спотыкаясь, она побежала дальше, пытаясь восстановить равновесие, но ее нога все время попадала в борозды, она вновь спотыкалась и бежала дальше. А споткнувшись в очередной раз и упав, она почувствовала на себе чье-то тяжелое тело, еще мгновение - и она окружена... Ее поставили на ноги: взглянув по сторонам, она увидела, как Чек пробирается к своему безвольному рикору. Чуть позже он подошел к ней.

Отвратительное лицо, не способное выражать чувств, никак не проявляло того, что происходило у него в мозгу. Был ли там гнев или ненависть? Или жажда мести? Тара Гелиум не знала, да ее это и не интересовало Случилось самое худшее. Она попыталась освободиться и потерпела неудачу. И другой возможности не будет.

- Идем! - сказал Чек. - Мы возвращаемся в крепость.

Абсолютная монотонность его голоса не нарушилась. Это было хуже, чем гнев, ибо полностью скрывало его намерения. Ее ужас перед этим гигантским мозгом, совершенно лишенным человеческих чувств, усилился.

Ее вновь отвели в ее комнату в крепости и Чек вновь вступил на дежурство, сидя на корточках у входа, но теперь он держал в руке обнаженный меч и никогда не оставлял рикора, лишь иногда его сменял другой калдан, когда Чек чувствовал усталость и голод. Девушка сидела и следила за ним. Он не был грубым с ней, но она не чувствовала благодарности, хотя с другой стороны, у нее не было к нему ненависти. И лишь чувство ужаса жило в ней. Она как-то слышала, как ученые обсуждали будущее красной расы, и вспомнила, что некоторые утверждали, что со вре-

менем мозг, рассудок, будет занимать все больше места. Не останется инстинктивных действий или чувств, ничего не будет делаться без обдумывания. Напротив, разум будет руководить каждым действием. Сторонники этой теории утверждали, что в этом будет счастье человечества.

Тара Гелиум от всей души желала, чтобы эти ученые, подобно ей, на себе испытали практические действия своей теории.

Выбор между олицетворением физического начала - рикором и представителем умственного начала - калданом, был бы безрадостным. Наиболее благоприятный путь развития человечества находился посередине. Это прекрасный объект исследования, думала она, для тех идеалистов, которые стремятся к абсолютному совершенствованию, правда заключается в том, что абсолютное совершенство так же нежелательно, как и его полная противоположность.

Мрачные мысли наполняли голову Тары Гелиум, когда она ожидала посланцев Лууда - посланцев, которые для нее значили бы только одно - смерть. Она знала, что найдет способ покончить с собой в крайнем случае, но пока она еще цеплялась за надежду и за жизнь. Она не сдастся пока будет хоть малейшая возможность бороться. Она заставила Чека вздрогнуть, громко и яростно выкрикнув:

- Я все еще жива!

- Что это значит? - спросил калдан.

- То, что я сказала, - ответила она. - Я все еще жива и пока я жива, я могу найти выход. Смерть, только смерть лишает всех надежд.

- Найти выход к чему? - спросил он.

- К жизни, к свободе, к другим людям, - пояснила она.

- Вошедший в Бантум никогда не покидает его, - пробубнил он.

Она не ответила. Немного помолчав, он сказал:

- Спой мне.

Во время пения появились четыре воина, чтобы вести ее к Лууду. Они сказали Чеку, что он должен оставаться здесь.

- Почему? - спросил он.

- Ты разгневал Лууда, - ответил один из них.

- Каким образом? - потребовал объяснения Чек.

- Ты оказался подверженным опасному влиянию. Ты разрешил чувствам воздействовать на себя, и это свидетельствует, что ты дефективный. Ты знаешь, какова судьба дефективных?

- Я знаю судьбу дефективных, но я не дефективный, - возразил Чек.

- Ты позволил странному шуму, исходящему из ее глотки, смягчить себя, прекрасно зная, что чувства находятся вне логики. Само по себе это служит явным доказательством твоей ненормальности. Затем, несомненно, побуждаемый этими аналогичными чувствами, ты разрешил выйти ей в поля, где она могла бы совершить успешную попытку к бегству. Остатки твоего разума должны сказать тебе, что ты уже ненормален. Единственным и разумным выходом является уничтожение. Ты будешь уничтожен таким образом, чтобы твой пример оказался полезным для остальных калданов из роя Лууда. До тех пор ты останешься здесь.

- Вы правы, - сказал Чек. - Я останусь здесь и буду ждать, пока Лууд не прикажет уничтожить меня наиболее целесообразным путем.

Тара Гелиум бросила на него удивленный взгляд, когда ее уводили из комнаты. Она через плечо бросила ему:

- Помни, Чек, ты все еще жив!

И в сопровождении воинов отправилась по запутанным тунелям туда, где ее ждал Лууд.

Когда ее привели в приемное помещение, Лууд находился в углу, прижавшись к нему своими шестью лапами. У противоположной стены лежал его рикор, чье прекрасное тело было одето в сверкающие доспехи... бездушная вещь без руководящего ею калдана... Лууд отослал воинов, которые привели пленницу. Затем он молча принялся глядеть на нее своими ужасными глазами. Тара Гелиум ждала. Она могла только гадать о том, что будет дальше. Когда настанет то время, нужно будет бороться. Внезапно Лууд заговорил:

- Ты думаешь о спасении, - сказал он своим мертвенным, лишенным выражения, монотонным голосом, единственно возможным у существа, полностью лишенного чувств. - Ты не спасешься. Ты всего лишь воплощение двух несовершенных начал - несовершенного мозга и несовершенного тела. Эти два начала не могут существовать вместе в совершенстве. Вот совершенное тело. И он указал на рикора. - Оно лишено мозга, здесь вот, - он указал лапой на свою голову, - совершенный мозг. Он не нуждается в теле для своего функционирования в качестве мозга. Ты противопоставляешь свой слабый разум моему. Даже теперь ты думаешь, как бы уничтожить меня. Если ты не сможешь это сделать, ты хочешь уничтожить себя. Сейчас ты на себе испытаешь силу моего мозга. Я - мысль! Ты - материя!

Твой мозг слишком мал и слабо развит, чтобы заслуживать названия мозга. Ты позволяешь управлять им импульсным действием, вызванным чувством. Он не имеет ценности. Ты не сможешь убить меня. И себя не сможешь убить. Тебя убьют, если в этом будет логическая необходимость. Ты не представляешь себе возможностей, заключенных в совершенно развитом мозге. Посмотри на этого рикора. У него нет мозга. По своей воле он может лишь слегка двигаться. Врожденный механический инстинкт, который мы оставили ему, заставляет его класть пищу в рот. Но он не может сам отыскивать эту пищу. Мы кладем пищу в кормушку всегда в одно и то же время и на одно и то же место. Если мы положим пищу к его ногам и оставим его одного, он умрет с голоду. Теперь посмотри, что может сделать настоящий мозг.

Он повернулся и устремил пристальный взгляд на бездушное тело. Неожиданно, к ужасу девушки, безголовое тело начало двигаться. Оно медленно встало на ноги и пошло через комнату к Лууду, наклонившись, оно взяло отвратительную голову в руки, затем посадило ее себе на плечи.

- Что можешь сделать ты против такой силы? - спросил Лууд. - То, что я сделал с рикором, я могу сделать и с тобой.

Тара Гелиум не отвечала. Всякий ответ был бесполезен.

- Ты сомневаешься в моих способностях! - заявил Лууд, и это было правдой, хотя девушка и не говорила такого, а только подумала.

Лууд пересек комнату и лег на пол. Затем он отделился от тела и пополз, пока не встал прямо против круглого отверстия, через которое появился в тот день, когда девушка впервые увидела его. Здесь он остановился и устремил на нее свои ужасные глаза. Он молчал, но глаза его, казалось, проникали в самую глубину ее мозга. Она почувствовала, как какая-то непреодолимая сила тянет ее вперед к калдану. Она попыталась освободиться, попробовала отвести глаза в сторону, но не смогла. Они, как в странном очаровании, оставались прикованными к безвеким глазам огромного мозга, глядевшего на нее. Медленно, с каждым шагом борясь за свое освобождение, она двигалась к ужасному чудовищу. Она пыталась громко крикнуть, надеясь таким образом освободиться от его власти, но ни один звук не слетел с ее уст. Если бы он отвел взгляд хоть на мгновение, она могла бы вновь овладеть своими движениями, но глаза не отрывались от нее. Казалось, они проникают в нее все глубже и глубже, уничтожая последние остатки самостоятельности ее нервной системы.

Когда она приблизилась, Лууд медленно поднялся на своих паучьих лапках. Она заметила, что он медленно водит взад и вперед челюстями и в то же время пятится, пятится, пятится к круглому отверстию в стене. Неужели она пойдет за ним? Какой новый безымянный ужас скрывается в соседнем помещении? Нет! Она не сделает этого. Тем не менее, приблизившись к стене, она опустилась на четвереньки и поползла к круглому отверстию, из которого на нее глядели два глаза. На пороге отверстия она сделала последнюю героическую попытку, борясь против власти увлекающих ее глаз, но в конце концов вынуждена была сдаться. Со вздохом перешедшим в рыдание, Тара Гелиум пробралась сквозь отверстие в следующую комнату.

Отверстие оказалось достаточно широким для нее. Пройдя через него, она оказалась в маленькой уютной комнате. Перед ней по-прежнему был Лууд. У противоположной стены лежал могучий прекрасный мужчина-рикор. Он был лишен доспехов и украшений.

- Ты видишь теперь, - сказал Лууд, - бесполезность сопротивления?

Его слова,казалось, вывели ее из шокового состояния. Она быстро отвела взгляд.

- Смотри на меня! - скомандовал Лууд.

Тара Гелиум продолжала смотреть в сторону.

Она почувствовала новые силы, власть Лууда най ней уменьшилась. Неужели она раскрыла секрет его власти над ее волей? Она не осмеливалась надеяться на это. С отведенным взором она повернулась к отверстию, через которое эти зловещие глаза привели ее. Лууд вновь приказал остановиться, но его голос уже не имел власти над нею. Она услышала свист и поняла, что Лууд зовет на помощь. Но так как она не смела оглянуться, то не видела, что он сосредоточил свой взгляд на большом безголовом теле, лежащем у дальней стены.

Девушка все же находилась под влиянием страшного существа - она не освободилась еще полностью и не обрела полной самостоятельности. Она двигалась как во сне, вяло, медленно, как бы сгибаясь под огромной тяжестью, как бы пробиваясь сквозь вязкую жидкость.

Отверстие было близко, совсем рядом, но как трудно до него добраться!

За ней, повинуясь приказам огромного мозга двинулось огромное безголовое тело. Наконец она достигла отверстия, что-то говорило ей, что за отверстием власть калдана полностью развеется. Она уже почти пробралась в приемную комнату, когда

почувствовала сильную руку на своей лодыжке. Рикор догнал ее, и хотя она боролась, втащил обратно в комнату Лууда. Он крепко держал ее, прижимая к себе, и вдруг, к ее ужасу, начал гладить ее.

- Ты слышишь меня? Теперь ты видишь всю бесполезность сопротивления? - услышала она ровный голос Лууда.

Тара Гелиум пыталась бороться, но ее охватила ужасная слабость. Но она продолжала бороться перед лицом безнадежного ужаса, бороться в одиночестве за честь гордого имени, которое она носила, она, ради которой с радостью отдавали жизни прекрасные воины могучих империй, цвет марсианского рыцарства.

VII. ОТТАЛКИВАЮЩЕЕ ЗРЕЛИЩЕ

Крейсер ВАНАТОР кренился под ударами бури. То, что он не упал на землю и не был разбит на мелкие кусочки, было всего лишь капризом природы. В течение всего шторма он летел без всякой надежды на спасение, подгоняемый ударами урагана. Но все же корабль и его храбрый экипаж почувствовал, что ураган стихает. Это произошло через час после катастрофы - катастрофы и для экипажа, и для королевства Гатол.

Люди с момента вылета из Гелиума находились без пищи и воды, многие были ранены, все изнемогали от усталости. Во время кратковременого затишья один из членов экипажа попытался добраться до своей каюты, отцепив привязной ремень, который удерживал его в относительной безопасности на палубе. Это было прямым нарушением приказа, и следствие нарушения его в глазах всех членов экипажа было внезапное и скорое наказание. Едва матрос отстегнул застежку привязного ремня, сильные руки чудовищного шторма повернули корабль, подбросив его в воздухе. В результате уже при первом повороте воин полетел за борт.

Сброшенные со своих гнезд постоянными поворотами и рывками корабля и силой ветра, носовые и кормовые снасти висели под килем, представляя собой спутанную массу веревок и ремней.

В эту массу и угодило тело воина, и как утопающий хватается за соломинку, так и он ухватился за веревку, задержавшую его падение.

С отчаянным усилием держался он за эту веревку, пытаясь закрепиться на ней ногами.

С каждым рывком корабля руки его слабели, и он знал, что вскоре они совсем разомкнутся, и он полетит вниз на далекую поверхность, тем не менее, он продолжал цепляться лишь продлевая свою агонию.

Эту картину увидел Гохан, когда перегнулся через край наклонившейся палубы, чтобы выяснить судьбу своего воина; в одну секунду джед Гатола оценил ситуацию. Рядом с ним один из его людей глядел в глаза смерти. В руках у джеда было средство для его спасения.

Ни минуты не колеблясь, он отцепил свой привязной ремень, сбросил веревочную лестницу и соскользнул с борта судна. Качаясь, как маятник, он отлетал в сторону и возвращался назад, поворачиваясь в воздухе в трех тысячах футах над поверхностью Барсума. Наконец он дождался момента, на который и рассчитывал.

До сих пор он не доставал веревку, за которую уцепился воин, чьи силы заметно слабели. Просунув руку в петлю, образовавшуюся в результате путаницы такелажа, чтобы ухватиться за веревку рядом с воином, рискованно цепляясь за эту новую опору, джед медленно двигался по веревочной лестнице, на конце которой был закреплен крючок. Он зацепил этот крючок в кольце на поясе воина как раз перед тем, как ослабевшие пальцы висевшего отпустили опору.

Спасая жизнь своего товарища, Гохан не обратил внимания на собственное спасение.

Среди переплетенных снастей болталось множество других крюков, подобных тому, который он прикрепил к поясу воина, к одному из которых он хотел прикрепиться сам и выждать, пока шторм не утихнет настолько, что позволит ему выбраться на палубу. Но как только он попытался дотянуться до одного из крюков, тот отошел в сторону под действием очередного толчка судна, в то же время тяжелый металлический крюк, пролетавший по воздуху, ударил джеда Гатола прямо между глаз.

Оглушенный Гохан на мгновение разжал пальцы и полетел сквозь разреженную атмосферу Марса к поверхности, лежащей в трех тысячах футов под ним, в то время, как ВАНАТОР уносился вдаль, а верные воины джеда, цепляясь за свои ремни, даже не подозревали о судьбе своего любимого вождя.

Лишь час спустя, когда шторм немного утих, они поняли, что он отсутствует, и догадались о том жертвенном героизме, который предназначила ему судьба. В это время ВАНАТОР выпря-

мился, по-прежнему, уносимый сильным постоянным ветром. Воины отстегивали свои ремни, а офицеры определяли число пострадавших. В это время слабый крик, который послышался из-за борта, привлек их внимание к человеку, висевшему на веревке под килем. Сильные руки подняли его на палубу, и только тогда экипаж узнал о героизме своего джеда и его гибели. Они могли только предполагать, как далеко их унесло после его падения. Корабль не был в состоянии вернуться для его поисков. Опечаленный экипаж продолжал свой путь в воздухе навстречу неминуемой судьбе, ожидавшей его.

А Гохан? Джед Гатола, что произошло с ним? Подобно свинцовому грузу пролетел он тысячу футов, затем шторм подхватил его в свои гигантские объятия и понес над землей. Как листок бумаги летел он, повинуясь ударам ветра, игрушка могучих сил природы. То выше, то ниже, то вперед, то назад. Но с каждой вспышкой энергии ветра он постепенно приближался к поверхности. У таких циклов бывают странные и необъяснимые капризы. Они вырывают с корнем и дробят гигантские деревья, и в то же время могут пронести многие мили беспомощного ребенка и опустить его невредимым вместе с его колыбелью.

Так произошло и с Готаном из Гатола.

Ожидая каждую секунду неминуемой гибели, он вдруг обнаружил, что мягко опустился на толстый коричнево-красный мох, покрывающий дно мертвого марсианского моря, полностью невредимый, если не считать большой шишки на лбу, куда его ударил металлический крюк. Едва способный поверить в то, что судьба сжалилась над ним, джед медленно встал, еще наполовину убежденный, что кости его разбиты и раздроблены и не выдержат его веса. Но он ошибался. Он огляделся в напрасных попытках сориентироваться. Воздух был полон пыли и летящих обломков. Солнца не было видно. Поле зрения было ограничено несколькими сотнями ярдов коричнево-красного мха и пыльного воздуха. В пятистах ярдах в любом направлении могли возвышаться стены большого города, но он не мог знать этого.

Было бесполезно двигаться с места, пока воздух не прояснится, так как он не знал, в каком направлении двигаться, он вновь сел на мох и принялся ждать, размышляя о судьбе своих воинов и корабля, но уделяя мало внимания опасности своего собственного положения. К его доспехам были прикреплены два меча, пистолет, кинжал. В походной сумке - небольшое количество продовольствия, составлявшего обязательный походный рацион воинов Барсума. Все это вместе с тренированными мускулами , храбростью и сильным духом, должно было спасти его

в тех опасностях, которые ожидали его на пути в Гатол, хотя он и не знал, в каком направлении и на каком расстоянии находилась его родина.

Ветер постепенно терял скорость, и пыль постепенно оседала. Хотя шторм, очевидно, кончился, видимость долго не улучшалась и это раздражало Гохана. Условия не улучшились до самой ночи, поэтому он был вынужден ждать наступления нового дня на том самом месте, куда принесла буря. Ночь, которую он провел, не была очень приятной, так как у него не было спального мешка и его спальных мехов и шелков, и он с невольным чувством облегчения встретил свет нового дня. Теперь воздух был чист, и в свете наступающего дня он увидел волнистую равнину, расстилавшуюся во всех направлениях. К северо-западу еле различались очертания невысоких холмов. К юго-востоку от Гатола расстилалась подобная страна и Гохан ошибочно решил, что шторм отнес его в этот район. Он посчитал, что Гатол лежит за этими холмами, тогда как в действительности, его родина была далеко на северо-востоке.

Двумя днями позже Гохан пересек равнину, и взобрался на вершину одного из холмов, и за холмами он ожидал увидеть свою страну, но его ожидало разочарование. Перед ним вновь была равнина, еще больше, чем та, которую он только пересек, а вдали опять виднелись холмы. В одном лишь отношении эта равнина отличалась от предыдущей: она была усеяна отдельными изолированными холмами.

Решив, однако, что Гатол лежит в том направлении, Гохан вступил в долину и направился к северо-западу.

Уже несколько недель Гохан из Гатола пересекал долины и холмы в поисках какого-нибудь знакомого ориентира, который указал бы ему направление на родину, и с вершины очередного холма по прежнему открывался незнакомый мир. Он встречал мало животных и не встречал ни одного человека, пока не решил, что оказался в сказочных районах древнего Барсума - богатой и изобильной страны, жителей которой отличали гордость и высокомерие, за что они были осуждены древними богами Марса на уничтожение.

Наконец, однажды, он взобрался на высокий холм и увидел населенную долину, на которой росли плодовые деревья, возделанные поля, участки земли, окруженные каменными стенами, в центре которой возвышались круглые необычные крепости. Он увидел людей, работавших на полях, но не торопился встретиться с ними. Прежде следовало побольше узнать о них, выяснить - друзья они или враги. Под прикрытием густого кустарника он

пробрался к краю холма и занял удобное для наблюдения место, откуда он следил, лежа на животе, за ближайшими к нему работниками. Расстояние до них было слишком далеко, и он не был вполне уверен, но что-то показалось ему странным и необычным в их фигурах. Головы их казались непропорциональными по отношению к телам, они были слишком велики.

Долго лежал он так, наблюдая, и постепенно в нем все больше крепло убеждение, что они отличны от него и что было бы слишком опрометчиво показываться им. Вдруг у ближайшей крепости он заметил небольшую группу, вышедшую из ближайшей крепости и направившуюся к работникам у холма, на котором он лежал.

Гохан заметил, что один из вновь появившихся чем-то отличается от остальных. Даже на таком большом расстоянии заметно было, что его доспехи отличались от доспехов сопровождающих его и всех работавших на полях.

Эти двое часто останавливались, очевидно, споря: один хотел идти в направлении холмов, другой возражал. Но меньший постоянно побеждал в споре, и они все ближе и ближе подходили к последней линии работников, возделывающих поля между крепостью, из которой вышли эти двое, и холмами, на которых лежал Гохан.

Внезапно меньший ударил своего спутника по голове. Гохан в ужасе увидел, как голова слетела с туловища, туловище как-то вяло опустилось на землю. Гохан наполовину высунулся из своего убежища, чтобы лучше разглядеть то, что происходит внизу. Человек, ударивший своего спутника, быстро побежал к холмам и увернулся от одного из работников, пытавшихся задержать его. Гохан надеялся, что тому удастся убежать, ему казалось, что этот человек принадлежит к его расе. Но затем он увидел, как бежавший споткнулся и упал, и сразу его окружили преследовтели. Взгляд Гохана вернулся к фигуре, лишенной головы.

Свидетелем какого ужаса он оказался? Или, может быть, его обманывают глаза? Нет, это было невозможно, но это было правдой - голова медленно поползла к упавшему телу. Она взобралась на свое место между плечами... тело встало, и создание, казалось, нисколько не пострадавшее, быстро побежало к тому месту, где его товарищи держали за руки несчастного пленника.

Наблюдатель видел, что подошедший схватил пленника за руку и повел обратно в крепость, и даже через разделявшее их расстояние, было заметно уныние и отчаяние, охватившее пленника. Гохану показалось, что это женщина, причем принадлежащая к красной марсианской расе. Если бы он был в этом уверен,

он, возможно, попытался бы освободить его, хотя обычаи его страны обязывали его вступиться лишь за своих соотечественников. Но он не был в этом уверен: она, может быть, вовсе не его расы, а даже один тот факт, что она той же расы, что и он, то она могла быть дочерью враждебного племени. Первейшей его обязанностью было вернуться к своему народу с наименьшим риском, и хотя мысль о приключениях горячила его кровь, он отбросил это искушение со вздохом и отвернулся от мирной и прекрасной долины, так как намеревался не пересекать ее, а идти вдоль края ее и продолжать поиски Гатола.

Когда Гохан из Гатола направился вдоль склонов холмов, что ограждали Бантум с юга и запада, его внимание привлекла небольшая группа деревьев у них. Низкое солнце отбрасывало от него недлинные тени. Скоро ночь. Деревья были в стороне от его пути, и он не хотел осматривать их. Но, взглянув на них вновь, он заколебался... Что-то непонятное скрывалось среди их ветвей. Гохан остановился и пристально посмотрел на то, что привлекло его внимание.

Нет, наверное он ошибся - ветки деревьев и косые лучи солнца ввели его в заблуждение. Он отвернулся и продолжал свой путь. Решив оглянуться, он увидел, что среди деревьев что-то отражает лучи солнца.

Гохан покачал головой и быстро пошел к деревьям, чтобы разрешить эту загадку...

Сверкающий предмет привлекал его, а когда он подошел ближе, глаза его широко раскрылись от удивления: он увидел сверкающий драгоценными камнями герб на носу маленького самолета. Гохан с рукой на рукояти короткого меча тихо продвигался вперед, но подойдя ближе, обнаружил, опасаться было нечего: самолет был пуст. Тогда он принялся разглядывать герб. Когда до его сознания дошло, что он видит, лицо его побледнело, а сердце забилось сильнее - он увидел герб Главнокомандующего Барсума. Мысленно он увидел понурую фигуру того пленника, которого вели в крепость. Тара Гелиум? А он был так близок к ней и не помог ей.

Холодный пот выступил у него на лбу.

Быстрый осмотр покинутого самолета раскрыл молодому джеду трагическую историю. Та же буря, что выбросила его за борт, унесла и Тару Гелиум в эту отдаленную страну. Здесь она, несомненно, приземлилась, чтобы отыскать пищу и воду, так как без сломанного пропеллера она не могла достичь родного города или какого-нибудь дружеского порта. Самолет оказался неповрежденным, за исключением отсутствующего пропеллера, а

то, что самолет был тщательно укрыт, свидетельствовало о намерении девушки вернуться к нему. Пыль и листья на его палубе говорили о многих днях и даже неделях его пребывания здесь. Немые, но красноречивые доказательства того, что Тара Гелиум стала пленницей, чью безуспешную попытку к бегству он наблюдал.

Вставал вопрос о ее освобождении. Он знал лишь, в какую крепость ее отвели, и больше ничего. Кто ее похитители, сколько их, как она размещена - ничего этого он не знал. Но он не слишком заботился об этом - из-за Тары Гелиум он стал бы воевать со всем миром! Вскоре он разработал несколько планов спасения девушки. Один из них сулил наибольший успех, если бы ему удалось разыскать ее. Решение, которое он принял, вновь привлекло его внимание к самолету. Схватившись за привязанные ремни, он выволок самолет из-под прикрытия деревьев, взобрался на его палубу и осмотрел приборы управления. Мотор включился сразу и, мягко урчал, плавучие мешки не были повреждены, и корабль легко повиновался управлению по высоте. Необходим был только пропеллер, и самолет был бы готов для долгого пути в Гелиум.

Гохан непроизвольно вздрогнул - на тысячи хаадов вокруг нельзя было найти пропеллер. Но в чем дело? Самолет даже без пропеллера вполне подходил для освобождения девушки - похитители Тары Гелиум, по-видимому, не знали никаких воздушных кораблей. Об этом свидетельствовала архитектура их крепостей и устройств изгородей.

Внезапно спустилась барсумская ночь. И Хлорус торжественно плыл в высоте неба...

Грозный рев бенса раздался в холмах. Гохан из Гатола оставил самолет висеть в нескольких футах над землей, затем схватил носовую веревку и потащил за собой. Тащить на буксире маленький самолет было легко. Пока Гохан спускался в долину Бантума, самолет плыл за ним, как лебедь по поверхности озера. Гатолианин направился в сторону крепости, еле различимой в темноте ночи. Ближе к нему прозвучал рев охотящегося бенса. Он подумал, охотится ли зверь за ним или выслеживает кого-то другого. Ему не хотелось сейчас встречаться с хищником, так как это препятствовало его встрече с Тарой Гелиум, поэтому он ускорил шаги. Но ближе и ближе раздавалось ужасное рычание огромного хищника, и вот он услышал мягкие кошачьи шаги на склоне холма за собой. Оглядевшись, он увидел зверя, который преследовал его. Его рука опустилась на рукоять меча, но Гохан

не стал доставать меч: он понял бесполезность вооруженного сопротивления, так как за первым бенсом шло не менее дюжины других. Оставался единственный путь спасения.

Подпрыгнув, он вскарабкался по веревке на борт самолета. Его вес заставил суденышко спуститься ниже, и в тот момент, когда Гохан взобрался на него, первый бенс вспрыгнул на корму. Гохан вскочил на ноги и двинулся к зверю, надеясь столкнуть его вниз прежде чем он вскарабкается на палубу. Он увидел, что остальные бенсы собираются последовать примеру своего вожака. Если им удастся это, он погиб. Оставалось единственная надежда. Прыгнув к рулю высоты, Гохан переключил его. Одновременно с этим, три бенса вскочили на корабль Самолет медленно поднимался. Гохан почувствовал легкий толчок под килем, сопровождавшийся глухими звуками, с которыми сорвавшиеся бенсы падали на землю. На палубе оставался только первый бенс: он стоял на корме, разинув пасть. Гохан выхватил меч.

Зверь, видимо, смущенный необычностью обстановки не двигался. Наконец, он медленно пополз к желанной добыче. Самолет продолжал подниматься, но Гохан поставил ногу на руль высоты и приостановил подъем. Он не хотел, чтобы ветер, дувший вверху, унес его прочь. Самолет продолжал медленно двигаться к крепости, увлекаемый туда толчками тяжелого тела бенса.

Человек следил за медленным приближением чудовища, видел слюну, стекавшую с его клыков, дьявольское выражение морды. А зверь, убедившись в прочном положении палубы, пытался приблизиться. Когда человек внезапно прыгнул к одному борту, в ответ самолет столь же стремительно наклонился. Бенс припал к палубе и вцепился в нее когтями.

Гохан подскочил к нему с обнаженным мечом. Зверь яростно зарычал и попытался схватить этого ничтожного смертного, мешавшего насладиться законной добычей, а человек отпрыгнул на другой конец палубы. Бенс последовал за ним и на мгновение повернулся боком. Огромные когти просвистели у самой головы Гохана, и в тот же момент его меч пронзил сердце зверя. Когда воин вынул свой меч из туловища, мертвый бенс свалился за борт.

Быстрый взгляд обнаружил, что самолет движется к крепости. В следующее мгновение он как раз будет над крепостью. Гохан подскочил к приборам и заставил самолет опуститься на землю. Но опуститься за пределами ограды, где бенсы все еще поджидали свою добычу, означало верную смерть, а внутри он видел множество сгрудившихся, казалось спящих фигур. Ко-

рабль же висел в нескольких футах над землей. Следовало либо рискнуть и опуститься внутри ограды, либо продолжать движение вперед без надежды вернуться когда-либо в эту населенную бенсами местность, из многих мест которой теперь доносилось рычание этих могучих марсианских львов.

Вцепившись в борт, Гохан выбросил якорь и закрепил его на вершине стены, а затем и сам спустился на стену. Укрепив якорь окончательно, он принялся рассматривать, что же находилось за оградой. Спящие внизу по-прежнему не двигались - казалось, что они мертвы. Слабый свет падал из отверстий в крепости, но не было слышно или видно никаких признаков тревоги. Цепляясь за веревку, Гохан спустился со стены и тут смог внимательно осмотреть лежащие фигуры, которые он принял за спящих. С приглушенным восклицанием ужаса, он отвернулся от безголовых тел рикоров. Вначале он решил, что это люди, подобные ему, но обезглавленные, затем он заметил, что они движутся, и понял,что они живые. От этого открытия его ужас и отвращение только увеличилось.

Однако здесь скрывались объяснения того события, свидетелем которых он был днем, когда Тара Гелиум сбросила голову со своего спутника, и Гохан видел, как эта голова вернулась к своему телу. Подумать только! - жемчужина Гелиума во власти этих отвратительных созданий!

Гохан вновь вздрогнул, но затем взял себя в руки. Взобравшись на палубу, он опустил самолет на землю. Затем он двинулся к двери в крепость, пробираясь среди лежавших тел, лишенных сознания рикоров, миновав их, он вошел в крепость.

VIII. В КРЕПОСТИ.

Чек, в недавнем прошлом третий десятник поля Лууда, сидел, переживая свой гнев и унижение. Неожиданно в нем проснулось нечто, само существование которого ему не снилось раньше.

Было ли его беспокойство и неудовольствие влиянием странной пленицы? Он не знал. Он подумал о смягчающем влиянии шума, который она называла пением. Могут ли существовать более приятные и ценные вещи, чем холодная логика и бесчувственная сила ума? Может ли быть сбалансированное и уравновешенное совершенство предпочтительнее предельного развития единственной характеристики? Он думал о всеобъем-

лющем мозге, о котором мечтали все калданы. Этот мозг был бы глухим, слепым и немым. Тысячи прекрасных незнакомок могли бы петь и танцевать перед ним, но он не почувствовал бы удовольствия, так как не обладал бы необходимыми органами для восприятия всего этого. Калданы сами отрекались от самых больших удовольствий, доставляемых чувствами. Чек подумал, как далеко они зашли в этом процессе. Вслед за тем он стал размышлять над самой основой их теории. В конце концов, возможно, девушка права: для какой цели служил бы этот огромный мозг, замурованный в своей подземной норе?

Из-за этой теории, он, Чек, должен был умереть. Так приказал Лууд. Несправедливость этого приказа наполнила его гневом. Но положение его было безвыходным. Спасения не было. За оградой его встретили бы бенсы, внутри - другие калданы, бесжалостные и жестокие. Такие понятия, как любовь, верность, дружба, не были им знакомы - это были лишь мозги. Он может умертвить Лууда, но какая в этом для него выгода? Другой король будет освобожден из замурованного помещения, а Чек будет убит. Чек не испытал бы даже радости мщения, ибо не был способен на такие чувства.

Чек, взобравшись на своего рикора, шагал по комнате, в которой ему приказали остаться. Обычно он принимал распоряжения Лууда с полной невозмутимостью, так как они всегда были строго логичны. Но вот теперь ему казалось, что это неверно. Его очаровала пленница. В жизни, оказывается, есть удовольствия, и даже много. Мечта о совершенном мозге покрылась дымкой и отступила в самую глубину его мыслей.

В это время в дверях показался красный воин с обнаженным мечом. Это был мужской двойник пленницы, чей мягкий голос победил холодный и расчетливый мозг калдана.

- Молчать! - приказал вошедший, помахав обнаженным мечом перед глазами калдана. Я ищу женщину, Тару Гелиум. Где она? Если тебе дорога жизнь, говори быстрее и только правду.

Если он ценит свою жизнь! Именно об этом думал только что Чек. Он быстро соображал. В конце концов совершенный мозг сам по себе бесполезен. Возможно, что он найдет путь спасения от власти Лууда.

- Ты представитель ее народа? - спросил он. - Ты пришел освободить ее?

- Да.

- Тогда слушай. Я подружился с нею и поэтому я должен умереть. Если я помогу тебе освободить ее, ты возьмешь меня с собой?

Гохан из Гатола оглядел странное создание с головы до пят - совершенное тело, гротескная голова, лишенное выражения лицо. И среди таких дни и недели томилась в плену прекрасная дочь Гелиума?

- Если она жива и не ранена, - сказал он, - я возьму тебя с нами.

- Когда ее увели от меня, она была жива и не ранена, - ответил Чек. - Я не знаю, что случилось с нею после этого. За ней послал Лууд.

- Кто такой Лууд? Где он? Веди меня к нему!

Гохан говорил быстро и властным тоном.

- Идем, - сказал Чек и направился из комнаты в коридор, ведущий в подземные норы калданов. - Лууд - это мой король. Я отведу тебя в его помещение.

- Быстрее! - настаивал Гохан.

- Спрячь меч в ножны, - посоветовал ему Чек, - мы будем проходить мимо калданов, и я скажу им, что ты новый пленник. Они мне поверят.

Гохан поступил так, как советовал ему Чек, но предупредил калдана, что его рука на рукояти кинжала.

- Ты не должен опасаться вероломства от меня, - сказал Чек. - В вас заключена моя единственная надежда на жизнь.

- Но если ты обманешь меня, - предупредил его Гохан, - тебя ждет смерть, такая же верная, как и по приказу твоего короля.

Чек ничего не ответил, но продолжал быстро идти по спускающимся подземным коридорам, пока, наконец, Гохан не сообразил, насколько он в руках своего странного помощника. Даже если он обманет его, Гохан не может его убить, так как без его помощи красный человек не найдет обратной дороги к крепости и дороге.

Дважды их встречали и расспрашивали калданы, но в обоих случаях простое разъяснение Чека, что он ведет нового пленника к Лууду, рассеивало все подозрения, и они, наконец, пришли в приемную короля.

- Здесь, красный человек, тебе придется бороться, - воодушевленно прошептал Чек. - Войди туда, - и он указал на дверь перед ним.

- А ты? - спросил Гохан, все еще опасаясь предательства.

- Мой рикор полон сил, - ответил калдан. - Я тоже войду и буду тоже сражаться на твоей стороне. Лучше умереть сейчас в борьбе, чем позже по приказу Лууда. Идем!

Но Гохан уже пересек комнату и входил в соседнюю. У противоположной стены комнаты было круглое отверстие, охраняемое двумя воинами. В отверстии он увидел две фигуры, боровшиеся на полу, и быстрый его взгляд на одну из них наполнил его силой десяти воинов и яростью голодного бенса.

Это была Тара Гелиум, боровшаяся за свою честь или жизнь...

Воины, пораженные внезапным появлением красного человека, стояли в оцепенении. В тот же момент Гохан был рядом, и один из воинов упал, пронзенный в сердце.

- Бей в голову! - услышал Гохан шепот Чека и увидел, что голова упавшего человека быстро ползет к отверстию, ведущему в соседнюю комнату. Меч Чека выбил калдан оставшегося воина из его рикора, а Гохан погрузил свой меч в отвратительную голову.

Немедленно красный воин, а за ним и Чек, бросились к отверстию.

- Не смотри Лууду в глаза, - предупредил калдан. - Иначе погибнешь.

В комнате Гохан увидел Тару Гелиум в объятиях могучего безголового тела, а у противоположной стены находился отвратительный паукообразный Лууд. Король сразу понял, какая ему угрожает опасность, и постарался встретиться с глазами Гохана. При этом ему пришлось ослабить внимание к рикору, в чьих объятиях боролась Тара. Девушка немедленно почувствовала, что может освободиться от этих ужасных объятий.

Быстро поднявшись на ноги, она увидела причину, внезапно разрушившую планы Лууда. Красный воин! Ее сердце дрогнуло от радости и благодарности. Что за чудо привело его к ней? Она не узнала его, перед ней был странствующий воин в простых доспехах без единого драгоценного камня. Разве могла она подумать, что это тот сверкающий платиной и бриллиантами вождь, с которым она провела не больше часа в совсем других обстоятельствах при дворе своего царственного отца?

Лууд увидел Чека, входящим вслед за чужим воином в комнату.

- Убей его, Чек. - приказал король.

- Убей незнакомца, и ты спасешь свою жизнь!

Гохан взглянул в лицо отвратительного короля.

- Не гляди ему в глаза! - воскликнула на это Тара, но было уже поздно.

Ужасный гипнотический взгляд короля калданов устремился в глаза Гохана. Красный воин остановился. Его меч медленно опустился вниз. Тара посмотрела на Чека. Тот пристально глядел своими лишенными выражения глазами в широкую спину незнакомца. Рука рикора Чека опустилась на рукоять кинжала. И тогда Тара Гелиум запела прекрасную марсианскую мелодию - "Песнь любви".

Чек выхватил кинжал из ножен. Его глаза устремились на поющую девушку. Глаза Лууда тоже оторвались от лица воина и обратились к Таре Гелиум. Гохан вздрогнул и с трудом освободился от власти отвратительной головы Лууда. Чек поднял кинжал над головой, сделал быстрый шаг вперед и взмахнул рукой. Песнь девушки оборвалась из-за ужасной догадки, но было уже слишком поздно. Тут же Тара Гелиум поняла, что ошиблась, определяя цель Чека: кинжал вылетел из его руки, пролетел над плечом Гохана и по рукоять погрузился в мягкую голову Лууда.

- Идем! - закричал убийца. - Нельзя терять времени, - и двинулся к отверстию, в которое они пролезли в комнату. Но затем он остановился, его взгляд привлекло могучее тело, лежащее на полу - королевский рикор, лучшее, прекраснейшее произведение природы Марса. Чек сообразил, что при своем бегстве сможет взять с собой одного единственного рикора, и ничто в Бантуме не сослужит ему лучшую службу, чем гигант, лежащий здесь. Он быстро перебрался на плечи большого распростертого на полу тела, которое немедленно наполнилось силой и энергией.

- Теперь, - сказал калдан, - мы готовы. Пусть только кто-нибудь попробует помешать мне, - говоря это, он уже был в соседнем помещении, а Гохан, держа Тару за руку, следовал за ним. Девушка впервые внимательно взглянула на него.

- Боги моего народа добры, сказала она взволнованно. - Ты пришел вовремя. К благодарности Тары Гелиум добавится благодарность Главнокомандующего Барсума и его народа. Он выполнит любое твое желание.

Гохан из Гатола понял, что она не узнала его, и прервал горячее приветствие, готовое сорваться с губ.

- Тара Гелиум, ты или другая женщина, неважно, - ответил он. - Мой долг - помочь любой женщине красной расы Барсума.

Во время этого разговора они покинули помещение Лууда, и вскоре все трое уже шли по длинным подземным коридорам к крепости. Чек все время торопил их, но красные мужчины Барсума никогда не стремятся отступать, и поэтому двое двигались медленнее калдана.

- Никто не помешает нашему возвращению, - сказал Гохан, - зачем же истощать силы принцессы чрезмерной торопливостью?

- Я не боюсь тех, кто впереди, так как здесь никто не знает, что случилось в помещениях Лууда, но калдан одного из воинов, стоявших на страже перед комнатой Лууда, спасся, и можешь поверить, он не станет терять времени. То, что никто не пришел до сих пор в комнату короля*, объясняется быстротой, с которой там развернулись события. Задолго до того, как мы достигнем крепости, они погонятся за нами и прибудут в большом количестве и с сильными рикорами.

Недолго пришлось ждать исполнения пророчества Чека. Стали слышны звуки погони, звон оружия и свист калданов, поднимавших тревогу.

- Крепость уже близко, - крикнул Чек. - Торопитесь изо всех сил, если бы мы могли продержаться в крепости до восхода солнца, может быть мы спаслись бы.

- Нам не нужно будет держаться, мы не задержимся в крепости, - ответил Гохан, двигаясь быстрее, так как по звукам погони понял, что преследователи очень близко.

- Но мы не можем выйти из крепости ночью, - настаивал Чек. - За крепостью нас ожидают бенсы и неминуемая смерть.

Гохан улыбнулся.

- Не бойтесь бенсов, - скаал он, - если бы мы достигли стены крепости раньше преследователей, мы бы не боялись ничего в этой проклятой долине.

Чек ничего не ответил, и его лишенное выражения лицо, не выразило недоверия. Девушка же вопросительно посмотрела на мужчину. Она не понимала.

- Твой самолет, - сказал он, - он привязан к стене.

Ее лицо прояснилось.

- Ты нашел его? - воскликнула она. - Это судьба.

---

* Я использую слово "король" для обозначения вождя или правителя калданов, так как настоящее бантумианское слово не переводимо и не произносимо на англ., и обозначает оно примерно то же, что на Земле выражение "пчелиная матка". (Д.Картер).

- Действительно, судьба, - ответил он. - Но она рассказала мне о пленнице, но она спасла меня от бенсов, когда я добирался от холмов до крепости, увидев днем твою безуспешную попытку к бегству.

- Как ты узнал, что это я? - спросила девушка. На ее лице отразилось воспоминание об этой сцене.

- Кто же не знает об исчезновении принцессы Тары Гелиум, - ответил он. - А когда я увидел герб на самолете, я понял, что это ты. Когда же увидел тебя в полях, я не знал этого: слишком велико было расстояние, и я даже не смог отличить, женщина то была или мужчина. Если бы случай не раскрыл места, где был спрятан твой самолет, я бы пошел своим путем, Тара Гелиум. Я содрогаюсь при мысли об этом. Не будь отражения солнца от драгоценного герба на твоем самолете, прошел бы мимо.

Девушка вздрогнула.

- Тебя послали боги, - прошептала она благоговейно.

- Да, меня послали боги, Тара Гелиум, - ответил он.

- Но я не узнаю тебя, - сказала она, я пыталась вспомнить тебя, но не смогла... Как это может быть?

- В этом нет ничего странного: великая принцесса не может помнить всех простых воинов Барсума, - ответил он с улыбкой.

- Но как тебя зовут?

- Зови меня Тураном, - ответил мужчина, ему пришло в голову, что если бы Тара Гелиум узнала в нем человека, чье пылкое признание в любви разгневало ее в садах Главнокомандующего Марса, их отношения стали бы неестественными. В то же время, оставаясь в ее глазах воином, он может завоевать ее уважение своей верностью и преданностью быстрее, чем сверкающий нарядами джед Гатола.

Они уже достигли крепости, но быстрый взгляд назад обнаружил в подземном коридоре авангард преследователей - отвратительных калданов, могучих и полных сил рикоров. Быстро, как только они могли, беглецы начали подниматься по лестницам, ведущим на верхний этаж, но еще быстрее за ними бежали слуги Лууда. Чек шел впереди, держа за руку Тару и помогая ей подниматься, а Гохан из Гатола шел за ними в нескольких шагах с обнаженным мечом, так как понимал, что преследователи настигнут их раньше, чем они доберутся до самолета.

- Пусть Чек идет рядом с тобой, - сказала Тара, - и поможет тебе.

- В этих узких коридорах можно орудовать только одним мечом, - ответил гатолианин. - Поторопитесь с Чеком и взбирайтесь на палубу самолета. Держи руку на приборах и когда я буду

близко и ухвачусь за лестницу, по моему слову начинай подъем, а я взберусь на палубу по веревочной лестнице. Но если кто-нибудь из них появится в огороженном месте раньше меня, знайте, что я никогда уже не приду: тогда быстро поднимайтесь, и пусть боги наших предков пошлют вам попутный ветер и унесут к более гостеприимному народу.

Тара Гелиум покачала головой.

- Мы не покинем тебя, воин, - сказала она.

Гохан, не обращая внимания на ее ответ, отдавал распоряжения Чеку.

- Отведи ее во двор крепости. Это последняя надежда. Один я могу пробиться к самолету. Но если я не задержу преследователей, у нас не будет никаких шансов.

- Делай как я сказал!

Он говорил властно и решительно, как человек, привыкший командовать другими с рождения. Тара Гелиум была рассержена и раздосадована. Она не привыкла слушать чужие команды, но со всей своей царственной гордостью она не была глупа и знала, что воин прав, что он рисковал своей жизнью для ее спасения, поэтому она поторопилась с Чеком выполнить приказ. После первой вспышки гнева она улыбнулась, поняв, что этот воин не простой необученный солдат. Может, он не особенно искусен в обращении, но у него правдивое, храброе и верное сердце, и она с радостью простила ему невежливость его тона и манер. Но что за тон! Вспомнив о нем, она на мгновение прервала свои размышления. Рядовые воины - грубые люди. Она не привыкла выполнять чужие команды, а в тоне этого воина было что-то другое. И это другое показалось ей знакомым. Она слышала это в голосе своего прадеда Тардоса Морса, джеддака Гелиума, когда он отдавал команды, и в голосе своего деда Морса Каяка, джеда. И в голосе своего великого отца, Джона Картера, Главнокомандующего Барсума, когда он обращался к своим воинам.

Но сейчас у нее не было времени размышлять об этом, т.к. позади послышался звон оружия, и она поняла, что Туран скрестил меч с первым из преследователей. Оглянувшись, она увидела его в позиции фехтовальщика; дочь лучшего борца Барсума, она была знакома с искусством фехтования.

Она увидела неуклюжую атаку калдана и быстрый уверенный ответ воина. Увидев его могучее тело, игру его мускулов, увидев его ловкость и проворство, она поняла, что к чувству благодарности у нее примешивается восхищение, которое всегда испытывает женщина при виде мужской силы и красоты.

Трижды меч воина менял свое положение: в первый раз он отразил атаку, во второй - сделал ложный выпад, а в третий - ударил. Безжизненный калдан упал со своего рикора, а Туран быстро повернулся к следующему. Затем Чек увел Тару вверх, и поворот лестницы скрыл их от сражающихся. Ее сердце рвалось к нему, но рассудок говорил ей что она больше поможет ему, если будет в готовности ждать у приборов самолета.

IX. НАД ЧУЖИМИ ЗЕМЛЯМИ ПО ВОЛЕ СЛУЧАЯ

Вскоре Чек остановился у открытой двери и Тара увидела за ней в лунном свете двор, огороженный стенами и с лежавшими на нем безголовыми рикорами возле кормушек. Она увидела мужские тела, мускулистые как у лучших воинов ее отца, и женские тела, чьим фигурам позавидовали бы лучшие красавицы Гелиума. Ах, если бы она могла наделить их способностью к действию!

Тогда она была бы уверена в спасении воина. Но это была всего лишь груды глины: и она не в силах была вдохнуть в них жизнь. Они будут лежать здесь, пока их не призовет к действию холодный и бессердечный мозг калдана. Девушка вздохнула с сожалением и содрогнулась от отвращения, задевая неподвижные тела, лежавшие на ее пути.

Они с Чеком быстро взобрались на борт самолета, после того, как Чек отвязал его от якоря. Тара проверила приборы, поднимая и опуская корабль на несколько футов над огороженным участком. Самолет слушался управления превосходно. Тогда она вновь опустила его на землю и принялась ждать. Из открытой двери доносились звуки битвы, все более близкие. Девушка, видевшая искусство своего спасителя, теперь меньше опасалась за его жизнь. В узком коридоре на него мог напасть только один противник, действовавший в неудобной позиции. Воин мастерски владел мечом, а в сравнении с ним калданы были неуклюжими и малоподвижными. Их единственное преимущество заключалось в многочисленности, но пока они не могли окружить его.

Девушка задумалась. Если бы она сейчас видела воина, то волновалась бы гораздо больше, ибо он пренебрегал многими возможностями для отступления во двор крепости.

Он сражался спокойно, но с суровым упорством, которое не походило на чисто защитные действия. Он часто переступал через тело павшего врага и делал шаг навстречу следующему. Наконец, он остановился, вокруг него лежало пять мертвых калданов, остальные еще не подоспели. Ни калдан, ни девушка, ожидавшие его в самолете, не узнали, что он не просто боролся за свое освобождение: Гохан из Гатола мстил за оскорбление любимой женщины. Наконец он понял, что дальнейшая задержка может быть опасна для Тары, повергнув наземь очередного калдана, он повернулся и бросился наверх по лестнице, ведущей во двор. Бегущие за ним калданы скользили на покрытом кровью и мозгом калданов полу и преследователи задержались.

Гохан достиг двора в двадцати шагах перед преследователями и побежал к самолету.

- Вверх! - крикнул он девушке. - Я поднимусь по веревочной лестнице.

Маленький самолет начал медленно подниматься, пока Гохан переступал через мертвые тела рикоров, лежавших у него на пути. Первый из преследователей выбежал из крепости во двор в тот момент, когда Гохан ухватился за веревочный трап.

- Быстрее! - крикнул он девушке, - или же они стянут нас вниз...

Корабль, казалось, едва двигался, хотя в действительности он поднимался с максимальной для одноместного самолета нагрузкой - тремя людьми - скоростью. Гохан уже поднялся до уровня стен, но свободный конец якорного каната все еще был на земле. Калданы толпой выбегали из крепости во двор. Их предводитель схватил веревку.

- Скорее! - крикнул он. - Хватайтесь все и мы стащим их вниз!

Для выполнения его плана необходим был лишь вес нескольких рикоров. Корабль приостановил подъем, а затем, к ужасу девушки, она почувствовала, что он медленно опускается.

Гохан также понял опасность и необходимость немедленных действий. Держась за трап рукой, он правой выхватил из ножен меч. Ударом вниз он расколол мягкую голову калдана под ногами воина. Девушка услышала пронзительный свист своих врагов, и в то же время она поняла, что корабль поднимается вверх. Вскоре он был недосягаем для врагов, а мгновение спустя Туран перебрался через борт корабля на его палубу. Впервые за несколько недель сердце девушки наполнилось радостью и благодарностью, но первая мысль ее была о другом.

- Ты не ранен? - спросила она.

- Нет, Тара Гелиум, - ответил он. - Они были бессильны против моего меча, мне даже не угрожала настоящая опасность.

- Они могли легко убить тебя, - сказал Чек. - Их мозг так велик и развит, что они благодаря логике могли предвидеть все твои ходы и парировать все твои удары, и в то же время, они могли найти возможность нанести тебе удар в самое сердце.

- Но они этого не сделали, Чек, - возразил ему Гохан, - их теория развития неверна, и они уступают человеку с хорошо развитыми качествами. Вы развили мозг и пренебрегли телом, но нельзя руками другого делать то же, что и своими руками. Мои руки привыкли к мечу, каждая мышца немедленно отзывается на приказ, аккуратно и механически, как только в этом возникает потребность. Я отражал удары с той же легкостью и быстротой, как если бы сталь моего меча имела глаза и разум. Вы, с вашим мозгом калдана и телом рикора, никогда не сможете достигнуть такого совершенства. Развитие мозга не равноценно развитию человека.

Самые счастливые люди те, у которых уравновешено развитие мозга и тела, но даже эти люди далеки от совершенства. Абсолютное развитие совершенства означает прекращение и смерть. В природе должны быть контрасты: в ней есть и свет и тень, и счастье и горе, и правда и неправда, и добродетель и грех.

- Я всегда иначе думал, - ответил Чек, - но с тех пор, как я узнал эту женщину и тебя, представителей другой расы, я понял то, что возможны другие идеалы жизни, отличные от тех, что известны калданам. Я много думал о том состоянии, что вы называете счастьем, и понял, что вы правы, но хотя я сам не могу ощутить его. Я не могу смеяться или улыбаться. Но я испытываю удовольствие, когда эта женщина поет, и это чувство открывает передо мной удивительную перспективу красоты и удовольствий, которые страшно далеки от холодных радостей совершенного мозга. Я хотел бы родиться в твоем народе.

Подгоняемый слабым ветерком, их самолет медленно летел к северо-востоку над долиной Бантума. Внизу лежали возделанные поля, одна за другой уходили назад крепости Моака, Нолака и других королей калданых роев, населявших эту странную и ужасную землю. Каждую крепость окружало огромное пространство, заполненное рикорами, - неподвижными, безголовыми существами, прекрасными, но отвратительными.

- Это урок, - заметил Гохан, глядя на рикоров во дворе крепости, над которой они пролетали, - той, к счастью, небольшой части нашего народа, которая преклоняется перед мясом и превращает аппетит в бога. Ты знаешь их, Тара Гелиум: они

подробно расскажут тебе, чем завтракали две недели тому назад, и как приготовить филе из тота, и какое вино следует подавать к мясу зитидара.

Тара Гелиум рассмеялась.

- Но ни один из них не назовет художника, чьи произведения решением Совета Джеддаков приняты в этом году во Дворец Красоты, - сказала она. - Их развитие подобно развитию рикоров, не уравновешено.

- Счастливы те, в ком есть - хорошее и плохое, кто способен и на радость и на ненависть, те, кто терпеливо относится к другим людям. Те, кто лишены эгоизма, а не те, чей мозг преувеличенно развит и перевешивает все остальное.

Когда Гохан кончил говорить, Чек издал звук, как человек, желающий привлечь к себе внимание.

- Ты говоришь как человек, много размышлявший. Разве вам, людям красной расы, мысль доставляет удовольствие? Разве вы находите радость в размышлении? Разве разум и логика играют какую-то роль в вашей жизни?

- Конечно, - ответил Гохан, - но размышления не занимают все наше время. Ты, Чек, например, являешь образец эгоизма, о котором я говорил. Так как ты и твой народ преклоняются только перед разумом, то вы не верите, что другие люди тоже могут мыслить. Но мы не так ограничены, как вы, думающие только за себя и о себе, и о своем огромном мозге. Мы думаем и о многом другом, затрагивающем благосостояние всего мира. Если бы не красные люди, даже калданы исчезли бы с лица Барсума, вы не можете жить без воздуха которого на Барсуме давно уже не было бы в достаточном количестве, если бы красные люди не сконструировали и не построили огромные атмосферные фабрики, которые дали новую жизнь умирающему миру. Чего стоят все калданы в сравнении с этим единственным делом красной расы?

Чек был поставлен в тупик. Будучи калданом, он знал, что мозг имеет огромную силу, но он никогда не думал, что эту силу можно использовать и в практических целях. Он отвернулся и стал глядеть вниз, на землю своих предков, над которой он медленно пролетал. В какие неведомые земли? Он был настоящим богом среди безвольных рикоров, но эти двое из другой земли поставили под вопрос его превосходство. Даже несмотря на свой чрезмерный эгоизм, он начал подозревать, что эти двое покровительствуют ему, может, даже жалеют его. Он удивился происходившей с ним перемене. Больше у него не будет множества рикоров, готовых выполнить его поручения. С ним один единственный рикор, и когда он погибнет, другого не будет.

Когда рикор устанет, Чек вынужден будет беспомощно ждать, пока тот отдохнет. Он пожалел, что встретил эту красную женщину. Она принесла ему одни неприятности. Внезапно Тара Гелиум начала петь, и Чек почувствовал от этого удовольствие.

Спокойно при свете бегущих лун плыли они среди теней марсианской ночи. Рычание бенсов достигало их ушей, пока самолет не достиг границ Бантума, оставив позади эту странную и несчастную землю. Но куда их несет?

Девушка поглядела на мужчину, сидевшего скрестив ноги, на палубе крошечного судна, погрузившись в думы.

- Где мы?- спросила она.- Куда нас несет?

Туран пожал плечами.

- Звезды говорят, что мы движемся на северо-восток,- ответил он,- но где мы и куда нас пригонит ветер, я не могу даже гадать. Неделю назад я бы поклялся, что знаю, что лежит за ближайшей знакомой грядой холмов, к которым я подходил, но теперь я должен сознаться, что я не знаю, что лежит в миле от нас в любом направлении. Тара Гелиум, мы заблудились и это все, что я могу тебе сказать.

Он улыбнулся и девушка вернула ему улыбку. Какое-то знакомое выражение промелькнуло на его лице и в его улыбке. Она встречала много странствующих воинов: они приходили и уходили, вступая в схватки по всей планете, но этого она кажется, не знала.

- Из какой ты страны, Туран?- спросила вдруг она.

- Разве ты не знаешь, Тара Гелиум, что странствующий воин не имеет родины?

Сегодня он сражается под знаменем одного хозяина, завтра - другого.

- Но когда ты не воюешь, ты сохраняешь верность какой-то одной стране,- настаивала она.- Какому флагу служишь ты теперь?

Он встал и низко поклонился.

- У меня очень приятная служба. Я служу под знаменем дочери Главнокомандующего... теперь и навсегда!

Она поднялась и взяла его руку своей маленькой и коричневой рукой.

- Я принимаю твою службу,- сказала она,- я обещаю, что когда мы достигнем Гелиума, любое желание твоего сердца будет выполнено.

- Я буду служить верно, надеясь на награду,- сказал он, но Тара Гелиум не поняла истинного смысла его слов, думая, что он рассчитывает на денежную награду. Могла ли она, гордая дочь Главнокомандующего, думать, что простой воин - наемник мечтает о ее руке и сердце?

На рассвете они продолжали лететь над незнакомой местностью. Ночью ветер усилился и унес их далеко от Бантума. Страна под ними была суровой и негостеприимной. На поверхности, усеянной глубокими ущельями, не было видно воды, как нигде не было и следов растительности. Никаких признаков жизни. Казалось, здесь вообще не может существовать жизнь. У них не было ни пищи, ни воды, и они страдали от жажды и голода. Чек, по совету Турана, слез со своего рикора, уложив его в безопасности на палубе. Чем меньше он будет его использовать, тем больше сохранит. К тому же, так рикор будет меньше страдать от голода. Чек, подобно гигантскому пауку, ползал по кораблю, по палубе, под килем, под мачтами. Для него любое место казалось удобным, так как одноместный самолет с трудом вмещал троих.

Туран всегда находился впереди, пытаясь разглядеть воду. Они должны были найти воду или фабрику, производящую воду, которые давали жизнь многим засушливым районам Марса. Но здесь не было следов ни того, ни другого. Наступила третья ночь. Девушка не жаловалась, но Гохан знал, что она страдает, и у него было тяжело на сердце. Чек меньше всех страдал от голода и жажды. Он объяснил, что калданы могут долго жить без пищи и воды. Туран проклинал Чека, глядя на Тару Гелиум, с трудом передвигающуюся по палубе, тогда как калдан казался по-прежнему полным жизни.

- Бывают обстоятельства, - заметил Чек, когда большое сильное тело нужно меньше, чем высокоразвитый мозг.

Туран поглядел на него, но ничего не сказал. Тара Гелиум слабо улыбнулась.

- Не стоит упрекать его,- сказала она,- разве мы не затронули его гордость рассказами о своем превосходстве? Когда наши желудки были полны... добавила она.

Наступивший день открыл их взорам местность со следами обитания. Это оживило их надежды. Вдруг Гохан показал вдаль.

- Посмотри, Тара Гелиум!- воскликнул он радостно. - Город! - Не будь я Го... не будь я Тураном, это город!

Далеко в свете восходящего солнца, были видны купола, стены и крепости города. Воин быстро повернул руль, и самолет спустился под прикрытие вершины ближайшего к ним холма.

Туран знал, что им не следует показываться, пока они не установят - друзья или враги населяют этот город. Они находились очень далеко и вряд ли могли встретить здесь друзей, поэтому воин соблюдал максимальную осторожность. Но это был город, а там, где город, должна быть вода, даже если он покинут. Если это населенный город, то там есть и пища.

Для красного воина пища и вода, даже во враждебном городе, означали воду и еду для Тары Гелиум. Он попросит еду и воду у друзей... или добудет ее у врагов.

Туран направил самолет к вершине ближайшего холма, затем, когда их уже не могли обнаружить, мягко посадил его на землю в небольшом овраге. Корабль прочно привязали к дереву. Некоторое время они обсуждали свое положение - нужно ли ждать здесь до темноты и затем проникнуть в город в поисках воды и пищи, или приблизиться к городу сейчас и, пользуясь любыми укрытиями, выяснить, кто его населяет?

Принят был план Турана. Они подойдут к городу на безопасное расстояние. Может они найдут воду вне города, а возможно, и пищу. Если им не повезет, они дождутся ночи и тогда Туран пойдет по городу и в сравнительной безопасности поищет воду и пищу.

Идя вверх по оврагу, они достигли вершины хребта, с которого открывался прекрасный вид на ближайшую часть города. Здесь они стали наблюдать, скрываясь в ветвях большого дерева. Чек оставил своего рикора, чтобы тот меньше утомлялся.

Первый же взгляд на город, который был теперь гораздо ближе, чем когда они открыли его существование, показал, что город обитаем. У ворот двигались люди. Высокие белые стены охранялись часовыми. На крышах высоких зданий видны были женщины, проветривавшие спальные меха и шкуры. Туран смотрел на это некоторое время в молчании.

- Я не знаю их, - сказал он наконец, - Я не могу сказать, что это за город. Но это древний город. Его люди не знают ни самолетов, ни огнестрельного оружия.

- Откуда ты это знаешь? - спросила девушка.

- На крышах нет причальных мачт - не видно ни одной. Простой взгляд на Гелиум обнаружил бы их сотни. А их укрепления предназначены для защиты от копий и стрел, а не огнестрельного оружия. Это древние люди.

- Если они древние, возможно, они дружественны,- предположила девушка. - Разве будучи детьми, мы не учили, что в прошлом Марс населяла единая миролюбивая раса?

- Боюсь, что они не настолько древние, - со смехом ответил Туран. - Прошло много веков с того времени, когда Люди Барсума любили мир.

- Мой отец любит мир, - ответила девушка.

- Однако, он все время воюет, - сказал мужчина.

Она засмеялась.

- Но он говорит, что любит мир.

- Мы все любим мир, - согласился он, - но честный мир. А наши соседи не оставляют нас в мире, поэтому мы вынуждены бороться.

- А чтобы сражаться хорошо, мужчина должен любить сражаться, - добавила она.

- А если любишь сражаться, то нужно же знать, как это делать, потому что человек стремится всегда лучше узнать дело, которое любит.

- Иначе другой человек сделает это лучше его...

- Поэтому войны будут всегда, и люди всегда будут сражаться,- заключил он. - И всегда люди с горячей кровью в жилах будут упражняться в искусстве войны.

- Мы обсуждаем важный вопрос, - сказала девушка с улыбкой. - Но наши животы все еще пусты.

- Твой воин помнит о своей обязанности, принцесса, - ответил Туран. - Но как может быть иначе, если лучшая награда всегда перед его глазами.

Она опять не поняла истинного смысла его слов.

- Я иду вниз, - продолжал он,- и отберу пищу и воду у древних.

- Нет! - воскликнула она, положа на его руку свою, - еще нет! Они убьют тебя или возьмут в плен. Ты храбрый и могучий воин, но ты не можешь победить в одиночку целый город.

Она улыбнулась ему, ее рука все еще лежала на его руке. Он почувствовал, как горячая кровь бежит по жилам. Он мог бы схватить ее в объятия и прижать к себе. Здесь был только калдан, Чек, но что-то более сильное, сильнее его самого остановило воина. Кто может определить, что это было - рыцарское чувство, которое делает настоящего мужчину защитником женщины?

Из своего наблюдательного пункта они увидели отряд всадников, выехавших из ворот и поскакавших по хорошо укатанной дороге к подножию холма, с которого они смотрели на город. Воины были красные, как и они сами, и ехали на небольших оседланных тотах. Их одежда отличалась варварским великолепием, а в головных уборах было множество перьев, что являлось

обычаем древних людей. Они были вооружены мечами и длинными копьями, полуодеты, а их кожа разукрашена красной, синей и белой красками. Их было не менее двух десятков, и они представляли собой дикое и прекрасное зрелище.

- У них вид настоящих воинов,- сказал Туран. - Мне очень хочется пойти в город и попытать счастья.

Тара покачала головой.

- Подождем! Что я буду делать без тебя, если тебя возьмут в плен? Тогда и ты не сможешь получить свою награду.

- Я спасусь,- сказал он,- во всяком случае, стоит попробовать, - и он начал спускаться с холма.

- Ты не пойдешь! - властным голосом сказала девушка.

Воин вопросительно посмотрел на нее.

- Ты поступил на службу и должен повиноваться мне.

Туран вернулся с улыбкой, и сел рядом с ней.

- Слушаюсь, принцесса, - сказал он. День тянулся медленно. Чек, не любивший солнца, взобрался на рикора и перебрался ниже, в тень деревьев. Они ждали возвращения отряда, но он не вернулся. Небольшое стадо зитидаторов прогнали в город днем, затем прошел караван повозок. Он также скрылся в городе, пройдя через ворота. Наступила темнота.

Тара Гелиум разрешила своему воину отправиться на поиски воды и пищи. Уходя, он поцеловал ей руку, как воин целует руку королевы.

X. В ЛОВУШКЕ

Туран скрытый темнотой, приближался к незнакомому городу. Он сохранял слабую надежду найти воду и пищу... вне города, но если ему не удастся это сделать, он попытается пробраться в город: Таре Гелиум нужны средства к существованию и нужны немедленно. Он заметил, что стена охраняется слабо, но она очень высока и все его попытки перелезть через нее обречены на неудачу. Скрываясь за деревьями и в кустах, Туран постарался добраться до подножья холма незамеченным, молча двинулся он на север мимо входа в город, который был закрыт массивными воротами, не позволяющими ему бросить взгляд внутрь. На севере, где не было холмов, Туран надеялся найти ровное место, там могли быть возделанные поля, снабжавшие жителей города овощами и прочим, там же могла быть и вода из оросительных систем. Но сколько бы он ни шел вдоль

этой казавшейся бесконечной стены, он не видел ни полей, ни воды. Он попытался также найти способ проникнуть в город, однако и здесь его ждала неудача. Когда он шел вдоль стены, за ним следили проницательные глаза. Молчаливый наблюдатель некоторое время смотрел на него с вершины стены. Потом он спустился со стены на мостовую и быстро пошел, обгоняя чужеземца, шедшего в том же направлении, но снаружи.

Наблюдатель прошел в маленькую калитку, за которой находилось низкое строение, и перед входом в которое стоял на страже воин. Пришедший сказал несколько слов воину и вошел в здание, однако вскоре вернулся в сопровождении примерно сорока воинов. Осторожно открыв ворота, предводитель воинов пристально посмотрел вдоль стены в направлении, откуда только что пришел. Он удовлетворился, очевидно, увиденным, и отдал короткую команду окружавшим его воинам, после чего половина вместе с предводителем украдкой выскользула через ворота из города. Вблизи ворот воины замаскировались в кустах, ворота они оставили полуоткрытыми. Наступила полная тишина, но им не пришлось долго ждать. Появился Туран, осторожно пробиравшийся вдоль стены. Он подошел к самым воротам и, заметив, что они отворены, замер, прислушиваясь. Затем он взглянул внутрь. Убедившись, что никто не собирается его задерживать, он вступил через ворота в город.

Он оказался на узкой улице, шедшей рядом и параллельно стене. На противоположной стороне улицы возвышались здания незнакомой, но удивительной архитектуры. Хотя здания стояли вплотную рядом друг с другом, среди них не было двух одинаковых, а их видимые фронтоны были самой разной формы, размера и цвета. На фоне неба вырисовывались шпили, купола и минареты, высокие стройные башни, а стены были покрыты множеством балконов. В мягком свете Хлоруса, дальней луны, висевшего низко на западе, он увидел, к своему удивлению, что балконы заполнены людьми. Прямо против него на балконе были две женщины и мужчина. Они сидели, облокотившись о балконные перила, и глядели прямо на него, но если они и видели его, никто этого не показал. Туран перед лицом немедленного обнаружения колебался лишь мгновение, а затем, решив, что его примут за одного из горожан, уверенно двинулся по улице. Не имея представления, в каком направлении нужно идти, чтобы достигнуть цели своего поиска и не желая, чтобы дальнейшие колебания выдали его, он повернул налево и быстро пошел по мостовой, намереваясь уйти как можно дальше от этих ночных зрителей. Он знал, что ночь будет долгой, однако, он удивился,

почему эти люди сидели на балконах, вместо того, чтобы спать среди своих спальных шкур и шелков. Вначале он подумал, что это гости на каком-нибудь позднем празднике, но окна за их спинами были погружены в темноту и это опровергало его предположение. В дальнейшем он прошел мимо многих других групп, сидевших на балконах. Некоторые опирались о перила локтями, подбородки их были утоплены в ладонях. Другие обеими руками держались за перила, глядя вниз на улицу, некоторые держали в руках музыкальные инструменты, но пальцы их не трогали струн.

Затем Туран подошел к повороту улицы направо. Обогнув здание, пристроенное к городской стене, он оказался лицом к лицу с двумя воинами, стоявшими у входа в это здание. Невозможно было представить себе, что они его не заметили, однако никто из них не двинулся и не подал вида, что увидел его.

Он постоял в ожидании, положив руку на рукоять длинного меча, но они не пошевельнулись и не окликнули его. Может и они приняли его за горожанина? Никакое другое объяснение не подходило.

Когда Туран вошел в ворота и начал свой беспрепятственный путь по улицам города, двадцать воинов вошли в город и закрыли ворота, затем один из них взобрался на стену и поджидал Турана, если бы тот надумал вернуться, другой пошел за ним по улице, третий пересек улицу и вошел в здание на противоположной стороне.

Остальные, за исключением часового, оставшегося у входа, вернулись в здание, откуда ранее были вызваны. Это было хорошо сложенные люди, вымазанные краской. Сейчас их нагие тела были одеты лишь ночной тьмой. Говоря о чужестранце, они смеялись над ним, с какой легкостью удалось обмануть его. Продолжая смеяться, они легли на свои спальные меха и шелка, чтобы продолжить прерванный отдых. Было ясно, что это охрана ворот, у которых они спали. Было ясно, также, что город охраняется гораздо лучше, чем считал Туран, джед Гатола был огорчен, узнай он о той легкости, с которой его обманули.

Проходя по улице, Туран встретил и других часовых у входа, но никто из них не уделил ему ни малейшего внимания, никто не пошевелился, не показал, что видит его. Но Туран не мог предположить, что он проходит много раз мимо одних и тех же воинов; как только он поворачивал за угол, неподвижный часовой оживал, пересекал улицу, входил в узкий проход в стене, быстро проходил коридором, идущим в стене, выходил из стены перед Тураном и вновь занимал пост, становясь неподвижным и

ни на что не обращая внимание. Туран не знал также, что второй воин, скрываясь в тени здания, следует за ним, а третий следит за ним с вершины стены.

Так Туран в молчании шел по улицам незнакомого города, стараясь найти воду и пищу для любимой женщины. Мужчины и женщины смотрели на него с балконов, но никто не говорил ни слова.

Часовые молчали, внезапно из глубины улицы, куда он направлялся, послышался знакомый звон оружия - сигнал о приближении какого-то отряда. Одновременно Туран увидел открытую дверь справа от себя, тускло освещенную изнутри. Это была единственная возможность спрятаться от приближающихся воинов. Хотя Туран и миновал нескольких неподвижных и равнодушных часовых, он не надеялся так же легко отделаться от караула. Отряд, приближение которого он услышал, был, конечно, караул или патруль.

За дверью он обнаружил шедший направо коридор, затем коридор неожиданно свернул влево. Никого не было видно, и он осторожно дошел до второго поворота, чтобы получить укрытие от тех, идущих по улице.

И вновь перед ним был длинный, слабо освещенный коридор. Ожидая здесь, он услышал, что отряд входит в здание, кто-то шел по коридору, затем дверь, в которую он вошел, захлопнулась. Он положил руку на меч, ожидая услышать шаги преследователей. Но никого не было. Он повернулся к повороту и выглянул: коридор вплоть до запертой двери был пустым. Тот, кто закрыл дверь, остался снаружи.

Туран ждал, прислушиваясь. Не слышно было ни звука. Он подошел к двери и приложил к ней ухо. Улица снаружи молчала. Возможно, дверь закрыл сквозняк, а может, это сделал, выполняя свои обязанности, патруль, неважно. Очевидно, патруль прошел и он может вернуться на улицу продолжать свои поиски. Где-нибудь здесь должен быть фонтан, где он наберет воды, а пищу дадут связки высушенных овощей и мяса, висящие у входа в дом бедняков: таков был обычай низших классов всего Барсума. Именно такой район он и разыскивал, поэтому и хотел уйти подальше от ворот, так как понимал, что здесь не могут встретиться ему дома бедняков.

Он попытался открыть дверь, но напрасно - она была заперта снаружи. Это было непредвиденное осложнение. Туран почесал затылок.

- Счастье отвернулось от меня, - пробормотал он.

А за дверью, в обличии разрисованного воина, стояла насмешливо улыбавшаяся судьба. Искусно был обманут этот неосторожный чужеземец! Освещенная дверь, звенящий оружием патруль - все это было заранее продумано тем третьим воином, который следил за Тураном за дверью, и ничего удивительного в его улыбке не было.

Выход закрыт! Туран вернулся в коридор. Он молча и осторожно шел по нему. Время от времени попадались двери, но все они были заперты. Чем дальше он шел, тем более странным становился коридор. Закрытая дверь преградила ему путь в конце коридора, но дверь справа оказалась открытой, и он вошел в тускло освещенную комнату, в стенах которой были три других двери, и каждую из них он пробовал отворить. Двери были закрыты, одна открыта. За ней была лестница, ведущая вниз. Она была спиральной и не позволяла видеть, что делается за следующим поворотом. Дверь в коридор оставалась открытой и в нее вошел третий воин и последовал за Тураном. Слабая усмешка все время была у него на губах.

Туран вынул короткий меч и начал осторожно спускаться. В конце оказался короткий коридор, завершающийся очередной дверью. Туран приложил к ней ухо. Ни звука не доносилось до него. Тогда он попробовал открыть дверь, и она поддалась, перед ним была комната, широкая, с грязным полом. В стены уходили еще несколько дверей, все они были заперты. Пока Туран осматривался в комнате, третий воин спустился по спиральной лестнице за ним. Туран пересек комнату и подошел к одной из дверей. Она была заперта. Послышался какой-то приглушенный шум. Туран с мечом в руке вернулся в комнату к выходу, через который вошел, но и эта дверь оказалась запертой. Звук ее закрывания он и слышал только что.

С проклятием он обошел комнату и попытался открыть дверь - напрасно! Он больше не хотел красться, понимая, что обнаружен.

Всем телом он налег на эту дверь, но она была сделана из толстых досок, которые выдержали бы и удары тарана. Из-за двери послышался низкий смех.

Туран быстро осмотрел другие двери. Все они были заперты. Взгляд, брошенный в комнату, обнаружил в ней деревянный стол и скамью. В стены были вделаны толстые кольца, а к ним прикованы заржавевшие цепи - явное доказательство, для чего предназначалась эта комната. В грязном полу у стен были два или три отверстия, напоминавшие выходы из нор - несомненно жилища гигантской марсианской крысы. Туран все еще продол-

жал осматриваться, когда внезапно погас свет, и он оказался в темноте. Он нащупал стол и скамью. Поставив скамью у стены, он придвинул к ней стол и сел, держа длинный меч в полной готовности перед собой. Он не сдастся без борьбы!

Некоторое время он сидел в ожидании. Ни звука не донеслось в эту подземную темницу. Он перебирал в уме происшествия ночи - открытые и неохраняемые ворота, освещенная дверь, единственная, которая была открытой на улицах, по которым он проходил, появление воинов патруля как раз в тот момент, когда он дошел до этой двери. Коридоры и комнаты, которые вели к этой подземной тюрьме!

- Клянусь духом первого предка! - воскликнул он. - Какой же я глупец! Они просто провели меня и захватили без всякой борьбы. Но с какой целью?

Затем его мысли вернулись к девушке, что ожидала его в холмах за городом - а он никогда не придет. Он был достаточно знаком с древними обычаями Барсума. Нет, он никогда не вернется. Он улыбнулся при теплом воспоминании о словах команды, пришедших с ее прекрасных уст. Он ослушался и теперь лишился своей награды.

- Но что будет с ней? Какова ее будущая судьба? Неужели ей придется умирать от голода перед враждебным городом в присутствии только этого калдана. Другая и ужасная мысль пришла ему в голову. Девушка рассказывала ему об ужасном зрелище, свидетельницей которого она была в норах калданов. И теперь он знал, что калданы могут есть человеческое мясо. Чек голоден... Если он будет есть своего рикора, то останется беспомощным, но ведь была и другая пища для них обоих: для калдана и для рикора! Туран проклинал себя за тупость. Зачем он оставил ее? Лучше было остаться и умереть на месте с ней, всегда быть готовым защитить ее, чем оставлять на милость этого отвратительного бантумианца.

Вдруг Туран ощутил в воздухе тяжелый запах. Его охватила слабость. Он пытался бороться с этим чувством, но даже не смог встать на ноги. Пришлось вновь опуститься на скамью. Пальцы, державшие меч, разжались и он склонился над столом, положив голову на руки.

По мере того, как проходила ночь, и Туран не возвращался, Тара Гелиум все больше и больше беспокоилась. Когда наступил рассвет, она поняла, что с воином что-то случилось, что-то большее, чем опасение за свою судьбу вызвало у нее печаль, беспокойство и чувство одиночества, она поняла, что нуждалась не только в защите этого воина, но и в его обществе. Она его

потеряла, а потеряв, поняла, что он значил для нее больше, чем просто наемный солдат. Такое чувство испытываешь, когда теряешь старого и верного друга. Она поднялась со своего места, чтобы получше разглядеть город.

У-Дор, двар восьмого утана О-Тара, джеддака Манатора, возвращался этим ранним утром из короткой поездки в соседнее поселение. Когда он проезжал мимо холмов с южной стороны города, его внимание привлекло слабое движение в кустарнике на вершине ближайшего холма. Он остановил своего тота и присмотрелся внимательнее. В кустах он заметил человека, разглядывавшего Манатор.

- За мной! - скомандовал он сопровождавшим его воинам и быстрым галопом поскакал вверх. За ним бесшумно следовало его двадцать воинов. Тара Гелиум услышала звон оружия и оглянулась. Она увидела, что к ней приближается два десятка воинов с копьями наперевес.

Она взглянула на Чека. Что будет делать это паукообразное существо? Она увидела, что Чек ползет к своему рикору. Рикор встал, его прекрасное тело вновь было полно жизни. Она подумала, что калдан готовится к бегству. Что ж, для нее это не имело значения. Против тех, кто поднимался по холму, единственный посредственный боец, каким был Чек, вряд ли мог ее защитить.

- Быстрее, Чек, - сказала девушка, видя, что он намерен ее защитить. - Что можно сделать одним мечом против целого отряда?

- Можно умереть в бою, - ответил калдан. - Ты и твой воин спасли меня от Лууда и я думаю, что Туран защищал бы тебя!

- Это смелый, но бесполезный поступок, - ответила она. - Спрячь свой меч, может они не собираются причинять нам вреда?

Чек опустил конец меча, но не спрятал его в ножны, и так они стояли в ожидании, пока У-Дор не остановил перед ними своего тота, а двадцать воинов образовали вокруг них неправильный круг.

Несколько долгих минут У-Дор молчал, внимательно разглядывая вначале Тару Гелиум, а затем ее спутника.

- Что вы за люди? - спросил он вдруг. - И что вы делаете перед воротами Манатора?

- Мы из далекой страны, - ответила девушка - мы заблудились и голодны. Мы просим только пищи, отдыха и еще продолжить свои поиски пути домой.

У-Дор свирепо усмехнулся.

- Манатор не знает никаких других стран в мире, - сказал он. - В истории Манатора не было случаев, чтобы незнакомцы, пришедшие сюда, покидали наш город.

- Но я принцесса! - надменно воскликнула девушка. - И моя страна не воюет с твоей. Ты должен помочь мне и моим товарищам вернуться домой. Таков закон Барсума.

- Манатор знает только законы Манатора! - ответил У-Дор, - но идем. Ты пойдешь с нами в город. Ты прекрасна и тебе ничего не будет. Я сам защищу тебя, если позволит О-Тар. А что касается твоего спутника, то... но, погоди! Ты сказала "товарищи", где же остальные?

- Ты сам все видишь, - надменно сказала Тара.

- Пусть будет так, - сказал У-Дор. - Если есть другие, они не спасутся. Но вот если твой спутник искусен в битвах, он будет жить. - О-Тар справедлив, и справедливость - закон Манатора. Пойдем!

Чек колебался.

- Бесполезно, - сказала она, видя, что он все еще намерен бороться. - Пойдем с ними. Зачем напрасно проливать кровь? Мы можем спастись. Разве твой мозг не придумает выхода? - быстрым шепотом говорила она.

- Ты права, Тара Гелиум, - ответил он и спрятал меч в ножны.

И они пошли вниз по холму к воротам Манатора из Бантума, а окружили их суровые раскрашенные воины У-Дора, двара восьмого Утана О-Тары, джеддака Манатора.

XI. ВЫБОР ТАРЫ

Восходящее солнце Барсума окружило Манатор сверкающим ореолом, когда девушка в сопровождении стражи входила в город через ворота врагов. Здесь стена была в пятьдесят футов толщиной и по сторонам прохода были сделаны длинные параллельные полки от пола до потолка. На этих полках или длинных горизонтальных нишах стояли ряд за рядом маленькие фигурки, похожие на крошечных уродливых людей, их длинные черные волосы спускались до ног и иногда опускались на нижнюю полку. Фигуры были не более фута в высоту и напоминали мумифицированные тела людей. Девушка заметила, что когда они проходили в проходе, воины приветствовали фигурки поднятием

копий, как обычно на Барсуме отдают военные почести. Затем они вышли на улицу, которая широкой и прямой лентой проходила к центру города на восток.

По сторонам возвышались большие, причудливо расписанные здания. Фрески, прекрасные и, очевидно, древние, покрывали стены, их краски выцвели от солнца за прошедшие столетия. На мостовой бурлила жизнь проснувшегося города. Женщины в бриллиантовых украшениях, украшенные перьями воины, чьи тела были расписаны красками, тоже вооруженные, но раскрашенные менее ярко - все готовилось исполнять свои дневные обязанности. Большой зитидар, великолепный в своей роскошной упряжи, провез карету по каменной мостовой в ворота врагов. Жизнь, яркие краски, красота - все это наполняло удивлением Тару Гелиум и восхищением. Таковы были города основоположников ее расы, перед тем, как Тро Ксеус, величайший из океанов, исчез с лица планеты. А с обеих сторон улицы, с балконов, в молчании смотрели на сцены внизу мужчины и женщины.

Люди на улицах рассматривали пленников, особенно Чека, задавали вопросы страже и обсуждали ответы, но зрители на балконах молчали, никто из них даже не повернул головы. На каждом здании было множество балконов и на каждом была молчаливая группа богато одетых мужчин и женщин. А кое-где среди них были видны и дети. Но даже дети сохраняли общую неподвижность в молчании.

Дойдя до центра города, девушка увидела, что даже крыши были покрыты этими равнодушными зрителями, богато и пестро одетыми, как будто находившимися на веселом празднике. Но смех не слетал с их молчаливых губ и не раздавалась музыка, хотя многие из них держали в покрытых драгоценностями пальцах струны музыкальных инструментов.

Улица расширилась и превратилась в огромную площадь, на дальнем конце которой возвышалось стройное здание, сверкающее белым мрамором среди других пестрых зданий, окружавших его. Перед ним были разноцветные, преимущественно алые, цветники и кустарники. К этому зданию У-Дор и привел пленников. Они оказались перед большим покрытым аркой входом, охраняемым линией из пятидесяти всадников. Когда командир отряда узнал У-Дора, всадники расступились, образовав широкий проход, через который прошел отряд. Прямо за входом оказался широкий пандус ведущий наверх. У-Дор повернул налево и провел их на второй этаж здания, а затем двинулся по длинному коридору. Им встретились несколько всадников, а в боковых

помещениях виднелось их множество. На некотором расстоянии в стороны отходили другие пандусы, ведущие вверх или вниз. Мимо проскакал воин, торопившийся выполнить чье-то поручение.

До сих пор Тара Гелиум не встретила в этом здании ни одного пешехода, однако на третьем этаже, куда привел их У-Дор, в боковых помещениях было множество расседланных тотов, а спешившиеся всадники сидели, развалясь, и упражнялись фехтовании или играли в джетан. Затем они оказались в длинном широком зале, так роскошно украшенном, что даже принцесса могучего Гелиума ничего подобного не видела. Потолок зала в нише арок сверкал от бесчисленного количества сосудов с радием. Могучие пролеты арок шли от стены к стене, оживляя широкий проход, посередине которого была единственная колонна. Арки были сделаны из больших квадратных блоков белого мрамора. Потолок между арками был усеян радиевыми шарами разукрашенными камнями. Сверкание краски и красота наполняли все помещение. Сверху стены были украшены неровной каймой пышных драпировок. Мраморные стены на высоту в пять-семь футов от пола были выложены чистым золотом. Пол так же был мраморным с щедрыми золотыми инкрустациями. Этот зал один украшен большим количеством сокровищ, чем их имеет целый город.

Но внимание девушки больше, чем роскошь украшений, привлекли ряды великолепно вооруженных воинов, сидевших верхом на тотах в полном молчании и неподвижности с обеих сторон от центрального прохода. Когда отряд проходил между ними, девушка не заметила даже мигания глаз или дрожания уха тота.

- Зал вождей, - прошептал один из воинов, очевидно, заметив ее интерес. В его голосе были нотки гордости и благоговения. Через высокую дверь они прошли в соседнюю комнату, большой квадратный зал, где в седлах развалились десятка полтора вооруженных всадников.

Когда У-Дор и его отряд вошли в комнату, воины быстро выпрямились в седлах и образовали линию перед дверью в противоположной стене. Надвар, командовавший ими, приветствовал У-Дора, который со своим отрядом остановился перед линией всадников.

- Пошли кого-нибудь к О-Тару известить, что У-Дор привел двух пленников, - сказал У-Дор надвару, - одну за исключительную красоту, другого - за исключительное безобразие.

- О-Тар совещается с вождями, - ответил лейтенант, - но слова надвара О-Тару передадут, - и он отдал приказание одному из воинов.

- Что за существо этот мужчина? - спросил он у У-Дора. - Не может быть, чтобы они оба принадлежали к одной расе.

- Они были вместе на холмах к югу от города, - объяснил У-Дор, - и она сказала, что они заблудились и голодны.

- Женщина прекрасна, - сказал надвар. - Она недолго будет ждать убежища в Манаторе, - и они принялись говорить о других делах: о строительстве дворца, об экспедиции У-Дора, пока не вернулся воин и не передал приказ О-Тара - привести пленников к нему.

Они прошли через массивную дверь и оказались в большом зале Советов О-Тара, императора Манатора. Центральный проход, размерами с большой зал, вел к мраморным ступеням возвышения, на котором в большом троне сидел человек. С обеих сторон от прохода были ряды высоких кресел, сделанных из твердого дерева исключительной красоты. Только несколько из этих кресел вблизи трона были заняты.

Войдя в зал, У-Дор спешился и в сопровождении четырех воинов повел пленников к подножию трона. Когда они остановились у мраморных ступеней, гордый взгляд Тары Гелиум остановился на фигуре человека на троне. Он сидел прямо, но не одеревенело, с царственной осанкой, которую так любили вожди Барсума. Это был человек большого роста, красивые черты лица которого портило высокомерное выражение его холодных глаз, и впечатление жесткости, шедшее от узких губ. Не требовалось внимательного наблюдения, чтобы понять, что это действительно повелитель людей - могучий джеддак, перед которым его люди преклоняются, но которого не любят, и из-за чьего взгляда воины соревнуются, идя на борьбу и смерть. Это был О-Тар, джеддак Манатора, и когда Тара Гелиум впервые увидела его, она не могла сдержать восхищения перед этим человеком, воплощавшим собой древнего бога войны.

У-Дор и джеддак обменялись приветствиями, принятыми на всем Барсуме, а затем двар подробно рассказал, как были обнаружены и схвачены пленники. Во время рассказа У-Дора О-Тар пристально рассматривал их обоих, его непроницаемое лицо не выдавало мыслей, возникавших в его мозгу. Когда офицер кончил, джеддак устремил пристальный взгляд на Чека.

- Из какого ты народа? - спросил он. - Из какой страны? Почему ты в Манаторе?

- Я калдан, - сказал Чек, - высшее достижение разума на Барсуме. Я - мозг, а вы все - материя. Я пришел из Бантума. Я потому здесь, что мы заблудились и голодны.

- А ты? - О-Тар внезапно повернулся к Таре Гелиум. - Ты тоже калдан.

- Я принцесса Гелиума, - ответила девушка. - Я была пленницей в Бантуме. Вот этот калдан и воин моей расы освободили меня. Воин ушел на поиски пищи и воды. Несомненно, он в руках твоих людей. Я прошу его освободить, дать нам воды и пищи и возможность продолжать наш путь на родину. Я внучка джеддака, дочь джеддака джеддаков, Главнокомандующего Барсума. Я прошу лишь того же, что мой народ дал бы тебе и твоим людям.

- Гелиум, - повторил О-Тар, - я ничего не знаю о Гелиуме. Не джеддак Гелиума правит Манатором. О-Тар - джеддак Манатора. Ты никогда не видела женщину или мужчину Манатора в плену в Гелиуме. Почему же я должен заботиться о людях другого джеддака? Это его обязанность. Коли он не может сделать этого, то значит, он слаб, а его люди должны перейти под власть более сильного. Я, О-Тар, силен. Я беру вас. Этот, - он указал на Чека, - он может сражаться?

- Он храбр, - сказала Тара Гелиум, - но не так искусен в обращении с оружием, как воины моего народа.

- Больше никто не может сражаться за тебя? - спросил О-Тар. - Мы справедливый народ, - продолжал он, не ожидая ответа, - и если кто-нибудь будет сражаться за тебя, он может выиграть свободу для себя и для тебя.

- Но У-Дор сказал, что еще ни один чужестранец не покинул Манатора, - ответила она.

О-Тар пожал плечами.

- Это не уменьшает справедливости законов Манатора, - ответил О-Тар, - но скорее свидетельствует о непобедимости его воинов. Если кто-нибудь сможет победить наших воинов, он заслужит полную свободу.

- Если вы приведете моего воина, - надменно сказала Тара, - вы увидете искусство владения мечом, какого никогда не видели разрушающиеся от старости стены вашего умирающего города. Если в твоем предложении нет обмана, мы скоро будем свободны.

О-Тар улыбнулся шире, чем раньше. У-Дор тоже улыбнулся, вожди и воины смеялись и подталкивали друг друга локтями, перешептываясь.

Тара Гелиум поняла, что в их справедливости кроется какая-то хитрость. Но хотя ее положение казалось безнадежным, она не теряла надежды. Разве не была она дочерью Джона Картера, Главнокомандующего Барсума, чей известный вызов судьбе: "Я все еще жива!" оставался для нее единственной защитой от отчаяния? При мысли о своем доблестном отце подбородок Тары Гелиум вздернулся еще выше. О, если бы он знал, где она - не было бы причин ничего бояться! Гости из Гелиума были бы уже у ворот Манатора. Огромные зеленые воины, дикие союзники Джона Картера, пришедшие со дна мертвого моря, стремились бы к грабежу и большой добыче, корабли Гелиума нависли бы над беззащитными куполами и башнями города. Только капитуляция и богатая дань спасли бы Манатор.

Но Джон Картер не знал! Здесь был только один человек, на которого она могла надеяться - Туран, ее воин. Но где же он? Она видела его меч в бою и поняла, что он управляется искусной рукой. А кто мог знать искусство фехтования лучше Тары Гелиум, которая изучала его под руководством самого Джона Картера? Приемы, которые она знала, могли защитить ее от самого сильного противника, а способы атаки вызывали бы зависть у самого искусного бойца. Однако, мысли ее обратились к Турану не только потому, что она рассчитывала на его защиту и искусство фехтования. С тех пор, как он оставил ее в поисках пищи и воды, она поняла, что между ними возникла дружба. Что-то произошло между ними такое, что уничтожало пропасть в их положении. Потеряв его, она поняла, что он не просто воин, а она - принцесса, - они товарищи. Она поняла, что сожалеет не о его мече, а о нем самом. Она вновь повернулась к О-Тару.

- Где Туран, мой воин? - спросила она.

- Ты не будешь испытывать недостатка в воинах, - ответил джеддак. - Из-за твоей красоты многие захотят бороться за тебя. Может, и сам джеддак Манатора защитит тебя. Ты нравишься мне, женщина. Что ты мне скажешь о такой чести?

Сощурившись, принцесса Гелиума презрительно оглядела джеддака Манатора от украшенной перьями головы до сандалий на ногах, затем вновь с ног до головы.

- Честь?! - передразнила она его. - И я нравлюсь тебе? Знай, нахал, что ты мне не нравишься, дочь Джона Картера не для таких, как ты!

Внезапная напряженная тишина воцарилась в зале Совета. Кровь медленно отхлынула с сурового лица О-Тара, джеддака Манатора, затем он покраснел от гнева. Его глаза сузились в две

щелки, губы изогнулись в кровожадной усмешке. В тронном зале Дворца долго царило молчание. Затем джеддак повернулся к У-Дору.

- Уведите ее, - указал он ровным голосом, подавив свой гнев. - И на ближайших играх пленники разыграют ее с простым воином в джетан.

- А этого? - спросил У-Дор, указывая на Чека.

- В тюрьму до следующих игр, - ответил О-Тар.

- Так вот какова твоя справедливость? - воскликнула Тара Гелиум, - два чужестранца, не причинившие тебе никакого вреда, осуждены без суда. И один из них - женщина. Нахалы Манатора столь же справедливы, как и храбры!

- Прочь! - крикнул О-Тар, и по его знаку воины окружили пленников и вывели их из помещения.

После выхода из дворца Чека и Тару Гелиум разлучили. Девушку повели по длинной улице к центру города и в конце концов привели в низкое здание, увенчанное очень высокой и прочной башней. Здесь ее подвели к воину со знаками различия двара, или капитана.

- По приказу О-Тара, - обратился к нему У-Дор, - ее нужно содержать до ближайших игр, когда пленники и простые воины разыграют ее. Если бы не язык тота, она была бы желанным призом и для нашей гордой стали, - и У-Дор вздохнул. - Может даже я выиграл бы ее. Жаль, что такая достанется какому-нибудь грубому воину. Я бы возвысил ее до себя.

- Если я пленница, то отведите меня в тюрьму, - сказала девушка. - Я не желаю слушать каждого грубияна, восхищающегося мной.

- Видишь, А-Кор, - воскликнул У-Дор, - какой у нее язык? Так, и даже хуже, говорила она и с О-Таром, джеддаком.

- Вижу, - ответил А-Кор, который, как заметила Тара, с трудом удерживал улыбку... Пойдем со мной женщина, - сказал он. - И мы найдем безопасное место в крепости Джетан. Но что с тобой?

Девушка пошатнулась и упала бы, если бы он не подхватил ее на руки. Она попыталась освободиться и устоять без поддержки. А-Кор взглянул на У-Дора.

- Ты знал, что эта женщина больна? - поинтересовался он.

- Возможно это от голода, - ответил тот на это. - Я вспомнил она говорила, что они не ели несколько дней.

- Храбры воины О-Тара, - усмехнулся А-Кор и добавил, - щедро их гостеприимство.

- У-Дор, чьи богатства неисчислимы, и доблестный О-Тар, тоты которого едят из золотых кормушек не нашли сухой корки голодной девушке!

У-Дор нахмурился.

- Твой язык может стоить тебе головы, сын рабыни! - воскликнул он. - Слишком часто испытываешь терпение справедливого О-Тара! Закрой свой рот так же, как и свою крепость.

- Не думай, что упоминая о происхождении моей матери, ты насмехаешься надо мной, - сказал А-Кор. - Кровь рабыни наполняет меня гордостью, и мой единственый позор в том, что я сын джеддака.

- И О-Тар слышал это? - спросил У-Дор.

- О-Тар часто слышал это из моих собственных уст, - ответил А-Кор. - Это, и не только это...

Он повернулся, все еще поддерживая Тару Гелиум за талию, и повел ее в крепость Джетан, в то время как У-Дор повернул тота и галопом поскакал ко дворцу.

У главного входа в крепость Джетан сидели и лежали с полдюжины воинов. К одному из них и обратился А-Кор, хранитель крепости.

- Сходи за Лан-О девушкой-рабыней и прикажи ей принести еду и питье на верхний этаж.

Затем он повел девушку, повисшую у него на руках, по спиральной лестнице вверх. Во время подъема Тара окончательно потеряла сознание. Когда она пришла в себя, то оказалась в большой круглой комнате, в каменных стенах которой было несколько окон, расположенных по кругу на равных расстояниях друг от друга. Она лежала на груде спальных мехов и шелков, а над ней склонилась молодая женщина, пытавшаяся ей влить в рот какой-то холодный напиток. Тара Гелиум привстала, опираясь на локоть и огляделась. В первое мгновение она как бы забыла о происшествиях последних недель. Ей показалось, что она проснулась во дворце Главнокомандующего в Гелиуме. Ее недоуменный взгляд остановился на склоненном над нею незнакомом лице.

- Кто ты? - спросила она. - А где Утна?

- Я Лан-О, рабыня, - ответила девушка. - Я не знаю, кого зовут Утна.

Тара Гелиум выпрямилась и еще раз огляделась. Грубые каменные стены ничем не напоминали мрамор залов ее отца.

- Где я? - спросила она.

- В крепости Джетан, - ответила девушка, добавив, видя, что Тара ее не понимает. - Ты пленница, в крепости Джетан Манатора.. А-Кор, двар этой крепости, принес тебя сюда без памяти. Он послал меня к тебе с пищей и водой. У А-Кора доброе сердце.

- Теперь я вспомнила, - медленно сказала Тара, - я вспомнила, но где же Туран мой воин? Они говорили о нем?

- Я ничего не слышала о нем, - ответила Лан-О, - только тебя одну привели в крепость. Ты, должно быть, счастливая, ибо нет в Манаторе человека, добрее А-Кора. Кровь матери делает его таким. Она была рабыней из Гатола.

- Гатол! - воскликнула Тара Гелиум - Гатол близко от Манатора?

- Не очень, но это ближайшая к нему из стран. - ответила Лан-О. - Она лежит в двадцати градусах к востоку.*

- Гатол? - пробормотала Тара - Далекий Гатол!

- Но ты сама не из Гатола, - сказала рабыня. - У гатолианцев другая одежда.

- Я из Гелиума, - сказала Тара.

- Гелиум далеко от Гатола, - сказала рабыня, - но в школе мы узнали о могучем Гелиуме. Мы - гатолиане, и поэтому он не кажется нам далеким.

- Ты тоже из Гатола? - спросила Тара.

- Большинство рабов Манатора родом из Гатола - ответила девушка-рабыня. - Гатол - ближайшая страна, и жители Манатора там захватывают рабов. Они собираются в огромных количествах один раз в период от трех до семи лет и перекрывают все дороги, ведущие в Гатол. Все караваны, которые выходят из Гатола, они перехватывают и никто не может вернуться назад и рассказать о нашей судьбе. И до сих пор никто не смог рассказать это Гохану, нашему джеду.

Тара Гелиум ела медленно и в молчании. Слова девушки пробудили в ней воспоминания о последних часах, проведенных во дворце отца, о большом празднике, на котором она встретила Гохана из Гатола. Даже теперь она вспыхнула, вспомнив его дерзкие слова.

Пока она сидела в задумчивости, дверь отворилась и вошел толстый воин - неповоротливый мужчина с толстыми губами и злым хитрым лицом. Рабыня вскочила на ноги, глядя на него.

- Что это значит Э-Мэд? - воскликнула она. - Разве А-Кор не приказал, чтобы эту женщину не беспокоили?

---

* Примерно восемьсот четырнадцать земных миль.

- А-Кор приказал! - и мужчина рассмеялся зло. - Приказы А-Кора теперь не имеют силы в крепости Джетан или где-нибудь еще, потому что сам А-Кор в тюрьме О-Тара, а двар этой крепости теперь Э-Мед.

Тара Гелиум увидела побледневшее лицо и ужас в глазах рабыни.

XII. ЧЕК ОТКАЛЫВАЕТ ШУТКИ

Когда Тара Гелиум ушла в крепость Джетан, Чек под конвоем был отправлен в тюрьму под дворцом, где его поместили в слабо освещенной комнате. Здесь он обнаружил скамью, стол у стены, в стены были вделаны несколько колец со свисающими с них короткими ремнями. В грязном полу у основания стен было несколько отверстий. Это было единственное, что заинтересовало Чека. Чек сел на скамью и ждал в молчании, прислушиваясь. Неожиданно свет погас. Чек обязательно бы засмеялся, если бы был способен на это, так как в темноте он видел даже лучше, чем при свете. Он продолжал в темноте следить за отверстиями у стен и ждать. Вдруг он почувствовал, что воздух в комнате изменился, стал тяжелее и приобрел странный запах. И вновь Чек улыбнулся бы, если бы он мог. Пусть они даже весь воздух из комнаты выкачают, для него это все равно: Чек, калдан не имел легких и не нуждался в воздухе. Другое дело рикор. Лишенный воздуха, он умрет. Но если сохранить хоть немного воздуха, это не отразится на безголовом, лишенном мозга, рикоре. Пока избыток двуокиси углерода в крови не прекратит работу сердца, рикор будет испытывать только некоторое замедление жизнедеятельности. Но немедленно вернется к активности, пробужденный мозгом калдана. Чек заставил рикора сесть, прижимаясь к стене; в такой позе он мог сидеть без управления мозгом. Затем калдан прекратил контакт со спинным мозгом рикора, однако оставался у него на плечах, выжидал: подозрительность калдана была возбуждена. Ему не пришлось долго ждать. Свет вновь зажегся, одна из дверей отворилась, пропустив с полдюжины воинов. Они быстро приблизились к нему и принялись за дело. Сначала они сняли с него все оружие, надев затем кандалы на лодыжку рикора, приковали его к концу цепи, свисавшей со стены. Затем они перетащили длинный стол на другое место и привинтили его к полу, так что один конец

стола оказался прямо перед пленником, на стол перед ним они поставили пищу и воду, а на противоположном конце стола положили ключ от кандалов, затем раскрыли все двери и ушли.

Придя в себя, Туран ощутил острую боль в руке. Действие газа прекратилось так же быстро, как и началось, так что, открыв глаза, он полностью владел своими чувствами. Лампы вновь горели, и в их свете он увидел на столе гигантскую марсианскую крысу, грызущую его руку. Отдернув руку, он потянулся за коротким мечом, в то время, как крыса вновь пыталась укусить его. И тут Туран обнаружил, что все его оружие исчезло - и короткий меч и длинный, и кинжал и пистолет. Крыса вновь прыгнула на него, и Туран быстро отступил назад, чтобы избежать ее клыков. Что-то внезапно потянуло его за правую лодыжку и ему пришлось переступить левой ногой, чтобы вернуть утраченное равновесие, наступив при этом ногой на туго натянутую цепь, он тяжело упал на пол. Крыса прыгнула ему на грудь, пытаясь достать горло.

Марсианская крыса - свирепый и кровожадный зверь. Она многолапа и безволоса. Ее шкура отвратительная и напоминает кожу новорожденной мыши. По размерам и носу ее можно сравнить с большим эрдель-терьером. Глаза у нее маленькие и глубоко посаженные. Самое опасное ее оружие - челюсти из крепкой кости, выдающиеся вперед на несколько дюймов. Сверху и снизу в них по пять острых, напоминающих по форме лопату, клыков. Эти клыки придают морде животного выражение свирепой ухмылки. Именно такое животное прыгнуло на грудь воину, пытаясь перегрызть ему горло. Дважды Туран отбрасывал его прочь, пытаясь при этом встать на ноги, и дважды животное возобновляло нападение. Его единственным орудием были челюсти, так как широкие, скошенные назад лапы, были вооружены тупыми когтями. Своими выступающими клыками крыса роет подземные ходы и норы, а широкими лапами отбрасывает землю назад. Турану нужно было только уберечься от ее клыков, и это ему удавалось делать до тех пор, пока он не ухватил зверя за горло. После этого все быстро кончилось. Наконец, встав на ноги, он с отвращением отбросил прочь мертвую крысу. Теперь он принялся впервые после прихода в себя рассматривать изменения, происшедшие в комнате. Он с трудом сообразил, что же произошло. Его усыпили и отобрали оружие, а когда он встал, то понял, что одна из его лодыжек прикована цепью к стене. Он осмотрелся. Все двери были широко открыты. Его тюремщики

делали более невыносимым его заключение, оставляя перед ним, казалось бы такие близкие выходы на свободу. На ближнем конце стола, легко доступные, стояли пища и вода. При виде пищи, его пустой желудок, казалось, громко закричал. Это было трудно себе представить, ибо обычно Туран был весьма умерен в еде и питье.

Пока он ел, глаза его не переставали ни на минуту оглядывать границы тюрьмы. Вдруг он заметил, что на противоположном конце стола что-то лежит. Это был ключ. Подняв закованную лодыжку, он осмотрел замок на кандалах. Не могло быть сомнения! Это был ключ от замка на его кандалах. Беспечный воин забыл его здесь. Надежда вновь вспыхнула в груди Гохана из Гатола или Турана. Он украдкой взглянул в открытые двери. Никого не было. О, если бы он вырвался на свободу! Он бы выбрался из этого проклятого города и никогда больше не расставался с НЕЙ, защищая ее от всех бед, если понадобится, даже ценой своей жизни.

Он встал и осторожно двинулся к противоположному концу стола, где лежал ключ. Прикованная нога остановила его и он вытянулся на всю длину стола, протянув пальцы к своей желанной цели. Пальцы были уже рядом с ключом - еще немного и он схватит его. Он вытягивался изо всех сил, но ключ все лежал недосягаемый... Он продолжал свои попытки. Кандалы глубоко врезались ему в ногу, но все было напрасно. Он вновь сел на скамью, и, глядя на раскрытые двери и ключ, понял, что все это было частью хорошо продуманной изощренной пытки, которая должна была деморализовать пленника, не подвергая его физическим страданиям. Вначале воин пустился в бесполезные сожаления и проклятия, затем собрался с духом, нахмурился и вернулся к прерванной еде. В конце концов, он не даст им удовольствия понять, как глубоко они ранили его. Во время еды ему пришло в голову, что можно попробовать подвинуть стол к себе, тем самым приблизить ключ, но затем он увидел, что стол прикреплен к полу во время его беспамятства. Гохан вновь усмехнулся, пожав плечами, и принялся за еду.

Когда воины вышли из камеры, куда заключили Чека, калдан сполз с плеч рикора и перебрался на стол. Здесь он немного поел и направил руку рикора к еде и питью, и безголовое существо с жадностью набросилось на них. А Чек тем временем, подобно пауку, прополз к противоположному концу стола, где лежал ключ от кандалов. Взяв его челюстью, он спустился на

пол и быстро пополз к одному из отверстий в полу... Некоторое время он изучал это отверстие. Оно соответствовало его вкусам калдана. Это было удобное место для ключа, кроме того, здесь, видимо, было логово единственной пищи, которой был способен наслаждаться калдан - мяса и крови. Чек никогда не видел ульсио, так как это гигантская марсианская крыса давно исчезла в Бантуме - на нее усиленно охотились калданы, но Чек унаследовал, не отдавая себе в этом отчета каждое воспоминание каждого из своих предков, поэтому он знал, что ульсио живет в таких норах, что ульсио годится в пищу, знал также и то, как выглядит ульсио, каковы его привычки, хотя никогда не видел ни ее самое, ни ее изображения. Когда мы разводим животных, мы стараемся выработать у них нужные нам свойства. Точно так же, развивая свой мозг, калданы передали по наследству свои знания, опыт потомкам. Несомненно, и в нашем сознании скрываются впечатления и знания наших далеких предков. Они спят в нашем сознании, и у нас возникает смутное представление о какой-то там прошлой жизни. О, если бы мы могли оживить эти воспоминания! Перед нами раскрылись бы картины прошлого. Мы бы, может, посетили сады Господа, в которых наши далекие предки жили до грехопадения. Чек углубился в нору и по крутому спуску спустился на десять футов. Здесь он оказался в восхитительной прекрасно выделанной сети подземных ходов. Калдан приободрился. Здесь была настоящая жизнь! Он быстро и бесстрастно двигался к своей цели, как вы, например, входите в кухню в своей квартире. Его цель лежала в углублении сферической камеры в одном из проходов. Здесь, в гнезде из обрывков меха и ткани лежали шесть детенышей ульсио. Когда их мать вернулась, там было только пять детенышей и существо, похожее на большого паука. Она немедленно бросилась в атаку на пришельца, и была встречена челюстями, которые перехватили ее так, что крыса не могла двигаться. Челюсти медленно подтянули горло зверя к отвратительному рту калдана, и через мгновение крыса была мертва. Чек мог бы долго оставаться в гнезде, так как здесь хватило бы пищи на много дней, но он не стал делать этого. Наоборот он принялся исследовать норы. Он проникал во множество остроумно устроенных ловушек, нашел отравленную пищу и другие признаки постоянной и безуспешной борьбы, которую вели жители Манатора с этими отвратительными созданиями, населявшими подвалы их домов и общественных зданий. Он обнаружил не только огромный размах этих подземных ходов, которые пронизывали каждый район города, но и глубокую древность большинства из них.

Тонны и тонны почвы должны были быть перемещены, и он долгое время недоумевал, куда же она делась, пока один из шедших вниз туннелей большой ширины и длины не привел его к месту, где был слышен рокот подземного водопада. Вскоре он уже был на берегу большой подземной реки, уходившей далеко к центру планеты, где она, несомненно, впадала в подземный Океан. В эту стремительную реку бесчисленные поколения ульсио сбрасывали землю, которую они выкапывали во время строительства своих обширных лабиринтов. Лишь не надолго задержался Чек у подземной реки. Его, на первый взгляд, бессмысленные поиски на самом деле направлялись на поиски определенной цели, и эту цель он преследовал с энергией и целеустремленностью отчаяния. Он исследовал множество ходов, кончавшихся подземными камерами или другими помещениями, он осматривал их из безопасной глубины нор, пока не убеждался что того, что он ищет, здесь нет. Он быстро передвигался на своих паучьих лапах и за короткое время покрыл значительное расстояние.

Его поиски не увенчались успехом, и он решил вернуться в тюрьму к своему прикованному рикору и посмотреть, не нужно ли ему помочь. Дойдя до конца прохода, кончавшегося в этой камере, он замедлил шаги свои у самого выхода из норы: отсюда он вполне в безопасности мог рассмотреть, что делается в камере. Он увидел, что в раскрытой двери появилась фигура воина. Рикор сидел навалившись на стол, его руки медленно двигались в поисках пищи. Чек увидел, как воин взглянул на рикора, его глаза широко раскрылись и пепельная бледность сменила бронзовый цвет кожи. Воин отступил назад, как будто его ударили в лицо, парализованный страхом он стоял так несколько мгновений, затем приглушенно крикнул, повернулся и побежал. Как жаль, что калдан Чек не мог смеяться!

Быстро войдя в комнату, он подполз к столу, взобрался на плечи рикора и принялся ждать. Можно было подумать, что у Чека, не умевшего даже улыбаться, появилось чувство юмора. Около получаса просидел он так, затем до него донесся звук шагов, приближавшихся по каменному полу коридора. Он услышал звон оружия, задевавшего за стены, и понял, что эти люди торопятся. Но перед входом в его камеру они остановились и пошли медленнее. Впереди был офицер, а за ним, по-прежнему с широко раскрытыми глазами, шел немного ошеломленный воин, который убежал в такой панике. Войдя в комнату, они остановились и офицер взглянул на воина. Пальцем он указал на Чека.

- Вот он сидит! Неужели ты солгал своему двару?

- Клянусь, - воскликнул воин, - что я сказал правду. Это существо сидело без головы, наклонясь над столом. Пусть первый предок убьет меня на месте, если я говорю неправду!!

Офицер был в недоумении. Марсиане очень редко лгут. Он почесал затылок. Затем обратился к Чеку.

- Долго ли ты находишься здесь?

- Кто может знать лучше тех, кто поместил меня сюда и приковал к стене? - вопросом на вопрос ответил Чек.

- Видел ли ты этого воина несколько минут тому назад?

- Да, я видел его, - ответил Чек.

- И ты сидел там же, где сидишь теперь?

- Посмотри на эту цепь и скажи, где я еще мог сидеть? - воскликнул Чек. Разве люди твоего города так глупы?

Три остальных воина подошли поближе с целью получше рассмотреть пленника. Они улыбались неудаче, постигшей их товарища. Офицер же пригрозил Чеку:

- Твой язык так же ядовит, как и язык львицы, которую по приказу О-Тара отвели в крепость Джетан.

- Ты говоришь о молодой женщине, взятой в плен вместе со мной? - спросил Чек. Его монотонный голос и лишенное выражения лицо не выдавало его заинтересованности в этом вопросе.

- Я говорю о ней, - ответил двар и повернулся к воину, вызвавшему его. - Возвращайся в казарму и оставайся там до следующих игр. Может за это время твои глаза перестанут обманывать тебя.

Воин бросил яростный взгляд на Чека и отвернулся. Офицер покачал головой.

- Не понимаю, - пробормотал он, - У-Ван всегда был правдивым и надежным воином.

- Может ли быть? ... - он проницательно взглянул на Чека. - Твоя голова не соответствует твоему телу парень! - воскликнул он. - В наших легендах рассказывается о древних существах, которые могли вызывать галлюцинации у людей. Если ты из их числа, может У-Ван пострадал от твоей силы? Если это так, то О-Тар знал бы что делать с тобой. - Он повернулся и приказал своим воинам следовать за собой.

- Подождите! - крикнул Чек. - Я голоден... Принесите мне еды.

- У тебя была пища, - ответил воин.

- Я не могу есть один раз в день, - сказал Чек. - Мне нужна еда чаще. Пришлите мне пищи.

- Тебе принесут еду, - ответил офицер, - никто не смеет сказать, что пленники Манатора голодают. Законы Манатора справедливы, - и он удалился.

Как только смолк звук их шагов, Чек сполз с плеч рикора и пробрался в нору, где он спрятал ключ. Открыв им замок, он снял кандалы с ноги рикора и вновь спрятал ключ в нору. Затем вернулся на свое место на плечи безмозглого существа. Вскоре послышались шаги, и он встал и вышел в соседний коридор. Здесь Чек спрятался и стал прислушиваться. Он слышал как человек вошел и остановился. Он услышал приглушенное восклицание и металлический звук с которым ударился о стол поднос. Затем вновь раздались быстрые шаги, которые замерли в глубине коридора. Чек, не теряя времени, вернулся в камеру, достал ключ и вновь приковал рикора. Затем вновь положил ключ в нору, взобрался на стол и направил руки рикора на еду. Пока рикор ел, Чек прислушивался к звукам в коридоре. Расслышав вскоре топот ног и звон оружия, он взобрался на рикора. Вновь вошел офицер с тремя воинами. Один из них был, очевидно, тот, что принес ему пищу, так как его глаза широко раскрылись при виде Чека, сидящего за столом, воин выглядел очень глупо, когда двар строго взглянул на него.

- Было так, как я сказал, - воскликнул воин. - Его не было здесь когда я принес пищу.

- Но ведь сейчас он здесь, - строго сказал офицер, - и кандалы у него на ноге. Посмотри! Они закрыты, но... где же ключ? Он должен быть на противоположном конце стола. Где ключ? - крикнул он на Чека.

- Как я могу, пленник, знать, где ключ от моих кандалов! - возразил Чек.

- Но он лежал здесь! - воскликнул офицер, показывая на противоположный конец стола.

- Ты видел его? - спросил Чек.

Офицер колебался.

- Нет, но он должен быть здесь, - ответил он.

- Ты видел здесь ключ? - спросил Чек у другого воина.

Тот отрицательно покачал головой.

- А ты? - продолжал спрашивать у воинов калдан, обращаясь к ним поочередно.

Все сознались, что не видели ключа.

- Разве мог бы я взять его, даже если бы он был здесь? - продолжал он.

- Нет, он не мог бы дотянуться, - сообразил офицер, - но больше ничего подобного не будет. И-Зав, ты останешься здесь и будешь охранять пленника, пока тебя не сменят.

И-Зав ничего не ответил, но подозрительно посмотрел на Чека в то время, как офицер и остальные повернулись и оставили пленника.

XIII. ОТЧАЯННЫЙ ПОСТУПОК

Э-Мед пересек комнату и приблизился к Таре Гелиум и девушке-рабыне, Лан-О. Он грубо схватил Тару за плечо.

- Вставай! - приказал он.

Тара, отбросив руку, встала и отвернулась.

- Не трогай своей грязной рукой принцессу Гелиума, животное! - сказала она.

Э-Мед засмеялся.

- Ты думаешь, я буду играть за тебя, когда будут играть? Иди сюда!

Девушка выпрямилась во весь рост, прижала руки к груди, и Э-Мед не заметил, что тонкие пальцы ее правой руки скрылись за широким кожаным ремнем, опоясывающим ее фигуру, начиная с левого плеча.

- Если О-Тар узнает об этом, ты пожалеешь, Э-Мед, - воскликнула рабыня. - В Манаторе нет закона, отдающего девушку до того, как за нее сражались.

- Что за дело О-Тару до ее судьбы? - ответил Э-Мед. - Разве я не слышал? Разве не насмехалась она над великим джеддаком, нанеся ему оскорбление? Клянусь моим первым предком, О-Тар сделает джедом того, кто сумеет покорить ее, - и он снова шагнул к Таре.

- Подожди! - сказала девушка ровным низким голосом. - Возможно, ты не понимаешь, что делаешь. Личность женщины Гелиума священна для людей Гелиума. За честь беднейшей из них сам великий джеддак обнажает свой меч. Великие народы Барсума трепетали от звуков войны, которая велась в защиту Деи Торис, моей матери. Мы можем умереть, но нас нельзя унизить. Ты можешь играть в джетан на принцессу Гелиума, но даже если выиграешь матч, награду не получишь, ты выиграешь лишь мертвое тело. Знай, житель Манатора, что кровь Главнокомандующего течет в жилах Тары Гелиум не зря. Я сказала!

- Я ничего не знаю о Гелиуме, О-Тар наш командующий, - ответил Э-Мед. - Но я знаю, что сначала я испытаю, чего стоит приз, за который буду играть. Я попробую вкус губ той, что станет моей рабыней после ближайших игр: не серди меня, женщина. - Глаза его сузились и лицо приобрело выражение рычащего зверя. - Если ты сомневаешься в истине моих слов, то спроси рабыню Лан-О.

- Он говорит правду, о женщина из Гелиума, - подтвердила Лан-О. - Не серди Э-Меда, если дорожишь своей жизнью.

Но Тара Гелиум не ответила. Она уже все сказала. Она стояла молча, глядя в лицо приближавшемуся дородному мужчине. Он подошел ближе, внезапно схватил ее в объятия, пригнул и постарался прижать свои губы к ее губам.

Лан-О видела, как женщина из Гелиума быстрым движением выхватила руку из-под ремня на своей груди. Рабыня видела в этой руке длинный тонкий кинжал. Губы воина совсем приблизились к губам девушки, но они никогда уже не могли коснуться их! Внезапно мужчина выпрямился, вскрикнул, съежился; подобно пустой шкуре, и упал на пол. Тара Гелиум нагнулась и вытерла лезвие о его одежду.

Лан-О, широко раскрыв глаза, с ужасом смотрела на тело.

- Мы умрем за это обе, - сказала она.

- Разве лучше быть рабыней в Манаторе? - спросила Тара Гелиум.

- Я не так храбра, как ты, - ответила ей рабыня, - а жизнь хороша, и всегда остается надежда...

- Жизнь хороша, - согласилась Тара Гелиум, - но честь священна. Но не бойся, когда они придут, я скажу им правду - что ты не виновата в этом и не имела возможности защитить его.

Некоторое время рабыня, казалось, прислушивалась к своим мыслям. Вдруг лицо ее просветлело.

- Возможно, я нашла способ, - сказала она, - снять с вас подозрение. У него с собой ключ от нашей камеры. Давай откроем дверь и вытащим его - может, мы сумеем его спрятать.

- Хорошо! - согласилась Тара Гелиум, и девушки немедленно принялись осуществлять предложение Лан-О. Они быстро отыскали ключ, открыли дверь и полунеся, полутаща, выволокли тело Э-Меда и потащили его вниз по лестнице на следующий этаж, где, как сказала Лан-О, должны быть свободные комнаты. Первая же дверь, которую они попытались открыть, подалась, и они, неся свой тяжелый и неприятный груз, вошли в маленькую комнату, освещавшуюся через единственное окно. Помещение, очевидно, использовалось как жилая комната, а не как тюремная

камера: она была комфортабельная и даже роскошно обставлена. Стены были покрыты деревянными панелями на высоту около семи футов, штукатурка выше на стенах и потолке была покрыта яркими, но слегка выцветшими фресками. Глаза Тары быстро обежали комнату. Ее внимание привлекла часть панели, которая чуть отошла от соседней секции. Быстро подойдя, она заметила, что эта панель отделяется от другой промежутком в полдюйма. Единственное возможное объяснение заключалось в том, что здесь был какой-то тайник. Девушка ухватилась за край панели и потянула к себе. Панель медленно отошла в сторону, открыв темное отверстие в стене.

- Смотри, Лан-О! - воскликнула она. - Посмотри, что я нашла - отверстие под панелью, в котором мы спрячем тело под полом.

Лан-О присоединилась к ней, и они вдвоем обследовали отверстие, обнаружив небольшую площадку и узкую лестницу, ведущую вниз в потайную комнату. Толстый ковер покрывал ступени лестницы, и было видно, что уже давно тут не ступала нога человека - потайной ход, несомненно, был забыт жителями Манатора. Сюда они втащили тело Э-Меда, оставив его на площадке, и когда они оставили это тайное и забытое убежище, Лан-О хотела сдвинуть панель на место, но Тара не разрешила.

- Подожди! - сказала она и стала разглядывать разные украшения панели.

- Быстрее! - прошептала рабыня, - если нас найдут, мы погибли.

- Нам пригодится, если мы будем знать, как открывать это убежище, - ответила Тара Гелиум. Она нажала на одно из украшений и панель сдвинулась с места. - Ах! - вздохнула она, в ее голосе было удовлетворение и она быстро вернула панель на место.

- Идем! - быстро сказала она и двинулась к выходу из комнаты.

Без приключений достигли они своей комнаты. Тара закрыла дверь изнутри и спрятала ключ в свой потайной карман.

- Теперь пусть приходят, - сказала она. - Пусть спрашивают. Что могут знать две бедные пленницы о судьбе своего гордого тюремщика. Я спрашиваю тебя, Лан-О, что могут они сделать?

- Ничего! - согласилась Лан-О, улыбаясь Таре Гелиум.

- Расскажи мне о людях Манатора, - попросила Тара. - Любят ли они Э-Меда или некоторым из них нравятся такие, как А-Кор, который кажется человеком храбрым, вежливым?

- Они не любят людей из других стран, - ответила Лан-О. - Среди них есть и хорошие и плохие. Они замечательные и храбрые воины. Им известны рыцарство и честь, но в своих отношениях с чужеземцами они признают только один закон - закон силы. Слабость и бедствия других земель наполняют их презрением и вызывают все худшее в их характерах, что несомненно отражается и на нас, их рабах.

- Но как они могут испытывать презрение к тем, кто оказался несчастлив и попался в их руки? - удивилась Тара.

- Я не знаю, - сказала Лан-О. - А-Кор говорил, что это происходит от того, что их страна никогда не попадала во власть победоносного врага. Их набеги всегда заканчиваются удачно, так как они никогда не сталкиваются с более сильным врагом, поэтому они уверовали в собственную непобедимость и к остальным народам относятся, как к низшим существам, неловким во владении оружием.

- Но А-Кор тоже один из них, - сказала Тара.

- Он сын О-Тара, джеддака, - ответила ей Лан-О, - но его мать была знатной гатолианкой, взятой в плен и ставшей рабыней О-Тара. А-Кор гордится кровью своей матери и он действительно отличается от остальных. Он отличается рыцарством и вежливостью, хотя ни один враг не ставил под сомнение его храбрость, а его искусство владения мечом, копьем, тотом широко известно в Манаторе.

- Как ты думаешь, что ему сделают? - поинтересовалась Тара.

- Он приговорен к играм, - ответила Лан-О. - Если О-Тар не очень разгневан, он может быть приговорен к единственной игре, в этом случае он может остаться в живых. Но если О-Тар действительно хочет убить его, А-Кора приговорят к целой серии, а ни один воин не может выжить в десяти играх по приговору О-Тара.

- Что это за игра? Я не понимаю, - сказала Тара. - Я слышала разговоры об игре в джетан, но при этой игре не убивают. Мы часто играем в нее дома.

- Но они играют на арене Манатора, - ответила Лан-О. - Пойдем к окну, - и они подошли к окну, выходящему на восток.

Тара Гелиум увидела перед собой большое поле, окруженное низкими зданиями, высокая башня, в которой они находились, была единственной. Вокруг арены были устроены сидения. Но прежде всего привлекала внимание гигантская доска для джетана, лежавшая на поле. На доске чередовались большие квадраты оранжевого и черного цвета.

- Здесь играют в джетан фигурами. Играют на большие ставки, обычно - на женщин-рабынь исключительной красоты. О-Тар мог бы сыграть на тебя, если бы ты не разгневала его, теперь тебя разыграют в открытой игре с участием рабов и преступников. Ты будешь принадлежать выигравшей стороне - не одному, а всем, кто выживет в игре.

Глаза Тары Гелиум вспыхнули, но она ничего не сказала.

- Те, кто руководит игрой, не обязательно принимают в ней участие, - продолжала рабыня, - они сидят в этих больших креслах, которые ты видишь у противоположных концов доски и продвигают свои фигуры с клетки на клетку.

- Но в чем же опасность? - спросила Тара Гелиум. - Если фигура сбита, ее убирают с доски - правила игры в джетан стары, как цивилизация Барсума.

- Но здесь, в Манаторе, когда играют на арене живыми фигурами, правила изменены, - объяснила Лан-О. - Когда воина передвигают на клетку, занятую фигурой другой стороны, эти два воина должны сражаться до смерти одного из них, чтобы оставшийся в живых мог захватить клетку. Каждый воин одет в соответствующие своему полю цвета, вдобавок у него специальное обозначение показывает, является ли он рабом, воином, исполняющим приказ, или же добровольцем.

Если он исполняет приказ, то заранее определяется, сколько игр он проведет, поэтому играющий знает, какими фигурами можно рисковать, а какие надо приберечь. Более того, шансы каждого воина определяются позицией, которую он занимает вначале игры. Тех, кого желают уничтожить, всегда назначают пехотинцами, так как у пехотинцев всегда мало шансов выжить.

- Могут ли те, кто руководит фигурами, участвовать в игре? - спросила Тара.

- О, конечно, - сказала Лан-О. - Часто, когда два воина, даже из высших классов, поссорятся друг с другом, О-Тар приказывает им решить свой спор на арене. Тогда они принимают активное участие в игре, и с обнаженным мечом руководят движением других фигур с поля вождя. Они используют своих собственных игроков, чаще всего своих воинов и рабов, если богаты, либо в качестве фигур добровольцами выступают их друзья. Наконец, им могут дать для игры пленников из тюрьмы. Тогда получаются лучшие игры: часто сам великий вождь бывает убит.

- Значит, судебное разбирательство осуществляется в Манаторе тоже на этой арене? - спросила Тара.

- Да, большей частью, - ответила Лан-О.

- Как же тогда при таких обычаях, может пленник выиграть свободу? - продолжала спрашивать девушка из Гелиума.

- Если человек останется живым после десяти игр, он освобожден, - ответила Лан-О.

- И все принимают участие в играх? - продолжала расспросы Тара. - А как же женщины?

- Еще ни один чужеземец в Манаторе не выдержал десять игр, - ответила рабыня. - Им предлагают остаться рабами на всю жизнь, если они предпочитают такую участь играм. Конечно, их в этом случае, как любого воина, могут назначить для игр, но при этом их шансы на выживание увеличиваются, так как при выигрыше их ждет свобода.

- Но женщины, - настаивала Тара, - они могут заслужить свободу?

Лан-О засмеялась.

- Очень просто, - иронически воскликнула она - Женщина находит воина, который будет сражаться за нее в десяти играх и выживает, тогда она свободна.

- Да, справедливы законы Манатора... - презрительно заметила Тара.

Она услышала шаги, ключи повернулись в замке и дверь раскрылась. Заглянул воин.

- Был ли здесь двар Э-Мед? - спросил он.

- Да, - ответила Тара, - он был здесь недавно.

Воин быстро оглядел комнату, потом вопросительно посмотрел на Тару Гелиум, затем на рабыню Лан-О. На лице у него появилась растерянное выражение. Он почесал затылок.

- Странно, - сказал он. - Два десятка людей видели, как он поднялся в крепость, но хотя в ней единственный, постоянно охраняемый выход, никто не видел, как он вышел.

Тара Гелиум прикрыла зевок обратной стороной ладони.

- Принцесса Гелиума голодна, парень, - заявила она. - Скажи своему начальнику, что я хочу есть.

Только через час принесли еду. Человека, доставившего ее, сопровождал офицер и несколько воинов. Офицер внимательно осмотрел комнату, но в ней не было ни малейшего признака происшедших событий. Рана, отправившая Э-Меда к предкам, к счастью для Тары Гелиум, была бескровной.

- Женщина, - сказал офицер, поворачиваясь к Таре, - ты последней видела двара Э-Меда. Отвечай мне и отвечай правдиво. Видела ли ты как он вышел из комнаты?

- Да, - ответила Тара Гелиум.

- Куда он пошел?

- Откуда мне знать? Не думаешь ли ты, что я могу видеть через запертую дверь? - в тоне девушки звучала насмешка.

- Мы не знаем... - ответил офицер. - Довольно странные вещи происходят в камере твоего товарища в тюрьме Манатора. Может быть, ты легко проходишь сквозь закрытую дверь и совершаешь еще более невозможные поступки?

- О ком ты говоришь? - воскликнула она. - О Туране, моем воине? Он жив? Скажи мне, он здесь, в Манаторе? Он не ранен?

- Я говорю о том, который называет себя Чеком, калданом, - ответил офицер.

- Но, Туран! Скажи мне падвар, слышал ли ты что-нибудь о нем? - голос Тары был настойчив, она вся подалась к офицеру в ожидании ответа.

Офицер не обратил сколь-либо внимания на вопрос Тары. - Что для него судьба какого-то раба?

- Люди не исчезают в воздухе, - сказал он, - и если Э-Мед не будет найден, этим делом займется сам О-Тар. Предупреждаю тебя, женщина, если ты принадлежишь к тем ужасным корфалам, которые вызывали духов мертвых гигантов и заставлял выполнять их волю - многие сейчас думают, что Чек из их числа - лучше верни Э-Меда, и О-Тар будет милостив к тебе.

- Что за глупость, - воскликнула девушка. - Я принцесса Гелиума, как я уже множество раз говорила. Даже если сказочные корфалы и существуют - а сейчас уже никто в них не верит - то предания предков говорят, что они вселяются только в тела преступников и людей из низших классов. Человек из Манатора, ты глуп, и твой джеддак глуп, и весь твой народ - глупцы!

Девушка презрительно повернулась к нему спиной и принялась смотреть на поле для джетана, на крыши Манатора и на расстилающиеся за ними низкие холмы, где была свобода.

- Но если ты так много знаешь о корфалах - воскликнул он, - тогда ты знаешь так же, что ни один простой воин не посмеет нанести им вред. Они могут быть убиты безнаказанно только рукой джеддака.

Девушка ничего не ответила: она поняла, что несмотря на его угрозы и гнев, никто в Манаторе не причинит ей вреда, за исключением О-Тара, джеддака. Спустя некоторое время падвар вышел, уведя своих воинов. После их ухода Тара долго глядела на Манатор, размышляя, какие еще неожиданности принесет ей судьба. Так стояла она в глубоком размышлении, когда снизу донеслись до нее звуки варварской музыки - глубокий мелодичный звук военной трубы, лязг оружия. Девушка подняла голову и прислушалась. Лан-О, стоявшая у противоположной стороны

комнаты у окна, знаком подозвала к себе Тару. Отсюда через крыши были видны ворота Врагов, через которые в город входили войска.

- Прибыл Великий джед, - сказала Лан-О, - никто другой не осмелился бы под звуки военной музыки войти в Манатор. Это У-Тор, джед Манатоса, второго после Манатора города. Его называют великим вождем повсюду в Манаторе. Народ любит его, а О-Тар ненавидит. Знающие люди говорят, что достаточно малейшего повода, чтобы между этими двумя вспыхнула война. Никто не знает, чем она кончится: хотя люди Манатора преклоняются перед О-Таром, но они любят и У-Тора, хотя он и не джеддак.

Верность марсиан своему джеддаку превратилась почти в инстинкт и побеждает в них самосохранение, в этом нет ничего странного, так как их религия обожествляет предков, и каждая семья ведет свое происхождение от древних через бесчисленные века, а джеддак сидит на том самом троне, на котором сидели его прямые предки сотни, а может и тысячи лет и правит потомками тех людей, которыми правили его предки. Слабого джеддака джеды смещают с трона, но на его место обычно выбирают члена правящей семьи, хотя законы дают им право выбрать кого-нибудь другого.

- Справедливый ли человек У-Тор? - спросила Тара Гелиум.

- Да, - ответила Лан-О. - В Манатосе для игры в джетан используют только преступников, приговоренных к казни, да и у тех есть шансы освободиться. Добровольцы могут играть, но их передвижения не связаны со смертельным риском - раненые или просто уставшие могут покинуть поле. Они смотрят на джетан как на спорт - здесь же это бойня. У-Тор против продолжения походов за рабами и против политики, когда сохраняется в изоляции Манатор от других народов Барсума. Но У-Тор не джеддак, поэтому ничего не меняется.

Девушка смотрела, как колонна, пройдя через ворота Врагов, двинулась по широкой улице к Дворцу О-Тара. Великолепная варварская процессия раскрашенных воинов в драгоценных доспехах с развевающимися перьями, на норовистых и визжащих тотах в богатой сбруе. Высоко над головами всадников на длинных пиках развевались флаги и вымпелы. Пехотинцы легко шли по каменной мостовой; их сандалии из шкуры зитидара не производили шума. В тылу каждого утана шли боевые колесницы, влекомые огромными зитидарами и нагруженные военным сна-

ряжением. Утан за утаном проходил через большие ворота, и даже когда голова колонны достигла дворца О-Тара, они еще не все вошли в город.

- Я здесь уже много лет, - сказала Лан-О принцессе, - но я никогда не видела, чтобы великий джед приводил в Манатор столько воинов.

Сквозь полузакрытые глаза Тара Гелиум смотрела на идущих по широкой улице воинов, стараясь представить себе, что это воины ее родного Гелиума пришли освободить свою принцессу. Эта гордая фигура на большом тоте могла быть Джоном Картером. Главнокомандующий Барсума, а за ним утан за утаном идут ветераны Империи. Девушка широко раскрыла глаза, увидела чужую раскраску воинов и вздохнула, и тут она снова заметила молчаливые фигуры на балконах. Ни одного жеста, ни крика приветствий, ни букета цветов, которыми обычно приветствуют входящие войска.

- Люди, кажется, не очень дружественно настроены к воинам Манатоса, - заметила она, обращаясь к Лан-О. - Я не вижу ни одного приветствия от этих людей на балконах.

Девушка-рабыня удивленно посмотрела на нее: - Не может быть, чтобы ты не знала, воскликнула она. - Ведь это... - но она не успела закончить. Дверь распахнулась и перед ними стоял офицер.

- Рабыня Тара, тебя вызывает О-Тар, джеддак! - заявил он.

XIV. ПО КОМАНДЕ ЧЕКА

Туран постепенно раздражался в кандалах. Медленно тянулось время. Молчание и отсутствие событий превращали минуты в часы. Неизвестность о судьбе женщины, которую он любил, превращала эти часы в адскую вечность. Он прислушивался, надеясь услышать чьи-нибудь шаги: тогда он смог бы узнать хоть что-нибудь о судьбе Тары Гелиум. После мучительных часов ожидания, он услышал, наконец, лязг оружия. Идут люди! Он ждал, затаив дыхание. Может, это палачи. Но он все равно ждал их появления. Он расспросит их. Но если они ничего не знают о Таре Гелиум, он ни за что не выдаст укрытия, в котором оставил ее. Они пришли - с полдюжины воинов и офицер, конвоировавшие безоружного мужчину, несомненно заключенного. Туран недолго сомневался в этом, так как вновь приведенного немедленно приковали к цепи, свисавшей со стены. Туран немедленно начал расспрашивать офицера.

- Скажи, - потребовал он, - почему меня захватили в плен? И захватили ли других чужестранцев после того, как я вошел в город?

- Каких других чужестранцев? - спросил офицер.

- Женщину и мужчину с необычной головой? - ответил Туран.

- Возможно, - сказал офицер, - но как их зовут?

- Женщину зовут Тара, принцесса Гелиума, а мужчину - Чек, он калдан из Бантума.

- Это твои друзья? - спросил офицер.

- Да, - ответил Туран.

- Это все, что я хотел узнать, - сказал офицер и по его короткой команде все вышли из камеры.

Расскажи мне о них, - кричал им вслед Туран. - Расскажи мне о Таре Гелиум. Она жива?

Но офицер не ответил, и вскоре звуки их шагов смолкли в отдалении.

- Тара Гелиум была жива совсем недавно, - сказал прикованный рядом с Тураном пленник.

Воин повернулся к говорившему и увидел человека большого роста, с красивым лицом и благородными манерами.

- Ты видел ее ? - спросил он. - Ее взяли в плен? - Она в опасности?

- Ее заключили в крепость Джетан, как приз для следующих игр, - ответил незнакомец.

- А ты кто? - спросил Туран. - И почему ты здесь в качестве пленника?

- Я - А-Кор, двар, хранитель крепости Джетан, - ответил тот. - Я здесь потому, что осмелился сказать правду об О-Таре. джеддаке, одному из офицеров.

- И как тебя накажут? - спросил Туран.

- Не знаю, О-Тар еще не вынес приговора. Несомненно, игры... Может быть, все десять: О-Тар не любит своего сына А-Кора.

- Ты - сын джеддака? - спросил Туран.

- Я сын О-Тара и его рабыни Гайи из Гатола, которая была принцессой у себя на родине.

Туран вопросительно посмотрел на говорившего. Сын Гайи из Гатола! Сын сестры его матери! Следовательно его двоюродный брат. Гохан хорошо помнил удивительное и таинственное исчезновение принцессы Гайи и утана ее персональной охраны. Она была в поездке далеко от Гатола, и, возвращаясь домой, исчезла вместе со всеми сопровождавшими. Неужели такова бы-

ла ее тайна удивительного исчезновения? Несомненно, это объясняло и множество других подобных исчезновений в истории Гатола. Туран внимательно рассматривал своего соседа, открывая в нем очевидные признаки сходства с сестрой своей матери. А-Кор, должно быть десятью годами моложе его, но такая разница в возрасте едва ли заметна у людей, которые не старятся после совершеннолетия и чья продолжительность жизни достигает тысячи лет.

- А где расположен Гатол? - спросил Туран.

- Точно на восток от Манатора.

- И как далеко?

- Около двадцати одного градуса от столицы Гатола, - ответил А-Кор, - но немного меньше десяти градусов между границами государств. Между ними, однако, лежит горная страна с крутыми ущельями и острыми скалами.

Гохан хорошо знал эту область, лежащую к западу от его родины. Даже воздушные корабли избегали ее из-за предательских потоков, поднимавшихся из глубоких пропастей и из-за абсолютного отсутствия там жизни. Теперь он знал, где расположен Манатор и впервые за несколько недель долгого пути знал, где его родина. А рядом находился человек, такой же пленник, в жилах которого текла кровь его собственных предков - человек, который знал Манатор, его людей, его обычаи, дороги, ведущие из него. Этот человек мог помочь ему, даже просто советом, в конце концов, выработать план освобождения Тары Гелиум и соответственно бегства.

Но рискнет ли он начать обсуждение этого вопроса?

- Ты думаешь, О-Тар приговорит тебя к смерти? - спросил он. - Но за что?

- Он правит своим народом железной рукой, - ответил А-Кор, - и преданность его людей - это преданность длинному ряду великих джеддаков, от которых он происходит. Он человек завистливый и находит способы расправиться с теми, кому происхождение позволяет претендовать на трон и чье высокое положение вызывает к ним уважение среди народа. То, что я сын рабыни, делает меня в глазах О-Тара менее опасным, но я все же сын джеддака и имею право сидеть на троне Манатора, а О-Тар считает, что этот трон предназначен только для него. С этим связано и то, что многие воины, особенно молодые, относились ко мне в последние годы с большим уважением. Я отношу это на счет некоторых черт своего характера, но О-Тар считает, что это проявление намерений определенной группы воинов возвести меня на трон.

И теперь, я уверен, он использует мои слова и попытку защитить девушку Тару, как предлог, по которому можно будет избавиться от меня.

- Но ты мог сбежать в Гатол, - предположил Туран.

- Я думал относительно этого. Но чем бы мне там было лучше? В глазах гатолиан я был бы чужаком, не гатолианином. Они бы относились ко мне, как к чужеземцу, несомненно, как мы в Манаторе обращаемся с чужеземцами.

- Если бы ты заявил, что ты сын принцессы Гайи, я уверен, тебя бы приняли хорошо, - сказал Туран, - кроме того, ты мог бы заработать свободу и гражданство за короткий период работы в алмазных шахтах.

- Откуда ты об этом знаешь? - спросил А-Кор. - Я думал, что ты из Гелиума.

- Я наемник, - ответил Туран, - и служил во многих странах, в том числе и в Гатоле.

- Об этом говорили мне рабы Гатола и моя мать, прежде чем О-Тар отправил ее в Манатос, - задумчиво сказал А-Кор. - И я думаю, он почувствовал ее власть и влияние среди рабов из Гатола, которых в Манаторе свыше миллиона.

- А эти рабы организованы? - спросил Туран.

А-Кор долго смотрел ему в глаза, потом сказал:

- Ты кажешься мне человеком чести. И я вижу это по твоему лицу, а я редко ошибаюсь в оценке людей, но, - тут от наклонился поближе и прошептал, - даже у стен бывают уши...

И тут Туран получил ответ на свой вопрос.

Поздно вечером пришли воины, сняли кандалы с ноги Турана и повели его во дворец джеддака О-Тара. Они вели его по длинным извилистым улочкам и широким проспектам. И все время с балконов смотрели на них ряды многочисленных горожан. Дворец был полон жизни и деятельности. Проезжали всадники по коридорам и пандусам, соединявшим этажи. Казалось, что во дворце никто не ходит пешком, за исключением нескольких рабов. Расседланные боевые тоты кормились в больших залах, а их всадники, свободные от дежурства, играли в джетан маленькими фигурками, вырезанными из дерева. Туран заметил великолепную архитектуру дворца, щедрое расходование драгоценных камней и металлов, замечательные стенные росписи, изображавшие исключительно военные сцены, главным образом, схватки, происходившие на огромной доске для джетана. Верхушки колонн, поддерживавших потолок в коридорах и залах, через которые они проходили, были сделаны в виде фигур джетана. По тому же пути, по которому провели Тару Гелиум, Туран

прошел по тронному залу О-Тара. джеддака. Когда он вошел в зал Вождей, его восхищенное внимание привлекли ряды похожих на статуи воинов. Никогда не видел он таких великолепных воинов, застывших в абсолютной неподвижности. Ни один мускул не дрогнул, ни один хвост не пошевельнулся: всадники были неподвижны, лица их повернуты в одну сторону, копья склонены под одним углом. Эта картина наполняла военного человека благоговейным уважением. Так подействовала она и на Турана, которого вели по залу. У большой двери они остановились в ожидании, пока его не вызовут к правителю Манатора.

Когда Тару Гелиум ввели в тронный зал, У-Тор также был в зале и сидел на почетном месте немного ниже трона джеддака. Девушку подвели к подножью помоста и остановили перед джеддаком, который сурово смотрел на нее с высоты трона.

- Законы Манатора справедливы, - сказал он, обращаясь к ней, - поэтому тебя привели сюда, где тебя будет судить военная власть Манатора. Что можешь сказать в свою защиту?

Тара Гелиум едва сдержала смех, отвечая на нелепое обвинение в колдовстве.

- Культура моего народа очень высока, - сказал она, - но она не может защитить от обвинения в принадлежности к существам, живущим в примитивном и суеверном воображении первобытных людей прошлого. Для тех, кто настолько простодушен, что верит в существование корфалов, не может быть доказательств, которые убедили бы их в обратном - лишь долгие века развития культуры могут освободить их от рабства невежества. Я сказала!

- Но ты не отрицаешь обвинения, - сказал О-Тар.

- Чувство собственного достоинства не позволяет мне этого, - высокомерно ответила она.

- Тем не менее, женщина, - послышался глубокий голос со стороны, - я советую тебе отвергнуть обвинение.

Тара Гелиум встретилась с глазами У-Тора, великим джедом Манатоса. У него были глаза сильного человека, но не холодные и жестокие. О-Тар гневно стукнул кулаком по трону.

- У-Тор забывает, воскликнул он, - что О-Тар - джеддак!

- У-Тор помнит, - ответил джед Манатоса, - что закон Манатора позволяет любому подсудимому получать советы перед судом.

Тара Гелиум поняла, что по каким-то неизвестным причинам этот человек хочет ей помочь, и последовала его совету.

- Я отрицаю обвинение! - воскликнула она громко. - Я не корфал.

- А это мы увидим, - огрызнулся О-Тар. - У-Дор, где свидетели волшебной власти этой женщины?

И У-Дор привел несколько воинов. Один рассказал то немногое, что было известно об исчезновении Э-Меда. Другие рассказывали о пленнике по имени Чек. Полагая, что поскольку Чек и Тара захвачены вместе, то они оба располагают одинаковой волшебной силой и обвинение, предъявляемое одному, должно быть предъявлено и другому. Затем О-Тар вызвал Чека. Калдан немедленно был приведен воинами, которые не могли скрыть своего страха перед ним.

- Ты, - сказал О-Тар холодным и обвиняющим тоном, - мне достаточно рассказали о тебе, чтобы пронзить твое сердце сталью джеддака, - как ты овладел мозгом воина У-Вана и внушил ему, что он видит твое безголовое тело. Как ты заставил другого воина поверить, что тебя нет в камере, а осталась в ней только пустая скамья?

- О, О-Тар, это еще не самое страшное! - воскликнул молодой падвар, командовавший воинами, которые привели Чека. - То, что он проделал с И-Завом, полностью подтверждает его вину.

- Что он сделал с воином И-Завом? - потребовал ответа О-Тар. - Пусть говорит И-Зав.

Он был бледен и дрожал, как от нервного шока.

- Пусть мой первый предок будет свидетелем, что я говорю правду. О, О-Тар, начал он. Я был поставлен сторожить этого пленника, который сидел на скамье и был прикован к стене. Я стоял у открытой двери на противоположной стороне комнаты. Он не мог донятуться до меня, но, О-Тар, да поразит меня Исса, если он не втащил меня к себе, беспомощного, как цыпленка. Он тащил меня к себе, величайший из джеддаков, своими глазами. Он устремил свои глаза в мои и потащил меня к себе, затем заставил меня положить меч и кинжал на стол и отойти в угол. Потом, все так же держа меня своими глазами, он отделил свою голову от туловища и она на шести коротких лапах сползла на пол и заползла в нору ульсио, но недалеко, так что его глаза все время удерживали меня на месте. Потом голова выползла оттуда с ключом от кандалов и вновь взобралась на плечи. Пленник снял с себя кандалы и вновь потянул меня к себе, заставил сесть на скамью, где до этого сидел сам, и надел мне на ногу кандалы. И я ничего не мог сделать, а он взял мои два меча и кинжал.

Затем его голова снова исчезла с ключем в норе ульсио. Вернувшись, она взобралась на тело, и он стал на моем месте у стены, и стоял до тех пор, пока туда не пришел падвар.

- Достаточно! - сурово сказал О-Тар. - Оба попробуют меч джеддака, - и, встав с трона, он выхватил свой длинный меч и начал спускаться с трона к пленникам, которых сильные воины держали за руки.

- Подожди, справедливый О-Тар! - воскликнул У-Дор. - Есть еще один подсудимый, ты прикажи позвать того, кто называет себя Тураном. Пусть он предстанет перед тобой вместе с этими.

- Хорошо! - согласился О-Тар, останавливаясь на полпути. - Позвать раба Турана!

Ввели Турана и поставили слева от Тары, чуть ближе к трону. О-Тар угрожающе посмотрел на него.

- Ты Туран, - спросил он - товарищ этих?

Воин готов был ответить, когда заговорила Тара Гелиум.

- Я не знаю этого человека, - сказала она. - Кто смеет утверждать, что он товарищ Тары, принцессы Гелиума?

Туран не пытался понять, с какой целью она это делает: голова бесполезна, когда ее права захватывает сердце. Туран знал только, что женщина, которую он любил, отказывается от него. Его сердце не подсказало ему разумное объяснение - она отказалась от него, чтобы не делать его положение более опасным. О-Тар посмотрел сначала на одного, потом на другого пленника, но оба молчали.

- Разве они захвачены не вместе? - спровил О-Тар у У-Дора.

- Нет, - ответил двар. - Тот кто называет себя Тураном, вошел в поисках пищи в город и его заманили в тюрьму. На следующее утро я обнаружил этих двоих на холмах у ворот Врагов.

- Но они друзья и попутчики, - сказал молодой падвар. - Этот Туран расспрашивал меня о тех двоих, называя их по имени и говоря, что они его друзья.

- Достаточно! - констатировал О-Тар, - и все трое должны умереть, - и он сделал еще один шаг по ступенькам.

- Но за что мы умрем? - спросил Чек. - Ваши люди гордятся справедливыми законами Манатора. Разве справедливо убивать чужеземцев, не сказав даже, в чем их вина.

- Он прав, - сказал глубокий голос.

Это говорил У-Тор, великий джед Манатоса. О-Тар поглядел на него и нахмурился... Но послышались и другие голоса, требовавшие судебного расследования.

- Тогда знайте, что все равно умрете! - воскликнул О-Тар. - Вы обвиняетесь в корфализме, и так как без вреда для себя вас может убить только джеддак, вас ждет великая честь быть убитыми собственным мечом О-Тара.

- Глупости! - воскликнул Туран. - Разве вы не знаете, что в жилах этой женщины течет кровь десяти тысяч джеддаков? Это Тара Гелиум, дочь Джона Картера, Главнокомандующего Барсума. Она не может быть корфалом. Не могут быть ими и Чек и я. И знайте, что я имею право быть выслушанным вами. Пусть позволят мне поговорить с принцессой Гайей из Гатола, чей сын сейчас находится в тюрьме О-Тара, его отца.

У-Тор встал и посмотрел на О-Тора.

- Что это значит? - спросил он. - Этот человек говорит правду? Разве сын Гайи заключенный твоей тюрьмы, О-Тар?

- А какое дело джеддаку Манатоса до заключенных в тюрьмах джеддаков? - гневно спросил О-Тар.

- А вот какое, - ответил У-Тор таким низким голосом, что он походил на шепот, однако был слышен во всех уголках огромного тронного зала О-Тара, джеддака Манатора. - Ты отдал мне рабыню Гайю, бывшую принцессу Гатола, так как боялся ее влияния на рабов из Гатола. Я сделал ее свободной, я женился на ней и теперь она принцесса Манатоса. Ее сын - это мой сын, О-Тар, и хотя ты мой джеддак, я заявляю тебе, что за малейший вред, причиненный А-Кору, ты будешь отвечать перед У-Тором из Манатоса.

О-Тар долго глядел на У-Тора, но ничего не ответил, затем он вновь повернулся к Турану.

- Если один из вас корфал, то все остальные тоже. А мы хорошо знаем, что проделывал этот, - и он указал на Чека. - Он корфал, ибо ни один смертный не обладает такими способностями. И так как вы все корфалы, вы умрете.

Он начал спускаться к пленникам, когда заговорил Чек.

- Эти двое не обладают такой силой, как я, - сказал он. - Они обычные безмозглые существа, подобные тебе самому. Я проделал все то, о чем рассказывали тебе твои невежественные воины. Но это лишь доказывает, что я существо высшего порядка по сравнению с вами. Я - калдан, а не корфал. Ничего сверхестественного и чудесного во мне нет. Для вас все необъяснимое является чудесами. Я легко мог убежать от твоих воинов и спастись из тюрьмы. Но я остался в надежде помочь этим двум бедным глупым созданиям, которые не спасутся без помощи моего разума. Они подружились со мной и спасли мне жизнь. Я должен отдать им свой долг. Не убивай их! Убей меня, если

хочешь. Я предлагаю свою жизнь, если она утолит твой гнев. Я не могу вернуться в Бантум и все равно умру: тяжело жить среди неразумных созданий, населяющих мир за пределами долины Бантума.

- Отвратительный эгоист! - сказал О-Тар. - Приготовься к смерти и не смей приказывать джеддаку О-Тару. Он вынес приговор и вы все трое испытаете остроту обнаженного меча джеддака. Я сказал!

Он сделал еще один шаг вниз по лестнице и затем произошла странная вещь. Он остался, устремив взгляд в глаза Чека, на месте, покачиваясь взад и вперед. Джед встал и хотел подойти к нему, но Чек остановил его.

- Стой, - сказал он. - Жизнь твоего джеддака в моих руках. Вы верите, что я корфал, значит только меч джеддака может убить меня. Поэтому ваши лезвия не опасны мне. Посмейте только причинить нам вред или приблизиться к джеддаку, пока я не разрешу, и он мертвый опустится на мрамор. Отпустите этих двух пленников, пусть они подойдут ко мне - я должен поговорить с ними. Быстро! Делайте, как я сказал, иначе ваш джеддак умрет.

Стража отступила, освободив Тару и Турана, которые подошли к Чеку.

- Делайте, что я скажу и побыстрее, - прошептал калдан. - Я не могу удерживать его долго, тем более убить. Очень много мозгов направлено против меня, скоро я должен буду выпустить О-Тара из своей власти. Для вас это единственная возможность и ее нужно получше использовать... Под гобеленом, висящим за троном, есть потайной ход. От него ведет потайной ход в тюрьму дворца. где находятся кладовые с едой и напитками. Из тюрьмы другие потайные ходы ведут во все части города. Вы идите тем, что ведет на запад, и он приведет вас к воротам Врагов. Тогда вы будете свободны. Больше я ничего не смогу сделать. Торопитесь, силы оставляют меня. Я не Лууд. Он держал бы этого парня очень долго. Быстрее! Быстрее! Идите!

XV. СТАРИК ИЗ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

Я не оставлю тебя, Чек, - просто сказала Тара Гелиум.

- Идите! Идите! - шептал калдан. - Вы мне не поможете. Идите, или я все делаю напрасно.

Тара показала головой.

- Не могу, - сказала она.

- Ее убьют, - сказал Чек Турану.

Воин мгновение колебался между чувством верности этому чужому созданию, отдающему за него свою жизнь, и любовью к женщине. Затем он схватил Тару на руки и вместе с нею побежал к трону О-Тара. За троном он отодвинул гобелен и нашел потайной ход. Он прошел в него, по-прежнему держа женщину на руках, и двинулся по узкому наклонному коридору, который вел на нижние этажи, пока они не дошли до подземной тюрьмы дворца О-Тара. Здесь был целый лабиринт переходов и помещений, вмещавших тысячу укромных мест.

Когда Туран понес Тару к трону, два десятка воинов кинулись было к ним.

- Стойте! - крикнул Чек. - Или ваш джеддак умрет. - И они остановились, подчинившись воле этого странного непознаваемого существа

Вдруг Чек отвел глаза от глаз О-Тара, и джеддак вздохнул, как человек, пришедший в себя после кошмарного сна и все еще не полностью проснувшийся.

- Смотрите, - сказал Чек, - я оставил вашего джеддака в живых и никому не причинил вреда, хотя вы все были в моей власти.

Ни я, ни мои друзья не причинили никакого вреда столице Манатора. Почему же вы нас преследуете? Дайте нам наши жизни. Дайте нам нашу свободу!

О-Тар, овладевший своими чувствами, наклонился и поднял меч, в зале стояла тишина, все ждали ответа джеддака.

- Законы Манатора справедливы, - сказал он наконец. - Возможно, чужеземец говорит правду. Верните его в тюрьму, догоните тех двух бежавших и верните туда же. По милости О-Тара они будут бороться за свою жизнь на поле джетана на ближайших играх.

Когда Чека уводили из тронного зала, лицо джеддака все еще оставалось пепельно-серым и он выглядел как человек, вернувшийся из загробного мира, куда он заглянул. В чертах его не было спокойствия храбрости, а был страх. В тронном зале были такие, кто понял, что казнь пленников только отложена и что ответственность за случившееся будет переложена на плечи других, и среди понявших это был У-Тор, великий джед Манатоса. Его искривленные губы выражали презрение к джеддаку, который предпочел унижение смерти. Он понял, что О-Тар утратил большую часть того уважения, которым пользовался, и что за всю жизнь ему не восстановить утраченного им. Марсиане преклоняются перед храбростью своих вождей - тот, кто укло-

няется от своей суровой обязанности, теряет их уважение. Многие разделяли мнение У-Тора, что было видно по тишине, наступившей в тронном зале, и суровым усмешкам вождей. О-Тар быстро осмотрелся. Он ощутил враждебность присутствующих и понял его причину, так как внезапно впал в ярость, и, как бы ища на ком выместить только что перенесенный им самим страх, крикнул слова, которые можно было воспринять только как вызов.

- Воля О-Тара, джеддака, - таков закон Манатора! - Закон Манатора справедливый, и он не может ошибаться. У-Дор, распорядись, чтобы беглецов искали во дворце, в тюрьмах и во всем городе.

- А теперь о тебе, У-Тор, из Манатоса! - Ты думаешь, что можешь безнаказанно угрожать своему джеддаку, ставить под сомнение его право наказывать предателей и подстрекателей к измене? Что же думать мне о верности того, кто взял в жены женщину, которая была выслана мною из своего дворца за беспрерывные интриги против власти ее джеддака. Но О-Тар справедлив. Объяснись и докажи свое миролюбие, пока еще не поздно.

- У-Тору нечего объяснять, - ответил джед Манатоса, - и он не воюет со своим джеддаком. Но у него есть право, как и у каждого джеда и каждого воина, требовать правосудия от джеддака, если он считает, что кого-либо преследуют несправедливо. С увеличивающимся озлоблением преследовал джеддак Манатора рабов из Гатола с тех пор, как взял к себе неуступчивую принцессу Гайю. Если рабы из Гатола затаили мысли о мести и освобождении, то чего же иного следовало ожидать от гордых и храбрых людей? Я неоднократно советовал быть справедливым по отношению к людям, многие из которых у себя на родине обладали большой властью и уважением. Но О-Тар, джеддак всегда высокомерно отвергал мои предложения. И хотя этот вопрос сейчас встал не по моему требованию, я рад, что так случилось. Пришло время джедам всего Манатора потребовать от джеддака уважения к себе. Знай же, О-Тар. что ты немедленно должен освободить А-Кора или представить его высшему суду Манатора - Собранию джедов. Я сказал!

- Ты сказал хорошо и вовремя, У-Тор! - воскликнул О-Тар. - Ты раскрыл своему джеду и другим джедам всю глубину своей неверности, о которой я давно подозревал. А-Кора уже судил и приговорил высший суд Манатора - его джеддак О-Тар, и также

ты получишь справедливый приговор из этого высшего источника. Ты арестован. В тюрьму его! В тюрьму У-Тора, лживого джеда!

Хлопком в ладоши он велел окружавшим его воинам выполнить его приказание. Два десятка воинов двинулись к У-Тору, чтобы схватить его. Это были воины О-Тара. Но воины У-Тора, которых в зале было больше, обнажили свои мечи и на ступеньках трона закипела схватка. О-Тар, джеддак Манатора, с обнаженным мечом был готов вступить в рукопашную.

Из других частей огромного здания на звуки боя спешила стража, пока защитников У-Тора оказалось намного меньше, чем нападавших. Джед Манатоса в сопровождении своих воинов медленно отступал по коридорам и комнатам дворца, пока не оказался на улице. Здесь его поддержала армия, вошедшая вместе с ним в Манатор. Они продолжали отступать к воротам Врагов между рядами молчаливых зрителей, глядевших на них с балконов. Выйдя за городские ворота, армия У-Тора расположилась лагерем.

В полутемном помещении под дворцом О-Тара Туран выпустил Тару Гелиум из своих рук и взглянул ей в лицо.

- Прости меня, принцесса, - сказал он, что я не выполнил твоего приказания и оставил Чека, но другого выхода не было. Если бы не он, то я остался на его месте. Скажи, что прощаешь меня.

- Разве могу я не простить, - мягко ответила она. - Но мне кажется, что нехорошо оставлять в беде друга.

- Если бы мы были три воина, то другое дело, - сказал он. - Мы все остались бы и умерли в бою: но ты знаешь, Тара Гелиум,что мы не можем рисковать безопасностью женщины, даже несмотря на риск прослыть бесчестным.

- Я знаю это, Туран, - сказала она. - И никто не может обвинить тебя в бесчестье, зная твою храбрость и преданность.

Он слушал ее с удивлением, ибо это были ее первые слова, адресованные ему, в которых не подчеркивалась разница между положением принцессы и простого наемника. Но как это связано с ее отказом от него там, во дворце? Этого он понять не мог, поэтому вопрос, который все время был у него на уме с тех пор, как она сказала О-Тару, что не знает его.

- Тара Гелиум, - сказал он. - Твои слова льют бальзам на рану, полученную мною в тронном зале. Скажи мне, принцесса, почему ты отказалась от меня?

Она с упреком взглянула на него своими большими глазами.

- Ты не знаешь, - сказала она, - что это говорили мои губы, а не сердце. О-Тар должен был убить меня за то, что я товарищ Чека, а не за какую-то мою очевидную вину. И я знала, что если у тебя возникнут такие трудности, ты тоже умрешь.

- Значит, ты хотела спасти меня? - воскликнул он с внезапно просветлевшим лицом.

- Да, я хотела спасти моего храброго воина, - ласково сказала она.

- Тара Гелиум, - сказал он, опустившись на одно колено, - твои слова - пища для моего голодного сердца, - и он прижал ее пальцы к своим губам. Она подняла его.

- Не надо коленопреклонения, - сказала она мягко.

Он все еще держал ее руки в своих, они были близки друг от друга и мужчина все еще дрожал от прикосновения к ее телу, когда он нес ее из тронного зала О-Тара. Он чувствовал, что сердце разрывается в его груди, горячая кровь струится по жилам, когда он смотрел на ее прекрасное лицо с устремленными вниз глазами и полураскрытыми губами, за обладание которыми он отдал бы власть над королевством, Вдруг он прижал ее к своей груди, их губы встретились. Но только на мгновение. Подобно тигрице, девушка вырвалась и ударила его. Она отступила назад с высоко поднятой головой и сверкающими глазами.

- Ты осмелился? - воскликнула она.

Его глаза твердо встретили ее яростный взгляд, в них не было стыда или раскаяния.

- Да, я осмелился, - сказал он. - Я осмелился любить Тару Гелиум. Но я не осмелился бы оскорбить Тару Гелиум или любую другую женщину поцелуем, если бы не был уверен в ее любви. - Он подошел к ней и положил руку ей на плечо. - Посмотри мне в глаза, дочь Главнокомандующего. - сказал он, - и скажи мне, что ты не желаешь любви Турана, наемника.

- Я не желаю твоей любви! - воскликнула она, отступая назад. - Я ненавижу тебя! И отвернувшись, она уткнула в руки лицо и заплакала.

Мужчина шагнул вперед, но его внимание привлекли звуки кашляющего смеха. Повернувшись, они увидели в дверях фигуру незнакомого человека. Это была одна из тех редкостей, которых немного на Барсуме - старик с признаками глубокой старости. Сгорбленный и сморщенный, он больше походил на мумию, чем на живого человека.

- Любовь в подземельях О-Тара! - воскликнул он, и снова его смех нарушил тишину подземелья. - Странное место для ухаживания! Когда я был молод, мы бродили в садах под гигантскими пималиями и прятали наши поцелуи в тенях стремительной Турии. Мы не ходили в мрачные подземелья, чтобы говорить о любви. Но времена меняются, и обычаи тоже меняются, хотя я никогда не думал, что доживу до того времени, чтобы увидеть, что меняются отношения мужчин и женщин. Но мы целовали их тогда. А если они отказывали? Что ж мы целовали их еще! Как давно это было! - старик вновь закашлялся. О, если вспомнить, скольких я целовал, целую армию. Но первая...первую я помню. Она была красивой девушкой и хотела ударить меня кинжалом, когда я поцеловал ее. О, о, как давно это было! Но я целовал ее. Она умерла больше тысячи лет назад, но никогда мне уже не приходилось целовать так при ее жизни, ни после ее смерти. А за нею были и другие... - но Туран, предвидя новые воспоминания о тысячелетней давности поцелуях, прервал.

- Скажи мне, старик, не о своих возлюбленных, а о себе. Кто ты? Что ты делаешь здесь, в подземельях О-Тара?

- Я могу спросить тебя о том же, молодой человек, - ответил старик. - Мало кто приходит в эти подземелья - только мертвецы и мои ученики. А, понял - вы новые ученики. Хорошо! Никогда раньше не присылали женщин учиться великому мастерству у величайшего мастера. Времена меняются, они жили лишь для поцелуев и любви. О, какие это были женщины! Я помню одну, пленную с юга...о, это был дьявол, но как она любила! У нее были мраморные груди и огненное сердце. Она...

- Да, да, - прервал его Туран, - мы ученики и желаем получить работу. Веди нас, а мы последуем за тобой.

- О, да, да! Идем! Все торопятся и спешат, как будто впереди нас не ждут бесчисленные мириады веков. О, да, их столько же, сколько и за нами. Две тысячи лет прошло с тех пор, как я разбил свою скорлупу, и всегда спешили, спешили. Манатор остался прежним, за исключением девушек. О, какие у нас были девушки! Я выиграл одну на поле джетана. Она была...

- Веди нас! - воскликнул Туран. - а затем расскажешь нам о ней.

- О, да - согласился старик и начал спускаться куда-то по полутемному проходу. - Идите за мной!

- Мы идем с ним!? - спросила Тара.

- Конечно, - ответил Туран. - Мы не знаем, где находимся, не знаем выходов из подземелья. Я не знаю, где восток, а где запад, но он, несомненно, все это знает, и если мы будем действовать умно, мы все узнаем от него. В конце концов, нельзя вызывать у него подозрений.

И они пошли за стариком вдоль длинных коридоров, и через множество комнат, пока не добрались наконец до комнаты, где на пьедестале возвышалось несколько мраморных плит. На каждой плите, возвышающейся на высоту в три фута, лежало тело человека.

- Мы пришли, - объяснил старик. - Это свежие, и мы будем скоро их обрабатывать. Сейчас я работаю над одним для Ворот Врагов. Он убил много наших воинов. Ему по справедливости отвели место в воротах. Пойдем, посмотрим его.

Он привел их в соседнее помещение. На полу было много свежих человеческих костей, а на мраморной плите - масса бесформенного мяса.

- Это вы изучите позже, - продолжал старик. Но нескоро вы получите возможность еще раз посмотреть на подготовленного для Ворот Врагов. Вначале, как видите, я извлекаю все кости, стараясь, чтобы кожа пострадала как можно меньше. Труднее всего извлечь череп, но и это может сделать подлинный мастер. Я делаю одно лишь отверстие. Потом - его зашиваю, и когда все кончено, подвешиваю тело так, - и он привязал веревку к волосам трупа, и подвесил ужасный предмет к кольцу в потолке. Прямо под ним в полу был круглый люк, из которого старик достал чехол. Раскрыв его, он показал наполнявшую чехол красноватую жидкость.

- Опускаем его сюда, - продолжал он, - а рецепт этой дорогой жидкости вы узнаете позже. Опускаем его на дно чехла, а чехол вернем на место. Через год он будет готов. Но помните, его нужно часто осматривать и следить, чтобы жидкость покрывала его полностью. Когда он будет готов, он будет прекрасен. На ваше счастье, здесь есть уже один готовый... Он пошел к противоположному концу комнаты и вытянул чехол. Оттуда он извлек удивительную фигуру. Это было человеческое тело, съежившееся под действием жидкости и превратившееся в статуэтку в фут высотой.

- О, разве он не прекрасен? - воскликнул старик. - Завтра он займет свое место в Воротах Врагов. - Он вытер тело обрывками ткани и аккуратно уложил его в корзину. - Может, хотите посмотреть на мою новую работу? - спросил он, и, не ожидая ответа, повел их в другую комнату, в которой было сорок или

пятьдесят человек. Все они сидели или стояли у стен, за исключением мощного воина, сидевшего верхом на большом тоте в центре комнаты. Все были совершенно неподвижны. Тара и Туран сразу вспомнили ряды молчаливых людей на балконах и гордые линии всадников в зале вождей. Одно и тоже объяснение пришло в голову, но они не осмелились задать вопрос, возникший у них, боясь выдать себя, показать себя чужестранцами, незнакомыми с обычаями Манатора.

- Это удивительно, - сказал Туран, - это требует большого искусства, терпения и времени.

- Верно, - ответил старик, - но занимаясь этим так долго, я теперь работаю быстрее остальных, и в то же время мои фигуры более естественны. Никто, даже жена этого воина, не посмеет сказать, что он неживой, и он указал на всадника на тоте.

- Многих из них приносят сюда ранеными и испорченными, и мне приходится их подновлять. Это требует большого искусства: все хотят видеть своих мертвецов такими, какими они были при жизни. Но вы этому научитесь. Вы будете набивать чучела, раскрашивать их, вы будете превращать безобразных в красавцев. Это большое удовольствие - набивать чучела, особенно чучела своих близких. Уже пятнадцать столетий никто не набивает чучела наших мертвецов, кроме меня.

- Много, много балконов заполнено ими. Но своих жен я держу в большой комнате. Они у меня все, начиная с самой первой, и я много вечеров провожу среди них. Какие же это приятные вечера! А как приятно препарировать их и делать даже прекраснее, чем они были при жизни. Это частично возмещает горечь утраты. Я провожу с ними все время, глядя на новую, пока работаю над старой. Новую жену я привожу в эту комнату и сравниваю ее со старыми, и это прекрасно. Я люблю гармонию.

- Ты ли делал всех воинов для зала вождей? - спросил Туран.

- Да, их сделал я, я их чиню, - ответил старик. - О-Тар не желает, чтобы это делали другие. Даже сейчас в другой комнате у меня двое из них. Их повредили и принесли мне для починки. О-Тар не любит, когда их долго нет: это оставляет в зале двух тотов без всадников, но скоро они будут готовы. Он хотел бы, чтобы живые воины вели себя так же, как и эти. О-Тар часто называет их мудрецами, которые приобрели мудрость после смерти. Он хотел бы превратить Совет живых вождей в такой же безмолвный, как и этот. Тогда не было бы никаких разногласий или непонимания. О-Тар говорит, что это был бы лучший совещательный орган в Барсуме - много мудрее, чем совет живых вождей. Но, идем, пора браться за работу. Идем в соседнюю

комнату и я начну вас учить. Он вновь повел их в помещение, где на мраморных плитах лежали человеческие тела и, подойдя к шкафу с выдвинутыми ящиками, достал оттуда уродливые очки и выбрал несколько скальпелей. Все это он делал, отвернувшись от своих новых учеников.

- Теперь я могу взглянуть на вас, - сказал он, - Мои глаза не те, что раньше, и теперь для работы или для того, чтобы разглядеть черты лица окружающих мне нужны сильные стекла.

Он взглянул на них. Туран затаил дыхание. Он понял, что сейчас старик обнаружит, что на их одежде нет герба Манатора. Он и раньше удивлялся, как старик не замечает этого, так как не знал, что тот полуслепой. Старик осматривал их, его взгляд задержался на прекрасном лице Тары Гелиум, затем переместился на их одежду. Туран надеялся увидеть на лице таксидермиста удивление, но если старик и заметил что-либо, то ничего не показал.

- Иди с И-Госом, - сказал он Турану, - в соседней комнате материалы для работы, принесешь их. Оставайся здесь, женщина, мы сейчас вернемся.

Он прошел через одну из многочисленных дверей и вошел в комнату впереди Турана. У двери он остановился и указал на связку мехов, лежащих у противоположной стены. Туран пересек комнату и уже хотел было поднять связку, когда услышал щелканье замка за собой. Повернувшись, он обнаружил, что остался один в комнате, а дверь заперта. Подбежав к ней, он попытался открыть ее, но не смог.

И-Гос же, закрыв дверь, вернулся к Таре.

- Одежда вас выдала, - сказал он ей, смеясь своим кашляющим смехом. - Вы хотели обмануть старого И-Госа, но хотя глаза его ослабли, мозг все еще силен. Но тебе будет хорошо. Ты прекрасна, а И-Гос любит красивых женщин. В Манаторе наверху у меня нет власти, но здесь никто не смеет отказать И-Госу. Сюда приходят немногие, только чтобы принести мертвеца, и они торопятся наверх. Никто не узнает, что прекрасная женщина закрыта вместе с мертвецами. Я не стану задавать тебе вопросов, я не хочу знать, кому ты принадлежала. А когда ты умрешь, я помещу тебя в комнату моих жен. - Он подошел к ужаснувшейся девушке.

- Идем! - воскликнул он, схватив ее за руку. - Иди к И-Госу!

XVI. НОВАЯ СМЕНА ИМЕНИ

Туран бился о дверь в напрасных усилиях разбить толстую доску и пробиться к Таре, которой, как он знал, угрожала опасность, но толстая доска выдерживала, и он лишь ушиб себе плечо. Наконец, он прекратил напрасные попытки и сел в поисках каких-либо других способов к освобождению. В каменных стенах не было других отверстий, но его взгляд обнаружил коллекцию разнообразных предметов: остатки одежды, оружия, доспехов, украшений и гербов, спальных мехов - все это в большом количестве. Тут были мечи, копья и несколько больших боевых топоров с двумя лезвиями, большая часть которых напоминала пропеллер небольшого самолета. Схватив один из них, он вновь с большей яростью набросился на дверь. Он ожидал услышать от И-Госа что-нибудь по поводу этого безжалостного разрушения, но из-за двери не доносилось ни звука. Он решил, что дверь слишком толста и не пропускает человеческого голоса. Но он был уверен, что И-Гос слышит его. Куски твердого дерева отлетали при каждом ударе топора, но это была тяжелая и медленная работа. Вскоре он был вынужден отдохнуть и так продолжалось, как ему показалось, целый час - работа до полного изнеможения и затем короткий отдых. Но хотя в двери появилось отверстие и оно становилось все больше, он все равно ничего не мог разглядеть, так как И-Гос, затворив дверь, чем-то ее завесил. Наконец, образовалось настолько большое отверстие, что он мог пролезть сквозь него. Вытащив длинный меч, воин пробрался через отверстие в соседнюю комнату.

Отбросив занавес и держа меч в руке, он выпрямился, готовый бороться за Тару Гелиум, но ее не было. В центре комнаты на полу лежал мертвый И-Гос, но Тары нигде не было видно.

Туран призадумался. Очевидно, Тара убила старика, но она даже не сделала попытки освободить его. Тогда он вспомнил ее последние слова:"Я не желаю твоей любви! Я ненавижу тебя" и решил, что она воспользовалась первой же представившейся возможностью, чтобы избавиться от него. С опечаленным сердцем Туран отвернулся. Что он должен теперь делать? Мог быть только один ответ: пока он жив, он будет стараться помочь ей спастись и вернуться на родину. Но как? Как найти выход из этого лабиринта? Как вновь найти Тару? Он подошел к ближайшей двери. Она вела в комнату, где находились чучела мертвецов, ждавшие своего отправления на балконы города. Его взгляд остановился на огромном раскрашенном воине, сидевшем на то-

те, и, пока он разглядывал его великолепную фигуру и оружие, новая мысль возникла в его мозгу. Быстро подойдя к мертвому воину, он снял с него одежду и вооружение, и сам раздевшись, надел на себя убранство мертвеца. Затем он вновь заторопился в комнату, в которой он был заперт. Там он надеялся найти то, что завершило бы его маскарад. В стенном шкафу он нашел это - тюбики с красками, которые старый таксидермист использовал для раскраски холодных лиц мертвых воинов.

Несколько мгновений спустя, Гохан из Гатола вышел из комнаты, ничем - ни доспехами, ни вооружением, ни украшениями - не отличаясь от воинов Манатора. Он снял с одежды мертвеца знаки его дома и звания и теперь мог, как простой воин, выходить, не навлекая на себя подозрения.

Поиски Тары Гелиум в бесконечном полутемном подземелье О-Тара казались гатолианину бесполезным занятием, заранее обреченным на неудачу. Лучше было, по его мнению, отправиться на улицы Манатора. Там он может разузнать о ней что-нибудь и вновь вернуться в подземелье, чтобы продолжать поиски.

Чтобы найти выход из лабиринта, он по необходимости должен был пройти большое расстояние по узким коридорам и комнатам. Однако, ему все не удавалось найти ни того отверстия, через которое они проникли сюда с Тарой, ни другого выхода на верхние этажи.

Он проходил комнату за комнатой. Все они были заполнены искусно препарированными мертвецами Манатора. Большей частью сложенными ярусами, как складывают дрова. Проходя по коридорам и комнатам, он заметил иероглифы, нарисованные над каждой из дверей, отверстием или пересечением ходов. Он понял, что они обозначают указатели направления: тот, кто понимает их язык, может легко и быстро двигаться в нужном направлении. Но Туран не понимал их. Он не читал на языке Манатора. Хотя все народы Барсума говорят на одном языке, их письменность различается. Она своя у каждого народа. Но ему было ясно, что на протяжении каждого коридора встречаются одни и те же знаки.

Вскоре Туран понял, что подземелья дворца составляют часть обширной системы подземных ходов, охватывающих, возможно, весь город. В конце концов он понял, что вышел за пределы дворца. Время от времени менялись украшения и архитектура коридоров и комнат. Они все были освещены, но, правда

иногда очень тускло, радиевыми шарами. Долгое время он не встречал никаких признаков жизни, кроме нескольких ульсио, но потом в одном многочисленном переходе он столкнулся лицом к лицу с воином. Тот посмотрел на него, кивнул и прошел мимо. Туран вздохнул с облегчением - его маскарад оказался надежным, но его остановил возглас воина, который возвращался. Туран был рад, что у него есть меч и что они встретились в таком глухом месте подземелья, и что у него будет только один противник.

- Ты слышал что-нибудь о другом? - спросил его воин.

- Нет, - ответил Туран, который не мог даже догадываться, о чем его спрашивают.

- Ему некуда деться, - продолжал воин, - женщина прибежала прямо в наши руки, но она клянется, что не знает, где скрывается ее товарищ.

- Ее отвели обратно к О-Тару? - спросил Туран, который теперь знал, о ком идет речь, и хотел знать больше.

- Ее отвели обратно в крепость Джетан, - ответил воин, - завтра начинаются игры и ее, несомненно, разыграют в них, хотя я и сомневаюсь, чтобы кто-нибудь сражался за нее, как бы она не была прекрасна. Она не боится даже О-Тара. Клянусь Хлорусом! Это будет непокорная рабыня, настоящая самка бенса. Это не по мне, - и он продолжил свой путь, качая головой.

Туран продолжал свои торопливые поиски выхода наверх, на улицы города, как вдруг увидел дверь, открытую в небольшую камеру. В ней находился человек, прикованный к стене. Туран издал удивленный возглас, узнав в нем А-Кора: случайно он оказался в той самой камере, куда попал вначале. А-Кор вопросительно посмотрел на него. Было ясно, что он не узнает своего товарища по заключению. Туран подошел к скамье и сел рядом.

- Я Туран, - прошептал он, - я был прикован рядом с тобой.

А-Кор внимательно рассмотрел его.

- Даже родная мать не узнала бы тебя! - сказал он. - Но расскажи мне, что случилось после того, как тебя увели?

Туран передал ему события в тронном зале О-Тара и в подземелье.

- Теперь, - продолжал он, - я должен отыскать крепость Джетан и посмотреть, что можно сделать для освобождения принцессы Гелиума.

А-Кор покачал коловой.

- Я долго был дваром крепости, - сказал он, - и могу поручиться тебе, чужеземец, что легче безоружному завладеть Манатором, чем проникнуть в крепость Джетан.

- Но я должен попытаться, - ответил Туран.

- Ты хорошо владеешь мечом? - спросил вдруг А-Кор.

- Думаю, что да, - ответил Туран.

- Тогда есть возможность... Тсс! - вдруг он замолчал и указал на отверстие стены в противоположном углу комнаты.

Туран посмотрел в том направлении и увидел, как из отверстия норы ульсио показались две мощные челюсти и пара маленьких глаз.

- Чек! - воскликнул он, и немедленно из норы выполз калдан и приблизился к столу.

А-Кор отпрянул с приглушенным восклицанием отвращения.

- Не бойся, - сказал ему Туран, - это мой друг, тот, что остался во дворце и удерживал О-Тара.

Чек взобрался на стол и устроился между воинами.

- Можешь быть уверен, - сказал он А-Кору, - что во всем Манаторе никто не сравнится с Тураном в искусстве владения мечом. Я слышал вашу беседу, продолжайте.

- Ты его друг, - продолжал А-Кор, - поэтому я могу не опасаться объяснить единственную возможность освободить принцессу Гелиума. Она будет ставкой в одной из игр и по желанию О-Тара ее будут разыгрывать рабы и простые воины, так как она оскорбила его.

Таково ее наказание. Но не один мужчина, а все выжившие из выигравшей партии будут обладать ею. За деньги, однако, кто-нибудь один может перекупить ее у остальных. Ты это сделаешь, и если твоя партия выиграет и ты выживешь, она станет твоей рабыней.

- Но как может чужеземец и преследуемый беглец участвовать в этом? - спросил Туран.

- Никто не узнает тебя. Завтра пойдешь к хранителю крепости и запишешься на участие в игре, где ставкой будет эта девушка. Скажешь хранителю, что ты из Манатая, самого дальнего города государства Манатор. Если он спросит, можешь сказать, что ты видел ее, когда пленников вели по городу во дворец. Если выиграешь ее, в моем дворце возьмешь оседланных тотов и все необходимое. Я сообщу пароль, по которому тебе все это отдадут.

- Но как я смогу подкупить других участников игры без денег? - спросил Туран. - У меня нет денег этой страны. А-Кор раскрыл потайной карман и достал четыре мешочка с монетами Манатора.

- Здесь достаточно, чтобы купить их дважды, - сказал он, протягивая деньги Турану.

- Но почему ты делаешь это для чужеземца? - спросил воин.

- Моя мать была пленницей здесь, - ответил А-Кор. - Я делаю для принцессы Гелиума то же, что сделал бы для своей матери.

- В этих обстоятельствах, манаторианин, от имени принцессы Гелиума я принимаю твой великодушный дар, - сказал Туран, - и буду жить в надежде, что когда-нибудь отплачу тебе тем же.

- Теперь ты должен идти, - посоветовал А-Кор. - В любую минуту может явиться стража и обнаружить тебя здесь. Иди прямо по улице ворот Врагов, она окружает город вдоль внешней стены. Там найдешь много жилищ для иностранцев. Ты узнаешь их по нарисованным над дверями головам тотов. Скажешь, что приехал из Манатая посмотреть игры. Возьмешь себе имя У-Кал, оно не вызовет подозрений, если ты не будешь вступать в разговоры. Рано утром разыщешь хранителя крепости Джетан. Пусть сила и удача всех наших предков сопутствует тебе.

Провожаемый добрыми пожеланиями Чека и А-Кора, Туран пошел по направлению, указанному А-Кором, и вскоре вышел на улицу ворот, не встретив на пути никаких препятствий. По дороге он встретил нескольких воинов, но те даже не окликнули его. Легко отыскал он жилище, где собралось много приезжих из других городов Манатора. Прошлую ночь он совсем не спал, поэтому, улегшись на меха и шелка, он решил, что ему следует выспаться, чтобы лучше послужить на следующий день Таре Гелиум.

Когда он проснулся, было уже утро. Он заплатил за ночлег и еду и вскоре уже направлялся к крепости Джетан, которую было нетрудно найти, благодаря толпам народа, стремившимся на игры. Новый хранитель крепости, сменивший Э-Меда, был слишком занят, чтобы внимательно осматривать входящих, так как вдобавок к добровольцам-игрокам, тут было множество рабов и пленников, присланных на игры владельцами или правительством. Имя каждого, как и позиция, которую он получит в игре или играх, записывались. Тут же готовилась замена для тех, кто должен был участвовать в более, чем одной игре, по одному запасному игроку для каждой игры, чтобы выбывшие из строя не могли приостановить следующую игру.

- Твое имя? - спросил чиновник, производивший запись, когда Туран подошел к нему.

- У-Кал, - ответил воин.

- Из какого города?

- Из Манатая.

Хранитель, стоявший рядом с чиновником взглянул на Турана.

- Издалека же ты пришел, чтобы участвовать в игре, - сказал он. - Люди из Манатая редко посещают игры, раз в десятилетие. Расскажи мне об О-Заре. Приедет ли он на следующий раз? О, какой это боец! Если ты вполовину так искусен, как О-Зар, слава Манатая прогремит сегодня. Но расскажи мне об О-Заре.

- Он здоров, - ответил Туран, - и шлет приветы своим друзьям в Манаторе.

- Отлично! - воскликнул хранитель крепости. - В какой же игре ты будешь участвовать?

- Я буду играть за принцессу Гелиума, Тару, - ответил Туран.

- Но, человек, она ставка в игре для рабов и преступников! - воскликнул хранитель - ты не можешь быть добровольцем в этой игре!

- Но я должен, - ответил Туран. Я видел ее, когда ее вели по городу, и захотел обладать ею.

- Но тебе придется разделить ее с другими выигравшими, даже если твой цвет выиграет, - заметил хранитель.

- Я с ними договорюсь, - настаивал воин.

- Кроме того, ты можешь вызвать гнев О-Тара, который не любит эту девушку-варварку, - объяснил хранитель.

- Если я ее выиграю, О-Тар будет доволен ее поведением,- сказал Туран.

Хранитель крепости Джетан покачал головой.

- Ты поступаешь опрометчиво, - сказал он. - Считаю, что я должен отговорить друга моего друга О-Зара от подобной глупости.

- Хочешь ли ты помочь другу О-Зара? - спросил Туран.

- Конечно! - воскликнул он. - Что я должен сделать для него?

- Назначь меня вождем черных и дай мне в качестве фигур рабов из Гатола: я слышал, что они отличные воины, - ответил Туран.

- Странная просьба, - сказал хранитель, но для своего друга О-Зара, я сделаю даже больше, - он заколебался, - хотя ты, конечно, знаешь, что по обычаю тот, кто хочет стать вождем, должен заплатить за это.

- Конечно, - постарался успокоить его Туран. - Я не забыл об этом. Я как раз хотел спросить тебя, сколько нужно заплатить?

- Для друга моего друга цена будет невысокой, - ответил хранитель и назвал сумму, которую Гохан, привыкший к высоким ценам богатого Гатола, счел удивительно низкой.

- Скажи мне, - говорил он, протягивая деньги хранителю, - когда же состоится игра за принцессу?

- Сегодня она будет второй по порядку, а теперь пойдем со мной, выберешь себе фигуры.

Туран последовал за хранителем в большой двор, который располагался между крепостью и полем для игры. Здесь размещались сотни воинов. Вожди игр этого дня выбирали среди них свои фигуры и отводили им места, хотя главные участники игр были расписаны много недель назад. Турана провели в ту часть двора, где располагались черные фигуры.

- Выбирай здесь фигуры, - сказал хранитель, - и когда кончишь, отведешь свой отряд к полю. Там офицер укажет тебе место, где ты со своими фигурами будешь ждать начала второй игры. Желаю тебе счастья, У-Кал, хотя ты был бы счастливее, если бы отказался играть за эту рабыню из Гелиума.

Когда хранитель ушел, Туран подошел к рабам.

- Я ищу хороших бойцов для второй игры, - объявил он. - Люди из Гатола, я слышал, вы хорошие бойцы.

Один из рабов встал и подошел к нему.

- Мне все равно, в какой игре умереть, - сказал он. - Я буду сражаться на твоей стороне в этой игре.

Подошел второй раб.

- Я не из Гатола, - сказал он, - я из Гелиума, и буду сражаться за честь принцессы Гелиума.

- Хорошо! - воскликнул Туран. - Твое боевое искусство известно в Гелиуме?

- Я был дваром у Великого Главнокомандующего и сражался с ним в двух десятках битв от Золотых утесов до Гниющих пещер, меня зовут Вал Дор, кто знает Гелиум, знает и мою отвагу.

Это имя было хорошо знакомо Гохану, который слышал, как об этом человеке говорили во время его недавнего посещения Гелиума. Обсуждали его отвагу и славу бойца и его удивительное исчезновение.

- Как я могу знать что-либо о Гелиуме, - спросил Туран. - Но если ты действительно хороший боец, то для тебя не выберешь лучшей позиции, чем позиция летчика. Что скажешь?

Глаза человека внезапно выразили удивление. Он внимательно посмотрел Турану в лицо, затем взглянул на его доспехи. Подойдя ближе, чтобы никто не мог услышать, он сказал:

- Мне кажется, ты должен знать о Гелиуме больше, чем о Манаторе.

- Что это значит? - потребовал объяснения Туран, ломая голову об источнике знаний, предположений или догадок Вал Дора.

- Это значит, - ответил Вал Дор, - что ты не из Манатора. Ты говоришь не так, как манаториане. Они не называют эту фигуру летчиком. В Манаторе нет воздушных кораблей, и эта фигура называется у них иначе. Тот, кто стоит рядом с вождем или принцессой, называется у них одвар. Фигура имеет те же ходы и силу, что и летчик в Джетане других народов. Помни об этом и помни также, что если кто и умеет хранить тайны, так это Вал Дор из Гелиума.

Туран ничего не ответил и продолжал отбор фигур. Вал Дор из Гелиума и Флоран, доброволец из Гатола, помогали ему, так как знали большинство рабов, среди которых производился выбор. Когда все фигуры были подобраны, Туран отвел их к полю Джетана, где они будуть ждать своей очереди, здесь он обратился к ним с речью, что ставкой в игре будет не только принцесса из Гелиума.

- Не могу ничего обещать вам, - объяснил он, - но могу сказать, что мы будем бороться не только за принцессу, но и за свою свободу.

Они окружили его и задали множество вопросов.

- Не нужно говорить громко, - сказал Туран. - Флоран и Вал Дор знают вас и уверены, что вам можно сказать правду. Слушайте! То, что я вам скажу, отдает мою жизнь в ваши руки, но вы должны знать, что сегодня каждому из вас предстоит величайшая в жизни битва за честь и свободу прекраснейшей принцессы Барсума и за вашу собственную свободу, ибо свобода этой женщины и возвращение каждого из вас на родину взаимосвязаны.

Теперь о моей тайне. Я не из Манатора, и подобно вам пленник, но выдаю себя за манаторианина из Манатая. Моя родина и мое подлинное имя пока должны оставаться в тайне. Я один из вас. Я борюсь за то же, за что боретесь и вы. А теперь послушайте, о чем я узнал. У-Тор, великий джед Манатоса, вчера во дворце поссорился с О-Таром, их воины сражались друг с другом. У-Тор покинул город через ворота Врагов и стоит за стеной лагерем. В любой момент борьба может возобновиться. Думаю, что У-Тор послал в Манатос за подкреплением. У-Тор недавно взял в жены принцессу Гайю из Гатола, которая была рабыней О-Тара и чей сын А-Кор был дваром крепости Джетан. Сердце

Гайи полно верности Гатолу и сочувствим своему сыну А-Кору, помещенному сейчас в тюрьму О-Тара. Эти чувства она передала У-Тору. Помогите мне освободить принцессу Тару Гелиум, и я помогу вам всем освободиться. Придвиньте свои уши, рабы О-Тара, чтоб никакой враг не мог услышать мои слова, - и Гохан из Гатола прошептал им чуть слышно составленный им план.

- Теперь, - потребовал он, закончив говорить, - пусть тот, кто не хочет в этом участвовать, скажет. - Все молчали. Есть кто-нибудь?

- Клянусь сражаться с тобой до конца и не предавать тебя, - сказал один из рабов дрожащим от сдерживаемого волнения голосом.

- И я! И я! И я! - подхватил хор голосов шепотом.

XVII. ИГРА СО СМЕРТЬЮ

Ясный и чистый звук трубы послышался над полем Джетан. Из высокой крепости ее пронзительный голос летел над столицей Манатора, над людским столпотворением, над толпами, заполнившими сидения стадиона - Это был вызов игроков на первую игру, одновременно на тысячах шпилей крепости, на зубцах крепостных стен, на больших стенах стадиона взвились яркие знамена и вымпелы борющихся вождей Манатора. Это означало открытие игр Джетана, наиболее значительных в году и вторых по значению после больших Десятилетних игр.

Гохан из Гатола внимательно следил за игрой. Это было разрешение небольшого спора между вождями и разыгрывалась партия профессиональными игроками в Джетан. Никто не был убит, и пролилось лишь немного крови. Игра продолжалась около часа и по предложению одного из вождей прекратилась. Победитель был выявлен при помощи жребия.

Вновь прозвучала труба, означая начало второй и последней в этот день игры. Это тоже не была главная партия. Наиболее интересные встречи откладывались на четвертый и пятый день игр. Тем не менее, эта партия обещала доставить зрителям удовольствие, так как это была игра со смертью.

Разница между партией, разыгрываемой живыми людьми и разыгрываемая неодушевленными фигурами заключалась в том, что если фигуру просто снимают с доски, а другая занимает ее место, то два живых бойца, претендующие на одно поле, бьются между собой за обладание этим полем. Следовательно, важно не

только умение играть в джетан, но и отвага, храбрость, воинское искусство каждой живой фигуры, так что для вождя представляют большую ценность и знание достоинств и недостатков как противников, так и своих фигур.

В этом отношении у Гохана было преимущество: преданность его людей заменила ему близкое знакомство с ними: они помогали ему правильно расставить фигуры и честно рассказали о своих достоинствах и недостатках. Один сильнее в безнадежной и проигранной позиции, другой слишком медлителен, третий слишком вспыльчив, четвертый храбр и искусен, но ему не хватает выносливости. О противнике они, однако, знали мало или совсем ничего, и, пока фигуры занимали свои места на черных и оранжевых квадратах большого поля, Гохан внимательно изучал противника. Вождь оранжевых еще не показался на поле, но все его фигуры были на местах. Вал Дор повернулся к Гохану.

- Это все преступники из тюрьмы Манатора, - сказал он. - Среди них нет ни одного раба. Нам не придется бороться против соотечественников, и каждая жизнь, которую мы возьмем, будет жизнью врага.

- Это хорошо, - ответил Гохан, - но где же их вождь, где две принцессы?

- Они идут, видишь? - и он указал на дальний конец поля, где показались в сопровождении стражи две женские фигуры.

Когда они приблизились, Гохан увидел, что одна из них действительно Тара Гелиум, а другую он не знал. Женщин провели в центр поля между двумя сторонами, и здесь они ждали появления вождя оранжевых.

Флориан издал возглас удивления, узнав его.

- Клянусь моими предками, это один из больших вождей, - сказал он, - а ведь нам говорили, что будут сражаться только рабы и преступники.

Его речь была прервана хранителем крепости, чьей обязанностью было не только объявлять открытие игр и ставки на игру, но и вообще служить судьей поединков.

- Начинается вторая партия первого дня игр Джетана джеддака в 433 году правления О-Тара, джеддака Манатора. Принцессы обеих сторон служат единственной ставкой, и выжившие фигуры победившей стороны будут обладать обеими принцессами. Оранжевая из принцесс - рабыня Лан-О из Гатола. Черная принцесса - рабыня Тара, принцесса из Гелиума. Черный вождь - У-Кал из Манатая, доброволец. Оранжевый вождь двар У-Дор из восьмого утана джеддака Манатора, тоже доброволец. Битва продолжается до смерти.

Начальный ход был выигран У-Дором. Вожди отвели своих принцесс на предназначенные им места. Впервые с тех пор, как они появились на поле, Гохан оказался рядом с Тарой. Он видел, что она внимательно рассматривала его, когда он ее подхватил, и подумал, узнала ли она его. Но даже если и узнала, то не подала виду. Он не мог не вспомнить ее последних слов: "Я ненавижу тебя!". И того, что она оставила его закрытым в камере таксидермиста И-Госа, и потому не спешил открыть ей, кто он такой. Он будет сражаться за нее, умрет, если потребуется, а если не умрет, то будет бороться за ее любовь. Гохана из Гатола нелегко было обескуражить, но он вынужден был признать, что его шансы завоевать любовь Тары Гелиум уменьшились. Она уже дважды отвергла его. В первый раз, как джеда Гатола, во второй - как наемника Турана. Но прежде следовало позаботиться о ее безопасности, а уж потом добиваться ее любви.

Пройдя между рядами игроков своей партии, принцессы заняли свои поля. Слева от Тары располагался вождь Черных Гохан из Гатола, справа от нее - двар принцессы Вал Дор из Гелиума. Каждый из них знал, что должен выиграть или умереть, и то же знали все черные фигуры. Когда Тара заняла свое место, Вал Дор низко поклонился ей.

- Мой меч у твоих ног, Тара Гелиум, - сказал он.

Она повернулась и взглянула на него, и выражение удивления и недоумения появилось на ее лице7

- Двар Вал Дор! - воскликнула она. - Вал Дор из Гелиума, один из лучших капитанов моего отца! Возможно ли , чтобы мои глаза говорили мне правду?

- Да, я Вал Дор, принцесса, - ответил ей воин, - и я умру за тебя, если понадобится, как и каждый игрок черных на поле джетана сегодня. Знай, принцесса, - прошептал он, - что в нашей партии нет ни одного человека из Манатора. Мы все враги Манатора.

Она бросила быстрый и осторожный взгляд на Гохана.

- А как же он? - прошептала она, затем прижала руки к груди от удивления. - Клянусь тенью первого джеддака! - воскликнула она. - Я не узнала его в этом маскараде!

- Ты веришь ему? - спросил он. - Я не знаю его, но он хорошо говорил и показался нам храбрым воином, мы поверили ему на слово.

- И вы не ошиблись, - ответила Тара Гелиум. - Я ручаюсь за него жизнью, своей душой. Вы можете ему верить.

Как счастлив был бы Гохан из Гатола, если бы он мог слышать эти слова. Но судьба, которая привыкла играть любящими, распорядилась иначе.

Партия началась. У-Дор двинул одвара принцессы на три поля по диагонали направо, где он занял место против одвара черного вождя. Ход показывал, что У-Дор рассчитывает на кровавую схватку, а не на искусство маневрирования, а так же свидетельствовал о презрении вождя оранжевых к своему противнику.

Гохан ответил ходом пантана со стороны одвара на одно поле вперед. Это был искусный ход, открывавший линию вождю черных. Этот ход означал, что вождь черных намерен сам участвовать в схватке, когда обстоятельства игры будут вынуждать его делать это. Этот ход вызвал взрыв аплодисментов с той стороны стадиона, где сидели простые воины и их жены. Аплодисменты показывали, что У-Дор не слишком популярен среди простых воинов, и значительно улучшили моральное состояние фигур черных. Вождь может, как часто он и поступает, провести всю игру, не покидая своего поля, откуда, сидя на тоте, он видит все поле и руководит движением фигур. Если он выберет такой план, никто не упрекнет его в отсутствии храбрости. Если вождь будет убит или ранен, его партия лишается всех преимуществ, добытых искусной игрой и мужеством боицов. На индивидуальный поединок может решиться лишь очень храбрый и искусный боец, и на эти качества своего вождя надеялись черные фигуры, видя, что их вождь решил принять участие в схватке.

Следующим ходом У-дор передвинул одвара Лан-О к одвару Тары, напав тем самым на принцессу. Еще один ход и положение черных могло сильно ухудшиться, нужно было либо уничтожить оранжевого одвара, или же переместить принцессу в поисках безопасного места. Но передвинуть Тару - означало признать превосходство оранжевых. Сам Гохан не мог передвинуться на три поля и напасть на одвара оранжевых. Лишь одна фигура могла противостоять одвару оранжевых - это был одвар вождя,стоявший слева от Гохана. Гохан повернулся и посмотрел на него. Это был молодой красивый воин, одетый в роскошный наряд одвара, с пятью бриллиантовыми перьями, торчавшими из его густых черных волос и означавших занимаемую им позицию. Как и все игроки на поле, и все зрители, он знал, о чем думает вождь. Он не осмеливался говорить, этика игры запрещала это, но глаза красноречиво говорили: "Честь черных и безопасность принцессы я сумею защитить".

Гохан больше не колебался.

- Одвар вождя - вперед на одвара принцессы, - скомандовал он. Это был смелый ход: вождь черных бросал перчатку своему противнику.

Воин выступил вперед и вступил на поле, занятое фигурой У-Дора. Это было первое сражение на поле в игре. Глаза игроков были прикованы к противникам. Зрители подались вперед со своих сидений после первого всплеска аплодисментов, встретивших этот ход, затем наступила тишина. Если фигура черных потерпит поражение, У-Дор двинет свою победившую фигуру на поле, занятое Тарой Гелиум и игра будет закончена - окончена в четыре хода и проиграна Гоханом из Гатола. Если же потерпит поражение фигура оранжевых, У-Дор потеряет одну из наиболее важных фигур и утратит все преимущество первого хода.

По сложению и силе противники были схожи, каждый боролся за свою жизнь, но по первому впечатлению было ясно, что черный одвар более искусный фехтовальщик, а Гохан знал, что у него есть еще одно, и более значительное преимущество перед противником; оранжевый боролся только за свою жизнь, а черного побуждало еще и рыцарство и верность. Силу оружия черного одвара увеличивали и те слова, что прошептал на ухо Гохан игрокам перед началом игры. Поэтому черный одвар боролся не только за жизнь, но и за честь.

Эта дуэль держала зрителей в напряженном молчании. Соприкасающиеся лезвия сверкали в бриллиантовом свете солнца, звенела сталь от ударов. Варварские доспехи сражавшихся составляли великолепный фон этой дикой воинской сцены. Оранжевый одвар, вынужденный защищаться, отчаянно боролся за свою жизнь. Черный с ужасным хладнокровием теснил его и заставлял шаг за шагом отступать в угол поля - из этой позиции для него не было спасения. Оставление позиции на квадрате оранжевым означало победу черного одвара и немедленную, позорную смерть оранжевого на виду всех зрителей. Побуждаемый кажущейся безнадежностью своего положения, оранжевый одвар перешел от защиты к яростному наступлению и вынудил черного отступить на полдюжины шагов, затем меч фигуры У-Дора задел плечо противника и показалась первая кровь.

Зловещий подавленный крик торжества вырвался из глоток людей У-Дора. Оранжевый одвар, ободренный этим успехом, хотел в быстрой атаке добить своего противника... Его меч двигался с такой быстротой, что и глаза зрителей не могли за ним уследить, но все же черный одвар сумел увидеть единственную

ошибку своего противника. Отразив очередной удар, он внезапно прыгнул вперед и пронзил мечом сердце оранжевого одвара, по самую рукоять погрузив меч в его тело.

Крик раздался из уст игроков и зрителей - это была прекрасная схватка и победил в ней более сильный и искусный. Черные вздохнули с облегчением, сбросив напряжение последних мгновений.

Не буду передавать вам последующие детали игры, для вашего понимания важен лишь ее конец. Через четыре хода после победы черного одвара Гохан был рядом с У-Дором. Справа по горизонтали от него поле занимал оранжевый пантан, он был единственной фигурой, преграждавшей путь к вождю противника.

Из предыдущих ходов для всех игроков и зрителей было ясно, что Гохан движется прямо в расположение вражеских фигур и ищет схватки с оранжевым вождем, что он все поставил на одну схватку, надеясь на свое превосходство в фехтовальном искусстве: схватка вождей по правилам решала исход встречи. У-Дор мог двинуться вперед и напасть на Гохана, он мог двинуть пантана своей принцессы на поле, занятое Гоханом, в надежде, что пантан победит вождя черных и выиграет всю встречу.

У-Дор переместил свою принцессу на четыре поля к востоку от Гохана, так как ее позиция была угрожающей, и надеялся вслед за ней избежать встречи с черным вождем, но в этом он потерпел неудачу. Он увидел, что теперь только его одвар может сражаться с Гоханом, но он уже потерял одного одвара и боялся рисковать второй фигурой. Его позиция была трудной: он хотел избежать схватки с вождем противника, но вероятность того, что ему это удастся, была мала. Единственная надежда заключалась в пантане принцессы, поэтому без дальнейших колебаний он приказал этой фигуре вступить на поле, занятое черным вождем.

Симпатия зрителей была полностью на стороне Гохана. Если он потерпит поражение, игру отложат, а на Барсуме это любят не больше, чем на Земле. Если он победит, это будет несомненно означать схватку вождей, которую все надеялись увидеть. Вообще толпа любила игры с многочисленными схватками. В записях сообщалось о грандиозных исторических играх, в которых было по три-две принцессы и победивший в игре вождь.

Зрители осудили У-Дора, обвиняя его в недостаточной храбрости. Он был великим вождем и решил овладеть Тарой. Для него не было чести в сражении с рабами, преступниками или

неизвестными воинами из Манатая. Ставка в игре не оправдывала того риска. Но если уж обстоятельства игры требовали схватки, избегать ее не следовало.

Но вот началась схватка между Гоханом и оранжевым пантаном. Впервые жители Манатора видели фехтовальное искусство Гохана из Гатола, но Тара Гелиум знала, что он мастерски владеет мечом. Если бы он видел, какой гордостью сверкали ее глаза, когда он ранил оранжевого. Вождь черных удивился бы, что эти самые глаза сверкали огнем ненависти, когда он покрывал ее губы бурными поцелуями в подземельях дворца О-Тара. Глядя на него она не могла не сравнить его с величайшим фехтовальщиком двух миров - ее отцом, Джоном Картером из Виргинии, принцем Гелиума, Главнокомандующим из Барсума - и она видела, что искусство черного вождя не проигрывает в сравнении.

Схватка была короткой. Зрители приготовились следить за обычной средней продолжительности дуэлью, но прежде чем они успели перевести дыхание, последовал блестящий удар. Зрители увидели, как черный вождь отступил и опустил меч острием книзу, а его противник выронил меч, схватился за грудь, опустился на колени и затем упал лицом вниз.

Тогда Гохан из Гатола взглянул прямо на У-Дора из Манатора. Тот был от него на расстоянии трех полей. Три поля вождь может преодолеть одним ходом в любом направлении. Зрители поняли намерение Гохана. Все встали со своих мест, когда он двинулся к полю, занятому оранжевым вождем.

О-Тар, сидя в ложе джеддака, нахмурился при виде этой сцены. О-Тар был разгневан. Он сердился на У-Дора, который принял участие в игре за обладание рабыней , в то время, как О-Тар хотел, чтобы ее разыграли лишь рабы и преступники. Он сердился и на воина из Манатая, который так легко победил жителя Манатора. Он сердился на зрителей, которые проявляли открытую враждебность к одному из тех людей, которые много лет грелись в лучах милости джеддака. О-Тар не радовался завтрашнему дню. Окружавшие его тоже хмурились, они тоже были недовольны игрой, игроками и зрителями. Среди них был морщинистый, согбенный старик, глядевший своими водянистыми глазами на поле и игроков.

Когда Гохан вступил на его поле, У-Дор прыгнул к нему с обнаженным мечом с такой яростью, которая подавила бы менее искусного и сильного фехтовальщика. Через одно мгновение закипела яростная схватка, которая по напряженности превосходила все предыдущие. Встретились действительно два велико-

лепных фехтовальщика. Не прошло и нескольких минут, как многие стали предсказывать, что они являются свидетелями дуэли, которая станет исторической в хрониках джетана в Манаторе. Все приемы и удары, увертки и атаки, известные в фехтовании, использовали бойцы. Время от времени они касались друг друга остриями своих мечей, и на медной коже обоих появлялась кровь: вскоре оба были красны от засохшей крови, но казалось, что никто из них не в состоянии нанести решающий удар.

Со своей позиции на противоположной стороне Тара Гелиум следила за схваткой. Ей все время казалось, что когда черный вождь защищается или когда он вынуждает противника отступать, он пренебрегает тысячами возможностей для решающего удара. Она видела эти возможности. Он ни разу не оказывался в настоящей опасности и в тоже время ни разу не хотел нанести удара, который принес бы ему победу. Дуэль продолжалась. И день клонился к вечеру. Приближался внезапный переход от дневного света к ночной тьме. Учитывая разреженную атмосферу Барсума, этот период не сопровождался сумерками, обычными для Земли. Неужели же схватка так и не кончится? Неужели после всего этого игру отложат? Что беспокоит черного вождя?

Тара хотела получить ответы на эти вопросы, она была уверена, что ее Туран сражается не в полную меру. Она не думала, что страх делает менее уверенной его руку. Но была уверена, что что-то сдерживает Турана от последнего удара. Что это было, она, однако, не догадывалась.

Однажды она заметила, как Туран бросил быстрый взгляд на опускавшееся солнце. Через тридцать минут наступит темнота. А затем и она и все зрители увидели необычайную перемену в ходе боя. Все предыдущие часы схватки черный вождь играл с великим дваром, У-Дором, он продолжал играть с ним и сейчас, но была в этой игре большая разница. Он играл с ним теперь, как хищник играет с добычей, прежде чем убить ее. Оранжевый вождь был теперь совершенно беспомощен в руках фехтовальщика, которой несравненно превосходил его своим искусством. Люди смотрели с раскрытыми от удивления глазами и ртами, как Гохан из Гатола ударил своего противника по ребрам, а затем мощным ударом рассек его голову до подбородка.

Через двадцать минут сядет солнце.

XVIII. ИСПЫТАНИЕ ВЕРНОСТИ

Громкие и далекие аплодисменты прозвучали над полем Джетана в Манаторе, когда хранитель крепости вызвал двух принцесс и победившего вождя на центр поля. Здесь черному вождю вручили плоды его победы, и затем, как требовал обычай, победившие игроки, возглавляемые Гоханом и двумя принцессами, образовали процессию. Хранитель крепости повел их к месту победителей перед ложей джеддака, где они должны были получить благодарность джеддака.

Всадники отдали своих тотов рабам, так как в церемонии участвовали только пешие. Прямо перед ложей джеддака начинался туннель, который, проходя под сидениями, кончался выходом с поля. Перед входом в туннель отряд остановился и О-Тар посмотрел на воинов сверху. Вал Дор и Флоран, постепенно пробравшиеся в голову колонны, прошли прямо в ворота и там скрылись от взгляда тех, кто находился в ложе О-Тара. Хранитель крепости мог заметить это, но он был так занят своими обязанностями и необходимостью представить победителей самому джеддаку, что не обратил на это внимания.

- Представляю тебе, О-Тар, джеддак Манатора, У-Кала из Манатая, - воскликнул он громким голосом, слышимым на всем стадионе, - победителя Оранжевых во второй игре джеддака 433 года правления О-Тара, и рабынь Тару и Лан-О, чтобы ты мог достойно наградить победителей.

Пока он говорил, маленький сморщенный старик, наклонившись над перилами ложи джеддака, всматривался в трех человек, стоявших прямо за хранителем, казалось, он напрягал свои слабые водянистые глаза, чтобы удовлетворить старческое любопытство, ибо чем были две рабыни и простой воин из Манатая для одного из приближенных джеддаков О-Тара.

- У-Кал из Манатая, - сказал О-Тар, - ты выиграл ставку. Не часто приходится видеть такое искусство владения мечом. Если оставишь свой город, для тебя всегда найдется место в столице Манатора в личной охране джеддака.

Пока джеддак говорил, старик безуспешно пытался разглядеть черты лица Черного вождя, вдруг он вытащил из кармана пару очков с толстыми стеклами и надел их на нос. Какое-то время он продолжал разглядывать Гохана, а затем, указав на него пальцем, повернулся к О-Тару. Когда он встал, Тара Гелиум схватила Черного вождя за руку.

- Туран! - шепнула она. - И-Гос, я думала, что я убила его в подземельях О-Тара. Это И-Гос, он узнал тебя...

Но тут же выяснилось, что собирался делать И-Гос. Своим резким фальцетом он закричал:

- Это раб Туран, который похитил рабыню Тару из твоего тронного зала, О-Тар. Он осквернил покойного вождя И-Мая и надел его доспехи.

Мгновенно все превратилось в ад. Воины выхватили свои мечи и вскочили на ноги. Победившие игроки Гохана полным составом двинулись вперед, сбив с ног хранителя крепости. Вал-Дор и Флоран проникли через ворота в королевскую ложу, открыв проход в туннель. Гохан, окруженный своими людьми, повел Тару и Лан-О в туннель и весь его отряд быстро двинулся через туннель, пока преследователи не разобрались в обстановке. Они выполнили задуманное, и когда вышли в город, солнце село и улицы были освещены лишь древними и не эффективными осветительными системами, бросавшими слабый отблеск на затемненные улицы.

Только теперь Тара Гелиум догадалась, почему черный вождь затягивал дуэль с У-Дором, и поняла также, что он мог убить его в любой момент. Ей стал понятен план, который прошептал на ухо своим игрокам Гохан перед игрой. Они выйдут из города через Ворота Врагов и предложат свою службу У-Тору, великому джеду Манатоса. То обстоятельство, что большинство из них гатолиане и что Гохан мог провести освободителей в тюрьму, где томился А-Кор, сын жены У-Тора, по мнению джеда Гатола подкрепляло их надежды на согласие У-Тора. Но даже если У-Тор откажет им, они будут держаться вместе и пробьются через воиска У-Тора - двадцать человек против целой армии, но уж из такого материала были сделаны воины из Барсума.

Они уже прошли значительное расстояние по безлюдному городу, когда послышались звуки преследования, и вот их уже нагнала дюжина всадников на тотах - очевидно, это была гвардия джеддака, вернее ее авангард. Немедленно улица огласилась звоном мечей, криками тотов и топотом сражавшихся.

В первой стычке с обеих сторон пролилась кровь. Двое из людей Гохана упали, а в лагере противника три тота без всадников свидетельствовали о судьбе их хозяев.

Гохан сражался с воином, который, казалось, искал только его. Он подскакал прямо к нему, не обращая внимания на остальных, пытавшихся остановить его. Гатолианец, владевший приемами сражения пешего воина с всадником, хотел оказаться слева от тота и немного позади всадника - это была единствен-

ная позиция, в которой пеший мог успешно бороться с всадником. Манаторианин понял его намерение. Всадник повернул тота в то время, как Гохан пытался занять удобную позицию или найти какую-либо щель в защите своего противника.

Пока они так примеривались друг к другу, мимо быстро проскакал какой-то всадник. Гохан услышал возгласы тревоги.

- Туран! Они схватили меня! - донесся до него голос Тары Гелиум.

Быстрый взгляд через плечо открыл ему скачущего всадника, и на холке его тота была Тара. С яростью демона Гохан из Гатола прыгнул на своего противника, стащил его на землю и одним ударом расколол его голову своим коротким мечом. Не успело тело убитого коснуться мостовой, как гатолианин был уже на спине тота и быстро скакал по улице вслед за уменьшающейся фигурой похитителя Тары.

Звуки схватки замолкли на расстоянии, а Туран мчался по улице, ведущей от дворца О-Тара к Воротам Врагов.

Тот Гохана, несший лишь одного всадника, скакал быстрее тота манаторианина, так что, когда тот достиг ворот дворца, Гохан был всего в ста ярдах за ним. И тут, к своему ужасу, он увидел, что похититель свернул в ворота дворца. На мгновение он был остановлен охраной, затем проскакал внутрь. Гохан уже почти нагнал его, но тут послышались окрики, стражники преградили ему путь. Но нет! Похититель не знал, что его преследуют, он не видел Гохана и не ожидал, что тот сумеет так быстро последовать за ним. Если он прошел здесь, то и Гохан сумеет пройти. Разве не одет он в доспехи манаторианина? Эти мысли стремительно пронеслись в голове гатолианина, когда он остановил своего тота и произнес:

- Именем О-Тара.

Стража колебалась.

- Прочь! - крикнул Гохан. - Кто смеет препятствовать посланнику джеддака!

- К кому ты послан? - спросил падвар.

- Разве вы не видели того, кто только что проскакал? - воскликнул Гохан, и, не ожидая ответа, пустил своего тота прямо во дворец, и пока стража колебалась, что делать, было уже поздно что-либо делать - он был уже во дворце.

Гохан направил своего тота вдоль по мраморным коридорам и поскольку он уже проходил этим путем, он знал, куда везут Тару - в тронный зал О-Тара. На втором этаже он встретил раба.

- Куда проскакал всадник с женщиной? - спросил он.

Раб показал на ближайший пандус, который вел на третий этаж, и Гохан быстро продолжил преследование. В то же самое время всадник, мчавшийся бешеной рысью, подскакал ко входу во дворец.

- Видели ли вы всадника, преследовавшего другого всадника с женщиной? - крикнул он стражникам.

- Он только что проскакал, - ответил падвар страже - Он сказал, что его послал О-Тар.

- Он лгал! - воскликнул вновь прибывший. - Это был Туран, раб, похитивший два дня назад женщину из тронного зала. Тревога! Он должен быть схвачен, по возможности живым. Таков приказ О-Тара.

Стражники немедленно отправились разыскивать гатолианина и передать тот же приказ тем, кто находился во дворце. Поскольку большинство отправилось на игры, во дворце находилось сравнительно немного людей, но все они включились в поиски, и вскоре не менее пятидесяти воинов рыскали по бесчисленным комнатам и коридорам огромного дворца О-Тара.

Когда Гохан достиг третьего этажа, перед ним мелькнула и тот час же скрылась за поворотом фигура похитителя Тары. Подгоняя тота, он поскакал вперед, но за поворотом обнаружил лишь пустой коридор. Проскакав по нему, он оказался на пандусе, ведущем на четвертый этаж, и поднялся по нему. И здесь он вновь увидел воина, который въезжал в дверь в пятидесяти ярдах впереди... Доскакав до двери, Гохан увидел, что воин спешился и тащит Тару к маленькой двери в противоположной стороне комнаты. В то же время сзади раздался звон оружия. Взглянув туда, вдоль коридора, по которому он только что проскакал, Гохан увидел трех бегущих пеших воинов. Соскочив с тота, Гохан захлопнул дверь и защелкнул массивную задвижку, затем выхватил меч и направился к манаторианину. Тот, увидев угрозу, громко крикнул Гохану, чтобы он остановился и приставил острие короткого меча к груди Тары.

- Стой! - воскликнул он. - Или эта женщина умрет, но не попадет в твои руки. Таков приказ О-Тара.

Гохан остановился, всего несколько футов отделяло его от Тары и ее похитителя, но он был бессилен. Воин медленно пятился к раскрытой позади него двери, таща за собой Тару. Тара вырывалась, но воин был очень сильным человеком и легко удерживал ее таким образом, что она не могла пошевелиться.

- Освободи меня, Туран! - кричала она. - Не допусти, чтобы меня тащили к судьбе, которая хуже смерти. Пусть лучше я умру сейчас, когда мои глаза видят верного друга, чем потом, когда я одна буду бороться с врагами за свою честь!

Туран сделал шаг вперед. Воин угрожающе приблизил острие меча к смуглой коже принцессы и Гохан остановился.

- Я не могу, Тара Гелиум! - воскликнул он. - Не осуждай меня за эту слабость, я не могу видеть твою смерть! Слишком велика моя любовь к тебе, дочь Гелиума!

Манаторианский воин с презрительной усмешкой продолжал пятиться. Он уже почти достиг двери, как из нее вышел другой воин. Этот воин двигался медленно, почти украдкой, неслышно ступая по мраморному полу, и приблизился к похитителю Тары сзади. В правой руке он сжимал длинный меч.

- Двое против одного, - прошептал Гохан, и угрюмая усмешка тронула его губы, ибо он не сомневался, что если один воин не хотел стычки с ним, то двое обязательно нападут на него.

Если он не спасет ее, то, по крайней мере, умрет за нее.

И вдруг глаза Гохана выразили крайнее удивление при виде появления в поведении воина, вышедшего из комнаты некоторой нелогичности. Он увидел выражение злорадства и удовлетворения на его лице. Он увидел, как большой меч вновь появившегося из комнаты описал в воздухе большой круг и нанес быстрый удар. Он видел, как этот удар рассек сардоническую усмешку похитителя, расколол его череп и все его тело до середины груди.

Мертвая рука ослабила руку, и Тара отпрыгнула в сторону Гохана. Левой рукой он обхватил ее и с обнаженным мечом ждал, что еще приготовила им судьба. Между тем освободитель Тары вытер кровь с меча о волосы своей жертвы. Это был, очевидно, манаторианин, его доспехи указывали на принадлежность к гвардии джеддака, и тем более необъяснимым для Гохана и Тары был его поступок. Он подошел к ним, вложив меч в ножны.

- Когда человек, стараясь скрыть свое подлинное имя, принимает другое, - сказал он, глядя прямо в глаза Гохану - плохим будет тот друг, который, проникнув в эту тайну, разгласит ее.

Он замолчал, как бы выжидая ответа.

- Твоя честность видна по твоему лицу и твои губы неизменно говорят правду, - ответил Гохан, мучительно размышляя над задачей, которую ему задали - неужели этот манаторианин раскрыл его инкогнито?

- Мы с тобой согласны, - продолжал тот, - и могу сказать тебе, что хотя я известен здесь как А-Сор, но мое подлинное имя Тасор. - Он остановился и ждал, какое впечатление произведут его слова на Гохана. Он был вознагражден быстрым, хотя и трудноуловимым выражением, с каким узнают человека, в лице Гохана.

Тасор! Друг его юности! Сын видного гатолианского дворянина, отдавшего свою жизнь в героической, хотя и напрасной попытке защитить отца Гохана от кинжалов убийц. Тасор - и в гвардии О-Тара, джеддака Манатора! Это было невероятно - но однако так оно и было: в этом не было никаких сомнений.

- Тасор, громко повторил Гохан. - Но это не манаторианское имя.

Утверждение его было полувопросом, ибо любопытство Гохана было возбуждено до крайности. Он хотел знать, как его друг и верный помощник стал манаторианином. Много лет прошло с тех пор, как исчез Тасор так же удивительно, как и принцесса Гайя и многие другие жители Гатола. Джед Гатола долгое время считал его мертвым.

- Нет, - ответил Тасор, - это не манаторианское имя. Пойдем, я отыщу для вас укрытие в одной из комнат нежилой части Дворца. Там я расскажу кратко, как Тасор из Гатола стал А-Сором из Манатора.

Случилось так, что я ехал вдоль восточной границы Гатола с дюжиной моих воинов в поисках зитидаров, пропавших из моего стада. Мы были окружены большим отрядом манаториан. Они взяли нас в плен после того, как половина моего отряда погибла, а оставшиеся были беспомощны из-за полученных ран. Так я стал пленником в Манатае, в дальнем городе Манатора, и там я был продан в рабство. Меня купила принцесса Манатая, чьи богатства и положение не имели себе равных в этом городе. Она полюбила меня и когда ее муж обнаружил эту любовь, она стала упрашивать меня убить его. Когда я отказался, она наняла другого убийцу. После этого она вышла за меня замуж. Но с ней после этого в Манатае никто не хотел знаться, так как ее подозревали в убийстве мужа. Поэтому мы уехали из Манатая в Манатор в сопровождении большого каравана с лучшими вещами, драгоценностями и золотом. На пути она распустила слух, что мы погибли. Прибыв в Манатор, она взяла новое имя, а я стал называться А-Сором, чтобы нас не могли отыскать по старым именам. Благодаря своему богатству, она купила мне место в

гвардии джеддака, и теперь уже никто не знает, что я не манаторианин, так как моя жена умерла. Она была прекрасна, но это был дьявол!

- И ты никогда не пытался вернуться в родной город? - спросил Гохан.

- Никогда надежда не исчезала из моего сердца, - ответил Тасор. - Я мечтал об этом днем и ночью, но всегда приходил только к одному и тому же выводу - что есть только один способ бежать. Я должен был ждать, пока судьба не поможет мне попасть в отряд, направляющийся за рабами Гатола. Тогда, в границах моей родины, они меня бы больше не увидели.

- Возможно, сейчас такая возможность в твоих руках, - сказал Гохан, - если преданность твоему собственному джеду не утасла за годы службы в Манаторе. - И это предложение звучало так же, как вопрос.

- Если бы мой джед стоял передо мной! - воскликнул Тасор. - Мое признание не раскрыло бы его инкогнито, и я сложил бы свой меч у его ног и просил бы о высшей милости умереть за него, как мой отец в свое время умер за его отца.

Больше нельзя было сомневаться ни в его искренности, ни в том, что он опознал Гохана. Джед Гатола улыбнулся.

- Если бы твой джед стоял перед тобой, то, несомненно, он приказал бы приложить все твои возможности и всю отвагу для спасения принцессы Тары Гелиум, - сказал он многозначительно. - Если бы он располагал сведениями, которые я получил во время своего плена, он сказал тебе: "Иди, Тасор, в тюрьму, где томится А-Кор, сын Гайи из Гатола, освободи его, подними с ним вместе всех рабов из Гатола, затем отправляйтесь к Воротам Врагов и предложите свою судьбу У-Тору из Манатоса, мужу Гайи из Гатола, попросите его атаковать дворец О-Тара и освободить принцессу Тару Гелиум. А затем попросить освободить рабов из Гатола, дать им оружие и помочь вернуться на родину". Так, Тасор из Гатола, приказал бы тебе Гохан, твой джед.

- Обещаю тебе, раб Туран, что я приложу все усилия свои, чтобы выполнить все это после того, как мы найдем подходящее убежище для Тары Гелиум и ее пантана - ответил Тасор.

Взгляд Гохана выразил Тасору благодарность его джеда. Оба они понимали, что Тасор или выполнит поручение, или же умрет. Любимый вождь возложил на его плечи не только ответственность за жизнь Гохана, Тары, но и благосостояние, а, возможно, и само существование Гатола. И он быстро повел их по заплесневелым коридорам старого дворца, где пыль веков

лежала нетронутой на мраморных плитках. Вновь и вновь пытался он открыть двери, пока ему не попалась незапертая. Открыв ее, он ввел их в комнату, серую от пыли.

Рассыпанные меха и шелка лежали у стен, на стенах висело древнее оружие, видны были фрески, краски которых поблекли от времени.

- Здесь будет лучше всего, - сказал он. - Сюда никто не придет. Я сам никогда не был здесь, поэтому знаю об этих коридорах не больше вас. Но все равно я сумею найти вас вновь и принести вам пищу и питье. Эту часть дворца занимал король О-Май во времена своего правления пять тысяч лет до О-Тара. В одной из этих комнат он был найден мертвым, и его лицо было так искажено, что все, кто видели его, сходили с ума. Но на нем не было никаких следов насилия. С тех пор никто не занимал помещений О-Мая, так как согласно легенде, духи корфалов преследуют здесь дух убитого джеддака со стонами и скрежетом. Но, - добавил он, - как бы желая подбодрить себя и своих товарищей, - вряд ли культура Гатола и Гелиума признает подобные сказки.

Гохан засмеялся.

- Если все, кто смотрел на него, сходили с ума, то кто же подготовил его тело к погребению, которое положено джеддаку?

- Никто, - ответил Тасор. - Его оставили там, где нашли, и до сих пор его распадающиеся кости лежат в одной из забытых комнат этих заброшенных аппартаментов.

Тасор оставил их, уверив, что использует первую же возможность, чтобы увидеться с А-Коромом и что на следующий день принесет им пищу и воду.

После ухода Тасора, Тара подошла к Гохану и взяла его за руку.

- События развертывались так стремительно после того, как я узнала тебя под этим маскарадом, - сказала она, - что я не успела выразить тебе признательность и восхищение твоей отвагой и искусством... Позволь мне еще раз подтвердить, что я у тебя в долгу, и обещаю, что твоя доблесть не останется невознагражденной. Ты получишь награду из рук моего отца в Гелиуме.

- Мне не нужна иная награда, - ответил он, - кроме счастья знать, что женщина, которую я люблю, счастлива.

На мгновение глаза Тары сверкнули прежним высокомерием, затем смягчились и она печально покачала головой.

- Я не хочу упрекать тебя, Туран, - сказала она. - Ты храбрый и верный друг Тары Гелиум, но ты не должен произносить слов, которых мои уши не должны слышать.

- Ты хочешь сказать, - спросил он, - что уши принцессы не должны слышать слова простого наемника-пантана?

- Нет, Туран, - ответила она, - но честь не позволяет мне слушать слова любви, ни от кого, кроме того человека, с кем я помолвлена, моего соотечественника Джора Кантоса.

- Значит ли это, Тара Гелиум, - вскричал он, - что если бы ты не была помолвлена...

- Стой! - приказала она. - Ты не должен добиваться еще чего-нибудь, кроме того, что услышал.

- Глаза часто более красноречивы, чем уста, Тара, - ответил он. - А в твоих глазах я прочел, что ты никогда не испытываешь ненависти и презрения к пантану Турану - мое сердце говорит, что твои уста лгут, когда ты в гневе кричала "Я ненавижу тебя!"

- Я не ненавижу тебя, Туран, но и не могу любить, - просто ответила девушка.

- Когда я выбрался из комнаты И-Госа, то готов был поверить, что ты на самом деле ненавидишь меня, - сказал он. - Мне казалось, что только ненависть может объяснить твой уход, даже без попытки освободить меня: но теперь сердце и рассудок говорят мне, что Тара Гелиум не оставила бы товарища в беде. Но я все еще не знаю, как это случилось.

- Едва И-Гос упал от удара моего кинжала, - сказала девушка, - как я услышала шум приближения воинов. Я побежала в поисках убежища, рассчитывая переждать, вернуться и освободить тебя, но попала в руки другого отряда. Они спросили, где ты, я ответила, что ты пошел вперед, а я иду за тобой, так я увела их от тебя.

- Понятно, - только и сказал Гохан, но на сердце у него было радостно, как это бывает у человека, услышавшего от возлюбленной признание в верности и любви.

Пока они беседовали в полутемной комнате, где свет шаров был затемнен толстым слоем пыли, согнутая фигура медленно шла по коридорам, всматриваясь в следы, оставленные на пыльном полу, через мощные стекла очков.

XIX. УГРОЗА СМЕРТИ.

Ночь только начиналась, когда некий человек подошел к входу в пиршественный зал, где О-Тар из Манатора обедал со своими вождями. Этот человек высокомерно прошел мимо стражи, как имеющий на это право. Он действительно имел его. Он подошел к большому столу, и О-Тар его заметил.

- Здравствуй, старик! - крикнул он. - Что привело тебя сегодня к нам из твоих любимых благоухающих нор? Мы думали, что вид множества живых людей на играх заставит тебя вернуться к твоим мертвецам как можно скорее.

Кашляющий смех И-Госа был ответом на эту королевскую остроту.

- Да, да, О-Тар, - проскрипел старик. - С удовольствием вернулся бы И-Гос в свои приятные комнаты. Но когда безжалостно оскорбляют мертвецов И-Госа, должно наступить мщение.

- Ты имеешь в виду раба Турана? - спросил О-Тар.

- Турана, да... и рабыню Тару, которая ударила меня кинжалом. Дюйм в сторону, О-Тар, и сейчас старое и слабое тело И-Госа было бы в руках какого-нибудь начинающего чучельника.

- Но они вновь скрылись от нас - воскликнул О-Тар. - Даже во Дворце великого джеддака они дважды убегали от этих тупых ножей, которые называются гвардией джеддака.

Он встал и сопровождал свои гневные слова ударами кулака по столу, уставленному золотыми кубками.

- Да, О-Тар, - они скрылись от твоей гвардии, но не от мудрого старого И-Госа.

- Что это значит? Говори, - приказал О-Тар.

- Я знаю, где они скрываются, - сказал старый таксидермист. - Следы в пыльных нежилых коридорах выдали их.

- Ты пошел за ними? Ты видел их?

- Я пошел за ними, я слышал их разговор за закрытой дверью, - ответил И-Гос, - но я не видел их.

- Где эта дверь? - воскликнул О-Тар. - Я пошлю туда воинов и велю схватить их. - Он посмотрел на стол, как бы решая, кого послать с этим поручением. Дюжина вождей вскочила на ноги и положила руки на мечи.

- Я проследил их до комнат джеддака О-Мая, там, - скрипел И-Гос, - там вы их найдете, там, где стонущие корфалы преследуют дух О-Мая, да! - и он перевел взгляд с О-Тара на вставших воинов, которые услыхав его слова, торопливо сели на место.

Кашляющий смех И-Госа нарушил воцарившуюся тишину. Вожди в смущении глядели на еду в золотых тарелках. О-Тар в нетерпении сжимал пальцы.

- Неужели среди вождей Манатора одни трусы? - воскликнул он. - Дважды эти дерзкие рабы оскорбляли величие вашего джеддака. Могу ли я приказать привести их сюда?

Медленно встал один из вождей, еще двое последовали его примеру.

- Ага, - прокомментировал О-Тар, - значит не все трусы. Пойдите втроем и возьмите столько воинов, сколько захотите.

- Но не спрашивайте добровольцев, - перебил его И-Гос, - а то вам придется идти одним.

Трое вождей повернулись и покинули пиршественный зал, медленно двинулись они к своей судьбе подобно осужденным на казнь.

Туран и Тара оставались в комнате, в которую их привел Тасор. Туран стряхнул пыль с глубокого и удобного дивана, на котором они устроились со сравнительным комфортом. Древние спальные меха и шелка уже не годились для службы, они рассыпались от прикосновения, устроить хоть сколько-нибудь удобную постель для девушки было невозможно, поэтому они сидели и тихо разговаривали о пережитых приключениях и размышляли о будущем, они строили планы бегства и надеялись, что Тасор будет отсутствовать недолго. Они говорили о многом: О Гасторе, Гелиуме, Птарсе и, наконец, разговор напомнил Таре о Гатоле.

- Ты служил там? - спросила она.

- Да, - ответил Гохан.

- Я вспомнила Гохана, джеда Гатола, во дворце моего отца, - сказала она. - За день до того, как буря унесла меня из Гелиума, я вместе с ним была на приеме во дворце моего отца, и это был самонадеянный нахал, богато украшенный платиной и бриллиантами. Никогда в жизни я не видела таких великолепных украшений, как на нем: наверное, великолепие всего Барсума сосредоточено при дворе Гатола. Но я не могу себе представить этого разукрашенного джеда, извлекающего свой драгоценный меч в смертельной схватке. Мне кажется, что джед Гатола, несмотря на все свои богатства, плохой боец.

В полутьме комнаты Тара не заметила, как скривилось лицо ее собеседника.

- Ты впоследствии не думала о джеде Гатола? - спросил Туран.

- Ни тогда, ни сейчас, - ответила она со смехом. - Как было бы задето его самолюбие, если бы он узнал, что бедный пантан завоевал большее уважение Тары Гелиум, - и она положила руку ему на колено.

Он схватил пальцы ее руки и прижал их к губам.

- О, Тара Гелиум! - воскликнул он, - не думаешь ли ты что я сделан из камня?

Одной рукой он обнял девушку за плечи и привлек к себе ее податливое тело.

- Пусть первый предок простит мою слабость! - воскликнула она и, обняв руками его шею, прижалась к его губам. Долгое время стояли они так в первом поцелуе, а затем она мягко отстранила его.

- Я люблю тебя, Туран, - она полурыдала. - Я так люблю тебя! Единственное мое извинение в том, что теперь я знаю: я никогда не любила Джора Кантоса. И если ты действительно любишь меня, Туран, как говоришь, ведь я как глина в твоих руках.

Он вновь прижал ее к себе, затем внезапно отстранил и принялся шагать взад и вперед по комнате, как бы пытаясь покорить и подчинить себе непокорное желание, поднимающееся из глубины его души... Как торжественный гимн звучало у него в мозгу и сердце ее слова: "Я люблю тебя, Туран! Я так люблю тебя!" И это произошло так внезапно. Он думал, что она испытывает к нему лишь благодарность за верность, и вот все преграды рухнули, она больше не принцесса, наоборот... но тут его размышления были прерваны звуками, донесшимися из-за запертой двери. Не производя ни малейшего шума, он подошел к ней и прислушался - откуда-то издалека доносился звон металла о металл - несомненный признак приближения вооруженных людей.

Несколько мгновений Гохан внимательно прислушивался, прижавшись к двери, пока у него не осталось никаких сомнений в том, что говорил ему Тасор, он совершенно сознательно заключил, что в эту часть дворца они могут прийти лишь с единственной целью - искать Тару и его самого. И это заставило его искать немедленно выхода. В комнате, где они находились, было еще несколько дверей, и их следовало проверить в поисках более безопасного убежища. Подойдя к Таре, он рассказал ей о своих подозрениях и повел к одной из дверей, которая оказалась незапертой. За ней лежала полуосвещенная комната, на пороге которой они остановились в замешательстве и быстро отступили

назад в комнату, которую только что покинули: первый же взгляд открыл им четырех воинов сидевших вокруг доски джетана.

То, что их приход остался незамеченным, Гохан, объяснял увлеченностью этих четырех игрой. Осторожно прикрыв дверь, беглецы в молчании двинулись к следующей, но она была закрыта. Оставалась еще одна дверь, и они быстро направились к ней, так как отряд приближался к двери их убежища. Но к их досаде, и эта дверь оказалась запертой.

Они оказались теперь в сложном положении: если воины знали, где они скрываются, то беглецы погибли. Вновь Гохан повел Тару к двери, за которой сидели игроки в джетан. Выхватив меч, он ждал, прислушиваясь. Звуки отряда доносились теперь отчетливо, отряд приближался и скоро будет здесь. За дверью всего четыре воина, к тому же не ожидавших нападения. Оставался только один выход, и следуя ему, Гохан распахнул дверь в соседнюю комнату, держа Тару за руку. Четверо игроков по-прежнему не замечали их присутствия в помещении. Один сделал или собирался сделать ход, так как его пальцы застыли над фигурой на доске. Остальные трое ждали хода. Еще мгновение Гохан смотрел на игроков, сидевших в забытых и запрещенных покоях дворца, потом слабая улыбка понимания тронула его черты.

- Идем! - сказал он Таре. - Их нечего бояться. Они сидят здесь более пяти тысячелетий. Эта работа какого-то древнего таксидермиста.

Подойдя ближе, они увидели, что эти фигуры покрыты толстым слоем пыли, но кожа их так же хорошо сохранилась, как и на недавно приготовленных И-Госом чучелах... Потом они услышали, как отворилась дверь в комнату, которую они только что оставили, и поняли, что преследователи близко. В противоположной стороне этой комнаты была дверь, ведущая в коридор, который оканчивался комнатой. В центре комнаты был богато украшенный спальный помост. Комната, подобно всем остальным, была слабо освещена, время притушило свет радиевых ламп и покрыло их пылью. Взгляд вдруг обнаружил множество богатых одежд, украшений. Второй взгляд - и они заметили нечто, похожее на фигуру человека, лежавшую частично на полу, а частично на постели. Других дверей, кроме той, через которую они вошли, не было видно, хотя они понимали, что под занавесями могут скрываться другие двери.

Гохан, чье любопытство было возбуждено легендами, окружающими эту часть дворца, подошел к помосту, чтобы осмотреть фигуру, очевидно упавшую с него. Он увидел сморщенный ссохшийся труп мужчины, лежавшего на спине с вытянутыми руками и широко расставленными пальцами. Одна нога была у него подогнута, а вторая удерживалась в мехах и шелках постели. После пяти тысячелетий его высохшее лицо и безглазые орбиты выражали такой бескрайний ужас, что Гохан понял, что перед ним тело короля О-Мая.

Вдруг Тара, стоявшая радом, схватила за руку воина и указала в дальний угол комнаты. Гохан взглянул туда и почувствовал, как волосы встают дыбом. Обхватив левой рукой девушку, правой он вытащил меч и стоял так между нею и занавесями, на которые смотрел, потом медленно попятился, так как в этой угрюмой и заброшенной комнате, в которую уже пять тысяч лет не ступала нога человека и ни одно дыхание не колебало воздух, тяжелые занавеси в углу двигались. Но двигались они не как от сквозняка, если только тут мог быть сквозняк: они внезапно выпячивались, как будто кто-то пытался пробиться сквозь них. Гохан пятился к противоположному углу, пока они не прижались спинами к висевшим там занавесям, и тут они услышали приближение преследователей. Тогда Гохан протолкнув Тару за занавеси, последовал за ней сам, и, задернув их, оставил лишь небольшую щель, через которую мог наблюдать за комнатой и дверью.

За занавесями было пространство примерно в три фута шириной между занавесями и стеной, огибая всю комнату. Так обычно устроены все спальни богатых и влиятельных людей в Барсуме. У такого устройства несколько целей. Здесь дежурит охрана, будучи в комнате своего хозяина, и в то же время оставаясь невидимой. Здесь скрываются потайные выходы из комнаты. Наконец, здесь можно скрыться от убийц и других недругов, ворвавшихся в комнату.

Трое вождей и дюжина воинов без труда шли по следам беглецов, оставленным на пыльном полу коридоров и комнат. Тем не менее, посещение этой части дворца потребовало всей их крайней храбрости, и теперь, когда они находились в покоях самого О-Мая, их нервы были на пределе - еще один поворот, и они не выдержат; все люди Манатора были суеверными. Войдя в комнату, они медленно продвигались вперед с обнаженными мечами, казалось ни один из них не хотел возглавить отряд. Двенадцать воинов, не скрывая страха, держались позади, а трое

вождей, подгоняемые страхом перед О-Таром и гордостью, подбадривая друг друга, медленно вошли во вторую полутемную комнату.

Идя по следам Гохана и Тары, они подошли к каждой двери, то только одна поддалась их усилиям; осторожно открыв ее, они увидели четырех игроков за доскою джетана. Мгновение они были на грани панического бегства, так как знали, что в этих покоях можно встретить только духов мертвых. Но вновь собрав все свое мужество, они миновали группу игроков и по узкому коридору прошли в спальню короля О-Мая. Они не знали, что эта ужасная комната прямо перед ними, иначе вряд ли они осмелились бы двинуться дальше, но они видели, что те, кого они ищут, прошли туда, поэтому они последовали за ними. У входа они остановились, пока их глаза привыкли к тусклому свету. Вдруг один из них указал пальцем на фигуру, лежавшую на полу, одна нога которой лежала на постели.

- Смотрите! - крикнул он. - Это тело О-Мая! Предки предков! Мы в проклятой комнате!

Одновременно из-за занавеси в углу комнаты раздался глухой стон, сопровождаемый пронзительным воплем, и занавеси зашевелились и стали вытягиваться перед их глазами.

Как один человек, вошедшие повернулись и побежали к дверям. В узком проходе они теснились, отталкивая друг друга, крича от ужаса и стараясь как можно быстрее убежать. Они отбросили мечи и цеплялись друг за друга. Наконец, предводительствуемые самым быстрым, они пробежали две соседние комнаты и оказались в пустом коридоре. Но они не останавливались до тех пор, пока бледные и дрожащие не оказались в пиршественном зале О-Тара. При виде их воины, оставшиеся в зале, вскочили с обнаженными мечами, думая, что за тремя вождями гонится множество врагов. Но никто не последовал за ними в зал, и трое вождей стояли перед О-Таром со склоненным головами и дрожащими коленями.

- Ну? - потребовал ответа джеддак. - Что случилось? Говорите!

- О, Тар! - воскликнул один из них, овладев, наконец, своим голосом. - Когда мы трое уступали в сражении или поединке? - Разве наши мечи не были всегда обнажены для защиты твоей безопасности и чести?

- Разве я отрицаю это?

- Слушай тогда, о, джеддак, и рассуди со снисходительностью. Мы прошли за двумя рабами в апартаменты короля О-Мая. Мы вошли в проклятые комнаты и не дрогнули. Наконец мы

оказались в ужасной комнате, куда уже пять тысяч лет не заглядывал глаз человека, и тут мы увидели лицо мертвого О-Мая, лежащего так, как его нашли. Мы прошли в эту ужасную комнату и были готовы идти дальше. Вдруг раздался ужасный стон и занавеси задвигались в этом мертвом воздухе.

О-Тар, это было выше человеческих сил. Мы повернулись и побежали. Мы бросились из комнаты, мы бросили мечи и дрались друг с другом, чтобы выбраться первыми. С печалью, но без стыда я рассказываю тебе это, ибо нет человека в Манаторе, который не сделал бы то же самое. Если эти рабы корфалы, они сейчас в безопасности среди духов. Если они не корфалы, они уже мертвы в комнате О-Мая, и их нужно там оставить... Я не вернусь в это проклятое место, даже если меня там ждут доспехи джеддака и пол-Барсума впридачу. Я сказал.

О-Тар сдвинул нахмуренные брови.

- Неужели все мои вожди трусы? - спросил он презрительно.

Один из тех, кто оставался в зале, встал и повернул свое хмурое лицо к О-Тару.

- Джеддак знает, - сказал он, - что в Манаторе джеддак всегда был самым храбрым из воинов. Я пойду туда, куда поведет мой джеддак. Но он не имеет права называть меня трусом, если посылает туда, куда сам не идет. Я сказал.

Когда он сел, наступила мертвая тишина.

Все поняли, что говоривший сделал вызов храбрости О-Тара, джеддака Манатора, и ждали его ответа. У всех была одна и та же мысль: О-Тар должен повести их в комнату О-Мая, иначе он проявит трусость, а на троне Манатора не должен сидеть трус.

Но О-Тар колебался, он смотрел в лица тех, кто окружал его в пиршественном зале - но на лицах безжалостных воинов он видел лишь угрюмые усмешки. Ни следа снисходительности не было на этих лицах. Но вдруг его глаза остановились удивленно на маленькой двери в одной из стен зала. Выраженние облегчения появилось у него на лице.

- Смотрите! - воскликнул он. - Смотрите, кто пришел!

XX. ОБВИНЕНИЕ В ТРУСОСТИ

Гохан, спрятавшись между занавесями и стеной видел паническое бегство преследователей. Угрюмая усмешка появилась на его губах, когда он смотрел на безумную драку, видел, как воины отбросили свои мечи и боролись друг с другом за возмож-

ность первыми выйти из этой комнаты ужаса. Когда они все исчезли, он с улыбкой повернулся к Таре. Но его улыбка тотчас же исчезла, рядом с ним никого не было!

- Тара! - громко позвал он: опасности, что преследователи вернутся, больше не было. Но ответа не последовало, только где-то далеко за занавесями он обнаружил несколько дверей, одна из которых была приоткрыта. Через эту комнату он проник в соседнюю комнату, ярко освещенную в этот момент прямыми лучами Турии, совершающей свой стремительный бег по небу. Здесь он увидел следы сандалий на пыльном полу. Они проходили здесь: Тара и то существо, которое ее похитило.

Но кто это мог быть? Гохан, человек высокой культуры и разума, не был суеверным. Как и большинство народов Барсума, он склонялся, более или менее по привычке к разновидности восторженного преклонения перед предками, но это была скорее легендарная память об их добродетелях и героических подвигах. Он не ожидал никакого материального проявления их существования после смерти. Он не верил, что они могут причинить добро или зло живущим, разве что лишь силой влияния своего примера на будущие поколения. Он не верил вообще в материализацию духов.

Если есть какая-то жизнь помимо нашей, то он ничего не знал об этом. Он знал, что наука обнаружила материальные причины тех казавшихся сверхчеловеческими феноменов, которые легли в основу древних религий и суеверий. Тем не менее, он не мог себе представить, какая сила похитила Тару так внезапно и чудесно из комнаты, в которой человек не появлялся почти пять тысяч лет.

В темноте он не мог разглядеть, были ли здесь иные следы, кроме сандалий Тары, но было заметно, что пыль тронута чем-то. А когда следы привели его в темный коридор, он потерял их окончательно. Покинутые апартаменты О-Мая, через которые он спешил, представляли собой настоящий лабиринт переходов, коридоров и комнат.

Здесь был древний бассейн - несомненно, купальня самого джеддака, - затем он прошел мимо комнаты, где стояла еда, поставленная пять тысяч лет назад - возможно, неопробованный завтрак О-Мая. Мимо его глаз проходили тяжелые украшения из драгоценных камней и металлов, удивлявшие даже джеда Гатола, чьи доспехи разукрашены камнями и платиной и чьи богатства не имели себе равных на Барсуме.

Наконец помещения О-Мая кончились небольшим кабинетом, в полу которого был люк, в нем виднелась спиральная лестница, ведущая прямо вниз, в непроглядную темноту. Пыль у входа в кабинет было недавно тронута, и это указание заставило Гохана продолжать здесь поиски Тары. Поэтому без колебаний он начал спускаться вниз в абсолютную темноту. Осторожно ощупывая следующую ступеньку, он спускался по необходимости медленно, ибо Гохан был барсумцем и знал, какие ловушки могут подстерегать его в этой темной и заброшенной части дворца джеддака.

Он спустился уже, по его предположениям, на три этажа, как вдруг услышал приближение каких-то шаркающих, скребущихся звуков, доносившихся снизу. Он приостановился. Кем бы ни было это существо, оно приближалось и скоро должно было быть рядом. Гохан положил руку на рукоять меча и медленно вытащил его из ножен, чтобы ни малейшим шумом не выдать своего присутствия. Он хотел, чтобы в темноте был хоть малейший проблеск света. Если бы он мог разглядеть очертания приближающегося существа, у него было бы гораздо больше шансов на победу при встрече, но он ничего не видел. Больше того, в полной темноте он задел концом ножен каменную стену, тишина узкого прохода усилила получившийся при этом звук.

Немедленно приближающиеся скрежещущие звуки смолкли. Некоторое время Гохан стоял в ожидании, затем, отбросив осторожность, продолжил спуск по спиральной лестнице. Существо, кем бы оно ни было, не издавало больше ни звука, и Гохан не мог определить, где оно. В любой момент оно могло оказаться рядом, поэтому он держал меч наготове.

Вниз, все вниз уходила спираль лестницы. Темнота и могильная тишина окружили его в этом ужасном месте, кто-то, кого он не мог видеть и слышать, скрывался рядом - в этом он был уверен. Возможно, это существо, которое похитило Тару. Возможно, сама Тара, беспомощная во власти безымянного ужаса, совсем рядом с ним.

Он ускорил спуск, он почти бежал при мысли об опасности, угрожавшей любимой женщине, - и наткнулся на деревянную дверь, широко распахнувшуюся от толчка. За ней был освещенный коридор. С каждой стороны коридора были комнаты. Он мог разглядеть лишь небольшую часть коридора со дна спирального спуска, но понял , что находится в подземельях дворца. Мгновением позже, он вновь услышал за собой скрежущий звук, который привлек его внимание при спуске.

Повернувшись, он увидел источник звуков, появившийся из-за двери.

Это был калдан Чек!

- Чек! - воскликнул Гохан. - Это ты? Ты видел Тару Гелиум?

- Да, на спиральной лестнице был я, - ответил калдан. - Но я не видел Тары Гелиум. Я ищу ее, где она?

- Не знаю, - ответил гатолианин, - но мы должны найти ее и забрать отсюда.

- Да, мы должны найти ее, - согласился Чек, - но, сомневаюсь, сможем ли мы выбраться отсюда. Покинуть Манатор гораздо труднее, чем войти в него. Я могу идти куда хочу благодаря древним ходам ульсио, но вы слишком велики для этого, и ваши легкие требуют слишком много воздуха, которого не хватает в глубоких ходах.

- Но У-Тор! - воскликнул Гохан. - Что ты знаешь о его намерениях?

- Я слышал многое, - ответил Чек. - Он стоит лагерем у ворот Врагов. Это место он удерживает, а его воины окружили ворота. Но попытка ворваться в город ему не удалась. Час назад ты свободно мог бы присоединиться к нему, но теперь каждая улица охраняется, и это с тех пор, как О-Тар узнал, что бежал А-Кор и присоединился к У-Тору.

- А-Кор сбежал и присоединился к У-Тору? - воскликнул Гохан.

- Час назад. Я был у него, когда пришел воин - он сказал, что его зовут Тасор, и передал твое поручение. Мы решили, что Тасор будет сопровождать А-Кора в его попытке достичь лагеря У-Тора, великого джеда Манатоса, и передаст ему твою просьбу. Затем Тасор вернется и принесет пищу для тебя и принцессы Гелиума. Я пошел с ними. Мы легко разыскали У-Тора и узнали, что он согласен исполнить твою просьбу, но когда Тасор хотел вернуться во дворец, путь был уже закрыт воинами О-Тара. Поэтому я вызвался пойти к вам с новостями, разыскать для вас пищу и воду, затем отправиться к рабам из Гатола и подготовить их к выполнению плана, выработанного У-Тором и Тасором.

- Что же это за план?

- У-Тор послал за подкреплением. Он послал гонцов в Манатос и во все остальные районы. Потребуется не менее месяца, чтобы собрать и прислать сюда подкрепление, а тем временем рабы в городе организуются и раздобудут оружие, чтобы быть готовыми к дню прихода подкрепления. Когда этот день настанет, войска У-Тора начнут штурм Ворот Врагов. Тогда часть рабов нападет на них с тыла, а часть захватит дворец.

Они надеются отвлечь от Ворот так много воинов, что У-Тору нетрудно будет ворваться в город.

- Возможно, их ждет успех, - сказал Гохан, - но у О-Тара много воинов, а те, кто защищает свои дома и своего джеддака, всегда имеют преимущество. О, Чек, если бы здесь были военные корабли Гатола или Гелиума, они залили бы своим беспощадным огнем улицы Манатора, в то время, как У-Тор двигался бы ко дворцу по телам убитых. - Он остановился, погрузившись в раздумье. Затем вновь пристально взглянул на калдана. - Что ты знаешь об отряде рабов, бежавших вместе со мной с поля Джетана: о Флоране, Вал Доре и об остальных? Что с ними?

- Десятеро из них прорвались к У-Тору через Ворота Врагов и были хорошо приняты. Восемь погибли в схватках в пути. Вал Дор и Флоран, я думаю, живы: я слышал, что так У-Тор называл двух воинов.

- Хорошо! - воскликнул Гохан. - Тогда отправляйся по ходам ульсио к Воротам Врагов и передай Флорану записку, которую я напишу на его языке. Пойдем, я напишу эту записку.

В ближайшей комнате они обнаружили скамью и стол. Гохан сел и принялся писать странными иероглифами марсианского письма записку Флорану из Гатола.

- Почему же, - спросил он, - закончив писать, - ты искал Тару на спиральной лестнице, где мы встретились с тобой?

- Тасор рассказал мне, где вы скрываетесь. Так как я, пользуясь ходами ульсио, исследовал большую часть дворца, я приблизительно знал, где вас искать. Этот тайный спиральный ход поднимается из подземелья к крыше высочайшей из башен дворца. У него тайные выходы на каждом этаже. Но я думаю, что ни один живой манаторианин о его существовании не знает. Я не встречал ни одного, хотя пользовался этим ходом много раз. Трижды побывал я в комнате, где лежит О-Май, но я ничего не знал о нем и его судьбе, пока мне не рассказал об этом Тасор в лагере У-Тора.

- Ты хорошо знаешь весь дворец? - прервал его вопросом Гохан.

- Даже лучше, чем сам О-Тар или кто-нибудь из его слуг.

- Отлично! И ты послужишь принцессе Таре Гелиум, Чек! И лучшей службой будет, если ты доставишь Флорану мою записку и будешь следовать его указаниям. Я все напишу, ибо и стены имеют уши, Чек, а записку может прочесть только гатолианин. Он переведет ее тебе. Могу ли я тебе верить?

- Я никогда не вернусь в Бантум, - ответил Чек. - У меня во всем Барсуме остались лишь два друга. Что же мне остается, как не верная служба им? Ты можешь верить мне, гатолианин. Ты и эта женщина доказали мне, что неразумное сердце бывает совершеннее высокоразвитого мозга. Я иду.

Когда О-Тар указал на маленькую дверь, взгляды всех собравшихся устремились туда: велико же было удивление воинов, когда они узнали двоих, вошедших в пиршественный зал. Один из них был И-Гос. Он тащил за собой второго человека со связанными руками и заткнутым ртом. Этим вторым человеком была Тара. Кашляющий смех И-Госа раздался в молчании зала.

- Да, да! - проскрипел он. То, что не смогли сделать молодые воины О-Тара, сделал И-Гос, и сделал один!

- Только корфал может пленить корфала! - крикнул один из вождей, побывавших по приказу О-Тара в комнате О-Мая.

И-Гос засмеялся.

- Ужас превратил ваши сердца в воду, - ответил он, - и склонил ваши уста к клевете. Она не корфал, а всего лишь женщина из Гелиума: ее товарищ-воин, который может сразиться с любым из вас и проткнуть ваши гнилые сердца. Не так было в дни молодости И-Госа. О, какие тогда были люди в Манаторе! Я хорошо помню тот день, когда...

- Замолчи, слабоумный дурак, - приказал О-Тар. - Где мужчина?

- Там, где я нашел женщину - в мертвой комнате О-Мая. пусть твои мудрые и храбрые вожди пойдут и приведут его оттуда. Я старый человек и смог привести лишь одну ее.

- Ты хорошо сделал, И-Гос. - О-Тар поторопился похвалить старика. Узнав, что Гохан все еще скрывается в проклятых покоях О-Мая, он хотел успокоить гнев И-Госа, хорошо зная едкий язык и раздражительный характер старика. - Ты думаешь, И-Гос, что она не корфал? - спросил он.

- Не больше, чем ты, - ответил старый таксидермист.

О-Тар долго и внимательно разглядывал Тару Гелиум. Ее красота, казалось, проникала во все уголки его сознания. Она все еще была одета в богатые доспехи черной принцессы джетана и джеддак О-Тар понял, что никогда раньше его глаза не останавливались на такой совершенной фигуре, на таком прекрасном лице.

- Она не корфал! - бормотал он про себя. - она не корфал и она принцесса - принцесса Гелиума. И, клянусь золотыми волосами Холл Хекадора, она прекрасна... Вытащите кляп у нее из

рта и развяжите ей руки,- громко приказал он. - Подготовьте комнату для принцессы Тары Гелиум в покоях О-Тара. Она будет обедать, как подобает принцессе.

Рабы исполнили приказание О-Тара, и Тара Гелиум, сверкая глазами, стояла возле предложенного ей кресла.

- Садись! - приказал О-Тар.

Девушка опустилась в кресло.

- Я сажусь, как пленница, - сказала она, - а не как гость, за столом своего врага О-Тара из Манатора.

О-Тар приказал всем удалиться.

- Я буду говорить с принцессой Гелиума наедине, - сказал он.

Вожди и рабы вышли, и джеддак Манатора повернулся к девушке. - О-Тар из Манатора твой друг, сказал он.

Тара сидела, прижав руки к груди, глаза ее сверкали, губы были чуть сжаты. Она даже не соизволила ответить. О-Тар приблизился к ней ближе. Он заметил ее враждебность и вспомнил свой первый разговор с ней. Она самка бенса, но она прекрасна. Она намного превосходила красотой красивейших женщин, когда-либо виденных О-Таром и он хотел обладать ею. Он сказал ей так:

- Я мог бы взять тебя как рабыню, но я хочу сделать тебя своей женой. Ты будешь джеддарой Манатора. Даю тебе семь дней для подготовки к той великой чести, которую оказывает тебе О-Тар. В этот самый же час через семь дней ты станешь женой О-Тара в тронном зале джеддаков Манатора. - Он ударил в гонг, стоявший рядом с ним на столе, и приказал вошедшему рабу позвать всех в зал.

Вожди медленно заняли свои места за столом. Их лица были хмуры, так как вопрос о храбрости их джеддака все еще не был решен. Если О-Тар надеялся, что они забудут об этом, то он ошибался в своих людях.

О-Тар встал.

- Через семь дней, - объявил он, - состоится праздник в честь новой джеддары Манатора, - и он указал рукой на Тару Гелиум. - Церемония будет происходить в начале седьмого пода (примерно в 8.30 по земному времени) в тронном зале. До того времени принцесса Гелиума будет находиться в женских покоях дворца. Проведи ее туда, Э-Тас с соответствующей ее званию охраной, и проследи, чтобы в ее распоряжении были рабы и евнухи, они должны исполнять все ее желания.

Э-Тас понял подлинное значение этих слов: он должен под сильной охраной отвести пленницу в женские покои дворца и стеречь ее там семь дней, расположив вокруг ее покоев преданных воинов, чтобы помешать ее возможному побегу или попытке освободить ее.

Когда Тара была готова в сопровождении Э-Таса и охраны покинуть зал, О-Тар наклонился к ней и прошептал:

- Подумай о высокой чести, которую тебе предлагает О-Тар. Другого выхода у тебя нет.

Девушка прошла мимо, будто ничего не слыша, и с высоко поднятой головой, покинула проклятое место.

После ухода Чека Гохан странствовал по подземельям и древним коридорам нежилой части дворца, надеясь найти хоть какие-нибудь указания на судьбу Тары Гелиум. Он исследовал спиральный ход, проходящий через все этажи, пока не узнал хорошо каждый фут его от подземелья до самой вершины. Он изучил выходы на каждый этаж так же хорошо, как остроумно скрытые механизмы, управляющие замками и поворотами дверей. Пищу он добывал в позабытых подземных кладовых, а спать ложился на королевскую кровать О-Мая в запрещенной комнате.

А во дворце царило смятение. Воины - вожди забывали о своих обязанностях, группы их собирались тут и там и хмуро и сердито обсуждали тему, которая была у них на уме. На четвертый день после заключения Тары, Э-Тас, мажордом дворца и один из приближенных О-Тара, пришел к своему повелителю по какому-то обычному делу. О-Тар был один в самой маленькой из своих личных комнат. Когда Э-Тас изложил дело, по которому пришел, и хотел удалиться, О-Тар знаком приказал ему остаться.

- Из простого воина, Э-Тас, я сделал тебя вождем. В пределах дворца твои приказы имеют почти такую же силу, как и мои. Поэтому тебя не любят, Э-Тас, и если другой джеддак займет трон Манатора, что будет с тобой? Ведь твои враги в Манаторе очень сильны.

- Не говори так, О-Тар, - попросил Э-Тас. - Я много думал об этом в последнее время. И я постарался смягчить своих врагов. Я с ними очень добр и снисходителен.

- Ты тоже уловил беззвучную угрозу в воздухе? - потребовал ответа джеддак.

Э-Тас явно чувствовал себя неловко и ничего не ответил.

- Почему ты не пришел ко мне со своими опасениями? - продолжал О-Тар. - Твоя верность, вот какова она!

- Я боялся, о, могучий джеддак! - воскликнул Э-Тас. - Я боялся, что ты не поймешь меня и разгневаешься.

- Что ты знаешь? Говори правду! - приказал О-Тар.

- Среди вождей и воинов большая смута, - ответил Э-Тас. - Даже твои друзья боятся власти тех, кто выступает против тебя.

- Что же они говорят?

- Они говорят, что ты испугался войти в апартаменты О-Мая в поисках раба Турана. О, не сердись на меня, джеддак: я повторяю лишь то, что они говорят. Я твой верный Э-Тас, не верю в подобную глупость.

- Нет, нет, чего мне бояться? - спросил О-Тар. - Мы не знаем, все ли он еще там. Разве мои вожди не были там и не увидели ничего?

- Но они говорят, что ты не захотел идти, - продолжал Э-Тас, - и что они не желают видеть труса на троне Манатора.

- Это измена! - вскричал О-Тар.

- Они говорили не только это, великий джеддак, - сказал мажордом. - Они говорят, что ты не только боишься войти в покои О-Мая, но что ты просто боишься раба Турана. Они бранят тебя за то, что ты наказал А-Кора. Они уверены, что А-Кор убит по твоему приказанию. Многие из них громко заявляют, что А-Кор был бы прекрасным джеддаком.

- Как они смеют? Как смеют они прочить на трон О-Тара бастарда, сына рабыни?

- Он твой сын, О-Тар, - напомнил Э-Тас, - и в Манаторе нет более любимого воинами человека. Я передаю тебе лишь факты, которые нельзя игнорировать. Я говорю так лишь потому, что только зная правду ты можешь противостоять тем, кто угрожает твоему трону.

О-Тар тяжело опустился на скамью: внезапно он почувствовал себя усталым и старым.

- Будь проклят этот день, - воскликнул он громко, - когда эти трое чужестранцев появились в столице Манатора! Мы не потеряли бы У-Дора. Он был силен, мои враги боялись его, но он погиб, умер от руки проклятого раба Турана, пусть будет на нем проклятие Иссы!

- Мой джеддак, что нам делать? - спросил Э-Тас. - Проклиная этих рабов, ты не решишь проблему.

- Но через три дня большой праздник и свадьба,- ответил О-Тар. - Будет торжественный прием. Все воины и вожди знают это, таков обычай. В этот день раздаются награды, подарки, звания. Скажи мне, кто больше всех настроен против меня? Ты

пойдешь к ним и скажешь, что я награжу их за прошлую верную службу трону. Мы сделаем воинов вождями, подарим им дворцы и рабов. А, Э-Тас?

Тот покачал головой.

- Не поможет, О-Тар. Они не примут твоих подарков. Они говорили об этом.

- Чего же они хотят?

- Они хотят, чтобы их джеддак был храбрейшим из храбрых, - ответил он, хотя во время ответа у него дрожали колени.

- Они думают, что я трус? - воскликнул джеддак.

- Они говорят, что ты испугался пойти в апартаменты короля О-Мая.

О-Тар долго сидел; свесив голову на грудь, и глядя в пол.

- Скажи им, - сказал он наконец усталым голосом, не похожим на голос великого джеддака, - что я пойду в покои короля О-Мая и буду искать там раба Турана.

XXI. РИСК ВО ИМЯ ЛЮБВИ

- Да, да, да, и этот трус назвал меня слабоумным дураком! - говорил это И-Гос и обращался к группе вождей в одной из комнат дворца О-Тара, джеддака Манатора. - Если бы А-Кор был жив, какой бы это был джеддак!

- Кто говорит, что А-Кор умер? - заявил один из вождей.

- Где же он тогда? - спросил И-Гос. - И разве не исчезли также и другие, кого О-Тар считал слишком близкими к трону?

Вождь покачал коловой.

- Если ты прав, я присоединюсь к У-Тору у Ворот Врагов.

- Тсс, - предупредил один из них, - идет лизоблюд, - и все повернулись к подходившему Э-Тасу.

- Каор! Друзья! - воскликнул он, но его дружеское приветствие было встречено лишь несколькими угрюмыми кивками. - Слышали вы новость? - продолжал он, не смущаясь оказанным ему приемом.

- Неужели О-Тар увидел ульсио и упал в обморок? - иронически спросил И-Гос.

- Люди умирают и за меньшее, старик, - предупредил его Э-Тас.

- Я жив, - возразил И-Гос, - потому что я не замечательный, храбрый и любимый народом сын джеддака Манатора.

Это был открытый вызов, но Э-Тас сделал вид, что не слышал ничего. Не обращая внимания на И-Госа, он повернулся к остальным.

- Этой ночью О-Тар отправляется в покои О-Мая на поиски раба Турана, - сказал он. - Он сожалеет, что у его воинов не хватает храбрости выполнить эту обязанность, и их джеддак сам вынужден задержать простого раба, - и с этой насмешкой Э-Тас отправился разносить новость дальше. Последние слова были выдуманы им самим, и он получил большое удовольствие, приводя в смущение своих врагов. И-Гос окликнул его:

- В котором часу О-Тар отправится в покои О-Мая?

- В конце восьмого пода (около часа ночи по земному времени), - ответил мажордом и ушел.

- Посмотрим... - сказал И-Гос.

- Что мы можем увидеть?- спросил воин.

- Увидим, на самом ли деле О-Тар посетит комнату О-Мая.

- Как?

- Я сам буду там, и если я увижу его, то буду знать, что он там был. Если же не увижу, значит, он там не был, - объяснил старый таксидермист.

- Есть ли там что-нибудь, что наполнило бы сердце человека ужасом? - поинтересовался вождь. - Что ты там видел?

- Я видел немногое, и кое-что слышал, - сказал И-Гос.

- Расскажи нам, что видел и слышал.

- Я видел мертвого О-Мая, - сказал И-Гос собравшимся. Все вздрогнули.

- И ты не сошел с ума?

- Разве я сумасшедший? - спросил И-Гос.

- И ты снова пойдешь туда?

- Да!

- Ты видел мертвого О-Мая, но что ты слышал?- шепотом спросил один из них.

- Я видел мертвого О-Мая на полу его спальни, одна нога короля запуталась в спальных мешках и шелках на кровати, и я слышал ужасные вопли и стоны.

- И ты не боишься идти туда снова?

- Мертвец не может повредить мне, - сказал И-Гос. - Он лежит там уже более пяти тысяч лет. Звук тоже не причинит мне зла. Я слышал его только раз и остался жив - могу послушать еще раз. Эти звуки доносились из-за занавески, где я стоял и следил за рабом Тураном.

- И-Гос, ты очень храбрый человек,- сказал вождь.

- О-Тар назвал меня слабоумным дураком, и я пойду навстречу большей опасности, чем та, что лежит в комнате О-Мая, чтобы узнать на самом деле побывает он там или нет...

Наступила ночь, поды тянулись один за другим, и наконец наступило время, когда джеддак Манатора О-Тар должен был отправиться в покои О-Мая на поиски раба Турана. Нам, сомневающимся в существовании злых духов, его страх может показаться неправдоподобным, ибо он был сильным мужчиной, отличным фехтовальщиком и воином с блестящей репутацией, но в действительности О-Тар дрожал, проходя по коридорам дворца к забытым покоям О-Мая, и когда он наконец оказался перед дверью непосредственно в апартаменты О-Мая, он был почти парализован ужасом. Он пришел один по двум очень важным причинам. Во-первых, никто не увидит его страха, никто не будет свидетелем, если в последний момент он повернет назад. Во-вторых, если он проделает это один или хотя бы заставит вождей поверить, что он сделал это, храбрость его будет оценена очень высоко, чем если бы его сопровождала группа воинов.

Но, хотя он отправился один, он был уверен, что кто-то следит за ним. Он знал, что вожди не доверяют его храбрости и его правдивости. Он не верил, что найдет раба Турана. Он не слишком хотел отыскать его, ибо хотя О-Тар был хорошим фехтовальщиком и храбрым воином, он видел, как Туран играл с У-Дором, и понял, что в фехтовальном искусстве тому нет равных.

Так и стоял О-Тар, положа руку на дверь - он боялся войти и боялся отступить. Наконец, страх перед собственными воинами, следящими за ним, оказался сильнее, чем страх перед неизвестным, ожидавшим его за древней дверью. Он толкнул тяжелую створку и вошел. Тишина, полумрак и пыль столетий покрывали комнату. От своих воинов он знал путь, по которому предстоит добираться до ужасной комнаты О-Мая. Он прошел через первую комнату, прошел через вторую, где игроки в джетан разыгрывали свою вечную партию, и оказался в коридоре, ведущем к проклятой комнате. Обнаженный меч дрожал в его руке. После каждого шага он останавливался и прислушивался, сердце у него замирало, холодный пот покрывал тело. Наконец он у двери.

И тут он услышал доносящийся из спальни О-Мая звук приглушенного дыхания. О-Тар был близок к паническому бегству от безымянного ужаса, которого он не видел, но который его ждал впереди. Но вновь возник страх перед гневом и презрением воинов и вождей. Они сместят его и вдобавок убьют. Он не

сомневался в своей судьбе, если в ужасе убежит из помещений О-Мая. Единственная его надежда - превратить неизвестное в известное.

Он двинулся вперед. Несколько шагов - и он у двери. Комната перед ним была освещена темнее, чем коридор, поэтому он сразу не мог почти ничего в ней разглядеть. Он увидел в центре спальный помост, рядом с помостом на полу виднелось какое-то пятно. Он сделал шаг вперед и с огромным скрежетом задел концами ножен за каменную стену. К своему ужасу он увидел, что шелка и меха на постели стали двигаться. Он увидел фигуру, медленно поднимавшуюся с мертвой постели короля О-Мая. Колени его подогнулись, но он собрал все свое мужество, крепче сжал меч в дрожащей руке и приготовился сражаться. Но тут раздался протяжный и дьявольский стон, и О-Тар без чувств свалился на пол.

Гохан, улыбаясь, встал с постели О-Мая, и тут его внимание привлек какой-то шум в стороне. Оглянувшись, он увидел между частично раздвинутыми занавесями согнутую фигуру. Это был И-Гос.

- Спрячь меч, Туран, - сказал старик. - Тебе нечего опасаться И-Госа.

- Что ты здесь делаешь? - спросил Гохан.

- Я пришел, чтобы убедиться, что этот большой трус не обманет нас. Подумать только, он назвал меня слабоумным дураком. А взгляни на него! Лишился чувств от ужаса. Да, но тот, кто слышал издаваемые тобой звуки, поймет его. Они чуть не поколебали мою храбрость. Значит, это ты стонал и скрипел, когда пришли воины в тот день, в который я похитил у тебя Тару?

- Это ты, старый негодяй, - Гохан угрожающе двинулся к И-Госу.

- Подожди, - увещевал его старик, - да, тогда я был твоим врагом. Но теперь же я не враг тебе: обстоятельства изменились.

- Как они изменились? Что случилось?- спросил Гохан.

- Тогда я еще полностью не понимал трусости нашего джеддака, также как и вашей с этой девушкой храбрости. Я старик, и я пришел из прошлых времен, к тому же я люблю храбрость. Вначале я возмущался нападением девушки на меня, но затем я оценил ее мужество, оно вызвало мое восхищение, как и все ее действия. Она не боялась О-Тара, она не боялась меня, она не боялась всех воинов Манатора. А ты! Кровь миллионов отцов! Как ты сражался! Я сожалею, что выдал вас на поле джетана. Я

жалею, что вернул Тару О-Тару. Я исправлю свою ошибку. Я ваш друг. Мой меч у твоих ног, - и он положил свое оружие на пол перед Гоханом.

Гатолианин знал, что отказ был бы величайшим оскорблением, поэтому он шагнул вперед поднял меч и протянул его рукоятью вперед И-Госу, принимая его дружбу.

- Где принцесса Тара Гелиум? - спросил Гохан. - Она в опасности?

- Она содержится во дворце в женских покоях, ожидая церемонии, которая сделает ее джеддарой Манатора, - ответил И-Гос.

- Этот трус хотел сделать Тару Гелиум своей женой? - нахмурился Гохан. - Я прикончу его, если он еще не умер от испуга, и он подошел к лежащему О-Тару, собираясь пронзить его сердце.

- Нет! - воскликнул И-Гос. - Не убивай его и молись, чтобы он не умер, иначе ты потеряешь принцессу.

- Как!

- Как только известие о смерти О-Тара достигнет женских покоев, принцесса Тара умрет. Женщины знают о намерении О-Тара жениться на ней и сделать ее джеддарой, и можешь быть уверен, что ее ненавидят, как только могут ненавидеть ревнивые женщины. Только власть О-Тара защищает ее от смерти. Если О-Тар умрет, Тару отдадут воинам и рабам, и никто не защитит ее.

Гохан вложил меч в ножны.

- Ты хорошо объяснил, но что делать с ним?

- Оставь его лежать, - посоветовал ему И-Гос. - Он не умрет. Придя в себя, он возвратится в свои покои с отличной сказкой о своей храбрости, и никто не сможет разоблачить его хвастовства - никто, кроме меня, И-Госа. Идем! Он может прийти в себя в любую минуту и не должен видеть нас здесь.

И-Гос подошел к телу джеддака, на мгновение наклонился над ним и вернулся к постели.

Вдвоем они покинули спальню О-Мая и направились к спиральной лестнице. Здесь И-Гос провел Гохана на верхний этаж и оттуда на крышу дворца. Здесь он указал на высокую башню рядом.

- Здесь, - сказал он, - находится принцесса Гелиума и здесь она будет жить до церемонии.

- Возможно, она будет в безопасности от чужих рук, но не от своих собственных, - сказал Гохан. - Она никогда не станет джеддарой Манатора, скорее убьет себя.

- Она сделает это? - спросил И-Гос.

- Сделает, если ты не сможешь передать ей, что я жив, и что есть надежда, - ответил Гохан.

- Я не могу передать ей это, - сказал И-Гос. - Помещения своих женщин О-Тар строго охраняет. Здесь его наиболее преданные рабы и воины, и среди них множество шпионов, так что никогда не знаешь, кто перед тобой. Даже тень не упадет в этих помещениях без того, чтобы не заметили ее сотни глаз.

Гохан стоял, пристально глядя на освещенные окна башни, в верхнем этаже которой находилась Тара Гелиум.

- Я найду себе дорогу, И-Гос, - сказал Гохан.

- Но туда нет дороги, - ответил старик.

Некоторое время они стояли на крыше под бриллиантовыми звездами и торопливыми лучами умирающего Марса, обсуждая планы на то время, когда Тару Гелиум приведут из высокой башни в тронный зал О-Тара. Гохан не рассказал И-Госу о том, что он передал через Чека Флорану и Вал Дору, но уверил старого таксидермиста, что если он искренне хочет, чтоб О-Тара низвергли с трона, то они сумеют это сделать в день, когда джеддак захочет жениться на принцессе Гелиума.

- Тогда придет такое время, И-Гос, - уверил его Гохан, - и если у тебя есть друзья, думающие также, как и ты, подготовь их к такой возможности, которая наступит после того, как О-Тар самонадеянно попытается жениться на дочери Главнокомандующего. И где я смогу вновь увидеть тебя и когда? Сейчас я хочу поговорить с Тарой, принцессой Гелиума.

- Мне нравится твоя уверенность, - сказал И-Гос, - но ты ничего не добьешься. Ты не сможешь говорить с принцессой Гелиума, хотя, несомненно, кровь многих манаториан прольется в женских покоях, прежде чем они смогут тебя убить...

Гохан улыбнулся.

- Меня не убьют. Где и когда мы встретимся? Ты сможешь найти меня ночью, в комнате О-Мая. Кажется, это самое безопасное место для врагов джеддака Манатора, и лежит оно во дворце самого джеддака. Я иду!

- Пусть духи наших предков окружают тебя, - сказал И-Гос.

После ухода старика Гохан по крыше подошел к высокой башне. Она была сделана из камня и поверхность ее была покрыта сложными рисунками, глубоко врубленными в каменной поверхности стен. Столетия почти не затронули эти стены благодаря сухости марсианской атмосферы, редкости дождей и пыльных бурь. Подъем по такой стене представлял большую опасность, которая отпугнула бы и храброго человека. Удержала

бы она, несомненно, и Гохана, если бы он не знал, что жизнь любимой женщины зависит от выполнения им этого рискованного подвига.

Сняв сандалии, доспехи и все оружие, кроме кожаного пояса с висевшим на нем кинжалом, гатолианин начал опасное восхождение.

Цепляясь за углубления руками и ногами, он медленно поднимался, избегая окон и держась в затененной стороне крепости, куда не падал свет Турии и Харуса.

Башня на пятьдесят футов возвышалась над крышей остальной части дворца, в ней было пять этажей с окнами, выходящими во все стороны. У нескольких окон были балконы, и их он, прежде всего стремился избежать, хотя был уже девятый под, и решительно все в крепости спали.

Продвижение его было бесшумным, и, наконец, он, никем не замеченный, добрался до окон верхнего этажа. Они, подобно тем, что он миновал, были закрыты прочными решетками, так что не было никакой возможности проникнуть внутрь. Темнота скрывала внутренность помещения за первым достигнутым окном. За вторым окном оказалась освещенная комната, где был виден спящий на своем посту охранник.

Была видна также верхняя лестница, ведущая на нижние этажи. Двигаясь вдоль башни, Гохан добрался до следующего окна, но теперь он висел с той стороны башни, которая обрывалась во двор в ста футах под ним, а через некоторое время его настигнет свет Турии. Он понял, что должен поторопиться.

Подобравшись к окну, он увидел маленькую, тускло освещенную комнату. В центре ее был спальный помост, на нем под шелками и мехами лежала человеческая фигура... Обнаженная рука, высунувшаяся из-под одеяла, раскинулась на шкуре - рука удивительной красоты: на ней был браслет, который Гохан узнал. Гохану была видна вся комната, в ней больше никого не было. Прижав лицо к решетке, гатолианин прошептал ее дорогое имя. Девушка вздрогнула, но не проснулась. Он позвал ее вновь, на этот раз громче. Тара села на постели и взглянула на него. В ту же минуту огромный евнух вскочил на ноги: он лежал на полу у помоста с дальней от Гохана стороны. Одновременно засверкал бриллиантовый свет Турии за окном, в котором висел Гохан, отчетливо видимый людьми изнутри башни.

Оба в комнате вскочили на ноги. Евнух выхватил меч и побежал к окну. Гохан совершенно беспомощный, представлял легкую добычу, от малейшего толчка он сорвался бы и разбился о камни дворца. Но Тара Гелиум ухватилась за охранника и

потащила его назад. В то же самое мгновение она выхватила тонкий кинжал, и хотя евнух стоял к ней спиной, нашла его сердце. Без звука он свалился на пол. Тара подбежала к окну.

- Туран, мой вождь! - воскликнула она. - Что за безумие искать меня здесь, где даже твое храброе сердце не сможет мне помочь!

- Не будь так уверена в этом, сердце моего сердца! - ответил он. - Хотя я принес своей любимой лишь слова, они предвещают дела. Я боялся, что ты убьешь себя, Тара Гелиум, чтобы спастись от бесчестья. И я хочу дать тебе новую надежду и просить, чтобы ты жила для меня, что бы ни случилось. Знай, что если все пойдет хорошо, мы будем свободны. Следи за мной в тронном зале О-Тара, - когда он захочет жениться на тебе. Теперь, что нам делать с этим? - и он указал на мертвого евнуха на полу.

- Не стоит беспокоиться, - сказала девушка. - Никто не осмелится причинить мне вред из страха перед гневом О-Тара - иначе я давно была бы мертва: женщины здесь ненавидят меня. О-Тар защищает меня, а что О-Тару до жизни какого-то евнуха? Нет, бояться нечего!

Их руки соединились через решетку, и Гохан был рядом с ней.

- Один поцелуй, - сказал он. - прежде чем я уйду, моя принцесса.

И гордая дочь Деи Торис, принцессы Гелиума и Главнокомандующего Барсума прошептала: "Мой король, мой вождь!" и прижалась своими губами к губам Турана, простого пантана.

XXII. ВО ВРЕМЯ СВАДЬБЫ

Могильная тишина тяжело лежала вокруг него, когда О-Тар, джеддак Манатора, открыл глаза в темноте комнаты О-Мая. В его сознании возникло воспоминание об ужасном видении. Он прислушался, но ничего не услышал. В поле его зрения ничего не могло вызвать тревоги. Он медленно поднял голову и огляделся. На полу рядом со спальным помостом лежал какой-то предмет, который привлек его внимание и привел в ужас, когда он разобрал, что это, но он не двигался и не говорил. О-Тар встал на ноги. Он дрожал каждой своей жилкой. На постели, где поднимался этот призрак, ничего не было.

О-Тар медленно пятился из комнаты. Наконец он выбрался в коридор. Тот был пуст. О-Тар не знал, что коридор мгновенно опустел, когда стон, соединившись с криком самого О-Тара, достиг ушей воинов, посланных шпионить за ним. Он взглянул на часы на массивном золотом браслете, надетом на левую руку. Прошла половина девятого пода. Около часа О-Тар лежал без чувств. Он провел час в комнате О-Мая и не умер! Он смотрел в лицо своего предшественника и не сошел с ума! Он вздрогнул и улыбнулся!

Постепенно он овладел своими разыгравшимися нервами, так что достигнув жилой части дворца, он уже полностью овладел собой. Он шел важной походкой с высоко задранным подбородком. Он шел в пиршественный зал, зная, что там ждут его вожди.

Когда он вошел туда, все встали со своих мест, на лицах многих было выражение недоверия и смущения, так как они не ожидали вновь увидеть джеддака О-Тара после того, как шпионы рассказали об ужасных звуках, донесшихся из помещения О-Мая.

Как счастлив был О-Тар, что он один пошел в эту комнату ужаса. Теперь никто не может усомниться в его рассказе!

Э-Тас вышел вперед, чтобы встретить его, - он видел, какие взгляды бросали на него вожди и знал, что его ждет, если его покровитель не вернется.

- О, храбрый и славный джеддак! - воскликнул мажордом. - Мы радуемся твоему благополучному возвращению и ждем рассказа о твоих приключениях.

- Ничего не было! - воскликнул О-Тар. - Я внимательно обыскал комнату и, спрятавшись, если он на время вышел, стал поджидать возвращения раба Турана, но он не пришел. Его там нет, сомневаюсь, был ли он там когда-нибудь. Вряд ли кто-нибудь хотел бы оказаться в таком ужасном месте.

- На тебя не напали? - спросил Э-Тас. - Ты не слышал стонов или криков.

- Я слышал ужасные звуки и видел призраков, но они разбежались при моем приближении, я смотрел в лицо О-Мая и не сошел с ума. Я даже отдохнул в комнате возле его трупа...

В дальнем углу комнаты согбенный старик спрятал улыбку за золотым кубком с крепким пивом.

- Пошли! Будем пить! - воскликнул О-Тар и хотел извлечь кинжал, рукоятью которого он хотел ударить в гонг, желая вызвать рабов, но кинжала в ножнах не оказалось. О-Тар удивился. Он хорошо помнил, что перед уходом в покои О-Мая проверил,

все ли его оружие на месте, и кинжал был у него с собой. Он схватил со стола кубок и ударил в гонг, а когда пришли рабы, приказал принести самого крепкого пива для О-Тара и его вождей. Много восторженных слов было произнесено за пивом, все восхищались храбростью своего джеддака, однако некоторые вожди сохраняли угрюмое выражение на лицах.

Наконец, пришел день, в который О-Тар должен был взять в жены принцессу Тару Гелиум. Несколько часов готовили к церемонии не желающую брака невесту, семь благоухающих ванн заняли три долгих часа, затем ее тело растер маслом из листьев прималии и массировал своими чуткими пальцами раб из далекого Дусара. Ее одежда, специально подготовленная к этому случаю, была сшита из кожи больших белых барсумских обезьян и увешена платиновыми украшениями и бриллиантами. Тяжелая масса ее блестящих черных волос была уложена в высокую прическу, которую скрепляли булавками с головками из алмазов: они сверкали как звезды в безлунную ночь.

Но это была угрюмая и непокорная невеста. И вот ее повели из высокой башни в тронный зал О-Тара. Коридоры дворца были заполнены рабами, воинами, женщинами из дворца и города, которым было приказано присутствовать на церемонии. Вся гордость и власть, все богатство Манатора были здесь.

Тара, окруженная сильной охраной, медленно двигалась по мраморным коридорам с бесчисленными толпами народа. У входа в зал вождей ее встретил мажордом Э-Тас. Зал был пуст, если не считать рядов мертвых вождей и мертвых тотов. По этому длинному залу она в сопровождении Э-Таса прошла в тронный зал, который тоже был пуст: брачная церемония в Манаторе проходит не так, как в других странах Барсума.

Здесь невеста должна была ждать жениха на ступеньках трона. Гости вошли вслед за ней и заняли свои места, оставив широкий проход от зала вождей к трону. По этому проходу О-Тар должен был пройти к своей невесте после непродолжительной беседы с духами мертвых в зале вождей. Таков был обычай.

Гости цепочкой прошли через зал Вождей. Двери в обеих комнатах закрыли. Вскоре после этого открылась дальняя дверь и вошел О-Тар. Его черные доспехи были украшены рубинами и золотом, лицо покрыто маской из драгоценного металла. В ней были сделаны две узкие щели, через которые можно было видеть. Поверх короны шла лента, поддерживающая перья из того же металла, что и маска. До мельчайшей детали его наряд соответствовал требованиям и обычаям королевского ритуала Мана-

тора, и теперь, в соответствии с этими обычаями, он один шел в зал Вождей просить благословения и совета у своих великих предшественников на троне Манатора.

Когда дверь в дальнем конце зала закрылась за ним, джеддак О-Тар остался наедине с великими мертвецами. По обычаям веков ни один смертный не мог видеть сцену, происходящую в этой священной комнате.

Могучий Манатор уважает свои традиции, давайте и мы не нарушим традиций этих гордых и чувствительных людей. И что нам до того, что происходит в безлюдной комнате мертвецов?

Прошло пять минут. Невеста молча стояла на ступеньках трона. Гости переговаривались шепотом, и вскоре зал наполнился гулом множества голосов. Наконец, дверь, ведущая в зал Вождей, раскрылась, в дверном проеме на мгновение застыл великолепный жених. Наступило молчание. Размеренной и горделивой походкой шествовал жених к невесте. Тара почувствовала, как по мере его приближения, неотвратимо, как сама судьба, у нее сжималось сердце.

И никаких знаков от Турана! Где он? И чем он может помочь ей? Окруженная воинами Тара, не имея вокруг ни одного друга, казалось, совершенно лишилась надежды на освобождение.

- Я все еще живу! - прошептала она про себя в последней храброй попытке победить ужасную безнадежность, овладевшую ею, но ее пальцы нащупали рукоятку кинжала, который она сумела незаметно перепрятать из старой одежды в новый наряд. Жених был уже рядом. Взяв ее за руку, он повел ее вверх по ступенькам трона. Перед троном они остановились и стояли, глядя на собравшихся внизу. Из бокового помещения вышла процессия, возглавляемая верховным жрецом, который должен был объявить их мужем и женой. За ним, богато одетый юноша нес шелковую подушку, на которой лежали золотые браслеты, соединенные золотой цепочкой. Во время церемонии жрец должен был надеть их на руки жениха и невесты, символизируя их нераздельность в браке.

Неужели обещанная Тураном помощь придет слишком поздно? Тара слушала длинную монотонную брачную службу. Она слышала, как превозносили достоинства О-Тара и красоту невесты. Страшный момент приближался, а Турана все не было. но что бы он мог сделать, если даже ему удалось пробраться в эту комнату? Только умереть вместе с ней. Надежды на спасение не было.

Жрец взял с подушки золотые браслеты. Он расстегнул их и взял Тару за руку. Вот и пришло время! Дальше церемония не должна продолжаться, ибо, живая или мертвая, она по всем законам Барсума становилась женой О-Тара из Манатора, как только браслеты будут соединены. Даже если придет освобождение, она никогда не сможет разорвать эти цепочки, и Туран будет для нее потерян так же верно, как если бы их разделила смерть.

Ее рука сжалась на рукоятке кинжала, но немедленно рука жениха перехватила руку ее и заставила выпустить рукоятку. Он предвидел ее намерение. Сквозь прорези маски она видела его глаза: ей казалось, что у него на лице насмешливая улыбка. Несколько мгновений они стояли молча. Люди внизу в молчании затаили дыхание: происшествие у трона не осталось незамеченным.

Этот драматический момент был прерван грохотом распахнувшейся двери, ведущей в зал Вождей. Все глаза повернулись в том направлении и увидели другую фигуру в дверном проеме - полуодетую и растрепанную фигуру О-Тара - джеддака Манатора.

- Стойте! - крикнул он и прыгнул вперед в проход к трону, - хватайте самозванца!

Все взоры обратились к фигуре жениха у трона. Все увидели, как он поднял руку и снял с лица золотую маску. Тара Гелиум широко раскрыла глаза и недоумевающе смотрела в лицо пантана Турана.

- Раб Туран, - раздались крики в зале.

- Смерть ему! Смерть!

- Подождите! - крикнул Туран выхватывая меч, так как дюжина воинов выступила вперед.

- Подождите! - прозвучал другой голос, старый и дрожащий, и И-Гос, древний таксидермист, вышел вперед из толпы гостей и перед наступающими воинами поднялся на ступени трона.

При виде старика воины остановились: у всех обитателей Барсума возраст пользуется большим уважением, как у всех народов, чья религия строится на преклонении перед предками. Но О-Тар не обратил на него никакого внимания и продолжал двигаться к трону.

- Стой, трус! - воскликнул И-Гос.

Люди глядели на маленького старика в изумлении.

- Люди Манатора! - прокашлял он своим тонким и пронзительным голосом, - может ли править нами трус и лжец?

- Тащите его вниз! - крикнул О-Тар.

-Нет, пока я не кончу говорить, - возразил И-Гос, - это мое право. Я могу поплатиться за свои слова жизнью - я знаю это, и все вы тоже. Поэтому я требую, чтобы меня выслушали. Это мое право!

- Это его право! - это послышалось множество голосов с разных сторон.

- Я могу доказать, что О-Тар трус и лжец! - продолжал И-Гос. - Он утверждал, что смело смотрел в лицо ужасам в комнате О-Мая и не нашел там раба Турана. Я был там, спрятавшись за занавесями, и видел все. Туран скрывался в этой комнате - он лежал в постели О-Мая, когда О-Тар, дрожа от ужаса, вошел в комнату. Туран, проснувшись, сел в постели, и в это время раздался испуганный крик. О-Тар вскрикнул и потерял сознание.

- Это ложь! - вскрикнул О-Тар.

- Это не ложь! - и я могу это доказать, - возразил И-Гос. - Все видели, что когда О-Тар вернулся из покоев О-Мая, и хвастал своими подвигами, он хотел вызвать рабов, чтобы приказать принести питье. Он хотел ударить своим кинжалом в гонг, как это всегда делал. Все заметили это. А был ли у него кинжал? О-Тар, где кинжал, который ты брал с собой в комнату О-Мая? Ты не знаешь, а я знаю. Пока ты лежал без памяти от страха, я вытащил его из твоих ножен и спрятал среди спальных шелков на постели О-Мая. Он и сейчас там лежит, а если кто-то сомневается, давайте пошлем туда людей: они найдут кинжал, и все убедятся в лживости джеддака.

- Но что делать с этим самозванцем? - крикнул один из вождей.

- Будет ли он все так же стоять безнаказанно у трона Манатора, пока мы спорим о своем джеддаке?

- Благодаря его отваге мы знаем о трусости О-Тара, - ответил И-Гос, - благодаря ему у нас будет лучший джеддак.

- Мы сами выберем джеддака! Схватить и убить раба! - раздались крики из разных концов зала.

Гохан между тем внимательно прислушивался, как бы надеясь что-то услышать. Он видел, как воины приближаются к помосту, где он стоял с обнаженным мечом, обхватив одной рукой Тару Гелиум. И если его план не удастся, это будет означать для него смерть. И он знал, что Тара тоже умрет. Неужели все его усилия были напрасны?

Несколько воинов настаивали на необходимости отправиться в покои О-Мая и поискать там кинжал. Если его найдут, то это докажет трусость О-Тара. Наконец, трое согласились пойти.

- Не бойтесь, - сказал им И-Гос. - Там же нет опасности. Я часто бывал в этой комнате, а Туран спал там много ночей. Стоны и крики, напугавшие вас и О-Тара, издавал он, чтобы отпугнуть всех от своего убежища.

Полные стыда, трое вождей отправились на поиски кинжала О-Тара.

Теперь все вновь обратились к Гохану.

Воины с обнаженными мечами приблизились к трону, но двигались они медленно, все видели этого раба на поле джетана и знали силу его оружия. Когда они достигли ступеней трона, откуда-то издалека донесся сильный гул, затем вновь и вновь, и Туран улыбнулся и вздохнул с облегчением. Возможно, в конце концов, помощь придет вовремя. Все находившиеся в зале, прислушались. Теперь до их ушей донесся звук ружейных выстрелов, а сверху, с крыши дворца, слышался грохот.

- Что это? - спрашивали все друг друга.

- Большая буря пришла в Манатор, - предположил один.

- Не думайте о буре, пока не убьете вот этого врага, осмелившегося стоять у трона вашего джеддака! - настаивал О-Тар. - Хватайте его.

Но в это время шпалеры за троном раздвинулись и из-за них к трону выступил воин. Восклицание удивления и страха вырвались из уст воинов О-Тара.

- У-Тор! - воскликнули они. - Измена!

- Это не измена, - сказал У-Тор низким голосом. - Я привел вам нового джеддака всего Манатора. Не лживого труса, а храброго человека, которого вы все любите!

Он отступил в сторону, и другой воин вышел из прохода, скрывающегося за шпалерой. Это был А-Кор, и при виде его зазвучали возгласы удивления, восторга, гнева: все поняли, что произошел умело организованный государственный переворот. Вслед за А-Кором появились другие воины, пока помост не наполнился ими - все это были воины Манатора.

- О-Тар призывал своих воинов к атаке, но в это время окровавленный падвар вбежал в зал.

- Город пал! - громко крикнул он. - Войска Манатоса ворвались через Ворота Врагов. Рабы из Гатола восстали и обезоружили дворцовую охрану. Большие воздушные корабли высаживают воинов на крыше дворца и на поле джетана. Люди Гелиума и Гатола проходят по Манатору. Они громко кричат о принцессе Гелиума и клянутся превратить Манатор в погребальный костер. Небо черно от кораблей. Огромными флотилиями движутся они с востока на юг.

Вновь распахнулась дверь, ведущая в зал вождей. Повернувшись, люди Манатора увидели еще одну фигуру мощного мужчины с белой кожей, черными волосами и серыми глазами, сверкавшими как сталь. За ним зал Вождей - зал полон воинов в доспехах далеких стран. Сердце Тары Гелиум при виде вновь прибывших забилось от восторга.

Это был Джон Картер, Главнокомандующий Барсума, он пришел во главе победоносных войск, чтобы освободить свою дочь, и рядом с ним был Джор Кантос, с которым она была помолвлена. Главнокомандующий оглядел собравшихся и заговорил:

- Положите оружие, воины Манатора. Я вижу, моя дочь жива, ей не причинили вреда, поэтому кровь не будет литься. Ваш город полон людей У-Тора, воинами Гатола и Гелиума. Дворец в руках рабов из Гатола и около тысячи моих воинов находится в окружающих этот зал коридорах и комнатах. Судьба вашего джеддака в ваших руках. Я не хочу вмешиваться. Я пришел, чтобы освободить свою дочь и рабов из Гатола. Я сказал! - и не ожидая ответа, как будто зал был полон его людьми, а не вражескими воинами, он пошел к Таре Гелиум.

Вожди Манатора были ошеломлены. Они смотрели на О-Тара, но он мог лишь беспомощно смотреть на то, как враги выходят из зала Вождей и окружают трон. Затем вошел двар армии Гелиума.

- Мы задержали трех вождей, доложил он Главнокомандующему, - они просят, чтобы их допустили в тронный зал к их товарищам и говорят, что их сообщение решит судьбу Манатора.

- Приведите их! - сказал Главнокомандующий.

Трое вождей, окруженные конвоем, подошли к ступенькам трона. Один из них повернулся к манаторианам и высоко поднял в правой руке украшенный драгоценными каменьями кинжал.

- Мы нашли его, - сказал он, - там, где указал И-Гос, - и он многозначительно посмотрел на О-Тара.

- А-Кор, - джеддак Манатора! - послышался возглас, подхваченный сотнями голосов.

- В Манаторе может быть только один вождь и джеддак, - сказал вождь, державший кинжал. Его глаза по-прежнему были устремлены на злополучного О-Тара. Он подошел к нему и протянул кинжал низвергнутому правителю. - В Манаторе может быть лишь один джеддак, - повторил он многозначительно.

О-Тар взял протянутый ему кинжал и по самую рукоять вонзил себе в грудь, одним единственным действием вернув себе уважение своего народа и заняв вечное место в зале Вождей.

Когда он упал, в огромном зале наступила тишина. Ее прервал голос У-Тора.

- О-Тар умер! - воскликнул он. - Пусть А-Кор правит до тех пор, пока вожди всего Манатора не соберутся для выборов нового джеддака. Каков ваш ответ?

- Пусть правит А-Кор! А-Кор - джеддак Манатора! - такие возгласы заполнили зал.

Никто не возражал.

А-Кор поднял меч, призывая всех к молчанию.

- Воля А-Кора, - сказал он, - воля великого джеда Манатоса, - командующего войсками Гатола, знаменитого Джона Картера, Главнокомандующего Барсума: их воля такова - пусть будет мир в Манаторе. Я приказываю: жители Манатора должны встретить воинов других городов и стран как гостей и друзей, показать им все, что есть интересного в нашей столице, проявив гостеприимство Манатора. Я сказал.

И У-Тор и Джон Картер в сопровождении своих войск смешались с жителями Манатора.

Когда зал опустел, Джор Кантос подошел к Таре Гелиум. Счастье девушки померкло при виде человека, которого, как она считала, она обманула. Она страшилась предстоящего объяснения. Джор Кантос, преклонив колено, поцеловал пальцы ее руки.

- Прекрасная дочь Гелиума, - сказал он, - как осмелюсь я начать разговор, как мне рассказать о том бесчестье, которое я, не желая того, нанес тебе? Могу лишь положиться на твое великодушие, но если ты потребуешь, я возьму кинжал и последую примеру О-Тара.

- Что это значит? - спросила Тара Гелиум. - О чем ты говоришь, почему ты говоришь загадками с той, чье сердце разбито?

Ее сердце разбито! - Молодой падвар ничего не понимал, он хотел бы умереть, прежде чем произнести те слова, которые он должен был сказать.

- Тара Гелиум, - продолжал он, - мы все считали тебя мертвой. Тебя долго не было в Гелиуме. Я искренне оплакивал тебя, но потом, совсем недавно, женился на Оливии Мартис, - он встал и, глядя на нее, как бы говоря: "Теперь пошли меня на смерть".

- О, какой же ты глупый! - воскликнула Тара. - Ничего лучшего ты и не мог сказать, Джор Кантос, я должна поцеловать тебя.

- Не думаю, что Оливия Мартис будет протестовать, - ответил он, и его лицо озарилось улыбкой.

Пока они говорили, группа людей вошла в тронный зал и приблизилась к помосту. Это были высокие мужчины в простых доспехах, совершенно лишенных украшений. Когда они приблизились, Тара позвала к себе Гохана.

- Джор Кантос - сказала она, - это пантан Туран, его верность и храбрость завоевали мою любовь.

Джон Картер и предводитель вновь вошедших, стоящих рядом, быстро взглянули на троих у трона. Первый из них загадочно улыбнулся, а второй обратился к принцессе Гелиума.

- Пантан Туран! - воскликнул он. Знаешь ли ты, дочь Гелиума, что тот, кого ты называешь пантаном, Гохан, джед Гатола?

Мгновение Тара Гелиум выглядела удивленной, затем пожала своими прекрасными плечами и повернулась к Гохану.

- Джед или пантан, - сказала она, - какая разница для той, кто стала рабыней? - сказала она шаловливо смеясь, глядя в улыбающееся лицо возлюбленного.

Закончив свой рассказ, Джон Картер встал со стула и потянулся своим огромным телом, как большой лев.

- Ты уходишь? - воскликнул я. Мне была ненавистна сама мысль о его уходе. Казалось, что он только что пришел.

- Небо за этими прекрасными холмами покраснело, - ответил он, - скоро день.

- Только один вопрос, - попросил я.

- Ну, что ж, - добродушно согласился он.

- Как Гохан смог появиться в тронном зале в одежде О-Тара? - спросил я.

- Очень просто... разумеется, для Гохана из Гатола, - ответил Главнокомандующий. - С помощью И-Госа он пробрался в зал Вождей перед церемонией, когда тронный зал и зал Вождей опустели перед приходом невесты. Он прошел из подземелья по проходу, кончавшемуся за шпалерами у трона. В зале Вождей он занял место на спине у одного из тотов, лишившегося всадника: эти всадники реставрируются И-Госом. Когда вошедший О-Тар оказался рядом, Гохан прыгнул на него и ударил рукояткой тяжелого копья. Он думал, что убил джеддака, и весьма удивился его появлению.

- А Чек? - Что стало с ним?

- Чек отвел Вал Дора и Флорана к самолету Тары. Они починили его и вместе с Чеком улетели в Гатол. Оттуда было послано известие ко мне в Гелиум. Затем Чек провел большой отряд, включающий А-Кора и У-Тора, с крыши, где спустились наши корабли, вниз по спиральной лестнице во дворец и провел их в тронный зал. Мы взяли его с собой в Гелиум, где он и живет сейчас со своим единственным рикором. Его рикор ждал его в подземелье О-Тара, он не пострадал, только очень проголодался. Но пойдем... Больше никаких вопросов.

Я проводил его на восточную аркаду, куда сквозь арки пробивался розовый рассвет.

- Прощай! - сказал он.

- Я с трудом верю, что это ты, - воскликнул я. - Завтра я подумаю, что это мне приснилось.

Он засмеялся и провел своим мечом царапину на каменной стене одной из арок.

- Если завтра усомнишься, - сказал он, - посмотри на нее.

Через мгновение он исчез.

ДЖЕТАН ИЛИ МАРСИАНСКИЕ ШАХМАТЫ

Для тех, кто интересуется подобными вещами, я пересказывал правила джетана, как слышал их от Джона Картера. Написав названия фигур и их ходы на клочках бумаги, и расположив их на обычной стоклеточной доске, можно играть так же успешно, как и украшенными перьями живыми фигурами на Марсе.

Доска состоит из ста чередующихся черных и оранжевых квадратов.

Фигуры, как они стоят по порядку в первом ряду слева направо у каждого игрока.

ВОИН - два пера, две клетки прямо в любом направлении или в комбинации.

ПАДВАР - два пера, две клетки по диагонали в любом направлении или в комбинации.

ДВАР - три пера, три клетки прямо в любом направлении или в комбинации.

ЛЕТЧИК - три пропеллера, три клетки по диагонали в любом направлении и в комбинации, может перепрыгивать через встречные фигуры.

ВОЖДЬ - диадема с десятью жемчужинами, три клетки в любом направлении, прямо, и по диагонали или в комбинации.

ПРИНЦЕССА - диадема с одним драгоценным камнем, ходит как вождь, кроме того, может перепрыгивать через фигуры.

ЛЕТЧИК - см.выше.

ДВАР - см. выше.

ВОИН - см. выше.

Во втором ряду слева направо:

ТОТ - всадник с двумя перьями, две клетки - одна прямо, одна по диагонали и в любом направлении.

ПАНТАНЫ - восемь у каждого игрока, одно перо, одна клетка, прямо в стороны, по диагонали, но не назад.

ТОТ - см. выше.

Один игрок располагает двадцатью черными фигурами, его противник - двадцатью оранжевыми. Игра представляет собой отражение действительной борьбы между черной расой юга и расой севера. На Марсе доска обычно располагается так, что черные фигуры расположены с южной стороны, а оранжевые с северной.

Игра считается выигранной, если удастся поместить свою фигуру в клетке, занимаемой принцессой противоположной стороны, и если вождь собьет вождя.

Исход игры решается жребием, если вождь взят фигурой противоположной стороны или если с обеих сторон осталось по три фигуры или меньше и игра не кончается выигрышем в ближайшие десять ходов, по пять с каждой стороны.

Принцесса не может передвигаться в клетку, находящуюся по диагонали, и не может брать фигуры противоположной стороны. У нее есть право на один ход через десять клеток в любой момент игры. Этот ход называется бегством.

Две фигуры не могут занимать одну и ту же клетку, за исключением последнего хода, которым берется принцесса.

Когда игрок, делающий свой очередной ход, ставит фигуру на клетку, занятую фигурой противоположной стороны, эта фигура считается сбитой и убирается с доски. Объяснения ходов. Прямые ходы на север, юг, восток и запад. Диагональные ходы - на северо-восток, юго-восток, северо-запад и юго-запад. ДВАР может двигаться прямым ходом на север на три клетки, или на

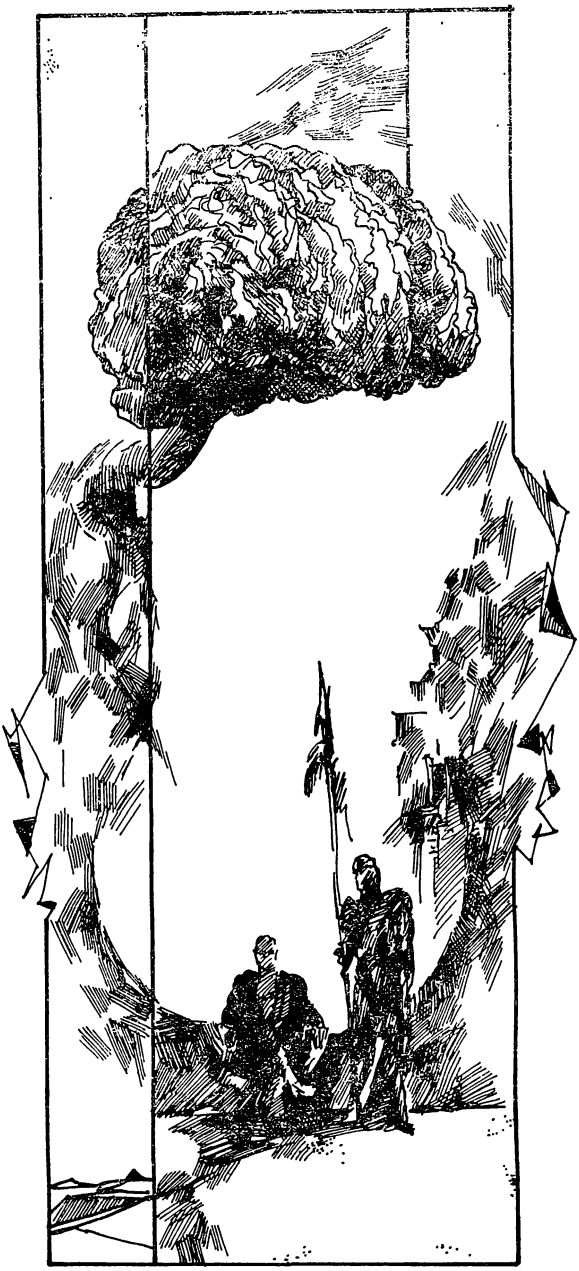
одну клетку на север и две клетки на восток, или любой другой комбинацией прямых ходов. Он только не имеет права за один ход дважды пересекать одну и ту же клетку. Этот пример объясняет движение в комбинации.

Право первого хода предоставляется по соглашению играющих. После первой игры победитель имеет право на первый ход, но он может передать это право противнику.

Ставки. Марсиане играют в джетан по разному. Обычно назначается ставка, которую получает победитель, но они могут также оценивать каждую фигуру в соответствии с ее ценностью и за каждую потерянную фигуру игрок платит противнику.

ВЕЛИКИЙ УМ МАРСА

Письмо

Гелиум. Июнь, 8. 1925г.

Дорогой мистер Берроуз!

В первый раз я познакомился с Джоном Картером, военным владыкой Барсума, в 1917 году, в офицерском учебном лагере, на страницах вашего романа "Принцесса Марса". История эта произвела на меня большое впечатление и, несмотря на то, что здравый смысл твердил мне, что это лишь весьма талантливая фантастика, мысль об истинности всего этого заполнила мое подсознание настолько, что я обнаружил, что думаю о Марсе, Джоне Картере, Дее Торис, Тарс Таркасе и Вуле, как если бы они реально существовали в жизни, а не являлись лишь плодом вашего воображения.

Правда, в те дни напряженной учебы было мало времени для грез, но короткие моменты перед сном, которые мне все же полагались, были моими. Я мечтал. Всегда о Марсе! И как!

Во время бессонных ночей глаза мои поневоле искали в вышине красную планету, если она была над горизонтом. Я смотрел на нее, пытаясь найти решение загадок, поистине непостижимых, которые она задавала людям в течение многих столетий.

Возможно, это стало одержимостью. Хотя все это пришло ко мне в лагере, но ночью, когда я лежал на палубе транспорта, плывущего через океан, я нашел Марс на небосводе. Мне хотелось смотреть в глаза красного бога войны - моего бога - и желать, чтобы, как Картер, перенестись через огромные пространства космического вакуума к гавани моей мечты.

А затем настали ужасные дни и ночи в окопах - крысы, вши, грязь - и чудесны были паузы в этой монотонности, когда нам приказывали идти в атаку. Тогда я это любил - любил разрывы снарядов, хаос звуков от громоподобных пушек, но... крысы, вши, грязь! О боже! Как я ненавидел их! Знаю, что это звучит хвастовством, уж извините, но я хотел написать вам всю правду о себе. Думаю, что вы поймете. И поймете то, что случилось позже.

Наконец пришло ко мне то, что приходило очень ко многим на этих кровавых полях. Это произошло на той неделе, когда я получил свое первое повышение - чин капитана, чем очень гордился, несмотря на свою скромность, так как сознавал, что кончилась моя юность и пришла огромная ответственность, а вместе с тем возможность служить, и не только своей стране, но и людям моей команды. Мы выдвинулись вперед на два километра с маленьким отрядом, и я удерживал самую близкую к врагу позицию, когда получил приказ отступать на новую линию обороны. Это последнее, что я помню, пока ко мне не вернулось сознание, после наступления темноты. Должно быть, около меня разорвался снаряд. Что стало с моими людьми, я так и не узнал. Когда я очнулся, было холодно и очень темно, и я на мгновение успокоился - до того, как полностью обрел сознание - и в это время почувствовал боль. Она росла, пока не стала невыносимой! Она была в ногах. Я вытянулся, чтобы потрогать их, но моя рука отпрянула от того, что обнаружила, и когда я попытался пошевелить ногами, то обнаружил, что ниже пояса я совершенно парализован. Потом из-за облака появилась луна, и я увидел, что лежу в воронке, и что не одинок: вокруг меня лежали мои люди - мертвые!

Прошло много времени, прежде чем я нашел моральные и физические силы приподнять себя на локоть, чтобы увидеть раны, причиненные мне. Одного взгляда было достаточно, чтобы я упал обратно в состоянии умственной и физической агонии - ноги мои были начисто снесены между бедрами и коленями. Почему-то я не истек кровью, но несмотря на это, знал, что потерял огромное количество ее и каждый новый момент теряю достаточно, чтобы избавиться от страданий до того, как меня найдут; и когда я лежал так, мучаясь от боли, то молил, чтобы меня не нашли вовремя! Я морщился, думая о будущей увечной жизни больше, чем при мысли о смерти. Но вдруг глаза мои сфокусировались на ярко-красном Марсе, и надежда вспыхнула во мне. Я простер руки Марсу, и не нужно, по-видимому, задавать вопросы или сомневаться хоть мгновение, как я молился богу моей мечты, чтобы он помог мне. Я знал, что он сделает это, вера моя была крепка и так велико умственное усилие, которое я сделал, чтобы освободиться от страшных оков искалеченного тела, что я почувствовал внезапный приступ тошноты, затем резкий щелчок, как разрезают стальную

проволоку, и неожиданно я встал на двух здоровых ногах, смотря вниз на окровавленный предмет, который был мной. Едва ли момент стоял я так, прежде чем повернуть глаза вверх, к звезде моей судьбы, и с простертыми руками замер в холоде этой ночи, ожидая...

Вдруг я почувствовал, что со скоростью мысли мчусь сквозь нехоженные пустыни межпланетного пространства. Здесь был предельный холод и беспросветный мрак. Затем...

Но остальное в рукописи, которую я смог передать вам с помощью того, кто более велик, чем любой из нас. Вы и некоторые другие поверят в это, для остальных это не имеет значения. Настанет час - почему бы и не рассказать то, что вы уже знаете?

Я благодарю счастливую возможность - ту, которая помогла мне найти способ, с помощью которого земляне лучше познакомятся с обычаями и образом жизни Барсума, прежде чем смогут преодолевать пространство так же легко, как Джон Картер, и посетить места, которые он описал с вашей помощью.

И я делаю то же, что и он. Пишу!

Ваш искренний друг Улиос Пакстон,
бывший капитан от инфантерии
Соединенных Штатов Америки.

I. ДОМ МЕРТВЫХ

Должно быть, я непроизвольно закрыл глаза во время переноса на Марс, потому что, когда я их открыл, то обнаружил, что лежу на спине, уставясь в ослепительное небо, а рядом, в нескольких футах, стоит и смотрит на меня с озабоченным выражением лица самый странный человек, какого я только видел. Он выглядел глубоким стариком, потому что был в глубоких морщинах и неописуемо иссохшим. Члены его были истощены, ребра отчетливо проступали сквозь высохшую кожу. Большой и хорошо развитый череп его в сочетании с такими тощими конечностями придавал ему видимость неустойчивости, как будто голова его противоречила всем пропорциям тела. Уверен, что тут было что-то не так!

Хотя он привел меня в замешательство пристальным взглядом сквозь многолинзовые очки, я все же подробно рассмотрел его. Он был пяти с половиной футов ростом, но в молодости несомненно был выше, так как сейчас был сильно сгорблен. Он был гол, исключая незамысловатые доспехи из кожи, на которые крепилось оружие и сумка-карман. Было на нем единственное, но замечательное украшение - ожерелье, украшенное драгоценными камнями, которое висело у него на шее. За такое ожерелье вдовствующая королева свинины или нефти охотно променяла бы душу, если бы у нее была таковая.

Чем больше смотрел он на меня, тем больше возрастало его недоумение. Он зажал подбородок большим и указательным пальцами левой руки и, подняв правую, с очень задумчивым видом поскреб голову. Затем он обратился ко мне, язык его был мне неизвестен.

При первых же его словах я приподнялся и покачал головой. Затем оглянулся. Я сидел на темно-красном газоне внутри высокой ограды, две, или возможно, даже три стены, которой были сформированы внешними стенами здания, в котором были видны формы европейского феодального замка, скорее, чем какие-либо другие архитектурные формы, известные мне. Фасад, представший моему взору, был богато украшен резьбой и большим количеством хаотических узоров. Контуры крыши были настолько нарушены ими,что здание производило впечатление руин, и от этого казалось не лишенным красоты и еще более гармоничным. Внутри ограды росли многочисленные деревья и кусты, все сверхъестественно странные, и все, или почти все, обильно цветущие. Среди них извивались аллеи, вымощенные цветными

камнями, и настолько красиво было зрелище и испускаемое ими сияние, переливающееся в лучах солнца, что камни казались драгоценными, причем редкой красоты.

Старик обратился ко мне снова, на этот раз повелительно, повторяя игнорированную мною команду, но я снова покачал головой. Тогда он положил руку на один из своих двух мечей, но пока не вытаскивал оружия. Я вскочил на ноги, причем результат был настолько примечательным, что не могу даже сейчас сказать, кто из нас двух больше удивился. Я поднялся на двадцать футов вверх и приземлился в десяти футах от того места, где сидел. Теперь я уже твердо был уверен, что нахожусь на Марсе, и никто не смог бы в этом сомневаться! Об этом говорили меньшая сила тяжести, цвет газона, оттенок кожи красных марсиан, о которых я читал в рукописях Джона Картера, этом удивительном, но еще не оцененном вкладе в мировую научную литературу. Нельзя было больше сомневаться. Я стоял на земле красной планеты. Я пришел в мир моей мечты - Барсум!

Старик был настолько испуган моим проворством, что сильно вздрогнул, несомненно непроизвольно, но однако с печальным для него результатом. Очки упали с его носа на газон, и мне стало ясно, что старый жалкий бедняга был практически слеп без этих искусственных усилителей зрения, поэтому он стал на колени и начал ощупывать траву в поисках потерянных стекол, словно сама жизнь его зависела от того, насколько быстро он их найдет. Возможно, он думал, что я воспользуюсь его беспомощностью и убью его. Очки были огромные и лежали у его ног, но он не мог найти их. Его руки, по-видимому, приведенные в отчаяние тем странным своенравием, которое проявляют иногда потерянные вещи, разрушая наши наивные надежды обнаружить их, все еще не могли войти в контакт с ними.

В тот самый момент, когда я стоял, наблюдая его тщетные попытки, обдумывая одновременно целесообразность возвращения ему средства, дающего ему возможность быть в большей степени готовым к тому, чтобы найти мое сердце острием меча, я почувствовал, что еще кто-то вошел в ограду. Посмотрев в сторону здания, я увидел большого красного человека, бегущего к старику. Вновь появившийся был совершенно голым и в руке держал дубинку. На его лице было выражение, несомненно сулившее старику, совершенно беспомощному, ползающему подобно кроту в поисках потерянных очков, беду.

Первым моим побуждением было остаться нейтральным в деле, ничуть меня не касающемся и о котором я не имел ни малейшего понятия, на чем мог бы обосновать свое присоедине-

ние к какой-нибудь стороне. Но когда я во второй раз взглянул на лицо человека с дубинкой, у меня возник вопрос: а не может ли это касаться меня?

В выражении лица этого человека было нечто, означающее или врожденное бессердечие и жестокость характера, или маниакальный склад ума. Человек этот может обратить на меня свое убийственное внимание после того, как отправит на тот свет более слабую жертву, в то время как первый мой знакомый, по крайней мере по внешнему виду, был здравомыслящим и относительно безвредным существом. Верно, что намерение старика обратить против меня меч не было показателем дружеского расположения, но при отсутствии выбора он казался мне меньшим из двух зол.

Он все еще искал свои очки... Красный человек был уже почти рядом с нами, и я принял решение разделить судьбу со стариком. Я находился в двадцати футах от него, голый и безоружный, но покрыть это расстояние с моими земными мускулами было делом одного мгновения, а обнаженный меч старика лежал около него, там, где он его бросил, считая более важным поиски очков. И так вышло, что я смело встретил атакующего в тот момент, когда он приблизился на расстояние удара к своей жертве. Удар, предназначавшийся другому, был нацелен на меня. Я уклонился от него, и тогда мне стало ясно, что проворство моих мускулов имеет и достоинства и недостатки. Мне пришлось учиться ходить, когда мне нужно было сражаться новым для меня оружием против вооруженного маньяка (судя по проявлению ярости и странному выражению лица, неудивительно, что я называю его маньяком).

Спотыкаясь и падая в попытках приспособиться к новым условиям, я обнаружил, что вместо того, чтобы оказывать серьезное сопротивление противнику, сам попал в затруднительное положение, так часто я, потеряв равновесие, растягивался на газоне, так что дуэль превратилась в серию усилий: с его стороны - догнать и сокрушить меня огромной дубинкой, а с моей - уклоняться и увертываться. Хоть это и унижение, но это правда. Однако так не могло продолжаться долго, потому что ввиду чрезвычайной ситуации управлять своими земными мускулами я научился быстро, и после этого уже твердо удерживал позицию, и когда он нацелил в меня мощный удар, я увернулся и задел его острием меча,что привело за собой появление крови и дикий крик боли. Он стал перемещаться более осторожно. Воспользовавшись преимуществами изменившейся ситуации, я насел на него так, что он отступил. Эффект был магическим и влил в

меня новые силы: я колол и рубил его, пока не пустил кровь в полдюжине мест, все еще проявляя разумную осторожность, стараясь избегать могучих взмахов его дубинки, каждый из которых мог бы убить и быка.

Уклоняясь от его ударов, я много перемещался. Мы сражались сейчас уже вне ограды, на значительном расстоянии от места нашей первой встречи. Я стоял лицом к зданию, когда старик отыскал свои очки и быстро приспособил их к глазам. Он немедленно стал вертеть головой в разные стороны, пока не обнаружил нас, после чего взволнованно закричал что-то и устремился к нам, вытаскивая на ходу меч. Красный человек опасно теснил меня, но я уже обрел полный самоконтроль и, опасаясь, что скоро количество моих противников удвоится, насел на него с повышенной энергией. Его дубинка прошла в доле дюйма от моего виска, овеяв волосы ветерком. Но он оставил открытым место, в которое я направил свой меч, пронзив его сердце. По крайней мере я думал, что пронзил сердце, забыв, что читал как-то в рукописях Джона Картера, что внутренние органы марсиан расположены иначе, чем у землян. Но результат был столь же удовлетворителен, как если бы я пронзил сердце. Рана эта вывела его из строя, и в этот момент подбежал старик. Он не только не делал недружелюбных жестов, но, казалось, старался убедить меня в отсутствии желания повредить мне. Он был возбужден и страшно раздражен, что я не понимаю его пронзительные и странные выкрики, имеющие вид властных команд, неистовой ругани и бессильного гнева. Но гораздо большее значение, чем его болтовня, имел тот факт, что он вложил меч в ножны. Когда он перестал кричать и стал объясняться с помощью пантомимы, я понял, что он предлагает мне мир, если не дружбу, так что я положил меч и поклонился. Это было единственное, что я мог придумать, чтобы уверить его в отсутствии непосредственного желания проткнуть его.

По-видимому, он был удовлетворен и сразу обратил внимание на лежавшего красного человека. Он послушал сердце и пощупал пульс, затем, кивнув головой, встал и, достав из сумки-кармана свисток, издал громкий звук. Сразу же из-за дверей одного из окружавших зданий появилось десятка два красных людей, бросившихся в нашу сторону. Никто из них не был вооружен. Получив от старика короткий, отрывисто-резкий приказ, они взяли лежащего на руки и унесли. Старик пошел к зданию, приглашая меня жестом следовать за ним. Кажется, мне больше ничего не оставалось делать, как повиноваться. Где бы я ни был на Марсе, шансы очутиться среди врагов миллион к одному. Так

что врагами я был обеспечен как здесь, так и в любом другом месте, поэтому отныне я должен был зависеть только от собственной находчивости, ловкости и проворства.

Только этим мог я проложить себе дорогу на Марсе. Хозяин привел меня в маленькую комнату, и взору моему предстала самая отвратительная картина, которую я когда-либо видел.

Ряды столов, выстроенные параллельными линиями, заполняли помещение, и почти каждый стол нес одинаковый груз: частично расчлененные или искалеченные каким-либо другим способом трупы людей. Над каждым столом была полка с сосудами разной формы и размеров, а с нижней части полки свешивались многочисленные хирургические инструменты, подсказавшие мне, что я нахожусь в огромном марсианском медицинском институте.

По указанию старика несшие барсумианина положили на стол и удалились.Тогда мой хозяин, если его можно было так назвать, так как в плен он меня пока что не взял, показал мне пальцем на него. Пока он разговаривал, он успел сделать на теле моего бывшего соперника два надреза: один, как я понял в вене, другой - в артерии. В надрезы он ловко вставил концы двух трубочек, одну из которых он подсоединил к пустой стеклянной реторте, а другую - к такой же реторте, но заполненной бесцветной прозрачной жидкостью, напоминавшей по виду чистую воду. Проведя соединения, старый джентльмен нажал на кнопку, приведшую в действие маленький моторчик. После этого кровь жертвы начала нагнетаться в пустой сосуд, а содержимое другого сосуда стало вливаться в пустые вены и артерии.

Слова и жесты, с которыми старик обращался ко мне, как мне показалось, содержали подробные указания метода и цели происходящего, но, поскольку я не понимал ни одного слова, то и по окончании лекции я остался в такой же темноте незнания, как и до начала, хотя было бы разумным предположить, что я стал свидетелем обычного бальзамирования трупа барсумианина. Убрав трубки, старик закрыл надрезы, причем использовал для этого кусочки материи, сильно напоминавшие толстый пластырь. Затем он жестом приказал мне идти за ним. Мы шли из комнаты в комнату, в каждой из которых были все те же странные экспонаты. Около некоторых тел старик останавливался, производя краткий осмотр или приписывая что-нибудь на листках, похожих на характеристику больного и висевших на крючке над каждым столом.

Из последних комнат, осмотренных нами, мой хозяин провел меня наклонным коридором на второй этаж, где были комнаты, подобные виденным мною на первом этаже, но столы были заняты не расчлененными, а в основном целыми телами, залатанными кусками пластыря. Когда мы шли между рядами тел, вошла барсуминская девушка, которая, на мой взгляд, была служанкой или рабыней. Она что-то сказала старику, после чего он снова просигналил мне идти за ним, и мы спустились другим коридором на первый этаж другого здания.

Здесь, в большой и пышно украшенной комнате, нас ждала пожилая красная женщина. Она выглядела старухой, и ее лицо было обезображено шрамом от удара или ушиба. Парадный костюм ее был изумителен по красоте. Сопровождали ее два десятка женщин и вооруженных охранников, и у меня мелькнула мысль, что она является особой немалого значения, но старикашка обращался с ней очень грубо, как я смог заметить, но это вполне соответствовало грубости ее слуг.

Разговор их был долог, по окончании его из эскорта старухи вышел мужчина, и, открыв сумку,вытащил оттуда пачку того, что, как мне показалось, было марсианскими деньгами. Не считая, он вручил их старику, после чего тот кивнул женщине, предлагая следовать за ним. Несколько человек из ее эскорта - рабынь и охранников - двинулись было сопровождать нас, но старик властно предложил им удалиться, после чего вспыхнула горячая дискуссия между женщиной и одним из ее телохранителей, с одной стороны, и стариком - с другой. Дискуссия кончилась тем, что старик протянул деньги обратно женщине, и это утихомирило спорящих, потому что женщина деньги не взяла, а сказала что-то своим людям и пошла вместе со стариком и со мной.

Мы вошли в комнату, которую я перед этим не осматривал. Она была очень похожа на остальные, за исключением того, что все тела здесь принадлежали молодым женщинам, причем многие из них были очень красивыми. Следуя по пятам за стариком, женщина просматривала ужасные экспонаты внимательно и очень тщательно. Трижды проходила она меж столов, критически осматривая их странную ношу. И каждый раз она надолго останавливалась около одного и того же тела - прекраснейшего создания из когда-либо виденных мной женщин, затем она вернулась к нему в четвертый раз, долго и серьезно глядя на мертвое лицо. При этом она разговаривала со стариком, задавая, по-видимому, бесчисленные вопросы, на которые он отвечал

быстрыми и короткими фразами. Затем она жестом показала на тело и кивнула, видно, соглашаясь в чем-то с хозяином этого ужасного экспоната.

Немедленно старикашка дунул в свисток, вызывая множество слуг, которых проинструктировал, затем повел нас в другую комнату, меньшую, в ней было несколько пустых столов. Две рабыни или служанки, бывшие там, по первому слову хозяина сняли пышное одеяние со старухи, распустили ей волосы и помогли лечь на один из пустых столов, где она была тщательно опрыскана, как я предполагал, антисептическим раствором, осторожно высушена и перенесена на другой стол. На расстоянии двадцати футов от него стоял еще один, параллельный стол.

Тотчас же дверь распахнулась и показались двое слуг, несущих тело прекрасной девушки, которое мы видели в соседней комнате. Они положили его на стол, где только что была старуха и точно также опрыскали, как и старуху. Старикашка сразу же сделал на теле старухи два надреза, как делал он со сраженным мною красным человеком, и заменил ее кровь на чистую жидкость.

Жизнь покинула старую женщину, она лежала на полированной плите, покрывающей стол, таким же трупом, как и бедное прекрасное создание.

Старик сдвинул свои доспехи к талии и тщательно опрыскался, после чего выбрал острый нож среди инструментов на полках и снял со старухи скальп, следуя по линии волос. Затем таким же образом он снял скальп с трупа молодой женщины, потом крошечной циркулярной пилой, прикрепленной к гибкому вращающемуся валу, распилил череп каждой из женщин по линии, указанной снятыми скальпами. Все было исполнено настолько искусно, что превзошло все мои ожидания. На протяжении четырех часов он перенес мозг каждой из женщин в черепную коробку другой, ловко соединил черепную коробку и скальп своеобразным пластырем, который оказывал не только антисептическое действие, но, в определенных пределах, и анестезирующее.

Он подогрел кровь, взятую из тела старой женщины, добавив несколько капель прозрачного химического раствора, выкачал жидкость из вен прекрасного трупа и заменил ее на кровь старухи, произведя одновременно подкожную инъекцию.

Во время операции он не сказал ни слова, но окончив ее, кратко проинструктировал ассистентов в своей отрывистой, резкой манере и предложил мне следовать за ним, после чего покинул комнату.

Он вел меня в дальнюю часть здания. Мы шли долго, пока не достигли роскошных апартаментов. Он открыл дверь, предложил войти, показал на вход в ванную и удалился, оставив меня на попечении отлично вышколенных слуг. Подкрепившись и отдохнув, я вышел из ванной и нашел в соседней комнате доспехи и одежду, предназначенные мне. Хотя и незамысловатые, они были сделаны из хорошего материала, но оружия при них не было.

Вполне естественно, что я много думал о странных событиях, свидетелем которых стал я на Марсе, но больше всего ставила меня в тупик непонятная затея старухи заплатить моему хозяину значительную сумму за то, чтобы он убил ее и перенес мозг из ее черепа в череп молодого трупа. Был ли это результат отвратительного религиозного фанатизма, или объяснение этого факта вообще недоступно земному уму?

Я так и не пришел ни к какому решению, когда был вызван рабом и последовал за ним в расположенные неподалеку покои. В комнате, куда меня ввели, я обнаружил ждущего меня у стола с восхитительными явствами хозяина. И не мог я быть судьей кушаньям после долгого поста и много более долгого пребывания на грубом армейском рационе.

Во время еды мой хозяин пытался объясниться со мной, но, естественно, его усилия были бесплодны. Временами он очень возбуждался, и три раза даже клал руку на один из своих мечей, когда я терпел неудачу в попытках понять, что он в конце концов от меня хочет. Действие это все больше и больше убеждало меня в том, что он отчасти сумашедший. Но в каждом случае он проявлял достаточно самообладания, отводя катастрофу от одного из нас.

Трапеза кончилась, но старик еще долго сидел, погруженный в раздумье. И вдруг внезапное решение, видимо, пришло ему в голову. Со слабым намеком на улыбку он повернулся ко мне и кивнул головой, указывая на предмет, бывший полным курсом барсумского языка. Много времени прошло после наступления темноты, прежде чем он позволил мне уйти. Он проводил меня до большой комнаты, где я раньше нашел доспехи, указал на груду богатых мехов и шелков, которые я должен был использовать в качестве постели, пожелал мне барсумской доброй ночи и ушел, предоставив мне решать задачу: гость я здесь или заключенный?

II. ПОВЫШЕНИЕ

Быстро пролетели три недели. Я достаточно овладел барсумским языком, что дало возможность беседовать с хозяином вполне удовлетворительно. Кроме того, я, хоть и медленно, но делал успехи в письменности этой нации, которая была труднейшей из всех барсумских письменностей, хотя разговорный язык у всех наций один.

За эти три недели я изучил многое в этом странном месте, где я был полугостем или полупленным. Мой замечательный хозяин-тюремщик, старый хирург Тунола Рас Тавас, которого я все время сопровождал, присматривался постепенно ко мне, и день за днем перед моими изумленными глазами раскрывались цели института, которым он управлял и в котором работал практически один. Его рабы и слуги были лишь дровосеками и водоносами. Именно его ум в одиночку руководил иногда благородной, иногда странной и вредной, но всегда удивительной деятельностью, целенаправленной работой всей его жизни.

Сам Рас Тавас был так же замечателен, как все творимое им. Он никогда не был умышленно жесток, не был, как я убежден, и преднамеренно злым. Он был виновен во множестве дьявольских жестокостей и подлейших преступлений, но уже в следующий момент он мог совершить поступок, который, если его продублировать на Земле, должен был бы вознести его на вершину человеческого уважения. Несмотря на то, что можно с уверенностью сказать, что он никогда не настаивал на жестокости и преступлении по каким-либо мотивам, нельзя не заметить, что он никогда не настаивал на гуманизме из высоких побуждений. Он имел исключительно научный склад ума, полностью лишенный всякой сентиментальности, которой у него не было ни капли. Это был практический ум, что доказывалось огромными гонорарами, получаемыми им за профессиональные услуги. Однако я знаю, что он оперирует не только ради денег. Я видел его за изучением научных проблем, решение которых не могло ничего добавить его богатству, в то время, как помещение, предоставленное его будущим клиентам, было переполнено богачами, жаждущими пересыпать деньги в его карман.

Его отношение ко мне исходило полностью из научного любопытства. Я являлся проблемой. Или я не был барсумианином, или видом, о котором он не имел понятия. Значит, для пользы науки было бы лучше всего, чтобы я охранялся и изучался. Я знал многое о своей планете. Критическому уму Рас Таваса нра-

вилось выпытывать у меня все, что я знал, в надежде получить некоторую информацию, которая поможет ему решить одну из барсумианских проблем, ставивших в тупик ученых.Но он вынужден был признать, что я тупой невежда практически во всех областях знаний, и потому, что земные науки пока на стадии пеленок по сравнению с замечательным научным прогрессом в соответствующих областях на Марсе. Он держал меня при себе еще и затем, чтобы использовать на незначительной работе в своей огромной лаборатории. Мне был вверен рецепт "бальзамирующей" жидкости. Меня научили, как выкачивать кровь из тела и заменять ее на удивительное предохраняющее средство, задерживающее разложение и не изменяющее мельчайших элементов клеток и нервов. Я изучил также секрет нескольких капель раствора, который, будучи добавлен к подогретой человеческой крови, оживляет и возвращает к нормальной деятельности весь организм.

Он сказал мне однажды, почему он позволил мне изучать все это - ведь эти вещи он держал в секрете от всех других - и почему он все время удерживал меня при себе в отличие от каждого из многочисленных людей его собственной расы, служивших ему и мне на меньших должностях и днем и ночью.

- Вад Варо, - сказал он, используя барсумианское имя, которое он мне дал, настаивая на том, что мое собственное имя не имеет значения и не практично. - В течение многих лет я нуждался в ассистенте, но прежде я никогда не чувствовал, что нашел кого-то, кто мог бы работать бескорыстно и искренне, не имея причин уйти куда-то и разболтать мои секреты. Ты на Барсуме уникален - ты не имеешь здесь никаких друзей или знакомых,кроме меня. Если бы ты покинул меня, то очутился бы в мире врагов. Для всех ты - подозрительный иностранец - и ты не проживешь и полдюжины зорь. Ты окоченеешь и будешь жалок - убогий пария во враждебном мире. Здесь же будешь занят работой с таким всепоглощающим интересом, что каждый час принесет тебе не имеющее себе равных удовлетворение. Нет, значит, эгоистических причин, чтобы ты покинул меня, и есть причины, чтобы ты остался. Я не ожидаю иной верности, кроме той, которая продиктована эгоизмом. Ты станешь идеальным ассистентом не только по тем причинам, которые я тебе назвал, но и потому, что ты интеллигентен и смышлен. После того, как я осторожно понаблюдал за тобой, я решил, что ты можешь служить мне и в другом качестве - персональным телохранителем.

- Может быть, ты заметил, что из всех, кто связан с моей лабораторией, я один невооружен. Это необычно на Барсуме, где люди всех классов, всех возрастов и обоих полов обычно вооружены. Но многим из этих людей я не могу доверить оружия, так как они убьют меня. Если бы я дал оружие тому, кому могу доверять, кто знает, возможно другие завладеют этим оружием и убьют меня. И те, кому я сегодня доверяю, завтра повернут свой меч против меня. Нет никого, кто не желал бы уйти из этого места к своему народу - только ты, Вад Варо, являешься исключением, потому что тебе некуда идти. Итак, я решил дать тебе оружие!

Ты спас мне жизнь однажды. Подобная возможность может представиться снова. Я знаю, что ты, будучи человеком благоразумным, не убьешь меня, так как ничего не выиграешь, а все потеряешь в нашем подозрительном мире, где убийство - закон общества, где естественная смерть - один из редких феноменов. Вот твое оружие. - Он шагнул в кабинет, в котором, когда он его открыл, обнаружился целый склад оружия, и выбрал для меня длинный меч, короткий меч, револьвер и кинжал.

- Ты, кажется уверен, в моей преданности, - сказал я.

Он пожал плечами.

- Я только уверен, что знаю вполне область твоих интересов. Сентиментальные люди говорят: любовь, дружба, верность, вражда, ревность, ненависть - тысячу совершенно лишних слов. Два слова заменяют все - личная выгода. Все умные люди понимают это. Они анализируют человека и по его склонностям и потребностям, классифицируют его как друга или врага, оставляя слабоумным или идиотам, или тем, кто любит быть обманутым, фиглярскую сентиментальную болтовню.

Я улыбался, пристегивая оружие на доспехи, но сохраняя спокойствие. Ничего нельзя было бы выиграть, что-либо доказывая этому человеку. Я чувствовал, что в каком-либо академическом споре добьюсь того, что мне станет только хуже, но многие из случаев, о которых он говорил, возбуждали любопытство, а один постоянно был у меня на уме - я много раз его обдумывал. Хотя частично кое-что было разъяснено в его замечаниях, я все еще удивлялся, почему красный человек, от которого я его избавил, имел такую непреодолимую склонность к тому, чтобы убить его в день моего пришествия на Барсум. Я спросил его об этом, когда мы сидели, непринужденно болтая после вечерней прогулки.

- Сентименталист, - сказал он, - сентименталист наиболее резко выраженного типа. Почему этот парень ненавидел меня со злобой, абсолютно невероятной для реакций аналитического ума, такого, как мой? Не будучи свидетелем его реакции, я осознал склад его ума так хорошо, что трудно себе представить. Рассмотрим факты. Он был жертвой убийства - молодой воин в расцвете жизни, с красивым лицом и великолепным телосложением. Один из моих агентов заплатил его родителям удовлетворительную сумму за его труп и продал его мне. Таким образом я получил практически все материалы. Я обработал его способом, который тебе уже знаком. В течение года тело лежало в лаборатории, так как не было случая использовать его. Но в конце концов пришел богатый клиент, вообще-то не производящий чрезмерно благоприятного впечатления - человек значительных лет. Он совершенно упал в глазах молодой женщины, которой оказывало внимание множество красивых поклонников. Мой клиент имел денег значительно больше, чем любой из них, был, быть может, более умным, с большим жизненным опытом, но он нуждался в одной вещи, которую каждый из них имел и которая всегда весит больше в глазах неразвитых, неблагоразумных, сентиментальных женщин - красивой внешности.

- Итак - 378-Д-193811-П имело то, в чем мой клиент нуждался и мог позволить себе купить. Соглашения о цене мы достигли быстро, и вскоре я перенес мозг богатого клиента в голову 378-Д, и мой клиент ушел. Как мне стало известно, через некоторое время он добился руки прекрасной дурочки.

- 378-Д мог долго пребывать в неопределенности на своей плите, если бы я просто случайно не выбрал его для восстановления, потому что одному человеку нужен был раб. Ты не будешь возражать, что этот человек был убит. Он был мертв. Я купил его, я платил деньги за труп - и все дело в этом. Он мог лежать мертвым вечно в одном из моих складов, не вдохни я жизнь в его вены. Имел он умственные способности, чтобы смотреть на дело мудро и благоразумно? Нет! Его сентиментальные реакции заставили его попрекать меня за то, что я не дал ему другое тело, хотя, как мне казалось, если смотреть на дело с точки зрения чувств, он должен был бы рассматривать меня как благодетеля, давшему ему жизнь в совершенно здоровом, пусть отчасти и использованном теле.

- Он говорил мне об этом несколько раз, умоляя вернуть ему тело-вещь, о которой, как я объяснил ему, никак не могло быть и речи, если случай не приведет в мою лабораторию труп купившего его тело клиента, случай, стоявший выше пределов веро-

ятности при таком богатстве, как у моего клиента. Парень предлагал мне даже, чтобы я позволил ему уйти и убить моего клиента, а затем принести его тело обратно, чтобы я мог произвести обратную операцию, вернув его мозг в его тело. Когда я отказался сообщить ему имя теперешнего владельца его тела, мрачность его возросла, но до самого момента твоего прибытия, когда он напал на меня, я не подозревал о глубине его комплекса ненависти.

Чувства - это преграда прогрессу. И в Туноле, вероятно, меньше подвержены их капризу, чем большинство других наций, но до сих пор многие из моих соотечественников до некоторой степени жертвы этих чувств. Это, однако, имеет свои преимущества, компенсирующие их пагубные влияния. Без них мы не могли бы иметь стабильное правительство и фандалиане или другие какие-нибудь народы опустошили бы нашу страну и завоевали бы ее; но достаточно низшим классам иметь некоторую толику чувств, чтобы дать им верность джеддаку Тулона, а высшие классы достаточно умны, чтобы в их собственных интересах держаться у трона.

С другой стороны, фандалиане - отъявленные сентименталисты, удовлетворенные абсолютными глупостями и суевериями, рабы тщеславия. Ну, сам факт, что они терпят на троне старую мегеру Заксу, клеймит их как бестолковых идиотов. Она невежественная, глупая, высокомерная, эгоистичная, жестокая и сварливая женщина. До сих пор фандалиане должны сражаться и умирать потому, что отец ее был джеддаком Фандала. Она так обложила их налогами, что они шатаются под их тяжестью, она плохо управляет ими, она эксплуатирует, обманывает их, а они падают ниц у ее ног и поклоняются ей. Почему? Потому, что ее отец был джеддаком Фандала, и его отец был им до этого, и так далее в древность. И все потому, что они руководствуются скорее чувствами, чем разумом. Потому, что их безнравственные правители платят и за чувства.

- У нее нет ничего, что говорило бы в ее пользу как нормального человека - даже нет красоты. Ты знаешь, ты видел ее!

- Я видел ее? - спросил я.

- Ты ассистировал мне в тот день, когда мы дали ее старому мозгу новую шкатулку, в день, когда ты прибыл с того, что зовешь Землей.

- Она? Эта старая женщина была джеддарой Фандала?

- Это была Закса, - подтвердил тот.

- Ты не соглашался на ее лечение, и один из землян мог подумать, что это лишь простая женщина, ведь ты обращался с ней не так, как подобает обращаться с правительницей.

- Я - Рас Тавас, - сказал старик. - Почему я должен склоняться перед кем-нибудь другим? В моем мире ничего не имеет такого значения, как ум, и во всех отношениях могу сказать без сомнения, что я не знаю разума более великого, чем мой.

- В таком случае, вы не без сентимента, - сказал я улыбаясь. - Вы обладаете одним из чувств - гордостью.

- Это не гордость, - сказал он. - Это факт! Факт, доказать который не представляет трудности. По всей вероятности, я имею наиболее развитый и хорошо фунциклирующий мозг среди всех знакомых мне ученых, и это показывает, что я обладаю наиболее развитым и хорошо функционирующим разумом на всем Барсуме. Из того, что я знаю о Земле и судя по тебе, я убежден, что на твоей планете разум может лишь слабо приблизиться к тому, который я развил в себе за время тысячелетней учебы и исследований. Расум-Меркурий или Косум-Венера могут, возможно, выдвинуть умы равные или даже выше, чем мой. Пока что мы изучаем их мозговые волны. Наши инструменты еще недостаточно разработаны, мы можем лишь предполагать, что они - существа крайне утонченные и подвижные.

- А это что за девушка, тело которой ты отдал джеддаре? - спросил я невпопад, потому что у меня из головы не могла выветриться мысль об этом прекрасном теле, в котором, в самом деле, должен был находиться соответствующий - ласковый и прекрасный ум.

- Просто объект! Просто объект! - повторял он, размахивая руками.

- Что с ней станет? - настаивал я.

- Какая разница, что станет? - спросил он. - Купил ее с партией военнопленных. Я не могу даже назвать, из какой страны мой агент получил их, или откуда они родом. Такие сведения не имеют значения.

- Она была жива, когда ты купил ее?

- Да. Ну и что?

- Ты убил ее?

- Убил ее? Нет! Я сохранил ее. Это было около десяти лет назад. Почему я должен был позволить ей стать старой и морщинистой? Она тогда не имела бы такой цены теперь. Когда Закса купила ее, она была такая же свежая, как в тот день, когда я получил ее. Много женщин смотрело на нее и хотело заполу-

чить ее лицо и тело, но только джеддара оказалась в состоянии взять ее. Она заплатила высочайшую цену из тех, какие мне когда-либо платили!

- Да, я держал ее долгое время, но я знал, что она в один прекрасный день придет ко мне и принесет высокую цену. Она в самом деле была прекрасна, и таким образом, чувство нашло свое применение - если бы не чувства, не нашлось бы дураков поддерживать ту работу, которую я веду, и это продлевает мои исследования на более высоком уровне. Ты должен быть удивлен, я знаю, если бы я сказал тебе, что чувствую, что почти способен воспроизвести рациональное человеческое существо воздействием различных химических комбинаций и групп людей. Они, вероятно, полностью неизвестны на Земле земным ученым, насколько я могу судить о незначительности твоих знаний о таких вещах.

- Я не был бы удивлен, - уверил я его, - я не удивлюсь ничему, что бы ты ни совершил.

III. ВАЛЛА ДАЙЯ

Я долго лежал бодрствуя в ту ночь и думал о 4296-Д-2631-Н, прекрасной девушке, чье совершенное тело было украдено, чтобы составить великолепную оправу для мозга тирана. Это казалось мне таким ужасным преступлением, что я не мог освободить мой ум от этого, и я думаю, что размышление об этом посеяло первое зерно ненависти и отвращения к Рас Тавасу. Я не мог представить себе существо, настолько лишенное сострадания и жалости, более страшное, чем он. Я не мог в эту минуту беспристрастно размышлять о безобразном изнасиловании этого милого и красивого тела, даже в священнейших целях, вызванных желанием получить грязные деньги.

Я так много думал о девушке этой ночью, что облик ее был первым, что возникло в моем возвращающемся после сна сознании и после того, как я поел, а Рас Тавас так и не появился, я пошел в комнату, где была бедная девушка. Она лежала, обозначенная только маленькой табличкой с номером. Тело старой женщины с обезображенным лицом предстало передо мной в суровой неподвижности смерти. Это была уже не та фигура, которую я видел сейчас, а сама лучезарная юность, заключенная душа, которая спала под этими седыми волосами. Существо с этим лицом и формами Заксы не было Заксой, потому что все,

что делало ее другой - все это было перенесено в холодный труп Заксы. Каким ужасным должно быть пробуждение, если оно когда-нибудь наступит. Я содрогался от ужаса при мысли, что она должна будет почувствовать и пережить, когда она впервые представит себе страшное преступление, жертвой которого она стала. Кем она была? Какая история была запрятана в этом мертвом безмолвном теле? Какой должна была быть ее любовь - ее, чья красота была так велика, а на прекрасном лице лежал неизгладимый отпечаток доброты! Захочет Рас Тавас когда-нибудь вызвать ее из этого счастливого подобия смерти - гораздо более счастливого, чем было бы для нее оживление. Я избегал мысли об ее оживлении, и тем не менее страстно желал услышать ее голос, узнать, что этот мозг живет снова, узнать ее имя, так жестоко оборванной и перекинутой в руки судьбы в лице Рас Таваса. Допустим, что она ожила, и что я ... - рука легла на мое плечо, и я повернулся, чтобы посмотреть в лицо Рас Таваса.

- Ты, кажется, интересуешься этим предметом? - спросил он.

- Я хотел бы знать, - ответил я, - реакцию ее разума при пробуждении, когда она обнаружит, что стала старой и безобразной женщиной.

Он погладил подбородок и пристально посмотрел на меня.

- Интересный эксперимент, - пробормотал он. - Мне доставляет удовольствие узнать, что ты проявляешь научный интерес к выполненным мной работам. Психологические фазы работы, должен признаться, упущены в течение последнего столетия или что-то около этого, хотя раньше я уделял им большое внимание. Интересно, должно быть, наблюдать, изучать некоторые из этих дел. Это может оказаться особенно полезным тебе, как начинающему, так как это просто и обычно. Позднее мы с тобой понаблюдаем за случаем, когда мозг мужчины перенесен в тело женщины, а мозг женщины - в тело мужчины. Так же интересны случаи, когда часть больного или поврежденного мозга заменялась частью мозга от другого объекта, или когда в экспериментальных целях человеческий мозг трансплантировался в тело животного и наоборот. Это все обещает огромные возможности для наблюдений. Я помню такой случай, когда я перенес половину мозга обезьяны в череп человека после того, как убрал половину его мозга, которую перенес в тело обезьяны. Это было несколько лет тому назад, и я часто думаю, что мне нравится время от времени оживлять эти два объекта и записывать результаты наблюдений. Я хочу ознакомиться с ними сейчас, после того, как достану их из подвала Л-42-Х под зданием 4-Д-21. Это будет скоро, через несколько дней. Прошли годы с тех пор, как

они внизу. Это были прекрасные экземпляры - они совсем ускользнули из моей памяти. Но пойдем вызовем из небытия 4296-Е-2631.

- Нет! - воскликнул я, положив руку на его локоть. - Это было бы ужасно.

Он удивленно повернулся ко мне, а затем со злобной глумливой улыбкой закричал, скривив губы: "Плаксивый сентиментальный дурак! Кто смеет говорить мне "нет"?

Я положил руку на эфес длинного меча и, твердо, посмотрев ему в глаза, сказал:

- Ты хозяин в своем доме, но пока что я твой гость. Так изволь обращаться со мной вежливо!

Он моментально обернулся ко мне, но взгляд его дрогнул.

- Я не подумал, - сказал он. - Давай оставим это.

Итак, я получил в ответ извинение - действительно это было больше, чем я ожидал - исход был удачным. Думаю, что с этого времени он стал относиться ко мне с гораздо большим уважением, но сейчас он медленно повернулся к плите, несшей смертные останки 4296-Е-2631-Н.

- Приготовьте объект для оживления, - сказал он. - Сделай так, чтобы можно было изучить все ее реакции. - С этим он оставил комнату.

К тому времени я уже был сносным знатоком оживления, но приступил к нему с некоторым опасением, но с уверенностью, что я был прав, подчиняясь Рас Тавасу, пока являлся членом его окружения. Кровь, которая некогда текла по венам прекрасного тела, принадлежавшего Рас Тавасом Заксе, покоилась в герметически запечатанном сосуде на полке под трупом. Как я все делал раньше под бдительным взглядом старого хирурга, так я делал и сейчас, в первый раз самостоятельно. Кровь нагрета, разрезы сделаны, трубочки подсоединены, и несколько капель животворного раствора добавлены к крови. Теперь я готов был возвратить жизнь этому нежному мозгу, который лежал мертвым десять лет. Когда мои пальцы легли на кнопку, запускающую мотор, который должен был накачать жидкость в эти дремлющие вены, я испытывал такое чувство, что не представляю, чтобы кто-нибудь из землян испытывал когда-нибудь что-либо подобное.

Я стал хозяином жизни и смерти, и тем не менее, когда стоял у точки начала воскрешения мертвых, то чувствовал себя скорее убийцей, чем спасителем. Я старался взглянуть на процедуру бесстрастно, через призму научных интересов, но это плохо получалось. Я только видел пораженную горем девушку, тоскую-

щую по потерянной красоте. Приглушенно выругавшись, я отвернулся. Я не мог сделать этого. А затем, как будто какая-то сила подтолкнула меня, мои пальцы безошибочно нашли кнопку и нажали ее. Я не мог объяснить этого, если бы не теория дуальности нашей психики. Многое может объяснить эта теория. Возможно, мой субъективный разум продиктовал мне это действие. Не знаю...

Знаю только, что я сделал это, мотор запустился, и уровень крови в сосуде начал постепенно понижаться.

Ошеломленный, я стоял, наблюдая. Вскоре сосуд был пуст. Я выключил мотор, отключил трубки, изолировал разрезы пластырем. Красный румянец жизни слегка окрасил тело, поднялась и равномерно опустилась грудь, голова слегка повернулась, шевельнулись веки... Долгое время не было других признаков жизни, затем вдруг глаза открылись. Сначала они были тусклыми, но вскоре начали наполняться вопрошающим изумлением. Они остановились на мне, затем прошлись по доступной части комнаты. Потом они вернулись ко мне и твердо зафиксировались на моей физиономии после того, как обозрели меня снизу доверху. Они только вопрошали, в них не было страха.

- Где я? - спросила она. Голос был как у старухи, высокий и резкий. Ее глаза наполнились выражением испуга. - Что произошло со мной? Что с моим голосом? Что случилось?

- Подожди еще немного, пока не окрепнешь. Тогда скажу, - сказал я.

Она приподнялась.

- Я сплю, - сказала она, и затем ее глаза обозрели лежащее туловище и ноги, и выражение крайнего ужаса пробежало по ее лицу. - Что случилось со мной? Именем моего первого предка - что?

Пронзительный резкий голос раздражал меня. Это был голос Заксы, а Закса теперь должна была обладать милыми музыкальными тонами голоса, которые безусловно гармонировали с прекрасным лицом, украденным у нее. Я старался забыть об этих скрипучих нотах, думая только о красоте оболочки, которая когда-то украшала душу, спрятанную в старом и высохшем теле.

Она протянула руку и ласково коснулась ею меня. Акт этот был прекрасен, движения грациозны. Мозг девушки управлял мускулами, но старые, грубые голосовые связки Заксы не могли более издавать нежные звуки.

- Скажи мне, пожалуйста, - она умоляла. Слезы были в ее старых глазах. - Скажи мне, ты не кажешься жестоким.

И я рискнул, впервые за много лет.

Итак, я рассказал ей. Она слушала внимательно, и, когда я кончил, вздохнула.

- В конце концов, - сказала она, - это не так страшно, как я думала. Это лучше, чем быть мертвой!

Значит, то, что я нажал на кнопку, было к счастью. Она счастлива жить, даже будучи задрапированной в отвратительную оболочку Заксы. Так я ей и сказал.

- Ты была так прекрасна, - сказал я.

- А сейчас я так отвратительна?

Я не ответил.

- В конце концов, какая разница? - спросила она вскоре. - Это старое тело не может изменить меня, сделать другой по сравнению с тем, чем я была. Хорошее во мне осталось, осталось все, что было доброго, милого. Я буду жить и делать хорошее. Сначала я ужаснулась - я не знала, что случилось со мной. Я думала, что подцепила какую-нибудь ужасную болезнь, которая так изменила меня - это меня страшило, но сейчас ... ну и что...

- Ты удивительна! - сказал я. - Большинство женщин сошло бы с ума от ужаса и горя - потерять такую красоту, как у тебя - а тебе все равно!

- О, нет, мне не все равно, друг мой, - поправила она меня, - этого все равно достаточно, чтобы разрушить мою жизнь вследствие происшедшего или бросить тень на тех, кто окружает меня. Я имела красоту и наслаждалась ею. Это не было не омраченное счастье... Могу уверить тебя в этом. Из-за нее люди убивали друг друга, из-за нее две великие нации вступили в войну, и, возможно, мой отец или лишился трона или жизни - не знаю, так как была захвачена в плен, когда война еще свирепствовала. Может быть, она еще бушует, и люди умирают, потому что я была слишком красива. Но теперь никто не будет бороться за меня, - добавила она с печальной улыбкой.

- Ты знаешь, как долго была здесь? - спросил я.

- Да, - ответила она, - позавчера меня продали сюда.

- Это было десять лет тому назад, - сказал я.

- Десять лет? Невозможно?

Я указал на трупы вокруг нас.

- Ты лежала, как они, десять лет, - объяснил я ей. - Здесь есть и такие, которые лежат уже пятьдесят лет. Так сказал мне Рас Тавас.

- Десять лет! Десять лет! Что могло случиться за десять лет! Лучше, как они, - она указала на тела. - Я боюсь возвращаться. Я не хочу узнать, что мой отец, а, возможно, и моя мать погибли. Лучше так. Позволь мне заснуть снова! Можно?

- Это остается за Рас Тавасом, - ответил я. - Но сейчас я здесь, чтобы наблюдать за тобой.

- Наблюдать меня?

- Изучать тебя, твои реакции.

- Я ... что хорошего это даст?

- Это может дать кое-что хорошее миру...

- Это может дать твоему ужасному Рас Тавасу лишь кое-какие идеи по совершенствованию своей камеры пыток, лишь новые способы выжимания денег из страданий жертв, - сказала она, и ее грубый голос погрустнел.

- Некоторые его работы полезны, - объяснил я ей. - Деньги, которые он делает, позволяют ему содержать это удивительное заведение, где он постоянно проводит бесчисленные эксперименты. Многие из его операций благодетельны. Вчера принесли воина с раздавленными руками. Рас Тавас дал ему новые руки. Принесли сумасшедшего с умом ребенка. Рас Тавас дал ему новый мозг. Руки и мозг были изъяты у двоих, умерших насильственной смертью.

Они при помощи Рас Таваса послужили и после смерти своих хозяев, даруя счастье и жизнь другим.

Она задумалась на минуту.

- Я довольна, - сказала она. - Я только надеюсь, что наблюдать меня будешь ты!

Вскоре пришел Рас Тавас и осмотрел ее.

- Хороший объект, - похвалил он.

Он взглянул на табличку, куда я занес очень короткую запись вслед за другими записями, относящимися к делу. В действительности, конечно, это скорее вольная трактовка определенного номера. Барсумцы не имеют алфавита, подобного нашему, и их системы счисления очень отличаются от наших. Тринадцать знаков в земной записи выражаются четырьмя тунолианскими значками, означающими, тем не менее, то же самое в краткой форме дела - номер комнаты, стола и здания.

- Объект должен быть размещен около тебя, - где ты мог бы регулярно наблюдать ее, - продолжал Рас Тавас. - Это будет соседняя с тобой комната. Я прослежу, чтобы ее открыли. Когда не будешь проводить наблюдения, запирай ее.

Для него это было еще одно "ДЕЛО".

Я провел девушку, если можно так ее называть, в предназначенное ей помещение. По пути спросил ее имя, так как мне казалось излишне грубо обращаться к ней по номеру дела. Это я объяснил ей.

- Деликатно с твоей стороны, что ты подумал об этом, - сказала она. - Но, действительно, номер - это все, что осталось от меня здесь! Только еще один объект для вивисекции..

- Ты для меня больше, чем номер, - сказал я ей. - Ты здесь не имеешь друзей и беспомощна. Я хочу услужить тебе - сделать твою долю легче настолько, насколько смогу.

- Еще раз спасибо, - сказала она. - Мое имя Валла Дайя. А твое?

- Рас Тавас зовет меня Вад Варо, - сказал я.

- Но это не твое имя?

- Мое имя Улисс Пакстон.

- Это странное имя, не похожее на любое, слышанное мною, но и ты не похож на любого человека, которого я когда-либо видела. Ты не похож на Барсумца. Твой цвет не похож на цвет любой расы Барсума.

- Я не с Барсума, а с Земли, планеты, которую вы называете Джасум. Вот почему я отличаюсь обликом от любого, кого ты знала до этого.

- Джасум! Есть здесь другой джасумианин, слава которого достигла самых отдаленных уголков Барсума, но я никогда его не видела.

- Джон Картер? - спросил я.

- Да! - воскликнула девушка. - Военный владыка. Он в Гелиуме, но мои люди не находятся в дружественных отношениях с Гелиумом. Я никогда не могла понять, как он очутился здесь. И как же здесь оказался еще один с Джасума? Как ты пересек огромное расстояние, разделяющее планеты?

Я покачал головой.

- Не могу даже предположить, - сказал я.

- Джасум, должно быть, населен удивительными людьми, - сказала она.

Это был хороший комплимент.

- Так же как Барсум - прекрасными женщинами, - ответил я.

Ее взгляд скользнул по старому и сморщенному телу.

- Я видел тебя такой, какая ты была в действительности, - сказал я вежливо.

- Я с ненавистью думаю о своем лице, - сказала она. - Знаю, что оно отвратительное.

- Это не твое лицо. Помни об этом, когда смотришь на него, и не чувствуй себя плохо.

- И это достаточно плохо, - сказала она.

Я не ответил.

- Ничего, - сказала она. - Если бы я не имела душевной красоты, то я не была бы красивой, и безразлично, насколько совершенны черты моего лица. Но если я обладала красотой души, то она осталась у меня и сейчас. У меня могут быть прекрасные мысли, я могу совершать прекрасные дела и это, я думаю, и есть истинное, в конце концов, испытание красоты.

- Есть надежда, - добавил я шепотом.

- Надежда? Нет. Надежды нет. Для тебя это средство внушить мне, что я смогу через некоторое время вернуть потерянную личность. Ты сказал достаточно, чтобы убедить меня в полнейшей безнадежности любых надежд.

- Не будем говорить об этом, - сказал я. - Но мы можем думать об этом, много думать - о том, как найти способ осуществления этого. Конечно, если мы хотим этого достаточно сильно!

- Я не хочу надеяться, - сказала она. - Это означает для меня лишь потерянные надежды. Надеюсь, я всегда буду счастлива в несчастье!

Я распорядился о еде для нее, и после того, как это было принесено, я оставил ее одну, закрыв дверь ее комнаты, как проинструктировал старый хирург. Я нашел Рас Таваса в его оффисе - маленькой комнате, соседствующей с очень большой, где находились десятка два клерков, разбиравших и классифицировавших донесения из различных частей огромной лаборатории. Он встал, когда я вошел.

- Пойдем со мной, Вад Варо, - сказал он. - Мы посмотрим на два дела в Л-42-Х, это те двое, о которых я говорил.

- Человек с половиной обезьяньего и обезьяна с половиной человеческого мозга?

Он кивнул головой и пошел впереди меня к пандусу, ведущему в подвалы под зданием. По мере того, как мы спускались, проходы и коридоры обнаруживали длительную консервацию. Полы были покрыты мельчайшей пылью, покоящейся с давних времен; крохотные радиевые лампы слабо освещали подземные глубины, и также были покрыты пылью. Мы проходили мимо дверей с обоих сторон коридора, каждая из которых была отмаркирована особым иероглифом. Некоторые проходы были крепко замурованы каменной кладкой. Какие ужасные тайны спрятаны там?

Наконец мы пришли к Л-42-Х. Здесь тела были расположены на полках, несколько рядов полностью заполняли комнату от пола до потолка за исключением прямоугольного пространства в центре комнаты, где были приспособлены стол и множество инструментов для операций, мотор и прочее оборудование.

Рас Тавас нашел объекты своего странного эксперимента, и мы вместе положили человеческое тело на стол. Пока Рас Тавас подсоединял трубки, я вернулся к сосуду с кровью, покоившемуся на той же полке, где лежал труп. Хорошо знакомый мне способ оживления быстро был доведен до конца, и мы знали, что сознание скоро вернется к объекту.

Человек привстал и посмотрел на нас, затем бросил быстрый взгляд на комнату. В его глазах было дикое выражение, когда он уставился на нас, медленно попятился от стола к двери, причем стол был между нами и им.

- Мы не причиним тебе вреда, - сказал Рас Тавас.

Человек попытался ответить, но слова представляли совершенно непонятную тарабарщину, затем он затряс головой и зарычал. Рас Тавас сделал шаг к нему, и человек опустился на четвереньки, опираясь суставами пальцев на пол, и попятился, рыча.

- Подойди! - закричал Рас Тавас. - Мы не причиним тебе вреда.

Снова он попытался приблизиться к объекту, но человек быстро попятился, рыча еще более свирепо, затем вдруг повернулся и вскарабкался на верх самой высокой полки, где присел на корточки на труп и бубнил что-то непонятное.

- Нам нужна помощь, - сказал Рас Тавас, и подойдя к двери, посигналил свистком.

- Зачем вы свистите? - спросил вдруг человек. - Кто вы такие? Что я здесь делаю? Что случилось со мной?

- Спустись, - сказал Рас Тавас. - Мы друзья.

Человек медленно спустился на пол и подошел к нам, но все еще елозил суставами пальцев по полу. Он посмотрел на трупы, и новый свет загорелся в его глазах.

- Я голоден! - закричал он. - Я должен поесть! - И с этими словами он схватил ближайший труп и поволок его к двери.

- Стой! Стой! - закричал Рас Тавас, прыгая вперед. - Ты попортишь объект.

Но человек только пятился, волоча за собой труп к двери. Это кончилось тем, что пришли слуги, и с их помощью мы схватили и связали несчастное создание. Затем Рас Тавас приказал слугам принести тело обезьяны и остаться самим, так как они могли понадобиться.

Объект был огромным представителем белых барсумских обезьян, одного из наиболее диких и грозных обитателей красной планеты. Из-за большой силы этого существа Рас Тавас принял меры предосторожности, связав его надежно до операции оживления.

Это было колоссальное существо десяти или двенадцати футов в высоту, если его поставить вертикально. Оно имело промежуточный комплект рук и ног на полпути между верхними и нижними конечностями. Глаза были расположены близко друг к другу и не выдавались. Уши посажены высоко, в то время как мордой и зубами оно поразительно напоминало нашу африканскую гориллу.

После возвращения сознания, существо посмотрело на нас вопросительно. Несколько раз нам казалось, что оно пытается заговорить, но только нечленораздельные звуки вырывались из его горла. Затем оно легло и затихло на некоторое время.

Рас Тавас сказал ему:

- Если ты понимаешь мои слова, то кивни головой.

Существо утвердительно кивнуло головой.

- Боюсь, что ты попытаешься причинить нам вред или убежать, - сказал хирург.

Обезьяна с большим усердием пыталась, по-видимому, заговорить членораздельно, и наконец из ее губ вырвался звук, который не мог быть неправильно понят. Это было единственное слово - нет!

- Ты не причинишь нам вреда и не будешь пытаться бежать? - повторил вопрос Рас Тавас.

- Нет, - сказала обезьяна, и на этот раз слово было произнесено достаточно четко.

- Увидим, - сказал Рас Тавас. - Но помни, что с нашим орудием мы быстро сможем справиться с тобой и отправить на тот свет, если ты атакуешь нас.

Обезьяна кивнула и затем с колоссальными трудностями выдавила:

- Я не причиню вам вреда.

По приказу Рас Таваса слуги сняли веревки, и существо село. Оно вытянуло конечности и ловко соскользнуло на пол, став на две ноги, что не удивительно, так как белые обезьяны чаще

ходят на двух ногах, чем на шести; факт, о котором я в то время не знал, но который Рас Тавас объяснил мне позднее, комментируя то, что человеческий объект ходил на четырех. По Рас Тавасу это показывало проявление атавизма, характерное для части обезьяньего мозга, перенесенное в человеческий череп.

Рас Тавас осмотрел объект, имевший значительную высоту, а затем продолжал наблюдения за объектом-человеком, все еще продолжавшим вести себя скорее как обезьяна, чем как человек, хотя разговаривающим, несомненно, куда легче из-за более совершенных органов речи. Дикция же обезьяны становилась понятной только после колоссального напряжения.

- Ничего замечательного в этих объектах нет, - сказал Рас Тавас, посвятив им полдня. - Они подтверждают то, что я определил уже много лет назад: пересаженный мозг - акт трансплантации - стимулирует рост и активность клеток мозга. Ты заметил, что в каждом объекте трансплантированные части мозга более активны - они в значительной степени управляют остальным. Вот почему у нас человек-объект обнаружил определенные обезьяньи характеристики, тогда как обезьяна вела себя более по-человечески, при более долгих и подробных исследованиях ты бы заметил, что каждый временами возвращается к своей собственной натуре - то есть обезьяна становится более обезьяной, а человек более походит на человека, но это не заслуживает времени, которое я отдал этому контрольному экземпляру. Я оставлю тебя сейчас, чтобы ты вернул объектам прежнее состояние, а сам пойду в верхние лаборатории. Слуги останутся здесь и будут ассистировать, если потребуется.

Обезьяна, внимательно слушавшая, сразу же шагнула вперед.

- О, пожалуйста, умоляю вас, - пробормотала она. - Не принуждайте меня снова лежать на этих ужасных полках. Я ведь помню день, когда был принесен сюда, надежно связанный, и хотя у меня нет воспоминаний о случившемся, и я могу только догадываться об облике собственной оболочки, и о том, что, судя по этим пыльным трупам, я пролежал здесь долго, прошу, чтобы вы позволили мне жить и вернули меня к товарищам или позволили служить в саду по мере моих возможностей и способностей в этом учреждении, которое я успел немного разглядеть в промежутке между пленением и моментом, когда меня принесли в эту лабораторию, связанного и беспомощного, и положили на одну из ваших холодных плит.

Рас Тавас сделал раздраженный жест.

- Вздор! - крикнул он. - Иди лучше туда, где будешь сохранен в интересах науки.

- Согласись с его просьбой, - обратился я к Рас Тавасу. - Я приму на себя всю ответственность на время, пока буду извлекать из него пользу, изучая, на что он способен.

- Делай, как приказано, - огрызнулся Рас Тавас, уходя из комнаты.

Я пожал плечами. Лучше было промолчать.

- Я вполне могу убить тебя и бежать, - проговорила в задумчивости обезьяна, - но ты хотел мне помочь. Я не могу убить того, кто относится ко мне по-дружески, тем не менее, тяжело думать еще об одной смерти. Сколько же я здесь лежал?

Я обратился к истории его тела, которая была принесена и укреплена над изголовьем стола.

- Двадцать лет, - сказал я ему.

- И все же, почему нет? - спросил он себя. - Этот человек убьет меня - почему я не могу убить его до этого?

- Это будет плохо для тебя, - сказал я, - потому что ты не сможешь отсюда убежать. Место, где ты находишься, очень глубоко под землей. Вместо бегства ты умрешь, и Рас Тавас будет, вероятно, думать о том, что не заслуживает внимания помнить о тебе, тогда как тот, кто сможет найти возможность помочь тебе несколько позже и кто намеревается сделать это, умрет от твоих рук, и окажется неспособным помочь тебе.

Я говорил тихим голосом ему на ухо, чтобы слуги не могли подслушать. Обезьяна слушала внимательно.

- Ты сделаешь, что говоришь? - спросила она.

- При первой представившейся возможности, - ответил я ей.

- Очень хорошо, - сказала она, - я подчиняюсь, веря тебе.

Через полчаса оба объекта были возвращены на свои полки.

IV. СОГЛАШЕНИЕ

Дни складывались в недели, недели в месяцы, а я работал вместе с Рас Тавасом, и все больше хирург сообщал мне секретов своей профессии и своего мастерства. Постепенно он позволял мне выполнять все более и более сложные функции в текущей работе огромной лаборатории. Я начал пересаживать конечности от одного объекта к другому, затем - внутренние органы пищеварения. После этого он поручил мне операцию, всю, от начала до конца, на клиенте, заплатившем деньги. Я удалил

почки богатого старого человека, заменив их здоровыми от молодого объекта. На следующий день я дал чахлому ребенку новую щитовидную железу. Неделей позже я трансплантировал два новых сердца, и затем пришел день - позади меня стоял лишь Рас Тавас - когда я перенес мозг старого человека в черепную коробку молодого человека.

Когда я кончил, Рас Тавас положил мне руку на плечо.

- Я сам не смог бы сделать лучше, - сказал он.

Он казался таким ликующим, и я не мог не удивляться этой необыкновенной демонстрации эмоций со стороны того, кто так часто гордился отсутствием чувствительности. Я часто размышлял о целях, которые заставили Рас Таваса посвящать меня во все тайны его профессии, и уделять мне так много времени для обучения, но никогда не наталкивался на удовлетворительное объяснение, более правдоподобное, чем то, что он нуждался в ассистенте для текущих работ. Еще когда я одолевал письменность, я заметил, что многие работы, которыми он был занят, не давали ему возможности обучать меня, предпочитая меня красным марсианам - ассистентам. Его уверенность в моей лояльности, по-моему, не была достаточно обоснована, чтобы так глубоко передать мне все свои знания, хотя с таким же успехом он мог бы держать меня своим телохранителем и обучать одного из своего собственного народа с целью иметь для себя помощника в хирургической работе.

Но вскоре мне довелось узнать, что он имел обоснованную причину для такого поведения. Рас Тавас всегда имел продуманное решение для всего, чтобы он ни делал. Однажды ночью, после того, как мы кончили вечернюю трапезу, он сидел, смотря на меня внимательно, как часто делал, словно хотел прочитать мои мысли, что не был, между прочим, в состоянии сделать, к величайшему своему удивлению и досаде, так как, если марсианин не находится настороже, любой другой марсианин может отчетливо читать его мысли. Он объяснил это тем, что я не барсумианин. Несмотря на это, я часто мог читать мысли и его ассистентов, когда они не были бдительны, но мне никогда не удавалось прочесть что-либо из мыслей Рас Таваса. Уверен, и любой другой не мог бы прочесть их. Он держал свой мозг на запоре, как одну из банок с кровью, и никогда, даже на мгновение, не снимал барьеров.

Он сидел и смотрел на меня в тот вечер очень долго, но меня это ни в малейшей степени не смущало, так как я привык к его странностям.

- Возможно, - сказал он, - одна из причин, почему я верю тебе, та, что я никогда, ни в какое время не могу проникнуть в твой разум. Твои вероломные мысли насчет себя я не знаю, тогда как у других, у каждого из вас, я легко открываю самое сокровенное в мозгу. Моему изучающему уму нет препон, и в каждом зависть, подозрительность и ненависть ко мне. Им я не могу верить! Следовательно, я должен рискнуть и возложить все доверие на тебя. Разум мой говорит, что выбор мой мудр. Я уже сказал тебе, на чем базируется мое доверие к тебе в качестве телохранителя. Те же самые соображения справедливы и для того, чтобы выбрать тебя для одного серьезного дела, которое я замыслил. Ты не причинишь мне вред без того, чтобы не повредить себе, и ты не тот человек, который умышленно захочет сделать это, и, кроме того, нет причины, по которой ты чувствовал бы ко мне неприязнь.

- Ты, конечно, сентиментален, и, несомненно, с ужасом смотришь на многие действия здравомыслящего, рационального научного разума, но ты в то же время высоко интеллигентен, и можешь, следовательно, оценить мои действия лучше, чем кто-либо еще, даже если не одобряешь их, оценить мотивы, побуждающие меня совершить многие из этих поступков. Я могу оскорбить тебя, но никогда я не был к тебе несправедлив. Не был я также несправедлив и к существу, к которому ты испытываешь так называемую дружбу. Разве мои предпосылки неправильны или доводы ошибочны?

Я уверил его, что он не ошибается.

- Очень хорошо! Позволь теперь объяснить, почему я прилагаю усилия, чтобы обучить тебя. Ведь нет другого человека на Барсуме, который бы так обучался. Я еще не готов использовать тебя, или скорее, ты не готов, но если ты узнаешь мою цель, то ясно поймешь необходимость напрячь все свои силы для ее достижения. Имея ввиду эту цель, ты должен работать еще более усердно, чтобы достигнуть высокого мастерства во всем, что я передаю тебе.

- Я очень старый человек, - продолжал он после короткой паузы. - Даже по барсумским понятиям. Я прожил более тысячи лет и я приближаюсь к предназначенному мне естественному концу, но я не кончил дело моей жизни. Я только лишь начал его. У Барсума не должен быть украден мой замечательный мозг, мое мастерство. У меня давно уже созрел план, как помешать смерти. Но требовался другой, с мастерством, равным моему - двое таких гениев могли бы жить вечно. Я выбрал тебя не потому, что люблю тебя или чувствую к тебе дружбу, и не потому,

что думаю, что ты любишь меня или чувствуешь дружбу по отношению ко мне. Я выбрал тебя, чтобы ты был тем, другим, по причинам, которые я тебе уже объяснил - они не осквернены сентиментальностью, я выбрал тебя потому, что знаю - из всех обитателей мира ты единственный, кто, вероятно, в наименьшей степени подведет меня. На некоторое время жизнь моя будет в твоих руках. Сейчас ты должен понять, почему я не могу быть легкомысленным в этом вопросе.

- Задуманный мною план очень прост и обеспечивается тем, что я могу полагаться на два основных фактора: мастерство и своекорыстную лояльность ассистента. Тело мое почти полностью износилось. Я должен иметь новое. Моя лаборатория заполнена превосходными телами, молодыми и полными потенциальной силы и здоровья. Я должен лишь выбрать одно из них и приказать ассистенту перенести мой мозг из старого тела в новое.

Он сделал паузу.

- Теперь я знаю, зачем ты обучал меня, - сказал я. - Этот вопрос меня сильно затруднял.

- Таким, и только таким образом я могу продолжить мои научные труды, - проговорил он, - и таким образом Барсум может быть уверен в потоке, практически неограниченном, милостей, которыми мой разум может одаривать его детей. Я могу сделать жизнь вечной, если я всегда буду обеспечен искусным ассистентом. Если будет так, я могу гарантировать, что он тоже никогда не умрет. А когда он износит себя или один из органов, я могу заменить то или иное из своих запасов. Для меня он может оказать ту же услугу. Так мы можем жить неограниченное время, потому что мозг, я верю в это, почти бессмертен, если не ранен и не тронут болезнью.

- Ты пока не готов еще для такой важной задачи. Ты должен провести еще очень много подобных операций, встретить и преодолеть различные трудности, анатомические неправильности и несовместимости, которые приводят к серьезным осложнениям, всегда различным, помня, что любые две операции не идентичны. Когда ты приобретешь достаточный опыт, я буду первым, кто узнает об этом. Затем мы не будем терять времени, чтобы Барсум стал безопасным для потомства.

Старику было далеко до понимания, что его ненавидят. Однако, план был превосходен, как для него, так и для меня. Он гарантировал нам бессмертие - мы можем жить вечно, и всегда в здоровых и сильных телах. Перспектива была соблазнительной. Поистине прекрасное предложение. Если старик мог наде-

яться на мою верность благодаря личной заинтересованности, так как я зависел от его лояльности, то и он не мог позволить себе враждовать с единственным существом в мире, которое могло сделать его бессмертным или отказать ему в этом. Первый раз с тех пор, как я попал на Марс, и в это окружение, я почувствовал себя в полной безопасности.

Как только мы расстались, я пошел в комнату Валлы Дайи. Я хотел рассказать ей все эти удивительные новости. За недели, которые ушли с момента ее воскрешения, я часто видел ее, и в нашем повседневном общении понемногу открывалась для меня удивительная красота ее души. Я не мог долго смотреть на отвратительное лицо Заксы, но глаза мои проникали глубже, в очарование ее, которое лежало в глубине ее прекрасного мозга. Она становилась моей наперсницей, как и я для нее, и эта дружба представляла собой единственную большую радость моего существования на Барсуме.

Когда я рассказал ей, что привело меня к ней, поздравления ее были очень искренние и восторженные. Она сказала, что надеется, что я использую все знания, чтобы делать хорошее в мире. Я уверил ее, что так и будет, и что среди первых желаний, которые я предъявлю Рас Тавасу, будет просьба дать Валле Дайе прекрасное тело. Но она покачала головой.

- Нет, мой друг, - сказала она. - Если я не могу иметь свое собственное тело, это старое тело Заксы так же хорошо для меня, как и любое другое. Без собственного тела мне все равно не вернуться в родную страну. Несмотря на то, что Рас Тавас мог бы дать мне прекрасное тело другой, я всегда была бы в опасности из-за алчности клиентов, каждый из которых мог бы увидеть и пожелать купить его, оставив для меня свою старую оболочку, предположим, совершенно разбитую ужасной болезнью или физически изувеченную.

- Нет, мой друг, я удовлетворена телом Заксы, если я не могу обладать своим собственным, потому что, по крайней мере, Закса оставила мне крепкую и здоровую оболочку, как бы безобразна она не была. Потом, какое значение имеет внешность? Ты, единственный мой друг, то, что у меня есть, твоя дружба - этого достаточно! Ты восхищаешься мной потому, что я - это я, а не потому, что я хорошо выгляжу, так давай оставим все как есть - от добра добра не ищут!

- Если бы ты могла получить обратно свою внешность, собственное тело, и вернуться в свою страну - ты бы захотела этого? - спросил я.

- О, не будем об этом! - воскликнула она. - Просто мысль об этом сводит с ума своей безнадежностью. Я не должна давать приют невыполнимым мечтам! В лучшем случае они подвергнут меня танталовым мукам отвращения к своей судьбе.

- Не говори, что это безнадежно, - настаивал я. - Только смерть делает надежды бесполезными.

- Это значит, что ты добр, - сказала она. - Но ты причиняешь мне боль. Не может быть никакой надежды!

- Могу я надеяться, в таком случае, вместо тебя? Потому что, несомненно, я вижу путь: как бы незначительна ни была возможность добиться успеха, это, тем не менее,путь!

Она покачала головой.

- Нет пути, - сказала она окончательно. - Не увидит меня больше Дахор!

- Дахор? - повторил я. - Кто-нибудь, к кому ты неравнодушна?

- Я неравнодушна к Дахору очень сильно, - ответила она с улыбкой, - но Дахор это не кто-нибудь. Дахор - это мой дом, страна моих предков.

- Как ты попала сюда, оставив Дахор? - спросил я. - Ты никогда не говорила мне, Валла.

- Это благодаря безжалостности Джала Хада, принца Амора, - ответила она. - Дахор и Амор - наследственные враги. Джал Хад пришел в столицу Дахора переодетым, услышав рассказы об исключительной красоте, приписываемой единственной дочери Кора Сана -джеддака Дахора. Когда он увидел ее, то исполнился решимости обладать ею. Вернувшись в Амор, он послал ко двору Кор Сана просить руки принцессы Дахора, но Кор Сан, имевший дочь, но не имевший сына, определил выдать дочь за одного из своих джедов, чтобы сын от этого союза, с кровью Кор Сана в венах, мог править народом Дахора. Поэтому предложение Джал Хада было отклонено.

Это так разъярило аморанина, что он снарядил огромный флот и послал его завоевать Дахор и силой взять то, чего не смог добиться благородным путем. Дахор в то время был в состоянии войны с Гелиумом, и все силы его были брошены на юг, кроме маленькой армии, оставленной в тылу для охраны столицы. Джал Хад, следовательно, не мог выбрать более благоприятного момента для нападения. Дахор пал, и, пока войска грабили город, Джал Хад с отборными силами грабил дворец джеддака и обыскивал его в поисках принцессы, но принцесса не имела намерения уйти с ним в качестве принцессы Амора. С момента, когда

авангард аморианского флота был замечен в небе, ей стала ясно, как и прочим в городе, цель, с которой он появился, и она использовала свой ум, чтобы расстроить эти планы.

Был в свите ее косметолог, обязанностью которого было сохранять блестящую красоту волос и кожи принцессы и готовить ее для публичных аудиенций, празднеств и ежедневного общения при дворе. Он был мастером своего дела. Он мог сотворить простую красоту и красоту лучезарную, он мог сделать безобразность приятной на вид. Она быстро вызвала его к себе и приказала превратить лучезарность в безобразность. И когда он кончил, никто не мог узнать в ней принцессу Дахора, так ловко работал он своими пигментами и крошечными кисточками.

Когда Джал Хад не смог найти принцессу внутри дворца и никакое количество угроз и пыток не смогли вырвать признания о ее местопребывании, он приказал, чтобы каждая женщина из дворца была схвачена и доставлена в Амор для того, чтобы держать их там в качестве заложниц, пока принцесса Дахора не сдастся и не выйдет за него замуж. Все мы, следовательно, были забраны и помещены на военный корабль, который был послан обратно в Амор впереди флота, полностью оставшегося в Дахоре для грабежа.

Когда корабль, сопровождаемый конвоем, покрыл что-то около четырех или пяти хаадов, разделявших Дахор и Амор, он был замечен флотом Фандала, немедленно атаковавшим его. Конвойные корабли были выведены из строя, а тот, что нес нас, захвачен. Нас доставили в Фандал для аукциона, где меня и купил один из агентов Рас Таваса. Остальное ты знаешь.

- А что сталось с принцессой? - спросил я.

- Возможно, она умерла - партию женщин, в которой она была, разделили в Фандале - лишь смерть могла помешать ей вернуться в Дахор. Принцесса Дахора, видимо, никогда больше не увидит свою страну.

- Но ты можешь! - вскричал я, - потому что внезапно мне в голову пришел план действий. - Где Дахор?

- Ты пойдешь туда?

- Да!

- Ты сошел с ума, друг мой, - сказала она. - Дахор в семи тысячах восьмистах хаадах от Тунола, за одетыми в снега Артлианскими горами. Ты чужеземец, ты одинок, ты никогда не сможешь достичь его, потому что на пути лежат Тунолианские топи, дикие орды, свирепые звери и воинственные города. Ты лишь бесполезно погибнешь на первой дюжине хаадов, даже если

убежишь с острова, на котором стоит лаборатория Рас Таваса; и какие причины побуждают тебя к этому бессмысленному жертвоприношению?

Я не мог сказать. Я не мог смотреть на это отвратительное лицо и на эту иссохшую фигуру и говорить: "Это потому, что я люблю тебя, Валла Дайя!" Лишь это, увы, было единственной причиной. Постепенно, по мере того, как я молчаливо открывал в ней удивительную красоту ума и души, в сердце мое вкрадывалось сознание любви к ней: и тем не менее, не могу этого объяснить, мне не по себе было говорить ей такие слова, этой безобразной старой ведьме! Я видел великолепное жилище, которое должно было приютить равно чудесную душу реальной Валлы Дайи - которую я мог любить, но не мог я любить тело Заксы. Раздирали меня также и другие противоречия, вызывающие большие сомнения - может ли Валла Дайя ответить на мою любовь? Обитающая в теле Заксы, не имеющая других друзей и поклонников, она могла бы из благодарности или от чувства полного одиночества потянуться ко мне. Но если бы она еще раз стала Валлой Дайей, прекрасной девушкой, возвращенной во дворец ее королевства, окруженной великими пэрами Дахора, откроются ли тогда ее глаза и сердце для одинокого и не имеющего друзей изгнанника из другого мира? Я сомневался в этом, и еще в том, что это удержит меня от решимости до конца, насколько позволит рок, осуществить сумасшедший проект, заполнивший все мои мысли.

- Ты не ответил на мой вопрос, Вад Варо, - прервала она мои мысли. - Почему ты хочешь это сделать?

- Исправить несправедливость по отношению к тебе, Валла Дайя!

Она глубоко вздохнула.

- Не надо браться за это, пожалуй, - попросила она. - Ты лишь украдешь у меня единственного друга, общение с которым - последний источник счастья, оставшегося еще у меня. Я ценю твое великодушие и твою верность, даже если не могу понять их. Твое бескорыстное желание услужить мне с таким самоубийственным риском волнует меня более сильно, чем я могу это высказать, и это добавляет еще больше к тому, чем я тебе обязана; но ты не должен браться за это. Не должен!

- Если это беспокоит тебя, Валла Дайя, - ответил я, - не будем говорить об этом, но знай - мысли об этом у меня всегда останутся. Однажды я найду путь, даже если тот план, который я теперь имею, потерпит неудачу.

Дни шли и шли, великолепные марсианские ночи, наполненные мчащимися лунами, следовали одна за другой. Рас Тавас проводил все больше времени со мной, управляя моей работой по трансплантации мозга. Давным-давно я должен был стать специалистом, и я понял, что время, когда Рас Тавас почувствует, что сможет вверить без доли риска моим рукам и мастерству свою жизнь и знания, быстро приближается. Он должен будет всецело быть в моей власти, и он знал, что я знаю это. Я мог убить его, я мог позволить ему навсегда остаться в сохраняющих объятиях анабиоза или я мог обмануть его, и дать ему то, что я выберу, даже тело калота или часть мозга обезьяны. Но он должен был сделать выбор, и, как мне известно, как можно быстрее, потому что силы его убывали с каждым днем. Уже почти совершенно слепой, видящий только благодаря удивительным очкам, которые он сам должен был изобрести для себя, он использовал искусственные слуховые аппараты, а теперь и сердце его начало проявлять симптомы утомления, которые он больше не мог игнорировать.

Однажды утром я был вызван рабом в его спальню. Я нашел старого хирурга лежащим - сморщенная жалкая груда иссохшей кожи и костей.

- Мы должны поторопиться, Вад Варо, - сказал он слабым голосом. - Мое сердце чуть не остановилось несколько талов тому назад. Это было, когда я послал за тобой. - Он указал на двери, ведущие из его комнаты. Здесь, за этой дверью, ты найдешь все, что нужно, и тело, которое я для себя выбрал. В лаборатории, давно построенной для этой цели, ты совершишь величайшую хирургическую операцию, которая когда-либо была известна во вселенной, перенеся ее наиболее гениальный мозг в самое красивое и совершенное тело, когда-либо представшее перед этими старыми глазами. Ты найдешь голову уже приготовленной, чтобы принять мой мозг. Мозг объекта был вынут и разрушен - полностью уничтожен огнем. Как я мог допустить существование мозга, желающего и планирующего вернуть свое тело! Но я разрушил его! Зови рабов и прикажи им перенести меня на плиту!

- Это не нужно, - сказал я ему, и, подняв его сморщенное тело руками, как если бы он был ребенком, я перенес его в соседнюю комнату, где нашел отлично освещенную и отлично оборудованную лабораторию, содержавшую два операционных стола, на одном из которых лежало тело человека. На поверхность второго, бывшего свободным, я положил Рас Таваса, затем повернулся, чтобы посмотреть на новую оболочку, которую он

выбрал. Никогда, поверьте, не видел я такой совершенной формы, такого красивого лица. Рас Тавас в самом деле выбрал отлично!

После этого я повернулся к старому хирургу. Ловко, как он учил меня, я сделал два разреза и подсоединил трубки. Мой палец лег на кнопку мотора, который должен был накачать вместо крови его удивительную анестезию.

Тогда я заговорил:

- Рас Тавас! - сказал я ему. - Ты долго обучал меня для этого дела. Я неутомимо работал, чтобы не было ни малейшего опасения за его результат. Ты меня учил, чтобы каждое мое действие было основано только на бескорыстии. Следовательно, ты будешь удовлетворен, что я делаю это не для тебя и не потому, что ты мне нравишься, не потому, что я чувствую дружбу к тебе. Ты думаешь, предложил мне достаточно, предложив возможность бессмертия?

Оставим в стороне то, чему ты меня учил, боюсь, что есть во мне что-то от сентиментальности. Я страстно желаю исправления несправедливости! Я хочу дружбы и любви! Цена, которую ты мне предлагаешь, недостаточна. Ты хочешь заплатить больше, чтобы эта операция закончилась успешно?

Он смотрел на меня непоколебимо в течение долгой минуты.

- Что ты хочешь? - спросил он.

Я видел, что он дрожал от гнева, но не повышал голоса.

- Помнишь 4296-Е-2631-Н? - спросил я.

- Объект с телом Заксы? Да, помню это дело, что из этого?

- Я желаю вернуть ей ее тело. Это цена, которую ты должен заплатить за операцию!

Он свирепо посмотрел на меня.

- Это невозможно! Тело у Заксы. Даже если я отважусь сделать это, я никогда не смогу получить его обратно. Приступай к операции!

- Так ты обещаешь мне? - настаивал я.

- Я не могу обещать невозможное - я не смогу добыть Заксу. Попроси что-нибудь еще. Я готов согласиться на любую разумную просьбу.

- Это все, что я желаю - только это! Но я не настаиваю, чтобы тело добыл ты. Если принесу Заксу я, ты сделаешь операцию?

- Это означает войну между Фандалом и Тунолом, - взволновался он.

- Это меня не интересует, - ответил я. - Быстро! Давай достигнем соглашения. Через пять талов я нажму кнопку. Если ты пообещаешь, что я прошу, ты очнешься в новом прекрасном теле. Откажешься - навечно замрешь здесь в подобии смерти!

- Обещаю, - сказал он тихо, - что когда ты принесешь тело Заксы, я перенесу в это тело любой мозг, который ты выберешь среди наших объектов.

- Хорошо! - воскликнул я и нажал кнопку.

V. ОПАСНОСТЬ

Рас Тавас пробудился от анестезии новым и прекрасным существом - молодость его была такой удивительной красоты, что казалась скорее божественного, чем мирского происхождения; но в этой красивой голове был мозг сурового и холодного мастера хирургии. Когда он открыл глаза, то посмотрел на меня холодно.

- Ты сделал хорошо, - сказал он.

- То, что сделал - для дружбы, возможно, и для любви, - сказал я. - Итак, ты можешь благодарить сентиментализм, который не признавал нужным для успеха операции.

Он не ответил.

- А теперь, - продолжал я, - посмотрим, что ты сделаешь для выполнения данного мне обещания.

- Когда принесешь тело Заксы, я пересажу в него мозг любого из моих объектов, что бы ты ни выбрал, - сказал он, - но будь я на твоем месте, я бы не рисковал жизнью в таком невозможном предприятии. Ты не можешь добиться успеха. Выбери любое другое тело - есть много прекрасных - и я дам ему мозг 4296-Е-2631-Н

- Никто, кроме тела, нынче принадлежащего Заксе, не удовлетворит меня, - сказал я.

Он пожал плечами, а на губах его появилась холодная улыбка.

- Прекрасно, - сказал он. - Сходи за Заксой. Когда отправляешься?

- Я еще не готов. Я дам тебе знать, когда.

- Хорошо, а сейчас убирайся! Нет, подожди! Сначала сходи в оффис и посмотри, какие дела ждут нас и, если будут такие, которые не требуют моего личного внимания и соответствуют твоим знаниям и мастерству, выполни их сам.

Когда я уходил от него, я заметил хитрую улыбку удовлетворения на его губах. Что ее вызвало? Мне она не понравилась, и когда я шел от него, то старался вообразить, что происходит в этом изумительном мозгу, вызывая такую отвратительную улыбку. Проходя через дверь в коридоре, я слышал, как он вызвал личного раба и телохранителя Ямдора, гиганта-парня, чью верность обеспечивал наградами и бесчисленными благосклонностями. Он был так силен, что все боялись его, к тому же одно слово хозяину, вылетевшее из уст Ямдора, могло легко послать любого из бесчисленных рабов на плиту навечно. Ходили слухи, что он был результатом противоестественного эксперимента, при котором совместили мозг женщины с телом мужчины. Было в его поступках много характерного, что подтверждало эту общую уверенность. Его движения, когда он работал около хозяина, были нежны и легки, его походка грациозна, его манеры вежливы, но ум был ревнив, мстителен и злопамятен.

Я был уверен в том, что он не любит меня, ревнуя к власти, которой я добился среди окружения Рас Таваса, так как был его заместителем, а не рабом. Тем не менее он всегда соглашался со мной с величайшим уважением. Однако он был второстепенным зубром в механизме огромного института, управляемого высокомерным разумом Рас Таваса, и как таковому я не мог не придавать ему некоторое, правда, весьма малое значение. Так я думал, направляясь в оффис.

Я прошел лишь немного, когда вспомнил о важном деле, по которому мне необходимо было немедленно получить инструкции Рас Таваса; итак, я повернулся и пошел обратно по пройденному пути к его комнате. Через открытую дверь я услышал, когда приблизился, новый голос мастера хирургии. Рас Тавас говорил скорее в крикливых тонах, вызванных отражением в его голосе деспотического характера или не прошедшей полностью привычкой к глухоте - не знаю, но теперь сквозь свежие голосовые связки его нового тела слова звучали ясно и отчетливо, так что в коридоре у его комнаты все было слышно.

- Ты, следовательно, пойдешь, Ямдор, - были его слова, - сейчас же, и, отобрав двух рабов, в молчании и благоразумии которых ты можешь не сомневаться, возьмешь объект из апартаментов Вад Варо и уничтожишь его - пусть не останется и следов от тела и мозга. Немедленно после этого ты приведешь этих рабов в лабораторию Ф-30-Л, не позволяя им ни с кем разговаривать, а я предназначу им молчание и забывчивость навсегда.

Вад Варо обнаружит отсутствие объекта и передаст дело мне. Во время расследования ты признаешься, что помог объекту бежать, и что ты не имеешь понятия, куда она намеревалась бежать. Я приговорю тебя к смерти в наказание, но, в конце концов, объяснив, что я настоятельно нуждаюсь в твоих услугах и, ввиду твоего торжественного обещания никогда больше не нарушать закон, отложу казнь на условиях твоего хорошего поведения в дальнейшем. Ты понял весь план? До конца?

- Да, хозяин, - ответил Ямдор.

- Тогда сейчас же отправляйся и выбери двух рабов, чтобы они помогли тебе.

Молча я поспешил по коридору, пока первое пересечение не позволило укрыться от взгляда кого-либо, кто вздумал бы просто пройти в комнаты Рас Тавасa. Затем я прошел прямо в комнату Валлы Дайи. Отперев дверь, я распахнул ее и поманил девушку, чтобы она вышла.

- Быстро, Валла Дайя! - крикнул я. - Ни капли времени не должно быть потеряно. Пытаясь спасти тебя, я лишь поставил тебя под угрозу полного уничтожения! Сперва мы должны найти укрытие для тебя, а сразу после этого - строить планы на будущее.

Место, которое попалось мне первым, было полузабытым подвалом в углублениях под лабораториями, отвечавшее всем требованиям, которые можно было предъявить к тайному убежищу. Туда я и торопил Валлу Дайю. По дороге я поведал ей все, что случилось, и она не упрекала меня. Вместо этого она лишь сказала, что как ничтожна та благодарность, которой она могла бы отплатить за мою бескорыстную дружбу. Неудача, уверяла она меня, не была пятном на мне. Она настаивала на том, что согласна скорее умереть, зная, что имеет такого друга, чем жить одиноко в неопределенности.

Мы пришли, наконец, в комнату, которую я искал - подвал Л-42-Х в здании 4-Д-21, где покоились тела обезьяны и человека, каждый из которых обладал половиной мозга другого. Я был вынужден оставить здесь Валлу Дайю на некоторое время, чтобы поспешить в оффис и выполнить обязанности, возложенные на меня Рас Тавасом - я не должен был вызвать его подозрений, когда Ямдор доложит, что нашел комнату пустой.

По дороге в оффис мне не встретилось никого, кто мог бы доложить об этом Рас Тавасу, и он не обнаружил, что я нахожусь в пути слишком долго. В оффисе я обнаружил, к своему огромному облегчению, что дел не имеется. Не проявляя какой-либо поспешности, я тем не менее скоро нашел предлог

уйти, и сразу устремился к собственному жилищу, двигаясь в неторопливой и беспечной манере, мурлыкая по обыкновению (привычка, которая больше всего раздражала Рас Таваса) обрывки песенки, популярной в те времена, когда я покинул Землю.

Я был занят этим, когда встретил Ямдора, торопливо идущего по коридору со стороны моих комнат с двумя рабами-мужчинами. Я приветствовал его вежливо, как обычно, и он ответил на приветствие, но в глазах его было выражение страха и подозрения. Я сразу пошел в свое помещение, открывая дверь, ведущую в комнату, которую раньше занимала Валла Дайя, а затем немедленно отправился к апартаментам Рас Таваса, где нашел его, беседующим с Ямдором.

- Рас Тавас! - крикнул я. - Что ты сделал с 4296-Е-2631-Н? Она исчезла! Ее комната пуста, а когда я подходил к ней, то встретил Ямдора, идущего оттуда с двумя рабами. - Затем я повернулся к Ямдору и обвиняюще показал на него пальцем.- Ямдор! - вскричал я. - Что ты сделал с этой женщиной?

Оба - и Рас Тавас, и Ямдор - казалось, были неподдельно озадачены, и я поздравил себя с тем, что таким образом замел следы. Мастер хирургии заявил, что немедленно проведет расследование и сразу же прикажет обыскать все здание и остров за оградой. Ямдор отрицал, что знает что-либо о женщине, я, по крайней мере, сознавал искренность его протестов, не то, что Рас Тавас. Я увидел намек на подозрение в его глазах, когда он допрашивал своего телохранителя: он, очевидно, не мог вообразить мотивов для подобной изменнической акции со стороны Ямдора, который должен был быть исполнителем в похищении женщины, а результат - явное невыполнение им приказа - был налицо.

Расследование Рас Таваса не обнаружило ничего. Думаю, что по ходу дела он все стремительнее накапливал подозрения, что я могу знать об исчезновении Валлы Дайи гораздо больше, чем показывала занимаемая мною позиция. На это указывало то, что я стал замечать за собой слежку. А ведь теперь мне нужно было каждую ночь доставлять контрабандой еду Валле Дайе, когда Рас Тавас удалялся в свои апартаменты. Однажды я случайно обнаружил, что за мной следят, и, вместо того, чтобы идти в подвал, пошел в оффис, где добавил некоторые наблюдения к отчету о деле, которым в тот день занимался. Возвращаясь в свое жилище, я промурлыкал несколько тактов из "Вотта...",чтобы мысль о моей беззаботности была подчеркнута. Все время, когда я находился вне своего помещения, я был уверен, что за мной наблюдают чьи-то любопытные глаза. Что делать? Валла Дайя

должна иметь пищу, без нее она умрет, но если бы я последовал в ее тайное убежище с едой, она тоже умерла бы. Рас Тавас позаботится об этом.

Полночи я лежал, бодрствуя, и изнурил свой мозг в поисках решения проблемы. Казалось, был только один путь - я должен отвязаться от шпионов. Даже если я смогу сделать это один единственный раз, то окажусь в состоянии довести до конца свой план, пришедший мне на ум, а он, я думаю, был единственно возможным из всех, которые приводили, в конце концов, к воскрешению Валлы Дайи в ее собственном теле. Путь был долгим, риск огромным, но я был молод, я любил, и был поэтому крайне безрассудным, я плевал на последствия, если они касались только меня. Но я не мог рисковать слишком сильно из-за Валлы Дайи, разве что только вынужденно, под давлением обстоятельств. Ну хорошо, давление это существовало, я должен был, значит, рискнуть, даже если рисковал жизнью.

Задача была сформулирована, и я лежал без сна на шелках и мехах в темноте комнаты, ожидая, когда я смогу приступить к ее выполнению. Мое окно на третьем этаже открывалось в огромный двор, на газоне которого я сделал свой первый шаг по Барсуму. Через оконное стекло я видел Хлорус, дальний спутник Марса, ползущий тихо и неторопливо по своей небесной дороге.Он уже садился, за ним Турия, его неуловимая любовница, стрелой неслась по небесам. Через пять ксетов (около пятнадцати минут) она должна была закатиться, а затем три с половиной часа небеса будут темными, исключая свет звезд. В коридоре, возможно, таились бдительные глаза и уши. Я молил бога, чтобы их не оказалось в нужном мне месте, когда Турия спустится за горизонт и я, наконец, смогу повиснуть на выступе окна, а в руке моей будет веревка, сплетенная мной из вырванных шелковых нитей, пока я ждал заката лун. Один конец я прикрепил к тяжелой сорапусовой скамье, подтащив ее к самому окну. Другой конец я сбросил вниз и начал спускаться. Земные мускулы настолько были не проверены в подобных испытаниях, что я не совсем верил в то, что смогу вернуться на подоконник одним прыжком, когда кончу все дела. Я вообще-то чувствовал, что смогу, но не знал, точно ли это. Слишком многое зависело от успеха всего предприятия, чтобы рисковать там, где не было необходимости. Итак, я приготовил веревку.

Заметили ли меня, не знаю. Я должен был делать все так, как если бы никто не шпионил за мной. Менее чем через четыре часа Турия вернется, и в этот промежуток времени мне надо было добраться до Валлы Дайи, убедить ее в необходимости

моего плана и выполнить его детально, возвратиться в комнату до того, как Турия откроет меня какому-нибудь случайному наблюдателю. С собой я взял оружие, и в сердце моем обитала неуклонная решимость убить любого, кто встанет поперек дороги, как бы ни был он безвреден для выполнения моего намерения.

Ночь, если исключить обычные далекие звуки, которые, как мне казалось, являлись криками свирепых хищников, была удивительно тихая. Однажды я спросил Рас Таваса об этих животных, но он был в дурном расположении духа и не ответил на вопрос. Я быстро достиг почвы и без колебаний двинулся к ближайшей двери здания, предварительно запомнив дорогу, по которой должен был возвращаться. Никого не было видно; я был уверен в успехе, когда, наконец, добрался до двери здания необнаруженным. Валла Дайя была так счастлива увидеть меня снова, что слезы счастья выступили у нее на глазах.

- Я думала, что с тобой что-то случилось, - воскликнула она. - Я знала, что ты не оставишь меня так долго в одиночестве по своему собственному желанию.

Я рассказал ей о своей уверенности в слежке за мной и о том, что нет возможности и дальше носить ей еду без того, чтобы не быть обнаруженным, а это повлечет за собой немедленную смерть для Валлы Дайи.

- Есть единственная возможность, - сказал я, - которую я даже боюсь предложить, но другого пути нет. Тебя следует надежно спрятать на долгое время, пока не ослабнут подозрения Рас Таваса, ведь если он приказал наблюдать за мной, то я не смогу осуществить задуманное мною твое возвращение и освобождение - возвращение тебе твоего тела и доброго пути в Дахор.

- Твое желание - закон для меня, Вад Варо.

Я покачал головой.

- Это для тебя тяжелее, чем ты полагаешь.

- Что это за путь? - спросила она.

Я указал ей на верхний стол.

- Ты должна пройти через это тяжкое испытание, чтобы я смог спрятать тебя в этом подвале, пока не созреет время для осуществления моих замыслов. Ты вынесешь это?

Она улыбнулась.

- Почему нет? - спросила она. - Это только сон. Пусть он длится вечно. Это было бы благоразумнее.

Я был удивлен, что она не содрогается от этой идеи, и был счастлив от этого, так как знал, что это единственное средство, при котором имеются шансы на успех. Не прибегая к моей помощи, она расположилась на плите.

- Я готова, Вад Варо, - произнесла она храбро, - но сперва обещай, что не будешь рисковать в этом сумасшедшем предприятии. Ты тогда не сможешь добиться успеха. Закрывая глаза я знаю, что это надолго, поскольку это зависит от успеха самой безумной авантюры из всех, которые когда-либо задумывал человек; и еще я счастлива, так как знаю, что поступок этот вдохновлен величайшей дружбой, какая когда-либо делала счастливой смертную женщину.

Пока она говорила, я прилаживал трубки, и теперь стоял позади нее, держа пальцы на кнопке мотора.

- Прощай, Вад Варо! - прошептала она.

- Не прощай, Валла Дайя, а только нежный сон, который выльется на тебя в кратчайший миг. Тебе покажется, что ты лишь закрыла глаза и открыла их снова. Я буду стоять, как и сейчас, на том самом месте, как будто никуда и не уходил. Я - последний, кого ты видишь этой ночью, прежде чем закроешь глаза, и я буду первым, кого ты увидишь, когда откроешь их тем новым и прекрасным утром, но глаза эти не будут глазами Заксы. Ты будешь смотреть на мир сквозь прозрачную глубину твоих собственных прекрасных очей.

Она улыбнулась и покачала головой. Две слезинки скользнули по ее щекам. Я сжал ее руку в своей и нажал на кнопку.

VI. ПОДОЗРЕНИЯ.

Насколько мне известно, я достиг своей комнаты незамеченным.Спрятав веревку на место, где, как я был уверен, ее никто не обнаружит, я разыскал свои спальные шелка и меха и скоро заснул.

На следующее утро,когда я вышел из комнаты, взгляд мой поймал мелькание чьей-то фигуры в близлежащем коридоре, и с этого момента у меня появилось реальное доказательство,что Рас Тавас подозревал меня. Сразу же, по привычке, я пошел в его помещение. Он казался неутомимым и обеспокоенным, но не выказывал мне ни малейшего подозрения в том, что уверен с моей виновности в исчезновении Валлы Дайи. Я думаю, что он был все же далек от уверенности в этом. Просто анализ событий

указывал на тот факт, что я был единственным, кто мог бы иметь какую-то причину для вмешательства в судьбу этого объекта. Он приказал наблюдать за мной, чтобы доказать или отвергнуть эту возникшую у него мысль. Свое беспокойство он объяснил мне сам.

- Я часто изучаю реакции подвергнувшихся пересадке мозга,- сказал он,- и поэтому я не совсем удивлен своей собственной. Энергия моего мозга пробуждается, ведя к растущей выработке психической энергии, но я чувствую еще, как влияет на меня молодая ткань нового тела. Влияние это происходит путем, который мои эксперименты еще полностью не раскрыли, и который, как я теперь вижу, должен быть тщательно исследован, чтобы можно было разобраться в нем. Мои мысли, мои наклонности, даже мои стремления изменились, или, по крайней мере, искажены пересадкой. Требуется некоторое время,чтобы найти себя.

Несмотря на отсутствие интереса, я слушал вежливо, пока он не кончил, а затем переменил тему разговора.

- Ты узнал местопребывание пропавшей без вести женщины?- спросил я.

Он отрицательно покачал головой.

- Ты должен понять, Рас Тавас,- произнес я,- я абсолютно уверен, что ты знаешь: устранение или уничтожение этой женщины полностью сорвет мой замысел. Ты здесь хозяин. Здесь ничто не происходит без твоего ведома.

- Ты имеешь в виду, что я ответственен за исчезновение этой женщины?- спросил он.

- Да. Это очевидно. Я требую, чтобы она была возвращена.

Он вышел из себя.

- Ты кто, чтобы требовать?- кричал он. -Ты никто! Лишь раб! Умерь свою наглость, или я сотру тебя, сотру! Как будто ты никогда не существовал!

Я рассмеялся ему в лицо.

- Ярость - наиболее бесполезный атрибут сентиментализма,- напомнил я ему. - Ты не сотрешь меня, потому что я один стою между тобой и смертью.

- Я могу обучить другого,- парировал он.

- Но ты не сможешь верить ему,- заметил я.

- Но ты торговался со мной за жизнь, когда я был в твоей власти!- кричал он.

- Потому что ничто, кроме вреда, который мог быть причинен тебе, не заставил бы тебя согласиться. Пусть будет так, как было, чтобы ты доверял мне снова, так как нет других причин

для недоверия. Так почему ты не добьешься моей благодарности и верности возвращением женщины и выполнением как в мыслях, так и на деле, условий нашего соглашения?

Он повернулся и посмотрел на меня с твердостью.

- Вад Варо, - сказал он. - Даю тебе честное слово басурманского пэра, что абсолютно ничего о ее местопребывании не знаю.

- Может быть, Ямдор сделал это,- упорствовал я.

- Не Ямдор. Насколько я знаю, нет людей, каким-либо путем связанных со мной, которые знали бы, что с ней. Я сказал правду!

Разговор был не так уж бесполезен, как могло бы показаться. Я был уверен, что убедил Рас Таваса почти полностью, что ничего не знаю, так же как и он, о судьбе Валлы Дайи. Но что это убедило его не полностью, доказывала не прекращавшаяся еще долгое время слежка за мной. Факт этот открыл мне, как использовать методы Рас Таваса в целях самозащиты. Мне было предано большое количество рабов. Добротой и вниманием я склонял их на свою сторону, пока не понял,что в полной мере пользуюсь их верностью. Они не имели никаких причин любить Рас Таваса и много - ненавидеть. С другой стороны, они не имели причин ненавидеть меня, и я видел, что они любили меня.

В результате я не имел трудностей в привлечении пары рабов для слежки за шпионами Рас Таваса, и это привело к тому, что вскоре я имел полную информацию о том, что мои подозрения не были беспочвенны- за мной следили постоянно, когда я был за пределами своих комнат, но шпики не могли проникнуть через стены. Именно поэтому я был уверен, что смогу использовать их. Шпионы полагали, что я обязан выходить из своей комнаты только через естественный выход - дверь, и удовлетворялись ее охраной, а окна оставляли без присмотра. Думаю, слежка продолжалась около двух месяцев по земному счету, а затем мои люди доложили мне,что, по всей видимости, она снята полностью. Задержка меня мучила. Я хотел заниматься своими планами, а это было невозможно при таком наблюдении. Время вынужденной задержки я использовал для изучения географии восточной части северного полушария Барсума. В нем должы были вестись мои поиски. Я также изучал протоколы экспериментов и инспектировал мои будущие объекты, которые интересовали меня. После прекращения слежки стало казаться, что я скоро смогу приступить к претворению своих замыслов в жизнь.

Рас Тавас на некоторое время предоставил мне значительную свободу в исследованиях и экспериментах. Я решил это разумно использовать, чтобы добиться любым путем преимуще-

ства. Изучая историю болезней, я имел ввиду возможность найти тех, кто мог помочь мне. Среди привлекших мое пристальное внимание были, естественно, дела, с которыми я уже был более или менее знаком, а именно: 378- ДЖ-493811-Р- красный человек, от злобной атаки которого я спас Рас Таваса в день моего прибытия на Марс, и тот, чей мозг был разделен с обезьяной.

Первый- был фандалианец, молодой воин, принадлежавший ко двору Фандала - жертва убийства. Его тело было куплено фандалианским пэром, желавшим получить, как говорил мне Рас Тавас, молодую красивую внешность. Я чувствовал, что, возможно, смогу получить его поддержку, но тут могла влиять степень его верности Закее, о которой я мог узнать, только оживив его.

Тот, чей мозг был разделен с обезьяной, был уроженец Птарса, города, лежавшего на значительном расстоянии к западу и немного к югу от Фандала, и примерно на таком же расстоянии от Дахора, который был расположен к северу и немного к западу от него. Житель Птарса, думал я, много должен знать о всей стране, лежащей в треугольнике Фандал- Дахор- Птарс. Сила же и свирепость обезьяны могли оказаться значительным подспорьем при преодолении пустынь, кишевших зверьем. Мне казалось, что человеку с половиной мозга животного достаточно дать обещание в том, что ему действительно нужно сейчас, и поддержка обеспечена.

Третий объект, выбранный мной для пробы, был известный Тунолианский убийца, чья дерзость, бесстрашие и искусство фехтования обеспечили ему известность далеко за пределами его страны.

Рас Тавас, сам тунолианец, поведал мне кое-что из истории этого человека, чья зловещая профессия не без почета на Барсуме, и который еще более вырастал в глазах соотечественников, проявляя известное благородство: он никогда не трогал женщин, а хорошего человека никогда не ударял сзади. Его убийства всегда были результатом честной схватки, в которой жертва имела все возможности защитить себя и убить нападающего. Сам он был знаменит верностью друзьям, причем эта верность послужила причиной его падения, привела в результате на одну из плит Рас Таваса. Несколько лет назад он заработал ненависть Бобис Кана, джеддака Тулона, отказавшись убить человека, который отнесся в какой-то мелочи по-дружески к Гору Хаджусу. Бобис Кан стал подозревать, что Гор Хаджус намеревается убить его. Последствия подозрения кончились трагически. Гора Хад-

жуса приговорили к смерти. Сразу же после казни поступило предложение от агента Рас Таваса и было принято- тело продали Рас Тавасу.

Итак, этих троих я выбрал партнерами в своем великом предприятии, Правда, я не обсуждал этого ни с кем из них, но сердцем я чувствовал, что трудностей с получением их согласия не возникнет.

Первой задачей было заменить органы 378-ДЖ-493811-Р и Гора Хаджуса, тела которых были повреждены смертельными ранами. Первый нуждался в новом легком, второй в новом сердце - палач проткнул его собственное. Я не решался просить разрешения у Рас Таваса на этот эксперимент, боясь вызвать подозрения, в результате чего, вероятно, последует приказ их уничтожить. Я вынужден был осуществлять свои замыслы скрытно. С этой целью я завел обычай работать в лаборатории до глубокой ночи, часто привлекая к опытам различных ассистентов. В общем, я хотел, чтобы мой труд в ночные часы перестал удивлять Рас Таваса. Выбирая помощников, я сделал упор на двух из них, тех самых шпионов, которых Рас Тавас посылал следить за мной. Я недолго пользовался их услугами, но был уверен, что они донесли Рас Тавасу о моей активности. Я постарался, чтобы они получили от меня соответствующие намеки, как бы скелет их донесения хозяину, сформулированный так, чтобы не повредить мне. Простейшая из подсказок, которую я им представил- идея о том, что я работаю так исключительно из любви к делу как к таковому и громадного интереса к исследованиям Рас Таваса. Несколько ночей я трудился с ассистентами, но сколько бы сил не тратил я ночью, всегда был осторожен и следил за тем, чтобы утром в оффисе не было заметно по мне, что я так долго работал.

Таким образом, тщательно подготовив фундамент, я относительно мало боялся за исход дела и не опасался, что мой замысел будет раскрыт. Итак, я приступил к работе над воином из Фандала и убийцей из Тунола. Первым я выбрал воина. Его легкое было сильно повреждено моим клинком, проткнувшим его, но из лаборатории, где хранились расчлененные тела, я принес безупречное легкое и заменил им испорченное. Работа заняла лишь полночи. Но я был настолько нетерпелив, что тотчас же вскрыл грудную клетку Гора Хаджуса, для которого припас необычайно сильное и мощное сердце, завершил полностью пересадку, и к рассвету все было готово, так как я работал быстро. Ведь, зная природу ран, которые отправили на тот свет этих двоих, я неделями совершенствовался в проведении подобных операций. При

работе мне не встретилось никаких патологических отклонений, что тоже способствовало быстроте проведения операций. Я кончил этап, за который опасался, как за самый трудный, и теперь, устранив, насколько возможно, следы операций, за исключением терапевтического пластыря, закрывавшего разрезы, вернулся к себе на квартиру, чтобы отдохнуть несколько минут, моля бога, чтобы Рас Тавас ничего не заподозрил и у него не возникло какой-либо случайной мысли осмотреть оперированных мной. В предвидении такого случая я обезопасил себя, внеся полное описание операций в истории болезней, чтобы в случае обнаружения отвести подозрения игрой в искренность.

Проснулся я в обычное время и сразу пошел к Рас Тавасу, который встретил меня сногсшибательной новостью, почти полностью разрушившей мои замыслы. Он смотрел на меня внимательно в течение минуты, показавшейся мне очень долгой, прежде чем заговорил.

- Прошлой ночью ты работал допоздна, - сказал он.

- Я часто так работаю, - ответил я с видом беспечности, на сердце у меня был камень.

- И что же завладело твоим вниманием? - осведомился он.

Я чувствовал себя как мышь, с которой играет кот.

- В последнее время я занимался, правда, совсем немного, пересадкой сердца и легких, - ответил я. - Работа так поглотила меня, что я не замечал течения времени.

- Я знал, что ты работешь по ночам. Думаешь, это разумно?

В этот момент я понял, что это было очень неразумно, хотя я уверил его в обратном.

- Мне не спалось, - ответил он. - Поэтому я заходил к тебе около полуночи, но тебя не было. Я хотел поговорить с кем угодно, но твои рабы знали лишь, что тебя нет. Где ты - они не знали. Итак, я отправился тебя искать. - Мое сердце ушло в пятки. - Я предположил, что ты в одной из лабораторий, но обойдя несколько, тебя не нашел. - Я воспрянул духом. - С момента моей собственной операции часто проклинаю появившуюся у меня бессонницу и неутомимость, почти что желаю возвращения в свое старое тело - молодость нового тела не гармонирует с древностью мозга.

- Чего твое тело желает, - сказал я, - так это движения. Оно молодо, сильно, мужественно. Загрузи его работой, это заставит твой мозг по ночам отдыхать.

- Знаю, что ты прав, - ответил он. - Я пришел к тому же самому умозаключению. Не найдя тебя, я гулял в садах чуть больше часа, а по возвращению к себе крепко заснул. Я буду гулять каждую ночь или присоединюсь к тебе в твоей работе в лабораториях.

Новость была очень тревожной. Теперь я ни на миг не мог быть уверен, что Рас Тавас не бродит где-нибудь неподалеку. Отныне я должен делать важную работу - ночную - только вдвоем. Я мог быть уверен в нем, только будучи с ним.

- Посылай за мной, когда тебя охватит беспокойство, и я приду и буду работать с тобой, - сказал я. - Ты не должен расхаживать по ночам в одиночку.

Я надеялся, что так он будет делать всегда, и тогда я буду знать, что если он за мной не пришлет, то, значит, находится в своей комнате. Кроме того, я увидел, что с этого времени должен считаться с опасностью разоблачения. Зная это, я решил поспешить с завершением своих планов и рискнуть всем в одной дерзкой попытке.

Этой ночью случай мне не представился, так как Рас Тавас послал за мной и сообщил, что должен погулять в саду, так как устал. Я же нуждался в целой ночи. Поэтому, погуляв до полуночи с Рас Тавасом, я был вынужден отложить осуществление замысла до завтра. Следующим утром я убедил Рас Таваса послать за мной раньше под предлогом, что должен выйти за ограду и посмотреть на Барсум за пределами его лаборатории и садов. Я был почти уверен, что он согласится с просьбой, так как до этого он никогда мне не отказывал. Имей он старое тело, он бы никогда не пошел на это - насколько же сильно изменили его молодая кровь и молодое тело, если он согласился.

Я никогда не был по ту сторону здания и не видел, что там, так как ни в одной из внешних стен здания не было окон, а в садах деревья достигали такой высоты, что загораживали все, что находилось за ними. Мы некоторе время гуляли в саду как раз у внешней стены, и я спросил у Рас Таваса, могу ли я выйти за нее.

- Нет, - ответил, - это опасно.

- Почему? - поинтересовался я.

- Я покажу тебе, причем обзор будет куда лучше, чем просто за воротами. Следуй за мной.

Он сразу же повел меня к величественной башне, которая возвышалась в углу самого большого здания из группы образующей огромное учреждение. Внутри был спиральный коридор, который вел не только наверх, но и вниз. Мы поднимались с этажа на этаж, пока не пришли, наконец, на вершину башни.

Передо мной раскинулся впервые увиденный мной за много месяцев пребывания на Барсуме обширный ландшафт. Почти что целый год я был заточен в мрачных стенах кровавой лаборатории Рас Таваса. К тому времени странная жизнь здесь стала казаться совершенно естественной, ведь мы, люди, рабы своих привычек. Но с первым взглядом на открытую местность во мне пробудилось такое стремление к свободе, к пространству, к свободе передвижения, что от него никак нельзя было больше открещиваться. Перед нами внизу лежал небольшой кусочек скалистой суши, возвышавшейся на дюжину или чуть больше футов над окружающей местностью. Площадь его была, грубо считая, сотня акров. На нем стояли здания и росли сады. Башня, на которой мы находились, была расположена примерно в центре всего пространства. За внешней стеной, на ленточке каменистой земли, рос редкий лес разнокалиберных деревьев, разбросанных кучками по местности, а за всем этим было то, что казалось заросшей тиной, через которую тянулись узкие полоски, кое-где содержавшие воду - маленькие озера, наибольшее из которых охватывало едва ли два акра. Этот ландшафт простирался насколько хватало глаз и прерывался изредка случайно разбросанными островками, подобными тому, на котором мы находились. Невдалеке на линии горизонта виднелся большой город, его купола и башни сверкали и искрились на солнце, как если бы они были покрыты блестящим металлом и драгоценностями.

Это, я знал, должен был быть Тунол, и все, что находилось вокруг нас, являлось великими Тунолианскими топями, которые простирались примерно на восемьсот миль к востоку и западу и в некоторых местах имели ширину до трехсот миль. Немного о них известно в других местах Барсума, так как они обильно населены свирепыми хищниками, не имеют удобных посадочных площадок для флайеров и управляются Фандалом на западном конце и Тунолом на восточном - негостеприимными королевствами, не поддерживающими отношений с внешним миром, и сохраняющими независимость только благодаря недоступности и первобытной отчужденности.

Когда глаза мои снова вернулись к острову, где мы стояли, я увидел гигантскую фигуру у близлежащего куста джунглей недалеко от внешней стены. За ней последовали вторая и третья. Рас Тавас заметил, что эти существа привлекли мое внимание.

- Это, - сказал он, указывая на них, - одна из того огромного количества причин, почему было бы небезопасно за оградой.

Это были белые обезьяны Барсума, существа огромного роста и настолько лютые, что даже свирепый барсумский лев - бенс - не решается встать на пути у них.

- Они служат двум целям, - объяснил Рас Тавас. - Они останавливают тех, кто мог бы прокрасться ко мне из столицы Тунола, где у меня есть некоторое количество добрых врагов, а также предотвращают дезертирство со стороны моих рабов и некоторых ассистентов.

- Но как твои клиенты добираются сюда? - спросил я. - Как снабжается твоя лаборатория?

Он повернулся и указал на высшую точку несимметричной крыши здания. Постройка на ней была похожа на небольшой ангар.

- Здесь, - сказал он, - я держу три небольших корабля. Один из них каждую ночь ходит в Тунол.

Я поборол желание узнать побольше об этих кораблях, которые являлись, как я подумал, очень удобным средством для бегства с острова. Но спрашивать я не подумал из опасения вызвать подозрения.

Когда мы повернулись, чтобы начать спуск по пандусу башни, я выразил интерес к постройке, которая не без оснований могла считаться более старой, чем любое другое строение.

- Это башня, - сказал Рас Тавас, - была построена около двадцати тысяч пятисот лет назад моим предком, которого преследовал джеддак, царствовавший в то время. Здесь и на бесчисленных островах он собрал значительное число последователей, управляя окружающими топями, завися только сам от себя в течение многих сотен лет, пока ему не было разрешено вернуться обратно в Тунол. К этому дому одно за другим пристраивались остальные здания, которые ты видишь вокруг башни. Каждое из этих зданий продолжает более старое от верхушки до подвалов.

Эта информация меня также сильно заинтересовала. Я думал, что она много может дать для уточнения планов бегства. Когда мы спустились по коридору, я вовлек Рас Таваса в разговор об архитектуре башни, о ее связях с другими постройками, о

доступности ее подвалов. Мы снова шли по внешним садам. Когда мы вернулись в комнаты Рас Таваса, стало уже совсем темно, и мастер хирургии признался, что сильно устал.

- Чувствую, что хорошо высплюсь сегодня, - сказал он, когда я уходил.

- Надеюсь, что так, Рас Тавас, - сказал я.

VII. БЕГСТВО

Обычно проходило что-то около трех часов после вечерней трапезы, подаваемой сразу же после наступления темноты, прежде чем лечебно-экспериментальный комплекс затихал на ночь. Хотя мне следовало бы подождать с осуществлением задуманного мероприятия, я не мог ждать, не подвергаясь опасности, так как до рассвета предстояло сделать многое.

Итак, с первыми признаками отхода ко сну жителей огромного сооружения, я покинул свою комнату и пошел прямо в лабораторию, где, к счастью для моего плана, покоились оба тела: и Гора Хаджуса, тунолианского убийцы, и 378-ДЖ-493811-Р. Было делом нескольких минут перенести их на соседние столы, где я быстро стянул их ремнями, гарантируя себя по возможности от того, что один из них или оба не пожелают согласиться с предложением, которое я намеревался им сделать. Это заставило бы меня анестезировать их снова. Наконец были сделаны разрезы, подсоединены трубки, включены моторы. 378-ДЖ-493811-Р, которого я буду впредь называть его собственным именем Дар Тарус, был первым, кто открыл глаза, но сознание еще не полностью вернулось к нему, когда признаки жизни появились и у Гора Хаджуса.

Я ждал, пока оба не восстановятся полностью. Дар Тарус пристально рассматривал меня, все больше узнавая, что придало ядовитую ненависть выражению его лица. Гор Хаджус был искренне омрачен и озабочен. Последнее, что он помнил - это зрелище смерти, когда палач пронзил ему мечом сердце. Молчание нарушил я.

- Сначала, - сказал я, - давайте я объясню, где вы находитесь, если вы еще не знаете этого.

- Где я, я знаю достаточно хорошо, - прорычал Дар Тарус.

- О, - воскликнул Гор Хаджус, обшаривая комнату взглядом. - Я могу догадаться. Какой тунолианин не знает об Рас Тавасе? Значит, мой труп был куплен старым мясником?! Так? Ну и что? Я только что прибыл?

- Ты лежишь здесь уже несколько лет, - сказал я ему, - и можешь остаться навечно, если мы втроем не достигнем соглашения в последние несколько минут. Это относится также и к тебе, Дар Тарус.

- Несколько лет! - задумчиво пробормотал Гор Хаджус. - Ну, болтай дальше, человек. Что хочешь? Если убить Рас Таваса, то нет! Он спас меня от полного уничтожения, но назови мне кого-нибудь другого, лучше всего Бобис Кана, джеддака Тунола. Дай мне клинок, и я убью сотню, чтобы вернуть себе жизнь!

- Мне не нужна ничья жизнь, если она не стоит на пути осуществления моих намерений. Слушайте! Рас Тавас имел здесь прекраснейшую девушку из Дахора. Он продал ее тело Заксе, джэддаре Фандала, и перенес ее мозг в безобразное тело старухи. Моя цель - вернуть его обратно, вложить в него соответствующий мозг и возвратить девушку в Дахор.

Гор Хаджус ухмыльнулся.

- Предложение серьезное, - сказал он, - но ты мне по сердцу, и я с тобой. Это - свобода и борьба. Все, что я прошу - шанс для одного, только одного удара Бобис Кану.

- Я обещаю вам жизнь, - ответил я, - при условии, что вы будете честно служить мне и никому другому, не начиная каких-либо собственных дел, пока мое не подойдет к успешному концу.

- Значит, я должен служить тебе пожизненно, - ответил он, - потому что затеваемое тобой дело никогда не будет осуществлено. Но это лучше, чем лежать здесь на холодных плитах, ожидая, когда придет Рас Тавас и перережет мне горло. Я твой! Освободи меня, чтобы я снова мог почувствовать под собой свою великолепную пару ног!

- А ты? - воскликнул я, обернувшись к Дар Тарусу, когда освободил Гор Хаджуса от удерживающих его веревок. Сейчас я первый раз заметил, что злобное выражение на его лице сменилось улыбкой рвения.

- Разруби веревки! - вскричал он. - Я последую за тобой в отдаленнейшие уголки Барсума, стремясь удовлетворить твои желания, но это не нужно. Нужно в Фандал, в покои безнравственной Заксы, где благодаря высокому положению моих предков мне может быть дана возможность отомстить за страшную несправедливость существу, обманувшему меня. Ты не найдешь никого более подходящего для своей миссии, чем Дар Тарус,

бывший одно время солдатом в гвардии джэддары. Она его убила, чтобы один из ее гнуснейших пэров в моем прежнем теле мог добиваться девушки, которую любил я!Моментом позже оба встали, и не задерживаясь больше, я повел их по коридору, ведущему в подвалы под зданием. По дороге я описал им существо, выбранное мною четвертым для этой странной партии. Гор Хаджус подверг сомнению мудрость выбора мною товарища, говоря, что обезьяна привлечет к нам излишнее внимание. Дар Тарус полагал, однако, что она могла бы быть полезной во всех отношениях, так как мы, возможно, будем вынуждены провести некоторое время на островах, которые часто кишат этими тварями. В Фандале обезьяна может пригодиться в осуществлении наших планов и не вызовет особых толков, так как многие из этих животных содержатся в городе в плену и используются для подавления уличных беспорядков.

Наконец мы пришли в подвал, где лежала обезьяна и где я скрыл в состоянии анабиоза тело Валлы Дайи. Я оживил огромного антропоида, и, к величайшему моему облегчению, обнаружил, что человеческая часть мозга все еще у него доминирует. Кратко объяснил я ему свой план, как ранее двум другим, и получил обещание, с его стороны, о всесторонней поддержке моего плана в обмен на обещание, с моей стороны, вернуть его мозг обратно на надлежащее место после успешного завершения нашей авантюры.

Первым делом мы должны были убежать с острова, и я набросал в общих чертах оба задуманных мною плана. Первый - украсть один из флайеров Рас Таваса и вылететь прямо в Фандал. Другой, в случае, если первый окажется невыполненным - укрыться на борту одного из них в надежде, что мы сможем одолеть команду и овладеть кораблем, после чего скроемся с острова, или же спрятаться на борту корабля до его прибытия в Тулон. Дар Тарусу нравился мой первый план; обезьяна, которую мы теперь будем звать по имени, принадлежащему человеческой половине его мозга, а именно Хован Дью, предпочитала первую альтернативу второго плана; Гор Хаджус - вторую. Дар Тарус объяснил, что наша принципиальная цель - Фандал, и чем быстрее мы туда доберемся, тем лучше. Хован Дью доказывал, что захватив корабль и улетев с этого острова, мы будем иметь больше времени для бегства, прежде чем отсутствие корабля будет замечено и организуется погоня, чем захватив его сейчас, когда его отсутствие будет обнаружено буквально через несколько

часов. Гор Хаджус думал, что было бы лучше, если бы мы попали в Тулон тайно и там, при помощи одного из его друзей достали бы оружие и флайер.

- Никогда не следует, - настаивал он, - отправляться куда бы то ни было без оружия. Мы не сможем добраться до Фандала прежде, чем нас не настигнет погоня. Поэтому мы должны предполагать, что Рас Тавас сразу же обнаружит наше отсутствие и тотчас же начнет преследование. Рас Тавас, обнаружив отсутствие Дара Таруса и Гора Хаджуса, не теряя времени известит Бобис Кана, джеддака Тулона, что Гор Хаджус, наемный убийца, на свободе. И тогда лучшие корабли джеддака будут снаряжены в погоню.

Рассуждения Гора Хаджуса были логичными, кроме того, я вспомнил о том, что все эти три корабля, по словам Рас Таваса, были тихоходными. Поэтому наша свобода была бы недолгой в случае похищения флайера.

Продолжая обсуждение, мы пробрались по коридору ко входу в башню. Бесшумно пошли мы по спиральному коридору наверх и достигли верхушки. Обе луны были прямо над головой, на месте действия было светло, как днем. Если бы кто был рядом, то, бесспорно, обнаружил бы нас. Мы поспешили к ангару и вскоре были уже внутри, и тогда я вздохнул свободнее, по крайней мере, на одно мгновение - здесь было намного безопаснее, чем под двумя сверкающими лунами на освещенной крыше.

Флайеры - это своеобразные по конструкции аппараты. Легкие, приземистые, со сферическими носом и кормой, они были закрыты палубой. Каждая их линия говорила о том, что это - грузовая конструкция, способная к чему угодно, но не к быстроходности. Один из них был намного меньше, чем два других, а второй, очевидно, находился в ремонте. В третий я вошел и тщательно осмотрел его. Со мной был Гор Хаджус, который указал несколько мест, где мы могли укрыться, чтобы не быть обнаруженными. Конечно, если не будет подозрения, что мы на борту именно этого флайера, а такая опасность была вполне реальна и настолько велика, что я решил отправиться на борту маленького флайера. Он, как уверял меня Гор Хаджус, был наиболее быстроходным. Но Дар Тарус просунул голову в корабль и жестом попросил меня быстро выйти.

- Кто-то рядом, - сказал он, когда я подошел.

- Где? - спросил я.

- Идем, - сказал он и повел меня в здание ангара, в ту его часть, которая была охвачена стеной здания, образующего его основание, и показал через окно на внутренность сада. К своему

ужасу я увидел Рас Таваса, медленно фланирующего взад и вперед. На минуту я почувствовал отчаяние, так как знал, что ни один корабль не мог пролететь незамеченным из сада, а из всех людей мира наименее желательно, чтобы это был именно Рас Тавас. Вдруг меня осенила отличная идея. Я подозвал всех поближе и объяснил свой план.

Они сразу же ухватились за него, и чуть позже мы выкатили малый флайер на крышу и повернули его носом к востоку, прочь от Тулона. Затем Гор Хаджус вошел в него, подготовил к полету, как мы решили, настроил различные рычаги, выдвинул дроссель, соскользнул со ступеньки и выпрыгнул на крышу. Вчетвером мы поспешили к тыловой части стены, из которой увидели корабль, медленно и изящно летящим над садом и головой Рас Таваса, чьи уши должны были немедленно услышать слабое жужжание мотора, так как в это время он как раз смотрел вверх.

Сразу же он окликнул корабль. Я, нагнувшись в сторону от окна, чтобы он не мог меня увидеть, ответил:

- Прощай, Рас Тавас! Это я, Вад Варо, ухожу в незнакомый мир, чтобы увидеть, что там есть хорошего. Я вернусь! А до этого с тобой будут души предков!

Эту фразу я вычитал из романа в библиотеке Рас Таваса и очень гордился ею.

- Возвращайся скорее, сейчас же, - крикнул он в ответ, - или будешь с душами своих собственных предков еще до прихода следующего дня!

Я промолчал. Теперь корабль был уже на такой дистанции, что я боялся, что голос мой не будет больше казаться исходящим из корабля, и обман раскроется. Немедленно укрылись мы на борту одного из оставшихся флайеров, на борту которого не производилось регламентных ремонтных работ. Затем начался такой долгий и утомительный период ожидания, какого я не помнил с детства.

Наконец я оставил надежду, что корабль в этот день полетит, как вдруг услышал голоса в ангаре, и вскоре звуки шагов раздались на борту флайера. Несколько позже прозвучало несколько команд, и почти сразу же корабль двинулся и поднялся в воздух.

Мы вчетвером сгрудились в малюсеньком отсеке, построенном в крошечном пространстве между носовыми и кормовыми баками плавучести правого борта. Он был темным и плохо вентилировался и, очевидно, был задуман как шкаф для более полного использования пространства. Мы опасались даже пошевельнуться из боязни привлечь внимание. По этой причине мы

даже дышали как можно тише, так как не знали не находится ли кто-нибудь из членов команды за тонкой дверцей, отделяющей нас от главной кабины корабля. В общем, мы расположились очень некомфортабельно, но расстояние до Тунола было не так велико, поэтому мы тешили себя скорым изменением нашего положения в том случае, если Тунол является местом назначения нашего корабля. А в этом мы скоро убедились. Мы очень недолго были в воздухе, когда услышали слабо различимое приветствие, после чего моторы остановились, и корабль притормозил.

- Что за корабль? - донесся до нас требовательный голос. С борта корабля ответили:

- Воссар, Башня Тунола, в Тунол.

Мы услышали скрип и шорох, когда тот, другой корабль, коснулся нашего.

- Именем Бобис Кана! Мы здесь, чтобы обыскать ваш корабль! Дорогу! - закричали с причалившего корабля.

Да, недолгим было наше хорошее настроение. Мы услышали шарканье множества ног, и Гор Хаджус шепнул мне на ухо:

- Что будем делать?

Я вложил короткий меч в его руку.

- Бороться!

- Хорошо, Вад Варо, - ответил он, затем я вручил ему пистолет и попросил передать его Дар Тарусу. Мы услышали голоса снова, теперь уже ближе:

- Эй, там! - вскричал один из них. - Да это Вал Зак собственной персоной! Мой старый друг Вал Зак!

- И никто другой, - ответил другой голос.

- А кого вы еще ожидали найти в команде Воссара, кроме Вал Зака?

- Кто знает... может быть этого Вад Варо, или даже Гор Хаджуса, - сказал другой, - и нам приказали обыскивать все корабли.

- Я хотел бы, чтобы они были здесь, - ответил Вал Зак, - потому что награда высока. Но как они могут быть здесь, когда Рас Тавас своими собственными глазами видел, как они вылетели в Писнар перед рассветом этого дня и пропали в западном направлении?

- Ты прав, Вал Зак, - ответил другой, - кроме того, нужна пропасть времени для обыска вашего корабля. Эй! Возвращайтесь обратно на корабль!

Я почувствовал, как ритм моего сердца пришел в норму, когда воины Бобис Кана уходили с палубы Воссара на свой корабль. Настроение мое улучшилось еще больше, когда возобновилось курлыканье мотора и флайер Рас Таваса продолжил путь. Гор Хаджус приложил губы к моему уху.

- Духи наших предков благоприятствуют нам, - шепнул он. Именно ночь и темнота помогут нам прикрыть бегство с корабля и посадочной площадки.

- Почему ты думаешь, что это будет ночь? - спросил я.

- Корабль Бобис Кана был близок к нашему, когда с него нас окликнули. Днем можно было бы разглядеть, что это за корабль и не окликать.

Он был прав.

Мы были стиснуты в этой душной норе с заката солнца и, несмотря на то, что я предполагал, что путешествие наше затянется на значительное время, я одновременно понимал, что темнота, бездействие и нервное напряжение удлиняют ощущение времени, так что казалось, что прошло много больше, чем на самом деле. Поэтому я не был бы удивлен, если бы мы достигли Тунола днем.

Расстояние от башни Рас Таваса до Тунола незначительно. Вскоре после встречи с кораблем Бобис Кана мы приземлились на посадочной площадке в месте назначения. Долгое время мы выжидали, вслушиваясь в звуки движения на борту корабля и желая узнать (по крайней мере, я желал) о том, какие могли быть планы и намерения капитана. Вполне возможно, что Вал Зак вернется в Тавас этой же ночью, особенно если он прибыл в Тунол за богатыми пациентами для лаборатории. Но если он прилетел только за снабжением, то мы могли спокойно лежать здесь до утра. Это я узнал у Гор Хаджуса, так как мои собственные познания флайеров Рас Таваса были ничтожны. Хотя я долгое время был заместителем мастера хирургии, о существовании этого маленького флота я узнал только за день до побега. Это вполне согласовывалось с политикой Рас Таваса не говорить мне ничего, если это не соответствовало необходимости и его дальнейшим планам.

На вопросы, которые я задавал ему, он всегда отвечал только тогда, когда полагал, что результат моей осведомленности не повредит его собственным интересам. Он не говорил мне ничего, что, по его мнению, знать мне было не обязательно. Мое незнание о флоте и расписании его полетов объяснялось отсутствием

окон во внешней стене здания, обращенной к Тунолу, а также тем, что я никогда не был на крыше, и поэтому не мог видеть кораблей, пересекающих пространство над островом.

Мы спокойно ждали, пока на корабле не воцарилась тишина, означавшая, что или команда удалилась в каюты для сна, или она отправилась в город. После консультации шепотом с Гор Хаджусом мы решили сделать попытку разведки. Нашей целью было отыскать укромное местечко внутри посадочной площадки, базируясь на котором мы могли бы исследовать возможные пути бегства в город, сразу же или утром, когда сможем с большей легкостью смешаться с толпой, которая, как сказал Гор Хаджус, определенно должна возникнуть через несколько часов после восхода солнца.

Я осторожно открыл дверь нашего шкафа и выглянул в главную кабину, утопавшую в темноте. Мы вышли бесшумно. Могильное молчание окутывало флайер, но издалека снизу доносились ослабленные шумы города. До сих пор все шло хорошо. Затем, без звука, без предупреждения, взрыв ярчайшего света озарил внутренность кабины. Когда я взглянул вверх, пальцы мои сжали рукоятку меча.

Прямо против нас в узком дверном проеме большой кабины стоял высокий человек, чьи красивые доспехи означали, что он не был простым воином. В каждой руке он держал по пистолету, в дулах которых мы прочитали свою судьбу.

VIII. РУКИ ВВЕРХ!

Спокойным голосом он сказал слово, эквивалентное на Барсуме нашему земному "Руки вверх!" Тень зловещей улыбки тронула его тонкие губы и, когда он увидел наши колебания в выполнении его команды, он повторил:

- Делайте, что я говорю, и будете живы. Храните полное молчание. Шум или сопротивление повлекут вашу гибель. Пистолеты стреляют очень точно.

Гор Хаджус поднял руки над головой. Мы последовали его примеру.

- Я Вал Зак, - объявил он.

Мое сердце екнуло.

- Лучше стреляй, - сказал Гор Хаджус, - ты не захватишь нас живыми, и нас четверо против тебя одного.

- Не так быстро, Гор Хаджус, - проговорил капитан Воссара. - Ты еще не знаешь, что у меня на уме.

- Это мы уже знаем, потому что слышали о большой награде, ждущей того, кто возьмет в плен Вад Варо и Гор Хаджуса, - огрызнулся убийца из Тунола.

- Если бы я желал награды, я мог бы передать вас за борт корабля Бобис Кана, когда он был рядом с нами, - сказал Вал Зак.

- Ты не знал, что мы на борту Воссара, - напомнил я ему.

- А... Но я знал!

Гор Хаджус фыркнул, не веря.

- Как тогда, - напомнил нам Вал Зак, - я был бы способен встретить вас в этом месте, когда вы покидали свой укромный отсек? Да, я знал, что вы на борту моего корабля!

- Но как? - спросил Дар Тарус.

- Это несущественно, - ответил Вал Зак, - но чтобы удовлетворить ваше любопытство, я скажу. Моя квартира - маленькая комнатушка в башне Таваса. Окна мои выходят на крышу и ангар. Вся моя жизнь прошла на борту флайеров. Это сделало меня чувствительным к каждому звуку корабля - изменение скорости моторов будит меня среди ночи, не то, что их запуск или включение. Я был разбужен запуском мотора "Пинсара". Я увидел троих из вас на крыше и четвертого, прыгающего с палубы флайера после его старта. Мой разум подсказал мне, что если корабль был послан без человека, то на это есть какие-то неизвестные причины. Слишком поздно было предотвращать ваши действия, и поэтому я ждал в молчании, чтобы узнать о дальнейшем. Я увидел вас, спешащими в ангар, я слышал оклик Рас Таваса и ваш ответ, затем я увидел вас на борту "Воссара". Я немедленно спустился на крышу и бесшумно подошел к ангару, ожидая, что вы намереваетесь убежать на этом корабле. У рычагов управления никого не было, и через крохотное отверстие в стене рубки, через которое можно видеть главную кабину, я заметил, как вы входили в этот отсек. Я сразу же понял, что единственная ваша цель - попасть в Тунол, и поэтому я воздержался от того, чтобы выдать вас в вашем укрытии и пошел заниматься своими делами.

- И ты не известил Рас Таваса? - удивленно спросил я.

- Я не известил никого, - ответил он. - Много лет назад я научился заботиться о своих делах, видеть все, слышать все, и ничего не говорить, пока это выгодно.

- Но ты говорил, что награда за наш арест высока, - напомнил ему Гор Хаджус. - Не будет ли тебе выгодно получить ее?

- Есть в душе благородных людей, - ответил Вал Зак, - чувства, которые превалируют над страстью к золоту, и хотя тунолианцы, по общему мнению, люди, свободные от искушающего чувства по отношению к одному человеку, я не могу забыть чувства благодарности. Шесть лет назад ты, Гор Хаджус, отказался убить моего отца, считая, что он хороший человек, достойный жить, что он один из тех, кто оказал тебе услугу, пусть небольшую. Сегодня его сын ответит тебе наградой и, в некоторой степени, возмещением за наказание, отмеренное тебе Бобис Каном за твой отказ. Я отослал команду, чтобы никто больше не узнал о вашем присутствии на корабле.

- Поделитесь со мной вашими планами и скажите мне, чем я могу быть полезен вам.

- Мы хотим добраться до улиц города незамеченными, - сказал Гор Хаджус. - Ты можешь помочь нам только в этом. Мы не хотим возлагать на тебя ответственность за наше бегство. Ты получишь благодарность, а в Туноле об этом не стоит и вспоминать, благодарность Гор Хаджуса - обязательство, которое даже джеддак желал бы иметь.

- Ваша проблема усложняется, - сказал Вал Зак после короткого раздумья, - составом вашей команды. Обезьяна немедленно привлечет внимание и пробудит подозрения. Зная много об экспериментах Рас Тавваса, я сразу догадался в это утро после наблюдения за вами, что она имеет мозг человека. Но этот же факт привлечет к вам и внимание окружающих.

- Я не обязан сообщать им это! - прорычал Хован Дью. - Для них я только пленная обезьяна. Разве таковые неизвестны в Туноле?

- Мало, даже наоборот, они очень редки, - ответил Вал Зак. - Но белая кожа Варо... Рас Тавас, кажется, ничего не знает, что обезьяна с вами, но ему очень хорошо известно о Вад Варо. Твое описание разослано всеми возможными средствами по его приказу. Тебя немедленно опознает первый же встречный. И затем есть Гор Хаджус. Хотя он мертв уже шесть лет, осмелюсь сказать, что редкий тунолианец, который разбил скорлупу своего яйца более десяти лет назад, не знает лицо Гор Хаджуса так же хорошо, как и лицо своей матери. Самому джеддаку известно о Гор Хаджусе больше, чем о любом другом тунолианце. Таким образом, остается один, кто, возможно, избежит подозрения и опознания, появившись на улицах города.

- Нам бы лишь достать оружие для троих, - предложил я. - Тогда, даже несмотря на все это, мы достигли бы дома друга Гор Хаджуса.

- Оружием проложить путь через столицу Тунола? - спросил Вал Зак.

- Если не будет другого пути, то так! - ответил я.

- Я восхищен вашей волей и энергией, - иронически заметил командир "Воссара", - но боюсь, что в вашем теле не найдется достаточно сил для этого. Идите! Но есть путь, возможно. На площадке, как раз ниже этой, есть общественное депо, где содержатся и выдаются в аренду эквилибролеты. Если мы найдем способ достать четыре из них, будет шанс избегнуть, по крайней мере, наземных патрулей и достигнуть дома друга Гор Хаджуса. Думаю, что вижу путь к исполнению своего плана. Посадочная башня закрыта на ночь, но имеется несколько ночных сторожей, распределенных в ней на разных этажах. Тот, который в депо эквилибролетов, как мне довелось узнать, большой энтузиаст джетана. Он скорее будет играть в джетан, чем выполнит обязанность сторожа. Я часто оставался на борту "Воссара" ночью и изредка позволял себе играть с ним. Сегодня ночью я предложу ему это же, и пока он будет таким образом развлекаться, вы отправляйтесь в депо. Берите эквилибролеты и молитесь вашим предкам, чтобы никакой воздушный патруль не заподозрил вас, когда вы будете лететь над городом к вашей цели. Что ты думаешь об этом, Гор Хаджус?

- План великолепен, - ответил убийца. - А что ты скажешь, Вад Варо?

Так как Гор Хаджус был наиболее опытен в этом вопросе, то мне оставалось только настоять, чтобы он был приведен в исполнение с минимальными задержками.

- Хорошо! - воскликнул Вал Зак. - Пойдемте со мной, я укрою вас до тех пор, пока не соблазню старика игрой в джетан в своей кабине. После этого ваша судьба в ваших собственных руках.

Мы последовали за ним от корабля по палубе посадочной площадки, под самым бортом "Воссара", противоположным тому, через который ночной сторож должен был войти в корабль. Затем, пожелав нам удачи, Вал Зак ушел.

С верхушки посадочной площадки я первый раз увидел марсианский город. В сотнях футов подо мной простирались хорошо освещенные проспекты Тунола, многие из которых были заполнены людьми. В этом центральном районе то тут, то там здания были высоко вознесены над землей на металлических опорных колоннах, а жилые комнаты были подняты еще выше. Получалось так, что в отдельных домах анфилады комнат были выше уровня здания и в них размещались спальные комнаты хозяев, их

слуг и гостей. Такая архитектура объяснялась предосторожностью, которую вынужденно предпринимал каждый ввиду постоянной опасности в предупреждении активности последователей древней профессии Гора Хаджуса, которая ни одному человеку не позволяла быть свободным от постоянной угрозы убийства. Повсюду в центре города небо было пробуравлено высоченными башнями посадочных площадок, но, как я узнал позже, их было мало по сравнению с другими большими городами. Тунол не был, в известном смысле летающей нацией, и не содержал такого огромного воздушного флота, как, скажем, объединенные народы Гелиума или великая столица Птарса.

Своеобразие уличного освещения Тунола, аналогичного, впрочем, другим городам, я взял на заметку в первый раз этой ночью, когда ждал на посадочной площадке возвращения Вал Зака со сторожем. Яркость света подо мной, казалось, ограничивалась непосредственно освещенным пространством. Не было рассеянного света выше и ниже пределов направляющих каждой лампы. Как мне сказали, это было возможно из-за особой конструкции ламп на основе принципов, найденных в течение столетий исследований световых волн и законов, управляющих ими, что позволило барсумским ученым управлять светом, как мы управляем машинами. Световые волны покидают лампу, проходят вдоль предписанного пути и возвращаются обратно. Нет потерь световой энергии, как ни кажется это странным. Не было сколь-нибудь густых теней, так как если источник света был установлен соответствующим образом и отрегулирован, то волны обходят вокруг объекта, чтобы вернуться в лампу и освещают все стороны его.

Эффект от этого освещения с огромной высоты башни был замечателен. Ночь темна, в этот час на небе не было лун, и было похоже на пребывание перед ярко освещенной сценой в затемненном зале. Я все еще был поглощен наблюдением жизни и колорита города, когда мы услышали голос Вал Зака. То, что он достиг успеха, было очевидным, так как он с кем-то беседовал.

Пятью минутами позже мы выползли из своего тайника и спустились на площадку ниже, где было расположено депо эквилибролетов. Так как воровство практически неизвестно на Марсе, разве что для целей, не связанных получить денежную выгоду от кражи вещей, предосторожностей против него не предпринималось. Поэтому мы нашли двери открытыми. Гор Хаджус и Тар Тарус быстро отобрали четыре эквилибролета и настроили их. Они представляли собой четыре широких пояса, похожих на спасательные круги наших земных океанских лайне-

ров. Пояса эти были заполнены восьмым барсумским лучом, или лучом движущей силы, в достаточной мере, чтобы удерживать силу гравитации и таким путем поддерживать человека в равновесии между этой силой и противостоящей ей, осуществляемой восьмым лучом. К задней части пояса был присоединен маленький радиевый моторчик, управление которым было вынесено на переднюю часть пояса. По обе стороны от верхнего края пояса были жестко прикреплены сильные легкие крылья с маленькими рычагами для быстрого изменения их положения.

Гор Хаджус наскоро объяснил мне метод управлния, но я предполагал, что будут затруднения, и весьма немалые, прежде чем я овладею искусством управления полетом на эквилибролете. Он показал мне, как наклонять крылья при ходьбе, чтобы не отрываться на каждом шаге, и повел меня к кромке посадочной площадки.

- Мы поднимемся здесь, - сказал он. - Будем лететь в темноте и держаться за верхние рычаги аппаратов; попытаемся достигнуть дома моего приятеля незамеченными. Если нас будут преследовать солдаты воздушного патруля, разделимся. Позже те, кто спасется, встретятся на западе у городской стены, где есть маленькое озеро с заброшенной башней на западном берегу. Эта башня будет местом нашего сбора в случае неприятностей. За мной! - он включил мотор и грациозно поднялся в воздух.

Хован Дью последовал за ним. Затем настал мой черед. Я превосходно взлетел на двадцать футов, плывя над городом, лежащим сотнями футов ниже. И вдруг совсем неожиданно перевернулся вверх ногами. Ошибка моя была малюсенькой, я уверен в этом. Но неожиданность сильно испугала меня - я летел вниз головой, совсем беспомощный, а подо мной проносились улицы большого города, не менее приятные, уверен, чем улицы Лос-Анжелеса или Парижа. Мой мотор работал, а я манипулировал рычагами, управляющими крыльями, и вдруг начал описывать разнообразнейшие виды странных петель и спиралей. Тогда Дар Тарус пришел ко мне на помощь. Сперва он приказал мне не двигаться и начал сам управлять манипуляциями каждого крыла, пока я не обрел равновесие. После этого я почувствовал себя достаточно сносно и скоро пристроился в кильватер Гор Хаджусу и Дар Тарусу.

Не буду описывать в деталях полет, больше похожий на парение. Гор Хаджус вел нас на значительной высоте. Здесь, в темноте над городом, моторы несли нас к району величественных зданий, окруженных обширными парками. И тут, через час пути, нас внезапно испугал резкий голос сверху.

- Кто летает по ночам? - спросил голос.

- Друзья Мью Тала, принца дома Кана, - быстро ответил Гор Хаджус.

- Покажите разрешение на ночной полет и летные права, - приказал голос сверху, устремившись сразу же к нам и явив мне в первый раз образ марсианского полисмена. Он был снабжен более быстрым и удобным эквилибролетом, нежели наши. Думаю, что для того, чтобы больше нас поразить и продемонстрировать тщетность наших попыток бежать - он мог дать нам десятиминутную фору, а затем догнать каждого из нас, даже если бы мы разлетелись в разные стороны - он сделал несколько кругов вокруг нас. Парень был похож скорее на воина, чем на полисмена, хотя и был выделен выполнять обязанности, подобные тем, какими заняты наши офицеры полиции - город патрулировался днем и ночью воинами Бобис Кана.

Он спутился уже почти к убийце из Тунола и снова потребовал разрешение и права, направив в то же время свет ему прямо в лицо.

- Клянусь мечом джеддака! - вскричал он. - Фортуна осыпает меня милостями! Кто думал час назад, что никто иной, как я, получу возможность найти Гор Хаджуса и получить высокую назначенную награду?

- Какой-то глупец имел такую мысль, - ответил Гор Хаджус, - но поверь, он также ошибался, как и ты!

Сказав это, он ударил его коротким мечом. Удар пришелся по крылу эквилибролета, разрушив его и нанеся при этом рану в плечо парня. Тот старался спастись бегством, но поврежденное крыло заставляло его лишь крутиться по оси. Он потерял возможность отлететь от нас. Затем он схватился за свисток и дал сигнал, что было в корне пресечено повторным ударом меча Гор Хаджуса, который расколол его череп до переносицы.

- Быстро! - крикнул убийца. - Мы должны спутиться в садах Мью Тала, потому что сигналы привлекут сейчас же рой воздушный патрулей.

Все, я видел, начали быстро снижаться к земле, но я снова оказался в затруднении. Опустив крылья, как хотел, я только слегка двинулся вниз, причем по такому пути, который унес бы меня на значительное расстояние от садов Мью Тала. Меня тащило к одной из возвышенных частей дворца, которая казалась небольшой анфиладой, вырастающей на светящихся металлических опорах из тела здания, стремясь в небо. Со всех сторон я слышал пронзительные свистки ночных патрулей, ответивших на предсмертный призыв товарища, чей труп парил как раз надо

мной, даже после гибели направляя сотоварищей на путь, где они могли сразу найти нас. Я был уверен, что они сразу же обнаружат его, и мы окажемся в тяжелом положении. Судьба моя была решена.

Возможно, я найду выход и сумею пробраться в комнаты, смутно вырисовывавшиеся в тени рядом. Здесь я смог бы укрыться, пока не минет опасность, если бы только незамеченным проникнуть внутрь. Я направил курс на здание; открытое окно обозначилось во мраке, и тут я столкнулся с тонкой проволочной сеткой - защитным занавесом, который парирует нападение убийц с воздуха на эти высоко забравшиеся спальные апартаменты. Я понял, что все потеряно. Если бы я мог достичь земли, я нашел бы укрытие среди деревьев и кустарника, расплывчатые очертания которых я видел в саду барсумского принца. Но я не мог спуститься под достаточным углом, чтобы коснуться земли в пределах ограды парка. Попытка спуститься спиралью привела лишь к тому, что я перевернулся и подскочил вверх. Я думал о том, чтобы распороть пояс и позволить вытечь восьмому лучу, но при моем малом знакомстве с этой странной силой у меня возникло опасение, что такое действие может низвергнуть меня на землю с чрезвычайной скоростью. Все же я решил прибегнуть к этому, как к последнему средству, если не найдется ничего более рационального.

В последней попытке спуститься вниз спиралью я стал подниматься ногами вверх и внезапно столкнулся с чем-то выше себя. Ожидая, что я буду немедленно схвачен патрулем, я отчаянно старался восстановить равновесие и в этот момент обнаружил, что лицо мое коснулось трупа убитого Гор Хаджусом воина. Свистки патрулей звучали уже совсем близко - мое обнаружение было делом нескольких секунд - и вместе со смертью, смотрящей мне в лицо, мне пришел в голову выход из создавшегося затруднительного положения.

Схватив левой рукой доспехи мертвого тунолианина, я выхватил кинжал и пропорол удерживающий пояс в дюжине мест. Как только лучи вышли, тело его начало тянуть меня вниз. Падение было быстрым, но не стремительным, и через несколько секунд мы мягко приземлились на алый газон садов Мью Тала, принца дома Кана, рядом с группой густых кустов. Надо мной звучали трели свистков круживших в воздухе патрулей, а я волочил труп в укромное место вглубь кустов. И не пробыл я даже минуты в безопасности, как яркие лучи прожекторов выстрелили с палубы небольшого патрульного судна, осветив все

вокруг меня. Торопливый блеск их не открыл мне ничего о судьбе моих компаньонов, и я вздохнул с облегчением при мысли, что они тоже, по-видимому, нашли убежище.

Свет недолго поискал в садах и вернулся дальше, как и звуки свистков патрулей; поиски продолжались где-то еще, давая мне уверенность, что я не обнаружен.

Оставшись в темноте, я присвоил оружие мертвого воина, так как мне оно было крайне необходимо, после чего снял свой эквилибролет, который хотел сначала разрушить, но потом пришвартовал к дереву, одному из самых больших в саду, имея впереди возможность, что он может мне еще пригодиться. Теперь, уверенный, что опасность миновала, я вышел из укрытия и принялся искать своих компаньонов.

Держась в глубине тени деревьев и кустов, я пошел к главному зданию, которое смутно вырисовывалось в темноте совсем рядом, потому что полагал, что в этом направлении Гор Хаджус поведет остальных, в направлении дворца Мью Тала. Когда я крался с предельной осторожностью, Турия, ближайшая луна, вырвалась вдруг из-за горизонта, иллюминировав ночь ярким светом. Передо мной была узкая ниша, внутренность которой утопала в глубочайшей тени. Слева от меня был кусочек газона, на котором, красуясь каждой деталью своего ужасающего облика, стояло самое грозное существо, на котором когда-либо останавливались мои глаза. Это была тварь размером с шотландского пони, с десятью короткими ногами и ужасной мордой, имевшей незначительное сходство с лягушачьей, за исключением того, что челюсти были снабжены тремя рядами острых клыков.

Тварь повела носом по ветру и подозрительно фыркнула, а ее огромные шныряющие глаза быстро забегали по сторонам. Это убедило меня, что она, без всяких сомнений, кого-то искала. Это было мое первое знакомство с марсианской сторожевой собакой. Я стал искать убежище в более глубокой тени ниши за своей спиной в тот самый момент, когда глаза чудовища оказались устремленными на меня. Услышав его рычание и увидев готовность к атаке, я почувствовал, что наша первая встреча может оказаться и последней.

Я вытащил длинный меч, как только отступил в нишу, но доставал я его из ножен с чувством полного несоответствия такого оружия с тремя-четырьмястами фунтов воплощенной свирепости. Медленно я отступал в тень, а чудовище надвига-

лось на меня. Когда оно полностью вошло в нишу, спина моя уперлась в твердое препятствие, положившее конец моему дальнейшему отступлению.

IX. ДВОРЕЦ МЬЮ ТАЛА

Когда калот вступил в нишу, я испытал, поверьте мне, все чувства загнанной в угол крысы. Я знал определенно, что бороться в общем-то бесполезно, но все же приготовился сражаться до последнего. Животное было уже почти что около меня, и я готов был надавать себе пощечин за то, что не остался на открытом месте, где было много спасительных деревьев. И тут пришло спасение - рука, протянутая в темноте, схватила меня за доспехи и поспешно затянула в чернильный мрак. Дверь захлопнулась, и сулуэт калота на фоне залитого лунным светом входа в нишу исчез.

Хриплый голос пробурчал около уха: иди за мной. Меня вели по узкому коридору в полной темноте, что я распознал по большому количеству столкновений со стенами то с одной, то с другой стороны. Постепенно поднимаясь, коридор поворачивал внезапно под прямыми углами, и я увидел перед проводником тусклый свет, понемногу нарастающий, пока очередной поворот не привел нас к порогу ослепительной комнаты, изумительной залы, великолепно меблированной и пышно убранной. Описать ее не под силу моему скудному языку.

Золото, слоновая кость, драгоценные камни, удивительные деревянные изделия, блистательные ткани, изумительные меха и поразительная архитектура объединились, чтобы ошеломить мое земное зрение картиной, о которой я не мечтал даже во сне. В центре этого великолепия, окруженные небольшой группой марсиан, находились все три моих компаньона.

Мой проводник подвел меня к ним, и они поспешно повернулись ко мне. Мы с проводником остановились неподалеку от высокого барсумского пэра, блистающего доспехами, покрытыми драгоценностями.

- Принц! - сказал мой проводник. - Не прошло и тала, как я пришел. Как только я открыл дверь, чтобы выйти в сад, я обнаружил его за дверью в обществе одного из сторожевых калотов.

- Хорошо! - воскликнул тот, к которому все обращались как к принцу, и затем он повернулся к Гор Хаджусу: - Мой друг, это тот, о котором вы говорили?

- Это Вад Варо, утверждающий, что он с планеты Джасум, - ответил Гор Хаджус. - Вад Варо, это Мью Тал, принц дома Кана.

Я поклонился, а принц подошел и положил свою правую руку на мое левое плечо. В подлинно барсумском церемониале официального представления церемония закончилась, когда я сделал то же самое. Это было не так просто "Рад видеть", "Как вы поживаете?" или "Как мне приятно видеть вас!"

По требованию Мью Тала я поведал, что произошло со мной с того времени, как я разделился с компаньонами, до того момента, когда один из офицеров выхватил меня из лап надвигающейся трагедии. Мью Тал приказал, чтобы все следы мертвого тела были убраны до рассвета - их обнаружение могло навлечь подозрения на него дяди, Бобис Кана, джеддака Тунола. По-видимому, тот давно ревновал принца из-за его популярности и боязни, что Мью Тал стремится к трону.

Поздно вечером, во время одной из тех тщательно разработанных трапез, которыми так знамениты принцы Барсума, когда навалилась приятная легкость от редких вин, которыми потчевал гостей Мью Тал, я услышал рассуждения принца о дяде-джеддаке, отличавшиеся меньшей сдержанностью, чем это принято в обычной обстановке.

- Пэры давно устали от Бобис Кана, - говорил он. - И народ устал. Он - безрассудный тиран, но он наш наследственный правитель, и его колеблются сместить. Мы - практичный народ, мало подверженный чувствам; до сих пор этого было достаточно, чтобы массы сохраняли верность джеддаку, даже если он этого не заслуживает, а страх перед яростью народа удерживал пэров. Есть даже подозрение, что следующий по линии наследования сделается не меньшим тираном, чем Бобис Кан. Я молод, поэтому считают, что я буду более активным в жестоких и нечестивых делах.

Что касается меня, то я не колебался бы уничтожить своего дядю и захватить его трон, будь я уверен в поддержке армии, потому что с воинами Бобис Кана я мог бы оказать открытое неповиновение режиму Тунола. Именно поэтому я предлагаю дружбу Гор Хаджусу, а не потому, что он может убить моего дядю. Когда я убью его в честной схватке, Гор Хаджус сможет обеспечить мне верность воинов джеддака, потому что велика его популярность среди солдат, которые всегда смотрели на такого великого бойца с почтением и преданностью. Я предоставлю Гор Хаджусу высокое место в Туноле, если он свяжет свою судьбу с моей. Но он сказал, что должен сначала выполнить свое обязательство перед тобой, Вад Варо, и для выполнения твоего

предприятия он попросил меня оказать тебе посильную помощь. Следовательно, я намерен предоставить в ваше распоряжение надежный флайер, который доставит тебя и твоих компаньонов в Фандал.

Это предложение я, естественно, принял, после чего мы начали обсуждать планы нашего отъезда и решили осуществить его в середине следующей ночи, когда обе луны будут за горизонтом. После короткого разговора о снаряжении нам разрешили, по моей просьбе, удалиться, так как я не спал более тридцати шести часов, а мои друзья - двадцать четыре.

Рабы проводили нас в спальные комнаты. Они были великолепно обставлены и располагали роскошными спальными мехами и шелками. Когда рабы ушли, Гор Хаджус тронул кнопку, и комната быстро поднялась на металлических опорах на высоту сорока-пятидесяти футов, автоматически выдвинулась проволочная сетка. Безопасность на ночь была обеспечена.

Следующим утром, после того, как комната опустилась на свой дневной уровень, и до того, как мне было разрешено оставить ее, ко мне пришел раб от Мью Тала; задачей его было окрасить все мое тело в медно-красный цвет, как у моих барсумских друзей. Этот раб снабдил меня такой прекрасной маскировкой, которая, как я хорошо знал, была существенно необходимой для осуществления всего моего замысла. Моя белая кожа неизбежно должна была привлечь внимание ко мне в городах Барсума. Другой раб принес доспехи для Гор Хаджуса, Дар Таруса и меня, а также ошейник с цепью для Хован Хью, человека-обезьяны. То, что нам принесли, несмотря на то, что было сделано из прочного материала и блестяще отделано, было совсем простым, свободным от любых знаков различий, обозначений званий, цветов какого-либо дома или человека. Такие доспехи обычно носят барсумские пантаны, в сущности, наемники, когда не находятся на службе у какой-либо нации или личности. Эти пантаны, люди без родины, странствующие наемники, готовые продать меч тому, кто лучше заплатит. Хотя они не имеют организации, они управляются суровым кодексом чести, и когда они на службе у кого-то, они, за редким исключением, верны ему. Предполагается, что в основном это люди, которые бежали от гнева джеддаков или от правосудия, но среди них есть некоторое количество тех, кто принял такую профессию из любви к вольности и приключениям. Пока им хорошо платят, они - ярые игроки и известные моты, а в результате они почти всегда без денег, и часто, в промежутках между стычками, изобретают странные способы для добывания средств к жизни: факт, который придавал боль-

шое правдоподобие наличию дрессированной белой обезьяны. Это на Марсе не кажется более удивительным, чем на Земле обезьянка или попугай у старого морского волка, только что вернувшегося из плавания в порт.

В этот день я оставался во дворце у принца Мью Тала и провел много времени в его обществе, который находил удовольствие расспрашивать меня об обычаях, политике, культуре, географии Земли, причем со многим из перечисленного, заметил я с удивлением, он был хорошо знаком. Он объяснил это изумительным развитием барсумских астрономических приборов, радиофотографии и радиосвязи; последняя была доведена до такого совершенства, что многие барсумские ученые добились успеха в изучении нескольких земных языков, особенно урду, английского, русского и немного китайского. Несомненно, эти языки первыми привлекли их внимание, потому что на них разговаривало множество людей на огромных пространствах мира и велись массовые радиопередачи по всему земному шару.

Мью Тал принимал меня в маленькой аудитории своего дворца, в которой было что-то от потайных комнат на Земле. Она имела, надо сказать, вместимость около двухсот персон и была постороена как большая камера-обскура: публика сидит внутри инструмента спинами к линзе, а перед ней, заполняя широкий конец комнаты - огромное матовое стекло, на которое отбрасывается наблюдаемое изображение.

Мью Тал облокотился на стол, где была расстелена карта звездного неба. Его свободная рука с указкой витала над картой. Этой указкой он двигал, пока не остановился на том месте, где была Земля, затем выключил в комнате свет. Немедленно на матовой стеклянной пластине показался вид, как будто с аэроплана, летящего на высоте тысячи футов. Это было какое-то странное место - заброшенная и опустошенная страна. Я видел раздробленные пни, аккуратное расположение которых внушало мысль о том, что некогда на этом месте рос фруктовый сад, цветущий и приносящий плоды. Здесь сейчас были огромные дыры в земле. Все вдоль и поперек в паутине колючей проволоки. Я спросил Мью Тала, как стало возможным передать изображение с другой планеты. Он зажег маленькую радиевую лампочку, стоявшую между нами, и я увидел шар - глобус Земли - и короткую указку-палочку, зафиксированную на нем.

- Сторона этого глобуса, которая перед тобой, представляет обращенное к нам полушарие Земли, - объяснил Мью Тал. - Заметь, что шар медленно вращается. Коснись вот этой указкой глобуса в точке, которую хочешь увидеть - и ты все увидишь!

Я двигал указку очень осторожно, и картина понемногу менялась. В поле зрения я увидел нескольких людей, бредущих через руины. Это не были солдаты. Несколько дальше я наткнулся на окопы и блиндажи - здесь тоже не было солдат. Кое-где в деревнях были солдаты - французы, но в окопах их нигде не было. Не было и немецких солдат, не было битв. Значит, война кончилась! Я перевел указку к реке Рейн и пересек его. В Германии были солдаты - французские, английские и американские. Они победили в войне! Я был счастлив, но все это казалось таким далеким, таким нереальным, как будто никогда люди не сражались. Все это было похоже на иллюстрации к роману, прочитанному давным-давно.

- Ты, кажется, очень интересуешься этой страной, разодранной войной, - заметил Мью Тал.

- Да, - сказал я ему. - Я сражался в этой войне. Возможно, был убит. Не знаю.

- И вы победили?

- Да, мои сограждане победили, - ответил я. - Мы боролись за великие принципы, за мир и счастье во всем мире. Надеюсь, боролись не напрасно!

- Если ты имеешь ввиду надежду, что вы сражались и победили, и что настанет теперь вечный мир, то такая надежда тщетна. Война никогда не приведет к миру - лишь к более страшным войнам. Война - естественное состояние природы: безумие бороться против нее. Мир должен быть признан лишь как время для подготовки к главному делу человеческого существования. Не будь постоянной непримиримости одной формы жизни к другой и даже внутри одной формы, планеты так переполнятся жизнью, что она сама задушит себя. Мы на Барсуме считаем,что долгие периоды мира приносят бедствия и странные болезни, убивающие больше людей, чем может быть убито на войне, причем много более ужасным и мучительным путем. Это- не наслаждение, не награда какого- либо рода- умереть в постели от отвратительной болезни . Мы все должны умереть. Так давайте выйдем и умрем в великой и волнующей забаве и освободим место для миллионов, следующих за нами. Мы очищаем Барсум. Мы не можем без войн!!!

Мью Тал многое рассказал мне в тот день о своеобразной философии барсумиан. Они верили, что не может быть хорошего дела, совершенного без эгоистических мотивов. У них не было бога и религии. Они, как и все образованные марсиане, верили, что человек произошел от Древа Жизни, но в отличии от большинства обитателей планеты, не верили, что Древо Жизни со-

здал всемогущий. Они утверждали, что только неудача есть грех, успех, как бы ни был он достигнут, всегда достоин похвалы. Однако, как это ни парадоксально, они никогда не нарушали данного им слова. Мью Тал объяснил, что они иногда преодолевают результаты этой деградирующей слабости, этого сентиментального вздора, но редко.

По мере того, как я все лучше и лучше узнавал, особенно Гор Хаджуса, я начинал осознавать, что многое из их подчеркнутого презрения к тонким чувствам было показным. Верно, что воспитание в течение долгих поколений должно было атрофировать в некоторой степени эти особенности сердца и души, которые благороднейшие среди нас так высоко почитают, верно, что узы дружбы слабы, что кровное родство не пробуждает высоких чувств ответственности или любви между родителями и детьми. Несмотря на это, Гор Хаджус был существенно человеком чувств, хотя, несомненно мог пронзить сердце того, кто отважился бы обвинить его в этом, и таким действием он сразу же доказал бы истинность обвинения. Его гордость за свою репутацию, как честного и верного человека, выдавала в нем человека сердца так же точно, как его попытка поддержать репутацию бессердечного человека выдавала в нем человека чувств. Во всем этом он был типичным представителем тунолианской верхушки. Они отрицали божество, но поклонялись фетишу науки, которой они позволили овладеть ими так же пагубно, как религиозным фанатикам - воображаемые боги. Итак, со всем своим хваленым знанием они были разумными только потому, что были лишены душевного равновесия.

Когда день стал подходить к концу, я стал все более беспокоиться об отправлении. Далеко к востоку за необитаемыми пространствами топей лежал Фандал, а в Фандале - прекрасное тело девушки, которую я любил и которой поклялся вернуть пренадлежавшее ей по праву тело.

Кончилась вечерняя трапеза, и сам Мью Тал проводил нас в ангар в одной из башен дворца. Здесь мастеровые подготовили для нас флайер,убрав за день все знаки его настоящей принадлежности, даже слегка изменив его линии, так, чтобы в случае нашего пленения имя Мью Тала никоим образом не могло быть связано с экспедицией. Была погружена провизия, включая множество сырого мяса для Хован Дью. Когда последняя луна исчезла за горизонтом и наступила темнота, скользнула в сторону панель башни против носа флайера. Мью Тал пожелал нам удачи, и корабль бесшумно выскользнул в ночь. Флайер, как и многие его типа, был без кубрика или рубки; низкие металличе-

ские перила увенчивали его планшир, на палубе были расставлены тяжелые рамы, - за них экипаж должен был держаться или прикрепляться к ним посредством специальных крючков на доспехах. Низкие щиты с уклонами назад давали некоторую защиту от ветра. Мотор и приборы управления были вынесены наружу, так как пространство под палубой было занято баллонами, обеспечивающими плавучесть. В этом типе флайера все принесено в жертву скорости. и потому на борту нет комфорта. При полете на высоких скоростях каждый член экипажа лежит ничком на палубе на отведенном ему месте для поддержания необходимого порядка и крепко цепляется за свою драгоценную жизнь. Этот туколианский аппарат не был самым быстроходным на Барсуме. Как мне говорили, он во многом уступал кораблям таких наций, как Гелиум или Птарс, в течение столетий посвятивших себя совершенствованию флота. Но он был достаточно хорош для нашей цели, при выполнении которой мы не должны были столкнуться с судами более высокого класса. Но для меня он был все же слишком быстр. В сравнении с медленно плывущим "Воссаром" он, казалось, мчался как стрела, выпущенная из лука.

Мы не потеряли времени на маневры, а врубили полный ход и отправились прямо на восток, в Фандал. Едва мы проскочили над садами Мью Тала, как встретились с первыми приключениями. Мы пронеслись мимо одинокой фигуры, парящей в воздухе. Тут же последовал пронзительный свисток воздушного патрульного. Ядро просвистело мимо нас, не причинив, впрочем, вреда, но мы уже ускользнули. А через несколько секунд я увидел внизу и вверху лучи прожекторов, шарящих в небе.

- Патрульное судно! - крикнул Гор Хаджус мне на ухо.

Хован Дью зарычал дико и потряс цепочкой ошейника. Мы мчались на полной скорости, веря в богов, больших и малых, молясь, чтобы безжалостные глаза света не нашли нас. Но это случилось. Через несколько секунд луч света упал на нашу палубу сверху и прицепился, не отставая. Патрульный бот снижался к нашему уровню, в то же время сохраняя высокую скорость и следуя курсом, идентичным нашему. Затем, к нашему ужасу, корабль открыл огонь разрывными снарядами. Эти снаряды содержали сильную взрывчатку, детонирующую от световых лучей, когда нарушается от удара их непрозрачная оболочка. Следовательно, чтобы снаряд был эффективен, необязательно прямое попадание. Если он даже чиркнет по корпусу или палубе корабля, или по чему- либо твердому около цели, он причинит значительно больший ущерб, сжигая целую группу людей, чем ударив в одного из них, так как в первом случае он взрывается

от нарушения его оболочки, убивая или раня нескольких. А если он входит в тело одного человека, световые лучи не могут достичь его, и тогда он производит разрушений не больше, чем простая болванка. Лунный свет недостаточно силен, чтобы сдетонировать эту взрывчатку. Когда этими снарядами стреляют ночью, то если они не тронуты мощными лучами прожекторов, они начинают взрываться при восходе солнца, делая поле битвы в этом случае опаснейшим местом, даже если сражающиеся стороны не находятся больше здесь. Извлечение из тела раненых неразорвавшихся снарядов также влечет за собой взрыв и делает эту операцию рискованнейшей, которая может привести к смерти и пациента, и хирурга.

Дар Тарус, будучи у пульта управления, повернул нос нашего флайера вверх, прямо к патрульному судну, и одновременно закричал нам, чтобы мы сконцентрировали огонь на его пропеллерах. Что до меня, то я не мог видеть почти ничего из- за ослепляющего света прожекторов, и я палил по нему из странного оружия, которое я первый раз увидел несколько часов тому назад, когда оно было вручено мне Мью Талом. Мне казалось, что этот всепроникающий глаз представляет наибольшую опасность. Если бы мы могли ослепить его, патрульное судно утеряло бы все свои преимущества. Итак, я направил оружие прямо на прожектор, нажимая пальцем на кнопку, управляющую огнем. Хаджус стоял на коленях, и его оружие плевалось пулями по патрульному судну. Руки Дар Таруса были заняты управлением, а Хован Дью сидел на корточках на носу и рычал.

Вдруг Дар Тарус тревожно вскрикнул:

- Разбито управление, - заорал он. - Мы не можем изменить курс - корабль никуда не годится!

Почти в тот же миг погас прожектор - одна из моих пуль попала в него . Мы были теперь совсем близко к врагам и слышали их гневные крики. Наш собственный аппарат,неуправляемый, быстро приближался к борту неприятельского судна. Казалось, что если мы не столкнемся с ним, то пройдем у него прямо под килем. Я спросил Дар Таруса, может ли быть наш корабль отремонтирован.

- Мы могли бы починить его, если бы у нас было время, - ответил он. -Но это заняло бы часы. Все военно-воздушные силы Тунола навалятся за это время на нас.

Дар Тарус засмеялся.

- Ты прав, Вад Варо, но где мы найдем его? - произнес он.

Я указал на патрульное судно.

- Мы не должны искать его далеко, - сказал я.

- А почему бы и нет? - воскликнул Дар Тарус, пожав плечами. - Это была бы прекрасная схватка и достойная смерть!

Гор Хаджус хлопнул меня по плечу.

- К смерти, мой капитан! - закричал он. Хован Дью затряс цепями и захохотал.

Корабли близко сближались. Мы прекратили огонь, опасаясь повредить корабль, который надеялись использовать для бегства. По каким-то неясным причинам прекратила огонь и команда патруля - я так и не понял, почему. Мы двигались по линии, которая должна была привести нас прямо на другой корабль. Я решил взять его на абордаж любой ценой. Я видел, что его килевые абордажные снасти свешивались с него, готовые спуститься на палубу жертвы, когда первый из абордажных крюков уцепится за добычу. Несомненно, они уже поставили людей к крюкам и, как только мы очутимся под ними, стальные щупальца протянутся и схватят нас, а команда ринется вниз по абордажным крюкам на нашу палубу.

Я позвал Хован Дью, и он подполз ко мне. Я на ухо прошептал ему инструкции. Когда я кончил, он кивнул головой и зарычал низким голосом. Я сбросил крючки приспособлений, удерживавших меня на палубе, и пополз вместе с обезьяной к носу, после чего я проинструктировал Гор Хаджуса и Дар Таруса. Мы были теперь почти что под палубой патрульного судна. Я мог видеть его абордажные крючья, приготовленные для атаки. Наш нос подошел под корму вражеского аппарата. Был близок момент, которого мы так ждали. На палубе патруля уже не могли меня видеть. Абордажные крючья медленно качались в пятнадцати футах над нашими головами. Я прошептал слова команды обезьяне, мы пригнулись и одновременно прыгнули на крюки. Это казалось сумасшедшим риском - неудача означала верную смерть, но я понимал, что если один из нас или двое смогут достичь палубы корабля противника, когда его команда будет занята другим делом, плата за риск будет оправданной. Гор Хаджус гарантировал, что на борту патрульного судна не более шести человек, причем один обязательно находится у пульта управления, а остальные поставлены к абордажным крючьям. Момент был исключительно благоприятен для попытки обосноваться на палубе вражеского судна.

Я и Хован Дью прыгнули, и фортуна улыбнулась нам, хотя гигантская обезьяна с трудом дотянулась до крюка протянутой лапой. Мои мускулы землянина донесли меня до цели очень легко. Вместе мы стали подниматься, как условились заранее - он по правому борту, я - по левому. Пусть я и был более провор-

ным прыгуном - Хобан Дью превосходил меня в искусстве лазания. В результате он достиг поручней и карабкался выше, в то время как мои глаза были еще ниже уровня палубы, что, возможно, было счастьем для меня, так как я случайно лез на палубу там, где один из экипажа, не зная обо мне, стоял у абордажных принадлежностей. Не будь его внимание отвлечено в сторону одного из товарищей, первым увидевшего свирепую морду Хобан Дью, он мог бы уничтожить меня одним ударом прежде, чем я даже смог бы поставить одну ногу на палубу.

Обезьяна появилась перед тунолианским воином, и этот парень издал крик удивления и попытался вытащить меч, но обезьяна всей громадой надвинулась на него, и когда мои глаза очутились вровень с перилами, я увидел, как могучий антропоид схватил несчастного за доспехи, подтащил к краю палубы и швырнул вниз. Моментально мы оба очутились на палубе и приготовились к защите. Остальные члены экипажа, оставив свои места, ринулись к нам, чтобы сбросить нас с палубы. Однако, думаю, что вид огромного антропоида, свирепость которых они знали, оказывал деморализующий эффект на них, потому что они колебались - каждый, казалось, желал предоставить товарищу честь первым встретить его и умереть. Но, хотя и медленно, они приближались. Я с удовлетворением наблюдал эти колебания, так как они полностью совпадали с разработанным мною планом, существенно зависящим от того, смогут ли достигнуть палубы патрульного корабля Гор Хаджус и Дар Тарус, когда наш корабль подойдет достаточно близко к неприятельскому, чтобы они могли ухватиться за абордажные крючья, использовав их, подобно нам.

Гор Хаджус предупредил меня, чтобы я уничтожил человека у приборов управления возможно быстрее, так как самым первым его побуждением, в случае нашего успеха, - повредить их. Поэтому я ринулся на него и до того, как он успел что-либо сделать с ними, зарубил его. Теперь их было четверо против нас двоих, и мы ждали, выигрывая время, чтобы наши товарищи добрались до палубы.

Четверо двигались медленно и были уже почти на расстоянии удара, когда я увидел голову Гор Хаджуса, показавшуюся над поручнями, а за ним голову Дар Таруса.

- Смотрите, - крикнул я врагам. - Сдавайтесь сейчас же!

Один из них повернулся, чтобы посмотреть, и то, что он увидел, вызвало у него восклицание изумления.

- Это Гор Хаджус! - вскричал он и затем обратился ко мне. - Каковы ваши намерения по отношению к нам, если мы сдадимся?

- Мы не имеем вражды к вам, - ответил я. - Мы лишь хотим покинуть Тунол и мирно продолжить наш путь. Мы не причиним вам вреда.

Он повернулся к своим товарищам, а трое моих компаньонов продолжали молча ждать. Несколько минут четверо воинов негромко беседовали между собой, затем тот, кто говорил первым, обратился ко мне.

- Мало есть таких тунолианцев, - сказал он, - которые не мечтали бы служить Гор Хаджусу, о котором мы думали, что он давно мертв, но сдача корабля означает для нас несомненную смерть, когда мы доложим о нашем поражении в штаб. С другой стороны, продолжая оборону здесь, на палубе этого флайера, мы будем непременно убиты. Если ты гарантируешь нам, что твои планы не касаются безопасности Тунола, я могу сделать предложение, которое обеспечит каждому то, что нужно: бегство для вас, безопасность для нас.

- Мы только жаждем покинуть Тунол, - сказал я. - От того, что я хочу делать, никакого ущерба Тунолу не будет.

- Хорошо! И куда вы собираетесь лететь?

- Этого я не могу вам сказать.

- Если примешь наше предложение, можешь верить нам, - сказал он. - Оно заключается в том, что мы на этом корабле переправляем вас к вашей цели, после чего возвращаемся в Тунол, и докладываем, что вступили с вами в бой, и после долгого преследования, в котором двое из нашего экипажа были убиты, вы ускользнули от нас в темноте и скрылись.

X. ФАНДАЛ

Следующей ночью тунолианская команда высадила нас внутри городской стены Фандала, следуя указаниям уроженца этого города Дар Таруса, который был воином гвардии джеддары, а до того служил в крошечном флоте этой страны. То, что он был знаком с каждой деталью фандалианской обороны и системы воздушных патрулей, помогло нам приземлиться необнаруженными. Тунолианский корабль поднялся и улетел, очевидно, тоже незамеченным.

Нашей посадочной полосой была крыша низкого здания, построенного у внутренней стороны городской стены. С этой крыши наклонным коридором Дар Тарус повел нас вниз на улицу, которая в этом месте была совершенно пустынной. Она была

узкой и темной. С одной стороны она граничила с невысокими постройками у городской стены, с другой - застроена зданиями, многие из которых не имели окон и не были освещены. Дар Тарус объяснил, что выбрал это место для проникновения в город, так как это был район складов и, будучи людским муравейником днем, ночью почти всегда пустынен, даже сторожей не требовалось ввиду полного отсутствия на Барсуме воровства. Окольными путями он довел нас в конце концов до секции магазинов второго сорта, столовых, часто посещаемых простыми солдатами, ремесленниками и рабами, где мы, естественно, могли привлечь внимание лишь благодаря любопытству, вызванному присутствием Хован Дью. Так как мы не ели с момента отлета из дворца Мью Тала, первым нашим замыслом было плотно закусить. Мью Тал снабдил Гор Хаджуса деньгами, поэтому средства удовлетворить наши потребности у нас были. Первую остановку мы сделали у небольшого магазинчика, где Гор Хаджус приобрел фунтов пять мяса для Хован Дью. Затем мы отправились в трактир, который знал Дар Тарус. Сначала хозяин не хотел разрешать ввести нам внутрь Хован Дью, но в конце концов, после долгих убеждений, он позволил нам запереть его во внутренней комнате. И там Хован Дью вынужден был остаться со своим мясом, пока мы сидели у стола во внешней комнате.

Я сказал Хован Дью, что свою роль он сыграл хорошо, и никто, ни хозяин гостиницы, ни многочисленная толпа, собравшаяся послушать перебранку, не смогли угадать, что тело огромного свирепого животного одушевлено человеческим мозгом. Действительно, только во время еды или драки обезьяний мозг проявляет, казалось, некоторое влияние на него, но все же, несомненно, он окрашивал его поведение, объясняя в некоторой степени молчаливость и быстроту, с которой он раздражался, а также то, что он никогда не улыбался и, казалось, не понимал юмора ситуации. Он уверял меня, что никогда не улыбался, но все же человеческая половина мозга не только понимает, но и наслаждается веселыми эпизодами и происшествиями нашей авантюры, остроумными рассказами и анекдотами, которые выдавал нам Гор Хаджус, наемный убийца, но его обезьяний рот был свойственен только антропоиду и анатомия не развила мускулов, которыми можно было бы физически выразить это.

Мы пообедали с аппетитом, хотя пища была простой и грубой. Мы были рады избежать назойливого любопытства болтливого, любящего посплетничать хозяина, который засыпал нас настолько большим количеством вопросов о наших прошлых подвигах и будущих планах, что Дар Тарус, бывший у нас здесь

первым говоруном, вынужден был давать быстро сфабрикованные ответы, заботясь об их последовательности и правдоподобии. Однако, поев, мы сбежали от его любопытства на улицу. Дар Тарус повел нас в меблированные комнаты, ему известные. По дороге мы проходили мимо здания удивительной красоты, в которое и из которого постоянно лились потоки людей, и когда мы оказались перед ним, Дар Тарус попросил нас подождать, пока он не вернется. Я спросил его, почему. Он сказал, что это храм бога Тура, бога, почитаемого всем народом Фандала.

- Я долгое время был далеко, - сказал он, - и не имел возможности оказать почтение моему богу. Я не заставлю вас ждать долго. Гор Хаджус, не одолжишь ли ты мне несколько кусочков золота?

В молчании тунолианин достал несколько кусочков золота и вручил их Дар Тарусу, но я видел, что он с трудом выражал равнодушие, а не презрение, ведь тунолиане - атеисты.

Я спросил Дар Таруса, могу ли я сопровождать его в храм, и это, по-видимому, ему очень понравилось. Итак, мы влились в поток, приближающийся к широкому входу. Дар Тарус дал мне два кусочка золота и приказал следовать позади него и делать то же, что и он. Прямо в проходе главного входа, развернувшись поперек с интервалами, позволяющими верующим проходить между ними, стояла линия жрецов, все тело которых, включая головы и лица, было покрыто белой мантией. Напротив каждого из них была прочная подставка, на которой покоился денежный ящик. Когда мы приблизились к одному из них, то вручили жрецу кусочек золота, который он немедленно заменил на множество кусочков меньших размеров, один из которых он уронил в ящик около себя, после чего сделал несколько пассов руками над нашими головами, погрузил руку в чашу с грязной водой и вытер о концы наших носов, пробормотав при этом несколько слов, которых я не понял, и повернулся к следующему в очереди, а мы прошли внутрь огромного храма. Никогда я не видел таких богатых и обильных украшений, представших моим глазам здесь, в первом храме Тура, в который судьбе моей было угодно меня завести.

Огромный зал не нарушался не единой колонной, и в нем были расположены через правильные интервалы разные статуи на пышных пьедесталах. Некоторые из них изображали мужчин или женщин, многие из них были прекрасны; были статуи животных и странных, просто гротескных существ, а некоторые из них в самом деле были просто ужасны. Первой, к чему мы подошли, была прекрасная женская фигура. Около ее пьедестала лежало

ничком множество мужчин и женщин. Они ударяли головами по полу семь раз, затем поднимались и опускали монетку в специально поставленный ящик, потом продвигались к следующей фигуре.

Второе изображение, которое мы с Дар Тарусом посетили, был человек с телом силиана, у пьедестала которого была расположена серия горизонтальных деревянных полос в концентрических окружностях. Полосы были в пяти футах над землей, а с них свешивались ноги множества мужчин и женщин, монотонно повторявших снова и снова что-то, что для меня звучало как "Биббл-баббл-блап".

Мы с Дар Тарусом повисли на кольцах, как и остальные, бормоча бессмысленную фразу минуту или две, затем спрыгнули, опустили по монетке в ящик и двинулись дальше. Я спросил Дар Таруса, что за слова он повторял и что они означают, но он, казалось, был шокирован моим вопросом и сказал, что такой вопрос - святотатство и указывает на отсутствие веры. У следующей фигуры мы заметили людей, которые как безумные ползали по кругу вокруг пьедестала. Они проползали семь раз, клали монетку, и продолжали путь. У другой статуи люди вертелись, приговаривая: "Тур есть, Тур есть, Тур есть, Тур", и опускали деньги в золотую чашу, когда кончали.

- Какой это был бог? - прошептал я Дар Тарусу, когда он отдалился от последней фигуры, которая не имела головы, а лишь глаза, нос и рот в центре живота.

- Это только единый бог, - ответил Дар Тарус торжественно, - и он есть Тур!

- Что такое Тур? - настаивал я.

- Молчи, человек! - прошипел Дар Тарус. - Тебя разорвут на куски, если услышат такую ересь!

- О, извините! - воскликнул я. - Я никого не собирался оскорблять. Я вижу теперь, что это один из ваших идолов.

Дар Тарус зажал мне рот рукой.

- Тс-с-с! - прервал он меня и призвал к молчанию. - Мы не поклоняемся идолам. Это единый бог, и он есть Тур!

- Ладно, но что же тогда это? - упорствовал я, взмахнув рукой и охватив в своем жесте несколько дюжин статуй, около которых толпились тысячи поклонников.

- Мы не должны спрашивать! - уверял он меня. - Достаточно нашей веры, что все дела Тура праведны и справедливы. Пойдем, я все скоро кончу, и мы присоединимся к нашим компаньонам.

Он повел меня к следующей статуе монстра со ртом, простиравшимся вокруг головы. Он имел длинный хвост и женские груди. У этой статуи было особенно много людей, и каждый из них стоял на голове. Они бесконечно повторяли: "Тур есть, Тур есть, Тур есть, Тур". Когда мы проделали это в течение нескольких минут, причем я, черт возьми, с трудом сохранял равновесие, мы вновь приняли нормальное положение, кинули монетку в ящик и продолжали путь.

- Теперь можно идти, - сказал Дар Тарус. - Я сделал перед Туром все, что должен был.

- Я заметил, - сказал я, - что мы повторяли перед последней фигурой ту же фразу, что и раньше.

- О нет! - воскликнул Дар Тарус. - Наоборот, они говорили как раз обратное тому, что у предшествующей фигуры. У той они говорили "Тур есть", а у этой повернули ее наоборот: "Тур есть Тур". В этом большая разница.

- Для меня это звучит одинаково, - настаивал я.

- Это потому, что у тебя отсутствует вера, - сказал он печально, и мы вышли из храма, положив последнюю монету в ящик. Их вокруг стояло много, набитых доверху деньгами, кусочками золота и другими драгоценностями.

Гор Хаджус и Хован Дью ожидали нас с нетерпением в центре огромной толпы любопытных, среди которых было много воинов со знаками различия Заксы, джеддары Фандала. Они хотели видеть трюки Хован Дью, но Дар Тарус сказал им, что он устал и настроение у него угрожающее.

- Завтра, - сказал он, - когда он отдохнет, я выведу его на улицу, чтобы развлечь вас.

С трудом мы вырвались из толпы и скрылись. По тихим улицам, окольными путями, пошли в ночлежку, где заточили Хован Дью в маленькую комнатку, тогда как остальных рабы привели в большую спальню, где для нас были приготовлены постели из мехов и шелков на низкой платформе. Она окружала комнату по периметру и оставляла незанятым только выход. Здесь уже спало некоторое количество народу, а два вооруженных раба патрулировали в проходе, охраняя гостей от убийц.

Было еще очень рано, и некоторые жильцы разговаривали тихим шепотом, так что я попытался занять Дар Таруса беседой о религии, которой был очень заинтересован.

- Таинства религии всегда пленяли меня, Дар Тарус - сказал я.

- Ах, - воскликнул он, - в том и красота религии Тура, что она и не имеет таинств. Она проста, естественна, научна, каждое слово ее доказано на страницах Турана, великой книги, написанной самим Туром.

- Дом Тура - Солнце, - продолжал он. - Сотни тысяч лет тому назад он сделал Барсум и бросил его в пространство. Затем он развлекался созданием людей в различных формах и двух полах, позднее он сформировал животных, чтобы была пища для человека. Он заставил появиться воду и растительность, чтобы люди и животные могли пить, есть и жить. Разве ты не видишь, как все это просто и научно?

Но немного раньше Гор Хаджус рассказал мне кое-что о религии Тура. Однажды, когда Дар Таруса не было рядом, он сказал:

- Фандалиане утверждают, что Тур создал все живое своими руками. Они отрицают, что человек обладает силой воспроизводить свой род и учат своих молодых, что вера в это отвратительна. Они всегда скрывают случаи естественного появления потомства, настаивая, особенно в старости, что то, чему были свидетелями их глаза и что испытывали их тела при произведении потомства, никогда не случалось. Туран учит их, что Барсум плоский, а жрецы запрещают мыслить народу, категорически отрицая каждое доказательство противного. Жители не уезжают далеко от Фандала из боязни свалиться с края мира; жрецы не разрешают развивать аэронавтику, потому что если бы один из кораблей отправился в кругосветное путешествие вокруг Барсума, это было бы кощунством в глазах Тура, сделавшего Барсум плоским.

Жителям Фандала не позволяют использовать телескопы, потому что Туран учит их, что нет других миров, кроме Барсума, и смотреть на небо и искать там планеты было бы ересью. Жрецы также не позволяют в школе учить историю Барсума, которая предшествовала созданию его Туром, хотя Барсум имеет очень достоверно записанную историю, которая начинается более сотни тысяч лет назад; не позволяют они и изучать географию Барсума, за исключением той, которая дана в Туране. И не допускают они никаких научных исследований в биологии.

Туран - их единственное руководство. Если чего нет в Туране, то, по их мнению, это - дикая ложь.

Многое из всего этого и даже больше я собрал из различных источников во время моего краткого пребывания в Фандале, люди которого, поверьте, менее всего цивилизованы из всех красных наций Барсума. Отдавая, как они делают, все лучшие

мысли делам религиозным, они стали невежественными, бросались из одной крайности в другую, но все же направленную на религиозный пафос, в то время как тунолиане были полной противоположностью им.

Однако я прибыл в Фандал не для того, чтобы изучать его культуру и религию, а чтобы выкрасть королеву, и эта мысль доминировала, когда я проснулся на следующее утро - мое первое утро в Фандале. Позавтракав, мы отправились ко дворцу на разведку, причем Дар Тарус привел нас в точку, откуда он легко мог указать нам путь, так как не отваживался сопровождать нас в непосредственные окрестности дворца и парка. Ведь тело, которым он сейчас обладал, принадлежало хорошо известному в Фандале пэру.

Было условлено, что Гор Хаджус действует как оратор и поводырь обезьяны. Договорившись, мы попрощались с Дар Тарусом и отправились втроем по прекрасному широкому проспекту, ведущему прямо к воротам дворца. Мы выдумывали и репетировали номера, которые собирались представлять и которыми надеялись обеспечить успех, позволивший бы нам проникнуть во дворец законным путем через его двери и добиться представления джеддаре.

Когда мы бродили с кажущейся беспечностью по улицам, я имел достаточную возможность насладиться новыми и прекрасными видами этого бульвара дворцов. Солнце освещало яркие алые газоны с пышно цветущими пималиями и десятками других редких видов барсумских цветов. Сама улица была почти полностью затенена удивительными образцами сорапусов. Спальные комнаты зданий были опущены на дневной уровень, и с балконов свисали восхитительные шелка и меха, проветриваемые на солнце. Рабы оживленно суетились в садах. На многих террасах сидели женщины с детьми. Среди детей мы вызывали восторг и ажиотаж, точнее, вызывал Хован Дью. Взрослые смотрели на него без интереса. Некоторые хотели задержать нас, чтобы мы повторили наши номера, но мы неуклонно продвигались ко дворцу, потому что нигде, кроме него, мы не имели возможности выполнить наш план в Фандале.

У дворцовых ворот была обычная толпа, так как в конце концов человеческая природа везде одинакова, будь его кожа белой или черной, желтой или коричневой, на Земле или на Марсе. Толпа перед воротами джеддары в значительной степени состояла из посетителей из той части верхних Тунолских Болот, которая была верна фандалинской королеве. Как и все провинциалы, они жаждали посмотреть на блеск королевского окруже-

ния. Но, тем не менее, они заинтересовались бы и ужимками обезьяны, и потому мы имели здесь готовую аудиторию, ожидающую нашего прибытия. Их естественная боязнь огромного животного заставила их податься немного назад при нашем появлении, так что образовался пустой проход до самых ворот, и здесь мы встали, а толпа сомкнулась за нами, образуя полукруг. Гор Хаджус звучно сообщил им, так, чтобы услышали воины, ведь мы пришли развлекать не толпу, а именно их:

- Мужчины и женщины Фандала, посмотрите на двух бедных пантанов, которые, рискуя жизнью, пленили и обучили одного из наиболее свирепых и диких, и в то же время наиболее смышленый образчик белой обезьяны Барсума, когда-либо виденный вами в прирученном состоянии, и с огромным трудом доставленный в Фандал для вашего развлечения и вам в назидание. Друзья мои, эта удивительная обезьяна одарена человеческим разумом: она понимает каждое обращенное к ней слово. При вашем любезном внимании я попытаюсь продемонстрировать замечательную понятливость этой дикой твари - понятливость, которая развлекала коронованных особ Барсума и озадачивала умы лучших его ученых.

Думаю, что Гор Хаджус выступал недурно, точнее прямо как настоящий артист. Я невольно улыбался, слушая здесь, на Марсе, знакомые фразы - им я обучил его из моего земного опыта, вспоминая посещения деревенских ярмарок и увеселительных парков. Эти зазывания звучали так нелепо в устах убийцы из Тунола. Но они, очевидно, заинтересовали зрителей и произвели на них впечатление - шеи были вытянуты, молчание было серьезным и выжидающим. Даже лучше - несколько воинов Гвардии Джеддары навострили уши через ворота, и среди них был один офицер.

Гор Хаджус заставлял Хован Дью ложиться и вставать при командах "лечь" и "встать", подниматься на одну ногу и показывать количество пальцев, которые он поднимал с рычанием; эти простые трюки были только путем, ведущим к замечательным достижениям, которые мы надеялись показать при аудиенции у джеддары. Гор Хаджус построил выступление очень интересно. Он попросил комплект оружия и доспехов у человека из толпы и заставил Хован Дью облачиться в них и фехтовать с ним, после чего мы и в самом деле услышали восклицания удивления.

Удивление охватило не только толпу, но и солдат джеддары.

Офицеры Заксы вместе с воинами приблизились к воротам и превратились в заинтересованных зрителей, и это было именно то, чего мы ожидали. Теперь Гор Хаджус был готов к финальному трюку, обнаруживавшему разум у Хован Дью.

- Эти мелочи, которым вы были свидетелями, и на самом деле мелочи, - вскричал он. - Почему? Да эта удивительная тварь может даже читать и писать. Она была поймана нами в опустевшем городе около Птарса и знает язык этой страны. Есть ли среди зрителей кто-нибудь, кто прибыл из этой далекой страны?

Какой-то раб громко произнес: - Я из Птарса.

- Хорошо, - сказал Гор Хаджус. - Напиши указание о каких-либо действиях и вручи обезьяне. Я отвернусь, чтобы и вы, и она не видели, что я не могу помогать ей каким-либо способом.

Раб вытащил дощечку из поясной сумки и что-то коротко написал, затем вручил записку Хован Дью. Обезьяна прочла написанное и без колебаний быстро двинулась к воротам и передала ее офицеру, стоящему по другую сторону ограды. Ограда и ворота были сконструированы из сварных полос металла в причудливый рисунок, так что они не представляли препятствия взглядам и мелким предметам. Офицер взял послание и осмотрел его.

- Что оно гласит? - потребовал он от написавшего его раба.

- Оно гласит, - отвечал последний, - возьми эту записку и передай ее офицеру, стоящему в воротах.

Из всех частей толпы прозвучали возгласы удивления, и Хован Дью вынужден был повторить свое представление несколько раз с записками разного содержания, причем офицер все время проявлял огромный интерес к его выступлениям.

- Это удивительно! - сказал он наконец. - И джеддару развлечет представление с этим животным. Ждите здесь, пока я передам ей, что она сможет, если пожелает, приказать допустить вас.

Ничто не могло устроить нас больше. Мы ждали с нетерпением, пока посыльный вернется, а пока мы ждали, Хован Дью продолжал мистифицировать аудиторию доказательствами своего огромного обезьяньего интеллекта.

XI. ЗАКСА

Офицер вернулся, ворота распахнулись, и нам скомандовали войти во двор Заксы, джеддары Фандала. После этого события все происходило с большой скоростью - удивительные и неожи-

данные события. Нас вели через запутанный лабиринт коридоров и комнат, пока у меня не создалось впечатление, что нас нарочно запутывают. Я не убежден в том, было ли такое намерение, но факт остается фактом. Я не мог восстановить в памяти внутреннего расположения дворца. Мы рассчитывали, попав во дворец, замечать все, что могло быть существенным для бегства, но когда я шепотом спросил Гор Хаджуса, может ли он найти дорогу назад, он уверил меня, что запутался также, как и я.

Дворец не был красивым ни в каком смысле, не был он также и особенно украшен. Работы фандалианских художников тяжелы и угнетающи, без проявления какой-либо одаренности. Картины, изображающие в основном религиозные сцены, иллюстрирующие сцены из Турана - фандалианской библии - в большинстве своем были серией монотонных повторений. Одна тема повторялась в них снова и снова, показывая создание плоского Барсума и швыряние его Туром в пространство, что очень напоминало повара, отправляющего блин в рот ребенка.

Также было много росписей - сцен из жизни дворца, изображающих королевскую семью в различных позах. Заметно, что более поздние картины, в которых появлялась Закса, были подправлены: на них появилось выполненное не очень хорошо прекрасное лицо и фигура Валлы Дайи в королевском костюме джеддары. Их действие на меня нелегко описать. Они заставили меня осознать, что приближается момент, когда я предстану лицом к лицу со внешностью женщины, которой отдал свою любовь, но в том же самом лице передо мной предстанет та, которую я ненавижу и хочу уничтожить.

Мы остановились, наконец, перед большой дверью. По огромному количеству воинов и пэров я понял, что нас скоро вызовут к джеддаре. Пока мы ждали, собравшиеся вокруг глазели на нас, мне казалось, скорее враждебно, чем с любопытством, и когда дверь распахнулась, они все ушли за нами, исключая нескольких воинов, оставшихся в прихожей. Комната, в которую нас ввели, была средней величины, и в дальнем конце ее за массивным столом сидела Закса. Около нее группировалось общество пэров, вооруженных с головы до ног. Оглядывая их, я заинтересовался, есть ли среди них тот, для кого было украдено тело Дар Таруса, ведь я обещал в случае успеха попытаться вернуть его законному владельцу.

Закса холодно оглядела нас, когда мы остановились.

- Начинайте! - властно произнесла она, а затем вдруг. - Почему чужестранцы вооружены? Саг Ор! Отберите! - и она повернулась к молодому статному воину, стоявшему рядом с ней.

Саг Ор! Таково было его имя! Передо мной стоял пэр, для которого Дар Тарус претерпел утрату свободы, любви и собственного тела. Гор Хаджус также узнал имя и обратил внимание на воина, когда он подходил. Грубо он потребовал сдать оружие воинам, подошедшим вместе с ним. Гор Хаджус колебался, но я уступил, так как не знал, какой линии поведения лучше придерживаться.

Все смотрели враждебно, что могло быть, и было несомненно, лишь отражением их отношения к иностранцам. Если бы мы отказались разоружиться, нас было бы трое против десятков вооруженных воинов, заполнивших комнату. Или же нас просто выгнали бы из дворца, лишили богом данной возможности проникнуть в самое сердце двора Заксы и к ней самой. Ведь мы должны были добраться сюда перед тем, как нанести удар. Представится ли еще такая возможность? Я сомневался. Лучше пойти на определенный риск сейчас, чем, отказавшись, не подчиниться их требованиям. Итак, я спокойно отдал оружие, вручив его ждущему воину. То же самое, следуя моему примеру, сделал Гор Хаджус, хотя можете вообразить, с какой кислой миной. Снова Закса объявила, что хочет видеть выступление Хован Дью. За ужимками обезьяны она наблюдала совершенно равнодушно. Не было ничего такого, что вызвало бы хоть малейший интерес и у остальных, окружавших джеддару. От этой непонятной скуки и равнодушия меня стали мучить мрачные предчувствия ошибочности нашего поведения. Мне казалось, что были приложены усилия задержать нас для какой-то неясной цели. Я не мог понять, почему Закса требовала, чтобы мы по нескольку раз повторяли наименее интересные номера. И все время она играла длинным тонким кинжалом. Я видел, что за мной она наблюдала столь же пытливо, как и за Хован Дью. Но мне было трудно отвести взор от ее совершенного лица, пусть даже я знал, что это лишь украденная маска, за которой таится жестокий ум тирана и убийцы.

Наконец пришел конец нашему представлению. Открылась дверь и вошел пэр, он проследовал прямо к джеддаре и обратился к ней кратко и тихо. Я увидел, что она задала ему несколько вопросов, и, казалось, была раздражена его ответами. Затем она отпустила его грубым жестом и повернулась к нам.

- Достаточно! - закричала она. Ее глаза остановились на мне и кинжал указал на меня. - Где другой? - спросила она.

- Какой другой? - недоуменно спросил я.

- Вас было трое, помимо обезьяны. Я не знаю ничего об обезьяне - где и как вы приобрели ее, но я знаю все о тебе, Вад Варо, о тебе, Гор Хаджус, убийца из Тунола, и о Дар Тарусе. Где Дар Тарус? - голос ее был низок, музыкален и исключительно прекрасен - голос Валлы Дайи, но за ним, я знал, было ужасное содержание - Закса! Обмануть ее было невозможно, потому что информацию она могла получить прямо от Рас Таваса. Глупо было не предвидеть, что Рас Тавас непременно догадается о цели моей миссии и сообщит все Заксе. Я сразу же понял, что более чем бесполезно все отрицать, кто мы, скорее мы могли попытаться объяснить ей причину нашего здесь присутствия - если только могли...

- Где Дар Тарус? - повторила она.

- Откуда я знаю? - попытался вывернуться я. - Дар Тарус имел причину считать, что он не будет в безопасности в Фандале. Думаю, что он не особенно делал, чтобы кто-нибудь знал о его местопребывании, включая и меня. Он помог мне бежать с острова Таваса потому, что наградой за это была его свобода, но он не захотел сопровождать меня в моих дальнейших приключениях.

Казалось, Закса на мгновение была обезоружена тем, что я не отрицал, кто я, очевидно, она предполагала, что я должен был бы поступить по-иному и начать во всем запираться.

- Значит, ты признаешься, что ты Вад Варо, ассистент Рас Таваса?

- Разве я когда-либо пытался это отрицать?

- Ты замаскировался под красного человека Барсума!

- Как я мог иначе попутешествовать по Барсуму, где против иностранцев настроен каждый?

- А почему тебе захотелось путешествовать по Барсуму? - глаза ее сузились в ожидании моего ответа.

- Рас Тавас, несомненно, сообщил тебе, что я из другого мира. Я хотел увидеть побольше, - сказал я. - Разве это странно?

- И ты явился в Фандал, пытался получить доступ ко мне, привел с собой небезызвестного убийцу из Тунола? И все, чтобы увидеть побольше на Барсуме?

- Гор Хаджус не может вернуться в Тунол, - объяснил я, - и потому должен искать дело у какого-нибудь другого двора - возможно, в Фандале, а если не здесь, то где-нибудь еще. Я надеюсь, что он решит сопровождать меня, так как я чужой на Барсуме, не привык к манерам и обычаям его народа. Боюсь, что мне придется плохо без проводника и наставника.

- Тебе будет плохо! - закричала она. - Ты увидел на Барсуме все, что тебе предназначалось! Ты достиг конца своей авантюры! Ты думаешь ввести меня в заблуждение, не правда ли ? Ты не знаешь, возможно, что я слышала о твоей влюбленности в Валлу Дайю, что я полностью знакома с целью вашего визита в Фандал. Ее глаза оставили меня и повернулись к пэрам и воинам. - В тюрьму их! - закричала она. - Позже мы выберем способ их смерти.

Сразу же нас окружило десятка два обнаженных лезвий. Возможности бежать не было - ни Гор Хаджусу, ни мне, но я заметил такую возможность для Хован Дью. Возможность подобного случая я предвидел заранее, и все время был настороже, намечая пути бегства одного из нас. Итак, открытое окно справа от джеддары не осталось мною незамеченным, равно как и высокие деревья во дворе под ним. Во время разгневанной речи Заксы Хован Дью был рядом со мной.

- Иди! - прошептал я. - Окно открыто. Беги и скажи Дар Тарусу, что случилось с нами. - Одновременно я отодвинулся от него и потянул с собой Гор Хаджуса, как если бы мы захотели оказать сопротивление нашему аресту. Таким образом я отвлек внимание от Хован Дью, рванувшегося к открытому окну. Он сделал лишь несколько шагов, когда один из воинов попытался его остановить, и в этом миг мне показалось, что свирепый мозг антропоида полностью завладел могучим существом. С ужасным рыком он быстрее кошки прыгнул на несчастного фандалианина, поднял его высоко на гигантских руках и, используя его тело как гигантский молот, расшвырял его товарищей направо и налево, прокладывая себе дорогу к окну, которое было уже близко.

Моментально кромешный ад воцарился в зале. Внимание всех было приковано к гигантской обезьяне, и даже те, кто окружал нас, устремились в атаку на Хован Дью. Среди неразберихи я увидел, что Закса шагнула к тяжелой портьере за ее столом, раздвинула ее и скрылась.

- Пошли! - прошептал я Гор Хаджусу. Наблюдая за конфликтом, я крадучись двигался к портьере, сквозь которую только что скрылась Закса. Хован Дью выдавал все, на что был способен. Он отбросил первую жертву, давно уже мертвую, и одного за другим хватал остальных, когда они попадали в поле действия его длинных и могучих лап, иногда четырех, когда он нарочно стоял на двух из шести рукообразных ног и боролся остальными. Копна его жестких волос ощетинилась, свирепые глаза налились кровью. Он возвышался над своими противниками, боролся за свою жизнь - он, наиболее свирепый из всех диких

зверей Барсума. Возможно, его огромное преимущество было во врожденном ужасе перед белой обезьяной каждого человека из тех, кто здесь противостоял ему. Это также способствовало моему плану, потому что сосредоточивало внимание присутствующих на нем, так что мы с Гор Хаджусом незаметно продвигались к портьере. Думаю, что Хован Дью должен был чувствовать мои намерения, потому что он проделал одну штучку, которая лучше всего подходила, чтобы отвлечь внимание от нас к нему. Тем, что он сделал, он дал понять мне, что человеческая половина его мозга была все время настороже и следила за нашей безопасностью.

До этого фандалиане смотрели на него, как на замечательный образчик белой обезьяны, но теперь внезапно он парализовал их ужасом, охватившим их, потому что вдруг его рев и рычание приняли форму слов. Он говорил на языке людей. Он был уже совсем близко от окна. Несколько пэров приблизились к нему. Среди них был Саг Ор. Хован Дью вытянулся и схватил его, вырвав оружие.

- Я иду, - закричал он, - но если вы причините мне вред, я вернусь и вырву сердце у Заксы. Передайте ей это от большой белой обезьяны Птарса.

На мгновение пэры и воины замерли, прикованные к месту благоговейным страхом. Все глаза впились в Хован Дью, стоящего с бьющейся в его руках фигурой Саг Ора. Мы с Гор Хаджусом были забыты. И тогда Хован Дью повернулся и прыгнул на подоконник, а с него на ветки ближайшего дерева, унося с собой Саг Ора, фаворита джеддары Заксы. В тот же момент я подтащил Гор Хаджуса к портьере в узкий ход темного коридора.

Не зная, куда ведет проход, мы могли следовать по нему только вслепую, подгоняемые необходимостью найти укрытие или путь к бегству из дворца и от погони, которая, мы знали, немедленно будет начата по горячим следам. Когда глаза мои адаптировались во мраке, частично рассеиваемым слабым свечением, мы пошли дальше быстрее и вскоре достигли спирального спуска, ведущего в темное подземелье под полом коридора и в такую же наверх.

- Куда идти? - спросил я Гор Хаджуса.

- Они ждут, что мы спустимся, - ответил он, - так как это направление кратчайшего бегства.

- Тогда пойдем наверх.

- Хорошо! - воскликнул он. - Мы должны сейчас же найти место, чтобы спрятаться до ночи, так как бежать днем мы не сможем.

Только мы начали подниматься, как услышали первый звук погони, звон доспехов в коридоре внизу. Тем не менее, даже подгоняемые этим, мы вынуждены были двигаться с величайшей осторожностью, потому что не знали, что ждет нас впереди. На следующем этаже была закрытая и запечатанная дверь, но ни коридоров, ни какого-либо укрытия не нашлось, поэтому мы продолжили путь. Второй этаж идентичен первому, а на третьем в темноту уходил единственный коридор, а справа была дверь, слегка приоткрытая.

Звук погони слышался совсем близко, и необходимость спрятаться возросла в квадрате, и все остальное отходило на задний план. И это не страшно, если учитывать цель нашей группы и то, что наша поимка навсегда погасила бы единственный тлеющий луч надежды на возрождение Валлы Дайи в ее собственном теле.

На раздумья оставалось мало времени. Коридор перед нами был окутан саваном тьмы - он мог быть и ничем, даже слепым тупиком. Дверь рядом - приоткрытая дверь! Я слегка нажал на нее и она поддалась. В нос ударил тяжелый аромат ладана, и мы увидели часть большой залы, богато декорированной. Прямо перед нами, закрывая видимость почти полностью, возвышалась колоссальная фигура сидящей на корточках колоссальной статуи. За спиной мы уже слышали голоса - наши преследователи поднимались по пандусу и через несколько секунд они будут уже рядом. Я осмотрел дверь и обнаружил, что она закрывается пружинным замком. В поле нашего зрения никого не было. Жестом приказав Гор Хаджусу следовать за мной, я шагнул внутрь и затворил дверь. Мы сожгли за собой мосты - замок щелкнул с резким металлическим лязгом.

- Что это было? - вдруг спросил голос, исходящий, казалось, из дальнего угла комнаты.

Гор Хаджус посмотрел на меня и безнадежно пожал плечами. Вероятно, он подумал то же, что и я - что из двух путей мы выбрали ошибочный, но затем он улыбнулся. В глазах его не было упрека.

- Это прозвучало со стороны Великого Тура, - ответил другой.

- Наверное, кто-нибудь у двери, - предположил первый собеседник.

Мы с Гор Хаджусом прижались к спине статуи, чтобы отсрочить, насколько возможно, наше неминуемое обнаружение, если разговаривающие решат исследовать подозрительный источник шума. Я касался лицом полированного камня спины статуи, а руки мои были распростерты по ней. Под пальцами ощущалась

резьба доспехов. Выступающие выпуклости, разукрашенные размещенными на каменном мундире драгоценности и выложенные золотой филигранью, были холодны, но этого я тогда не замечал. Мы слышали беседующих все ближе и ближе по мере того, как они подходили к нам. Возможно, я очень волновался - не знаю. Будьте уверены, я никогда не уклонялся от стычки, когда мои обязанности или целесообразность призывали меня к этому. Но в данном случае и то, и другое требовали, чтобы мы уклонились от конфликта. Однако я нервничал, мои пальцы автоматически двигались по доспехам фигуры, и я смутно ощутил, что один из драгоценных камней выдвигается из своего гнезда. Не помню, что это произвело какое-либо впечатление на меня, но, по-видимому, что-то подсознательное удерживало мои блуждающие по фигуре пальцы, и они прекратили свою игру на опустевшем гнезде от камня.

Теперь голоса слышались совсем близко - через несколько секунд мы предстанем перед их владельцами. Мускулы мои напряглись в предчувствии схватки, и я нажал сильнее на освободившееся от камня место.

Часть спины фигуры бесшумно отошла вовнутрь и показалась тускло освещенная внутренность статуи. В дальнейших приглашениях мы не нуждались и сразу же шагнули вперед в открывшуюся полость. В тот же миг я мягко прикрыл панель за собой. Думаю, что не было слышно ни одного звука во время этого, а затем мы замерли притаившись, чуть дыша. Глаза быстро приспособились к тускло освещенной внутренности статуи, которая освещалась за счет многочисленных отверстий в ее оболочке, и через эти же отверстия каждый звук снаружи четко доходил до нас. Мы еще только закрывали панель, когда прямо против нее услышали голоса и удары в ведущую в зал дверь из коридора, через которую мы вошли.

- Кто ищет вход в храм Заксы? - спросил один из голосов в зале.

- Тис Ай, двар Гвардии Джэддары, - прогремел голос снаружи. - Мы ищем двоих, которые пришли убить Заксу!

- Они прошли этим путем?

- Думай, жрец, разве стал бы я искать их там, где их нет?

- Как давно?

- Менее двадцати талов назад, - ответил двар.

- Тогда они не здесь, - уверил его жрец, - потому что мы здесь уже целый под. Никто не входил в храм за это время. Смотрите быстрее в комнатах Заксы и на крыше, в ангаре. Ведь они больше никуда не могли сбежать, если шли по этой спирали.

- Посмотрите внимательно в храме, пока я не вернусь! - крикнул воин, и мы услышали, как он со своими людьми прогрохотал вверх по пандусу.

- Что могло вызвать шум, привлекший наше внимание? - спросил один.

- Возможно, беглецы пробовали дверь? - предположил второй.

- Должно быть, они не вошли, иначе мы бы их увидели, когда они появились бы за Великим Туром, потому что мы смотрели на него и ни разу не отвернулись.

- Тогда, по крайней мере, они не в храме.

- А где они еще могут быть, нас не касается.

- Если они не в апартаментах Заксы. Если они только не вошли в храм.

- А может быть, они добрались до Заксы?

- А они убийцы?

- Худшее, что может случиться с Фандалом!

- Тише! Боги имеют уши!

- Из камня...

- Но уши Заксы не из камня, и они слышат многое, что для них не предназначено!

- Старая бонсиха!

- Она джеддара и великая жрица!

- Да, но... - голоса удалялись из пределов слышимости в дальний угол храма, но несмотря на это, они сказали многое: Заксу боялись и ненавидели жрецы Тура. Слуги бога не слишком боялись своих богов, что доказывала фраза о том, что боги имеют уши из камня. И очень важной была беседа с дваром Гвардии Джеддары.

Теперь мы в первый раз получили возможность осмотреть наше укрытие. Внутреняя полость была пуста и высоко простиралась над нами, возможно, футов на сорок, и мы могли видеть свет снаружи, проникавший через рот, нос и уши, как раз ниже которых была круглая платформа, еле различимая во мраке. Платформа обегала полость вокруг внутренней стороны шеи, к ее основанию вела лестница с железными ступеньками. Толстый слой пыли покрывал пол, на котором мы стояли, а крайность нашего положения требовала внимательного осмотра этой пыли. Я сразу же был поражен сделанным открытием. Мы, как видно, первые, кто вошел сюда за много десятков лет - покров пыли не был нарушен никем.

Когда я установил это, взгляд мой упал на нечто, сваленное в кучу у подножия лестницы. Приблизившись, я сразу же понял, что это человеческий скелет с разбитым черепом и раздробленными ребрами.Около него в пыли лежали великолепные одежды, самые роскошные из всех, которые я когда-либо видел. Его положение у основания лестницы, также как и разбитый череп и сокрушенные ребра, служили очевидным доказательством причины его смерти - он упал головой вниз с круглой платформы с высоты сорока футов, унеся в вечность секрет Великого Тура.

Я высказал эти предположения Гор Хаджусу, осматривавшему одежды мертвеца, и он согласился со мной, что смерть его была именно такой.

- Он был высшим жрецом Тура, - прошептал Гор Хаджус, - и, вероятно членом королевской семьи - возможно, джеддаком. Он умирал очень долго.

- Я собираюсь пойти наверх, - сказал я, - испытаю лестницу. Если она безопасная, иди за мной. Думаю, мы сможем увидеть храм через рот Тура.

- Осторожно, - произнес Гор Хаджус. - Лестница очень стара.

Я поднимался с крайней осторожностью, испытывая каждую ступеньку, прежде чем перенести на нее тяжесть своего тела, но старая лестница оставалась крепкой, как сталь. Как высоко зашел жрец навстречу своей смерти, навсегда останется тайной, потому что лестница и платформа могли выдержать десятки людей.

Через рот Тура открывалась панорама храма. Подо мной была громадная зала, по сторонам ее были расположены другие идолы, меньшие по размерам. Они были более гротескными, чем виденные мною в городе. Одежды их были богатыми сверх человеческого понимания - понимания землянина. Драгоценные барсумские камни светились неизвестными мне лучами такой великолепной и ослепительной красоты, что просто не поддавались описанию. Прямо перед Туром был алтарь из редкого и чудесного камня - пализона, кроваво-красного, в крохи которого самой природой вписаны причудливые узоры, усиленные искуснейшей полировкой, сделанной рукой человека.

Гор Хаджус присоединился ко мне, и вместе мы осмотрели храм. Высокие окна выстроились в ряд по обеим сторонам и позволяли проходить потокам света. В дальнем конце, напротив Великого Тура, были две огромные двери, закрывающие главный

вход в храм, и около них стояли два жреца.На крошечных алтарях перед каждым из второстепенных идолов курился фимиам, но горело ли что-нибудь перед Великим Туром, мы не знали.

Удовлетворив любопытство относительно храма, мы обратили внимание на внутреннюю полость статуи, в том числе головы Великого Тура, и были вознаграждены тем, что нашли и другую лестницу, ведущую у задней стены к более высокой меньшей платформы у глаз. Меня не надо было долго упрашивать исследовать и ее. Я нашел там очень комфортабельное кресло перед пультом, управляющим глазами, чтобы они могли ходить из стороны в сторону, или вверх и вниз по приказу операторов; была тут также и разговорная труба, присоединенная ко рту. Все это я тщательно изучил и вернулся на нижнюю платформу, где под языком идола нашел механизм-усилитель, который был связан с разговорной трубой наверху. Я не мог подавить улыбку, рассматривая эти молчаливые доказательства вероломства жрецов и обмана народа, и я думал о разбившемся теле у подножия лестницы. Тур, могу поклясться, молчал в течение многих лет.

Вместе с Гор Хаджусом мы вернулись на верхнюю площадку, и снова я сделал открытие: глаза Тура были настоящими телескопами. Поворачивая их, можно было видеть любую точку храма. Это было удивительное устройство. Ничто не могло скрыться от глаз Тура, а вскоре, когда жрецы начали болтать, мы обнаружили, что каждый, даже едва слышный звук доходил до нас. Каким ценным помощником должен был быть этот Тур в дни, когда разбитый скелет, лежащий внизу, был еще живым жрецом.

XII. ВЕЛИКИЙ ТУР

Для нас с Гором день тянулся томительно долго. Мы наблюдали за жрецами, сменявшимися время от времени, и слушали их болтовню - в большинстве случаев придворные сплетни о разных скандалах. Когда они разговаривали о нас, мы узнали, что Хован Дью бежал вместе с Саг Ором и до сих пор ни его, ни Дар Таруса не смогли найти. Весь двор был озадачен нашим исчезновением, казавшимся сверхъестественным. Три тысячи человек - постоянных обитателей дворца - непрерывно искали нас. Каждый уголок дворца и садов был обыскан, а затем еще раз. Подвалы исследовали более основательно, чем когда-либо на памяти старейших из слуг, и оттуда были извлечены странные

вещи, о которых Закса даже и не подозревала. Жрецы шептались, что по крайней мере один великий и могущественный дом должен пасть из-за предмета, найденного дваром Гвардии Джеддары в отдаленных уголках подвала.

Когда солнце снизилось за горизонт и наступила темнота, храм осветился мягким белым светом - ярким, но без грубого сверкания земного искусственного освещения. Пришло много жрецов и красивых молодых девушек. Они танцевали перед идолами и пели какую-то тарабарщину, совершенно бессмысленную. Постепенно зал наполнялся верующими - пэрами двора джеддары с их женщинами и слугами, выстроившимися в две линии вдоль стен храма, оставив широкий проход от главного входа до ног Великого Тура. И к этому проходу были прикованы их глаза. Что они ждали? Их ожидающие глаза были повернуты к закрытым дверям храма, и мы с Гор Хаджусом почувствовали, что и наши глаза не могут оторваться от него, что врата вот-вот откроются и начнется какой-нибудь удивительный спектакль.

И действительно, вскоре створки медленно повернулись, и мы увидели нечто, что оказалось огромным рулоном ковра, лежащим на боку поперек образовавшегося входа. Двадцать рабов, облаченных лишь в скудные кожаные доспехи, стояли за этим рулоном и, когда двери открылись полностью, они покатили рулон к подножию Великого Тура, застилая широкий проход от врат до самого идола. Ковер был толст и мягок, бело-синего цвета - наиболее красивая вещь в храме, где все остальное было крикливое, показное, пышное, но безвкусное или гротескное. А затем двери закрылись, и мы снова ждали, но недолго. Откуда-то издали протрубили трубы, звуки их нарастали, приближаясь к храму. Двери снова распахнулись, и показался двойной ряд пышно разодетых пэров. Они торжественно вступили в храм, а за ними - роскошная колесница с двумя бенсами в упряжке, свирепыми барсумскими львами, которых с каждой стороны держали на поводу рабы. На колеснице стояло кресло, а в нем, непринужденно развалясь, сидела Закса. Когда она вступила в храм, люди начали петь ей хвалу, монотонно бубня. За нею, прикованный к колеснице, медленно брел красный воин, а за ним - процессия, состоящая из пятидесяти юношей и стольких же девушек.

Гор Хаджус тронул меня за локоть.

- Пленный! - прошептал он. - Ты узнаешь его?

- Дар Тарус! - воскликнул я.

Да, это был Дар Тарус. Его тайное убежище нашли и арестовали его. Но что с Хован Дью? Его также взяли? Если так, то лишь после его смерти, потому что никто и никогда не сможет

взять в плен свирепое животное, и не сможет оно выдержать плен. Я посмотрел, ища Саг Ора, но в храме его не было, и это дало мне надежду на то, что Хован Дью на свободе.

Колесница остановилась перед алтарем, и Закса сошла с нее, разомкнула цепь, на которой был Дар Тарус, затем бенсов увели к одной из стен храма за шеренгу малых идолов. Дар Таруса грубо потянули к алтарю и бросили на него, а Закса взойдя на него, приблизилась к воину и с руками, простертыми к Великому Туру, воззрилась на него, возвышающегося над ней. Как она была прекрасна! Как богато одета! О, Валла Дайя! Твой милый облик унижен целями дикого ума, захватившего твою оболочку!

Глаза Заксы остановились на лице Великого Тура.

- О, Великий Тур, отец Барсума! - закричала она. - Смотри на приносящих жертву. Мы перед тобой, Всевидящий, Всезнающий, Всемогущий, Единый! Не гневайся больше на нас в молчании. В течение столетий ты не удостоил нас, верных твоих рабов, ни единым словом. Никогда со времен Хор Сана, высшего жреца, взятого тобою в ту давнюю долгую ночь таинства, ты ни разу не разомкнул уст перед народом. Заговори же, Великий Тур. Дай нам знать, прежде чем мы погрузим вот этот кинжал в сердце нашей жертвы, что дела наши приятны для твоих глаз. Скажи нам, куда девались двое, которые пришли сегодня, чтобы убить твою высшую жрицу, открой нам судьбу Саг Ора. Скажи Великий Тур, прежде чем я ударю! - и она подняла тонкий, длинный кинжал над сердцем Дар Таруса и посмотрела прямо в глаза Великого Тура.

И тут, как молния в небе, меня пронзило ни с чем не сравнимое вдохновение. Рука моя схватила рычаг, управляющий глазами Тура, и я стал вертеть ими, пока они не описали полного круга и не остановились на Заксе. Эффект был магический. Никогда до этого я не видел полный зал людей, так абсолютно ошеломленных и сраженных благоговейным страхом, как здесь. Когда глаза вернулись к Заксе, она, казалось, окаменела, и медная кожа ее приняла мертвенно бледный оттенок. Кинжал непоколебимо оставался над сердцем Дар Таруса. В течение столетий никто не видел глаза Тура движушимися. Затем я поднес разговорную трубку к губам и по залу пронесся и загрохотал голос Тура. Как из единой огромной глотки прозвучал вздох собравшихся в храме, и все упали на колени и спрятали лица в ладонях.

- Мой приговор! - крикнул я. - Не ударяй, или я сам ударю тебя. Жертвоприношение - Туру!

Потом я замолчал, пытаясь придумать, как лучше использовать полученные преимущества. Согнутые головы со страхом, одна за другой, приподнимались, и испуганные глаза искали лицо Тура. Я дал им еще повод для дрожи, заставив глаза бога медленно блуждать по отворачивающимся лицам, и пока я это делал, меня осенила другая мысль, которую я тихим голосом передал Гор Хаджусу. Я слушал его хихиканье, когда он спускался вниз по лестнице, чтобы претворить мой план в действие. Снова прибег я к действию разговорной трубы.

- Жертвоприношение - для Тура! - загрохотал я по храму. - Тур убьет его собственной рукой. Погасите свет, и пусть никто не двигается под страхом смерти, пока Тур не даст разрешения. Ниц! Прячьте лица в ладонях! Кто бы ни увидел, будет ослеплен, когда Тур появится среди вас.

Снова все пали ниц, и один из жрецов поспешно погасил свет, ввергнув храм в абсолютную темноту, и пока Гор Хаджус был занят своей частью представления, я старался покрыть любой другой шум, который мог быть случайно им произведен, при помощи беглого огня небесного красноречия.

- Закса, великая жрица, спрашивает, что стало с двумя, которые, как она полагает, пришли убить ее. Я, Тур, взял их к себе. Тур мстит. И Саг Ора я взял тоже В облике огромной обезьяны я пришел и взял Саг Ора, и никто не узнал меня, хотя даже дурак мог догадаться, потому что, где это слыхано, чтобы обезьяна могла говорить на человеческом языке, если ее душа не занята душой Тура.

Вскоре я услышал шум на лестнице подо мной, и моментом позже некто вскарабкался на крутую площадку.

А пока я полагал, что убедил их, так как это был именно вид логики, какой был принят в их религии, или это должно было их убедить, если они еще не были убеждены. Я удивился бы, если бы это достигло разума сомневающегося человека, который сказал, что уши богов из камня.

- Все в порядке, - прошептал Гор Хаджсу.- Дар Тарус со мной.

- Осветить храм, - приказал я. - Встаньте и смотрите!

Вспыхнул свет, и люди поднялись на ноги, дрожа от ужаса. Все глаза взирали на алтарь, и то, что они там увидели, казалось, сокрушало их. Некоторые женщины пронзительно закричали и упали в обморок. Все это убедило меня, что никто из них не принимал бога сколь-нибудь всерьез, и теперь, когда они предстали перед абсолютным доказательством его сверхъестественной силы, они были полностью сбиты с толку. Там, где моментом

раньше они видели живую жертву, лежал лишь покрытый пылью человеческий череп. Уверяю вас, что без объяснений это могло показаться сверхъестественным, так быстро Гор Хаджус пробежал от постамента идола с черепом жреца и вернулся, ведя с собой Дар Таруса. Я немного беспокоился, как будет реагировать на это Дар Тарус, не более искушенный в обмане, чем остальные фандалиане, но Гор Хаджус прошептал ему на ухо "Для Валлы Дайи", и он понял, в чем дело, и не сопротивлялся.

- Великий Тур сердит на народ, - объявил я. - Много лет они отрекались от него в сердцах своих, даже когда поклонялись ему. Великий Тур гневается на Заксу. Только Закса может спасти народ Фандала от уничтожения! Вон из храма! Никто тут не должен оставаться, кроме Заксы, высшей жрицы Тура. Тур должен поговорить с нею наедине.

Я заметил, что Закса изрядно съежилась от испуга.

- Разве джеддара, высшая жрица Тура, боится предстать перед своим господином? - спросил я устами Тура. Челюсть женщины дрожала так, что она не могла ответить. - Повинуйтесь! Или Закса и весь народ ее будут сожжены заживо! - Я сильно повысил голос.

Как неразумный скот, они повернулись и побежали к выходу, а Закса, с коленями, трясущимися так, что она едва могла стоять прямо, заковыляла, шатаясь, за ними. Один из пэров увидел ее и толкнул назад, но она, визжа, бросилась за ним, когда он отошел. Тогда другие подтащили ее к алтарю и грубо бросили, а кто-то даже погрозил ей мечом, и я тут же громко предупредил, что джеддаре не должно быть причинено никакого вреда, если они не желают, чтобы гнев Тура пал на них. Они оставили ее лежащей у алтаря, и так слаба она была от испуга, что не могла даже подняться.

Моментом позже храм опустел, но еще до этого я закричал им вслед, чтобы очистили весь дворец в четверть хода ходьбы, потому что мой план требовал свободы и беспрепятственности передвижения по дворцу, и того, чтобы никто не наблюдал за нашими действиями.

Моментом позже храм опустел, но только тогда, когда последний их них скрылся за дверью, мы втроем спустились из головы Тура и ступили на пол храма позади идола. Я быстро побежал к алтарю, с другой стороны которого на полу в обмороке лежала Закса. Она все еще не пришла в сознание. Я взял ее на руки и быстро рванулся назад к двери в стене за идолом - двери, через которую мы с Гор Хаджусом проникли в храм в начале дня.

Идя между Гор Хаджусом и Дар Тарусом, я поднимался наклонным коридором к крыше, где, как мы выяснили из разговора жрецов, были размещены королевские ангары. Если бы сейчас с нами были Хован Дью с Саг Ором, чаша моего счастья была бы полной, потому что в течение предыдущей половины дня казалось, что фортуна не только не обеспечила нам успеха, а даже отвернулась от нас.

У площадки, где были расположены апартаменты Заксы, мы остановились, и я заглянул внутрь, потому что долгое ночное путешествие, по-моему предположению, должно было быть холодным, и телу Валлы Дайи надлежало удерживать тепло при помощи соответствующих меховых одежд, даже несмотря на то, что сейчас в нем обитала душа Заксы. Никого не увидев внутри, мы вошли, и вскоре обнаружили все, что нам было нужно. Когда я прилаживал тяжелое одеяло из меха флука на джеддару, к ней вернулось сознание. Сразу же она узнала меня, затем Гор Хаджуса, а потом Дар Таруса. Машинально она попыталась схватить кинжал, но его уже не было, и увидев мою улыбку, она побледнела от гнева. Сперва она, вероятно, сделала поспешный вывод, что является жертвой мистификации, но вскоре сомнение проникло в ее мозг - она должна была вспомнить кое-что из происшедшего в храме Тура, а это ни она и ни один из смертных не могли объяснить.

- Кто вы? - спросила она.

- Я есть Тур! - ответил я нагло.

- Каковы ваши намерения по отношению ко мне?

- Я собираюсь взять тебя в Тунол, - ответил я.

- Но я не желаю этого! Ты не Тур! Ты Вад Варо! Я позову на помощь. Моя охрана придет и убьет тебя!

- Никого нет во дворце, - напомнил я. - Разве я, Тур, не отослал их подальше?

- Я не пойду с тобой, - непоколебимо ответила она. - Лучше я умру.

- Ты пойдешь со мной, Закса, - сказал я ей, и, хотя она боролась и царапалась, мы унесли ее из покоев и по спиральному пандусу вышли на крышу, где я надеялся найти ангары и королевские флайеры. Но, вступив в бодрящую ночь Барсума, мы не увидели ангаров, зато увидели кое-что другое - группу фандалианских воинов из Гвардии Джеддары, которых, очевидно, забыли известить о приказе Тура. Увидев их, джеддара громко закричала:

- Ко мне! К джеддаре! Сразите этих убийц и спасите меня!

Их было трое, и нас трое, но они были вооружены, а у нас - лишь маленький кинжал Заксы, бывший в руках Гор Хаджуса. Казалось, победа обернулась поражением, когда они бросились к нам, но именно Гор Хаджус остановил их. Он схватил Заксу, и приставил обнаженное лезвие острием к ее сердцу.

- Стойте! - Крикнул он. - Еще один шаг, и я ударю.

Воины заколебались. Закса молчала, пораженная страхом.

Так мы стояли неподвижно, они, пораженные страхом за жизнь джеддары, а мы в ожидании их решения, пока я не увидел за спиной воинов движения на краю крыши. При тусклом свете я наконец разглядел непонятное - это выглядело огромной человеческой головой, но несмотря на это, не по человечески медленно поднималось над кромкой крыши, а затем, в тишине, медленно обрисовалась огромная туша, следующая за головой, и тогда я узнал Хован Дью, большую белую обезьяну.

- Скажи им, - закричал я как можно громче Заксе, - что я есть Тур. Смотри, я пришел снова в облике белой обезьяны! - и я указал на Хован Дью. - Я не хочу уничтожать этих бедных воинов. Пусть они сложат оружие и удалятся отсюда с миром!

Воины повернулись, и увидев огромную белую обезьяну, стоящую позади них, как бы материализовавшуюся из воздуха, - были потрясены.

- Кто он, джеддара? - спросил один из них.

- Тур, - ответила Закса слабым голосом. - Но спасите меня от него! Спасите меня от него!

- Бросайте оружие и доспехи и улстучивайтесь! - скомандовал я. - Или Тур сразит вас насмерть! Разве вы не слышали людей, бросившихся бежать по команде Тура? Как вы думаете, смогли бы мы доставить сюда Заксу, имей мы силу меньшую, чем у Тура? Ведь весь дворец был переполнен ее воинами. Убирайтесь, пока еще можете спастись!

Один из них расстегнул доспехи и бросил их вместе с оружием на пол, а потом бросился бежать вниз по спирали. Его товарищи последовали за ним. Тогда Хован Дью подошел к нам.

- Хорошо сделано, Вад Варо, - прорычал он, - хотя я и не знаю, что все это значит!

- Узнаешь позже, - ответил я, - а сейчас мы должны бежать отсюда как можно скорее и найти быстроходный флайнер. Где Саг Ор? Он еще жив?

- Я его надежно связал и спрятал в надежном месте, - ответила обезьяна. - Будет легко забрать его, когда запустим флайер.

Закса яростно уставилась на нас.

- Ты не Тур! - закричала она, - обезьяна разоблачила тебя!

- Но слишком поздно тебе извлечь из этого пользу, джеддара, - ответил я. Ты не сможешь известить своих людей, что я не Тур. И ты не можешь знать, что я - это не он. Методы Тура - всемогущего, всезнающего - вне понимания смертных. Для тебя, следовательно, я Тур, и ты знаешь, что я всемогущ достаточно для своих целей.

Думаю, она все еще была в недоумении, когда мы нашли и выкатили из ангара флайер, на борту которого поместили ее и повернули нос аппарата к величественной башне, где, как нам сказал Хован Дью, лежал Саг Ор.

- Я буду счастлив увидеть его снова! - сказал Дар Тарус со смехом.

- И ты снова будешь самим собой, Дар Тарус, - сказал я ему, - когда мы сможем вернуться в подвалы Рас Таваса.

- Хотел бы я снова соединиться с моей любимой Карой Вазой, - вздохнул он. - Тогда, Вад Варо, я был бы благодарен тебе до конца жизни.

- Где мы можем ее найти?

- Увы, не знаю. Как раз во время ее поисков меня схватили агенты Заксы. Я был во дворце ее отца, где узнал, что он убит и его имущество конфисковано. О местонахождении Кары Вазы там или не знали, или не желали сообщить, но удерживали под тем предлогом, пока отряд Гвардии джеддары не пришел арестовать меня.

- Мы должны допросить Саг Ора, - сказал я.

К этому времени мы остановились рядом с окном башни, на которую нам указал Хован Дью. Вместе с Дар Тарасом он прыгнул на подоконник и скрылся внутри. Все мы теперь были вооружены и одеты, взяв оружие, брошенное воинами у ангаров, и был у нас великолепный флайер, и вся наша компания воссоединилась, и Закса и Саг Ор, которого тут же препроводили на борт, тоже были рядом, и от этого у всех нас было прекрасное настроение.

Мы установили курс на восток, и тогда я спросил Саг Ора, что стало с Карой Вазой, но он грозно заявил, что не знает.

- Подумай еще раз, Саг Ор, - предостерегал я его, - подумай хорошенько, потому что вся твоя жизнь, возможно, зависит от твоего ответа.

- Какие у меня шансы на жизнь? - усмехнулся он, бросив угрожающий взгляд на Дар Таруса.

- Все шансы, - ответил я. - Твоя жизнь в моих руках, и если ты послужишь мне хорошо, то она будет в твоих руках, хотя в твоем прошлом теле,а не в том, которое принадлежит Дар Тарусу.

- Разве ты не намерен уничтожить меня?

- Ни тебя, ни Заксу, - ответил я. - Закса будет жить в своем старом теле, а ты - в своем.

- Я не хочу жить в своем теле, - огрызнулась Загса.

Дар Тарус стоял и смотрел на Саг Ора - на свое собственное тело, смотрел как какой-то бестелесный дух - самая сверхъестественная ситуация, какую я когда-либо встречал.

- Скажи мне, Саг Ор, - произнес он, - что с Карой Вазой? Когда мое тело вернется ко мне, я не буду чувствовать вражды к тебе, если ты не причинил вреда Каре Вазе и сообщишь мне, где она.

- Я не могу сказать, потому что не знаю. Вреда ей не было причинено, но днем позже, после того, как ты был убит, она исчезла из Фандала. Мы были уверены, что она была похищена своим отцом, но от него мы ничего не узнали. Тогда его убили, - он мельком взглянул на Заксу, - и после этого мы ничего не узнали тоже.

Раб сказал нам, что Кара Ваза с некоторыми воинами отца села на флайер и вылетела в Гелиум, где она намеревалась просить защиты великого военного владыки Барсума. но правда ли это, мы не знаем. Это все, что я могу тебе сообщить. Я сказал правду, Дар Тарус.

Бессмысленно было обыскивать весь Фандал в поисках Кары Вазы, и поэтому мы взяли курс на восток, к башне Рас Таваса.

XIII. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ТАВАС

Всю ночь мчались мы под светом стремительных марсианских лун, и компания наша была страннейшей из существовавших когда-либо, клянусь вам. Двое мужчин, каждый из которых обладал телом другого; старая нечестивая императрица, чье прекрасное тело принадлежало молодой девице, любимой одним из этой компании; большая белая обезьяна, чьими действиями управляла половина мозга человеческого существа; я, житель далекой планеты, и Гор Хаджус, наемный убийца из Тулона, завершали этот сумасшедший список.

Я не мог отвести взгляд от прекрасного лица и фигуры Заксы, и то, что я был ею так очарован, оказалось очень кстати, так как я поймал ее в попытке броситься за борт, так противна ей была перспектива жизни в собственном теле, старом, сморщенном и безобразном. После этого я надежно связал ее и привязал к палубе, хотя испытывал душевную боль при виде веревок на этом прекрасном теле.

Дар Тарус почти в равной степени был поглощен созерцанием своего собственного тела, которое не видел в течение многих лет.

- Клянусь моим первым предком, - воскликнул он. - Я был, наверное, самым тщеславным из парней. Даю вам слово, без всякой фантазии, мне было приятно любоваться собой. Теперь я могу сказать без напыщенного самомнения, так как речь идет о Саг Оре, - и он громко рассмеялся своей маленькой шутке.

Но факт оставался фактом - лицо и тело Дар Таруса были прекрасны и в самом деле, хотя в глазах его проглядывал намек на жестокость, а сжатые челюсти означали темперамент бойца. не удивительно, что Саг Ор добивался тела молодого воина, потому что его собственное, которым сейчас обладал Дар Тарус, было отмечено столетиями беспутной жизни. И не было ничего удивительного в том, что Дар Тарус жаждал вернуть свою оболочку.

Перед самым рассветом мы подлетели к одному из бесчисленных крошечных островков, усеивавших Великие Тунолианские Топи и начали судорожно продвигаться между стволами огромных деревьев. Здесь мы приземлились, чтобы отдохнуть на земле; наполовину утопая в буйной яркой траве джунглей, мы хорошо укрылись от возможной погони. Хован Дью нашел для нас фрукты и орехи, безопасные, по мнению его обезьяньей половины мозга, для человека. Инстинкт привел его к близлежащему источнику. из которого била ключевая вода.

Мы все четверо были полузамучены голодом, сильно устали, так что вода и пища оказались весьма желательными. Закса и Саг Ор также не отказались от них. Потом, трое из нас легли на палубу корабля поспать, надежно приковав пленников к кораблю, а четвертый бодрствовал, охраняя их. Так, сменяясь, мы проспали весь день, и, когда пришла ночь,были готовы продолжать путь.

Сделав большой крюк к югу, мы обогнули Тунол, и примерно за два часа до рассвета увидели высокую башню Таваса. Думаю, все мы были взвинчены до крайности, потому что судьба каждого зависела от успеха или неудачи нашего предприятия. В каче-

стве первой предосторожности мы связали руки пленникам и заткнули им рот кляпами, чтобы они не предупредили о нашем прибытии.

Хлорус уже закатился, и Турия стремительно неслась к горизонту, когда моторы были заглушены, и мы дрейфовали без огней в одной- двух милях от башни, несколько к югу, с нетерпением ожидая того времени, когда Турия ввергнет небеса в темноту и освободит мир для нас. К северо-западу сверкали огни Тунола на фоне ночного мрака, и был свет в нескольких окнах огромной лаборатории Рас Таваса, но сама башня была темна от цоколя до верхушки.

И когда ближняя луна канула, как гирька, за горизонт, оставив нас и сцену действия в темноте, Дар Тарус запустил мотор, удивительно бесшумный мотор Барсума, и мы неспешно двинулись, прижимаясь к земле, к острову Рас Таваса, и не было звуков, кроме мягкого журчания мотора, но и это никто не мог услышать, если не было никого ближе ста футов, так тихо было его вращение. У самого острова, у группы гигантских деревьев, мы сделали остановку , и Хован Дью, перейдя на нос, сделал несколько рывков. После этого мы стояли, вслушиваясь в темноту. Раздался шорох в густом подлеске на берегу. Снова прозвучал негромкий зловещий рев Хован Дью, и пришел ответ из черноты кустов. Хован Дью разговаривал на языке больших белых обезьян, а невидимое существо отвечало.

Обезьяны беседовали около пяти минут, причем к разговору присоединялись все новые и новые твари, а затем Хован Дью обратился ко мне:

- Порядок, - сказал он. - Нам позволят укрыть под этими деревьями корабль, а также выйти и сесть в него, когда все будет сделано. В это время нам не будет причинено никакого вреда. Все, что они просят - это оставить ведущие во внутренний двор ворота открытыми.

- Они понимают, что обезьяна, которая идет с нами туда, не вернется?

- Да, но они не обратят на это внимания.

- Почему они хотят, чтобы мы открыли внутренние ворота?

- Не спрашивай слишком много, Вад Варо, - ответил Хован Дью. - Достаточно, что обезьяны дают тебе возможность возвратить в тело Валлы Дайи ее мозг и спастись с нею из этого ужасного места.

- Да, этого достаточно, - ответил я. - Когда мы сможем приземлиться?

- Сейчас. Они помогут нам затянуть корабль под деревья и укрепить его.

- Но сперва мы должны забраться на верхушку стены внутреннего двора, - напомнил я ему .

- Да, правда, я забыл, что ворота с этой стороны открыть нельзя.

Он снова заговорил с обезьянами, которых мы не могли разглядеть, и после этого сказал мне, что все в порядке и что они с Дар Тарусом вернут корабль, высадив нас на стене.

Снова мы беззвучно взлетели и опустились на внешней стене, соскользнув затем во двор вниз. Ночь была необычайно темной, за Турией последовали облака и стерли звезды вслед за ее заходом. На расстоянии пяти футов никто не мог увидеть корабль, а шума при передвижении мы почти не производили. Осторожно мы спустили пленников и вдвоем с Гор Хаджусом остались там, а Дар Тарус с Хован Дью повели корабль назад в укрытие.

Наконец я снял запоры с ворот и стал ожидать. Ни одного звука со стороны громады здания за спиной, ни единого звука из джунглей за оградой. Смутно видел я сливающиеся очертания Гор Хаджуса с Заксой и Саг Ором - иначе можно было бы подумать, что я один во мраке и необъятности пространства.

Казалось, что прошла целая вечность, прежде чем я услышал легкое царапанье по панели громоздких ворот. Я толкнул их, открывая, и Дар Тарус с Хован Дью безмолвно вступили внутрь, закрыв их за собой. Гуськом - впереди я с Дар Тарусом, сзади Хован Дью с Гор Хаджусом и пленниками - пошли мы прямо к башне, нашли наклонный коридор и спустились в подвалы. Все было спланировано настолько хорошо, что не встретились никакие трудности с обнаружением погреба, который был нам нужен, и, оказавшись внизу, мы сразу же заперли дверь, чтобы не бояться, что нас прервут - это было нашей первой заботой - и затем я поспешил к месту, где спрятал Валлу Дайю за телом сваленного в углу рослого воина. Сердце мое замерло еще в тот момент, когда я побрел в ту сторону - я всегда боялся, что Рас Тавас, зная мой интерес к ней и отгадав цель моего путешествия, обследует каждую камеру, осмотрит каждое тело пока не найдет ту, которая так странно исчезла, но страхи мои, к счастью, оказались необоснованными. Тело Заксы оказалось здесь - старый, сморщенный гриб с прекрасным умом моей возлюбленной; оно было там, где я его спрятал той самой ночью. Нежно я поднял его и понес на один из двух вертикально расположенных друг над другом столов. Стоящая тут же Закса, свя-

занная и с кляпом во рту, наблюдала за всем этим стреляющими ненавистью и отвращением к безобразному телу глазами - и в это тело она должна будет скоро вернуться!

Я положил Заксу на соседнюю плиту, но она попыталась вырваться из моих рук и броситься к двери, но я удержал ее и привязал ремнями к месту. Моментом позже она уже была без сознания. Гор Хаджус, Саг Ор и Хован Дью следили с интересом, но для Дар Таруса это было старой историей, так как он работал в лаборатории и насмотрелся более чем достаточно на подобные операции. Не буду описывать ее ход. Это лишь повторение того, что я делал много раз, готовясь к этому моменту.

Наконец все было завершено, и сердце мое замерло в волнении, когда я заменил бальзамирующую жидкость живой кровью Валлы Дайи и увидел, как наливаются румянцем ее щеки и поднялись в легком вздохе округлые груди и упали вслед за этим. Затем она открыла глаза и подняла их на меня.

- Что случилось, Вад Варо? - спросила она. - Ты так скоро вспомнил обо мне... Что-то неладное? Или жидкость не подходит?

Ее глаза блуждали по лицам остальных.

- Что это значит? - спросила она. - Кто они?

Я мягко поднял ее на руки и указал на тело Заксы, лежащее бессильно на верхней плите. Ее зрачки расширились.

- Уже?! - закричала она, хлопнув руками по лицу, и ощутила что-то свое, свое лицо, контуры которого были нежны и изящны, шея плавна. И все еще недостаточно веря, она попросила зеркало, и я достал его из сумки Заксы. Она долго смотрела в него, и слезы начали скатываться по ее щекам, а затем она подняла взор на меня, посмотрела сквозь моросящий дождь слезинок, положила прелестные руки мне на плечи и приблизила свое лицо к моему.

- Мой вождь, - прошептала она. Это было все. Но этого было достаточно. Потому что ради этих слов я рисковал жизнью, встречал лицом к лицу неизвестные опасности, и так же всегда буду поступать с удовольствием за эту награду. Да, всегда!

Следующая ночь упала на Барсум, когда я завершил операции над Дар Тарусом и Хован Дью. Заксу с Саг Ором и большую обезьяну я оставил валяться во сне, подобном смерти, под действием удивительной анестезии Рас Таваса. У меня не было намерения восстанавливать обезьяну, но в отношении других я был связан обещанием вернуть их в Фандал, хотя Дар Тарус,

блистающий ныне в собственном теле и пышных одеждах Саг Ора, убеждал меня не навязывать их снова исстрадавшимся фандалианам.

- Но я дал слово! - сказал я.

- Тогда они должны быть возвращены, - согласился он.

- Но кое-что я могу сделать впоследствии, - сказал я, потому что в голову мне пришел смелый план. Я не раскрыл его Дар Тарусу, да и не имел на это времени, потому что в тот же момент услышал, что кто-то снаружи пробует дверь, затем прозвучали голоса и вскоре дверь толкнули снова, на этот раз с силой. Мы не шумели, только ждали. Я надеялся, что кто бы это ни был, он должен уйти. Дверь была очень крепкая, и попытавшись выломать ее, они скоро осознали бы тщетность попытки. И это было так, потому что через короткий промежуток голоса стихли. Казалось, они ушли.

- Мы должны уйти, - сказал я, - до того, как они вернутся.

Стянув руки Закры и Саг Ора за спиной и заткнув им рты кляпами, я быстро возвратил им жизнь, но никогда не видел я меньшей благодарности.. Взгляды, которые они бросали на меня, вполне могли убить, если бы можно было убить взглядом, и отвращение, с которым они смотрели друг на друга, было явственно написано в их глазах.

Тихо отперев дверь, я приоткрыл ее, обнаженный меч прирос к руке, Дар Тарус и остальные приготовили свои и, когда створки двери приоткрылись, за ними обнаружились двое слуг Рас Тавасса, Ямдор и его телохранитель. Узрев нас, субъект издал громкий вопль - сигнал об обнаружении и, прежде чем я в прыжке смог предотвратить это, оба повернулись и вылетели из коридора с такой быстротой, с какой были способны нести их ноги.

Теперь ни капли времени не должно было быть потеряно - скорость решает все. Не думая об осторожности или бесшумности, мы поспешили через подвалы к пандусу в башню; и когда мы вступили во двор, опять была ночь, но на небе висела дальняя луна и облаков не было. Часовой дал сигнал тревоги, после чего побежал нам наперерез.

Что делел часовой во дворе Рас Таваса? Неясно! А эти откуда? - дюжина вооруженных воинов спешила через двор по пятам за часовым.

- Тунолианцы! - закричал Гор Хаджус. - Воины Бобис Кана, джеддака Тунола!

Задыхаясь, мы мчались к воротам. Лишь бы достичь их первыми. Но нас ставили в невыгодное положение наши пленники, которые упирались, так как поняли, что могут навредить нам, и

так получилось, что все мы встретились лицом к лицу в воротах. Я, Дар Тарус, Гор Хаджус и Хован Дью закрыли собой Валлу Дайю и пленников и приняли бой с двадцатью воинами Тунола, то есть в пропорции один к пяти, но мы вложили больше души в борьбу, и это, возможно, дало нам преимущество, хотя я уверен, что Гор Хаджус один стоил десяти человек, так страшно было действие одного его имени на людей Тунола.

- Гор Хаджус! - воскликнул первый, узнавший его.

- Да, я Гор Хаджус, - отвечал убийца. - Приготовься к встрече с предками! - и он завращал мечом среди них как пропеллером на полных оборотах. Я сражался справа от него, Хован Дью - слева.

Это была прекрасная схватка, но она в конце концов плохо кончилась бы для нас - так велико было их численное преимущество - не вспомни я об обезьянах за воротами. Проложив путь к ним, я распахнул их настежь, а снаружи уже стояла наготове дюжина этих тварей. Я призвал Гор Хаджуса и остальных за ворота и, когда обезьяны бросились внутрь, указал им на тунолианских воинов.

Думаю, обезьяны были в затруднении - как узнать, где друзья, где враги, но тунолиане сами информировали их об этом, атаковав, когда мы стояли в стороне, воткнув острия мечей в землю. Но только момент стояли мы так без дела. Затем, когда все обезьяны бросились на воинов, в темноту джунглей, мы принялись искать флайер. А позади нас слышался рев и рычание животных, смешанные с криками и руганью людей; и звуки еще доносились со двора, а мы уже вскарабкались на борт флайера и скрылись в ночи.

Поняв, что мы благополучно сбежали с острова Рас Таваса, я вынул кляпы изо ртов Заксы и Саг Ора и, могу сказать вам, немедленно раскаялся в этом, потому что никогда в своей жизни не подвергался такой ужасной ругани, какая лилась из морщинистых губ старой джеддары, и лишь когда я снова начал втыкать кляп ей в рот, она обещала помолчать.

Планы мои были продуманы хорошо, и включали возвращение в Фандал, так как я не мог отправиться в Дахор с Валлой Дайей без провизии и топлива, и не мог я это получить нигде, кроме как в Фандале, поскольку чувствовал, что имею ключ, который должен отворить мне ресурсы города, тогда как весь Тунол был поставлен под ружье против нас из-за страха Бобис Кана перед Гор Хаджусом.

Итак, мы возвратились в Фандал по старому пути настолько скрытно, насколько могли - я не хотел, чтобы нас схватили до того, как мы доберемся до дворца Заксы.

Днем мы снова отдохнули на том же острове, который был нашим убежищем два дня назад, и в темноте, на полном издыхании двигателей, вылетели в Фандал. Если и была погоня, то мы ее не видели, и это вполне объяснялось огромным пространством необитаемых топей, над которыми лежал наш путь, да и курс наш был сильно отклонен к югу, и высота полета минимальной.

При приближении к Фандалу я снова заткнул кляпами рты Заксы и Саг Ору и помимо этого еще забинтовал им головы, чтобы их никто не мог опознать. Затем на всех парусах мы понеслись ко дворцу, надеясь, что нас не обнаружат, но тем не менее были готовы ко всему.

И все же мы добрались до ангаров на крыше, по-видимому, незамеченными. Во время всего пути я репетировал с каждым роли, которые нужно разыграть. После посадки Хован Дью, Дар Тарус и Валла Дайя связали меня и Гор Хаджуса и укутали нам головы бинтами, так как внизу мы заметили фигуры сторожей. Найди мы крышу неохраняемой, в этом не было бы нужды.

Когда мы приблизились, один из охраны окликнул:

- Что за корабль?

- Королевский флайер Фандала - возвращается с Заксой и Саг Ором, - ответил Дар Тарус.

Воины пошептались между собой и, когда мы снизились, признаться с чувством опасения за исход дела, они позволили нам приземлиться безо всяких слов, и, увидев Заксу, отсалютовали нам на барсумский манер. А она, с царственной осанкой императрицы, спустилась с палубы флайера.

- Доставьте пленников в мои аппартаменты! - скомандовала она, и с помощью Хован Дью и Дар Таруса четверка связанных и закутанных фигур была уведена от флайера вниз по спиральному коридору в комнаты джеддары Фандала. Послушные рабы поспешили исполнить приказание джеддары. Должно быть, весть о возвращении джеддары промчалась со скоростью света по всему дворцу, потому что немедленно стали прибывать придворные и докладывать о себе, но Валла Дайя объявила им, что никого не хочет видеть. Затем она отпустила рабов и, по моему предложению, Дар Тарус обследовал покои Заксы с целью найти безопасное место для меня, Гор Хаджуса и пленников, и скоро нашел его в небольшой прихожей в стороне от главной комнаты королевской свиты. С меня и убийцы были сняты веревки, и мы вместе внесли Заксу с Саг Ором в комнату.

Вход был оборудован тяжелой дверью с портьерой, полностью прикрывавшей ее. Я приказал Хован Дью, который, как и остальные, был облачен в фандалианские доспехи, встать на страже перед портьерами и не допускать никого, кроме членов нашей компании. Мы с Гор Хаджусом заняли места за портьерами, в которых проковыряли маленькие дырочки, позволявшие нам видеть всех, проходящих в малый, точнее - Главный зал - я был очень озабочен безопасностью Валлы Дайи, когда она играла роль Заксы, которую, как я знал, ненавидели и в то же время боялись ее люди, и, следовательно, на нее всегда могло быть совершено покушение.

Валла Дайя потребовала рабов и приказала впустить должностных лиц двора, и в распахнутые двери вошло дессятка два пэров. Казалось, что им было не по себе, и я мог предположить, что они вспомнили эпизоды событий, происшедших в храме, когда они оставили свою джеддару и даже грубо швырнули ее к ногам Великого Тура, но Валла Дайя скоро развеяла их неловкость.

- Я вызвала вас, - сказала она, - чтобы сообщить вам волю великого Тура. Тур снова вещает своему народу. Три дня и три ночи провела я с Туром. Он приказал мне созвать великих пэров после вечерней трапезы в храм, а также всех жрецов, всех начальников и дваров армии, всех более или менее знатных пэров, которые найдутся во дворце. И тогда люди услышат слово и закон Тура. Кто повинуется - будет жить, кто не подчинится - умрет. Горе тому, кто не придет в храм этой ночью. Я, Закса, джеддара Фандала, все сказала! А сейчас вон!

Они ушли и были, по-видимому, счастливы, что уходят. Затем Валла Дайя вызвала двара охраны, что по земному соответствует генералу, и повелела ему очистить дворец от всех живущих от храмового этажа до крыши за час до вечерней трапезы и не позволять кому-либо входить в храм и выше расположенные этажи, пока не будет назначен час для сбора в храме, когда Тур скажет свое слово. Исключением являются лишь пленники в ее собственных апартаментах. Пусть туда никто не входит под страхом смерти. Она объяснила это все ясно и просто, и двар понял. Думаю, что он немножко боялся и дрожал, потому что все были в страхе перед джеддарой Заксой. Затем он ушел, рабы были отпущены, и мы остались одни.

XIV. ДЖОН КАРТЕР

За полчаса до вечерней трапезы мы поместили Заксу и Саг Ора на верхней платформе у глаз идола и там же сами заняли места. Валла Дайя, Хован Дью и Дар Тарус остались в королевских покоях. Между дверью и спиной Великого Тура не оказалось никого, а на крыше находился подготовленный флайер - на случай какой-либо неудачи.

Томительно тянулись минуты до наступления темноты. Приближалось решающее время. Мы услышали, как двери храма отворились, и за ними возник большой коридор, ярко освещенный. Он был пуст - лишь два жреца, колеблясь, стояли в проходе. Наконец один из них нашел в себе достаточно мужества войти в храм и зажечь свет. После этого они двинулись более храбро и распростерлись перед алтарем Великого Тура. Когда они поднялись и посмотрели в лицо идола, я не мог противиться искушению повернуть его огромные глаза. Они обежали весь интерьер храма и остановились на жрецах, но я не сказал ни слова, и думаю, что эффект величественного молчания бога был более выразителен, чем любые его слова.Оба жреца просто рухнули на пол и лежали там, дрожа, стеная, умоляя Великого Тура о сострадании к ним, и они не поднялись, пока в храме не появились первые верующие.

С этого момента храм стал наполняться быстро. Слова Тура вполне своевременно и полно были доведены до всеобщего сведения. Они собрались как и раньше, но на этот раз их было больше, и они выстраивались с обеих сторон центрального прохода и там ждали, причем их глаза бегали от двери зала до статуи бога.

Когда по моему предположению должен был начаться следующий акт, я заставил взор Тура пропутешествовать по собравшейся толпе, чтобы настроить их в соответствии с тем, что должно было произойти. Все реагировали точно так же, как и жрецы - упали на пол, стеная и молясь, и они оставались там, пока звуки горнов не возвестили о прибытии джеддары и великой жрицы. Только тогда они поднялись на ноги. Огромные двери повернулись, и опять был ковер, и рабы при нем, и расстилали они его к алтарю, и горны звучали все громче, и голова королевской процессии вошла в храм. Я запланировал сделать все именно так, чтобы обеспечить большее впечатление на публику. По моему плану намечалось, чтобы публика видела королевский кортеж, в растянувшейся голове прошли два ряда пэров,

за ними запряженная двумя бенсами колесница, на ней кресло-носилки, на косилках, чуть откинувшись назад, восседела Валла Дайя. За ней шел Дар Тарус, но в зале все думали, что видят джеддару Заксу со своим фаворитом Саг Ором. За фаворитом следовал Хован Дью, а за ним пятьдесят юношей и пятьдесят девушек.

Колесница остановилась перед алтарем. Валла Дайя спустилась и встала на колени. Голоса, нараспев восхвалявшие, восхвалявшие Заксу,притихли, когда прекрасное создание простерло руки к Великому Туру и подняло лицо к его лицу.

- Мы готовы, господин! - закричала она.- Говори, мы ждем слова Тура!

Коленопреклонный зал задержал дыхание, и эта тишина разорвалась рыданиями. Я почувствовал, что все достаточно подготовлены, и следовало начать без задержки. Я поднес к губам переговорную трубу.

- Я есть Тур! - гремел я и люди дрожали. - Я пришел вершить суд над народом Фандала! Примите мой наказ - будете процветать. Нет - умрете!

Грехи народа могут быть искуплены двумя наиболее грешными в моих глазах, - я заставил глаза Тура поблуждать по публике, - а затем резко остановил их на Валле Дайе. - Заксa! Готова ли ты искупить свои грехи и грехи своего народа?

Валла Дайя кивнула своей прекрасной головкой.

- Твое желание закон для меня, господин! - ответила она.

Покрутив глазами по толпе, я остановил их на Саг Оре.

- Саг Ор! - продолжал я. - Ты грешен! Ты готов платить?

- Как потребует Тур! - сказал Дар Тарус.

- Мое желание таково! - прогремел я. - Закса и Саг Ор возвратят тела тем, у кого они их украли, прекрасные тела, которыми они сейчас обладают, и тот, у кого Саг Ор взял тело, станет джеддаком и высшим жрецом, а та, у которой Закса украла тело, вернется с почестями в родную страну. Я так сказал! И пусть тот, кто возражает, скажет теперь, или навсегда замолчит!

Протестующих голосов не было, и я чувствовал изрядную уверенность, что их и не могло быть. Сомневаюсь, смотрел ли когда-нибудь какой-либо бог на такое покорное стадо ...

Когда я сказал, Гор Хаджус опустился на колени и снял веревки с ног Заксы и Саг Ора.

- Погасите свет! - скомандовал я.

Жрец, дрожа, подчинился.

Валла Дайя и Дар Тарус стояли рядом с алтарем и, когда свет погас, они должны были действовать быстро. Вместе с Гор Хаджусом они закончили намеченную операцию, и когда я услышал тихий свист из полости у основания идола - заранее обусловленный сигнал, которым Гор Хаджус извещал об окончании своей работы, я приказал зажечь свет. Закса с Саг Ором стояли там, где только что находились Балла Дайя и Дар Тарус, а последних нигде не было. Думаю, драматический эффект этой операции был наиболее изумительным из тех, которые я когда-либо видел. На Заксе и Саг Оре не было ни веревок, ни кляпов во рту, ничего, что показывало бы, что они доставлены сюда силой - и рядом не было никого, кто мог бы привести их сюда. Иллюзия была совершенной - жест всемогущества, который просто потрясает разум. Но я еще не кончил.

- Вы слышали, что Закса отказывается от трона, - сказал я, - Саг Ор подчиняется суду Тура?

- Я не отказываюсь от трона! - заорала Закса. - Это все ...

- Молчи! - гремел я. - Готовьтесь приветствовать нового джеддака, Дар Таруса из Фандала! - я повернул глаза Тура к огромным дверям, и взоры всех собравшихся последовали за глазами Тура. Дверь распахнулась, и за ней возник Дар Тарус, блистающий в одеждах Хор Сана, давно мертвого джеддака и жреца, чьи кости мы ограбили у лестницы часом раньше. Дар Тарус должен был справиться с перевоплощением быстрее, чем действовал я, но он сделал это, и эффект был колоссален. Дар Тарус выглядел джеддаком с ног до головы, когда шел с молчаливым достоинством по широкому коридору, ступая по сине-белому ковру. Закса стала багровой от злобы.

- Самозванец! - взвизгнула она. - Схватите его! - и она побежала, чтобы встретить его, как будто хотела убить его собственными руками.

- Уберите ее, - сказал Дар Тарус спокойным голосом, а Закса к тому же упала в мыле на пол. Она визжала и задыхалась, а потом затихла - старая женщина, потерявшая жизнь от апоплексического удара. И когда Саг Ор увидел ее лежащей, он, должно быть, первым осознал, что она мертва и что теперь нет защиты, нет никого, кто защитил бы его от ненависти, которую всегда питали к фавориту правительницы. Он дико огляделся вокруг и упал у ног Дар Таруса.

- Ты обещал защитить меня! - дико закричал он.

- Никто не причинит тебе вреда, - ответил Дар Тарус. - Иди своим путем и живи мирно. - Затем он повернулся к Великому Туру. - Какова твоя воля, господин? - крикнул он. - Дар Тарус, твой слуга, ждет повелений!

Я многозначительно помолчал перед ответом.

- Пусть жрецы Тура, низшие пэры и воины Гвардии Джеддака пойдут в город и разнесут весть о слове Тура среди народа. Пусть народ знает, что Тур снова улыбается Фандалу и что они имеют нового джеддака, который у Тура в большой чести. Пусть высшие пэры посетят комнаты, ранее принадлежавшие Заксе, и отдадут честь Валле Дайе, в чьем совершенном теле джеддара некогда управляла вами, и сделайте необходимые приготовления для ее надлежащего возвращения в Дахор, родной ее город. Пусть они также найдут двоих, кто так хорошо послужил Туру - Гора Хаджуса из Тунола и Вад Варо с Джасума - чтобы им было обеспечено гостеприимство и дружба каждого фандалианина. Идите! И когда последний уйдет из храма, пусть будет мрак! Я, Тур, все сказал!

Валла Дайя направилась прямо в комнаты бывшей джеддары и, когда погас свет, мы с Гор Хаджусом присоединились к ней. Она не могла дождаться, чтобы узнать о результате нашей маленькой хитрости, и я уверил ее, что все прошло без осложнений, и слезы счастья потекли по ее щекам.

- Ты сделал невозможное, мой вождь, - прошептала она. - Я уже вижу холмы Дахора и башни моего родного города. О, Вад Варо, я и не мечтала, что жизнь может наполниться такими счастливыми надеждами. Я обязана тебе жизнью, нет, более чем жизнью!

Нас прервал приход Дар Таруса, с которым были Хован Дью и большое количество высшей знати. Последние приняли нас с приязнью, хотя, думаю, были озадачены, и не без основания, как это мы оказались связаны с услугами их богу, но я думаю, что кто-нибудь когда-нибудь об этом узнает. Они искренне наслаждались избавлением от Заксы, но в то же время не могли понять целей Тура, который возвысил бывшего воина, и тем не менее надеялись, что это освобождение от гнева бога - теперь очень страшного и реального - после всех чудес в храме, бога. То, что Дар Тарус был из знатной семьи, уменьшало их замешательство, и я был уверен, что они относились к нему с большим уважением. И они будут также относиться к нему, потому, что из-за него в первый раз за сотни лет в Королевском храме прозвучал голос бога, Великого Тура, и потому, что Хован Дью, как и Гор Хаджус, согласились служить Дар Тарусу, так что нет нужды в языке, с

помощью которого Тур будет разговаривать. Я предвидел огромные возможности для царствования Дар Таруса, джеддака Фандала!

На встрече, проведенной в покоях Заксы, решено было, что Валла Дайя отдохнет два дня в Фандале, пока будет готовиться малый флот, чтобы отвезти ее в Дакор. Дар Тарус предоставил комнату в пользование Валле Дайе и дал ей рабов из различных городов, чтобы они заботились о ней, причем все они должны были направиться вместе с нею в ее родную страну.

Уже почти на рассвете мы разыскали спальные шелка и меха. Солнце поднялось высоко в момент нашего пробуждения. Мы позавтракали с Валлой Дайей. У ее дверей мы раскинули свои постели, чтобы не оставлять ее незащищенной до того момента, когда отпадет в этом необходимость. Перед концом завтрака пришел вестник от Дар Таруса, вызывавшего нас в свою приемную, где мы нашли нескольких высших офицеров двора, собравшихся вокруг трона, на котором восседал Дар Тарус - да, он выглядел настоящим императором! Он доброжелательно приветствовал нас и спустился с возвышения, чтобы проводить Валлу Дайю к одной из скамеек.

- Здесь есть кое-кто, - сказал он мне, - кто прибыл в Фандал накануне вечером и теперь просит аудиенции у джеддака - это тот, кого, я думаю, что с удовольствием встретишь снова, - и он дал слуге сигнал впустить посетителя. В открытых дверях на том конце зала я увидел Рас Таваса. Он не узнал ни меня, ни Гор Хаджуса, ни Валлу Дайю, пока не подошел к самому подножию трона, а когда узнал, то выражение озабоченности появилось на его лице.

- Рас Тавас, Башня Таваса, Тунол, - громко объявил офицер.

- Я пришел искать аудиенции у Заксы, - ответил Рас Тавас, - не знал о ее смерти и твоем вступлении на трон; но я вижу Саг Ора на троне Заксы, а рядом с ним ту, кем, я думаю, была Закса, хотя мне сказали, что она мертва, и того, кто был моим ассистентом в Тавасе, и того, кто зовется убийцей из Тунола, и я в недоумении, и я не знаю, среди друзей я или среди врагов.

- Говори так, как если бы Закса еще на троне Фандала, - сказал Дар Тарус, - так как хотя я Дар Тарус, с которым ты несправедливо обошелся, я не Саг Ор, тем не менее ты не должен ничего бояться при дворе Фандала.

- Тогда позволь сказать тебе, что Бобис Кан, джеддак Тунола, зная, что Гор Хаджус сбежал от меня, уверен, что это я отпустил его, чтобы убить джеддака, и послал воинов, которые заняли мой остров и заточили бы меня в тюрьму, не будь я

вовремя предупрежден. Я пришел сюда умолять Заксу послать воинов Фандала, которые вышвырнут тунолианцев с моего острова и вернут его мне, чтобы я мог продолжить свой труд.

Дар Тарус повернулся ко мне.

- Вад Варо, из всех людей ты наиболее близок к работам Рас Тавака. Желаешь ли ты снова видеть его на своем острове, в лаборатории?

- Только при условии что он посвятит свой огромный талант уменьшению человеческих болезней и страданий, - сказал я, - и не будет использовать его в грязных целях алчности и греха.

Это привело к дискуссии, длившейся часы, и результаты ее были очень важны. Рас Тавас согласился со всем, что я требовал, и Дар Тарус назначил Гор Хаджуса главой армии против Тунола.

Но эта история, хотя и очень интересная для тех, кого она непосредственно касается, не имеет никакого отношения к рассказу о моих приключениях на Барсуме так как я не принимал в ней участия, поскольку на следующий день погрузился с Валлой Дайей на флайер, и эскортируемый фандалианским флотом, вылетел в Дахор. Дар Тарус сопровождал нас на небольшое расстояние. Когда флот остановился на берегу Великих топей, он попрощался с нами и только хотел ступить на палубу своего корабля, когда раздался крик с одного из кораблей и пришло известие, что наблюдатель увидел вдалеке огромный флот, летящий с юго-запада. Очень скоро он стал виден нам весь, а также стало очевидно, что направляется он в Фандал.

Дар Тарус сказал, что как ни сожалеет он об этом, но ему ничего не остается как вернуться в столицу со своим флотом, так что он не может выделить ни одного корабля, и ни одного человека, если это окажется неприятельский флот. Мы с Валлой Дайей не могли ничего возразить, итак, мы повернули кругом и помчались так быстро, насколько это возможно, к городу.

С чужого флота нас заметили примерно в то же время, что и мы их, и курс чужого флота изменился по направлению к нам. Когда они подошли ближе, они перестроились в один ряд и приготовились окружить нас. Я стоял рядом с Дар Тарусом, когда цвета приближающегося флота стали различимы - цвета Гелиума!

- Просигнальте и спросите, с миром ли они идут, - приказал Дар Тарус.

- Мы хотим переговорить с Заксой, джеддарой Фандала, - пришел ответ, - Вопрос о войне или мире зависит от ее решения.

- Скажите им, что Закса мертва и что я, Дар Тарус, джеддак Фандала, желаю принять командующего флотом Гелиума с миром на палубе моего корабля, иначе я приму его с войной. Я, Дар Тарус, сказал!

На носу огромного гелиумского корабля поднялся флаг перемирия, и когда корабль Дар Таруса ответил тем же, тот подплыл поближе, и вскоре мы увидели людей на палубе. Огромный флайер подходил к нашему маленькому кораблю, и когда он пришвартовался к нам, на борт вступила группа офицеров. Это были прекрасные люди, среди них был один, которого я узнал сразу, хотя до этого никогда не видел. Думаю, это была наиболее выразительная фигура, когда-либо виденная мною, и он не спеша приближался - Джон Картер, принц Гелиума, Военный Владыка, Барсума!

- Дар Тарус, - сказал он, - Джон Картер приветствует тебя и в мире с тобой, хотя, полагаю, было бы по-другому, если бы Закса еще царствовала.

- Ты шел войной на Заксу? - спросил Дар Тарус.

- Мы пришли исправить несправедливость,-ответил Военный Владыка. - Но, насколько я знаю, Заксу можно было заставить сделать это только силой.

- Какую несправедливость допустил Фандал к Гелиуму? - спросил Дар Тарус.

- Несправедливость против одного из ваших людей - даже против тебя лично.

- Не понимаю, - удивился Дар Тарус.

- У меня на борту находится особа, которая сможет объяснить тебе лично, - ответил Джон Картер с улыбкой. Он повернулся и сказал что-то одному из своих помощников, тот отсалютовал и вернулся на палубу своего корабля. - А ты в самом деле Дар Тарус, бывший воин Гвардии Джеддары Заксы, предположительно убитый по ее приказанию?

- Да, - ответил Дар Тарус.

- Я должен быть уверен! - сказал Владыка Барсума.

- В этом не может быть никакого сомнения,Джон Картер, - сказал я по-английски.

Его взгляд упал на меня и глаза широко открылись. Он сразу заметил мою более светлую кожу, с которой стерлась краска, и шагнул вперед с протянутыми руками.

- Соотечественник? - спросил он.

- Да, американец, - ответил я.

- Я почти поражен, - сказал он. - И, тем не менее, отчего? Я попал сюда, и нет причин, почему другой не может. И это совершил ты! Ты должен поехать ко мне в Гелиум и рассказать все как можно подробнее!

Дальнейший разговор был прерван помощником, который привел с собой молодую женщину. При взгляде на нее Дар Тарус издал крик счастья и бросился к ней, и не нужно было, конечно, говорить, что это была Кара Ваза.

Мало что можно сказать более сказанного. Сам Джон Картер взял меня с Валлой в Дахор после того, как позаботился о свадьбе Дар Таруса с Карой Вазой. Можно говорить о большом сюрпризе, который ожидал меня в Дахоре, где я впервые узнал, что Кор Сан, джеддак Дахора, был отцом Валлы Дайи, и о почете и богатствах, которыми он меня осыпал, когда мы с Валлой Дайей вступили в брак.

Джон Картер присутствовал на свадьбе, и мы ввели на Барсуме старый золотой обычай, потому что Военный Владыка действовал как шафер, а затем он настоял, чтобы мы последовали за ним до истечения медового месяца, и доставил нас в Гелиум, где я пишу это.

Даже теперь кажется сном, что я могу, глядя в окно, видеть газоны и желтую и красную башни городов-близнецов Гелиума, что я встретил и вижу ежедневно Карториса, Тувию из Птарса, Тару из Гелиума, Гохана из Гатола, принцессу Марса Дею Торис, хотя для меня, как бы она ни была прекрасна, есть другая, даже более прекрасная - Валла Дайя, принцесса Дахора - миссис Улисс Пакстон.

СЛОВАРЬ НЕКОТОРЫХ ИМЕН И ТЕРМИНОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В КНИГАХ МАРСИАНСКОЙ СЕРИИ

Аантор - мертвый город древнего Марса.

Апт - арктическое чудовище Марса. Огромное, с белым мехом животное, с шестью конечностями, четыре из которых, короткие и тяжелые, переносят его по снегу и льду, две другие, которые растут впереди из плеч по обе стороны длинной и мощной шеи, заканчивающиеся белыми безволосыми руками, служат для захвата и удерживания жертвы. Его голова и пасть похожи на голову и пасть гиппопотама, но у апта по обеим сторонам нижней челюсти имеются два мощных клыка, загнутых немного вниз и вперед. Два его огромных глаза, похожие на два больших блюдца, расположены на двух высоких наростах на черепе животного. Каждый глаз апта состоит из тысячи оцеолусов. У каждого оцеолуса есть свой собственный колпачок, и зверь, когда хочет, может закрывать по выбору любую часть своего огромного глаза. (см. "Владыка Марса").

Асток - принц Дузара.

Барсум - Марс.

Бенс - лев Марса. Свирепое животное, которое бродит по низким холмам, окружающим древние моря мертвого Марса. Он почти не покрыт волосами, за исключением большой жесткой гривы вокруг толстой шеи. Его длинное, гибкое тело поддерживается десятью мощными ногами, в огромных челюстях расположены в несколько рядов длинные и острые, как иглы, клыки, а его пасть достигает точки, расположенной за крошечными ушами. У него зеленые, большие, выступающие вперед выпуклые глаза. (см. "Боги Марса").

Ворота Джеддаков - ворота в Гелиум.

Вас Кор - придворный Дузара.

Вархуны - племя зеленых людей, врагов тарка.

Вула - барсумский калот, друг Джона Картера.

Гелиум - владения деда Деи Торис.

Гозана - умершая жена Тарс Таркаса.

Гортан Гур - джеддак Торказа.

Гус Тус - двар 20-го этапа.

Дак Кова - джед у вархунов, позже джеддак.

Дарсин - подобное хамелеону пресмыкающееся.

Двар - капитан.

Дея Торис - принцесса Гелиума.

Десятый цикл - сфера или плоскость святости у святых жрецов.

Джеддак - король.

Датор Соят - марсианское имя Джона Картера, происходит от имени первых двух знатных воинов, убитых им.

Дузар - марсианская империя.

Иав - знатный житель Лотара.

Иллиад - город Окара.

Исс - река смерти см. ("Принцесса Марса").

Исса - богиня смерти.

Картер Джон - военачальник Марса.

Карторис - сын Джона Картера и Дея Торис.

Калот - марсианская собака, размером с шотландского пони, имеет десять коротких ног. Голова напоминает несколько голову лягушки, и челюсти имеют три ряда клыков.

Кар Комак - двар стрелков Лотара.

Кантос Кан - падвар во флоте Гелиума.

Каол - марсианская империя в восточном полушарии.

Клор! - приветствие.

Карад - марсианский градус.

Камал - бог Лотара, огромный бенс.

Корад - мертвый город Марса (см. "Принцесса Марса").

Корус - мертвое море долины Дор.

Кулан Тит - джеддак Каола.

Лакор - жрец.

Ларок - воин Дузара.

Лотар - забытый город.

Матаи Шанг - отец жрецов (см. "Боги Марса").

Морс Каяк - джед Малого Гелиума.

Неф Надежды - боковой неф, ведущий в комнату для суда в Гелиуме.

Вотан - королевский психолог в Зоданге.

Вутус - джеддак Дузара.

Од - марсианский фут.

Одвар - командир или генерал.

Окар - земля желтых людей.

Омад - человек с одним именем.

Омин- подземное море.

Орлук - арктическое животное с мехом в черную и желтую полоску.

Оц - горы, окружавшие долину Дор и море забвения Корус.

Отец жрецов - высший служитель религиозного культа.

Падвар - лейтенант.

Пантан - "солдат фортуны".

Партак - житель Зоданги, приносивший еду Джону Картеру в тюрьме Зат Арраса (см. "Боги Марса").

Перворожденный - черная раса, пираты.

Проспект предков - улица в Гелиуме.

Птарс - марсианская империя.

Пьедестал Правды - в королевском дворце Гелиума.

Растительные люди Марса - раса, населяющая Долину Гор. Ростом в десять или четырнадцать футов, когда стоят прямо; руки у них очень короткие, делающие их похожими на слонов, и в то же время гибкие; тело у них покрыто волосами, отвратительного голубого цвета, за исключением широкой белой полосы вокруг единственного выпуклого глаза. Зрачок, оболочка и глазное яблоко имеют мертвенно-бледный цвет. В центре плоского лица расположена неровная, словно воспаленная, круглой формы дыра, служащая носом, похожая на свежую пулевую рану, которая еще не начала кровоточить. На голове отсутствует рот. За исключением лица, голова покрыта массой черных, как смоль, волос длиной 6-10 дюймов. Каждый волос толщиной с большого дождевого червя. Тело и ноги человеческой формы, но чудовищных размеров, ступни полные три фута длиной, очень плоские и широкие. Своими страшными руками они захватывают дерн, подрезая подобными бритве ногтями растительность и засасывая ее двумя ртами, которые находятся на ладонях каждой из двух рук. У них есть хвост около шести футов длиной, круглый в том месте, где присоединяется к туловищу, но превращается в плоское лезвие у конца, который волочится под прямым углом к земле (см. "Боги Марса").

Саб Тзен - принц Зоданги (см. "Принцесса Марса").

Сах - прыжок.

Салензай Олл - джеддак Охара.

Салан Тал - повар дома Карториса.

Сатор Трог - жрец десятого цикла.

Силиан - скользкое пресмыкающееся, населяющее море Корус.

Сит - похожее на шершня животное, с мордой не покрытой растительностью и размером с буйвола. У него наводящие ужас челюсти спереди и сильное отравляющее жало сзади. Глаза со множеством граней занимают 3/4 поверхности головы, давая возможность животному видеть во всех направлениях одновременно (см. "Владыка Марса").

Скилл - твердое дерево Марса.

Сола - молодая зеленая девушка Марса.

Солан - служащий во дворце Окара.

Сорак - любимое домашнее животное марсианских женщин, размером с кошку.

Сорап - принц, верховный владыка флота Птарса.

Сорапус - твердое марсианское дерево.

Тал - марсианская секунда.

Тал Хаджус - джеддак Тарка.

Талу - мятежный джед Марентины.

Тан Гама - воин вархуна.

Тардос Морс - дед Деи Торис и джеддак Гелиума.

Такис - главный помощник Иссы.

Тзен Козис - джеддак Зоданги.

Тар Ван - джед у зеленых людей Торказа.

Тарк - город в империи зеленых людей.

Тот - зеленая марсианская лошадь. Высотой в десять футов в холке, с четырьмя парами ног, с широким плоским хвостом, большего размера у кончика, чем у основания, хвост он держит прямо во время бега, рот разделяет голову от носа до длинной массивной шеи. На ней совершенно нет растительности. Кожа серо-голубая, чрезвычайно гладкая и блестящая, у него белое брюхо и ноги окрашены от серо-голубого цвета снизу до ярко-желтого снизу. Не имеет копыт.

Ториан - вождь, глава мелких жрецов.

Трон Справедливости - находится во дворцовом зале Гелиума.

Трокус - самый могучий из пяти древних океанов.

Турис - зеленый народ, враги Торказа.

Турия - ближняя луна Марса.

Турид - черный датор.

Туван Дин - джеддак Каола.

Тувия - принцесса Птарса.

Торид - офицер караула.

Торкар Бар - придворный Каола, двар дороги.

Торказ - империя зеленых людей.

Турджун - имя Карториса во время его службы в роли пантана Вас Кора.

Цималия - великолепно растущее дерево.

Файдора - дочь Матаи Шанга.

Хаад - марсианская миля.

Хал Вас - сын Вас Кора, двара дороги.

Хастор - звание отца жрецов.

Холи Терис - марсианский религиозный культ.

Хор Вастус - падвар флота Гелиума, Гринвич Барсума.

Храм Возмездия - храм в Гелиуме.

Хат - марсианская минута.

Харвариан - военный корабль Гелиума.

Ходаг - датор перворожденных.

Черные пираты Барсума - люди шести и более футов ростом, с резко очерченными и приятными чертами лица, большие глаза их красиво посажены, небольшое сужение придает им хитрое выражение. Радужная оболочка глаз черная, в то же время как глазное яблоко белое и чистое. Кожа их похожа на черное полированное дерево (см. "Боги Марса").

Зоданга - марсианский город красных людей, воевавших с Гелиумом.

Цад - воин Тарка.

Зат Аррас - джед Зоданги.

Зитихад - имя датора в карауле Иссы.

Зитидар - рабочее животное Марса.

Цод - марсианский час.

Шадор - остров в Омине, используемый как тюрьма.

Эрзит - вид камня.

Содержание

Тувия - дева Марса 5

Марсианские шахматы 119

Великий ум Марса 307

Б Берроуз Э.: Марсианская серия; — С.-Пб.: ИКА «ТАЙМ-АУТ», 1992 — 440 с.

В книгу включены четвертый, пятый и шестой романы марсианской серии.

ISBN 5-85990-030-9 ББК 84.7 США

Редактор серии А. Литвинов
Редактор С. Кубанцов
Зав. макетным отделом А. Игнатенко
Художник С. До
Технические редакторы А. Игнатенко, А. Ульянов
Корректоры З. Скульская, В. Игнатенко, Л. Соколова

Сдано в набор 01.02.92. Подписано в печать 22.03.92. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская. Гарнитура «Таймс». Печать высокая. Усл. печ. л. 27,5. Уч.-изд. л. 28,6. Тираж 100 000 экз. Заказ № 1027.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии № 2 — головном предприятии Ордена Трудового Красного знамени ГПО «Техническая книга» Мининформпечати РФ. 198052, г. Санкт-Петербург, Измайловский проспект, 29

Издательско-коммерческое агенство

"ТАЙМ-АУТ"

Предлагает взаимовыгодное сотрудничество в издании и распространении литературы, пользующейся большим спросом.

Мы предлагаем богатый выбор авторов, писавших в различных жанрах - от детектива до серьезных романов для семейного чтения.

Мы готовы заключить с Вами выгодные договоры на совместное издание или распространение книг таких авторов, как: Саймак, Уиндем, Хаггард, Берроуз, Волков, Чейз, Роббинс, Сабатини, Сьюзан, Андерсон, Спилейн, Нортон и многих других.

Романы всех перечисленных авторов готовятся в оригинальных переводах агентством **"ТАЙМ-АУТ"**.

Агентство **"ТАЙМ-АУТ"** располагает собственной телерадиостудией и имеет возможность произвести по желанию заказчика высококачественную видеосъемку представительского фильма, рекламного видеоклипа и т.д.

Адрес для писем:
199178, Санкт-Петербург, а/я 931

Корпорация

"НЕВА-СИТИ"

С-Пб. Корпорация "НЕВА-СИТИ" специализируется по строительной и реставрационной деятельности, осуществляя капитальный ремонт, реставрацию и строительство жилого фонда.

Еще одно немаловажное направление деятельности корпорации: научная деятельность, приборостроение и радиоэлектроника - в этих областях ведется разработка новых технологий.

Корпорация ведет подготовительную работу по строительству кирпичного завода и завода лимонной кислоты и многое другое.

Если ваши интересы совпадают с нашими возможностями - обращайтесь к нам.

Наш адрес:

Наш телефон: 542-89-43

ТОО <Магик-Пресс> представляет

МАГИЧЕСКИЙ КРИСТАЛЛ

альманах приключенческой литературы

<<Магический кристалл>> - это первое в стране частное периодическое издание, полностью посвященное приключенческой литературе во всех ее жанрах (романы путешествий, вестерны, авантюрно-исторические и <<пиратские>> романы, детективы и фантастика).

Альманах оформлен как книжное издание, формат 84/108$^{1}/_{32}$, объемом свыше 300 страниц, прекрасный дизайн, в тексте ок. 20 штриховых иллюстраций. Предварительная цена одного выпуска - 42 руб.

В шести выпусках 1992 года будут опубликованы романы и повести Г.Р.Хаггарда <<Братья>>, У.Эйнсворта <<Борьба за трон>>, Д.Мордовцева <<Авантюристы>>, Р.Бича <<Хищники>>, Г.Эмара <Закон Линча>>, Э.По <<Таинственные рассказы>> и др. Все это - классика приключенческого жанра.

Выходит в свет первый рекламно-представительский выпуск альманаха, содержащий романы Р.Хаггарда <<Сердце мира>> и П.Бенуа <<Атлантида>>.

<<Сердце мира>> Р.Хаггарда - это название таинственного города древних ацтеков, защищенного горами от завоевателей-конкистадоров и влияния европейской цивилизации, в которой в середине XIX века проникает англичанин в сопровождении своих друзей-индейцев.

<<Атлантида>> П.Бенуа представляет собой увлекательное повествование о приключениях двух французских офицеров колониальных войск в Северной Африке, открывших в пустыне оазис уцелевшей от гибели легендарной Атлантиды и ставших пленниками ее прекрасной и жестокой царицы.

По вопросам приобретения рекламно-представительского и последующих выпусков альманаха книготорговые организации и отделения общества книголюбов могут обращаться в ТОО <<Магик-Пресс>>. Писать следует на имя генерального директора по адресу:

199155 Санкт-Петербург
а/я 624
г. Заикину Сергею Павловичу

МАГИК-ПРЕСС

товарищество с ограниченной ответственностью

МАГИК-ПРЕСС предоставляет полный цикл редакционно-издательских услуг: перевод литературно-художественных текстов с любого европейского языка, редактирование, иллюстрирование, изготовление оригинал-макетов на лазерном принтере и/или пополосных диапозитивов на фотонаборном оборудовании, цветоделение, предоставление издательских прав.

Оригиналы изданий, подготовленные МАГИК-ПРЕСС, полностью готовы для полиграфического воспроизведения. В случае необходимости МАГИК-ПРЕСС может разместить заказ в типографии и предложит заказчику надежного партнера для реализации готовой продукции.

Кроме того, МАГИК-ПРЕСС предлагает готовые оригинал-макеты и/или диапозитивы самых популярных изданий приключенческого жанра: собрание сочинений в восьми томах Г.Р.Хаггарда, романы Г.Эмара, Л.Жаоклио, П.Бенуа, А.Дюма, Л.Буссенара, Понсона дю Террайля, Е.Салиаса, Г.Ферри, Э.По, Ф.Купера и мн. других.

Обращаться письменно, в свободной форме; письма следует направлять на имя генерального директора МАГИК-ПРЕСС по адресу:

199155 Санкт-Петербург-155

а/я 624

г. Заикину Сергею Павловичу

ПРЕДПРИЯТИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО СОЮЗА ХУДОЖНИКОВ

"АВЕС—2"

Осуществляет следующие виды работ:

1. Подготовка печатной продукции к полиграфическому исполнению.

2. Изготовление оригинал-макетов книг, брошюр, газет и др. продукции.

3. Размещение полиграфических заказов.

Телефоны: **176-51-71**
597-04-49

МАСТЕРА
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО
ЖАНРА